This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 620.5 (18[redacted]

VE RI TAS

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

050
Р 882 в.2
XIV № 26
VIII № 54.

ФЕВРАЛЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

050
Р888 вл.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2.

№ 3995

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.
1898.

PSlav 620.5 (1898/2) 1.15
46

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
3 MAY 1962

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 27 Февраля 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

1. **Свѣтлый лучъ.** Повѣсть. *И. Н. Потапенко.* Продолженіе . . . . . 5—56
2. **Современныя теоріи строенія живого вещества.** *И. К. Брусиловскаго.* Продолженіе . . . . . 57—83
3. **Въ лѣсной глуши.** Изъ воспоминаній сибиряка. *М. Рклицкаго.* . . . . . 84—95
4. **К. Д. Кавелинъ и его взгляды на русскую исторію.** *В. А. Мякотина* . . . . . 96—115
5. **Гераклъ.** Стихотвореніе *Ив. Бунина.* . . . . . 116—117
6. **Антисемитизмъ въ Германіи и предстоящіе выборы въ рейхстагъ.** *В. В. Водовозова* . . . . . 118—150
7. **Николай Николаевичъ.** (Изъ воспоминаній юности). *Е. Грековой* . . . . . 151—166
8. **Безработные на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ.** *С. Курнина* . . . . . 167—177
9. **На всю жизнь.** Романъ *Эд. Естонье.* I—V. Переводъ съ французскаго А. Анненской . . . . . 178—222
10. **Старая пѣсня.** (Ходатайства и требованія уральскихъ горнозаводчиковъ) *И. Сигова* . . . . . 1—28
11. **Вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ во Франціи.** *П. Б.* . 28—44
12. **Лондонскіе «лвіаѳаны»** (Письмо изъ Англіи). *Діонео.* . . . . . 44—69
13. **Новыя книги:**

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Г.Э. Лессинга. Переводъ Виктора Крылова.—Натанъ мудрецъ. Драматическая поэма Г. Э. Лессинга въ переводѣ В. С. Лихачева.—Константинъ Герра. Исторія одной любви.—Максимъ Леоновъ. Стихотворенія.—С. Р. Минцловъ. Стихотворенія.—Н. Алексѣевъ. Преступный путь.— Н. Алексѣевъ. Среди бѣдъ.—Ив. Иванова. Писемскій.—Русская поэзія.—А. Тиховъ. Очерки по греческой литературѣ.—Фридрихъ Іодль. Исторія этики въ новой философіи.—Ж. Ж. Руссо. Исповѣдь.—В. К. Надлеръ. Лек-

СТРАН.

ціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона.—Ѳ. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа.—Опроверженіе (Печатается на основаніи 139 ст. Устава о цензурѣ и печати).—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 68—106

14. **Политика.** Обзоръ 1897 года.—Международное положеніе.—Военныя и дипломатическія дѣйствія.—Главнѣйшія внутреннія событія европейскихъ націй.—Другія части свѣта. *С. Н. Южакова.* . . . . . 107—131

15. **Литература и жизнь.** Рождественская сказка г. Мамина.—Будущность цивилизаціи.—Вырожденіе и прогрессъ.—Дарвинизмъ и ницшіанство. *Н. К. Михайловскаго* . . . . . 132—162

16. **Хроника внутренней жизни.** I. Финансовые итоги прошлаго и виды на будущее. *Н. Ѳ. Анненскаго.* II. 1897 годъ въ характеристикѣ провинціальной печати.—Неурожай и общественное къ нему отношеніе.—Вопросъ о введеніи земства во внѣземскія губерніи. Судебная реформа въ Сибири. Кавказскіе разбои. Земства и администрація въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Результаты обновленія городскихъ думъ.—Чествованіе памяти Н. А. Некрасова въ провинціи. *М. А. Плотникова* . . . . . 162—212

17. **Родственные порядки въ земствахъ.** (Письмо изъ Курской губерніи). *Обывателя.* . . . . . 212—223

18. **Письмо въ редакцію.** (По поводу доклада г. Тугана-Барановскаго въ П. В. Э. Общество) *Н. А. Карышева* . . . . . 224—231

19. **Открытое письмо къ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ** *Б. Гминскаго.* . . . . . 232—233

20. **Объявленія.**

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** р., за границу **12** р.

Продолжается подписка на 1898 годъ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*ул. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается **разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой:** при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р., или при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **3** р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ за каждый мѣсяцъ по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку деньги только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Въ конторахъ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО» *(въ Петербургѣ и Москвѣ)* имѣются въ продажѣ:

Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
— Гимназисты 2-е изд. } Печат.
— Студенты. }
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р.
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Ц. 1 р. 50 к.
Н. К. Михайловскій. *шесть томовъ сочиненій* Ц. по 2 р. за томъ.
Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р.
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды Т. I. Ц. 1 р. 50 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1. р. 50 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.
— Вопросы просвѣщенія. Ц. 1 р. 50 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. 2-е изданіе. Ц. 1 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
П. Я. Стихотворенія. Ц. 1 р.
Н. Сѣверовъ. Разсказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к.
Ю. Безродная. Офорты. Ц. 1 р. 50 к.
А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к.
А. Осиповичъ. (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Ц. 1 р. 50 к.
Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р.
С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 к.
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Ц. 3 р.
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ. Зап. Европы. Ц. 2 р.
В. В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Ц. 2 р.
— Письма о научной философіи Ц. 1 р. 25 к.
— Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к.
— Что такое научная философія? Ц. 2 р.
Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р.
С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р.
Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р.
— (на веленевой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к.
А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к.
I. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (*вмѣсто* 3 р.) 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
Е. П. Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Цѣна (*вмѣсто* 2 р. 50 к). съ перес. 1 р. 50 к.
Б. Ф. Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Ц. 60 к.
Поль-Луи-Курье. Сочиненія. Ц. 2 руб.
Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I. т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р.
В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.
Э. Тэйлоръ. Первобытная культура. Въ двухъ томахъ. Ц. 4 р.
С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к.
— (На веленевой бумагѣ). Ц. 5 р.
Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к.
— (Въ переплетѣ). Ц. 1. р. 75 к.

Полные экземпляры журнала **«Русское Богатство»** за 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 г. Цѣна за годъ **8** р.

Пересылка книгъ за счетъ заказчика наложеннымъ платежомъ.
Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна **2** р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Днѣвникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
Его же. Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
Его же. Гимназисты. Изъ семейной хроники. Изд. второе. } печат.
Его же. Студенты. Изъ семейной хроники. }
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Ц. 1 р. 50 к.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія въ шести томахъ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *Съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.
Я. Я. Стихотворенія. Ц. 1 р.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ.

Повѣсть.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОБРАНІЕ
ПОДАРЕНО

VI.

Скверный туманный зимній день, когда надъ столицей нависла гигантская тяжесть изъ густого, пропитаннаго запахомъ гари, воздуха и сумрачно глядятъ другъ на друга и дома съ утопающими въ туманѣ верхними этажами, и мостовая, покрытая какимъ-то мѣсивомъ изъ давняго снѣга, песку и глины, и извощичьи лошади, напряженно вытягивающія шеи впередъ, съ великимъ усиліемъ таща за собою нагруженныя сани, и люди, кутающіе головы въ воротники, платки, что у кого есть. Короткій свѣтлый промежутокъ между одиннадцатью и тремя часами дня кажется глубокими сумерками. Солнце совсѣмъ не появлялось. На улицахъ не слышно ни гула экипажныхъ колесъ, ни окриковъ возницъ, ни ржанія лошадей, ни говора людского. Всѣ совершаютъ свои дѣла молча, словно подавленные какимъ-то томительнымъ, неустаннымъ, длящимся безъ конца общимъ несчастьемъ.

Это было въ концѣ января. Праздники прошли давно, осталось только воспоминаніе чего-то суетливаго, крикливаго и въ то же время пустого.

Надежда Ивановна переживала теперь странное состояніе душевной пустоты; прежде хоть чего-то ждалось, каждый день сердце билось сильно отъ какихъ-то неопредѣленныхъ, ни на чемъ не основанныхъ надеждъ, но «что-то», то неизвѣстное что-то, котораго она ждала, все не приходило, и наступило утомленіе. Это не было разочарованіе, потому что она ничѣмъ не была очарована. Это была усталость души.

Жизнь проходила день за днемъ, и позади не оставалось ни одного дня, ни одного часа, который былъ бы чѣмъ-нибудь отмѣченъ, чѣмъ-нибудь такимъ, что запомнилось бы надолго.

Тотъ разговоръ съ Барвинскимъ опять, было, всколыхнулъ въ ея душѣ ожиданія. Въ его словахъ она старалась уловить нѣчто такое, что не походило бы на обычное; она долго ду-

мала надъ ними; ея письмо къ Строевой было полно неуловимой надежды. Но потомъ пошло все по старому, и ничто не давало ей основаній думать, что надежда походитъ на дѣйствительность.

Было нѣсколько праздниковъ. Врачи, наконецъ, собрались отплатить Барвинскимъ за ихъ гостепріимство. Былъ устроенъ по подпискѣ обѣдъ въ «Медвѣдѣ». Были приглашены Антонъ Михайловичъ и Нина Александровна.

Этотъ обѣдъ кончился болѣе прилично, чѣмъ тотъ, который былъ у нихъ въ квартирѣ. По обыкновенію, Тетюшинъ выпилъ неумѣренно и подъ конецъ расходился, звалъ всѣхъ куда-то за городъ, требовалъ троекъ. Но это не встрѣтило отклика.

Барвинскій на этотъ разъ былъ очень остороженъ; онъ налилъ себѣ стаканъ вина и этимъ ограничился.—Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ онъ,—мнѣ малютка окончательно запретила.

— Ого!—говорилъ Тетюшинъ,—да вы, я вижу, совсѣмъ приручили его, Нина Александровна.

— Приручила, братъ, приручила,—что подѣлаешь! Взялся за гужъ... Супружеская жизнь требуетъ жертвъ. Вотъ и я жертвую собой.

Нина Александровна при этомъ слегка краснѣла, но въ глазахъ ея не было того тревожнаго блеска, который горѣлъ въ нихъ тогда. Въ нихъ даже явилось выраженіе нѣкотораго спокойствія.

Можно было замѣтить, что и Сторѣцкій воздерживался и, когда Тетюшинъ лѣзъ къ Барвинскому съ своими приставаніями выпить, Сторѣцкій останавливалъ его.

Часовъ въ одиннадцать Барвинскіе уѣхали вмѣстѣ домой. Потомъ былъ еще юбилей одного стараго врача, съ которымъ Надежда Ивановна была едва знакома, но она получила приглашеніе и поѣхала. Барвинскій тоже былъ здѣсь; но тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ.

Она раза два заходила къ Нинѣ Александровнѣ днемъ и всегда аккуратно получала отвѣтные визиты. Это дѣлалось любезно, корректно, но холодно. Внутренній міръ этой женщины оставался для нея загадкой.

«Да полно, думала она, какая тутъ загадка? Кажется, дѣло обстоитъ очень просто, и надо считать его выяснившимся. Она страстно любитъ его, онъ ведетъ себя скверно, и она тревожится. Онъ покаялся, сталъ вести себя лучше, и она успокоилась. У насъ есть манера объяснять все какъ-то непросто. А на дѣлѣ все какъ нельзя проще».

Барвинскій уже получилъ въ ея классификаціи людей очень опредѣленное мѣсто. Она какъ-то рѣзко дѣлила его на двѣ личности. Какъ частный человѣкъ, это былъ слабый ха-

рактеръ, любитель хорошо пожить, хорошо поѣсть и попить, человѣкъ, цѣнившій комфортъ, обожавшій лошадей и въ особенности своего Буку. Этотъ бракъ съ Ниной Александровной былъ обыкновенный бракъ, не совсѣмъ по разсчету, но далеко не лишенный и этихъ соображеній. Онъ уважалъ ее, старался не огорчать, но при случаѣ охотно давалъ волю страстямъ, а потомъ каялся.

Не то же ли самое представлялъ изъ себя Тетюшинъ, который вѣдь тоже съ уваженіемъ отзывался о своей женѣ и на каждомъ шагу обманывалъ ее? Словомъ, въ этой части, въ личной жизни и въ личныхъ отношеніяхъ, это былъ человѣкъ, какъ всѣ, не лишенный порядочности, но также, какъ и всѣ, склонный къ уклоненію въ сторону пошлости.

Но другимъ онъ являлся, когда дѣло шло о его спеціальности. Въ больницѣ, среди больныхъ, въ особенности когда требовалось его знаніе, его работа, на него какъ будто сходило какое-то вдохновеніе. Онъ способенъ былъ по десяти часовъ просиживать надъ работой, забывалъ въ это время о пищѣ и питьѣ, часто жертвовалъ даже своимъ любимымъ удовольствіемъ—бѣгами, которые онъ вообще посѣщалъ исправно. Эта черта рѣшительно извиняла его въ глазахъ Надежды Ивановны. Но въ этомъ отношеніи онъ далеко не былъ одинокъ. Точно также относился къ дѣлу и Семенъ Ивановичъ, хотя былъ уже старикъ, а, значитъ, и слабѣе его. Недалекъ отъ этого былъ и Сторѣцкій. Вообще, среди врачей Надежда Ивановна видѣла много людей, способныхъ жертвовать своимъ покоемъ для дѣла.

Барвинскій былъ то, что называется талантливый дѣльный врачъ. Онъ умѣлъ, ему только извѣстными способами, овладѣть довѣріемъ своихъ паціентовъ. Вся больница, черезъ мѣсяцъ послѣ его прибытія, уже обожала его, въ особенности женщины, которыя при его появленіи прекращали всѣ свои выходки, смолкали и смотрѣли на него влюбленными глазами. Онъ умѣлъ какъ-то особенно обращаться съ ними, или, можетъ быть, у него былъ такой взглядъ. Самъ онъ объяснялъ это смѣлостью и рѣшительностью, съ которыми онъ приступалъ къ дѣлу. Для него не существовало буйныхъ, опасныхъ больныхъ, онъ входилъ къ нимъ, какъ къ себѣ въ кабинетъ, и начиналъ разговоръ такимъ тономъ, который они понимали.

«Сумасшествіе, говорилъ онъ, это есть только особое направленіе ума. Надо уловить это направленіе. Если вы здоровому человѣку—глубокому пессимисту—станете расписывать прелести жизни, вы его не тронете. Если вы смѣхуну станете разсказывать какую-нибудь печальную исторію, онъ все будетъ находить въ ней что-нибудь смѣшное. Умъ самъ себя ограничиваетъ или направленіемъ, или настроеніемъ, или

спеціальностью. Затѣйте съ технологомъ самый интересный разговоръ о поэзіи Торквато Тассо, онъ будетъ хлопать глазами и скучать».

Не разъ приходилось Надеждѣ Ивановнѣ видѣть Барвинскаго въ ученыхъ собраніяхъ. Тамъ онъ сразу завоевалъ себѣ особое мѣсто. Онъ выслушивалъ рефератъ или докладъ, потомъ замѣчанія или возраженія, потомъ самъ выступалъ, подъ конецъ. Онъ говорилъ не слишкомъ рѣзко, но прямо и опредѣленно, и если того заслуживало дѣло, сдабривалъ свою рѣчь такой ироніей, такой насмѣшкой, что отъ противника ничего не оставалось.

Она любила слушать его въ такихъ случаяхъ. Кромѣ того, она познакомилась съ его работами. Онѣ были не велики, но въ нихъ всегда было что нибудь свое, оригинально освѣщенное, ясно выраженное. Слышала она о диссертаціи, которую онъ готовилъ,—ей говорили, что это будетъ замѣчательная вещь, но сама она провѣрить этого не могла.

У него несомнѣнно былъ живой, дѣятельный умъ, которому притомъ все давалось легко; къ тому-же онъ далеко не все свое время отдавалъ спеціальности. Напротивъ, никто такъ не любилъ развлекаться, какъ Барвинскій.

Каждую недѣлю они ѣздили въ оперу и, кромѣ того, посѣщали всѣ интересные спектакли. Часто онъ съ женой выѣзжалъ за городъ на своей превосходной парѣ въ шикарныхъ красивыхъ саняхъ, и помногу часовъ они катались на островахъ. Каждое утро, кромѣ того, онъ одинъ катался на своемъ Букѣ.

Онъ исправно посѣщалъ бѣга, часто появлялся у знакомыхъ, страстно игралъ въ винтъ и нерѣдко собиралъ друзей у себя.

Словомъ, человѣкъ жилъ, сколько могъ, повидимому, стараясь не пропустить ни одной минуты безъ удовольствія.

И мало-по-малу, давъ ему опредѣленное мѣсто среди своихъ знакомыхъ и причисливъ его къ такъ называемымъ «порядочнымъ людямъ»—слово, которое давно уже имѣло для нея довольно смутное значеніе, Надежда Ивановна перестала о немъ думать. Ее долго могъ интересовать тотъ человѣкъ, отъ котораго она ждала чего нибудь, не похожаго на то среднее, что дѣлали всѣ. Такимъ былъ въ началѣ Барвинскій. Но такимъ онъ сталъ для нея, отчасти благодаря преувеличеннымъ рекомендаціямъ Строевой.

Но скоро она увидѣла, что «отъ него ждать нечего»—«хорошій работникъ, умный человѣкъ, толковый врачъ. Защититъ диссертацію, получитъ больницу, извѣстность, можетъ быть, обширную практику, если захочетъ, вотъ и все».

Теперь практикой Барвинскій занимался сравнительно

мало. Онъ принималъ у себя три раза въ недѣлю, а на приглашенія откликался только въ тѣхъ случаяхъ, когда было что нибудь интересное. Но практика ему не была нужна, — вѣдь у Нины Александровны было хорошее состояніе.

И вотъ, въ такой скверный петербургскій день Надежда Ивановна сидѣла одна въ своей квартирѣ. Въ этотъ день она не ѣздила въ больницу. Съ утра настроеніе было отвратительное. Туманъ, казалось, тѣснился, напиралъ на стѣны и окна и грозилъ проникнуть въ комнату.

У нея было такое ощущеніе, что вотъ-вотъ онъ ворвется, и ей тогда нечѣмъ будетъ дышать. Никуда не хотѣлось идти, никого не могла она видѣть, ни къ чему не было охоты... Книжки лежали на столѣ, давно ожидая своей очереди, но она не прикасалась къ нимъ. Газеты были не развернуты. Нѣсколько разъ взглядывала она на піанино и думала, не засѣсть ли ей за Шумана; но на нее нападала лѣнь, и это казалось ей подвигомъ.

Уже пробило три часа. На улицѣ стали зажигать фонари, отъ которыхъ, однако, свѣта не прибавлялось. Должно быть, морозъ крѣпчалъ, потому что на перекресткѣ развели костеръ. Пламя его, окруженное непроницаемымъ туманомъ, было тускло. Туманъ давилъ его со всѣхъ сторонъ, мѣшая ему подыматься къ небу.

Она, не вставая съ дивана, глядѣла въ окно и видѣла, какъ вокругъ костра собирались люди и грѣлись. Въ комнатѣ замѣтно стемнѣло, но она не хотѣла думать о свѣчахъ. Ей лѣнь было крикнуть Генріету, да и зачѣмъ? Настроеніе, чувства, мысли—были такъ же темны, какъ и этотъ воздухъ въ комнатѣ.

Вдругъ она пугливо вздрогнула. Въ передней раздался сильный звонокъ. Отъ неожиданности у нея сильно, даже съ болью, забилось сердце.

«Кто это»? подумала она. Но кто бы ни былъ, ей было непріятно подумать, что съ кѣмъ-то надо говорить, принимать кого-то. Едва-ли это изъ больницы. Часто приходили оттуда просить ее подежурить за кого-нибудь. Но сегодня она написала, что больна. Можетъ быть, частная практика? Обыкновенно она радовалась этому, но сегодня и это ей казалось несвоевременнымъ и тяжелымъ.

Генріета, сидѣвшая въ кухнѣ и, по всей вѣроятности, испытывавшая тѣ же чувства, вскочила и побѣжала въ переднюю. Она отперла.

— Мальвинская Надежда Ивановна здѣсь живетъ?—спросилъ женскій, нѣсколько грубоватый, голосъ.

Надежда Ивановна выпрямилась и съ ожиданіемъ подняла голову. «Кто это? Кто это?» Что-то страшно знакомое послы-

шалось ей въ этомъ голосѣ, настолько знакомое, что ей было больно отъ того, что она не могла догадаться.

— Она дома? Ее можно видѣть?—продолжалъ голосъ послѣ того, какъ Генріета дала утвердительный отвѣтъ.

— Я доложу... Я спрошу... Какъ сказать объ васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Если она дома, я пройду прямо...

И гостья уже поспѣшно снимала въ передней шубу и калоши. Вдругъ Надежда Ивановна вскочила и стремительно побѣжала въ переднюю. Черезъ двѣ секунды она горячо обнимала гостью.

— Какимъ образомъ? Когда? Ни слова не написать! Какъ не стыдно! Генріета, зажгите свѣчи!.. И еще въ такой скверный день. Впрочемъ, это хорошо. Я думала, что я окаменѣю сегодня.

— Какъ? И у васъ каменѣютъ? О, этого я не ожидала!—говорила Строева, разсматривая Надежду Ивановну при свѣтѣ лампы въ передней:—Перемѣнилась къ худшему!—сказала она.

— Неужели къ худшему?

— И къ худшему, и къ лучшему, смотря потому, что кому надо. Ты похорошѣла, но за то и испортилась! Мрачная складка, мрачная складка! Это мнѣ не нравится... Помнишь, какія у насъ были веселыя лица въ Цюрихѣ?

— О, да, какъ не помнить! Но то было время надеждъ, а теперь...

— И ты, и ты! Я не хочу слышать этого ужаснаго тона. Впрочемъ, въ такомъ климатѣ и соловей закаркаетъ вороной! Ну, разсказывай и слушай, слушай и разсказывай. Я пріѣхала на два дня, только поглядѣть на тебя. Больше никого и ничего не хочу видѣть, да и некогда,—работы у меня по горло.

— Значитъ, ты довольна?

— Работой довольна. Но жизнь тусклая, ахъ-ахъ, какая тусклая жизнь!

Онѣ перешли въ гостиную. Генріета уже зажгла тамъ свѣчи. Хозяйка и гостья пристально разсматривали другъ друга.

Строева была высокаго роста, прямая, плечистая, съ грубоватыми неуклюжими движеніями, съ мускулистыми большими руками, съ рѣзкими чертами лица, въ которомъ было больше мальчишескаго, чѣмъ женскаго. На ней была темная шерстяная юбка и темная суконная блуза, подпоясанная ременнымъ поясомъ. Волосы были коротко острижены. Во всей ея повадкѣ, манерахъ было еще много студенческаго.

Она тотчасъ же принялась курить и при этомъ говорила много и громко.

— Дай чаю, или чего нибудь. Надо промочить горло. Я вѣдь прямо съ поѣзда! Мчались страшно, некогда было перехватить стаканъ сельтерской воды. Но отчего же ты такая кислая?

— Такъ, безъ достаточныхъ основаній. Но нѣтъ основаній быть другой.

— Какъ нѣтъ? Развѣ у тебя мало работы? Нечего дѣлать?

— Нѣтъ, работы довольно и дѣло хорошее. У насъ около двухъ тысячъ больныхъ,—гдѣ жъ тутъ скучать по работѣ? Да вѣдь сама ты писала, что нельзя жить одной работой, нужны и люди.

— Неужели людей нѣтъ? Въ Петербургѣ-то? Въ этой «безднѣ грѣховной», гдѣ кишитъ столько народа? Не повѣрю. Я здѣсь прожила когда-то пять лѣтъ и встрѣчала много хорошаго народу...

— Да, когда была юной курсисткой... Я тоже. Но тогда у насъ были другіе глаза, другія требованія отъ людей. Горячо говоритъ, глаза горятъ, честныя слова, искренность въ голосѣ, въ лицѣ,—вотъ тебѣ ужъ и человѣкъ, и явленіе. Ему и руку жмешь съ жаромъ, а то и сердце сильно забьется. И еще влюбишься на недѣлю... А теперь вѣдь мы съ тобой уже наизусть знаемъ всѣ честныя слова, и насъ ими не удивишь. Э, ну, что это я сразу стала угощать тебя заунывными пѣснями! Разскажи лучше о себѣ.

— Что жъ мнѣ сказать о себѣ? Я живу въ укромномъ уголкѣ. Я все думала: вотъ у насъ, въ нашей сѣрой палестинѣ, люди все простые, одной, много двухъ пядей во лбу, но за то тамъ, въ огромномъ муравейникѣ, который называется столицей...

— Въ муравейникѣ — муравьи, только всего. Это и въ порядкѣ вещей.

— Постой, постой! Давай-ка сядемъ и разговоримся, какъ слѣдуетъ. Мало пріятнаго въ твоихъ рѣчахъ, мой другъ Надежда Ивановна, да и лицо у тебя такое же, какъ и слова. Что же мой Барвинскій? Разскажи про него? Неужели ты и теперь будешь говорить, что онъ такой, какъ всѣ?

— Нѣсколько лучше. Онъ умнѣе многихъ, онъ толковый врачъ, хорошій работникъ. Ну, вотъ и все.

— Неужели все? Ну, я думаю, ты просто ослѣпла. Ты, должно быть, мало интересовалась имъ. Какую онъ жизнь ведетъ?

— Такую же, какъ и всѣ, только пошире, потому что у его жены большія средства. Другіе добываютъ практикой и жалованьемъ, а онъ на готовомъ.

— Ну, это я знаю, но это ничего не значитъ. Но что онъ дѣлаетъ?

— Что онъ дѣлаетъ? Ты хочешь, чтобъ я перечислила тебѣ его дѣла? Онъ ходитъ въ больницу и тамъ работаетъ,— онъ очень усердно работаетъ, но у насъ и Семенъ Ивановичъ ему не уступаетъ, и Сторѣцкій съ нимъ поспоритъ, даже и Тетюшинъ, когда не пьянъ, увлекается своимъ дѣломъ. А въ

остальное время онъ устраиваетъ обѣды и ужины, ѣздитъ на бѣга; катается съ женой въ шикарныхъ саняхъ, ѣздитъ верхомъ на лошади, играетъ въ винтъ...

— Это неправда!—воскликнула Строева и энергично поднялась съ мѣста и заходила по комнатѣ:—Ты просто не наблюдала его, тебѣ не было до него дѣла, вотъ и все.

— Мнѣ было слишкомъ много до него дѣла, гораздо больше, чѣмъ онъ этого стоитъ. Я такъ пристально наблюдала его, какъ будто это былъ мнѣ близкій человѣкъ. О, да вѣдь я писала тебѣ обо всемъ этомъ; я избѣгала подробностей, но, знаешь, это было такъ тяжело, такъ мучительно. Давай говорить о другомъ.

— Нѣтъ, подробности, подробности... Этотъ человѣкъ меня страшно интересуетъ! Говори, говори...

— Говорю тебѣ, что мнѣ это мучительно.

— Нѣтъ, Надежда Ивановна, такъ нельзя. Пусть будетъ мучительно. Пойми же ты, что я тебѣ не вѣрю, не вѣрю твоимъ впечатлѣніямъ. Они слишкомъ не похожи на мои. Еслибъ ты знала, на какую высоту я его поставила! И вдругъ ты хочешь, чтобы я безъ бою стащила его оттуда, съ высоты, и швырнула подъ ноги. Говори, Надежда Ивановна, все говори.

— Ну, хорошо. Но прежде выпей чаю. Генріета, вы дадите чаю? Это мой другъ, вы должны ее любить. Она съ вами тоже будетъ говорить по-нѣмецки.

— А, вотъ прекрасно!—воскликнула Строева:—а я ужъ, кажется, разучилась... Практики нѣтъ. У насъ въ больницѣ казначей нѣмецъ, но съ нимъ приходится говорить только разъ въ мѣсяцъ, когда получаешь жалованье. За то я по польски порядочно научилась.

Генріета организовала чайный столъ, притащила самоваръ и закуски, какія нашлись въ домѣ.

Маленькая гостиная наполнилась паромъ; налили чай.

Надежда Ивановна принялась разсказывать. Она начала свой разсказъ неохотно, потому что ей тяжело было тревожить воспоминанія, но по мѣрѣ того, какъ разсказъ подвигался, она увлекалась, щеки ея покрывались румянцемъ, голосъ раздавался звонче.

Она разсказывала о первой встрѣчѣ съ Барвинскимъ, потомъ объ обѣдѣ съ его ужаснымъ концомъ, о его визитѣ и о теперешней жизни.

Строева смотрѣла на нее изумленными глазами, дѣлала какія-то неожиданныя движенія руками и въ заключеніе ударила ладонью по столу и воскликнула:

— Не вѣрю! Все это не такъ! Все это тебѣ казалось. У тебя испорчено зрѣніе. Ты смотрѣла на одно, а видѣла другое. Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не такъ, это не тотъ человѣкъ, котораго я

знаю. То былъ подвижникъ, а ты разсказала мнѣ о какомъ-то пошлякѣ.

Надежда Ивановна слушала эти восклицанія, и ее почти начала брать досада на пріѣхавшаго друга. Что за упорное невѣріе? Какъ можно стоять на своемъ, когда факты на лицо? Ихъ не передѣлаешь. Можно ошибиться въ одномъ фактѣ, можно истолковать неправильно то, другое, третье; но тутъ передъ нею живой человѣкъ, у всѣхъ на виду, передъ ней развертывается жизнь его, характеръ, вкусы, такъ прочно сложившіеся. Нѣтъ, съ нею, съ Строевой, просто случилась какая-то болѣзнь,—она разучилась правильно смотрѣть на людей и понимать ихъ.

Было уже около десяти часовъ. Самоваръ погасъ. Онѣ все еще громко и горячо дѣлились своими впечатлѣніями, но въ голосахъ слышна была уже усталость.

— А, да, я и не спросила! Ты меня помѣстишь у себя? У тебя есть гдѣ?—промолвила Строева.

— Ну, еще бы! Какъ не стыдно спрашивать! Недоставало, чтобъ мы, не сойдясь въ оцѣнкѣ посторонняго намъ человѣка, разошлись въ разныя стороны, и я отпустила бы тебя въ гостиницу ночевать.

— Ну, вовсе я этого не подумала; я просто допустила, что у тебя нѣтъ мѣста. Вѣдь я еще не осмотрѣла твое обиталище. Нѣтъ, Надежда Ивановна, намъ съ тобой не такъ легко разойтись; насъ соединяетъ нѣчто попрочнѣй стальныхъ цѣпей. Мы вмѣстѣ мечтали, вмѣстѣ пылали жаждой большого, прекраснаго дѣла!

— Только, кажется, не вмѣстѣ разочаровались!—съ грустной усмѣшкой сказала Надежда Ивановна.

— Не говори, не говори этого. Я не хочу, чтобы ты разочаровалась. Я на десять лѣтъ старше тебя, а посмотри, какъ во мнѣ еще сильна вѣра въ людей. Постой, я сама повидаю Барвинскаго и освѣщу тебѣ его. Ты просто не умѣешь на него смотрѣть,—я научу тебя. Кажется, былъ звонокъ? Къ тебѣ могутъ придти?

— Кажется, былъ... А, можетъ быть, это намъ показалось.

Но Генріета уже стучала засовомъ: въ передней слышались мужскіе голоса.

— У нихъ гостья. Только сегодня пріѣхали...—говорила Генріета.

— Гостья? Тѣмъ лучше. Вотъ и мы будемъ гостями...

— Ты поблѣднѣла, Надежда Ивановна? Что это значитъ? Кто это?—спросила Строева.

— Неужели ты не слышишь? Вѣдь это... это Барвинскій.

— Онъ? Но это похоже на чудо... Онъ не одинъ...

— Это товарищъ нашъ, Тетюшинъ. Вотъ и отлично,—при-

бавила Надежда Ивановна:—ты увидишь его въ его любимомъ обществѣ.

Тетюшинъ уже стоялъ на порогѣ, въ пиджакѣ, съ шляпой въ рукѣ.

— Впускаете путниковъ?—спросилъ онъ, по обыкновенію, съ комическимъ видомъ.

Вслѣдъ за нимъ появился Барвинскій и, увидѣвъ Строеву, радостно поднялъ руки:

— Анна Сергѣевна! Создатель! Васъ ли я вижу? Простите, Надежда Ивановна,—прибавилъ онъ, пожимая руку Строевой,—что я прежде привѣтствую вашу гостью. Это противно всѣмъ правиламъ приличія, но вѣдь мы съ Анной Сергѣевной старые товарищи.

— Ахъ, пожалуйста... Это все равно... У меня первое мѣсто принадлежитъ ей.

— Вы намъ очень рады, конечно?—спрашивалъ въ то же время Тетюшинъ.

— Очень рада, разумѣется! Садитесь. И если хотите, пейте чай.

— Чай? Фи, какой скучный напитокъ вы намъ предлагаете!

— Ну, просто такъ садитесь.

— Сѣсть-то мы сядемъ,—говорилъ Тетюшинъ:—только особенно разсиживаться не будемъ.

— Отчего это?

— Такъ. Тому есть важныя причины.

— Говорите ваши причины.

— Да ужъ не знаю... Говорить ли? Дѣло осложнилось..

— Это я, должено быть, осложнила его?—спросила Строева

— Именно-съ. Во-первыхъ, мы не знаемъ вашихъ склонностей, а во-вторыхъ, вы съ дороги, значитъ—устали. А мы хотѣли предложить... Бобочка, говори ты... Съ какой стати ты заставляешь меня парламентировать? Вѣдь я не краснорѣчивъ.

— Дѣло очень простое,—сказалъ Барвинскій:—мы рѣшили прокатиться въ Крестовскій садъ и хотѣли просить Надежду Ивановну, чтобъ она сдѣлала намъ честь и присоединилась къ намъ.

— Что это за садъ?—спросила Строева.

— Садъ, какъ садъ. Есть съ горъ катанье, есть и цыгане,—поддѣльные, конечно, рожи смазаны у нихъ ваксой, ну, а все-таки цыганскія пѣсни поютъ. Есть и вино хорошее!—пояснилъ Тетюшинъ:—ну-съ, такъ какъ же?

— Что за мысль? Откуда она явилась?—воскликнула Надежда Ивановна и въ то же время вопросительно посмотрѣла на Строеву.

— Ну, откуда вообще мысли приходятъ въ голову? Изъ воздуха-съ! Если мысль скверная, то ничего тутъ нѣтъ удиви-

тельнаго, потому что воздухъ промозглый, туманный, адскій. Понимаете ли, сидѣли мы съ Бобочкой въ больницѣ, а потомъ вышли, и эта промозглая скверность охватила насъ, и такъ это мнѣ и ему захотѣлось чѣмъ-нибудь разсѣчь, понимаете ли, разсѣчь эту стопудовую атмосферу... Понимаете ли, она насъ давитъ, а мы на нее, извините за выраженіе, наплевать хотимъ. Онъ сказалъ:—поѣдемъ на острова! Я отвѣтилъ: поѣдемъ! Онъ сказалъ:—да вѣдь намъ вдвоемъ будетъ скучно! Я промолвилъ:—попытаемъ счастья у Надежды Ивановны! Онъ сказалъ: отлично! Я въ отвѣтъ ему: великолѣпно! Вотъ и покатили къ вамъ. Ну-съ? Теперь наша судьба въ вашихъ рукахъ,—рѣшайте.

Надежда Ивановна молчала. Въ ней боролись странныя чувства. Ей, въ сущности, очень хотѣлось прокатиться, но она боялась, что прогулка можетъ принять тотъ опасный оборотъ, примѣръ котораго она уже видѣла послѣ обѣда у Барвинскихъ. То вдругъ ей казалось, что это невозможно, что Барвинскій послѣдняго времени достаточно сдержанъ и порядоченъ.

Но главное,—она не могла оставить Строеву, а вопросъ о ней до сихъ поръ не былъ поставленъ.

Но Строева сама выручила ее съ той простотой и прямотой, съ какой она всегда подходила ко всякому дѣлу.

— Такъ какъ меня вы не зовете, то вопросъ должна рѣшить Надежда Ивановна!—сказала она.

Тетюшинъ даже вскочилъ съ мѣста.

— Какъ не зовемъ? Съ чего же это вы взяли? Мы не смѣли предложить вамъ, потому что не знаемъ еще васъ, вашего характера. Но развѣ объ этомъ можетъ быть споръ? Одна дама—украшеніе жизни, а двѣ дамы—два украшенія!

Надежда Ивановна въ это время встала и ушла въ спальню, а затѣмъ позвала оттуда Строеву:

— Анна, иди сюда на минуту!

— Ну, вотъ вы тамъ посовѣтуйтесь, а намъ разрѣшите выкурить по папироскѣ,—сказалъ Тетюшинъ.

— Да я сама курю по сорока папиросъ въ сутки!—отвѣтила Анна Сергѣевна:

— О, вотъ и отлично!

Строева пошла въ спальню.

— Ѣхать?—тихонько спросила ее Надежда Ивановна.

— Непремѣнно. Я тебѣ говорю: это чудо!—Онъ былъ намъ нуженъ, онъ и явился. Я хочу его изслѣдовать. Я хочу показать его тебѣ такимъ, какимъ я его знаю. Я хочу разбить тебя въ пухъ и прахъ. Иди, Надежда Ивановна, объясни имъ, что мы ѣдемъ,—а я поправлю свой туалетъ.

— Ну, ну, что такъ долго совѣтуетесь?—громко спрашивалъ ихъ изъ гостиной Тетюшинъ:—Неужели вы можете не согласиться? Вы этимъ насъ убьете, предупреждаю.

— Мы согласны, мы ѣдемъ!—откликнулись дамы.

— Вотъ это по товарищески! Ну, такъ увидите, какимъ прекраснымъ поведеніемъ мы отплатимъ вамъ за довѣріе! И знаете, вѣдь у Бобочки сани широкія. Мы заѣдемъ за Сторѣцкимъ и его прихватимъ. Онъ будетъ въ восторгѣ. Онъ любитъ все неожиданное. Ну, такъ одѣвайтесь! Скорѣе! Надѣвайте шубки, и дѣлу конецъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже были въ передней и одѣвались.

— Въ которомъ часу госпожа вернется,—спрашивала Надежду Ивановну по-нѣмецки Генріета.

— Nicht so schnell, nicht so schnell, meine liebe Frau!—отвѣтилъ за Надежду Ивановну Тетюшинъ.

Они вышли.

VII.

Сторѣцкій былъ свободенъ и выразилъ восторгъ. Его усадили съ дамами, такъ какъ онъ былъ тоньше остальныхъ мужчинъ.

Знакомство съ Строевой состоялось очень быстро. Черезъ пять минутъ уже онъ, сидя рядомъ съ ней, говорилъ ей:

— Эхъ, голубушка вы моя, охота вамъ киснуть тамъ, въ вашемъ Вильно! Переѣзжали бы къ намъ. Я вижу, у васъ темпераментъ есть. Можетъ, вы раскачали бы и нашу красу, Надежду Ивановну. А то она тутъ ведетъ себя, какъ маринованный огурецъ въ бочонкѣ...

Тетюшинъ всю дорогу балаганилъ, выкидывалъ разныя штуки и такъ потѣшно, что нельзя было не смѣяться, и всѣ смѣялись до упаду.

Барвинскій говорилъ мало, но часто въ полголоса напѣвалъ что-то и иногда насвистывалъ. Глаза его смотрѣли весело. Онъ, очевидно, былъ въ хорошемъ настроеніи.

Туманъ между тѣмъ не разсѣявался, а даже какъ будто становился все гуще. Кучеръ гналъ лошадей во весь духъ, но долженъ былъ каждую минуту гикать изъ боязни наѣхать на кого нибудь.

— Въ такую погоду только тотъ можетъ быть счастливъ, кто имѣетъ возможность впятеромъ мчаться на острова!—сказалъ Сторѣцкій.

— Почему непремѣнно впятеромъ?—спросила Строева.

— Потому что насъ пятеро.

— А я люблю такую погоду!—промолвилъ Барвинскій:—Въ ней есть что-то безграничное..

— Безграничная мерзость!—пояснилъ Тетюшинъ.

— Нѣтъ, не то. Чувствуешь себя какъ бы отдѣленнымъ

отъ всего міра. То, что происходитъ въ двухъ шагахъ отъ тебя, уже до тебя не касается. Мнѣ кажется, что человѣкъ, которому надо обсудить что нибудь важное, рѣшительное, глубокое, долженъ ждать такой погоды.

— Ну, намъ съ тобой, Бобочка, этого не предстоитъ, а потому мы будемъ желать ясной ночи. Вотъ увидишь, когда мы будемъ возвращаться, на небѣ возсіяютъ звѣзды.

— А когда мы будемъ возвращаться?—спросила Строева.

— Съ этимъ вопросомъ надо обратиться къ Тетюшину!—отвѣтилъ Сторѣцкій.

— По моему разсчету, часовъ около четырехъ утра.

— Вы съ ума сошли, Тетюшинъ! — воскликнула Надежда Ивановна.

— Нимало. А то какъ же? Этакое, можно сказать, предпріятіе и на полчаса! Ну, нѣтъ, себѣ дороже стоитъ. Я, знаете, и женѣ сказалъ, что меня позвали на консиліумъ въ Ораніенбаумъ. Раньше девяти часовъ утра она меня и ждать не будетъ.

— Господа! Ужъ противъ этого и я стану протестовать!—сказала Строева.

— Какъ? Не смотря на темпераментъ?—спросилъ Сторѣцкій.

— Не смотря на темпераментъ. Во-первыхъ, я съ дороги, а во-вторыхъ, это безобразіе. Мы согласились весело провести вечеръ, но не кутить.

— Зачѣмъ же кутить? — говорилъ Тетюшинъ: — Кутятъ только купцы да приказчики, а мы здѣсь все ученые мужи и жены...

— Въ особенности ты, Тетюша, страшно ученъ!—промолвилъ Барвинскій.

— Антонъ Михайловичъ, мы прибѣгаемъ подъ вашу защиту! Неужели до четырехъ часовъ?—говорила Строева.

— Не знаю, какъ вы, господа,—отвѣтилъ Барвинскій,—а я отпущенъ только до часу.

— Э, ничего. Можешь опоздать. Мы тебѣ дадимъ медицинское свидѣтельство. Напишемъ, что «оный лѣкарь, Антонъ Барвинскій, не будучи въ состояніи доволочь ногъ до дому и прочее»... И вѣдь четыре подписи будетъ! Внушительно!

— Нѣтъ, я дольше часу не останусь.

— Характеръ проявлять вздумалъ.

— Нѣтъ, не характеръ, а вѣрность данному слову.

— Посмотримъ, Бобочка, посмотримъ.

— И посмотришь!

— Значитъ, на васъ, Антонъ Михайловичъ, можно положиться?

— О, да. Ха-ха-ха! На него въ такихъ дѣлахъ всегда можно положиться. Если мы пріѣдемъ домой въ четыре часа утра, то онъ навѣрно въ шесть.

— Тетюшинъ сегодня ошибается! — иронически сказалъ Барвинскій.

— Я привыкла вѣрить слову Антона Михайловича.

— Это у васъ дурная виленская привычка, которая не годится въ Петербургѣ.

— Я забылъ васъ предупредить, — довольно язвительно сказалъ Барвинскій, обращаясь къ Аннѣ Сергѣевнѣ:—что Тетюшинъ вообще говоритъ единственно потому, что у него привѣшенъ языкъ; другихъ побудительныхъ причинъ у него нѣтъ.

— А ты, кажется, сегодня довольно злобно настроенъ, Бобочка?

— Напротивъ, я слишкомъ добродушно настроенъ, и только этимъ и объясняется, что ты еще сидишь рядомъ со мной...

Но, сказавъ это, Барвинскій тотчасъ похлопалъ по плечу Тетюшина, какъ бы боясь, чтобы тотъ не обидѣлся.

Въ сущности, у него часто являлось желаніе сказать Тетюшину что нибудь непріятное. Его безконечная жизнерадостность подчасъ глубоко возмущала Барвинскаго. Казалось, что для этого человѣка не существовало никакихъ вопросовъ и сомнѣній. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, своихъ и чужихъ, иногда самыхъ трагическихъ, онъ всегда находилъ въ себѣ достаточно веселости, чтобы выкинуть какія нибудь смѣшныя штуки.

Но съ другой стороны, Барвинскій зналъ, что нѣтъ другого человѣка, менѣе, чѣмъ Тетюшинъ, способнаго на какой нибудь подвохъ, какую нибудь неискренность, лицемѣріе по отношенію къ ближнему. Точно также никто, какъ Тетюшинъ, не былъ способенъ до такой степени пожертвовать собой, поступиться своимъ благомъ для товарища, когда это было нужно. За это ему прощалось многое.

Дорога за городомъ была прекрасная. Чудныя лошади Барвинскаго мчались стрѣлой.

Общество вдругъ замолкло, какъ будто истощились всѣ темы для разговора. Строева все старалась заглянуть въ лицо Барвинскому. Ей хотѣлось увидѣть его глаза.

Въ первую минуту, когда онъ пріѣхалъ къ Надеждѣ Ивановнѣ, они показались ей не такими, какими она видѣла ихъ въ Вильнѣ. Тамъ она никогда не видѣла ихъ смѣющимися, а сегодня отъ нихъ такъ и вѣяло веселостью.

Ей хотѣлось провѣрить это впечатлѣніе, но трудно было сдѣлать это. Фонари, освѣщавшіе дорогу, попадались рѣдко, и свѣтъ ихъ едва достигалъ до саней.

Они ѣхали въ глубокой темнотѣ, окруженные туманомъ. Крѣпкій морозный воздухъ отъ быстраго движенія превращался въ рѣзкій вѣтеръ. Мужчины подняли воротники, дамы закутали лица въ платки.

— Ну, и лошади у тебя, Антонъ Михайловичъ, просто черти! — съ искреннимъ восторгомъ воскликнулъ Сторѣцкій.

— А вы же, Григорій Игнатьевичъ, бѣгуновъ не признаете, а только скакуновъ одобряете, — возразилъ Тетюшинъ.

— Я не признаю бѣга, какъ спортъ, это другое дѣло. Спортъ долженъ заключать источникъ наслажденія въ себѣ самомъ. Здѣсь я не спортомъ занимаюсь, а катаюсь. На бѣгахъ и скачкахъ я смотрю, какъ зритель, и нахожу, что скачки красивы, интересны, а бѣга скучны. Бѣга, это—какая то коммерческая игра, не болѣе, вродѣ рамса съ мухой.

— Видно, что ты недостаточно углубился въ дѣло, Григорій Игнатьевичъ,—очень серьезно возразилъ Барвинскій. — Начать съ того, что въ лошади, бѣгущей хорошей рысью, больше красоты, чѣмъ въ скачущей. Въ скачущей есть извѣстная смѣлость, отвага, это такъ; но собственно настоящая красота — въ бѣгѣ. Ты наблюдалъ, какъ красиво разсѣкаютъ воздухъ ноги хорошаго бѣгуна? Какъ удивительно симметрично работаютъ всѣ его члены! Хорошій рысакъ не бѣжитъ, а плыветъ. Нѣтъ, я люблю скачки, я скачками способенъ увлечься до азарта, но истинно эстетическое наслажденіе я получаю только на бѣгахъ...

Сторѣцкій сталъ горячо возражать. Барвинскій съ своей стороны не уступалъ ему. Завязался жаркій споръ. Подробно и точно разбирались всѣ данныя за и противъ бѣгуновъ и скакуновъ.

Надежда Ивановна ежеминутно тихонько подталкивала локтемъ Строеву, а та насторожилась и съ глубокимъ вниманіемъ не столько слушала то, что говорилъ о лошадяхъ Барвинскій, сколько дивилась этой горячей убѣжденности.

— Да вотъ что я тебѣ скажу, —промолвилъ Барвинскій.— Я бы никогда не завелъ скаковой конюшни, а рысистую заведу...

— Неужто? — спросилъ Тетюшинъ.

— Да. Это у меня рѣшено. Съ будущаго года буду пускать лошадей на призы.

— Вотъ такъ штука! — воскликнулъ Тетюшинъ. — Буду всегда ставить на твоихъ лошадей. Ты вѣдь счастливый, тебѣ во всемъ везетъ! И Буку пустишь?

— Эхъ, ты! А еще спортсменомъ считаешься! Какъ же ты не понимаешь, что Бука скакунъ? Вѣдь я на немъ верхомъ ѣзжу... Вообще, я намѣренъ серьезно заняться бѣговымъ спортомъ.

— А медицина?—вдругъ вырвался вопросъ у Строевой.

— Медицина сама собой. Вѣдь вы, Анна Сергѣевна, не двадцать четыре часа въ сутки занимаетесь медициной, а иногда

моетесь и расчесываете себѣ голову, шьете кофточку и тому подобное. Вообще, ничего не надо преувеличивать.

— Да, конечно. Но тоже и служить двумъ богамъ и притомъ еще столь различнымъ... Я прической и кофтой не увлекаюсь, а вы спортомъ увлекаетесь; а съ своей конюшней еще больше будете увлекаться.

— Нѣтъ, я, знаете, предпочелъ бы ничѣмъ не увлекаться,—ни медициной, ни спортомъ, а на все смотрѣть спокойными очами! Только тогда и возможно испытывать истинное наслажденіе.

— Ну, вы что то уже много говорите объ истинномъ наслажденіи, Антонъ Михайловичъ! — съ волненіемъ замѣтила Строева.

— Господа, ну васъ съ вашей философіей! — воскликнулъ Тетюшинъ.—Вотъ уже видны веселые огоньки; это гавань, въ которой мы найдемъ себѣ пристанище и убѣжище отъ житейскихъ бурь и тумановъ. Вѣдь это Крестовскій! Надежда Ивановна, мы съ вами покатаемся съ горъ?

— Подъ тобой всякая гора провалится!—промолвилъ Барвинскій.

— Нѣтъ, пустое! это выдумали мои враги! Я хочу покататься съ Надеждой Ивановной.

— Я никогда не каталась съ горъ, — отвѣтила Надежда Ивановна,—у меня сердце не въ порядкѣ.

— У васъ то? Но этого не видно. Мнѣ кажется, что оно у васъ слишкомъ въ порядкѣ, — какъ у рыбы. Помилуйте, я ухаживаю за вами ровно три мѣсяца и никакого сочувствія! Стой!

Сани остановились у освѣщенныхъ воротъ Крестовскаго сада. Пріѣзжіе стали выходить.

Надежда Ивановна взяла Строеву подъ руку и тихонько спросила ее:

— Тебѣ весело, Анна?

— Боюсь, что будетъ слишкомъ весело! — также тихо отвѣтила ей Строева.

— Ты знаешь, я страшно боюсь этого! Я жалѣю, что согласилась ѣхать.

— А я не жалѣю. Я не люблю заблуждаться и правду предпочитаю узнать всю до конца.

Они уже были въ саду. Деревья были бѣлы отъ снѣга. Ихъ повели какими-то сложными путями, сперва черезъ садъ, потомъ длиннымъ корридоромъ и, наконецъ, ввели въ обширный, но довольно жалко обставленный кабинетъ, гдѣ стоялъ страннаго фасона желтый рояль, весь уголъ былъ занятъ тусклымъ, вдоль и поперекъ исцарапаннымъ, зеркаломъ, висѣли сомнительныя гравюры.

— Ну, вотъ мы и дома!—воскликнулъ Тетюшинъ и, замѣтивъ вопросительный взглядъ Строевой, прибавилъ:—вотъ, скажу вамъ откровенно, нигдѣ такъ хорошо не чувствую себя, какъ въ порядочномъ кабакѣ. Что подѣлаете? Природа такая.

— Скверная у тебя природа, Тетюша!—замѣтилъ Барвинскій.

И Тетюшинъ, дѣйствительно, тотчасъ же началъ вести себя, какъ дома. У него оказались большія связи съ метръ-д'отелемъ и лакеями. Онъ зналъ всѣхъ по именамъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—ужъ вы мнѣ довѣрьтесь вполнѣ. Это—единственное мѣсто, гдѣ меня искренно уважаютъ. Эй, Семенъ, сходи-ка къ Петру Лаврентьевичу и скажи, что я прошу его прибыть сюда собственной его персоной!

Минуты черезъ двѣ вошелъ господинъ почтеннаго возраста и столь же почтенной наружности и съ выраженіемъ глубокаго уваженія поздоровался съ Тетюшинымъ.

— А, Петръ Лаврентьевичъ! Ну, вотъ-что: хорошенько напоите и накормите насъ!

— Останетесь довольны, докторъ!—почтительно отвѣтилъ Петръ Лаврентьевичъ и сейчасъ же началъ дѣлать распоряженія.

Стали появляться одинъ за другимъ лакеи, и большой четырехугольный столъ мало-по-малу покрывался разнообразными закусками и водками.

Съ каждымъ новымъ явленіемъ Строева приходила въ ужасъ и всплескивала руками.—Да что вы, господа? Да зачѣмъ это? Вѣдь этимъ можно цѣлый полкъ накормить! вѣдь этого и въ мѣсяцъ нельзя съѣсть.

— Это необязательно, Анна Сергѣевна! Мы васъ неволить не будемъ.

— Но къ чему эти горы икры, сыру, ветчины, грибовъ? Все это можно было бы подать въ меньшемъ видѣ.

— Нельзя. Тогда не получилось бы столь художественной картины. На все есть порядокъ, Анна Сергѣевна. Сыръ, такъ долженъ быть пластомъ; сигъ обязанъ быть цѣльнымъ и почтеннымъ на видъ; сосиски въ томатѣ, такъ обязательно цѣлая кастрюля, и паръ изъ нея долженъ подыматься стремительно, какъ лава изъ Везувія! Иначе и аппетита такого не будетъ.

А блюда съ закусками все прибывали, и, наконецъ, столъ былъ весь заставленъ. Затѣмъ Тетюшинъ началъ организовать винную часть.

— Нѣтъ, это все никуда не годится!—презрительно воскликнулъ онъ, бросивъ на столъ карту винъ.—Позови-ка сюда Петра Лаврентьевича.

И опять Петръ Лаврентьевичъ стоялъ передъ нимъ, по прежнему съ глубоко-почтительнымъ видомъ.

— Вотъ что, голубчикъ, Петръ Лаврентьевичъ! помните,

вы на прошлой недѣлѣ угощали меня—я тогда былъ въ другой компаніи—какимъ-то удивительнымъ шато-ла-розомъ? Это было нѣчто безподобное.

— Какъ-же-съ! двѣнадцать рублей бутылочка?

— Вотъ, вотъ, это самое. И что же, эти бутылочки у васъ еще имѣются?

— Какъ-же-съ! Для уважаемыхъ господъ всегда имѣются. Его мы только избраннымъ подаемъ.

— Ну, вотъ, такъ сопричислите насъ къ лику избранныхъ, почтеннѣйшій Петръ Лаврентьичъ, и тащите его сюда.

— Будетъ исполнено!—отвѣтилъ съ глубокимъ поклономъ метръ-д'отель.

Строева слышала этотъ разговоръ и сильно обезпокоилась. Она уже не хотѣла говорить съ Тетюшинымъ, такъ какъ не ожидала отъ него ничего, кромѣ какой-нибудь шутливой выходки. Она обратилась къ Барвинскому.

— Послушайте, Антонъ Михайловичъ, это какое-то сумасшествіе! Вино въ двѣнадцать рублей бутылка! Вѣдь это прямо распутство!

— Дешевле нельзя достать хорошаго вина!—спокойно отвѣтилъ Барвинскій.

— Но зачѣмъ оно? Мы можемъ обойтись безъ него. Къ чему такая драгоцѣнность?

— Это невозможно, Анна Сергѣевна. Насъ здѣсь уважать перестанутъ.

— А вамъ очень нужно ихъ уваженіе?

— Пока я здѣсь, совершенно необходимо.

— Но, однако, бутылка вина въ двѣнадцать рублей... Вы, навѣрно, выпьете ихъ полдесятка. Вѣдь это цѣлыхъ шестьдесятъ рублей! На эти деньги можно два мѣсяца содержать цѣлое семейство.

— Это не входитъ въ нашъ сегодняшній планъ, Анна Сергѣевна!

— О, вашъ планъ мнѣ вовсе не нравится! Я не буду пить это драгоцѣнное вино... Если здѣсь все также дорого, то я ничего не буду ни пить, ни ѣсть. Это просто безсовѣстно швырять такія деньги на какое-то животное удовольствіе, когда на эти деньги можно сдѣлать десятокъ полезныхъ дѣлъ...

— Ахъ, милая Анна Сергѣевна,—съ иронической усмѣшкой сказалъ Антонъ Михайловичъ.—Вы подобны человѣку, который, попавъ въ среду голыхъ дикарей, вздумалъ нарядиться въ самый шикарный фракъ, сшитый по послѣдней парижской модѣ. Дикари не поймутъ всей тонкости и всего шика парижской моды и только будутъ смѣяться надъ нимъ до упаду. Разъ мы пріѣхали въ драгоцѣнный кабакъ, то ужъ тутъ о добродѣтели поминать не приходится.—Господа, давайте выпьемъ и заку-

симъ, а? Пора приступить къ дѣлу!—прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ:—Тетюшинъ уже доказалъ свои блестящія способности выпивочно-закусочнаго организатора! Я наливаю въ рюмки водку, а дамамъ рябиновую настойку и предлагаю выпить, дабы сравнять настроеніе отдѣльныхъ особей. Вотъ, Анна Сергѣевна, сперва одну, а потомъ другую и вы увидите, какъ точка зрѣнія у васъ сразу перемѣнится. Надежда Ивановна, я чокаюсь съ вами.

Надежда Ивановна протянула свою рюмку съ настойкой, чокнулась и выпила. Строева замялась, какъ бы не рѣшаясь; но потомъ рѣшилась послѣдовать общему примѣру.

— Эхъ, господа,—съ какой-то необыкновенной энергіей восклицалъ Барвинскій:—Я сегодня ощущаю такой приливъ здоровья, что мнѣ даже страшно. Мнѣ кажется, что здоровье переполняетъ мои жилы, клокочетъ въ нихъ, льется бурнымъ ключемъ! Мнѣ хочется что нибудь разбить въ дребезги, разрушить домъ, землю перевернуть...

— Почему вамъ страшно?—спросила его Надежда Ивановна.

— Почему страшно? Не знаю почему. Должно быть, потому, что я «боюсь данайцевъ и дары приносящихъ»... Вотъ я и здоровья своего боюсь. Выпьемте еще. Тетюшинъ, дамамъ вина! Зови цыганъ... Давай мнѣ чего нибудь остраго, громкаго, неизвѣданнаго...

— Постой, постой!—воскликнулъ Тетюшинъ: [illegible] рано! Какъ же теперь позвать цыганъ, [illegible] закусили толкомъ и не выпили...

— Эхъ, вотъ поистинѣ «порядочный [illegible]», —говорилъ Барвинскій: онъ требуетъ, чтобы все [illegible] принятымъ правиламъ. Когда подана закуска, такъ надо ее съѣсть. Если стоятъ водки, то надо ихъ наглотаться до одурѣнія. Цыганъ можно слушать тогда, когда уже пьяны. Все по правиламъ. Но пойми ты, милый другъ, что я, не смотря на то, что почти ничего не выпилъ, чувствую себя пьянымъ... Я пьянъ изнутри, отъ себя самого пьянъ. Понимаешь ты? Былъ ли ты когда отъ себя самого пьянъ? Нѣтъ, Тетюшинъ, не былъ, я знаю, что не былъ. И вотъ я въ самой порѣ, чтобы слушать цыганъ.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕНН. СОБРАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУРЪ

И если вѣрить его глазамъ, то можно было подумать, что онъ говорилъ правду. Что-то размашистое, широкое и въ то же время неопредѣленное, невѣрное было теперь въ его взглядѣ—остромъ, проницательномъ, странномъ взглядѣ, который трудно было выдерживать.

Онъ продолжалъ:

— Ну, поѣдимъ и выпьемъ поскорѣе, чтобы всетаки поступить по правиламъ, чтобъ можно было слушать цыганъ...

— Голубчикъ, да вѣдь еще котлеты марешаль принесутъ!—сказалъ Тетюшинъ.

— Ну, вотъ, еще марешаль! Вотъ поистинѣ педантъ кабацкаго дѣла! Сдѣлай милость, разрѣши марешаль ѣсть при цыганахъ!

— Обратись къ дамамъ,—серьезно сказалъ Тетюшинъ:— если онѣ разрѣшатъ, то я ничего не имѣю...

— Надежда Ивановна, Анна Сергѣевна, будьте великодушны, разрѣшите марешаль ѣсть при цыганахъ!—просительно промолвилъ Барвинскій.

— Намъ рѣшительно все равно!—сказала Строева,—но почему это вамъ такъ хочется слушать цыганъ?

— Какъ почему? Потому что цыгане, какъ ни просты они въ своихъ затѣяхъ, а все же представляютъ изъ себя нѣчто, не похожее на обыденное, на то, что мозолитъ намъ глаза каждый день, каждый часъ; не походятъ на Тетюшина, на Сторѣцкаго, на меня и на васъ...

— Я никогда не слышала цыганъ и не могу судить.

— Да, въ нихъ нѣтъ ничего похожаго на насъ... Это, можетъ быть, нѣчто еще болѣе пошлое и ничтожное, но все же оно хоть пошлостью своей выдается. Да вотъ именно это то, что я хочу: что нибудь выдающееся, хоть выдающаяся пошлость, глупость, подлость, но только не это, не это, не это...

Сторѣцкій поднялъ на него глаза и какъ-то необыкновенно пытливо посмотрѣлъ на него.

— Антонъ Михайловичъ, смирись! — полушутя произнесъ онъ, но въ глазахъ у него было что-то тревожное.

Необъяснимую тревогу почувствовала и Надежда Ивановна. Сердце ея забилось неровно, то сжимаясь съ болью, то стуча нетерпѣливо.

Она взглянула на Строеву и прочитала въ ея глазахъ какое-то глубокое непониманіе.

— Анна,—тихо сказала она ей:—ты не находишь, что все это нездорово?

— Я нахожу только одно, что вы здѣсь въ конецъ испортили нашего Барвинскаго.

— Нѣтъ, ты ошибаешься. Онъ теперь въ милліонъ разъ лучше, чѣмъ былъ, когда пріѣхалъ.

Только Тетюшинъ, казалось, оставался спокойнымъ и, принявъ къ свѣдѣнію желаніе Барвинскаго и разрѣшеніе дамъ, скомандовалъ, чтобы позвали цыганъ. А услышавъ во время этихъ распоряженій послѣднія слова Барвинскаго, онъ воскликнулъ:

— Ха, неужто и мною недоволенъ, Бобочка?

Барвинскій посмотрѣлъ на него сверху внизъ, странно усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ. Онъ налилъ вина себѣ, Надеждѣ Ивановнѣ и Строевой. Во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась какая-то преувеличенная энергія, размашистость.

Казалось, человѣкъ этотъ хотѣлъ, чокаясь съ дамами, непремѣнно разбить стаканъ, разрѣзывая ветчину, прорѣзать насквозь тарелку, похлопывая по плечу Тетюшина, убить его. И его басистый голосъ звучалъ, какъ рокотъ вѣтра.

Тетюшинъ, хотя и сдѣлалъ уступку, тѣмъ не менѣе, старался наскоро выполнить все, что полагалось. По его мнѣнію—а мнѣніе это выработалось огромной практикой—цыганъ можно звать только тогда, когда люди наѣлись, когда въ головахъ достаточно шума отъ выпитаго вина, когда уже запѣнилось въ бокалахъ шампанское. Поэтому онъ приказалъ, чтобы какъ можно скорѣе подавали марешаль, да кстати и помери-секъ, которое стояло у него въ программѣ.

Началось усиленное движеніе. Лакеи засуетились. Черезъ минуту несли котлеты, откупоривали вино, наливали въ бокалы. Тетюшинъ, желая быть до конца вѣрнымъ самому себѣ, наскоро сболтнулъ какой-то тостъ за какія-то «беззаботныя радости жизни», и, наконецъ, по его мановенію, явилась толстая, сильно расплывшаяся, черномазая дама, въ какомъ-то затрапезномъ платьѣ, похожемъ на домашній капотъ.

Тетюшинъ радостно пошелъ ей навстрѣчу и чрезвычайно фамильярно поздоровался.

— А, Ольга Матвѣевна!—сколько лѣтъ, сколько зимъ!..—воскликнулъ онъ.

— Ахъ-ахъ-ахъ! Сто лѣтъ не видались, господинъ докторъ! Съ самой прошлой недѣли!

— Ну, что? Всѣ здоровы въ вашемъ шатрѣ? А?

— Баритонъ Трифонъ заболѣлъ. Большой недочетъ, господинъ докторъ!

— Что вы? Что же у него? Давайте его сюда; мы всѣ его разомъ будемъ лѣчить. Вѣдь все врачи, и дамы-врачи. Видѣли вы когда нибудь, Ольга Матвѣевна, дамъ-врачей? Навѣрно не видали! Ну, такъ смотрите во всѣ глаза: вотъ—цѣлыхъ двѣ...

Ольга Матвѣевна въ самомъ дѣлѣ съ величайшимъ любопытствомъ разглядывала обѣихъ дамъ и, казалось, дивилась больше всего тому, что находила ихъ такими же, какъ всѣ дамы на свѣтѣ.

— А это, господа,—рекомендовалъ Тетюшинъ Ольгу Матвѣевну:—это у насъ знаменитость. Въ свое время слава ея гремѣла. Голосъ былъ поразительный. И какъ пѣла! Батюшки мои, какъ пѣла! Но это время прошло, и теперь Ольга Матвѣевна—ни болѣе, ни менѣе, какъ начальница сего пансіона, или, лучше сказать, шатра... А, вотъ и пансіонерки! Пожалуйте, пожалуйте! Ба, все знакомыя лица!

Хористы входили постепенно, медленно, одинъ за другимъ. Сперва дамы, а затѣмъ мужчины. Все это были сму-

глянки съ чрезвычайно серьезными, слегка даже какъ бы смущенными лицами. И на привѣтствіе Тетюшина онѣ отвѣчали кивкомъ головы, но безъ улыбки, какъ люди, строго относящіеся къ своимъ обязанностямъ.

Женщины расположились полукругомъ, а мужчины стали позади ихъ. У нѣкоторыхъ были гитары и еще какіе-то инструменты. Одинъ гитаристъ съ черной кудрявой головой, съ бравымъ видомъ сталъ впереди нѣсколько справа и далъ тонъ. Хоръ запѣлъ.

Ольга Матвѣевна при этомъ уже сидѣла рядомъ съ Тетюшинымъ. Онъ угощалъ ее икрой и виномъ.

Дамы съ удивленіемъ смотрѣли на все, что передъ ними происходило. Обѣ онѣ никогда не имѣли случая присутствовать въ такой обстановкѣ.

Кончилась пѣсня. Тетюшинъ скомандовалъ другую, потомъ третью, потомъ кто-то началъ плясать.

Барвинскій, сидѣвшій нѣсколько поодаль и внимательно слушавшій, перемѣнилъ мѣсто и подсѣлъ къ Надеждѣ Ивановнѣ:

— Нѣтъ, это не то...—сказалъ онъ:—Это совсѣмъ не то...

— Но вы же этого хотѣли!

— Нѣтъ, я не хотѣлъ именно этого, я хотѣлъ чего-нибудь... раскатистаго,.. Ахъ, это трудно объяснить. Я хотѣлъ бы, чтобъ вдругъ выскочилъ изъ-подъ земли или изъ глубины моря какой-нибудь звѣрь—огромный, мохнатый, невѣдомый и неслыханный звѣрь и рявкнулъ на всю вселенную, да такъ рявкнулъ, чтобы планеты остановились въ своемъ движеніи. Я хотѣлъ-бы, чтобы повторился всемірный потопъ или страшный огонь охватилъ весь міръ!.. Посмотрите, какъ у меня кровь быстро льется въ жилахъ; подержите мой пульсъ.

Онъ протянулъ ей руку,—она была горяча. Надежда Ивановна попробовала его пульсъ,—онъ бился съ страшной силой.

— Вы нездоровы... У васъ лихорадка. А еще хвастались здоровьемъ.

— Нѣтъ, никакой лихорадки нѣтъ. Это такъ, приливъ чего-то... Не знаю чего... Это со мной иногда бываетъ. Вдругъ ни съ того, ни съ сего является желаніе разорваться на части... Но вы не бойтесь этого; это—не сумасшествіе.

— Почему я должна этого бояться?

— Почему?—онъ не сразу отвѣтилъ: — Да такъ, ни почему... Знаете, мнѣ противно это пѣніе. Нельзя-ли какъ-нибудь прогнать ихъ? Или нѣтъ, вотъ что... Будьте благодѣтельницей,—согласитесь выйти со мной на пять минутъ въ садъ, тамъ свѣжій воздухъ есть.

Его глаза сдѣлались странными, неспокойными, щеки загорѣлись лихорадочнымъ румянцемъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, — подумала Надежда Ивановна, — ему нуженъ свѣжій воздухъ».

— Хорошо, выйдемъ; только вѣдь мы всѣхъ взбунтуемъ...

— Ничего, мы тихонько... Видите, я хочу, чтобъ вы пошли со мной; если я пойду одинъ, я уже не вернусь, — а мнѣ не хочется разрушить планъ этого добраго человѣка.

Онъ поднялся и, сдѣлавъ остальнымъ успокоительный жестъ, тихо сказалъ:

— Мы на двѣ минуты уйдемъ. У Надежды Ивановны слегка закружилась голова...

Строева посмотрѣла на нихъ съ изумленіемъ.

— Правда?—спросила она Надежду Ивановну.

— Да, немного,—отвѣтила та.

Барвинскій на цыпочкахъ прошелъ къ двери, тихонько отворилъ ее, пропустилъ Надежду Ивановну и самъ прошелъ вслѣдъ за нею Въ корридорѣ онъ отыскалъ ея шубу и свою и они вышли въ садъ.

Было часовъ одиннадцать ночи, предсказаніе Тетюшина сбылось. Туманъ разсѣялся и стояла ясная морозная ночь Небо было чисто, и на немъ горѣли частыя звѣзды.

— Какая чудная ночь!—воскликнула Надежда Ивановна.

— Знаете что? Отыщемъ моего кучера и прокатимся по островамъ. Все равно, этотъ балъ затянется у нихъ долго!— продолжалъ Барвинскій.

Надежда Ивановна ничего не могла возразить противъ этого. Вообще она чувствовала, что онъ какъ бы подчиняетъ ее себѣ, что у нея нѣтъ силы отказаться отъ его зова. Это чувство было смутное, мимолетное, и она не могла еще дать въ немъ себѣ отчета.

— Поѣдемъ, Антонъ Михайловичъ... Только не надолго. Анна Сергѣевна заскучаетъ...—отвѣтила она.

— Нѣтъ, Тетюшинъ развеселитъ ее.

— Вы думаете, что это возможно?

— А почему бы и нѣтъ?

Они вышли въ это время за ворота, и Антонъ Михайловичъ крикнулъ кучера. Гдѣ-то вдали откликнулся теноровый голосъ, потомъ послышался мягкій стукъ лошадиныхъ копытъ, затѣмъ показались лошади и сани съ высоко сидѣвшимъ на своемъ кучерскомъ мѣстѣ Сергѣемъ.

— Садитесь!

Онъ помогъ ей усѣсться, затѣмъ и самъ помѣстился рядомъ. У Надежды Ивановны вдругъ явилось такое чувство, какъ будто она пускалась въ какое-то невѣдомое путешествіе, которое сулило ей тысячу неожиданностей и опасностей. Лошади тронули.

— Прокати, гдѣ получше дорога!

Сергѣй пустилъ лошадей быстрой рысью.

— А почему бы и нѣтъ?—сказалъ Барвинскій, очевидно продолжая прерванный разговоръ:—Вѣдь мы, въ сущности, одного поля ягоды. Всѣхъ насъ точно нивеллировали при рожденіи, боясь, чтобы кто нибудь изъ насъ не выросъ побольше другихъ. Иные изъ насъ носятъ высокіе каблуки и становятся на цыпочки, чтобы казаться больше и себѣ и другимъ. Но каблуки быстро стираются, а отъ цыпочекъ пальцы начинаютъ болѣть, и смотришь—это былъ обманъ... Строева теперь еще на высокихъ каблукахъ ходитъ. Но это когда-нибудь кончится.

— О, нѣтъ, вы ошибаетесь, Антонъ Михайловичъ!—съ горячимъ убѣжденіемъ возразила Надежда Ивановна: — Строева выше многихъ.

— Ахъ, это «выше многихъ» ничего не стоитъ. Мы съ вами тоже навѣрно выше многихъ — очень ужъ ничтожныхъ, но это невелика честь. Знаете, все это, все то, что мы видимъ и сами переживаемъ, мнѣ кажется похожимъ на бездарную пьесу, разыгрываемую на сценѣ плохими актерами. Читаешь афишу: все короли да герцоги, все герои, съ которыми у насъ связано представленіе о грандіозныхъ событіяхъ, о великихъ характерахъ, и ждешь, что вотъ подымется занавѣсъ, и предъ тобой начнетъ разыгрываться нѣчто глубокое, важное, потрясающее. И вотъ занавѣсъ взвился. И что же? Жалкая грошовая обстановка, косноязычный шепелявый актеръ, гнусящая актриса,—неуклюже ходятъ по сценѣ и говорятъ пошлыя обыденныя слова. Боги спустились на землю и начали ѣсть суточные щи съ пирогами...

— Къ чему это сравненіе, Антонъ Михайловичъ?

— Да вотъ хоть эти цыгане... Мнѣ хотѣлось ихъ слушать. Я слушалъ ихъ не разъ, но всегда въ пьяномъ видѣ. И получалъ тогда отъ нихъ, должно быть, неправильное впечатлѣніе. Я ихъ преувеличивалъ и потому ждалъ отъ нихъ теперь чего-то необыкновеннаго. И вотъ они запѣли... Вы, можетъ быть, нашли въ нихъ какое-нибудь откровеніе?

— Они поютъ стройно.

— А, всѣ мы поемъ стройно... Ну ее къ черту, эту стройность. Эта-то стройность и губитъ дѣло. Она-то и заѣдаетъ и принижаетъ... Все такъ гладко, стройно, хорошо, и если явится кто нибудь, нарушитъ эту стройность, крикнетъ какую нибудь высокую ноту, произведетъ диссонансъ, то его сейчасъ же обучаютъ хоровому пѣнію, потомъ ставятъ врядъ, полукругомъ, и онъ начинаетъ тянуть общую пошленькую пѣсню.

— Что съ вами сегодня, Антонъ Михайловичъ? Вы никогда такъ не говорили. И вы поѣхали, кажется, съ искреннимъ желаніемъ веселиться, слушать цыганъ.

— Что со мной? Что со мной? Я не знаю, что со мной! Да, я ѣхалъ такой, а пріѣхалъ другой... Но что *вы* за существо? Объясните мнѣ, пожалуйста. Меня почему-то тянетъ къ вамъ, хотя не влюбленъ же я въ васъ въ самомъ дѣлѣ! Тянетъ, а межъ тѣмъ я васъ совсѣмъ не знаю. Я знаю васъ только отрицательно.

— Какъ отрицательно?

— Ну, какъ? Большинство нашихъ женщинъ можно характеризовать только отрицательно. Вы *не* пьете водки, *не* курите, *не* играете въ винтъ, *не* ѣздите на скачки, *не* приходите въ восторгъ отъ ухаживаній Черницына, *не* увлекаетесь практикой, *не* гоняетесь за ней. Все—*не*, *не*, *не*... Но что же вы именно? Въ чемъ ваше *да*? Вонъ Строева, та все ищетъ идеальнаго человѣка. Это, по крайней мѣрѣ, спеціальность. Прекрасное занятіе—искать идеальнаго человѣка и думать, что такимъ образомъ дѣлаешь великое дѣло... Ну-съ, вы тоже идеальнаго человѣка ищете?

— Да, ищу!—отвѣтила Надежда Ивановна.

— Зачѣмъ онъ вамъ?

— Какой странный вопросъ! Затѣмъ, что у меня есть потребность въ идеальномъ!

— Потребность въ идеальномъ человѣкѣ?

— Да, я живой человѣкъ, и я стремлюсь къ живому...

— Вы хотите влюбиться въ него? Онъ вамъ нуженъ для того, чтобы сказалъ вамъ: иди за мной? И вы пойдете, какъ слѣпая, въ огонь и въ воду? Такъ?

— Можетъ быть, и такъ. Почему вы это говорите съ такой ироніей?

— А сами вы не можете сдвинуться съ мѣста!.. Ну, да, да, мы всѣ такъ устроены. Дрянность, животность, низкія наклонности въ насъ необыкновенно дѣятельны, на дрянные поступки насъ стремительно влечетъ, какъ комаровъ на огонь. А идеальное въ насъ инертно, вяло и требуетъ, чтобы его изъ насъ клещами вытаскивали. И почему-то мы называемся порядочными людьми! Мы такъ же порядочны, какъ волкъ, когда онъ сытъ. Звѣрская жадность въ немъ молчитъ, и онъ равнодушно пропускаетъ овцу мимо себя. А знаете ли вы, что вамъ скажетъ идеальный человѣкъ? Онъ скажетъ: мнѣ не надо твоей любви. Не хочу я, чтобъ ты изъ-за этой любви ко мнѣ, идеальному человѣку, шла въ огонь и въ воду. Ты иди такъ, безъ любви, тогда я тебѣ повѣрю! Потому что, если черезъ любовь, такъ ты не только въ огонь и въ воду пойдешь, а и въ болото, и въ грязь, и во всякую мерзость! А что, небойсь, скучно безъ любви подвиги совершать! Слушайте! Поѣдемте домой.

— Какъ домой?

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕНН. СОБРАНІЯ СЛУЖАЩИХЪ при ФАБРИКѢ Товарищества Мануфактуръ Анны Красильщиковой съ С-мъ въ с. Родникахъ.

— Ну, такъ, я завезу васъ къ вамъ, а потомъ поѣду къ себѣ. Мнѣ не хочется возвращаться туда.

— Я не могу. Я должна вернуться, потому что тамъ Строева. Она ко мнѣ пріѣхала, она моя гостья.

— Да... Поверни обратно!—сказалъ онъ кучеру и продолжалъ какимъ-то лихорадочнымъ голосомъ:—да, гостья. Это вѣрно! Еще вотъ эти наши обыденныя отношенія... Они связываютъ насъ крѣпкими узлами по рукамъ и по ногамъ. Я не могу сдѣлать этого, потому что у меня жена, вы—потому что у васъ гостья. Тотъ—потому что у него такіе-то уважаемые знакомые. Тотъ обидится, другой огорчится, третій оскорбится... Впрочемъ, это не относится къ дѣлу... Ахъ, я ненавижу родню, свойство, друзей и знакомыхъ! Надо оторваться отъ всего, надо забыть, какія у нихъ лица, у родныхъ, друзей и знакомыхъ, чтобъ вовсе не узнавать ихъ на улицѣ. Надо развязать всѣ узлы, всѣ узлы до послѣдняго... Да, это правда, что я много говорю... Я говорю, какъ пьяный, хотя я не пьянъ. Я говорю странныя вещи... Но я замолчу, я замолчу скоро совсѣмъ... Я замолчу, и отъ меня не добьются слова... Я говорю потому, что не могу не говорить. Вы понимаете это? Я не могу остановиться. Во мнѣ что-то кипитъ, какъ вода въ котлѣ. И изъ этого кипѣнія рождаются пузыри... Такъ мои слова... А, вотъ мы пріѣхали! Вставайте.

Сани остановились. Онъ сошелъ на землю. Шуба его была распахнута, воротникъ опущенъ.

Онъ стоялъ у саней и не помогалъ ей сойти, хотя она видимо путалась въ длинныхъ полахъ своей шубы. Онъ какъ бы не замѣчалъ этого.

Свѣтъ отъ нѣсколькихъ фонарей, освѣщавшихъ входъ въ садъ, падалъ на его лицо. Она взглянула на него. Лицо его, не смотря на морозъ, было блѣдно, глаза, какъ казалось, сдѣлались меньше, или углубились въ орбиты и лучились какимъ-то страннымъ, неестественнымъ свѣтомъ.

— Пойдемте же, Антонъ Михайловичъ!—сказала Надежда Ивановна, видя, что онъ не двигается съ мѣста.

Онъ, точно проснувшись, перевелъ на нее свой взглядъ, такой странный, тревожный и въ то же время холодный взглядъ, отъ котораго у нея дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

— Ахъ, да, пойдемте.

И онъ пошелъ вслѣдъ за нею. Они прошли деревянный помостъ, прикрытый навѣсомъ и дошли до двери, которая вела въ корридоръ. Оттуда слышалось пѣніе, крикливые возгласы, звонъ посуды, топаніе ногъ. Онъ вдругъ остановился.

— Погодите минутку. Окажите мнѣ услугу... Величайшую, величайшую услугу!

Она смотрѣла на него выжидательно и со страхомъ. Голосъ ея дрожалъ.

— Что я должна сдѣлать, Антонъ Михайловичъ?

— Позвольте мнѣ не входить сюда.

— Какъ же это? Вы можете войти и уйти...

— Нѣтъ, я не могу...

— Почему вы не можете, Антонъ Михайловичъ?

— Я не могу. Вотъ я дошелъ до этой двери, я дошелъ до того мѣста, куда могъ; а дальше, я чувствую, что не могу. У меня нѣтъ силъ туда войти.

— Это странно, Антонъ Михайловичъ!

— Навѣрно, это странно... Но... Я не могу... Поймите... Есть какая-то сила, которая не позволяетъ мнѣ войти туда, она меня отталкиваетъ... Это еще будетъ хуже, если я войду туда, потому что... мнѣ ужасно невыносимъ Тетюшинъ... и все, что забавляло меня полчаса назадъ... Вы этого не можете понять... Одно слово Тетюшина можетъ довести меня до страшнаго раздраженія. Я могу убить его за одно слово. Позвольте мнѣ остаться.

— Хорошо... Поѣзжайте... Только... Только вы домой?

— Да, да, домой.

— Это правда?

— Да, да. Даю вамъ честное слово. Идите...

Она еще разъ пристально взглянула на него и вошла въ корридоръ. Онъ тотчасъ же пошелъ обратно. Она остановилась и оглянулась. Онъ шелъ чрезвычайно быстро и скоро исчезъ на поворотѣ. Она пошла дальше.

Всюду направо и налѣво были двери, она не знала, куда войти. Вдругъ одна изъ дверей распахнулась.

— Вотъ такъ штука! Они блаженствуютъ тамъ и забыли объ насъ!—услышала она хриплый голосъ Тетюшина.

— Какъ? Вы одна? А гдѣ же провожатый?

Надежда Ивановна не отвѣтила ни слова. Она вошла въ кабинетъ, скинула и швырнула шубу и, шатаясь, едва дошла до кресла и опустилась въ него. Лицо ея было блѣдно, въ глазахъ стояло выраженіе ужаса.

— Что случилось? Что случилось? Гдѣ онъ?—спросили ее въ одинъ голосъ Строева и Сторѣцкій.

Она не могла вымолвить ни слова.

VIII.

Въ кабинетѣ былъ странный видъ. Хоръ уже не пѣлъ, очевидно кончивъ всѣ свои пѣсни. Ольга Матвѣевна сидѣла на диванѣ рядомъ съ Строевой, а около нея подсѣлъ Сто-

рѣцкій и, нѣжно поглаживая ея пухлую руку, говорилъ о томъ, какъ она удивительно пѣла какой то романсъ двадцать лѣтъ назадъ.

Хористки и хористы сгруппировались вокругъ рояля, на которомъ стоялъ огромный подносъ съ цѣлой горой бутербродовъ. Тутъ же помѣщалось нѣсколько бутылокъ пива и нѣсколько стакановъ. Хоръ жадно насыщался.

Строева смотрѣла на все недоумѣвающими глазами. Щеки у нея были румяны и въ глазахъ было что то необычное. При появленіи Надежды Ивановны, она въ первый моментъ радостно улыбнулась, а потомъ, когда разглядѣла свою подругу, лицо ея выразило ужасъ.

— Что случилось? Гдѣ Барвинскій?—спросила она, испугавшись главнымъ образомъ не того, что Барвинскаго сейчасъ нѣтъ съ нею, такъ какъ онъ могъ замѣшкаться, а страннаго вида Надежды Ивановны.

Но удивительнѣе всего было то, что больше всѣхъ, даже больше Строевой всполошился Сторѣцкій, отличавшійся необыкновеннымъ спокойствіемъ и выдержкой. Онъ оставилъ пухлую руку «начальницы пансіона» и быстро подошелъ къ Надеждѣ Ивановнѣ.

— Куда вы его дѣвали?—спросилъ онъ и приэтомъ его густыя брови страшно нахмурились.

— Я не знаю...—подавленнымъ голосомъ произнесла Надежда Ивановна.—Мы съ нимъ вышли, онъ предложилъ прокатиться... Всю дорогу онъ говорилъ странныя вещи, потомъ мы вернулись... Мы вошли въ садъ, подошли къ двери. Онъ остановился и сказалъ: я не могу. И ни за что не хотѣлъ войти.

— У него были странные глаза?.. — спросилъ Сторѣцкій.

— Да, странные...

— А передъ этимъ былъ цѣлый потокъ неудержимыхъ рѣчей? Онъ не могъ остановиться?

— Да, да. Онъ даже сказалъ, что не можетъ остановиться.

— Несчастный... Бѣдняга Барвинскій! Значитъ, это опять... Опять это съ нимъ... Я надѣялся, что это больше не повторится...

— Что? Что вы знаете?

— Послушай,—обратился онъ къ Тетюшину.—Прогони ты этотъ народъ отсюда!—И сказалъ онъ это довольно громко, такъ что и Ольга Матвѣевна и хоръ не могли этого не слышать.

— Мы пойдемъ... Мы сейчасъ...—сказала, суетливо подымаясь Ольга Матвѣевна, потомъ подошла къ Тетюшину и тихонько прибавила ему.—Господинъ докторъ, намъ за пѣніе слѣдовало бы...

— Голубушка, придите минутъ черезъ десять...

— А, ну, хорошо, хорошо!.. Все равно, хоть черезъ годъ. Мы вамъ вѣримъ. Кому же и вѣрить, какъ не такимъ господамъ?

— Ну, вотъ и отлично! Уходите, уходите,—довольно безцеремонно гналъ ихъ Тетюшинъ.

Хоръ уже вышелъ; исчезла и Ольга Матвѣевна. Сторѣцкій съ глубоко озабоченнымъ видомъ ходилъ по комнатѣ.

— Объясните же, Григорій Игнатьевичъ,—еще разъ нетерпѣливо попросила его Строева.

— Ахъ, что тутъ объяснять? Дайте вонъ Надеждѣ Ивановнѣ придти въ себя. Видите, какое у нея блѣдное лицо.

— Нѣтъ, ничего. Я уже оправилась! — сказала Надежда Ивановна.

— Куда же вы его дѣвали?—спрашивалъ ее Сторѣцкій.

— Онъ поѣхалъ домой.

— Домой-ли?

— Навѣрно. Онъ далъ мнѣ честное слово.

— А какъ же лошади-то? Какъ же мы вернемся? — воскликнулъ Тетюшинъ.

— Э, ну-тебя; тутъ не въ лошадяхъ дѣло. Какъ нибудь доставимся. Да, такъ домой? Видите-ли, я самъ никогда не видалъ, какъ у него это начинается... Но мнѣ писалъ изъ Вильны товарищъ, докторъ Альбинскій. Вы навѣрно его знаете, Анна Сергѣевна. И я помню,—именно такъ было... Внезапный потокъ словъ, до того, что не можетъ остановиться. Потомъ отвращеніе къ веселости, къ обществу, ко всему, что полчаса назадъ занимало его.

— Да что начинается? говори толкомъ!—воскликнулъ Тетюшинъ.

— Что начинается? Да ясно что: душевная болѣзнь, вотъ что начинается! Это уже разъ было съ нимъ въ Вильно. Раньше, еще въ студенческіе годы ты же самъ наблюдалъ его и разсказывалъ мнѣ. Дѣло ограничивалось только страннымъ состояніемъ духа, повышенной впечатлительностью, угрюмостью, но въ Вильно съ нимъ случилось это, кажется, въ первый или во второй разъ. Я въ это время былъ въ Вильно проѣздомъ. Въ Гродненской губерніи у меня случилась тогда экспертиза. Я заѣхалъ къ Альбинскому и узналъ объ этомъ. Я видѣлъ его. Форменная paranoia halucinata.

— А!—воскликнули всѣ разомъ, понявъ значеніе этихъ словъ. Сторѣцкій продолжалъ.

— Альбинскій потомъ писалъ мнѣ подробно о ходѣ его болѣзни и былъ увѣренъ, что этимъ дѣло и кончится. Онъ сталъ поправляться и, наконецъ, совсѣмъ оправился. Признаюсь, что я тогда же выразилъ сомнѣніе, что этимъ дѣло и

кончится. Вы же знаете, какая это форма... Ну, вотъ, я этого боялся и былъ правъ, къ сожалѣнію.

— Мнѣ кажется, что вы ошибаетесь!—сказала Строева.— Еслибы это было такъ...

— То вы знали бы объ этомъ въ Вильно? Но дѣло въ томъ, что Нина Александровна потребовала глубокой тайны. И я этого требую, господа, отъ васъ, потому что ей это должно быть крайне мучительно.

— Вы говорите невѣроятныя вещи!—съ упорствомъ возражала Строева.—Онъ никогда не походилъ на душевно больного.

— Да, но и никогда не былъ нормальнымъ. Развѣ вы не видѣли, какъ онъ ко всему относится! Какія перемѣны и скачки! То ровенъ, то неудержимо увлекается, ни въ чемъ не знаетъ границъ... Господа, я предлагаю ѣхать домой...— мрачно закончилъ Сторѣцкій.

— Да на чемъ же?—спросилъ Тетюшинъ.

— О, тутъ всегда найдутся извозчики.

— Право, не дождаться ли лошадей...

— Но, можетъ быть, мы и не дождемся ихъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ даже и не вспомнитъ о насъ.

— Да, да, ѣдемте сейчасъ-же,—сказала Строева.—Я не могу ни одной минуты оставаться здѣсь. Это будетъ самымъ тяжелымъ мѣстомъ для меня во всю жизнь. Теперь меня ни за что не уговорили бы сюда пріѣхать. Все, что вы говорите, Григорій Игнатьевичъ, странно, дико, невозможно, и нельзяже успокоиться на томъ, что онъ поѣхалъ домой. Господа, вы не знаете какой это человѣкъ, какая это удивительная личность! Я говорю, какой онъ былъ въ Вильно одно время, когда я его знала... Слушайте,—обратилась она къ Сторѣцкому.—Вы должны заѣхать къ нимъ и узнать. Мы будемъ ждать васъ у насъ... У Надежды Ивановны.

— Да, да, я прямо туда поѣду.

Всѣ стали торопливо собираться. У Тетюшина былъ такой видъ, точно его переѣхали экипажемъ; все случившееся какъ то придавило его.

— Бобочка сумашедшій! У Бобочки душевная болѣзнь! Это что то невозможное! Бобочка, веселый товарищъ, собутыльникъ, любитель выпивки и скачекъ... невѣроятно! невѣроятно!

Тетюшинъ зашелъ на минуту въ буфетъ и расплатился. Потомъ они всѣ вышли въ садъ и за воротами тотчасъ-же нашлись къ ихъ услугамъ извозчики. Строева сѣла съ Тетюшинымъ, Надежда Ивановна съ Сторѣцкимъ. Ѣхали почти молча.

За Троицкимъ мостомъ Сторѣцкій пересѣлъ на другого извозчика, а Надежду Ивановну отпустилъ одну.

— Я прямо къ вамъ пріѣду,—сказалъ онъ.—Вы меня ждите. Теперь еще часу нѣтъ...

Онъ поѣхалъ на Кирочную. Подъѣздъ дома, гдѣ жилъ Барвинскій, былъ на глухо затворенъ и заперть. Онъ позвонилъ. Минуты черезъ двѣ, лѣниво и неохотно дверь отперъ швейцаръ, явившійся со свѣчей въ рукѣ.

Сторѣцкій вошелъ въ подъѣздъ, сопровождаемый удивленнымъ взглядомъ швейцара, который зналъ его, какъ довольно частаго гостя Барвинскихъ, но не ожидалъ послѣ часу ночи.

— Послушай, любезный,—промолвилъ Сторѣцкій,—я, можетъ быть, не войду въ квартиру, а только поговорю съ тобой. Баринъ пріѣхалъ?

— Антонъ Михайловичъ?

— Ну, да, конечно.

— Пріѣхали.

— Давно?

— Съ часъ тому назадъ.

— Ты видѣлъ его?

— Какъ же не видѣлъ? видѣлъ!

— Не замѣтилъ ничего страннаго?

— Нѣтъ, ничего-съ.

— Когда онъ пріѣхалъ, сказалъ что нибудь кучеру?

— Нѣтъ, не сказали ничего.

— И кучеръ поѣхалъ во дворъ и остался дома?

— Точно такъ.

— А шелъ онъ быстро?

— Очень быстро. Сошли съ саней, закутались воротникомъ, вскочили въ подъѣздъ и побѣжали по лѣстницѣ. Позвонили и вошли.

— Больше ты его не видалъ?

— Нѣтъ, больше они не выходили.

— И барыню не видалъ?

— Нѣтъ, не видалъ-съ.

— А въ квартирѣ было тихо?

— Ничего не было слыхать.

— Ну, хорошо. Я забѣгу утромъ.

Сторѣцкій сунулъ ему полтинникъ за безпокойство и вышелъ.

— Господинъ докторъ, позвольте спросить, а что же собственно? Можетъ, что нибудь такое...

— Что еще такое?

— Можетъ, что нибудь не по порядку?

— Что такое не по порядку? Просто онъ выпилъ лишнее; это со всякимъ можетъ случиться. Ну, я и боялся, хорошо ли онъ доѣхалъ.

— А, такъ, такъ... Это бываетъ!—промолвилъ швейцаръ

и, услышавъ, что баринъ, можетъ быть, изрядно выпилъ, онъ даже развеселился.

— Ну, то-то, бываетъ!—ворчливо промолвилъ Сторѣцкій и поѣхалъ къ Надеждѣ Ивановнѣ.

«Чортъ знаетъ, какихъ я глупостей надѣлалъ! Взбудоражилъ дамъ... А можетъ быть, все это ошибка, можетъ быть, онъ и не думалъ заболѣвать. Экій у меня языкъ дурацкій», думалъ Сторѣцкій, а болѣе всего удивлялся онъ тому, что его на этотъ разъ покинула обычная сдержаность.

Онъ, можетъ быть, и вполнѣ правъ, объясняя это излишнимъ количествомъ выпитаго шампанскаго.

У Надежды Ивановны онъ засталъ всѣхъ въ тревогѣ.

— Ну, господа,—сказалъ онъ,—кажется, я преувеличилъ! Ничего такого нѣтъ...

И онъ разсказалъ свой разговоръ съ швейцаромъ.

— Однако, лошадей послать за нами забылъ!—сообразилъ Тетюшинъ.

— Ну, это не важно. Вотъ то, что онъ поѣхалъ дѣйствительно домой, это важно, это очень хорошій признакъ. Его болѣзненность именно въ томъ и выражается, что его тянетъ вонъ изъ дому. Я думаю, что завтра мы его увидимъ въ больницѣ на своемъ мѣстѣ, такимъ же, какимъ онъ бываетъ всегда. Ему до послѣдней степени вредно пить, а Тетюшинъ,— прибавилъ онъ уже полушутя, — спаиваетъ его.

— Ну, вотъ, еще окажется, что я во всемъ виноватъ!— протестовалъ Тетюшинъ.

Но, принявъ на вѣру, что Сторѣцкій ошибся и что все обстоитъ благополучно, онъ тотчасъ же опять вернулъ себѣ обычный веселый тонъ и прибавилъ:

— Но куда же мнѣ дѣваться? Вѣдь я увѣрилъ жену, что ѣду на консиліумъ въ Ораніенбаумъ и что меня отпустятъ не раньше девяти часовъ утра.

— Но, послушай, вѣдь это тѣмъ лучше. Своимъ внезапно-раннимъ возвращеніемъ ты сдѣлаешь женѣ неожиданный сюрпризъ и отъ этого ты станешь ей вдвойнѣ пріятнѣе...

— А въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь это идея! Отлично! Я такъ и сдѣлаю. Вѣдь это послужитъ лучшимъ доказательствомъ моей вѣрности. Только вотъ винищемъ отъ меня разитъ! какъ съ этимъ быть? На консиліумахъ пить шампанское непринято...

— Ну, пустое! Выкури двѣ хорошихъ папиросы, пожуй хорошенько бумаги и все пройдетъ.

— И это идея! Ѣду домой! О, еслибъ вы видѣли, съ какой гордо-поднятой головой я войду!.. Какъ человѣкъ, болѣе чѣмъ исполнившій данное слово.

Они простились съ дамами и уѣхали оба.

Надежда Ивановна и ея гостья долго сидѣли молча, какъ

бы подавленныя однимъ горемъ, одной общей невидимой тяжестью.

— Ты этого не знала, Анна?—спросила, наконецъ, Надежда Ивановна.—Ты не знала того, что было въ Вильнѣ?

— Мнѣ никто не говорилъ этого. Да, правда, онъ исчезъ тогда и больше не появлялся; мнѣ говорили, что онъ заболѣлъ, но я никогда не думала, что это такая болѣзнь.

— Анна, еслибъ ты слышала его рѣчи, еслибы ты видѣла его въ ту минуту, когда онъ отказался войти со мною къ вамъ! У него былъ такой видъ, точно онъ не можетъ войти подъ страхомъ смертной казни. Онъ сказалъ: я могу убить Тетюшина за одно слово!

Строева подняла голову:—Слушай, это неправда! Это не сумасшествіе! Онъ просто созналъ всю гнусность такого образа жизни, всю пошлость общества, въ которомъ онъ живетъ, а они этого не поняли, имъ это кажется дикимъ и они готовы считать его сумасшедшимъ. Ты увидишь, что все это не такъ, не такъ. Ты увидишь, что я была права. Завтра ты пойдешь въ больницу?

— О, да, я не была сегодня.

— Ты увидишь его. Присмотрись. У него будутъ другіе глаза, онъ будетъ другой; ты мнѣ разскажешь. А теперь спать, спать... Я страшно устала, эта пошлая пирушка больше дороги утомила меня.

Онѣ легли спать. Строеву положили на длинномъ диванѣ который стоялъ въ передней. Его перенесли въ гостиную.

Скоро въ квартирѣ загасили свѣчи. Строева уснула. Но Надежда Ивановна долго не спала. Въ ушахъ ея звучали странныя рѣчи Барвинскаго, его блѣдное лицо съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ стояло передъ нею. Сердце билось неимовѣрно. Онъ овладѣлъ ею, въ этотъ вечеръ онъ завладѣлъ ея душой и она чувствовала, какъ будто между ея и его существованіемъ установилась какая-то невидимая, но крѣпкая связь.

«Неужели же это болѣзнь? Неужели?» думала она и эта мысль на тысячу ладовъ повторялась въ ея головѣ и гнала сонъ отъ ея глазъ.

Она вставала, зажигала свѣчу и глядѣла на часы. Время шло медленно. Она готова была вовсе не спать, только бы поскорѣе прошла ночь и наступило утро, потомъ часъ ѣхать въ больницу. Ей такъ хотѣлось увидѣть его, взглянуть на его лицо, такое ли оно, какимъ было вчера. Она заходила въ гостиную, подходила къ Аннѣ Сергѣевнѣ,—та спала непробудно.

Въ окнахъ забрежжилъ свѣтъ, медленно лѣниво надвигалось утро. Вчерашній шумъ на улицѣ на короткое время умолкъ, чтобы смѣниться новымъ утреннимъ шумомъ.

Вдругъ ею овладѣла страшная усталость, глаза закрылись

и сонъ охватилъ ее. Въ десять часовъ она услыхала надъ собой голосъ Строевой.

— Надежда Ивановна, проснись: ты опоздаешь въ больницу!

— Я не пойду сегодня!—сказала она сквозь дремоту, боясь открыть глаза, чтобы не разогнать сладкій утренній сонъ.

— Нѣтъ, ты должна пойти—внушительно промолвила Строева.—Непремѣнно должна.

Она открыла глаза и вдругъ вспомнила все вчерашнее.

— Да, да, я пойду. Я все забыла... И она начала поспѣшно одѣваться.

IX.

Антонъ Михайловичъ поѣхалъ прямо домой и у него было такое ощущеніе, что онъ долженъ непремѣнно, во что бы то ни стало, торопиться. Онъ не глядѣлъ на часы, можетъ быть, даже забывъ въ это время, что они лежатъ у него въ жилетномъ карманѣ и что такъ просто вынуть ихъ и посмотрѣть. Но ему казалось, что было уже около часу, а онъ обѣщалъ женѣ вернуться не позже того момента, когда пробьетъ часъ.

Никогда онъ не отличался точностью въ исполненіи своихъ обѣщаній, касавшихся времени возвращенія его домой. Тетюшинъ былъ правъ, утверждая, что, разъ забрался онъ въ такое мѣсто, то ужъ ему трудно было оттуда выбраться. И Нина Александровна, получая такія обѣщанія, вѣрила имъ только на половину и всегда отпускала его съ болью въ сердцѣ.

Такъ было и въ этотъ разъ и даже больше, чѣмъ когда-бы то ни было. Онъ провелъ утро въ больницѣ и вернулся къ обѣду, а послѣ обѣда опять заторопился въ больницу. Тамъ онъ прервалъ какое то интересовавшее его занятіе. Настроеніе у него было ясное, замѣчался приливъ энергіи, даже преувеличенной, а она не радовалась этому. Она радовалась только тогда, когда видѣла его спокойнымъ, ровнымъ, нѣсколько даже равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ. Для нея это былъ признакъ, что въ душѣ его господствуетъ равновѣсіе. Но слишкомъ веселое настроеніе ее также печалило, какъ и слишкомъ мрачное. Она боялась всякаго отклоненія отъ нормы.

Уѣзжая послѣ обѣда въ больницу, онъ сказалъ ей:—я, можетъ быть, сегодня вздумаю прокатиться куда нибудь.

— Безъ меня? спросила Нина Александровна.

— Безъ тебя, малютка!—просто, какъ всегда, отвѣтилъ онъ.

— Но съ кѣмъ?

— Вѣроятно, съ Тетюшинымъ.

Она на мгновеніе нахмурилась и онъ тотчасъ же прибавилъ:

— И Сторѣцкій, должно быть, будетъ.

Это ее немного успокоило. Сторѣцкій въ послѣднее время

какъ ей казалось, вліялъ на него благотворно и оберегалъ его отъ излишествъ.

— Не засиживайся долго, Антонъ.

— Нѣтъ, вернусь не позже часа.

— Даешь слово?

— Даю слово. Мнѣ просто необходимо движеніе. Я такъ чувствую.

И онъ поѣхалъ. И вотъ, съ той минуты, какъ онъ вышелъ изъ отдѣльнаго кабинета съ Надеждой Ивановной, ему начало казаться, что онъ долженъ торопиться, что, если онъ не сдержитъ слова и опоздаетъ хотя бы на четверть часа, то какъ будто совершитъ преступленіе. Настроеніе его рѣзко перемѣнилось. Уже появленіе цыганъ съ ихъ пѣснями точно полоснуло его по душѣ. У него явилась непреодолимая потребность выйти вонъ.

Но потомъ къ этому настроенію прибавилась поправка: онъ подсѣлъ къ Надеждѣ Ивановнѣ и ему показалось, что она въ такомъ же точно настроеніи и что имъ вдвоемъ будетъ лучше. Поэтому онъ предложилъ ей выйти вмѣстѣ. Еще и другое: у него была такая мысль, что если онъ уѣдетъ одинъ, не сказавшись ей, то огорчитъ ее этимъ. Ему показалось, что онъ видитъ это въ ея глазахъ, и онъ позвалъ ее.

Потомъ, когда они вернулись въ садъ и подошли къ коридору, на него налетѣло что то бурное, какое то негодованіе противъ этого сада, кабинета, цыганъ, Тетюшина, Сторѣцкаго, даже Строевой, всей обстановки этого вечера, и онъ почувствовалъ, что войти туда, это значитъ—неизбѣжно произвести какой-нибудь страшный скандалъ. Онъ уѣхалъ.

Бурное настроеніе не покидало его всю дорогу. Ему казалось, что мало воздуху, что нечѣмъ дышать; вѣтеръ, который дулъ ему прямо въ лицо, казался ему слишкомъ слабымъ; бѣгъ лошадей слишкомъ медленнымъ. Онъ подгонялъ кучера, чтобы усилить и то и другое. А тутъ еще—боязнь опоздать...

И когда сани остановились у подъѣзда, онъ соскочилъ и, конечно, забылъ о своемъ обѣщаніи послать обратно лошадей. Онъ быстро поднялся наверхъ. Его звонокъ былъ такого рода, что Нина Александровна порывисто вскочила съ мѣста и выбѣжала въ переднюю. Тѣмъ болѣе она встревожилась, что было всего четверть перваго. Не дождавшись прислуги, она сама отперла дверь.

Антонъ Михайловичъ не вошелъ, а вбѣжалъ въ переднюю; она вглядѣлась въ его лицо,—оно было блѣдно; но ни одного тревожнаго вопроса она ему не предложила. Напротивъ, она огромнымъ усиліемъ воли прогнала съ своего лица всѣ признаки безпокойства и съ улыбкой сказала:

— Вотъ хорошо, что такъ рано...

— Я не опоздалъ?—спросилъ онъ и приэтомъ и голосъ и лицо его были слишкомъ серьезны для такого вопроса.

— Нѣтъ, напротивъ... Раньше, чѣмъ обѣщалъ.

— Ну, вотъ я радъ... Я радъ, что я дома.

Онъ поцѣловалъ ея руку и снялъ шубу. Все это было такъ просто и такъ хорошо; но Нина Александровна не перестала тревожиться. Она слишкомъ тонко изучила его характеръ и его лицо. Когда онъ начиналъ придавать значеніе такимъ пустякамъ, она видѣла въ этомъ дурное предзнаменованіе.

Помѣстивъ шубу на вѣшалкѣ, онъ опять взялъ ее за руку и повелъ въ столовую; здѣсь стоялъ еще теплый самоваръ. Онъ выразилъ удовольствіе.

— Ты хочешь чаю? спросила его Нина Александровна.

— Да, у меня жажда...

Идя къ самовару, она какъ бы мимоходомъ обняла одной рукой его шею и ясно почувствовала, что у него легкій жаръ. Тревога ея усилилась и теперь уже скрывать ее было для нея мучительнымъ трудомъ.

— Я налью тебѣ, а потомъ... Потомъ ты пойдешь спать, не правда ли? Ты такъ рѣдко ложишься вовремя.

— Я пойду спать!—покорно сказалъ онъ.—Я сдѣлаю все, чего ты захочешь.

Увы! и это былъ дурной признакъ, — эта покорность, которая, казалось бы, должна доставить ей удовольствіе! Но она знала, когда являлась эта покорность. Или онъ очень былъ виноватъ передъ нею, или, еще хуже, въ немъ произошла та глубокая перемѣна настроенія и направленія ума, которой она больше всего на свѣтѣ страшилась.

Она еще не знала, что это. Только вотъ этотъ легкій жаръ какъ будто говорилъ о второмъ. И руки ея дрожали, когда наливали чай, а брови какъ то непроизвольно подпрыгивали.

Онъ усѣлся за столомъ противъ нея и все теръ лобъ ладонью.

— У тебя болитъ голова, Антонъ?

— Нѣтъ, но какое-то ощущеніе пустоты.

Онъ замѣтилъ, какъ она вскинула на него глаза; и поспѣшно прибавилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то... Ты не бойся, малютка. Это просто они меня возмутили...

— Кто?

— Тамъ былъ Тетюшинъ,—этого довольно.

— Да, этого довольно.

— Я когда нибудь страшно оскорблю его...

— Отчего ты никогда не выяснишь это недоразумѣніе, Антонъ? Вѣдь онъ глубоко убѣжденъ, что ты вполнѣ раздѣляешь его вкусы.

— Ахъ, мнѣ какъ то лѣнь это дѣлать... При томъ же онъ добрый... Тамъ былъ еще Сторѣцкій, потомъ Надежда Ивановна и ея подруга, Строева, изъ Вильны... Мнѣ симпатична Надежда Ивановна. Она очень проста. Она не говоритъ звонкихъ фразъ, какъ Строева... но я просто бѣжалъ оттуда. Тамъ эти цыгане... Вся эта пошлость...

— Вотъ чай!—сказала Нина Александровна, замѣтивъ, что разсказъ волнуетъ его. Она прибавила:—ты кончилъ свою работу въ больницѣ?

— Да, да, очень удачно...

— Ты скоро приступишь къ окончательной обработкѣ диссертаціи?

— Да, да, очень скоро. Мнѣ еще надо сдѣлать нѣсколько важныхъ наблюденій. Есть пробѣлы.

Онъ отвѣчалъ ясно и безъ замѣтной разсѣянности, и всякій другой нашелъ бы, что онъ спокойнѣе и нормальнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Но не находила этого Нина Александровна. Въ его рѣчахъ, въ тонѣ, въ глазахъ, она видѣла и слышала такіе тонкіе оттѣнки, которые были понятны только ей, и тревога возростала въ ней съ каждой минутой.

Ей хотѣлось поскорѣе уложить его спать. Она знала, что это не представитъ затрудненій. Онъ теперь безпрекословно послушается ея,—у него былъ такой видъ. Но какова будетъ ночь? О, она слишкомъ хорошо помнитъ одну ночь, когда въ другомъ городѣ и при другихъ условіяхъ она испытала съ нимъ страшныя муки.

Онъ выпилъ чай и откинулся на спинку стула, все продолжая держать ладонь на лбу. Онъ прищуривалъ глаза, какъ будто стараясь разглядѣть что то въ туманѣ, и каждый такой взглядъ точно вонзалъ какое-то острое оружіе въ ея сердце.

— Такъ ты пойдешь спать, Антонъ?—спросила она, стараясь придать своему голосу какъ можно больше простоты.

Онъ какъ бы очнулся и поднялъ голову.

— Да, да, я пойду спать. Спокойной ночи, малютка!

Онъ поднялся, подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее въ щеку; затѣмъ онъ направился къ двери, но на порогѣ обернулся.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ я радъ, что съ тобой!—промолвилъ онъ.—Знаешь, мнѣ кажется, что ты моя охрана, что безъ тебя я погибъ бы! И никогда этого мнѣ такъ не казалось, какъ сегодня!..

Она быстро приблизилась къ нему. Онъ обнялъ ее за талію и привлекъ къ себѣ.

— Ты—мой единственный! Только изъ за тебя я живу на свѣтѣ!—дрожащимъ, полнымъ слезъ голосомъ промолвила она.

— Ахъ, бѣдная малютка, изъ за какихъ пустяковъ ты жи-

вешь на свѣтѣ!—съ слабой улыбкой отвѣтилъ онъ.—А я еще такъ обижаю тебя. Я презираю себя за это!

— Нѣтъ, нѣтъ, ты никогда не обижаешь меня! Тебѣ не за что презирать себя! Пойдемъ, я тебя уложу.

— Но я здоровъ, малютка, я совершенно здоровъ! Я отлично самъ улягусь. Правда? Ну, ты приди ко мнѣ посидѣть. Хорошо? Я усталъ, я очень усталъ сегодня.

Они, такимъ образомъ обнявшись, дошли до его спальни. Здѣсь Нина Александровна отпустила его. Минутъ черезъ десять она опять подошла къ двери.

— Ты уже въ постели?—спросила она.

— Ахъ, да, я совсѣмъ забылъ...

Она пріотворила дверь; онъ сидѣлъ на подоконникѣ и глядѣлъ въ окно. На улицѣ было темно и ничего онъ тамъ не могъ видѣть.

— Ложись уже, Антонъ, а то вѣдь ты не выспишься!—промолвила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Да, да, я сейчасъ лягу.

И онъ началъ порывисто раздѣваться. Она притворила дверь, но осталась тутъ же, выжидая. Она слышала, какъ онъ легъ въ постель, и опять отворила дверь и вошла.

Она сѣла на диванѣ, онъ взялъ ее за руку. — Разскажи что нибудь хорошее, малютка!

— Я прочитала сегодня новый романъ Зола.

— Разскажи!

И она, какъ ребенку, начала разсказывать ему содержаніе новаго романа, держа въ своей рукѣ его руку. Онъ сперва внимательно слушалъ и на лицѣ его выражались перемѣны настроеній въ связи съ содержаніемъ разсказа. Потомъ глаза его закрылись. Она стала говорить тихо, затѣмъ совсѣмъ замолкла. Минутъ пять сидѣла она около него, не двигаясь и стараясь даже дышать потише; потомъ осторожно освободила его руку и положила ее поудобнѣе, тихонько встала, загасила лампу на столѣ и вышла.

У нея отлегло отъ сердца. Она начала думать, что ея тревога напрасна. Онъ заснулъ, и такъ скоро, такъ легко! Значитъ, у него нѣтъ тѣхъ явленій, которыя обыкновенно мѣшали ему спать. И она тоже пошла къ себѣ и, значительно успокоившись, скоро уснула, утомленная тревогой этого вечера, страшной тревогой, которую никто не могъ бы понять, кромѣ ея самой.

Утромъ она встала въ восемь часовъ. Обыкновенно онъ подымался въ половинѣ девятаго и тогда въ столовой уже все было готово. Въ этотъ часъ она подошла къ двери его спальни и пріотворила ее.

Прежде всего она въ полумракѣ комнаты, съ опущенной

гардиной на окнѣ, увидѣла его. Онъ лежалъ на диванѣ, натянувъ одѣяло до подбородка и, повидимому, крѣпко спалъ. Потомъ она перевела взглядъ на столъ и невольно вздрогнула. На столѣ горѣла лампа, фитиль давалъ ничтожное пламя; очевидно, въ ней выгорѣлъ весь керосинъ.

Но кто зажегъ ее? Зачѣмъ? Ну, да, конечно, это онъ самъ зажегъ ее. Значитъ, ночью сонъ его былъ нарушенъ какимъ-то видѣніемъ. Въ такіе періоды онъ не могъ выносить темноты. Онъ просыпался, боролся и засвѣтилъ лампу.

Опять тревога, еще болѣе страшная тревога, охватила ее. И какъ крѣпко онъ спитъ теперь! Онъ заснулъ, когда почувствовалъ, что восходитъ солнце. Онъ это чувствовалъ и въ пасмурные дни, и во время густыхъ тумановъ. Только въ этотъ часъ онъ могъ заснуть. И потому сонъ его такъ крѣпокъ. Обыкновенно въ эти часы онъ уже лежалъ съ открытыми глазами и, узнавъ, что самоваръ въ столовой на столѣ, торопливо вставалъ. Онъ говорилъ: «самоваръ, это—мой будильникъ. Когда я узнаю, что онъ шипитъ и кипятится въ столовой на столѣ, уже я долженъ вставать».

Теперь она вошла въ комнату, загасила лампу и вернулась къ двери, а онъ ничего не слышалъ и продолжалъ крѣпко спать.

Она притворила дверь и отошла. Шаги ея были нетверды, ноги дрожали. Она пришла въ свою спальню, опустилась на кровать и поникла головой.

Когда она была одна, она доставляла себѣ это наслажденіе—поникнуть головой и предаваться отчаянію, не изображая на лицѣ довольство и радость.

«О, Боже мой! опять, опять! Это счастье и несчастье! То, за что обожаю и чего страшусь, какъ гибели! Господи, какіе мы съ тобой несчастные, мой Антонъ»!

Послышался звонокъ. Она вышла въ гостиную. Было десять часовъ; она ждала.

Вошелъ Сторѣцкій и, когда глаза ихъ встрѣтились, они оба прочитали другъ у друга въ лицѣ тревогу.

— Почему вы пріѣхали?—спросила она, протягивая ему руку.

— Онъ здоровъ?—промолвилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Садитесь... Я не знаю... Почему вы безпокоитесь?

Онъ взялъ ее за руку, осторожно повелъ къ дивану и усадилъ ее, а самъ сѣлъ въ кресло.

— Слушайте, Нина Александровна, я вамъ скажу прямо: болѣзнь Антона Михайловича для меня не тайна. Вамъ, должно быть, отъ этого легче... да, легче... Есть хоть одинъ человѣкъ, передъ которымъ вы не должны играть роль счастливой.

— Но развѣ вчера были какія нибудь основанія?

— Нѣтъ, опредѣленнаго ничего. Только слишкомъ большой наплывъ энергіи и рѣзкія перемѣны настроеній, даже чувствъ... Я ничего не утверждаю. Напротивъ, пришелъ спросить у васъ, въ надеждѣ получить успокоительный отвѣтъ. Онъ спалъ хорошо?

— Не думаю. Я ушла отъ него, когда онъ заснулъ, и загасила лампу, а утромъ... Онъ и теперь спитъ крѣпкимъ сномъ, уже это необычайно... а главное, лампа была зажжена... Онъ самъ зажегъ ее.

— Можетъ быть, случайно? Можетъ быть, онъ выходилъ ночью, а потомъ забылъ загасить?

— Можетъ быть. Ахъ, если бы это было такъ! Постойте, онъ, кажется, проснулся.

Она встала и прошла къ его спальнѣ.

— Это ты, малютка? Я проспалъ?

И ей послышалось, что голосъ его былъ бодръ. Она вошла. Лицо у него было заспанное, онъ потягивался и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбался ей.

— Ты такая блѣдная... Отчего? Я вчера напугалъ тебя, а? Нѣтъ, нѣтъ, не бойся...

Онъ взялъ ея руку и привлекъ къ себѣ.—Я самъ думалъ... Да, у меня были скверныя мысли... Но потомъ... потомъ это прошло...

— Ты ночью вставалъ?—несмѣло спросила она его.

Онъ засмѣялся.—Да, это потѣшно! Мнѣ приснилась одна мысль. Можешь себѣ представить, я искалъ ее, когда обдумывалъ мою диссертацію и никакъ не могъ найти, и вотъ во снѣ ясно, какъ день, я ощутилъ ее. Это такъ поразило меня, что я проснулся и записалъ; потомъ опять заснулъ. Я очень крѣпко спалъ, не правда ли? Теперь поздно?

— Начало одиннадцатаго.

— Ну, это еще ничего. Подыми штору и взгляни, что я тамъ записалъ. Можетъ быть, это мнѣ снилось!

Она поспѣшно исполнила его просьбу. Въ самомъ дѣлѣ, на столѣ, на большомъ листѣ бумаги было написано двѣ строчки. Она прочитала ихъ. Онѣ имѣли прямое отношеніе къ его диссертаціи. Она не знала, что подумать. Причислить ли это къ дурнымъ признакамъ, или наоборотъ?

— Къ намъ кто-то пришелъ? — спросилъ Антонъ Михайловичъ.

— Это Сторѣцкій.

— Да, я слышалъ звонокъ. Зачѣмъ онъ такъ рано?

— Онъ... Онъ просто безпокоился, хорошо ли ты вчера доѣхалъ.

— Ахъ, да, я вѣдь ихъ покинулъ вчера! И еще что?

— И больше ничего.

— Это очень любезно! Ну, я сейчасъ встану и буду съ Сторѣцкимъ чай пить. Ты его не отпускай.

«Нѣтъ, нѣтъ, онъ сегодня хорошъ. Если онъ хочетъ видѣть Сторѣцкаго, значитъ, того нѣтъ, все прошло, или ничего и не было. Можетъ быть, это былъ ложный припадокъ? Это изрѣдка съ нимъ бывало»... Такъ думала Нина Александровна. Она предоставила ему одѣваться, а сама пошла къ Сторѣцкому.

— Ну, что?—нетерпѣливо спросилъ тотъ.

— Онъ совсѣмъ здоровъ. Онъ васъ хочетъ видѣть!—почти радостно говорила Нина Александровна. Сторѣцкій никогда не слышалъ отъ нея такого тона. Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ произошло оттого, что онъ зналъ о болѣзни Барвинскаго, и Нинѣ Александровнѣ не для чего было хоть это скрывать передъ нимъ.

— Пойдемте въ столовую!—сказала она,—и онъ придетъ туда!

— А почему онъ зажегъ лампу?—спросилъ на ходу Сторѣцкій.

— Ему приснилась мысль и онъ записалъ ее. Только всего.

— А, приснилась мысль, — какимъ-то страннымъ тономъ отозвался Сторѣцкій.

— Это ничего?

— Нѣтъ, ничего...

А въ это время Сторѣцкій подумалъ: «бѣдная женщина! я не хочу тебя вторично повергать въ ужасъ! Приснилась мысль! приснилась мысль! Мысли не снятся, снятся только образы. А эта приснившаяся мысль была именно то, что для тебя страшнѣе всего. Но, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ это былъ лишь мимолетный припадокъ? Теперь надо не упускать его изъ виду, по крайней мѣрѣ, недѣлю».

А Нина Александровна была пріятно оживлена. Она дѣлала распоряженія о томъ, чтобы подогрѣли самоваръ, чтобы принесли свѣжія булки, и благодарила Сторѣцкаго за то, что онъ такъ заботливъ.

— Ну, вотъ и я! Что? Вчера вы проклинали меня на всѣхъ вселенскихъ соборахъ? а? — воскликнулъ Барвинскій, появляясь въ столовой. — Я не буду удивленъ, если узнаю, что Тетюшинъ, съ досады и мести, бросилъ медицину и поступилъ въ цыганскій хоръ пѣть теноромъ...

«Онъ веселъ, онъ шутитъ, значитъ все прошло! То была напрасная тревога!» съ радостнымъ замираніемъ сердца думала Нина Александровна.

Но Сторѣцкій этого не подумалъ, а пытливо смотрѣлъ въ глаза Антону Михайловичу и видѣлъ въ этихъ глазахъ нѣчто другое...

X.

Въ этотъ день въ больницѣ не произошло ничего такого, что обратило бы на себя особенное вниманіе.

Когда Барвинскій вмѣстѣ съ Сторѣцкимъ пріѣхали, было около одиннадцати часовъ утра. Они вошли въ сборную и ихъ удивила пустота въ этой комнатѣ. Воздухъ былъ чистъ, никто не выкурилъ здѣсь папиросы. Только у окна стояла стройная фигура въ черномъ платьѣ. Она обернулась.

— Ахъ, Надежда Ивановна!—воскликнулъ Сторѣцкій,—вы уже здѣсь?

— Да, я сегодня пришла первая! — отвѣтила Надежда Ивановна, пристально глядя не на Сторѣцкаго, которому пожимала руку, а на Антона Михайловича, который въ первую минуту, какъ ей казалось, не обратилъ на нее вниманія. — Вы сегодня не здороваетесь? — прибавила она, обратившись къ нему.

— Нѣтъ... Здравствуйте!—промолвилъ онъ разсѣянно и протянулъ ей руку.

Но ей показалось, что это привѣтствіе было произнесено сухимъ, даже недовольнымъ голосомъ. Онъ сейчасъ же отвернулся, подошелъ къ столу и сталъ просматривать газеты.

— Ну, милые, вы здѣсь поворкуйте, а я долженъ повидаться съ нашимъ экономомъ!—сказалъ Сторѣцкій и затѣмъ, указывая на боковой карманъ, прибавилъ:—у меня въ этомъ мѣстѣ случилась легкая катастрофа. Требуется измыслить финансовую комбинацію, а нашъ экономъ на это большой мастеръ.

Онъ вышелъ. Надежда Ивановна стояла у окна, а Барвинскій, казалось, еще ниже наклонился надъ газетой. Такъ прошло минуты двѣ.

— Вы, кажется, на меня сердитесь, Антонъ Михайловичъ?—сказала она.

Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову.—Какъ? Вы... Вы что-то сказали? Простите! Мы уже здоровались?

Она вскинула на него удивленные глаза.—Это шутка?

— Да, виноватъ... Мы дѣйствительно здоровались... Простите... У меня это вышло изъ головы.

Онъ смотрѣлъ на нее и молчалъ; а ей становилось жутко отъ его пристальнаго взгляда.

— Да, — наконецъ, промолвила она, — я даже спросила васъ: развѣ вы не хотите здороваться?

— Да, и это было!—сказалъ онъ удивительно спокойнымъ и серьезнымъ тономъ.

— Значитъ, я такая ничтожная величина, что вы здороваетесь со мной механически?

Онъ какъ то криво усмѣхнулся. — Если хотите знать, къ ничтожнымъ величинамъ я стараюсь быть очень внимательнымъ; я напрягаю всѣ силы, чтобы не забыть чего нибудь, до нихъ касающагося, потому что эти почтенныя ничтожныя величины очень обидчивы. Да, я напрягаю всѣ силы, до того, что у меня мозгъ болитъ... Но я думалъ... Впрочемъ, безъ всякаго права... Я думалъ, что для васъ этого не нужно...

Выраженіе какой-то муки блеснуло у него въ глазахъ. Надежда Ивановна подошла къ нему.

— Я, значитъ, не поняла васъ, Антонъ Михайловичъ! Пожалуйста, пожалуйста будьте со мной такъ, какъ вамъ хочется. Я даже не хотѣла этого сказать, а сказала просто, чтобы не молчать.

— Да, странно это... Вы можете пользоваться печальнымъ преимуществомъ знать, что я сумасшедшій.

— Полноте, что вы?

— А вы думаете нѣтъ? Да, да, уже, уже... Этого только никто не видитъ, но это уже есть... Я не хочу скрывать отъ васъ... Я не знаю почему, но въ васъ есть что-то мнѣ близкое, а это вѣдь очень мучительно—скрывать, что ты сумасшедшій. Ну, смотрите же, не говорите никому; пусть сами догадаются.

— Антонъ Михайловичъ, вѣдь это неправда!

— Правда, голубушка, правда! — со вздохомъ сказалъ онъ.—Вотъ сейчасъ, когда я смотрѣлъ на васъ, мнѣ казалось, что изъ-подъ вашего башмака выползла змѣйка и показала жало, но я зналъ, что она меня не ужалитъ... Вы понимаете, я зналъ, что это не настоящая змѣйка, а что это мнѣ кажется... Вотъ тутъ и разберитесь. А впрочемъ—ничего, вѣдь это предметъ моей диссертаціи... Цѣнное наблюденіе, очень цѣнное... Я его буду цитировать... Уходите отъ меня подальше, Надежда Ивановна, потому что я сумасшедшій.

— Я не уйду отъ васъ... Я не хочу уходить отъ васъ...

— У васъ тоже экзальтація... Эхъ, не нужно, право не нужно... Вы, можетъ быть, влюблены въ меня? Не стоитъ.

— Не влюблена я въ васъ, нѣтъ...

— А что же?

— Что-то тянетъ меня къ вамъ.

— Ха-ха!.. Да вѣдь вы здоровы... Гусь свиньѣ не товарищъ... А, ну, бросимъ-те это... Я тоже, можетъ быть, влюбился бы въ васъ, или, какъ вы говорите, меня бы потянуло къ вамъ. Да вѣдь сумасшедшимъ вредно любить, сами знаете. Не бойсь, во всѣ глаза слѣдите, чтобы какая нибудь обитательница изъ женскаго отдѣленія какъ нибудь не перекочевала въ мужское... Знаете что? Сойдите немножко съ ума...

—Я хотѣла бы...

— Да? Почему?

— Потому что это такъ мучительно быть здравой и видѣть эту страшную пустоту жизни и сознавать свое безсиліе...

— И подумаешь, что это говорится сумасшедшему человѣку.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, потомъ усмѣхнулся и сказалъ:

— А они успокоились...

— Кто?

— Вчера я встревожилъ мою бѣдную малютку...

— Вашу жену? Она васъ беззавѣтно любитъ... Правда?

— О, да. Это почти то слово, которое нужно. Беззавѣтно! да... Когда я умру, то и она непремѣнно умретъ...

— Боже!

— Да, это вѣрно. Представьте себѣ птицу, маленькую птицу въ клѣткѣ, которую много-много лѣтъ кормили канареечнымъ сѣменемъ... Ея желудокъ превратился въ печку, которая можетъ варить только канареечное сѣмя, и вдругъ его не хватило и нигдѣ не могли достать и ее стали кормить горохомъ; она непремѣнно умретъ. Это глупая аллегорія... Кажется, идутъ сюда... Еслибъ вы знали, какъ мнѣ хочется сегодня дураковъ назвать дураками... А вотъ кстати Черницынъ пришолъ...

Вошелъ Черницынъ и съ нимъ два молодыхъ врача. Черницынъ поздоровался съ Надеждой Ивановной, потомъ съ Барвинскимъ, который продолжалъ ходить и подалъ ему руку на ходу.

— Стыдно, господа, кутить втихомолку! — сказалъ Черницынъ.—Я узналъ объ этомъ отъ лихача, который везъ меня сюда. Онъ вчера привезъ васъ съ Крестовскаго. Не хорошо обходить товарищей...

— Вы клеплете на товарищей. Вѣдь лихачи васъ не обошли!—съ раздраженіемъ сказалъ Барвинскій.

Молодые врачи засмѣялись, а Черницынъ пожалъ плечами.

— Надо долго копаться въ этой остротѣ, чтобъ постигнуть, въ чемъ соль! — пренебрежительно сказалъ онъ.

— Кромѣ того, надо имѣть вкусъ, чтобъ почувствовать соль!—промолвилъ Барвинскій.

Черницынъ на это не отвѣтилъ и, какъ бы игнорируя Антона Михайловича, обратился къ Надеждѣ Ивановнѣ.

— А вы кутите, Надежда Ивановна!

Надежда Ивановна, должно быть, подъ неотразимымъ вліяніемъ настроенія Барвинскаго, почувствовала себя враждебно къ красивому доктору.

— Да, кучу!.. И давно уже, представьте.

— Значитъ, по боку свойственную вамъ серьезность.

— Почему же? Я кучу со свойственной мнѣ серьезностью

— Вы, кажется, оба разстроены чѣмъ-то, — сказалъ Черницынъ саркастически, замѣтивъ, что намѣренія Надежды Ивановны по отношенію къ нему не отличаются дружелюбіемъ.—Можетъ быть, мы, господа, не вовремя вошли; намъ лучше бы опоздать...

— Да, лѣтъ на двадцать!—замѣтилъ Барвинскій, кажется, собравшійся сказать что то очень злое; но въ это время вошли Сторѣцкій и Семенъ Ивановичъ, а вслѣдъ за ними явилась Кулькова.

Съ этой минуты Барвинскій сдѣлался молчаливъ. Онъ молча со всѣми поздоровался, затѣмъ сѣлъ за столъ, уткнулся въ газету и не подымалъ головы. Сторѣцкій, обращаясь къ Антону Михайловичу, замѣтилъ:

— А Тетюшинъ нынче опоздалъ! Должно быть, жена его отъ радости по случаю неожиданно-ранняго возвращенія не выпускаетъ его изъ дому.

Барвинскій поднялъ голову, остановилъ на немъ неподвижный взглядъ и, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ лица, опустилъ голову и продолжалъ читать.

— Ну, господа, пойдемте!—сказалъ Семенъ Ивановичъ.

Всѣ поднялись и направились къ выходу. Уже всѣ вышли и Надежда Ивановна, видя, что Барвинскій сидитъ не двигаясь, нарочно замѣшкалась. Они остались вдвоемъ. Она подошла къ нему и сказала:

— Вы развѣ въ обходѣ не участвуете?

Онъ отложилъ газету.

— Пойдемте.

Онъ всталъ; они вышли и пошли рядомъ. Другіе были шагахъ въ двадцати отъ нихъ.

— Вы пойдете съ ними?—спросилъ ее Барвинскій.

— Да, конечно... Вѣдь это обходъ. А вы развѣ нѣтъ?

— Нѣтъ... Я пройду въ женское отдѣленіе. Хотите со мной?

— Мы всѣ будемъ въ женскомъ отдѣленіи, какъ всегда.

— Я не хочу, какъ всегда. Тамъ есть одна больная, которую я изучаю...

— Для вашей диссертаціи?

— Да, но я ея не кончу.

— Не кончите? Почему?

— Такъ, не кончу... Я знаю... Но я сегодня могу еще кое-что записать... А вы... вы можете кончить ее. Потомъ...

— Когда потомъ?

— Потомъ. Гораздо позже... Когда меня не будетъ.

— Почему васъ не будетъ, Антонъ Михайловичъ? Зачѣмъ вы такъ говорите?

— Я вамъ говорю, что меня не будетъ. Ужъ я это знаю... Знаете, бываютъ люди, которые такъ дорожатъ своей внѣшней честью, что когда у нихъ по приговору суда отнимаютъ какой нибудь титулъ или чинъ, то они этого не выносятъ и кончаютъ съ жизнью...

— Но у васъ нѣтъ титула и чина, кажется, нѣтъ...

— Я не объ этомъ... Но я дорожу своимъ умомъ... Той степенью его, той умѣренной силой, какой онъ обладаетъ... А это для него не проходитъ даромъ... Онъ понижается... Ну, а я этого тоже не могу вынести... Нельзя существовать менѣе совершеннымъ, когда раньше былъ болѣе совершенъ... Такъ вы куда? Съ ними? Лучше идите съ ними... Вы будете мнѣ мѣшать.

— Да, я пойду съ ними...

— Да, идите, потому что мы съ этой больной другъ друга понимаемъ. А вы нѣтъ... Преимущество быть сумасшедшимъ...

Надежда Ивановна дала пройти ему и долгимъ взглядомъ посмотрѣла ему вслѣдъ. Онъ двинулся дальше по длинному корридору, а она поднялась направо по лѣстницѣ, куда пошли всѣ.

Она сдѣлала это, недостаточно обдумавъ. Въ первую минуту ей показалось, что она должна пересказать Сторѣцкому все, что слышала отъ Антона Михайловича, и она для этого разсталась съ нимъ. Но потомъ у нея явилось странное чувство ревности къ тому, что онъ только ей сказалъ, и она рѣшила никому не говорить.

Она догнала другихъ и прошла съ ними въ мужское отдѣленіе, очень плохо слѣдя за тѣмъ, что происходило, и почти не слыша того, что говорилъ Семенъ Ивановичъ. Потомъ рядомъ сложныхъ переходовъ они поднялись на этажъ выше и вошли въ женское отдѣленіе.

Въ дальнемъ концѣ у окна стояла больная, молодая женщина, страдавшая галлюцинаціями. На подоконникѣ сидѣлъ Барвинскій и, низко наклонившись, быстро записывалъ что-то въ памятной книжкѣ.

Услышавъ шаги пришедшихъ товарищей, онъ захлопнулъ книжку и поднялся, но не пошелъ къ нимъ, а остался у окна.

Семенъ Ивановичъ приблизился къ нему и сказалъ:—Ну, что? Ваша дама по прежнему интересна?

— О, да, сегодня для меня въ особенности... Она сообщила мнѣ замѣчательныя вещи...

— Да? Ну, вы намъ разскажете. А теперь мы спѣшимъ. Въ седьмой палатѣ есть новая, очень интересная больная. Пойдемте съ нами!—сказалъ Семенъ Ивановичъ и обходъ двинулся дальше.

Надежда Ивановна отстала и, понявъ, что Барвинскій не собирается слѣдовать за ними, спросила его:

— Вы остаетесь здѣсь?

— Нѣтъ, я сейчасъ уѣду.

— Подвезите меня...

— Хорошо... Только пойдемте внизъ...

— Пойдемте...

— Я вамъ разскажу очень много интереснаго... Вы можете уже смотрѣть на меня, какъ на паціента. Но пока я еще свой собственный паціентъ.

— О, Антонъ Михайловичъ, вы преувеличиваете.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ, когда они спускались внизъ,— у меня есть примѣта.

— Какая?

— Удивительная. Помните, я говорилъ вамъ о той логикѣ жизни, по которой дерево растетъ вверхъ и никогда ни при какихъ условіяхъ не можетъ сдѣлать компромисса и расти вбокъ. Вотъ я чувствую, какъ съ меня спадаетъ эта дряблость, мѣшающая намъ быть такими же логичными, какъ дерево. Еслибъ вы могли это понять... Нѣтъ... На минуту въ сборную... Я тамъ оставилъ шапку... Да, еслибъ вы могли это понять... Но этого понять нельзя... Для этого надо быть немножко больнымъ... Да, хоть немножко. А вы не можете, нѣтъ, не можете... Какая жалость!.. Пойдемте въ сборную! Вы ничего не замѣчаете въ моемъ голосѣ?

— Есть что-то...

— Радость, торжество... Я радуюсь этому. Я чувствую себя такимъ нравственно сильнымъ... Ахъ, какая нелѣпость, что для этого надо быть непремѣнно больнымъ... Знаете, я думаю, что прежніе люди, можетъ быть, когда они были еще дикими, были вотъ такими... Когда надо было защищать свою или чужую жизнь отъ нападенія тигра, они прямо бросались на него, вступали въ единоборство. Это было невыгодно, но это было честно. Въ этомъ было что то благородное. А началось это отступленіе съ изобрѣтеніемъ лука... Тогда они начали хитрить, обходить противника, убивать его изъ-за угла... Первое проявленіе цивилизаціи было первой ложью, первымъ вѣроломствомъ... Потомъ это вошло въ плоть и кровь и теперь, чтобы добиться этого, надо сойти съ ума... Вотъ это напримѣръ... Вчера еще, еслибы я почувствовалъ, что мнѣ противно ихъ общество, я всетаки пошелъ бы съ ними и улыбался имъ и внимательно выслушивалъ бы ихъ ординарно-ученыя изреченія, а потомъ какъ нибудь улизнулъ бы, выдумавъ какой-нибудь предлогъ, а сегодня ужъ я этого не могу. Мое убѣжденіе прямо переходитъ въ дѣйствіе.

Они вошли въ сборную. Здѣсь еще носились облака табачнаго дыма. Барвинскій отыскалъ свою шапку.

— Поѣдемте?—сказалъ онъ.

— Поѣдемте.

— Постойте... Вотъ вамъ еще одно доказательство моего сумасшествія. Вы мнѣ ужасно, ужасно симпатичны. Вы мнѣ близки...

— Я этому рада... Я страшно рада этому...

— Да... И вотъ мнѣ хочется пожать вашу руку и поцѣловать вашъ славный лобъ.

Онъ взялъ ея руку, приблизился къ ней и поцѣловалъ ея лобъ.

— Вы можете допустить, что я вчера сдѣлалъ бы это? Нѣтъ... Тутъ понадобился бы цѣлый рядъ ненужныхъ дѣйствій. Пошли бы ухаживанья, объясненія, пожалуй букеты... А мнѣ не къ чему ухаживать за вами. Я чувствую, что вы мнѣ близки и говорю: вы мнѣ близки. И поступаю съ вами, какъ съ близкой. Потому что я тоже чувствую, что и у васъ это есть и я вамъ тоже близокъ. Ѣдемте.

Онъ повернулся къ двери и она пошла за нимъ, какъ очарованная, не имѣя силъ сопротивляться его внушенію. Страхъ за его здоровье боролся въ ней съ какимъ то восторженнымъ чувствомъ, которому она не могла дать объясненія. Онъ казался ей другимъ, не тѣмъ, какимъ она его знала раньше,—слабымъ, ничтожнымъ, похожимъ на всѣхъ, а большимъ и сильнымъ. И этотъ образъ большого и сильнаго человѣка совершенно закрывалъ въ ея глазахъ бѣднаго, жалкаго, больного, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности въ эту минуту. Но вѣдь это же была мучительная задача ея жизни,—найти, встрѣтить что нибудь сильное, выступающее изъ сѣрой однообразной дѣйствительности.

— Сергѣй! крикнулъ Барвинскій кучеру, когда они вышли изъ подъѣзда.

Кучеръ подкатилъ. На дворѣ стоялъ морозъ. Надъ спинами горячихъ лошадей подымался паръ.

— Поѣзжай какъ нибудь объѣздомъ, прокати насъ. Вы согласны?

— Да.

Сергѣй погналъ лошадей сперва тихо, а потомъ, когда они выѣхали изъ двора на улицу, повернулъ на лѣво и по пустынной улицѣ погналъ во весь духъ.

— Вы говорите со мной, молвилъ Барвинскій;—когда я молчу, когда мое вниманіе ничѣмъ внѣшнимъ не отвлечено, я погружаюсь въ другіе міры... Я могу уйти отъ васъ очень далеко, такъ что вамъ не угнаться за мной...

— Но если такъ, Антонъ Михайловичъ... Если вы дѣйствительно больны, то надо лѣчиться...

— Это потомъ, потомъ... Потомъ они станутъ лѣчить меня. А теперь я еще принадлежу себѣ... Вѣдь я докторъ, Надежда Ивановна. Я все могу отлично предсказать напередъ... Ахъ, моя бѣдная малютка! она уже страдаетъ. Эта женщина—само страданіе, и я виноватъ въ этомъ... Вы знаете?

Они проѣхали пустую улицу и затѣмъ повернули въ густонаселенную мѣстность, застроенную небольшими деревянными домиками. Минувъ нѣсколько переулковъ, они въѣхали въ узкую длинную улицу и вдругъ передъ ними открылась неожиданная картина.

Первое, что бросилось имъ въ глаза, это—изрядная толпа сѣраго народа, скучившаяся около одного дома. Потомъ они разглядѣли, что дома собственно уже не было, а на его мѣстѣ торчали черныя, обгорѣлыя доски. Изъ глубины обгорѣлыхъ досокъ лѣниво подымались клубы негустого дыма.

— Это, кажется, пожаръ!—сказала Надежда Ивановна.

— Да, кажется...

Они подъѣхали ближе. Въ толпѣ слышался плачъ. Барвинскій всталъ; Надежда Ивановна тоже.

Во дворѣ возились еще пожарные, которыхъ они сразу не замѣтили. Пожаръ, повидимому, пришелъ уже къ концу. Толпа окружила плачущую женщину, которая держала за руки двоихъ дѣтей. Третій, самый маленькій, жался къ ней и кутался въ ея юбки. Дѣти и женщина были одѣты легко и дрожали отъ холода.

— Въ чемъ тутъ дѣло?—спросилъ Барвинскій.

Въ отвѣтъ на это послышался вой женщины и крикъ дѣтей. Они говорили какія то слова и ничего нельзя было разобрать. Къ нимъ подошелъ почтенный мужчина и, убѣдившись по одеждѣ и по лошадямъ, что господа важные, снялъ шапку и объяснилъ.

— Это мастеровой тутъ жилъ... Домишко снималъ, восемьдесятъ цѣлковыхъ въ годъ платилъ. Самъ-то онъ на фабрикѣ работалъ. Да случился пожаръ и все погорѣло. Вотъ они и остались ни при чемъ.

— Застраховано?—спросилъ Барвинскій.

— Гдѣ тамъ! Домишко то застрахованъ, да онъ хозяйскій... А ихнее все прахомъ пошло. И собачка сгорѣла. Собачка у нихъ была; домъ стерегла...

Дѣти, присмирѣвшія, было, при напоминаніи о судьбѣ собачки вдругъ опять взревѣли. А баба голосила, разсказывая господамъ о своемъ горѣ и ежась отъ холода.

— Имъ надо помочь!—сказалъ Барвинскій, взглянувъ на Надежду Ивановну.

— Да, надо,—промолвила Надежда Ивановна, и почему-то вдругъ припомнилось ей письмо Строевой, въ которомъ та описывала эпизодъ въ Вильно.

— Послушайте,—сказалъ Барвинскій, обращаясь къ околодочному надзирателю,—этотъ мастеровой придетъ, конечно, сюда съ фабрики, такъ, пожалуйста, дайте ему вотъ это... Постойте...

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и раскрылъ его.—Я не знаю, сколько здѣсь; надо сосчитать... Вотъ...

Онъ вынулъ изъ бумажника деньги и сосчиталъ.—Здѣсь сто двѣнадцать рублей... Я при всѣхъ даю вамъ; вы должны передать мастеровому... Это ему.

— Будетъ исполнено!—отвѣтилъ околодочный, тронутый неожиданной щедростью проѣзжаго.

— Послушайте, женщина, садитесь-ка въ сани съ дѣтьми... Садитесь, садитесь... Не бойтесь. Васъ свезутъ въ теплый домъ и обогрѣютъ, а мужъ придетъ туда...

Онъ самъ взялъ женщину за руки, а околодочный, забѣжавъ слѣва, поддержалъ его съ другой стороны и они усадили изумленную плачущую женщину въ сани; потомъ посадили туда и дѣтей.

— Они дрожатъ отъ холода!—сказалъ Барвинскій,—надо бы ихъ прикрыть.

Вдругъ онъ быстрымъ движеніемъ снялъ съ себя шубу.

— Вотъ, возьмите это.

— Баринъ, голубчикъ, что ты вздумалъ? Какъ это можно?—воскликнула какая-то молодая баба изъ толпы.

— Вы простудитесь, Антонъ Михайловичъ!—промолвила Надежда Ивановна и опять ей вспомнилось письмо Строевой.

— Нѣтъ, я не простужусь!—отвѣтилъ Барвинскій.

— Но это невозможно. Вы непремѣнно простудитесь.

— Я не простужусь, потому что я хочу не простудиться! какъ то особенно твердо и выразительно проговорилъ Барвинскій.—Вы этого не понимаете? Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не понимаете.

И при этихъ словахъ онъ накинулъ шубу на переднюю часть саней и плотно закуталъ ею женщину и дѣтей, которыя, сидя въ саняхъ, испуганно смотрѣли на все это.

— Сергѣй, вези ихъ ко мнѣ и скажи барынѣ, что я прислалъ!

Сергѣй мотнулъ головой въ знакъ глубокаго неодобренія, но ослушаться не смѣлъ и ударилъ по лошадямъ.

— Баринъ, голубчикъ, родной!—воскликнула молодая баба, та самая, что останавливала его и почему то при этомъ плакала. Потомъ она сняла съ себя черный шерстяной платокъ и прибавила:—Ты бы хоть мой платочекъ на плечи накинулъ' вотъ—родненькій...

— Давай! Вотъ спасибо! Я тебѣ его пришлю!—сказалъ Барвинскій и съ веселой, радостной улыбкой взялъ у бабы платокъ и накинулъ его себѣ на плечи...

— Ахъ, да, прибавилъ онъ,—вотъ мой адресъ для мастерового. Пусть онъ придетъ за дѣтьми.

Онъ вынулъ изъ бумажника карточку и отдалъ ее околодочному.—Пойдемте, Надежда Ивановна, ужъ мы до перваго извозчика пѣшкомъ.

Они пошли. Нѣкоторые изъ толпы двинулись вслѣдъ за ними. Въ толпѣ слышался глухой говоръ. Кто-то благодарилъ, кто-то хвалилъ, кто-то неодобрительно качалъ головой. Какой то старикъ показывалъ себѣ на лобъ и намекалъ этимъ, что у барина въ головѣ неладно.

— Оставайтесь, господа, мы хотимъ идти одни!—сказалъ Барвинскій, обернувшись къ толпѣ. И тѣ отстали, а они прошли молча нѣкоторую часть улицы.

— Что же вы не говорите, что это безумство, Надежда Ивановна?—спросилъ Барвинскій, когда они повернули за уголъ.

— Я не знаю, что сказать. Да, это, конечно, безумство... Но...

— Я не отрицаю... Это безумство. Но какое счастье, что я способенъ на такое безумство! Ахъ, еслибъ міръ на одинъ только мигъ сталъ безумнымъ, то за этотъ мигъ были бы исправлены всѣ несправедливости, какія накопились въ теченіе многихъ вѣковъ въ отношеніяхъ людей между собой и которыя изуродовали человѣчество. Развѣ это не уродство, скажите отъ души... Развѣ это не уродство, что мы съ вами катимъ на рысакахъ, развалившись въ широкихъ саняхъ, закутавшись въ мѣховыя шубы, когда погорѣвшая мѣщанка не знаетъ, куда дѣваться съ тремя дѣтьми отъ холода?

— А снять съ себя шубу и надѣть на другого, оставшись на морозѣ, рискуя схватить тифъ... Это по вашему не уродство?

— Да... Уродство. Но я испытываю счастье. Я испытываю такое дикое счастье, какого вы никогда не испытали. Счастье не отъ того, что я отдалъ сани и шубу и деньги бѣднымъ людямъ...Это такія пустяки! и не отъ сознанія своей добродѣтели, что я обогрѣлъ иззябшихъ... Это такая мелочь... А отъ сознанія, отъ ощущенія великой способности быть логичнымъ во всѣхъ своихъ душевныхъ движеніяхъ... Послушайте, когда мы увидали обгорѣлый домъ и дрожащую бабу съ дѣтьми, вѣдь мы одинаково почувствовали къ нимъ жалость, и я и вы... И мы одинаково подумали: имъ надо помочь, ихъ надо выручить... Но тутъ началась разница... Вы взялись за карманъ, вы хотѣли вынуть кошелекъ и дать пять рублей, можетъ быть, десять..

— Да, я это хотѣла!—дрожащимъ голосомъ сказала Надежда Ивановна.

— А я почувствовалъ, что это будетъ лицемѣріе. Я почувствовалъ необходимость, неизбѣжность сдѣлать все, чтобы обогрѣть ихъ, улучшить ихъ положеніе,—все до конца... Если

бы надо было снять сюртукъ, сапоги или посадить ихъ всѣхъ трехъ на плечи и нести, я сдѣлалъ бы это, я не остановился бы передъ этимъ. Вы понимаете? Вотъ извозчикъ... Стой! Садитесь. Поѣзжай на Конюшенную.

— Нѣтъ, я хочу заѣхать къ вамъ.

— Вы боитесь оставить меня одного? не бойтесь. У меня еще много времени. Я думаю, еще съ недѣлю... А потомъ я самъ приду къ Сторѣцкому и скажу: заключи меня въ отдѣльное помѣщеніе.

— Вы слишкомъ взволнованы, Антонъ Михайловичъ... Вы не можете правильно судить о своихъ поступкахъ.

— Слишкомъ? Нѣтъ. Для меня это какъ разъ въ пору. А что я не могу судить правильно о своихъ поступкахъ, это, пожалуй, вѣрно. Но этой-то правильности я и боюсь... Она о двухъ концахъ. Поѣзжай, извозчикъ! Ну, ладно, на Кирочную. Поѣзжай на Кирочную!

Извощикъ погналъ лошадей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВЕНН. СОБРАНІЯ
СЛУЖАЩИХЪ при ФАБРИКѢ
ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУРЪ
Анны Красильщиковой съ С-мя
въ с. Родникахъ.

Современныя теоріи строенія живого вещества.

III.

Когда Бючли впервые формулировалъ свою теорію капельно-жидкаго пѣнистаго строенія протоплазмы, она конечно не замедлила вызвать цѣлый рядъ болѣе или менѣе страстныхъ возраженій. Нѣкоторые, правда немногіе, гистологи, которые являлись защитниками сѣтчатаго или волокнистаго строенія, отвергали фактическую точность произведенныхъ Бючли наблюденій и опытовъ; они пытались, оставаясь на экспериментальной почвѣ, показать, что Бючли невѣрно толкуетъ видимую имъ картину. Возраженія другихъ носили иной, болѣе общій характеръ; они спрашивали себя: можно ли вообще принять въ протоплазмѣ пѣнистое строеніе? допустимо ли такое предположеніе на логическихъ основаніяхъ? согласуется ли оно съ тѣмъ понятіемъ о живомъ веществѣ, которое мы имѣемъ изъ всей совокупности жизненныхъ явленій? въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ предполагаемой высокой организаціи протоплазмы, къ той эволюціи, которую она несомнѣнно пережила въ продолженіе тысячелѣтій? Принадлежа, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, къ разряду «структуристовъ», о которыхъ было говорено раньше, усматривая въ протоплазмѣ крайне сложную готическую постройку, удивительно стройную и предопредѣляющую все органическое развитіе, населяя ее разнородными элементарными единицами, изъ которыхъ каждая носила въ себѣ зародышъ того или иного свойства,—эти біологи пугались грубаго «равненія» протоплазмы съ пѣной, съ этой обычной, вульгарной, всѣмъ знакомой и потому не притягивающей особеннаго къ себѣ вниманія пѣной. Вѣдь признаніе такого «равненія» обозначало бы окончательное полноправіе механическаго и физико-химическаго изученія біологическихъ явленій; оно сводило бы на *нѣтъ* всю предыдущую работу воображенія, которое натуралисты такъ охотно упражняли, стремясь непремѣнно «построить» протоплазму, и построить возможно сложнѣе; оно, наконецъ, можетъ быть, превратило бы вѣковую проблему о жизни въ простую физическую задачу. Но это была

бы несомнѣнная деградація, на которую не могъ съ легкимъ сердцемъ согласиться біологъ, воспитанный въ извѣстныхъ научныхъ традиціяхъ. Правда, и Бючли приписывалъ протоплазмѣ извѣстную структуру, говорилъ о пѣнистомъ *строеніи* ея и въ этомъ именно строеніи искалъ «условій возникновенія и исчезновенія жизни», но развѣ могло такое строеніе идти въ параллель съ тѣмъ, которое предполагалось въ живомъ веществѣ и которое должно было отличать его отъ вещества мертваго?

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что даже такіе авторы, которые, по своему воззрѣнію на морфологію клѣтки, ближе всего стояли къ Бючли, вооружились противъ него. Мы не имѣемъ въ виду разсмотрѣть всѣ возраженія, направленныя «структуристами» противъ пѣнистой теоріи; всѣ они большей частью столь однообразны, что достаточно остановиться на одномъ-двухъ изъ нихъ, чтобы оцѣнить какъ состоятельность ихъ, такъ и основанія, на которыхъ они построены. Возьмемъ для примѣра Кюнстлера. Этотъ принимаетъ *сравненіе* структуры плазмы съ структурой пѣны; онъ признаетъ, что это сравненіе даетъ точное представленіе о непосредственно раскрываемой микроскопической картинѣ; но онъ возстаетъ противъ попытки *объяснить* одно строеніе другимъ, и вотъ какъ онъ аргументируетъ: «если для простоты я и принимаю сравненіе Бючли, то возстаю противъ взгляда его на протоплазму, какъ на простую эмульсію разнородныхъ жидкостей... и это потому, что протоплазма есть «живое» вещество, одаренное высокой структурой, что эта структура есть результатъ особой эволюціи, не имѣющей ничего общаго съ какими либо микстурами (эмульсіями); сравнивать же такіе два порядка явленій такъ же безполезно для истиннаго пониманія протоплазмической структуры, какъ сравнивать медузу съ зонтикомъ или ежа съ клубкомъ иголъ; все это просто игра случая, выражающаго лишь поверхностныя, а не существенныя аналогіи». Какъ видитъ читатель, возраженіе Кюнстлера неотличается особой оригинальностью; оно, напротивъ, заключаетъ въ себѣ черты, типичныя для такого сорта возраженій, такъ какъ косвенно отрицаетъ возможность *объяснить* живую природу на почвѣ физико-химическаго механизма; въ этомъ именно смыслѣ оно довольно рельефно, и на немъ стоитъ остановиться.

Кюнстлеръ охотно принимаетъ точное «сравненіе» протоплазмы съ пѣной, но рѣшительно отказывается «объяснить» одно строеніе другимъ, которому онъ присваиваетъ презрительное наименованіе «микстуры». Очевидно, Кюнстлеръ полагаетъ, что какъ объясненіе, такъ и истинное пониманіе какого либо отдѣльнаго круга явленій въ данномъ случаѣ — явленій жизни, сводится къ раскрытію или, правильнѣе говоря, къ признанію въ немъ особой тайны, особаго присущаго ему *deus*'а, недоступнаго для тѣхъ обычныхъ орудій и представленій, съ помощью которыхъ мы болѣе или менѣе удачно оперировали въ смежномъ кругѣ явленій. Кюнстлеръ не опредѣ-

ляетъ ближе того, что нужно разумѣть подъ «объясненіемъ» или «истиннымъ пониманіемъ» явленія; да онъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, что передъ нимъ стоитъ здѣсь довольно-сложный вопросъ критико-познавательнаго или гносеологическаго характера, вопросъ, на который отвѣтъ можетъ быть данъ лишь послѣ спеціальнаго философскаго разсмотрѣнія тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ нашего опыта и мышленія. Кюнстлеръ твердо помнитъ, что comparaison n'est pas raison, и умозаключаетъ отсюда къ поверхностности аналогіи между вульгарной пѣной, получаемой въ лабораторіи простымъ растираніемъ масла съ поташомъ, и таинственной протоплазмой, до сихъ поръ не поддающейся искусственному воспроизведенію. Его уму, привыкшему думать, что за внѣшней оболочкой явленія скрывается еще *нѣчто*, сродное метафизической «вещи въ себѣ», столь же чуждо, сколько и непонятно то классическое или, какъ называетъ его Эрнстъ Махъ *), логическо-эстетическое положеніе физика г. Кирхгоффа, которое послѣдній въ 60-хъ годахъ высказалъ въ своемъ докладѣ «Über das Ziel der Naturwissenschaften» и которое гласитъ: «задача механики (а вмѣстѣ съ ней слѣдов. и всего естествознанія, стремящагося вполнѣ законно свести естественныя явленія на механику) заключается въ томъ, чтобы происходящія въ природѣ движенія *описать возможно полнѣе и простѣйшимъ образомъ*».

Это положеніе, особенно характерное въ устахъ такого точнаго математика-естествоиспытателя, какимъ былъ Кирхгоффъ, рядомъ съ высказаннымъ еще гораздо раньше положеніемъ Майера, «что разъ фактъ извѣстенъ со всѣхъ своихъ сторонъ, то онъ тѣмъ самымъ уже и *объясненъ*», полагаетъ цѣлью науки не то расплывчатое «истинное» пониманіе явленія, которое съ такимъ усердіемъ подчеркиваетъ Кюнстлеръ, убѣжденный въ достовѣрности своего некритическаго мышленія, а лишь возможно-точное знаніе явленія; оно же ясно и рѣзко проводитъ ту грань, которая отдѣляетъ научное познаніе вещи отъ «метафизической фикціи» о ней, и проводитъ тамъ именно, гдѣ проводилъ ее Карлъ Гёрингъ въ своей «Системѣ критической философіи», а именно въ *различеніи знанія отъ пониманія*. По мнѣнію этого философа, «подмѣна знанія *пониманіемъ* и создала тѣ внѣопытныя, трансцендентныя сущности, темныя рѣчи о которыхъ всегда считались у метафизиковъ пареніемъ мысли въ сферѣ какого-то высшаго разумѣнія»... **). Но, какъ видитъ читатель, о такомъ же пониманіи и о такомъ же высшемъ разумѣніи хлопочутъ не только вполнѣ сознательные метафизики, философствующіе о природѣ ex professo, но и біологи, видящіе свою задачу

*) См. его рѣчь «Über das Prinzip der Vergleichung in der Physik» въ собраніи научно-популярныхъ чтеній (стр. 250 и сл.).

**) «Что такое научная философія?» Этюдъ В. Лесевича, стр. 114—123.

какъ въ фактическомъ знаніи, такъ и въ «истинномъ пониманіи» явленій внѣшняго міра.

Кюнстлеръ думаетъ, что, если аналогія между пѣной и протоплазмой и любопытна, то она тѣмъ не менѣе является совершенно праздной и въ научномъ отношеніи нисколько не поучительной, такъ какъ ничего ровно не «объясняетъ». Отсюда можно заключить, что Кюнстлеръ, подобно многимъ другимъ естествовѣдамъ, не вникающимъ въ тотъ затѣменный различными наслоеніями психическій процессъ, которымъ обусловливается ростъ самой науки, не совсѣмъ ясно понимаетъ роль сравненія въ познаніи вещей и полагаетъ, что сравненіе, по существу своему, *качественно* отличается отъ объясненія. А между тѣмъ современная критическая мысль, стоящая одновременно на почвѣ философіи и точнаго знанія, видитъ въ сравненіи нѣчто большее, чѣмъ простую игру досужаго ума. Упомянутый нами выше Эрнстъ Махъ настаиваетъ на той мысли, что одно лишь сравненіе, сопоставляющее новый опытъ или новое наблюденіе со старымъ, всѣмъ извѣстнымъ и всѣми наблюденнымъ фактомъ, дѣлаетъ возможнымъ сначала внутреннее, а затѣмъ и словесное сужденіе о первомъ. Поэтому, говоритъ онъ *), *сравненіе* составляетъ самый могущественный жизненный элементъ науки не только описательной, какъ зоологія, географія или филологія, разсматривающей различныя стадіи въ эволюціи изучаемаго ею объекта, но и науки физической, напр., пытающейся дать «объясненіе» или «истинно пониманіе» явленія. Если и не принято говорить о *сравнительной* физикѣ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ о сравнительной анатоміи, то лишь потому, что присущій первой наукѣ созерцательный элементъ въ очень значительной степени затушеванъ элементомъ активнымъ, экспериментальнымъ, поглощающимъ все вниманіе изслѣдователей; но физика, подобно всякой другой наукѣ, живетъ и развивается сравненіемъ. Могутъ, однако, замѣтить, что только утвержденіе единичнаго факта происходитъ посредствомъ сравненія, но что послѣднее не можетъ имѣть мѣста въ образованіи широкихъ обобщеній и, что особенно важно, въ установленіи «истинной» причинной связи, отливающейся въ форму незыблемыхъ законовъ природы. Однако такъ кажется лишь на первый взглядъ. Что такое на самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ Махъ, *теоретическая идея*? откуда мы получаемъ ее? почему кажется она намъ выше простого утвержденія какого либо опыта или наблюденія? И здѣсь главное значеніе имѣютъ *воспоминаніе* и *сравненіе*; но вмѣсто изолированной черты сходства изъ воспоминанія выступаетъ цѣлая система такихъ чертъ, вырисовывается знакомая намъ физіономія, благодаря которой новые факты сразу входятъ въ нашъ привычный умственный обиходъ. Теоретическая идея можетъ даже содержать въ себѣ больше того,

*) Ueber das Prinzip de Vergleichung in der Physik (стр. 254 и сл.).

что было сразу усмотрѣно въ новомъ фактѣ, другими словами—она можетъ расширить его и обогатить такими чертами, которыя только впослѣдствіи должны быть найдены и которыя, дѣйствительно, часто находятся; эта *быстрота* въ расширеніи знанія и даетъ собственно теоріи *количественное* преимущество предъ простымъ наблюденіемъ, въ то время какъ *качественно*, ни въ смыслѣ ихъ генезиса, ни въ смыслѣ конечнаго результата, который при ихъ посредствѣ достигается, одна отъ другого нисколько не отличаются. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что принятіе какой либо теоріи, покоющейся на сравненіи, всегда представляетъ и нѣкоторую опасную сторону, такъ какъ умственная операція теоретика сводится къ тому, что онъ на мѣсто факта А ставитъ постоянно *другой*, болѣе простой и для него привычный фактъ В, и если послѣдній можетъ мысленно замѣстить первый въ одномъ опредѣленномъ отношеніи, то ужъ по тому одному, что онъ всетаки другой фактъ, онъ не можетъ замѣстить его въ любомъ другомъ отношеніи. На это обстоятельство, какъ показываетъ исторія науки, часто не обращается должнаго вниманія, и тогда самая плодотворная теорія обращается въ препятствіе для дальнѣйшаго изслѣдованія *).

Еслибы Кюнстлеръ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что значитъ «объяснить» или «понять» явленіе, еслибы отъ отличалъ въ нашей гносеологіи существенное ядро ея отъ привходящихъ въ нее постороннихъ элементовъ и не смѣшивалъ бы «біологическаго механизма, какъ научнаго направленія, съ матеріализмомъ, какъ своеобразнымъ психологическимъ воззрѣніемъ или философской системой»,—смѣшеніе, которое, по справедливому замѣчанію Н. Д. Виноградова, **) составляетъ несомнѣнно отличительную черту современнаго неовитализма и, прибавимъ мы отъ себя, другихъ приближающихся къ нему научныхъ теченій,—то онъ въ сравненіи пѣны съ протоплазмой увидѣлъ бы не одну только праздную игру ума, совсѣмъ не существенную для «истиннаго» пониманія жизненныхъ явленій. Напротивъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ Бючли проводится аналогія, подтверждаемая экспериментальной провѣркой, Кюнстлеръ увидѣлъ бы крупный шагъ впередъ въ раскрытіи «физико-химическихъ условій возникновенія и исчезновенія жизненныхъ явленій». Само собой разумѣется, признаніе за теоріей Бючли того значенія, котораго она заслуживаетъ, не обязывало бы Кюнстлера воздержаться отъ критики теоріи или опытной провѣрки ея; но критика должна была бы заключаться не въ туманно догматическомъ указаніи на то, что теорія не даетъ требуемаго «истиннаго» объясненія и низводитъ полную таинственныхъ свойствъ про-

---

*) Подобнѣе см. объ этомъ въ цитир. выше и др. статьяхъ Маха; см. также «Страничка изъ философіи науки» (Жизнь Юга 1897, № 2), «Теорія познанія Эрнста Маха» (Вопросы филос. и психологіи, 1897, № 3).

**) «Біологическій механизмъ» (Воп. филос. и психол., 1897, № 3).

топлазму въ низшій рангъ простой эмульсіи, а въ разсмотрѣніи какъ того, насколько справедливо сравненіе въ своей фактической основѣ, такъ и того, какъ далеко мы можемъ идти въ замѣнѣ новаго факта А другимъ, болѣе близкимъ намъ фактомъ В. Такой критикой, которая обнаружила бы весь объемъ выдвигаемой теперь впередъ теоретической идеи, Кюнстлеръ оказалъ бы значительную услугу біофизическому методу, заложенному трудами Бючли и Квинке.

Приведенное выше возраженіе Кюнстлера заключаетъ въ себѣ, кромѣ гносеологическаго, и другіе элементы. Оно построено еще и на томъ соображеніи, что въ явленіяхъ жизненныхъ мы имѣемъ дѣло не съ веществомъ, взятымъ изъ неодушевленной природы, застывшей и малоподвижной, а съ особаго рода «изумительной», какъ ее назвалъ одинъ біологъ, матеріей, столь непрочной, что она погибаетъ при всякихъ сколько нибудь рѣзкихъ воздѣйствіяхъ, и въ то же время такой властной, такой безконечно-могучей, разъ даны извѣстныя благопріятныя условія, что она вбираетъ въ себя неживое вещество и превращаетъ его въ живое, превращаетъ въ самого себя; эта матерія—*живая* протоплазма; а не аггрегатъ *мертвыхъ*, поддающихся математическому учету, физическихъ молекулъ. Очевидно, Кюнстлеръ въ основу своего возраженія кладетъ то именно положеніе, которое подлежитъ еще доказательству и которое въ біологіи составляетъ центральный спорный пунктъ; являясь въ формѣ посылки, оно тѣмъ самымъ предрѣшаетъ и умозаключеніе. Это положеніе можно выразить слѣдующими словами: такъ какъ живое вещество кореннымъ образомъ отлично отъ вещества неживого, минеральнаго, то поэтому всѣ попытки возможно ближе изучить физическія свойства и строеніе протоплазмы приводятъ къ результатамъ любопытнымъ, но маловажнымъ, ибо ничего цѣннаго изъ этихъ результатовъ выжать нельзя. Кюнстлеръ и не подозрѣваетъ всей жестокости того научнаго приговора, который онъ произноситъ надъ самимъ собой; не подозрѣваетъ того, что, принимая такое положеніе, онъ сразу подрѣзываетъ крылья научному изслѣдованію живого вещества. Вполнѣ правъ поэтому Бючли, когда онъ относитъ Кюнстлера къ тѣмъ многочисленнымъ біологамъ, которые очень недовольны, если удается приблизиться къ *дѣйствительнымъ* причинамъ жизненныхъ явленій, т. е. объяснить ихъ взаимодѣйствіемъ физико-химическихъ силъ при опредѣленныхъ условіяхъ. «Таинственный покровъ и мистическій мракъ, окружающій эти явленія, влечетъ такихъ біологовъ къ ихъ изученію, но они не только не пытаются прорвать покровъ и разсѣять мракъ, а, напротивъ, затемняютъ явленія введеніемъ осложненій и неправильныхъ аналогій съ высшими формами жизни» *). Кто попыткамъ объясненія отдѣльныхъ жизненныхъ явленій, продолжаетъ далѣе Бючли, уже

*) Unters. ü. Shäume u. Protop. (стр. 121).

заранѣе противополагаетъ взглядъ, что эти попытки ничего не значатъ, такъ какъ онѣ построены не на живой плазмѣ, тотъ вообще отказывается отъ объясненія жизненныхъ явленій и, повидимому, предпочитаетъ смотрѣть на послѣднія, какъ на «истеченіе» таинственно-мистической причины, которой и касаться не слѣдуетъ. Кто не допускаетъ возможности сравнить явленія, происходящія въ пѣнѣ, съ явленіями, имѣющими мѣсто въ плазмѣ, тотъ, ради послѣдовательности, долженъ признать, что все, извѣстное намъ относительно органическаго сжиганія при обмѣнѣ веществъ, по меньшей мѣрѣ безполезно, ибо животный организмъ живетъ и состоитъ изъ плазмы, а процессы горѣнія, которые мы знаемъ, совершаются безъ участія плазмы *).

Но наиболѣе вѣскимъ аргументомъ въ своемъ возраженіи Кюнстлеръ, какъ и всѣ другіе сознательные или полусознательные виталисты, которые отстаиваютъ особую «специфичность» *элементарныхъ* жизненныхъ явленій (область психическую мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ), считаетъ свой взглядъ на протоплазму, какъ на вещество, являющееся «результатомъ *особаго* историческаго развитія, ничего общаго со смѣсями не имѣющаго и обладающаго *высокой структурой*»; наличность такой, отчасти фактически наблюденной, отчасти лишь предполагаемой структуры въ живой матеріи кореннымъ образомъ отличаетъ ее отъ матеріи мертвой, минеральной, всегда однородной и неизмѣнной; жизненныя свойства протоплазмы или клѣтки заключаются въ ея организаціи — вотъ, какъ мы видѣли, выводъ, почти единогласно признаваемый всѣми біологами, какъ бы ни расходились они въ оцѣнкѣ сравнительнаго значенія различныхъ форменныхъ элементовъ и какъ бы ни были противоположны ихъ воззрѣнія на ту комбинацію этихъ элементовъ, которая присуща живой протоплазмѣ. Отъ такого вывода несвободны и наиболѣе осторожные біологи, къ числу которыхъ безспорно слѣдуетъ отнести Делажа.

Указавъ на то, что отдѣльные изслѣдователи и до настоящаго времени не пришли еще къ какому либо общеобязательному взгляду на строеніе протоплазмы и что мы имѣемъ передъ собой пять теорій строенія (однороднаго, сѣтчатаго, волокнистаго, пѣнистаго или сотовиднаго и зернистаго), претендующихъ на абсолютное признаніе, Делажъ подводитъ слѣдующій итогъ своему разсмотрѣнію **): «Очевидно, говоритъ онъ, что структура цитоплазмы (подъ которой разумѣютъ обыкновенно протоплазму клѣточнаго тѣла въ отличіе отъ протоплазмы ядра) еще далеко не выяснена; но въ одномъ пунктѣ почти всѣ согласны, и это въ томъ именно, что протоплазма не есть просто, какъ это долго думали, химическое органическое вещество, а *организованное*, т. е., что она обладаетъ структурой

*) Ibid. (стр. 123).
**) «La structure du protoplasma», стр. 29—30.

высшаго, такъ сказать, порядка сравнительно съ той атомической структурой, которою обладаютъ химическія молекулы обыкновенныхъ неживыхъ органическихъ соединеній. Въ послѣднихъ молекулы имѣютъ структуру, но различныя молекулы не расположены другъ относительно друга въ опредѣленномъ порядкѣ; ихъ можно сколько угодно растирать или толочь съ помощью самыхъ утонченныхъ инструментовъ, ихъ свойства отъ этого нисколько *не нарушатся*; протоплазма же такой операціи не выноситъ, она умираетъ». Правда, Делажъ ни одной изъ структуръ, которыя раскрываетъ микроскопическое наблюденіе, не отдаетъ предпочтенія предъ другой. «Изучивъ протоплазму и увидѣвъ, что въ ней дѣйствительно находятся различныя морфологическія части (сѣти, волокна, зерна и пр.), я убѣдился, говоритъ онъ далѣе, что всѣ приписываемыя ей структуры истинны, но что ни одна изъ нихъ не является существенной и не содержитъ въ себѣ одной объясненія свойствъ протоплазмы; основныя качества живого вещества одинаковымъ образомъ заключены какъ въ, повидимому, однородной субстанціи, которая омываетъ волокна и зерна, образуетъ сѣть и заполняетъ межъячеистыя пространства, такъ и въ тѣхъ частяхъ протоплазмы, которыя имѣютъ особую конфигурацію. Волокна, зерна, ячейки суть несомнѣнно мѣстныя дифференцировки уплотненнаго вещества, влекущія за собой особенности въ расположеніи, но ими одними не исчерпывается механическая или физіологическая причина жизненныхъ явленій».

Но если Делажъ не является приверженцемъ какой либо одной изъ теорій строенія и въ каждой находитъ частицу истины, онъ тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ подчеркнуть наличность самой структуры и исходить изъ нея въ изложеніи той теоріи, которую онъ считаетъ наиболѣе соотвѣтствующей требованіямъ научнаго изученія жизненныхъ явленій. «Само собой разумѣется, читаемъ мы у него *), что именно структура протоплазмы должна служить точкой отправленія (въ раскрытіи истины), такъ какъ въ ней скрыта механическая причина тѣхъ явленій, для которыхъ ищется объясненіе, и поэтому мы принуждены допустить нѣкоторыя гипотезы относительно строенія и свойствъ протоплазмы. Но чтобы избѣгнуть упрека въ неправдоподобности, котораго заслуживаетъ большинство теоретиковъ, мы должны слѣдовать такимъ двумъ правиламъ: во 1-хъ, принимать въ основаніе своего воззрѣнія возможно меньше гипотезъ, а въ принятыхъ уже держаться такихъ общихъ положеній, которыя могутъ быть угаданы, и рѣшительно избѣгать ближайшаго и точнаго опредѣленія подробностей строенія (игнорированіе этого элементарнаго правила незамѣтно привело Нэгели, напр., съ особенной любовью предавшагося опредѣленію самыхъ мельчайшихъ чертъ своей гипотетической идіоплазмы и отсчитывавшаго даже число слоевъ воды на мицеллахъ — органическихъ кристал-

*) Ibid., стр. 748—750.

лахъ,—къ созданію не научной теоріи, а болѣе или менѣе остроумнаго романа); и во 2-хъ, при выборѣ гипотезы имѣть всегда въ виду исходную точку, но не цѣль, руководиться индукціей, основанной на фактахъ наблюденія и опыта, а не необходимостью объяснить то или иное явленіе (послѣдняго упрека особенно заслуживаетъ Вейсманнъ, который, преслѣдуя извѣстныя теоретическія соображенія, допускаетъ, напр., разнородное дѣленіе ядра, хотя такое допущеніе и противорѣчитъ фактамъ).

Собственно, предположеніе свое о томъ, что различимыя въ протоплазмѣ отдѣльныя массы состоятъ изъ частей, расположенныхъ въ *опредѣленномъ* порядкѣ—и въ этомъ именно смыслѣ представляющихъ *опредѣленную* «организацію»,—Делажъ считаетъ гипотетическимъ лишь на первый взглядъ. Оно, какъ мы видѣли, вытекаетъ для него изъ того непосредственно наблюдаемаго факта, что протоплазма можетъ быть убита *механическимъ* сдавливаніемъ ея между двухъ стеклянныхъ пластинокъ: въ такомъ случаѣ свойства ея моментально измѣняются, движенія пріостанавливаются, питаніе прекращается. Однородная смѣсь химическихъ веществъ, утверждаетъ Делажъ, не такъ относится къ механическимъ дѣйствіямъ: можно растирать альбуминныя тѣла какой угодно сложности, ни въ чемъ не измѣняя ихъ свойствъ. «Когда растираютъ клѣтку, говоритъ Делажъ, то не вносятъ никакихъ измѣненій въ химическія вещества, но разстраиваютъ ихъ (групповое) расположеніе и, такимъ образомъ, разрушаютъ протоплазму; отсюда ясно, что клѣтка отличается отъ обыкновеннаго альбуминнаго тѣла особымъ размѣщеніемъ привходящихъ въ нее частей; ясно также, что *изъ этого размѣщенія ближайшимъ образомъ вытекаетъ жизнь*, конечно, при томъ необходимомъ условіи, чтобы былъ на лицо опредѣленный химическій составъ». Какъ ученый крайне осторожный, не рискующій пуститься въ область художественнаго вымысла, Делажъ не рисуетъ подробно архитектуры протоплазматическаго вещества, какъ это дѣлаетъ Вейсманнъ или Нэгели, не расчленяетъ, побуждаемый требованіями формальнаго характера, видимыя въ немъ части (волкна, зерна и пр.) на все болѣе и болѣе мелкіе аггрегаты, которые надѣляются обыкновенно опредѣленнымъ внѣшнимъ видомъ и особыми свойствами (наслѣдственными, приспособительными и т. д.); онъ ограничивается тѣмъ, что набрасываетъ одни крупные штрихи, долженствующіе, однако, дать общее представленіе о приписываемой протоплазмѣ структурѣ. Делажъ естественно думаетъ, что элементы, размѣщеніе которыхъ порождаетъ жизнь, по объему своему превосходятъ самыя крупныя химическія молекулы, потому что послѣднія не измѣняются отъ дѣйствій чисто механическихъ; но онъ не считаетъ себя вправѣ утверждать еще что-нибудь сверхъ этого и выводить, что предполагаемые элементы представляютъ собой аггрегаты какого-то высшаго порядка, обладающіе постоянствомъ и матеріальной индивидуальностью. То размѣщеніе, о ко-

торомъ здѣсь идетъ рѣчь, можетъ также происходить съ химическими веществами, не принявшими опредѣленной индивидуальности.

Въ самомъ дѣлѣ, массу живой протоплазмы безпрерывно пробѣгаютъ вещества, то входящія, то выходящія, перемѣщающіяся осмотическимъ путемъ; эти вещества создаютъ, такимъ образомъ, въ массѣ концентрическіе пояса, *физико-химическій* составъ которыхъ измѣняется отъ одного пояса къ другому уже вслѣдствіе одного того, что самые поверхностные слои наиболѣе богаты веществами входящими, а самые глубокіе слои—веществами выходящими. Такое неравное распредѣленіе осмозирующихъ веществъ *можетъ химически* реагировать на протоплазматическую смѣсь и обусловить неравенство въ распредѣленіи ея частей; послѣднее можетъ вызвать тогда «неустойчивую структуру, которая, съ одной стороны, постоянно исчезаетъ, благодаря диффузіи однихъ слоевъ въ другіе, а съ другой—безпрерывно возстановляется дѣйствіемъ осмотическаго потока». По мнѣнію Делажа, такая конституція протоплазмы вполнѣ согласуется съ требованіями, которыя можно предъявить теоріи, не желающей совершенно отрѣшиться отъ того, что даетъ наблюденіе. Нэгели и его послѣдователи совершенно напрасно изобрѣтали факторы элементарныхъ свойствъ подъ тѣмъ предлогомъ, что альбуминныя вещества, не смотря на все свое разнообразіе, не могутъ образовать различныя соединенія въ количествѣ, достаточномъ для объясненія безконечнаго разнообразія клѣтокъ; но если конституціонныя различія, которыя представляютъ клѣтки неодинаковыхъ тканей одного и того же существа или гомологичныя клѣтки существъ, принадлежащихъ къ различнымъ видамъ, могутъ быть объяснены гипотетическими пангенами Де-Фриза, біофорами Вейсманна или другими какими либо элементарными матеріальными факторами, то эти же различія могутъ быть объяснены и безъ нихъ. «Не прибѣгая къ помощи независимыхъ единицъ, можно и въ *аморфной* протоплазмѣ представить себѣ тѣ же особенности химическаго состава и размѣщенія частей»,—такими словами Делажъ заканчиваетъ свое осторожное разсужденіе о структурѣ протоплазмы. Однако, при всей осторожности, оно представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны, которыя нельзя обойти молчаніемъ.

Прежде всего Делажъ дѣлаетъ чисто методологическую ошибку, когда, съ цѣлью доказать особое структурное расположеніе частей протоплазматическаго тѣла, онъ сравниваетъ его, для большей убѣдительности, съ *однородной* смѣсью химическихъ веществъ какой угодно сложности. Разъ протоплазма признается имъ за «вещество, составленное главнымъ образомъ изъ бѣлковыхъ соединеній, изъ которыхъ одни смѣшиваются другъ съ другомъ, а другія не смѣшиваются» и такимъ образомъ являются какъ бы дифференцированными въ остальной массѣ живой матеріи; разъ онъ видитъ въ

ней, такъ сказать, морфологическую смѣсь, содержащую элементы самой разнообразной консистенціи, то очевидно, что онъ невправѣ сравнивать *неоднородную* смѣсь бѣлковыхъ тѣлъ въ протоплазмѣ съ *однородной* смѣсью неживыхъ органическихъ тѣлъ, хотя бы и очень сложныхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что однородная смѣсь, какъ физически непрерывное тѣло, не представляетъ и слѣдовъ организаціи; вѣдь отсутствіе послѣдней и считается, не всегда, впрочемъ, съ одинаковой основательностью, характернымъ признакомъ однороднаго тѣла. Чтобы выдержать сравненіе съ должной строгостью и вывести изъ него какія-нибудь поучительныя слѣдствія, протоплазму нужно сравнивать съ *разнородной* (гетерогенной) смѣсью бѣлковыхъ или иныхъ веществъ, по химическимъ и физическимъ свойствамъ другъ отъ друга отличныхъ; а для такой смѣси мы съ такимъ же правомъ можемъ утверждать структурное расположеніе отдѣльныхъ форменныхъ элементовъ ея, съ какимъ мы это дѣлаемъ для протоплазмы; можемъ утверждать потому, что «подъ сложной организаціей клѣтки (или протоплазмы) слѣдуетъ разумѣть только большое морфологическое разнообразіе и такую сложность химическаго состава ея вещества, которую нетрудно встрѣтить и въ сложныхъ химико-физическихъ соединеніяхъ», но не слѣдуетъ подъ ней «разумѣть особый *способъ* соединенія отдѣльныхъ составныхъ частей вещества, не встрѣчающійся въ неорганической природѣ, ибо въ такомъ случаѣ въ понятіе сложной «организаціи» вносится нѣкоторая доля чудеснаго, къ чему охотно прибѣгаютъ каждый разъ, какъ подходятъ къ объясненію жизненныхъ явленій; но, оставаясь на научной точкѣ зрѣнія, нельзя примкнуть къ такому воззрѣнію, такъ какъ наука и ученіе о чудесномъ взаимно исключаютъ другъ друга» *).

Далѣе Делажъ, какъ мы видѣли, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги подчеркиваетъ тотъ фактъ, что живая протоплазма легко можетъ быть убита сжатіемъ, давленіемъ, растираніемъ или инымъ подобнымъ, чисто *механическимъ* дѣйствіемъ. Этотъ фактъ, являющійся единственно экспериментальнымъ, несомнѣнно, по мнѣнію Делажа, говоритъ въ пользу структурнаго состоянія живого вещества, въ пользу опредѣленнаго размѣщенія различныхъ элементовъ его. Смерть протоплазмы обусловливается здѣсь не тепловымъ, химическимъ, электрическимъ или другимъ какимъ-либо вліяніемъ, дѣйствующимъ на самое сродство атомовъ и вызывающимъ «вполнѣ понятнымъ образомъ» въ живомъ веществѣ, равно какъ и въ неживомъ, процессы разложенія и синтеза съ поглощеніемъ или освобожденіемъ энергіи,—смерть обусловливается тѣмъ, что механическое дѣйствіе, нисколько не измѣняя физико-химическихъ свойствъ, нарушаетъ расположеніе частей протоплазмы, разрываетъ связь между ними и вноситъ безпорядокъ, «дезорганизацію» туда, гдѣ раньше

*) Максъ Ферворнъ «Общая физіологія», стр. 241 русс. пер.

господствовали строгая размѣренность и геометрически опредѣленная оріентировка, она водворяетъ хаосъ тамъ, гдѣ раньше была удивительно цѣлесообразная гармонія, благодаря которой и возможны были жизненныя отправленія..."

Это разсужденіе невѣрно съ двухъ сторонъ. Во первыхъ, Делажъ не правъ, когда въ давленіи, растираніи и пр. усматриваетъ одно лишь механическое дѣйствіе, выражающееся въ явленіяхъ перемѣщенія или движенія вещества. Распавшееся на отдѣльныя научныя дисциплины современное естествознаніе, все болѣе и болѣе дифференцируясь и тѣсно замыкаясь въ отдѣльные круги изслѣдованія, теперь часто не въ состояніи охватить любой сложный процессъ природы во всемъ его объемѣ и анализировать явленіе во всей совокупности чертъ, его характеризующихъ; поэтому оно принуждено изучать данную, фактически многообразную дѣйствительность не цѣликомъ, а въ расчлененномъ видѣ, обращая свое преимущественное вниманіе, смотря по цѣли, которую оно преслѣдуетъ, то на одинъ, то на другой элементъ дѣйствительности. Но не слѣдуетъ забывать, что, въ виду тѣхъ или иныхъ соображеній, здѣсь надъ разностороннимъ фактомъ произведена нѣкоторая искусственная ампутація, и что съ извѣстной точки зрѣнія всѣ элементы не только обладаютъ одинаковой полноправностью, но и *сосуществуютъ* другъ съ другомъ; не слѣдуетъ забывать, что указанное выше расчлененіе, всегда руководимое въ своей основѣ какой либо цѣлью и потому мѣняющее свой характеръ въ зависимости отъ послѣдней, есть лишь абстракція нашего ума и методологическій пріемъ изслѣдованія, и что, слѣдовательно, полное знаніе предмета только тогда можетъ быть достигнуто, когда расчлененное на части вновь будетъ соединено при посредствѣ синтезирующей мысли. Поэтому, наиболѣе чистые представители научно-*философскаго* мышленія особенно сильно настаиваютъ на необходимости такого возсоединенія.

«Не существуетъ чисто механическихъ явленій; если какія нибудь массы обусловливаютъ собой ускореніе, то *на первый взглядъ* кажется, что это просто явленіе движенія; въ дѣйствительности же съ этими движеніями связаны термическія, магнитныя и электрическія измѣненія, и по мѣрѣ того, какъ измѣненія эти проявляются, видоизмѣняются явленія движенія. Съ другой стороны, термическія, магнитныя, электрическія и химическія явленія способны вызвать движенія. Чисто механическія явленія, значитъ, представляютъ собой абстракціи, которыя нарочно или по необходимости предлагаются для извѣстной цѣли; это относится также и къ другимъ классамъ физическихъ явленій. Выражаясь точнѣе, можно сказать, что *каждое явленіе относится ко всѣмъ областямъ физики*; области же раздѣляются лишь въ классификаціи, частью созданной условными обычаями, частью же явившейся, благодаря

причинамъ физiологическимъ или историческимъ» *). Примѣняя эти общiя соображенiя, подтверждаемыя, между прочимъ, и прямымъ экспериментомъ, къ интересующему насъ частному случаю, мы должны сказать, что то дѣйствiе давленiя, разрыванiя или сжатiя, которое убиваетъ протоплазму, на самомъ дѣлѣ не является «чисто» механическимъ, производящимъ одно лишь перемѣщенiе частей, а, напротивъ, связано съ цѣлымъ комплексомъ измѣненiй магнитныхъ, химическихъ и пр., распространяющихъ свое влiянiе въ самую глубь вещества и вызывающихъ въ немъ рядъ атомныхъ и молекулярныхъ перестановокъ. Если растиранiе клѣтки влечетъ за собой прiостановку движенiй, питанiя и т. д., словомъ—смерть ея, то не потому только, что растиранiемъ нарушается порядокъ структуры протоплазмы, оставшейся неизмѣненной въ своихъ физико-химическихъ свойствахъ (такое нарушенiе, конечно, логически допустимо, хотя и не можетъ быть доказано), но и потому, что вмѣстѣ съ механическимъ дѣйствiемъ или, въ крайнемъ случаѣ, сейчасъ же вслѣдъ за нимъ, въ различныхъ направленiяхъ слѣдуютъ влiянiя тепловыя, электрическiя, измѣняющiя химическую природу протоплазматическихъ веществъ; а что химическое измѣненiе можетъ повлечь за собой и гибель живой матерiи, разумѣется само собой. Итакъ, неоспоримый фактъ смерти протоплазмы вслѣдствiе сжатiя или растиранiя, для объясненiя своего, нисколько не нуждается въ допущенiи какой либо специфической структуры, организацiи форменныхъ элементовъ; не нуждается потому, что здѣсь нѣтъ на лицо, какъ это ошибочно думаетъ Делажъ, чисто механическаго дѣйствiя, а есть цѣлая совокупность разнообразныхъ измѣненiй, расчлененная «по причинамъ физiологическимъ или историческимъ».

БИБЛIОТЕКА

Мы говорили выше, что разбираемое нами положенiе Делажа (о влiянiи механическаго дѣйствiя) невѣрно съ двухъ сторонъ; мы указали на одну изъ нихъ, обратимся теперь къ другой. Какъ чувствительное отношенiе протоплазмы къ механическимъ дѣятелямъ служитъ доказательствомъ наличности въ живомъ веществѣ особой структуры, такъ совершенно индифферентное отношенiе къ подобнымъ же дѣятелямъ вещества неживого доказываетъ безструктурность или однородность его. «Можно растирать, говоритъ Делажъ, самыя сложныя бѣлковыя тѣла (или однородную смѣсь ихъ) и при этомъ нисколько не измѣнить ихъ свойствъ». Отсюда очевидно, заключаетъ онъ, что во 1-хъ, «живое вещество отличается отъ неживого только размѣщенiемъ частей въ немъ», и что во 2-хъ изъ этого именно размѣщенiя вытекаетъ ближайшимъ образомъ жизнь. Но такое распредѣленiе крайне разнообразнаго мiра химическихъ соединенiй на два отдѣла, въ зависимости отъ ихъ отно-

*) Отношенiя механики къ другимъ наукамъ (*Проф. Маха*) Науч Обозр., 1897, № 5.

шенія къ механическимъ раздражителямъ, и выдѣленіе въ одинъ изъ нихъ всѣхъ тѣлъ, которыя легко разрушаются и составляютъ матеріальнаго носителя жизни, а въ другой—тѣхъ, которыя не измѣняются и составляютъ разряды неорганическихъ и органическихъ *неживыхъ* тѣлъ, является крайне произвольнымъ. Дежажъ совершенно упустилъ изъ виду,—и это крайне удивительно при обширности его эрудиціи,—что химія (неорганическая и органическая) представляетъ немало примѣровъ такихъ соединеній, совершенно однородныхъ и опредѣленныхъ въ физико-химическомъ смыслѣ, которыя измѣняются, а слѣдовательно и теряютъ свои свойства, даже при самомалѣйшемъ раздраженіи. Достаточно указать, напримѣръ, на всѣмъ извѣстный нитроглицеринъ, который и отъ незначительнаго сотрясенія взрываетъ съ страшной силой, разлагаясь при этомъ на такія сравнительно прочныя тѣла, какъ вода, углекислота, кислородъ и азотъ, или на іодистый азотъ, гремучую ртуть. Эти соединенія, какъ и имъ подобныя, распадаются не только въ томъ случаѣ, если ихъ растираютъ, т. е. производятъ надъ ними болѣе или менѣе сильное механическое дѣйствіе, но и тогда, когда къ нимъ лишь касаются, напримѣръ, бородкой гусинаго пера. Однако, никому не приходитъ въ голову приписывать такую легкую разложимость вышеназванныхъ тѣлъ особой «структурѣ» ихъ (мы, само собой разумѣется, имѣемъ въ виду здѣсь не структуру атомную или молекулярную, которую принято допускать во *всякой* матеріальной массѣ, а структуру морфологическую, подобную той, которую предполагаютъ въ живомъ веществѣ). Но еслибы даже мы и увидѣли себя вынужденными, для объясненія крайней чувствительности къ механическимъ раздраженіямъ, предположить наличность ея въ нитроглицеринѣ, іодистомъ азотѣ и другихъ неживыхъ тѣлахъ,—а такое гипотетическое допущеніе мы вправѣ сдѣлать, пока оно логически не противорѣчитъ фактамъ опыта,—то лишили бы тогда своей специфической характерности тотъ самый признакъ, который считался только что присущимъ живому веществу и отличающимъ его отъ любого химическаго соединенія: этотъ признакъ, т. е. структурность, относился бы одинаково и къ протоплазмѣ, и къ однородному бѣлковому тѣлу, и къ неорганической смѣси. Но допущеніе такого признака, при современномъ состояніи физико-химическихъ знаній, не является существенно необходимымъ, когда мы имѣемъ дѣло съ нитроглицериномъ, напримѣръ, или ему подобнымъ тѣломъ. Легкую разложимость, неустойчивость ихъ мы ставимъ въ связь съ той огромной потенціальной энергіей, которую они поглотили въ моментъ своего образованія и которую они всегда готовы высвободить, въ формѣ энергіи кинетической, подъ дѣйствіемъ незначительнаго даже толчка, давая въ конечномъ результатѣ то, что принято называть «положительнымъ тепловымъ колебаніемъ». Ихъ *наружное* отличіе отъ другихъ химическихъ соединеній мы видимъ только въ томъ, что

процессъ распаденія, протекающій обыкновенно съ поглощеніемъ энергіи, у нихъ сопровождается выдѣленіемъ ея.

Здѣсь не мѣсто, конечно, развивать подробно ту мысль, что это отличіе, обусловливаемое тѣмъ, что въ одномъ случаѣ имѣется на лицо процессъ въ чистомъ, такъ сказать, видѣ его, а въ другомъ процессъ, затемненный различными осложненіями,—исчезаетъ при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Мы должны ограничиться лишь указаніемъ на это и перейти къ составляющимъ протоплазму бѣлковымъ тѣламъ. Біологи, изучающіе химическую сторону физіологическихъ процессовъ, пришли къ заключенію, что для поддержанія жизни организма въ него должны быть введены вещества, обладающіе большимъ запасомъ потенціальной энергіи; эти вещества, дѣйствуя другъ на друга, вызываютъ обмѣнныя реакціи, сопровождающіяся положительнымъ тепловымъ колебаніемъ, т. е. выдѣленіемъ запасенной энергіи. Готовыя сложныя соединенія или соединенія, образующіяся въ организмѣ, легко распадаются и, *подобно взрывчатымъ веществамъ*, производятъ продукты, дающіе путемъ перемѣщенія своихъ атомовъ синтетически начало новымъ веществамъ; цѣлый рядъ такихъ, до сихъ поръ не изслѣдованныхъ еще превращеній, гдѣ распаденія и синтезы идутъ рука объ руку, приводитъ, наконецъ, къ построенію *живой* бѣлковой молекулы. «Но живыя бѣлковыя тѣла можно поставить рядомъ съ *взрывчатыми* тѣлами; они наклонны къ распаденію, и изъ освобождающихся группъ атомовъ, путемъ перемѣщенія, отчасти непосредственно послѣ распаденія, отчасти позднѣе, вслѣдствіе соединенія съ вновь введенными веществами, происходятъ химическія соединенія, образованіе которыхъ опять соединено съ развитіемъ энергіи. При современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній нѣтъ никакой возможности прослѣдить въ подробности весь рядъ химическихъ процессовъ, все множество распаденій и синтезовъ и связанной съ ними смѣны энергіи, начиная съ перваго распаденія углекислоты и синтеза первыхъ продуктовъ ассимиляціи въ растеніи до распаденія живыхъ бѣлковъ въ растеніяхъ и животныхъ; но мы знаемъ, что конечные продукты обмѣна веществъ, какъ углекислота, вода, мочевина и пр., суть вещества съ очень малымъ запасомъ химической энергіи, изъ которыхъ или совсѣмъ нельзя получить химической энергіи, или же можно получить только очень немного. Наибольшее количество химической энергіи, введенной въ организмъ съ пищей, должно, слѣдовательно, на своемъ пути, вслѣдствіе обмѣна веществъ, превратиться въ другія формы энергіи, и отсюда вытекаютъ отправленія организма» *). Но уподобленіе бѣлковыхъ веществъ взрывчатымъ тѣламъ не есть лишь поверхностная аналогія, которую можно по произволу принять или не принять; нѣтъ, съ точки зрѣнія физико-химическихъ процессовъ,

*) Ферворнъ, цит. соч., стр. 423—425.

которымъ тѣ и другія могутъ дать начало, съ точки зрѣнія того вида энергіи, хранилищами которой и тѣ и другія являются, они между собой совершенно тождественны, и поэтому всѣ особенныя свойства живой протоплазмы съ большой долей вѣроятности могутъ быть отнесены прямо насчетъ молекулы бѣлковаго вещества.

Такая идея «живыхъ молекулъ» наиболѣе ярко развита физіологомъ Пфлюгеромъ, который, какъ справедливо замѣтилъ Н. Чермакъ, глубже всѣхъ другихъ авторовъ (полагавшихъ свою задачу въ разгадкѣ протоплазматической структуры) проникъ въ суть вопроса, такъ какъ онъ перенесъ центръ тяжести его изъ статики протоплазмы въ ея динамику. На взглядъ Пфлюгера, для пониманія жизненныхъ процессовъ особенно важно имѣть въ виду присущее живому веществу стремленіе къ *саморазложенію*, которымъ, между прочимъ, объясняется и раздражительность протоплазмы. Это саморазложеніе, какъ въ томъ убѣждаютъ опыты, есть процессъ, совершенно отличный отъ процесса окисленія; оно поддерживается и усиливается теплотой; можно поэтому сказать, что «внутримолекулярная теплота клѣтки и есть ея жизнь». Первоначальный источникъ жизни Пфлюгеръ видитъ въ группѣ ціана, такъ какъ ціановая кислота и ея соединенія представляютъ какъ по своимъ физико-химическимъ свойствамъ, такъ и по запасу скрытой въ нихъ энергіи столь поразительную аналогію съ живымъ веществомъ, что частицы ея можно назвать «полуживыми молекулами». «Жизненный процессъ,—заключаетъ Пфлюгеръ,—есть внутримолекулярная теплота легко разложимыхъ и, при образованіи углекислоты, воды и амидистыхъ соединеній, разлагающихся чрезъ диссоціацію бѣлковыхъ молекулъ, которыя образуются въ протоплазмѣ и, благодаря полимеризаціи, вновь возстановляются и ростутъ». Мы не станемъ входить здѣсь въ оцѣнку того, насколько положеніе Пфлюгера является гипотетическимъ или достовѣрнымъ; въ немъ важнѣе всего то именно сближеніе между жизненной протоплазмой и соединеніями, подобными ціану, которое уничтожаетъ грань, отдѣляющую живое отъ неживого. Если нитроглицеринъ или іодистый азотъ съ поразительной легкостью разлагаются отъ незначительнаго механическаго толчка, если ціановосеребряная соль даже самопроизвольно переходитъ въ параціановую соль, выдѣляя при этомъ столь много тепла, что вся масса начинаетъ свѣтиться, то такія измѣненія съ тѣмъ большимъ успѣхомъ могутъ происходить въ тѣлѣ протоплазмы, что послѣдняя представляетъ собой не однородное химическое соединеніе на манеръ нитроглицерина или гремучей ртути, а разнородную смѣсь другъ на друга дѣйствующихъ бѣлковыхъ тѣлъ, совершенно подобныхъ взрывчатымъ тѣламъ. И разъ мы не находимъ нужнымъ приписывать однородному нитроглицерину особое морфологическое строеніе, хотя онъ и измѣняется отъ «чисто» механическаго дѣйствія, то мы не имѣемъ никакого основанія приписывать его протоплазматической

смѣси, отличающейся отъ перваго лишь крайней сложностью своей частицы и неуловимостью тѣхъ процессовъ, которые въ ней протекаютъ. Итакъ, резюмируя все вышесказанное, можно заключить слѣдующее: губительное дѣйствіе механическихъ вліяній на протоплазму не можетъ служить аргументомъ въ пользу особаго строенія живого вещества, во 1-хъ, потому, что эти вліянія сопровождаются рядомъ другихъ вліяній (термическихъ, химическихъ и т. д.), воздѣйствующихъ на молекулярное строеніе составляющихъ протоплазму частей, и во 2-хъ, потому, что не менѣе «губительнымъ» оказывается механическое дѣйствіе и на цѣломъ классѣ такихъ неживыхъ тѣлъ, которыя отличаются большимъ запасомъ энергіи.

Структура, приписываемая протоплазмѣ Делажемъ, отличается отъ структуръ, «изобрѣтаемыхъ» другими біологами, своей сравнительной простотой; она сводится, мы это видѣли, къ образованію въ массѣ живого вещества концентрическихъ слоевъ различной физико-химической конституціи, безпрерывно измѣняющейся подъ вліяніемъ осмотическихъ токовъ. Неравное распредѣленіе питательныхъ веществъ *можетъ*, говоритъ онъ, дѣйствовать химически на протоплазматическую смѣсь и обусловить въ ней неравномѣрное распредѣленіе форменныхъ элементовъ, что въ свою очередь «повлекло бы за собой *неустойчивую* структуру, постоянно стремящуюся исчезнуть вслѣдствіе взаимной диффузіи слоевъ, но постоянно возстановляемую подъ вліяніемъ осмотическаго дѣйствія» *).

---

*) То строеніе протоплазмы, которое принимаетъ Делажъ, почти цѣликомъ взято имъ у Бертольда. Вотъ какъ онъ резюмируетъ теорію послѣдняго. Протоплазма имѣетъ структуру эмульсіи (этотъ взглядъ, впрочемъ, Делажъ считаетъ недостаточно обоснованнымъ), крайне сложной и составленной изъ самыхъ разнообразныхъ химическихъ веществъ; эти вещества только отчасти или совсѣмъ нерастворимы одни въ другихъ, благодаря чему они не сливаются въ одну однородную массу; каждое изъ нихъ сохраняетъ въ надлежащемъ мѣстѣ свое независимое дѣйствіе, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ реакцій «сосѣдства», которыя то тамъ, то сямъ приводятъ къ частнымъ равнодѣйствующимъ. Погруженное въ окружающую питательную среду и заключающее въ себѣ различные органы, составляющіе необходимую или случайную часть клѣточнаго содержимаго, послѣднее можетъ быть уподоблено каплѣ однороднаго вещества, взвѣшеннаго въ жидкости, въ которой эта капля нерастворима, но съ которой она можетъ входить въ осмотическій обмѣнъ.

Когда этотъ обмѣнъ продолжался нѣкоторое время, онъ несомнѣнно установилъ въ каплѣ концентрическіе пояса, такъ какъ осмотическія модификаціи уменьшаются отъ периферіи къ центру. Болѣе того, жидкость, которая стремится внутрь капли, можетъ претерпѣть такія химическія измѣненія при прохожденіи чрезъ поверхностный слой, что ея осмотическія свойства станутъ иными по отношенію къ слѣдующему слою; и такъ какъ это явленіе повторяется у каждаго слоя, то въ концѣ концовъ сначала однородная капля пріобрѣтаетъ впослѣдствіи структуру концентрическихъ слоевъ, въ которыхъ натяженія могутъ идти то повышаясь, то понижаясь отъ центра къ периферіи.

Если мы теперь предположимъ, что въ такой измѣненной каплѣ со-

Такая неопредѣленная и непрочная структура, само собой разумѣется, не требуетъ наличности въ протоплазмѣ какихъ-либо постоянныхъ матеріальныхъ аггрегатовъ высшаго порядка, аггрегатовъ съ рѣзко очерченной индивидуальностью; и Делажъ дѣйствительно находитъ нужнымъ указать, и тѣмъ самымъ подчеркнуть разницу своего воззрѣнія на строеніе живого вещества отъ воззрѣнія другихъ біологовъ, что предполагаемая имъ структура можетъ вполнѣ быть приложена къ аморфной протоплазмѣ. Но такимъ подчеркиваніемъ Делажъ значительно понижаетъ цѣнность

держатся другія, составленныя изъ отличнаго отъ первой вещества, но тождественныя между собой, то эти капли размѣстятся въ концентрическихъ слояхъ въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ ихъ поверхностнымъ натяженіямъ и молекулярнымъ физико-химическимъ силамъ; въ одномъ и томъ же слоѣ они займутъ, вслѣдствіе взаимныхъ реакцій, опредѣленное положеніе. Каждая новая группа капелекъ будетъ относиться подобнымъ же образомъ. Отсюда вытекаетъ, что въ протоплазматической эмульсіи должна въ общемъ преобладать концентрическая структура и что всѣ подобныя части должны занимать въ ней положеніе опредѣленнаго равновѣсія, которое обусловливаетъ собой извѣстную симметрію. Распредѣленіе хлорофильныхъ зеренъ въ протоплазмѣ, крахмальныхъ зеренъ въ хлорофилѣ, положеніе ядра,—все это объясняется симметріей равновѣсія.

Такимъ образомъ, представленная структура протоплазмы даетъ ключъ къ пониманію всѣхъ явленій, имѣющихъ мѣсто въ клѣткѣ. Движеніе протоплазмы, движенія псевдоподій, дѣленіе ядра и др. объясняются простыми механическими дѣйствіями, которыя вытекаютъ изъ химическихъ реакцій и физическихъ силъ, присущихъ эмульсіи, и особенно—изъ явленій *осмоза* и *поверхностнаго натяженія*.

Сущность организма, говоритъ Бертольдъ въ другомъ мѣстѣ, то, что отличаетъ его отъ любой неживой механической системы, не заключается ни въ особой молекулярной структурѣ, ни въ физико-химическихъ свойствахъ бѣлка, составляющаго главную часть тѣла протоплазмы, ни въ структурѣ послѣдней, такъ какъ она нисколько не отличается отъ структуры какой нибудь эмульсіи. Что отличаетъ живую протоплазму, такъ это циркуляція силъ и веществъ, въ ней содержащихся; существенно въ ней то, что, благодаря своей собственной химической энергіи и энергіи окружающей ея среды, она сохраняется, ростетъ и воспроизводится, что она безпрерывно выдѣляетъ силы *массовыя и частичныя*, обусловливающія въ каждый данный моментъ соотвѣтственную форму организаціи. Слѣдуетъ однако помнить, что двѣ протоплазмы, тождественныя по количеству и качеству составляющихъ ихъ частей, могутъ быть построены весьма различно, въ зависимости отъ направленія, по которому происходила дифференцировка этихъ частей. Если бы удалось соединить между собой тѣ вещества, изъ которыхъ состоитъ животное или растительное яйцо, то они безъ сомнѣнія сгруппировались бы иначе, чѣмъ они группировались въ ихъ прогрессивной эволюціи. Можно поэтому сказать, что «протоплазма имѣетъ историческую структуру». Въ итогѣ, періодическая послѣдовательность явленій, образующихъ эволюцію поколѣній и индивидовъ, есть лишь выраженіе и результатъ реакцій, происходящихъ въ протоплазмѣ. Благодаря содѣйствію окружающихъ условій, всякое химическое явленіе влечетъ за собой слѣдующее и въ то же время вызываетъ измѣненіе формы и физическихъ свойствъ, обнаруживающихся въ соотвѣтствующую стадію эволюціи.

своей теоріи строенія. *Гипотетическое* допущеніе послѣдняго только въ томъ и находитъ себѣ оправданіе, что съ его помощью получается объясненіе, хотя бы и кажущееся, загадочныхъ явленій наслѣдственности, атавизма, приспособленности, словомъ — всей эволюціи какъ отдѣльнаго индивида, такъ и цѣлаго вида; пангены, иды, геммулы, которыми различные авторы надѣляютъ протоплазму, — эти матеріальныя частицы существуютъ въ ней не *an und für sich*; напротивъ, онѣ играютъ исключительно активную роль, такъ какъ даютъ опредѣленное направленіе жизненнымъ функціямъ, руководятъ гистологической дифференцировкой тканей, предопредѣляютъ если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ чертахъ все послѣдующее развитіе организма; въ этой активной роли, точно опредѣленной и обусловленной размѣщеніемъ протоплазмическихъ элементовъ, и содержится весь смыслъ ихъ.

Отрицая индивидуальность этихъ элементовъ, не признавая за ними, такимъ образомъ, руководящей роли въ жизненныхъ функціяхъ клѣтки, мы тѣмъ самымъ перестаемъ видѣть въ «организаціи» живого вещества primum movens біологическихъ явленій, и теряемъ изъ виду ту цѣль, ради которой, собственно, была допущена гипотеза строенія. Эта гипотеза тѣмъ легче лишается своего объяснительнаго, такъ сказать, характера—единственно цѣннаго, такъ какъ фактическаго значенія она не имѣетъ,—что произведенная осмотическими токами структура, по сознанію Делажа, «постоянно стремится то къ исчезновенію, то къ возстановленію»; слѣдовательно, обладаетъ такой неопредѣленной непрочностью, что въ любой моментъ, когда въ этомъ окажется надобность, ее съ большимъ удобствомъ можно выставить въ качествѣ объяснительной причины, а въ другой моментъ, когда она явится стѣснительной, ее можно съ неменьшимъ удобствомъ игнорировать. Нужно замѣтить, что Делажъ не позволяетъ себѣ такого произвольнаго отношенія къ структурной гипотезѣ, но за то она у него и не играетъ существенной роли, онъ не ссылается на нее повсемѣстно и только изрѣдка вспоминаетъ о существующей въ протоплазмѣ опредѣленной арранжировкѣ частей. Что остается еще дѣйствительно существеннаго въ его строеніи протоплазмы, такъ это— расположеніе послѣдней концентрическими слоями, диффундирующими другъ въ друга; но такое расположеніе, все значеніе котораго выяснилъ еще Бертольдъ, цѣликомъ можетъ быть сведено на условія, хотя бы и неизмѣримо сложныя, физико-химическаго порядка; въ немъ нѣтъ ничего спеціально біологическаго.

Не такъ, однако, смотрятъ на дѣло даже тѣ біологи, которые хотя и принимаютъ особую структуру протоплазмы, но, подобно Делажу, рѣшительно высказываются противъ анатомическаго и физіологическаго предопредѣленія въ ней всѣхъ будущихъ свойствъ организма. Къ числу этихъ біологовъ относится и Оскаръ Гертвигъ, безъ колебаній выступившій противъ ученія эволюціонистовъ (въ

старомъ смыслѣ этого слова, обозначавшаго матеріальную наличность въ яйцѣ или клѣткѣ всѣхъ тѣхъ, неуловимыхъ и для микроскопа, зачатковъ, которые, благодаря простому росту вещества, становятся впослѣдствіи видимыми для насъ тканями и органами) и основательно упрекавшій А. Вейсманна за то, что послѣдній, увлеченный стройностью и симметричностью своей протоплазматической структуры, оставилъ жизненную почву фактовъ и замѣнилъ ее умственной эквилибристикой *). Тѣмъ не менѣе и онъ находилъ нужнымъ подчеркнуть *опредѣленность* строенія живого вещества и, слѣдовательно, отдать дань общему господствующему теченію. «Протоплазма, говоритъ онъ, не есть понятіе химическое, а морфологическое, протоплазма не есть химическое вещество какой угодно сложности, но смѣсь многихъ химическихъ веществъ, которыя мы должны себѣ представлять, какъ мельчайшія частички, соединенныя между собой въ одно удивительно сложное цѣлое... Ибо *существенныя ея* (протоплазмы) *качества, въ которыхъ проявляется ея жизнь, основываются именно на опредѣленной организаціи*. Подобно тому, какъ главнѣйшія качества мраморной статуи состоятъ въ формѣ, которую придала мрамору рука художника, и какъ статуя перестаетъ быть статуей, коль скоро она разбита на мелкіе осколки мрамора, такъ и протоплазматическое тѣло, по разрушеніи его организаціи, на которой основана его жизнь, не есть протоплазматическое тѣло» **).

Это стремленіе отдать дань тому, что имѣетъ, такъ сказать, научный «курсъ», такъ велико, что отъ него не всегда свободенъ крайне осторожный въ своихъ сужденіяхъ Делажъ. Указавъ естественное безплодіе тѣхъ гипотезъ, которыя рисуютъ сложную и во всѣхъ своихъ частяхъ точную структуру протоплазмы и, такимъ образомъ, изобрѣтаютъ вещи, которыя, собственно говоря, не могутъ быть изобрѣтены, Делажъ прибавляетъ: «Я не боюсь утверждать, что, если бы кто либо (хотя я сознаю невозможность этого) и нашелъ недопускающій никакихъ возраженій способъ объяснить жизнь, наслѣдственность, эволюцію индивидуальную и видовую, а также и другіе біологическіе процессы, то онъ всетаки не разрѣшилъ бы проблемы, разъ онъ для объясненія прибѣгнулъ бы къ гипотезамъ, приписывающимъ протоплазмѣ сложную конституцію, и предположилъ бы наличность въ ней частицъ съ разнородными свойствами, размѣщенныхъ опредѣленнымъ и очень точнымъ образомъ. Я не хочу этимъ сказать, что конституція прото плазмы не можетъ быть очень точной и очень сложной; *она безъ сомнѣнія именно такова*; но я говорю, что, если и можно различить наиболѣе крупные штрихи этой конституціи, то невозможно угадать детали ея; я говорю далѣе, что, если для (предположенной нами) «безгрѣшной» теоріи не-

*) «Эволюція или эпигенезисъ?» О. Гертвига.
**) «Клѣтка и ткань», его же.

обходимо, чтобы эти детали были безусловно и неизмѣнно такими, какими онѣ изображены, то можно быть увѣреннымъ, что теорія ложна, такъ какъ дѣйствительный распорядокъ деталей никоимъ образомъ не можетъ быть угаданъ» *). Въ подчеркнутыхъ нами словахъ Делажъ высказываетъ твердую увѣренность въ точномъ и строго опредѣленномъ размѣщеніи структурныхъ частей протоплазмы. Откуда у него эта увѣренность въ томъ, что, какъ онъ самъ лишь нѣсколькими строками выше утверждалъ, еще надолго остается намъ неизвѣстнымъ? Да и какъ могутъ быть «крайне точно» размѣщены такіе аггрегаты, которые не обладаютъ ни постоянствомъ, ни матеріальной индивидуальностью? Категоричность вышеприведеннаго утвержденія не вяжется съ общимъ характеромъ его разсужденій, держащихся возможно ближе фактической почвы; это утвержденіе есть дань, которую Делажъ приноситъ общему теченію въ біологіи, но дань только словесная, потому что онъ совсѣмъ не пользуется своимъ утвержденіемъ для какихъ нибудь выводовъ изъ него. Подобную же дань, какъ мы видѣли, приноситъ и Бертольдъ, когда говоритъ, что «современная протоплазма имѣетъ историческую структуру», причемъ не оговариваетъ съ достаточной рѣзкостью, что такой же «исторической структурой» обладаетъ и любая горная порода, пережившая цѣлый рядъ геологическихъ измѣненій.

Читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы такъ долго останавливались на воззрѣніи Делажа. Мы нашли это наиболѣе цѣлесообразнымъ потому именно, что въ то время, какъ громадное большинство біологовъ, трактуя жизненныя явленія, исходятъ изъ наличности въ однородномъ на видъ комкѣ протоплазмы различныхъ матеріальныхъ аггрегатовъ—носителей всевозможныхъ качествъ будущаго организма, Делажъ неустанно предостерегаетъ насъ отъ подобныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ, увлеченій, въ которыхъ научная фантазія и ненаучный вымыслъ перемѣшаны самымъ причудливымъ образомъ. «Теперь принято, говоритъ онъ во введеніи къ своему труду (стр. 17), разсматривать Наслѣдственность, Атавизмъ, Измѣнчивость, Приспособленіе и пр., какъ *направляющія* силы Эволюціи, въ то время какъ это лишь *категоріи*, группы фактовъ, имѣющихъ каждый свою индивидуальную механическую причину; создаютъ себѣ, такимъ образомъ, особый родъ *біологическихъ божествъ*, которыя оспариваютъ другъ у друга управленіе организмомъ, подобно тому какъ древніе боги Олимпа оспаривали между собой судьбу Троянцевъ и Грековъ, и думаютъ, что явленіе объяснено, если говорятъ: это происходитъ отъ атавизма, другое обязано измѣнчивости, а третье обусловлено наслѣдственностью. Тѣ, которые дѣйствительно хотятъ помочь поступательному движенію біологіи, должны остерегаться такихъ, крайне

*) Delage, op. cit. p. 715.

опасныхъ, *словесныхъ* рѣшеній... Нужно, напротивъ, признать въ принципѣ, что всякое явленіе индивидуальной эволюціи сводится къ спеціальнымъ причинамъ, *теперь дѣйствующимъ*, т. е. къ столкновенію простыхъ силъ—растяженія и сжатія, притяженія и отталкиванія, разложенія и синтеза и пр., что оно обязано своимъ возникновеніемъ естественнымъ агентамъ—теплотѣ, свѣту, тяжести, влажности, поверхностному натяженію и т. д. Эти силы такой же природы, какъ и тѣ, которыя дѣйствуютъ на неживыя вещества и сообщаютъ имъ ихъ свойства; конечно, слѣдствія иныя, но только потому, что въ одномъ случаѣ силы приложены къ веществамъ, несравненно болѣе сложнымъ». Туже мысль, въ другихъ словахъ, Делажъ выражаетъ и въ заключительныхъ строкахъ своей книги. «Въ нашей теоріи, говоритъ онъ, которая усматриваетъ въ клѣткѣ химическія вещества и структуру, *зависящую отъ дѣйствія молекулярныхъ силъ*, а въ измѣнчивости—измѣненіе природы этихъ веществъ и ихъ размѣщенія, объясненіе (прогрессивнаго осложненія организаціи) не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій... Поэтому, справедливо-ли или нѣтъ, мы остаемся убѣждены, что структура клѣтки и половыхъ продуктовъ должна быть неизмѣримо проще той, которую обыкновенно допускаютъ, и что съ помощью этой идеи простого строенія можно достигнуть столь же полныхъ и въ то же время гораздо болѣе вѣроятныхъ объясненій такихъ крупныхъ біологическихъ явленій, какъ ассимиляція и дѣленіе клѣтки, оплодотвореніе, онтогенезисъ, дифференцировка, наслѣдственность, измѣнчивость, происхожденіе видовъ, прогрессивное усложненіе зародышевой плазмы и, въ особенности, приспособленіе». Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Делажъ старается возможно полнѣе опереться на тѣ данныя, которыя вытекаютъ изъ фактовъ наблюденія и опыта; съ ними же онъ сообразуется, когда, по необходимости, прибѣгаетъ къ чисто логическимъ или теоретическимъ построеніямъ, долженствующимъ восполнить пробѣлъ неизвѣстныхъ намъ еще фактовъ. Соглашаться съ нимъ или возражать ему значитъ оцѣнивать правильность того толкованія, какое онъ даетъ дѣйствительности, *фактической*, а не подмѣненной, выдуманной и часто извращенной.

Мы видѣли слабые пункты аргументаціи Делажа, отстаивающаго, хотя и не вполнѣ твердо, «опредѣленную и крайне точную структуру» протоплазмы. Мы могли бы теперь перейти къ нѣкоторымъ особенно интереснымъ пунктамъ теоріи Бючли, но считаемъ нужнымъ указать еще на одну, быть можетъ, и важнѣйшую сторону занимавшаго насъ до сихъ вопроса.

Явленія живой матеріи или жизненныя явленія, въ цѣлой совокупности своей, отличны отъ явленій безжизненной матеріи. Откидывая, какъ негодное, предположеніе объ особенной жизненной силѣ, пребывающей въ живомъ веществѣ, усматривая полную теоретическую и практическую возможность создать синтетически про-

дукты жизнедѣятельности организма и, такимъ образомъ, установить непрерывность вещества вообще—и живого, и мертваго,—прибѣгаютъ, для объясненія указаннаго различія, къ структурѣ живого вещества и высказываютъ слѣдующее основное положеніе: въ то время какъ жизненныя явленія должны быть обусловлены какъ физико-химической природой веществъ, входящихъ въ составъ живой матеріи, такъ и организаціей ея, выражающейся въ опредѣленномъ пространственномъ размѣщеніи отдѣльныхъ форменныхъ частей,—явленія безжизненныя стоятъ въ причинной связи съ одной лишь физико-химической природой, а никакъ не съ «организаціей» минеральнаго или органическаго (но неживого) вещества. Правда, атомическая гипотеза, послѣдовательно развиваемая, заставляетъ предположить въ послѣднемъ особое строеніе, особую группировку элементарныхъ единицъ; но это—строеніе молекулярное, которое мы гипотетически приписываемъ всякой матеріи вообще и которое имѣетъ мѣсто въ предѣлахъ частицы, образованной изъ разнородныхъ атомовъ; то или иное размѣщеніе этихъ атомовъ и составляетъ молекулярную структуру того или иного вещества. Но за предѣлами химической частицы структура исчезаетъ; одна частица совершенно подобна и легко можетъ быть замѣнена тождественной ей другой; молекулы не расположены другъ относительно друга въ какомъ либо опредѣленномъ порядкѣ, и потому произвольнымъ образомъ отрѣзанная *группа* молекулъ, наложенная на любую другую *группу* молекулъ того же вещества, вполнѣ съ ней совпадаетъ, разъ между этими группами нѣтъ количественной разницы. Въ виду такого отсутствія структурности за предѣлами частицы, или, правильнѣе говоря, въ виду самой себѣ всегда равной структурности, химически опредѣленное вещество во всѣхъ своихъ частяхъ обладаетъ одинаковыми свойствами, *оно однородно*. Нельзя того же сказать о живомъ веществѣ. И оно, конечно, обладаетъ опредѣленной молекулярной структурой, выражающейся въ относительномъ взаимномъ расположеніи атомовъ внутри частицы; но сверхъ того, оно имѣетъ еще (разумѣется, пока предположительно) структуру высшаго порядка, которая обнимаетъ группы молекулъ и создаетъ изъ нихъ особые аггрегаты съ опредѣленной индивидуальностью; благодаря этой структурѣ, любой отрѣзокъ живого вещества не подобенъ любому другому отрѣзку, не можетъ быть замѣненъ имъ и представляетъ специфическія для него качества, зависящія не отъ одной только физико-химической, т. е. молекулярной природы его; поэтому, *живое вещество* — все равно, является ли оно химически опредѣленнымъ тѣломъ, или же неопредѣленной смѣсью многихъ тѣлъ, — *неоднородно*, поэтому и различныя функціональныя свойства его не разлиты болѣе или менѣе равномѣрно по всему тѣлу, а обнаруживаются лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя къ этимъ свойствамъ приготовлены особенностями морфологическаго характера. Въ различеніи неоднороднаго живого

вещества отъ однороднаго минеральнаго или органическаго (неживого) и лежитъ различеніе живого отъ мертваго, — вотъ тотъ выводъ, къ которому пришло большинство современныхъ біологовъ, расквитавшихся съ понятіемъ о спеціально жизненномъ веществѣ и о спеціально жизненной силѣ, «оперирующей ей одной свойственнымъ путемъ синтеза и возстановленія того зданія, которое мы, посредствомъ единственно доступнаго намъ анализа, сжигаемъ и разрушаемъ въ химической лабораторіи» *).

Посмотримъ однако, насколько основательно это различеніе, опирающееся, напоминаемъ, на гипотетически допущенныхъ положеніяхъ о строеніи матеріи. Посмотримъ, всегда ли можно говорить о неоднородности или неорганизованности такъ называемой мертвой матеріи, и нѣтъ ли такихъ соображеній, которыя заставляли бы предположить въ ней нѣкоторую структуру.

Еще въ 1862 г. знаменитый англійскій физикъ, Вилльямъ Томсонъ (лордъ Кельвинъ) **), критикуя теорію Босковича о сцѣпленіи твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, говорилъ въ своей «Замѣткѣ о тяжести и сцѣпленіи»: «физика изобилуетъ очевидными указаніями на то, что въ строеніи матеріи есть весьма интенсивная элементарная *неоднородность*. Все, что есть дѣйствительно прочнаго въ несчастной такъ называемой «атомической» теоріи химіи,—это есть, кажется, предположеніе такой неоднородности для объясненія соединенія веществъ. Оно одно, правда, не объясняетъ закона опредѣленныхъ отношеній; но не объясняетъ его и гипотеза абсолютно крѣпкихъ конечныхъ частичекъ вещества,—и каково бы ни было предположеніе о характерѣ строенія химическихъ соединеній... (къ атомической теоріи) нужно прибавить еще динамическій законъ сродства между двумя веществами въ зависимости отъ отношенія *количествъ* этихъ веществъ, покоящихся или движущихся другъ около друга». Черезъ 24 года, въ своемъ чтеніи о «Капиллярномъ притяженіи», Томсонъ возвращается къ тому же предмету и подробнѣе развиваетъ свой взглядъ на неоднородность матеріи. Ньютонъ, говоритъ онъ, утвердилъ фактъ всемірнаго притяженія между отдѣльными небесными тѣлами и показалъ, что сила этого притяженія прямо пропорціональна массамъ притягивающихся тѣлъ и обратно пропорціональна квадратамъ разстояній между ними. Но Ньютонъ не далъ ни одного, основаннаго на опытѣ или наблюденіи, доказательства для взаимнаго притяженія между какими нибудь такими двумя тѣлами, которыя оба были бы меньше луны; конечно, индуктивное заключеніе Ньютона, что тяжесть куска вещества на поверхности земли есть результатъ притяженій этого куска всѣми частями земли, дѣлало въ высшей степени вѣроятнымъ и то, что

*) Gehrardt, «Précis de chimie organique»; см. также Berzelius «Traité de Chimie».

**) В. Томсонъ, «Строеніе матеріи».

куски вещества, находящіеся на разстояніи нѣсколькихъ футовъ или нѣсколькихъ дюймовъ, притягиваютъ другъ друга по тому же закону зависимости отъ разстояній,—и великолѣпные опыты Кавендиша оправдали послѣднее заключеніе. «Но продолжаетъ ли это притяженіе между любой частицей матеріи въ одномъ тѣлѣ и любой частицей въ другомъ измѣняться обратно пропорціонально квадрату разстоянія, когда разстояніе между ближайшими точками двухъ тѣлъ уменьшается до одного дюйма, или до одного сантиметра, или до стотысячной сантиметра, или до стомилліонной сантиметра? Я погружаю свой палецъ въ сосудъ съ водой, и вы непосредственно убѣждаетесь въ существованіи силы притяженія между пальцемъ и каплей, повисшей на немъ, и между частицами матеріи по обѣимъ сторонамъ любой горизонтальной плоскости, которую вы можете вообразить пересѣкающей эту висящую воду. Эти силы въ милліоны разъ больше, чѣмъ тѣ, которыя вы бы получили, вычисляя ихъ на основаніи закона Ньютона *и въ предположеніи, что вода есть совершенно однородное тѣло.* Отсюда слѣдуетъ, что или эти силы притяженія на очень малыхъ разстояніяхъ должны рости несравненно болѣе быстро, чѣмъ слѣдуетъ по закону Ньютона *), или же *вещество воды неоднородно.* Въ настоящее время мы знаемъ, что оно неоднородно. Ньютоновская теорія тяготѣнія представляется теперь намъ настолько же достовѣрной, какъ и атомическая или молекулярная теорія въ химіи и физикѣ,—по крайней мѣрѣ постольку, поскольку она утверждаетъ неоднородность во внутреннемъ строеніи вещества, которое какъ нашамъ чувствамъ, такъ и самымъ чувствительнымъ нашимъ методамъ непосредственнаго изслѣдованія представляется однороднымъ. Отсюда слѣдуетъ,—если только мы не придемъ къ выводу, что неоднородность и ньютоновскій законъ притяженія не въ состояніи вмѣстѣ объяснить сцѣпленія и капиллярнаго притяженія,—что мы не принуждены искать объясненія въ отклоненіи силы тяготѣнія отъ ньютоновскаго закона. Но въ одномъ сообщеніи я показалъ, что неоднородность вещества можетъ служить *достаточнымъ* объясненіемъ для какой угодно силы сцѣпленія, какъ бы велика она ни была, если только мы придадимъ достаточно большую плотность самимъ молекуламъ въ этомъ неоднородномъ строеніи». Факты капиллярнаго притяженія и образованія пленокъ, напр. въ мыльныхъ пузыряхъ, по мнѣнію Томсона, не могутъ быть объяснены какимъ бы ни было вообразимымъ закономъ силы между различными частями пленки, если предположить ее однородной, и мы принуждены поэтому заключить, что эти явленія зависятъ отъ молекулярной неоднородности.

Кромѣ приведенныхъ только что соображеній, есть еще и другія, которыя говорятъ въ пользу разнородности строенія неорганиче-

*) Теорія Босковича такъ именно и смотритъ на дѣло.

ской матеріи, которыя изложены, между прочимъ, и у Делажа по одному спеціальному поводу. Вотъ эти соображенія. Всякій разъ когда какой нибудь физическій агентъ дѣйствуетъ на неорганическое тѣло, этотъ агентъ становится причиной цѣлаго ряда видимыхъ явленій въ этомъ тѣлѣ, на которыя обыкновенно обращается исключительное вниманіе. Но помимо такихъ, такъ сказать, внѣшнихъ эффектовъ дѣйствія существуютъ еще и внутренніе эффекты, болѣе мелкіе, но за то и болѣе продолжительные и, съ извѣстной точки зрѣнія, болѣе важные. Это—извѣстныя молекулярныя измѣненія, крайне слабыя, но строго опредѣленныя какъ природой агента, такъ и условіями его дѣйствія; они пребываютъ въ тѣлѣ и послѣ того, какъ агентъ прекратилъ свое дѣйствіе. Натянутая нить, напр., закрученная вправо и предоставленная потомъ самой себѣ, раскручивается влѣво, переходитъ черезъ первоначальное положеніе, закручивается въ лѣвую же сторону, начинаетъ опять раскручиваться, конечно, слабѣе и т. д., пока не наступаетъ моментъ покоя; но въ этомъ состояніи нить остается закрученной въ сторону праваго крученія, и лишь послѣ нѣсколькихъ дней или даже недѣль она приходитъ въ прежнее свое состояніе. Если удерживать закрученной на 90° вправо нить въ продолженіе шести часовъ, затѣмъ закрутить ее влѣво на 90° въ продолженіе четверти часа, наконецъ, возвратить ее медленно въ первоначальное положеніе, не позволяя ей совершать колебаній въ одну и другую сторону, то она приходитъ въ состояніе покоя. Но этотъ покой лишь кажущійся, такъ какъ нить съ необычайной медленностью продолжаетъ вращаться, и, что всего замѣчательнѣе, на это движеніе имѣетъ вліяніе первое крученіе вправо, хотя это крученіе и было уничтожено равнымъ обратнымъ крученіемъ. Нить въ дѣйствительности продолжаетъ медленно вращаться вправо, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это крученіе есть продолженіе предшествовавшаго движенія. Но вскорѣ нить останавливается и *начинаетъ вращаться влѣво*, и здѣсь именно заключается вся своеобразность явленія: это движеніе есть, очевидно, запоздалый эффектъ самаго первоначальнаго крученія нити вправо. Нить пріобрѣла, такимъ образомъ, новое крайне сложное молекулярное состояніе, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно назвать отраженіемъ ея *исторіи*.

Движенія закрученной нити служили намъ примѣромъ тѣхъ внутреннихъ молекулярныхъ, сразу невидимыхъ измѣненій, которыя происходятъ въ каждомъ тѣлѣ, подвергающемся какому либо внѣшнему дѣйствію. Такихъ примѣровъ можно было бы привести много, но въ этомъ нѣтъ теперь нужды. Вопросъ въ томъ, какъ объяснить себѣ подобныя явленія. Максуэлль, величайшій физикъ и математикъ нашего времени, такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Твердыя тѣла, по его мнѣнію, составлены изъ молекулярныхъ группъ по крайней мѣрѣ двоякаго рода. Однѣ группы прочныя, соединенныя между собой въ нѣкоторую сѣть или скелетъ, сообщаютъ тѣлу его по-

стоянную форму и крѣпость. Подъ вліяніемъ механическихъ дѣйствій эта сѣть деформируется, но затѣмъ приходитъ къ своему первоначальному состоянію: еслибы тѣло состояло только изъ такой сѣти, оно обладало бы совершенной упругостью. Другія группы, напротивъ, составлены изъ молекулъ, очень слабо связанныхъ между собой; подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ условій онѣ (т. е. группы) распадаются и вновь возстановляются въ иной формѣ; распадаются онѣ и подъ вліяніемъ простѣйшихъ молекулярныхъ движеній, которыя имѣютъ мѣсто въ каждомъ тѣлѣ. Еслибы тѣло состояло только изъ такихъ группъ, оно было бы совершенно вязкимъ. Когда тѣло, содержащее указанныя группы обоихъ родовъ и *другія промежуточныя*, подвергается механическому дѣйствію, сѣть, такъ сказать, уступаетъ, тѣло деформируется; однако, лишь только дѣйствіе прекращается, тѣло стремится принять первую форму. Не вязкія группы, сначала уступившія давленію и возстановившіяся затѣмъ въ новой формѣ, противятся этому стремленію; такимъ образомъ, упругая сѣть не возвращается вполнѣ въ свое первое состояніе, а получаетъ другое, которое и продолжается до тѣхъ поръ, пока вязкія группы не перестаютъ сопротивляться совершенной упругости прочнаго скелета тѣла; съ устраненіемъ этого препятствія тѣло получаетъ, наконецъ, форму своего первоначальнаго состоянія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что нѣкоторый комплексъ физическихъ явленій заставляетъ предположить неоднородность строенія высшаго порядка, сравнительно съ атомическимъ строеніемъ, и въ такихъ тѣлахъ, которыя съ химической точки зрѣнія принимаются за совершенно однородныя. Эта неоднородность, выражающаяся въ томъ, что одна опредѣленная группа молекулъ при наложеніи своемъ не совпадаетъ съ сосѣдней ей другой группой, приводитъ къ структурѣ или организаціи мертвой матеріи, къ существованію въ ней отдѣльныхъ форменныхъ частей, размѣщенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ самый признакъ, который, по общему признанію біологовъ, считается характернымъ для живого вещества и коренным образомъ отличаетъ его отъ вещества неживого, теряетъ свою особую специфичность такъ какъ онъ оказывается присущимъ матеріи вообще—органической и неорганической, живой и мертвой. *Можно*, конечно, принять то гипотетическое положеніе,—пока ему не противорѣчатъ факты,—что живая протоплазма обязана своими жизнедѣятельными свойствами не только физико-химическому составу веществъ, ее образующихъ, но и неизвѣстному намъ размѣщенію молекулярныхъ группъ; но должно помнить, что это положеніе съ такимъ же правомъ можетъ быть приложено и къ матеріи мертвой, такъ какъ свойства послѣдней, по мнѣнію Томсона и Максуелля, также зависятъ не только отъ состава, но и отъ строенія ея.

И. Брусиловскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВЪ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ.

(Изъ воспоминаній сибиряка).

I.

Мнѣ приходилось извѣдать всякаго рода физическій трудъ, испытать его невзгоды и удовольствія, и могу сказать, что нѣтъ занятія болѣе здороваго и пріятнаго, какъ работа съ топоромъ и пилой въ лѣсу. Въ этой работѣ, не смотря на ея тяжесть, такъ много своеобразной прелести, что при извѣстныхъ условіяхъ она превращается въ страсть, какъ у заправскаго охотника или рыболова.

Долго тянется сибирская зима, но мартовское солнце беретъ свое; чуть станетъ оттаивать снѣгъ, и мерзлый лѣсъ отойдетъ настолько, что топоръ ужъ не отскакиваетъ отъ дерева и не ломается, сибирякъ ужъ спѣшитъ въ лѣсъ на работу, выбирая мѣста поудобнѣе для сплава. Для любимаго занятія предлогъ всегда найдется: то жередья у человѣка нѣтъ, то заплотникъ нуженъ, то онъ за зиму отъ скуки избу задумалъ новую «доспѣть», а если и все это есть, такъ вѣдь лѣсъ ѣсть не проситъ—не хозяину, такъ людямъ понадобится.

И вотъ съ ранней весны и до поздней осени въ лѣсной мѣстности, облюбованной населеніемъ, идетъ веселая работа: артели (сибирякъ не любитъ работать въ одиночку) пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ; верстъ на нѣсколько по рѣкѣ пылаютъ и дымятся костры, тайга на этомъ пространствѣ теряетъ свой мрачный, безмолвный характеръ; стучитъ топоръ, визжитъ пила, и гордые лѣсные гиганты съ грохотомъ проклятія падаютъ на землю, а дикіе звѣри, зачуявъ присутствіе своего врага-человѣка, спѣшатъ убраться по добру по здорову подальше въ неприступныя мѣста.

Моимъ постояннымъ сотрудникомъ въ лѣсной работѣ былъ одинъ европеецъ по фамиліи Камрадовъ. Онъ былъ большой любитель и знатокъ природы и отличался неудержимою страстью бродяжить по тайгѣ и горамъ. Лѣсная работа пришлась ему по душѣ, такъ какъ осмысливала его бродяжническія наклон-

ности. Необыкновенно здоровый и крѣпкій, онъ находилъ удовольствіе во всякаго рода физическомъ занятіи, а въ лѣсной работѣ его энергія и настойчивость не знали предѣла.

Положеніе этого европейца въ матеріальномъ отношеніи было самое неопредѣленное, но онъ до того упростилъ свой образъ жизни и привыкъ къ лишеніямъ, что не замѣчалъ и не тяготился своимъ положеніемъ. Поневолѣ большой ригористъ, онъ имѣлъ одну слабость—любилъ мягкую постель, и его лѣсное ложе изъ кучи вѣтокъ и нѣжныхъ иглъ лиственницы выдавало эту слабость. Была въ немъ одна интересная черта, чѣмъ больше препятствій встрѣчалось въ достиженіи намѣченной цѣли, тѣмъ Камрадовъ становился энергичнѣе, на него находило тогда веселое настроеніе, часто бѣсившее меня, а всякое опасное приключеніе приводило его въ прекраснѣйшее расположеніе духа. Большой оригиналъ, онъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ былъ идеальнымъ человѣкомъ и для меня незамѣнимымъ товарищемъ.

Тяжелая лѣсная работа для насъ была въ особенности не легка. За неимѣніемъ лошади намъ приходилось на себѣ «вывозить» къ рѣкѣ бревна и брать, что называется, съ боя каждое срубленное дерево. Расчистивъ въ береговыхъ заросляхъ дорогу къ рѣкѣ, мы, при помощи веревки и цѣлой системы рычаговъ и клиньевъ, принимались за вывозку оскобленныхъ бревенъ, мало смущаясь размѣрами ихъ. Съ непривычки работа у насъ сначала не ладилась: мы не разъ отдавливали себѣ руки и ноги, кровянились, причиняли себѣ разные вывихи и даже членовредительства, но хуже всего было то, что намъ приходилось по нѣкоторымъ деликатнымъ причинамъ работать босикомъ, безъ «обутокъ» (когда Камрадовъ, бывало, изранитъ себѣ ногу, то иронически говорилъ: «обутокъ свой я немного изорвалъ—надо починить» и залѣпливалъ рану лиственичной смолой). Навыкъ и рычагъ оказались великими двигателями бревенъ, и наша побѣда, побѣда пигмеевъ надъ лѣсными гигантами, приводила въ изумленіе даже заправскихъ лѣсныхъ работниковъ.

Вязка плотовъ—дѣло тоже не легкое, требующее къ тому же большой снаровки. Почти каждое бревно приходится вертѣть въ водѣ на всѣ лады, такъ и этакъ, подгоняя комель одного бревна къ вершинѣ другого; затѣмъ, захватывая въ водѣ каждую пару бревенъ березовымъ, распареннымъ на огнѣ кольцомъ, надо забивать, что есть силы, тяжелой колотушкой подъ «пожилину» клинья, которыми и скрѣпляются захваченныя кольцами бревна.

При такой работѣ аппетитъ бываетъ воистину чудовищный. Всѣ ѣдятъ обыкновенно по шести разъ на день: первый чай, второй чай, затѣмъ обѣдъ, а послѣ обѣда снова первый

чай, второй чай и ужинъ. Мы питались, главнымъ образомъ, горохомъ и кирпичнымъ чаемъ съ сухарями (послѣдніе по сходной цѣнѣ доставлялъ Камрадову знакомый нищій). За то, если намъ удавалось промыслить гурана (застрѣлить дикаго козла), то съѣдали его въ три-четыре пріема, и хотя послѣ мяса пьянѣли, но работали съ утроенной энергіей и силой.

Когда дѣло спорится, пріятенъ и самый процессъ работы, но особенное наслажденіе приноситъ послѣ дневной работы вечерній отдыхъ.

Въ ожиданіи, пока сварится чай, сидишь у костра; во всемъ тѣлѣ чувствуется мускульная упругость, ручные мускулы и особенно ладони дѣлаются твердыми, тугими, и по всему тѣлу разлито пріятное ощущеніе крѣпости и тяжелой, но, чувствуешь, здоровой усталости.

Своеобразно чудна сибирская природа,—нѣтъ у ней ласкающихъ красокъ и мягкихъ тоновъ—все грандіозно, дико и хмуро, но послѣ дневныхъ трудовъ вмѣстѣ съ отдыхомъ и вечерней зарей на душу сходитъ такое довольство и отрадное успокоеніе, что невольно залюбуешься и этими бездушными, но все же красивыми горами-гольцами, что тянутся предъ вами далеко-далеко въ безграничную даль. Очертанія ихъ замысловаты, формы причудливы и фантастичны: вонъ тамъ замокъ, съ зубчатыми бѣлыми башнями, а тамъ восточный богатырь мощно усѣлся на остромъ хребтѣ горы и вытянулъ кверху свою чудовищную желѣзную руку. Неуспѣвшее растаять облачко зацѣпилось за нее, и кажется, что великанъ схватилъ и удерживаетъ его ночевать. Воздухъ до того прозраченъ, что горы дрожатъ въ своей отчетливости и рельефности очертаній, и далеко, за полсотни верстъ, видѣнъ на вершинѣ горнаго хребта одинокій кедръ и его густая, темная шапка.

Кругомъ тишина и покой. Миръ и благоволеніе нисходятъ на душу и невольно чувствуется благодѣтельная, цѣлительная сила труда—не даромъ же его называютъ святымъ.

На душѣ спокойно, нѣтъ ни проклятыхъ вопросовъ, ни скребущихъ на сердцѣ воспоминаній,—истомленному человѣку теперь не до нихъ, на нихъ еще будетъ время, а теперь лежи и отдыхай, вбирай въ себя природу, ея силу и жизнь.

Лѣсъ становится гуще и загадочнѣе, и тихая, беззвучная ночь вползаетъ въ тайгу. Запылалъ громадныхъ размѣровъ ночной костеръ; онъ такъ ярко горитъ, что стоящая подлѣ высокая сосна становится вся прозрачною, и видна зацѣпившаяся черная шишка на молодой вѣткѣ въ вершинѣ дерева.

Когда закроешь глаза и въ дремотѣ станешь вслушиваться въ ровное гудѣніе пламени костра, *огонь начинаетъ говорить*. Что ночью огонь говоритъ, это знаютъ всѣ охотники и промышленники, но что именно онъ говоритъ—понять умѣетъ не всякій.

Огонь говоритъ, и образы легкіе, какъ дымъ, неосязаемые, чистые, какъ пламя, неуловимые и фантастическіе, какъ самый говоръ огня, начинаютъ витать передъ вами и, играя, легко и свободно уносятся вверхъ длинной вереницей. Вотъ про эти-то неуловимые образы и говоритъ огонь, перенося васъ въ міръ волшебныхъ грезъ и фантастическихъ призраковъ, и вы начинаете сладко засыпать... вдругъ ваши сложенныя вмѣстѣ руки такъ сильно рвануло внизъ, что отъ боли и ужаса вы мгновенно цѣпенѣете. Страшная *ревущая* боль отдается мигомъ по всему тѣлу, но проходитъ безслѣдно и быстро. Это ужасное ощущеніе повторяется регулярно каждый вечеръ, какъ только вы начинаете засыпать, и досаднѣе всего, что къ нему нельзя приготовиться.

II.

Дѣло было въ концѣ августа.

Наши сплотки, т. е. небольшіе плоты, были связаны въ одинъ большой длинный плотъ; по концамъ его на козлахъ установлены тяжелыя и неуклюжія семисаженной длины два весла; посрединѣ плота приготовленъ для огня дернъ—словомъ, все готово къ отплытію. Путь по Иркуту предстоялъ верстъ на семдесятъ; затрудненій и препятствій предвидѣлось не мало: русло горныхъ рѣкъ измѣнчиво, подъ водой и надъ водой торчатъ въ изобиліи карчи и коряги—не зѣвай! Наскочить въ глубокомъ мѣстѣ на такой карчъ дѣло плевое, но часто непоправимое,—весь вашъ трудъ такъ и засядетъ на этомъ карчѣ.

Мы заранѣе улеглись спать, чтобъ на разсвѣтѣ повести свою флотилію.

Въ эту ночь природа задумала закончить свой веселый праздникъ, свое короткое лѣто, громовой пальбой въ небесахъ и пышнымъ фейрверкомъ изъ молній. Для этого выпустила она изъ-за высокихъ горъ-гольцевъ темную черную тучу, разослала лѣсныхъ птицъ лежебокъ-козодоевъ трубить всюду по дремучей тайгѣ о своей затѣѣ, для большаго эффекта дождалась ночи, и, когда стало совсѣмъ темно, разразилась надъ замершей отъ страха тайгой бѣшеной грозой на всю ночь и страшнымъ ливнемъ *).

На утро Иркутъ былъ неузнаваемъ. Быстрый всегда, онъ теперь мчался, какъ шальной, ревѣлъ отъ бѣшенства и неистовствовалъ; мутный отъ нанесенной ливнемъ глины, онъ те-

*) Козодой—американскій полунощникъ, называется также лежнемъ. Передъ грозой эта птица суетится по лѣсу и издаетъ звуки, похожіе на трели трубы.

перь пѣнился, и отъ сплошныхъ круговъ бѣлой пѣны казался сѣдымъ. По его бѣлой спинѣ мчались бревна и цѣлыя деревья, вынесенныя ливнемъ изъ горныхъ ущелій. Деревья мчались по рѣкѣ и кружились, уродливо махая надъ водой, будто руками, своими длинными, сухими вѣтками.

Духъ захватывало отъ удали этой разыгравшейся сѣдой рѣки...

Мы лихо сорвались съ причала и, сломя голову, помчались серединой. Но печально закончился нашъ столь стремительный бѣгъ!

Вскорѣ впереди насъ показался длинный, узкій островъ; на выдающійся острый мысъ его со всего размаху налетали мчавшіяся безъ удержу бревна, карчи и деревья. Они уродливо нагромождались тутъ въ безпорядочную, громадную груду и образовывали, такъ называемый, «наносникъ». Вода, встрѣчая препятствіе, бѣшено ревѣла, налетавшія бревна производили въ этомъ хаосѣ еще большую кутерьму, и грозный, зловѣщій шумъ наносника былъ слышенъ далеко по водѣ.

Мы что мочи налегли на тяжелыя весла, чтобъ объѣхать это страшилище, но длинный плотъ не только не поддавался нашимъ отчаяннымъ усиліямъ, а напротивъ, къ нашему ужасу сталъ поперекъ теченія и еще быстрѣе заигралъ прямо въ кромѣшный адъ наносника. Теперь мы рисковали жизнью...

Молодецки налетѣли мы на страшилище, нашъ плотъ стукнуло снизу такъ сильно, что мы попадали. «Пропало мое новое ружье!»—мелькнула у меня довольно вѣрная, но неумѣстная мысль.

Правъ Эдгаръ Поэ, что всякаго рода необычайности и случайность играютъ большую роль въ жизни. Его «Ангелъ необычайнаго» подоспѣлъ къ намъ во время: нашъ плотъ налетѣлъ своими связками, какъ разъ серединой, на острый и крѣпкій сукъ дерева, лежавшаго не глубоко подъ водой, какъ разъ передъ самымъ наносникомъ плотъ разорвало пополамъ, и теченіе завернуло мою половину по одну сторону ревущаго наносника, а половину, гдѣ стоялъ или, вѣрнѣе, лежалъ Камрадовъ,—въ другую. Помню, я крикнулъ скрывавшемуся за островъ Камрадову: «прощайте!» хотя хорошо зналъ, что въ этомъ шумѣ не разслышать даже пушечнаго выстрѣла.

Долго мой плотъ несся безъ толку и удержу по свирѣпой рѣкѣ, кружась и не слушаясь вовсе моего руля. Я поободралъ себѣ руки, безуспѣшно хватаясь за нависшія надъ берегомъ вѣтви гибкаго тальника и березъ,—остановить плотъ не было возможности. Я окончательно выбился изъ силъ, и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, плотъ мой блистательно налетѣлъ на громадную корягу; затрещали и полопались кольца, нѣсколько бревенъ развязалось и уплыло, но въ общемъ плотъ всетаки уцѣлѣлъ и твердо засѣлъ на корягѣ.

Добравшись кое-какъ вплавь до берега, я отправился на поиски Камрадова. Долго я шелъ вверхъ по рѣкѣ, стараясь поскорѣй обогнуть большой мысъ, покрытый густымъ лѣсомъ и зарослями. Нѣсколько разъ принимался я кричать, но отвѣтомъ мнѣ было лишь эхо. Солнце стояло низко надъ горизонтомъ, перспектива провести ночь безъ огня и чая была не особенно пріятна.

— Гей, гей!—услышалъ я голосъ Камрадова, показавшійся мнѣ слаще всякой музыки; я осмотрѣлся и узналъ, что нахожусь недалеко отъ мѣста нашего крушенія.

Камрадовъ сидѣлъ у костра и варилъ чай. Мое появленіе привело его въ неописанный восторгъ.

— Вы что-жъ, сударь, живы? ха-ха-ха!—радовался онъ. А я васъ часа два искалъ. Бѣжалъ, бѣжалъ по берегу, свернулъ, хотѣлъ мысъ на прямки пробѣжать, да и заблудился въ лѣсу, насилу рѣчку опять нашелъ. Думаю, чаю напьюсь да снова на поиски. Гдѣ же вашъ плотъ? На корягѣ! Исторія! Ха-ха-ха! А мой, посмотрите, вонъ куда запротарпачило! Попробуйте-ка его выручить отсюда! Хи-хи-хи! — торжествующе засмѣялся онъ.

Дѣйствительно, плотъ загнало въ такой лабиринтъ карчей въ узкій проливъ рѣки, что отсюда можно было выручить его только лишь заднимъ ходомъ, для чего надо было ожидать спада воды. Мы напились чаю, доѣли послѣдніе сухари, взвалили на себя свой скудный багажъ и отправились домой.

До нашей деревни по приблизительному разсчету было верстъ двадцать, т. е. часа на три быстрой ходьбы. Мы двинулись въ путь какъ разъ съ закатомъ солнца и, пока было свѣтло, шли довольно быстро и бодро, стараясь засвѣтло добраться до знакомаго намъ бурятскаго улуса.

Узкая лѣсная тропинка, Богъ вѣсть, кѣмъ протоптанная, вела насъ, какъ намъ казалось, настоящимъ путемъ.

Тощіе августовскіе сумерки давно ужъ уступили мѣсто ночи, мы шли ужъ болѣе часа, а улуса не было, и лѣсъ такой же густой и безпросвѣтный все тянулся. Тропинка въ темнотѣ потерялась, и теперь мы шли, какъ говорится, на ура, натыкаясь поминутно на кусты и валежникъ и торопясь выбраться изъ лѣсу. Наконецъ, мы забрались въ такую чащу и я такъ неожиданно и сильно стукнулся на всемъ ходу о громадный камень цвѣта темной ночи, что продолжать путь было рискованно, и мы стали располагаться на ночлегъ.

Но вотъ послышалось отрывистое ржаніе лошади, значитъ, улусъ былъ близко, и мы осторожно двинулись по направленію доносившагося ржанія. Сплошной лѣсъ скоро кончился, и предъ нами открылась сравнительно чистая, большая поляна. Всходила луна и освѣщала длинную полосу песковъ на

правой сторонѣ поляны. Мѣстность была незнакома. Вмѣсто лошади противно хрипѣлъ и хорькалъ дикій козелъ, ему вторили другіе по ту сторону песковъ. На душѣ было тревожно и скверно.

— Гдѣ-то рѣка шумитъ,—разслышалъ я доносившійся слабый шумъ воды.

Мы стали напряженно прислушиваться, какъ вдругъ отчаянный человѣческій крикъ раздался со стороны песчаной полосы; мы невольно вздрогнули.

Тайга вообще и днемъ и ночью безмолвна, всякій звукъ является здѣсь неожиданнымъ, и что можетъ быть ужаснѣе человѣческихъ криковъ, да еще ночью!

Мы бросились на крикъ, на-бѣгу засыпая торопливо въ ружья поверхъ пули зарядъ крупной дроби.

Длинная полоса, казавшаяся пескомъ, превратилась вдругъ въ желтую поверхность рѣки.

— Что за колдовство и грубые обманы! Можетъ и кричалъ не человѣкъ?!

Протяжное и отчетливое: «ой, ой»! раздалось снова, близко отъ насъ. Мы побѣжали сильнѣй.

Шагахъ въ ста отъ насъ виднѣлось на берегу рѣки остожье (изгородь для стоговъ), возлѣ него паслись три лошади, а на самомъ берегу рѣки шагахъ въ десяти отъ остожья лежала и копошилась темная кучка людей; оттуда, изъ этой кучки и неслись крики.

Мы не понимали, въ чемъ дѣло, но кричали на-бѣгу: «не трогай, не трогай! будемъ стрѣлять!» У остожья мы остановились, такъ какъ вдругъ явилась у насъ нелѣпая догадка: а что если это ловко устроенная на насъ западня?

Вмѣсто ожидаемыхъ криковъ, изъ кучки, къ большому удивленію, послышались веселый хохотъ и протяжное бурятское пѣніе: «ёхаръ, ёхаръ, ёё!»

Но намъ все стало понятно, когда осторожно, съ недоумѣніемъ приблизились мы къ валявшимся на землѣ людямъ. Ихъ было трое: два бурята лежали поперекъ третьяго; ему, очевидно, зажимали ротъ, и онъ безмолвно бился, стараясь высвободиться. Теперь для насъ не было сомнѣнія, что смѣхомъ и пѣніемъ буряты хотѣли одурачить насъ.

— Убьютъ меня, спасите,—по-русски закричалъ, наконецъ, человѣкъ.

— Пустите,—стрѣлять станемъ,—пригрозили мы рѣшительно.

— Это варнакъ бѣжалъ! Пошто не имàть? Самъ тайша (начальникъ) ималъ!—заговорили буряты, не желая разставаться съ добычей.

Мы повторили угрозу, и плѣнника пустили.

Онъ не сразу всталъ, а немного приподнялся и, очевидно что-то соображая, всматривался въ насъ и надѣвалъ свою мѣховую шапку. На немъ былъ длинный синяго цвѣта бурятскій кафтанъ; длинные волосы заплетены, по-бурятски, въ косу. Правильныя черты его блѣднаго пожилаго лица съ небольшой клинообразной бородкой и чистая русская рѣчь обличали въ немъ плохо замаскировавшагося въ бурятскій костюмъ русскаго.

Оправившись, онъ всталъ, встали и буряты.

— Благословеніе Господне на васъ Его благодатію и человѣколюбіемъ, господа старички!—дребезжаще заговорилъ онъ, торопливо идя къ лошадямъ. Не варнакъ я, а миссіей занимаюсь. Задушить меня, тварь, хотѣла. Меня засѣдатель знаетъ. А тварей придержите, а то опять догонятъ.

Онъ неловко взобрался на лошадь и мелкой трусцой удалился.

— За что человѣка убить хотѣли? а?—грозно заговорилъ къ бурятамъ Камрадовъ.

— Какой человѣкъ? Это варнакъ. Деньги есть,—большой варнакъ; а ты нохой (собака), дуракъ!—разсердился бурятъ и вдругъ съ чисто дѣтской наивностью перемѣнилъ тонъ.—Откуда сами, талà (пріятели)? Давай покуримъ! Не сердись, право прости!—и бурятъ неожиданно упалъ мнѣ въ ноги. Я отскочилъ, и отскочилъ во время, такъ какъ замѣтилъ, что коварный бурятъ хотѣлъ повалить меня, схвативъ за ноги. Хитрый маневръ не удался.

Съ крикомъ бросились мы къ бурятскимъ лошадямъ, чтобъ прогнать ихъ подальше отъ хозяевъ. Испуганныя лошади помчались, буряты побѣжали за ними въ догонку, и мы остались одни.

Взбудораженнымъ нервамъ было не до отдыха и сна, волненіе требовало движенія, дѣятельности, и мы пошли, не замѣтивъ даже, что нашли, наконецъ, торную тропинку, проложенную вдоль ровнаго безлѣснаго берега рѣки.

По другой сторонѣ рѣки тянулся темный лѣсъ и виднѣлись черныя горы. Луна въ это время выглянула изъ за тучъ, и вся рѣка мгновенно заблестѣла, ея бѣлая пѣна заискрилась серебрянными блесками, а темный лѣсъ и горы оттѣнили этотъ блескъ. Мѣстность сразу приняла волшебный, сказочный видъ, казалось, мы попали въ дивный край, полный таинственности и чаръ. Съ рѣки дунулъ сильный вѣтеръ, и вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра съ песчаныхъ островов рѣки неожиданно, будто въ испугѣ, взвились вверхъ громадныя стаи бѣлыхъ, ширококрылыхъ рѣчныхъ чаекъ. Своими отвратительными, пронзительными криками, онѣ рѣзко нарушили глухую тишину ночи. Тысячи птицъ крикливо и шумно кружились въ воздухѣ и, постепенно приближаясь, собрались надъ нами.

Отрывисто, но равномѣрно трепали онѣ надъ нашими головами своими снизу глинистыми крыльями и неумолкая кричали рѣзко и печально, будто оплакивая кого.

Въ назойливомъ преслѣдованіи этихъ птицъ-привидѣній было что-то до того зловѣщее и дикое, что нервы, и безъ того разстроенные, не могли долго выдержать—мы бросились бѣжать. Наконецъ, я догадался выстрѣлить. Стая сразу наддалась къ рѣкѣ на прежнее мѣсто, и долго еще встревоженныя птицы не хотѣли успокоиться и все кричали.

Не суждено было успокоиться и намъ. Только что угомонились птицы, и мы, отойдя немного, остановились, чтобъ передохнуть и зарядить ружье, какъ до нашего слуха донесся снова отдаленный человѣческій крикъ. Мы не могли точно опредѣлить его направленія и напряженно прислушивались, втайнѣ надѣясь, что это обманъ настроеннаго воображенія. Крикъ повторился опять, гдѣ-то ужасно далеко и слабо, и опять мы не могли, вѣроятно за шумомъ рѣки, узнать и опредѣлить его направленія.

— Не можетъ быть, чтобъ *его* догнали буряты,—старались успокоить мы себя.

Криковъ или больше не повторялось, или ихъ не было намъ слышно за хлюпаньемъ воды въ болотѣ, куда мы попали, потерявъ среди береговыхъ зарослей свою тропинку.

III.

Полный мѣсяцъ долго мѣшалъ пробудиться зарѣ, — она насъ застала въ мѣстности, которая, наконецъ, была намъ хорошо знакома; до деревни оставалось еще верстъ двѣнадцать

Часа черезъ два мы были дома.

Только теперь, добравшись домой, мы ясно почувствовали всю степень усталости и изнуренія. Это была не та простая, обыкновенная усталость, чувство которой прямо пропорціонально близости отдыха, а тупая, одуряющая, превращающая человѣка въ автомата. Не смотря на то, что ощущеніе собственной тяжести доведено тутъ до максимума, человѣкъ въ подобномъ состояніи можетъ пробыть въ движеніи и дѣйствіи очень долго безъ сна и пищи. Состояніе это хорошо знакомо тѣмъ, кому приходилось одновременно съ большой затратой мускульной силы подвергаться продолжительному или сильному нервному напряженію.

Мнѣ кажется, можно уловить тотъ моментъ, когда человѣческій организмъ, находясь въ подобномъ состояніи одуряющаго изнуренія, начинаетъ жить на двое: мускулы и мышцы еще работаютъ, но нервная система устала, и не можетъ уже

воспринимать ни дальнѣйшихъ впечатлѣній, ни внѣшнихъ раздраженій, и объектомъ для невольной работы усталой нервной системы, для мозга, являются прежнія когда то воспринятыя ею впечатлѣнія. Онѣ начинаютъ перепутываться съ слабо и безсознательно воспринимаемыми впечатлѣніями дѣйствительности и комбинируются въ странные, но живые образы и картины. Изъ мозгового хранилища невѣдомыми путями появляется давно заброшенный сознаніемъ и памятью всякій хламъ въ видѣ образовъ, картинъ, отрывочныхъ, мимолетныхъ впечатлѣній, когда-то и гдѣ-то таинственно сфотографированныхъ мозговыми клѣточками. Тутъ граница между слабымъ сознаніемъ дѣйствительности и галлюцинаціоннымъ бредомъ.

Только что я, ввалившись въ избу, сѣлъ на табуретъ и, прислонясь къ стѣнѣ, закрылъ глаза, какъ юный поэтъ, котораго я видѣлъ когда-то всего одинъ разъ, подскочилъ ко мнѣ:

Молчанье тайны, тишь могилы,
Въ застѣнкѣ узкое окно
Бросаетъ полусвѣтъ унылый.
Но нѣтъ! Не все погребено!

патетически продекламировалъ онъ и исчезъ въ пространствѣ.

— А я тебѣ молочка кринку принесла, — говоритъ мнѣ безносая баба Никитишна (мужъ откусилъ ей изъ ревности носъ).

— Ладно! поставь на столъ,—говорю я этому прекрасному образу, и образъ исчезаетъ, а я ужъ въ своей пасѣкѣ въ Малороссіи. Рой сыплетъ съ гуломъ изъ большого улья, пчелы золотятъ на солнцѣ прозрачными крыльями; отецъ-старикъ суетливо бѣгаетъ по пасѣкѣ съ роевней; онъ что-то кричитъ мнѣ, но въ это время маятникъ стѣнныхъ часовъ, которые висятъ надъ моей головой, начинаетъ назойливо стучать. Я боюсь прислушиваться къ его стуку и тиканью, такъ какъ душа моя наполняется отъ него тоской и отчаяніемъ.

— Дайте мнѣ спичку, — прерываетъ мои видѣнія Камрадовъ.

Я, не открывая глазъ, достаю ему изъ кисета спички и думаю, какъ хорошо теперь лечь въ постель, но мнѣ кажется, что сдѣлать это ужасно трудно, что для этого надо быть героемъ, а я не герой, а не герою можно заснуть и такъ, сидя на табуретѣ и вытянувъ ноги подлиннѣе, вотъ этакъ... но ехидный бурятъ съ такой силой дернулъ меня за ноги, что всего меня буквально до основанія перевернуло и стрясло. Я въ ужасѣ схватился и бросился на постель. Спали мы, какъ спятъ обыкновенно выздоравливающіе тяжело больные или грудныя дѣти. Только на третій день мы оправились и пришли въ себя настолько, что могли отправиться выручать свои разбитые плоты.

Дорогой мы очень подробно и обстоятельно обсудили планъ дѣйствій относительно спасенія плотовъ и предусмотрѣли всѣ мелкія препятствія, могущія возникнуть при выполненіи его. Упустили изъ виду только одно, самое главное... а самое главное состояло въ томъ, что, когда мы пришли на мѣсто, плотовъ нашихъ и въ поминѣ не было. Ихъ унесло сильно прибывшей водою, и весь нашъ двухнедѣльный тяжелый трудъ пропалъ даромъ.

— Хорошій лѣсъ былъ — ни одного кривого бревна! — съ досадой помянули мы покойника.

Для отдыха и чаепитія мы расположились на берегу Иркута, на небольшомъ таежномъ прогалочкѣ; отсюда открывался необыкновенно дикій, типичный сибирскій видъ. Какъ разъ противъ насъ къ рѣкѣ подходили отрубомъ Саянскіе горы. Ихъ желтыя обнаженія рѣзко выдѣлялись на общемъ темномъ цвѣтѣ тайги, а самыя горы были до того высоки и массивны, что давили на зрѣніе, и глазамъ бо́льно было долго смотрѣть на нихъ.

Милліоны лѣтъ стоятъ эти дикія горы-великаны, онѣ навѣки застыли въ своей нѣмой неподвижности и давятъ васъ своею мощью. Чѣмъ-то неумолимымъ и жестокимъ вѣетъ отъ этихъ нѣмыхъ громадинъ, и чудится, что духъ великихъ геніевъ дикаго разрушенія и безпощадности витаетъ среди молчаливыхъ каменистыхъ утесовъ и пустыхъ, глубокихъ ущелій. Тутъ молчанье тайны, тишь могилы. Горные духи ревниво оберегаютъ эту тайну своего жилища, и когда наступаетъ ночь, и завоетъ по ущельямъ пронзительный, холодный вѣтеръ,—подъ вой вѣтра и шумъ каменистаго потока поютъ они бѣшенымъ хоромъ свою страшную пѣсню— пѣсню безсмертія окаменѣвшихъ горъ. И съ видомъ навѣки застывшихъ въ своемъ стояніи утесовъ соединяется идея вѣчной мертвенности, неподвижности, смерти, и духъ смущается, и сердце исполнено тоски и томленія. Прочь отсюда какъ можно скорѣй!

Три ворона, рѣдкіе въ такомъ дикомъ мѣстѣ, невольно обратили наше вниманіе. Два изъ нихъ сидѣли на зеленой вѣткѣ лиственницы и все посматривали серьезно и пристально внизъ, а третій степенно и молча то спускался на землю, то снова садился на верхушкѣ высокой сухой березы.

Камрадовъ отправился узнать, чѣмъ такъ заинтересованъ воронъ. Быстро вернулся онъ блѣдный, встревоженный:

— Мертвый тамъ... кажется, тотъ самый...—пойдемъ!

Мы тихо и съ какой-то робостью подошли къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ. Онъ лежалъ поперекъ тропинки недалеко отъ берега; трава была сильно помята вокругъ. Мы безъ труда узнали въ немъ своего случайнаго таинственнаго незнакомца,

котораго два дня тому назадъ выручили изъ бѣды. Посинѣвшее, съ отвратительными подробностями лицо его ясно показывало, что его задушили.

Убійцы обстоятельно обыскали свою жертву: поясъ на кафтанѣ былъ перерѣзанъ, карманы кафтана и фланелевыхъ брюкъ вывернуты.

Возлѣ трупа валялось нѣсколько помятыхъ листковъ бумаги. Мы собрали ихъ и стали разсматривать. Къ удивленію нашему, все это были стихотворенія; онѣ были написаны довольно безграмотно гдѣ карандашомъ, гдѣ чернилами.

Заглавіе и содержаніе нѣкоторыхъ стихотвореній были довольно мудреныя. Одно изъ нихъ «Пчела и ея *соды* за пять лѣтъ собранныя» посвящалось «современному прогрессу» и начиналось такъ:

Замолкните вы, нечестивые цивилизаторы!
Вотъ вамъ имя: вольнодумъ!
Сіе есть число звѣрино,
Аще возьметесь за умъ.

Въ концѣ стихотворенія слово «вольнодумъ» написано славянскими буквами; если принять ихъ за славянскія числа и сложить, то получается, дѣйствительно, звѣриное число—666.

Стихотвореніе «Грусть паломника» отчасти раскрывало внутренній міръ автора:

Гдѣ-то я, усталый странникъ,
Найду пріютъ для костей?
Въ хладной Сибири быть можетъ,
Иль въ темной тайгѣ бродяжья рука
Сразитъ жизнь мою?
Иль въ душной сибирской тюрьмѣ
За хладными рѣшетками
Закрою свои свѣтлыя очи?
А можетъ быть подъ милыми липами
Родной моей Волги?
Иль въ глухой пустынѣ я буду
Схороненъ чужою рукой,
И тамо улягусь на вѣчный покой?

Вороны давно кружились и кричали на насъ, боясь за цѣлость добычи...

Слѣдствіе не обнаружило ни убійцъ, ни личности убитаго, и одинокая могила этого «усталаго странника», раскрывшаго тайну звѣринаго числа, прибавила еще больше таинственности и угрюмости и безъ того задумчивой и хмурой сибирской тайгѣ.

М. Ралицкій.

К. Д. Кавелинъ и его взгляды на русскую исторію.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ январьской книжкѣ «Современника» за 1847 г. появилась статья Кавелина: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». Статья эта, сводившая въ одну общую формулу, ясную и отчетливую, весь ходъ развитія русской исторической жизни, произвела сильное впечатлѣніе на тогдашнее общество. Ею зачитывались въ интеллигентныхъ кружкахъ, среди университетской молодежи ее чуть не заучивали наизусть и имя ея автора, тогда еще молодого 29-лѣтняго ученаго, сразу выдвинулось въ первый рядъ современныхъ ему русскихъ историковъ. Напечатанныя затѣмъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ другія его работы окончательно упрочили за нимъ положеніе одного изъ главъ новой исторической школы, нашедшей себѣ многочисленныхъ поклонниковъ и послѣдователей и быстро завоевавшей почти всеобщее признаніе. Въ позднѣйшей литературной дѣятельности самого Кавелина изученіе русской исторіи постепенно отступило, однако, на второй планъ. Онъ посвятилъ свои силы въ послѣдующіе годы по преимуществу изслѣдованію гражданскаго права и далъ въ этой научной области рядъ трудовъ, и въ настоящее время высоко цѣнимыхъ наиболѣе авторитетными спеціалистами. Не ограничиваясь, впрочемъ, этими спеціальными изслѣдованіями въ сферѣ юридическихъ наукъ, онъ не мало работалъ еще надъ основными вопросами философіи и психологіи, которые особенно привлекали къ себѣ его вниманіе въ послѣдніе годы его жизни и которымъ онъ также посвятилъ нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ сочиненій. Наконецъ, текущая общественная жизнь съ ея заботами и тревогами равнымъ образомъ нерѣдко побуждала его браться за перо и, начиная съ конца пятидесятыхъ годовъ, онъ неоднократно выступалъ передъ обществомъ въ роли публициста, пользуясь для этой цѣли услугами и отечественнаго, и заграничнаго печатнаго станка и выпуская свои публицистическія произведенія то подъ своимъ именемъ, то анонимно.

Въ настоящее время плоды этой долголѣтней и многосторонней дѣятельности крупнаго ученаго и недюжиннаго публициста являются

передъ читающей публикой собранными вмѣстѣ. Подъ редакціею проф. Корсакова и г. Слонимскаго предпринято изданіе новаго собранія сочиненій Кавелина, въ которое должны войти, помимо произведеній, помѣщенныхъ въ изданіи 1859 г., и всѣ позднѣйшія работы, какъ уже бывшія въ печати, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ мелкихъ и утерявшихъ свое значеніе статей, такъ и найденныя по смерти Кавелина въ его бумагахъ въ совершенно обработанномъ видѣ. Редакторы изданія расположили входящій въ него матеріалъ въ систематическомъ порядкѣ. Изъ четырехъ томовъ, на какіе распадается все изданіе, первый составляютъ статьи и рецензіи, относящіяся къ русской исторіи; во второй томъ войдутъ публицистическія работы, въ третьемъ будутъ помѣщены сочиненія по философіи, психологіи, этикѣ, эстетикѣ и по вопросамъ организаціи высшихъ учебныхъ заведеній; наконецъ, содержаніе четвертаго тома составятъ труды по этнографіи и правовѣдѣнію. При распредѣленіи статей въ каждомъ томѣ также принятъ систематическій порядокъ; болѣе общія работы помѣщаются ранѣе, мелкія же статьи, замѣтки и рецензіи относятся въ конецъ тома. Указанный планъ изданія можно находить, пожалуй, нѣсколько искусственнымъ, слишкомъ грубо разрывающимъ связь, въ дѣйствительности существовавшую между работами Кавелина въ разныхъ областяхъ науки. Едва ли не лучше было бы также въ каждомъ отдѣльномъ томѣ расположить всѣ статьи въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, позволяющемъ читателю съ большимъ удобствомъ слѣдить за развитіемъ идей писателя. Сверхъ того, редакторы настоящаго изданія напрасно, на нашъ взглядъ, отказались отъ внесенія въ него всѣхъ статей, напечатанныхъ Кавелинымъ до 1859 г., но не вошедшихъ въ его собраніе сочиненій этого года. Среди нихъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя очень характерны для Кавелина, какъ писателя. Укажемъ для примѣра на полемическую статью противъ Погодина по поводу его печатной бесѣды со своими учениками, помѣщенную въ «Современникѣ» въ 1847 г. и такъ восхищавшую Бѣлинскаго своею выдержанною язвительностью. Но все это, конечно, не болѣе, какъ мелочи, вообще же можно лишь привѣтствовать настоящее изданіе, впервые собирающее въ одно цѣлое всѣ болѣе важныя работы Кавелина, которыя до сихъ поръ оставались разсѣянными въ журналахъ и газетахъ или существовали въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, по большей части давно уже исчезнувшихъ изъ продажи. Недавно вышедшій первый томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ, какъ было уже упомянуто, статьи и рецензіи, относящіяся собственно къ русской исторіи. Почти всѣ онѣ были написаны въ промежутокъ времени между половиною сороковыхъ и половиною пятидесятыхъ годовъ, позднѣе же Кавелинъ далъ только одну болѣе значительную работу такого рода, появившуюся въ 1866 г. въ «Вѣстникѣ Европы», — «Мысли и замѣтки о русской исторіи». Въ сущности именно эти труды, относящіеся къ первой эпохѣ его

ученой дѣятельности, вмѣстѣ съ нѣкоторыми позднѣйшими публицистическими произведеніями и составляютъ главное и наиболѣе прочное основаніе его литературной славы. Его работы въ области гражданскаго права, при всемъ ихъ серьезномъ значеніи, по своему спеціальному характеру не могли имѣть ни такого распространенія, ни такого вліянія, какъ другіе его труды. Но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что Кавелинъ—историкъ и публицистъ пользовался и пользуется гораздо болѣе широкою и почетною извѣстностью въ русскомъ обществѣ, чѣмъ Кавелинъ—философъ и психологъ. Въ настоящей статьѣ мы займемся, впрочемъ, лишь взглядами Кавелина на русскую исторію и попытаемся выяснить значеніе его трудовъ въ этой области, предоставляя себѣ возможность въ другой разъ вернуться къ его публицистическимъ произведеніямъ. Такое раздѣленіе историка отъ публициста представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что работы Кавелина по вопросамъ текущей жизни, лишь отчасти связанныя съ его историческими воззрѣніями, въ большей своей части появились уже въ то время, когда и общіе взгляды, свойственные ему въ первую эпоху его дѣятельности, подверглись довольно существеннымъ измѣненіямъ.

Умственною атмосферой, въ которой выросъ Кавелинъ и въ которой сложились его первые сознательные взгляды, была общая большинству его знаменитыхъ сверстниковъ, много разъ уже описанная атмосфера московскихъ университетскихъ кружковъ конца тридцатыхъ годовъ. Изъ родительскаго дома съ обычною обстановкой средней помѣщичьей семьи, отъ домашнихъ учителей, въ сѣрой толпѣ которыхъ выдавались лишь немногія лица, въ томъ числѣ особенно Бѣлинскій, одно время занимавшійся съ Кавелинымъ и заронившій въ его умъ первыя сѣмена отрицательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, семнадцатилѣтній юноша Кавелинъ перешелъ въ 1835 г. въ московскій университетъ и попалъ въ аудиторію молодыхъ профессоровъ, историковъ и юристовъ, только что возвратившихся изъ Германіи и всецѣло находившихся подъ обаяніемъ нѣмецкой исторической школы и гегеліанской философіи. Извѣстно, какіе взгляды проводили эти направленія, явившіяся плодомъ реакціи противъ раціоналистическихъ воззрѣній предшествовавшей эпохи, подорванныхъ опытомъ революціи и Наполеоновскихъ войнъ. Свойственныя философамъ XVIII вѣка представленія о человѣкѣ, какъ продуктѣ внѣшнихъ условій, объ обществѣ, какъ механическомъ соединеніи людей, въ основѣ котораго лежитъ свободный договоръ, объ историческомъ движеніи, какъ результатѣ сознательныхъ дѣйствій единичныхъ личностей, нѣмецкіе историки начала XIX столѣтія замѣнили идеею національности, какъ живого организма, путемъ естественнаго и независимаго отъ постороннихъ вліяній процесса, развивающаго присущія ему начала. Движущимъ факторомъ исторической жизни главы новой школы признавали не разумную волю человѣка, а инстинктивное твор-

чество народной массы, лишь органомъ котораго призвана быть отдѣльная личность. Въ такой постановкѣ исторія, предназначенная изучать этотъ закономѣрный процессъ развитія сознанія массы и вскрывать лежащія въ основаніи его начала, впервые получала единство и значеніе науки, переставая быть разсказомъ о проявленіяхъ индивидуальной воли и пріобрѣтая характеръ «народнаго самопознанія». Особенное значеніе получали эти идеи историковъ въ освѣщеніи гегелевской философіи, учившей, что историческая жизнь человѣчества представляетъ собою процессъ постепеннаго развитія всемірнаго духа, причемъ смѣняющія другъ друга народности, воплощая отдѣльныя его стороны въ видѣ той или иной общей идеи въ своей жизни, въ своемъ національномъ духѣ, являются какъ бы необходимыми ступенями названнаго процесса. Въ соотвѣтствіи съ общимъ реакціоннымъ духомъ эпохи эти теоріи высказывались первоначально съ рѣзкою односторонностью, придававшей имъ строго консервативный характеръ: ихъ авторы и сторонники, не ограничиваясь объясненіемъ прошлаго, легко переходили къ защитѣ настоящаго, какъ естественнаго результата этого прошлаго, и готовы были провозглашать не только законность, но и разумность всѣхъ существующихъ порядковъ, необходимо соотвѣтствующихъ состоянію народнаго сознанія. Но въ собственно научной сферѣ новыя воззрѣнія сыграли чрезвычайно важную и плодотворную роль, прочно укорѣнивъ въ умахъ идею закономѣрнаго развитія народной жизни.

Младшій современникъ Станкевича, Бѣлинскаго и Грановскаго, Кавелинъ начиналъ свои студенческіе годы, когда эти воззрѣнія въ ихъ общемъ видѣ были уже усвоены передовою частью русскаго интеллигентнаго общества. И въ литературныхъ кругахъ, съ которыми онъ вошелъ въ соприкосновеніе еще на студенческой скамьѣ черезъ посредство «салона» А. П. Елагиной, и въ университетскихъ аудиторіяхъ на лекціяхъ Крюкова, Рѣдкина, Крылова онъ встрѣчался съ изложеніемъ и пропагандой теорій нѣмецкихъ философовъ и историковъ, которыя при такихъ условіяхъ скоро сдѣлались предметомъ и его тщательнаго изученія. Подъ вліяніемъ лекцій Н. И. Крылова онъ избралъ себѣ и спеціальную область научныхъ занятій въ гражданскомъ правѣ. Проникновеніе новыхъ идей въ русское общество не могло, однако, ограничиться простымъ усвоеніемъ результатовъ, достигнутыхъ германскими мыслителями. За этимъ усвоеніемъ наступала очередь самостоятельной работы, оригинальнаго приложенія теоріи къ новому матеріалу. Предстояло именно съ вновь принятыхъ точекъ зрѣнія объяснить себѣ собственное прошлое и настоящее, русскую исторію и русскую дѣйствительность. Вторую задачу взяла на себя по преимуществу литературная критика, первая должна была достаться главнымъ образомъ на долю ученыхъ спеціалистовъ. Работа послѣднихъ представлялась въ данное время подготовленною лишь настолько, насколько мо-

жетъ идти рѣчь о такой подготовкѣ въ смыслѣ собранія фактовъ, такъ какъ никакого сколько-нибудь удовлетворительнаго общаго объясненія ихъ не существовало. Карамзинское изложеніе русской исторіи съ нравственно-патріотической точки зрѣнія уже въ моментъ своего появленія не способно было удовлетворить ни спеціалистовъ, справедливо находившихъ серьезныя ошибки въ ученыхъ пріемахъ автора «Исторіи государства Россійскаго», ни представителей интеллигентнаго общества, не встрѣчавшихъ въ трудѣ исторіографа отвѣта на вопросы, съ которыми они считали себя въ правѣ обращаться къ историку. Общая схема русской исторіи, не столько созданная, сколько повторенная Карамзинымъ, схема, согласно которой Россія уже въ первые вѣка своего существованія является могущественнымъ и цивилизованнымъ государствомъ, терпящимъ затѣмъ бѣдствія благодаря вызванному ошибками князей раздѣленію территоріи и возстановляющимъ свою силу съ возобновленіемъ единой великокняжеской, позднѣе царской, власти, уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ вызывала не только критику, но и попытки серьезныхъ поправокъ. Каченовскій, исходя изъ мысли о невозможности для Россіи быстро перешагнуть черезъ тѣ стадіи развитія, которыя свойственны первобытной жизни всѣхъ народовъ, возсталъ противъ допускаемаго Карамзинымъ преувеличенія цивилизаціи древней Руси, но, будучи въ сущности мало подготовленъ къ теоретическому мышленію и къ историческимъ розысканіямъ, самъ сбился на дорогу такъ называемаго «скептицизма», направивъ свою критику не противъ выводовъ, дѣлавшихся изъ источниковъ, а противъ подлинности самихъ источниковъ. «Вмѣсто того, писалъ о немъ позднѣе Кавелинъ, чтобы изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младенческое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самые источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задушевная, любимая мысль просвѣчиваетъ въ каждой статьѣ его» *). Когда эта теорія подложности древнѣйшихъ источниковъ русской исторіи была доведена учениками Каченовскаго до послѣдней крайности, она безъ особаго труда была и опровергнута лицами, болѣе ихъ знакомыми съ дѣйствительнымъ характеромъ этихъ источниковъ. Глубже была понята идея постепеннаго и закономѣрнаго развитія историческихъ явленій, скрывавшаяся за неудачною критикой скептиковъ, Полевымъ, который и попытался въ своей «Исторіи русскаго народа» передать ходъ русской исторіи съ точки зрѣнія, обусловливаемой этой идеей, въ противоположность Карамзину съ его нравственною оцѣнкою лицъ и событій. Однако, Полевой, не обладая спеціальными познаніями историка, ограничился въ сущности инымъ освѣщеніемъ сообщенныхъ Карамзинымъ фактовъ государственной жизни, причемъ и это новое освѣ-

*) Собраніе сочиненій, Спб. 1897, I, 100.

щеніе не успѣлъ провести съ достаточною послѣдовательностью. За неуспѣхомъ этихъ попытокъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на поприщѣ разработки русской исторіи остался Погодинъ, съ 1835 г. занявшій и соотвѣтственную каѳедру въ московскомъ университетѣ вмѣсто Каченовскаго, который, какъ бы въ видѣ наказанія за свой непатріотическій скептицизмъ, былъ перемѣщенъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій. Подобно Каченовскому и Полевому, Погодинъ началъ съ возраженій противъ Карамзинской схемы и заявленій, что обязанность историка заключается не въ морализированіи надъ явленіями народной жизни, а въ разысканіи ихъ смысла и связи. Пріобрѣтенныя имъ довольно богатыя фактическія свѣдѣнія, особенно для древнѣйшаго періода, позволили ему сдѣлать нѣсколько поправокъ къ изложенію Карамзина, но никакого самостоятельнаго и цѣльнаго взгляда на ходъ русской исторіи онъ не выработалъ, довольствуясь нѣсколькими наскоро схваченными и плохо продуманными положеніями шеллингіанства, которыя въ его пониманіи сводились къ оригинальному, по выраженію Кавелина, «историческому мистицизму». Попытки объясненія русской исторіи скоро уступили у него свое мѣсто удивленію передъ ней, такъ какъ «ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, какъ россійская» *). Разсмотрѣніе русской исторіи, какъ таинственнаго сцѣпленія чудесъ, было не особенно далеко отъ Карамзинскаго взгляда, а борьба со скептиками и ея практическія послѣдствія окончательно вернули Погодина къ «историческому православію», т. е. къ воззрѣніямъ «Исторіи государства россійскаго», восхищаться которою онъ и предлагалъ теперь студентамъ на своихъ лекціяхъ. Отъ себя же онъ дѣлалъ къ этимъ воззрѣніямъ лишь одну существенную добавку, вскрывавшую ихъ практическое значеніе, возводя именно «Россійскую исторію» въ санъ «охранительницы и блюстительницы общественнаго спокойствія» **). Какъ легко можно себѣ представить, подобная философія исторіи не особенно увлекала слушателей и плохо способствовала возстановленію авторитета Карамзина въ молодомъ поколѣніи.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ черезъ Погодинскую аудиторію прошли, впрочемъ, одинъ за другимъ два студента, способные и безъ прямыхъ указаній съ профессорской каѳедры пойти далѣе въ критикѣ старыхъ взглядовъ на русскую исторію и попытаться самостоятельно построить новую ея систему въ большемъ соотвѣтствіи съ общими требованіями современной науки. Это были Кавелинъ и, нѣсколько позднѣе его вступившій въ московскій университетъ, Соловьевъ, подобно старшему своему товарищу въ годы студенчества познакомившійся съ новыми представленіями объ исторіи и занявшійся усвоеніемъ теорій нѣмецкихъ историковъ параллельно съ изуче-

*) Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, М. 1846, с. 10.
**) Тамъ же, с. 16.

ніемъ фактовъ русскаго прошлаго. Сблизились другъ съ другомъ Кавелинъ и Соловьевъ уже позднѣе, когда первый изъ нихъ былъ адъюнктомъ въ университетѣ, а второй представлялъ въ факультетъ свою магистерскую диссертацію, и почвой ихъ сближенія послужила именно общность научныхъ воззрѣній. Къ этому времени Кавелинъ, сошедшійся вновь съ Бѣлинскимъ и ставшій близкимъ другомъ Грановскаго, освободился отъ симпатій къ славянофильству, навѣянныхъ было на него раннимъ знакомствомъ съ Кирѣевскими, и являлся убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ западникомъ, Соловьевъ же стоялъ на перепутьи между славянофильствомъ и западничествомъ. Горячіе споры, возникавшіе между ними по общественнымъ вопросамъ благодаря такому различію, не мѣшали имъ «упиваться развитіемъ сходныхъ научныхъ взглядовъ» *) и сойтись на общей теоріи въ объясненіи прошлаго Россіи. И на научной почвѣ, впрочемъ, между ними была не малая разница, отразившаяся какъ въ характерѣ ихъ ученыхъ работъ, такъ и въ конечныхъ ихъ результатахъ. Въ Соловьевѣ уже въ ту пору вырабатывался глубокій знатокъ фактической стороны исторіи, какимъ мы знаемъ его въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», ученый, не менѣе дорожащій богатствомъ фактическихъ свѣдѣній, чѣмъ объединяющій факты теоріей, свободнѣе чувствующій себя въ кругу конкретныхъ явленій, чѣмъ въ сферѣ отвлеченныхъ идей. Эти его особенности не позволяли ему въ самой теоріи слишкомъ далеко отходить отъ фактической почвы, но за то, разъ выработавъ какую либо систему, его нѣсколько тяжеловѣсный умъ стремился сейчасъ же придать ей строго опредѣленный характеръ и проводилъ ее съ крайнею прямолинейностью, безпощадно сгибая не укладывавшіеся въ ея рамки отдѣльные факты. Въ такихъ случаяхъ весь его критическій тактъ, весьма однако же серьезный, не спасалъ его отъ неудачнаго пользованія неподходящими источниками, все присущее ему практическое чутье не избавляло отъ самыхъ натянутыхъ историко-философскихъ объясненій крайне простыхъ по существу своему фактовъ. Стремясь всѣ факты включить въ рамки своей системы и всѣ ихъ подробности объяснить съ точки зрѣнія единаго закономѣрнаго процесса, онъ не только способенъ былъ иногда непомѣрно увеличить значеніе отдѣльнаго факта, но временами доходилъ до какого-то олицетворенія исторической необходимости и готовъ былъ обратить рядъ послѣдовательныхъ событій въ цѣпь искусственно упрощенныхъ силлогизмовъ. Въ эти крайности никогда не впадалъ Кавелинъ. Его болѣе гибкій умъ не нуждался въ столь насильственномъ сгибаніи фактовъ подъ ярмо системы и, давая ей болѣе широкое толкованіе, умѣлъ вводить событія въ ея рамки безъ искаженія ихъ естественнаго характера. Болѣе способный, а отчасти и болѣе подготовленный къ теоретиче-

*) Слова Соловьева, см. «Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева», «Р. Вѣстникъ», 1896, № 4, с. 2.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАНІЯ ПРИ ФАБРИКѢ

скимъ построеніямъ, онъ глубже Соловьева схватывалъ основную мысль новой исторической школы и прилагалъ ее къ явленіямъ русскаго прошедшаго съ большимъ умѣніемъ и талантомъ. Въ стройномъ и изящномъ истолкованіи система русской исторіи выбѣгала болѣе логичный и цѣльный, но вмѣстѣ и болѣе отвлеченный характеръ. Послѣднее достигалось тѣмъ легче и естественнѣе, что Кавелинъ, при всемъ умѣньи своемъ блестяще справляться съ фактическимъ матеріаломъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, не особенно охотно обращался къ детальному его изслѣдованію, предпочитая тѣснымъ рамкамъ послѣдняго широкую сферу обобщеній, получаемыхъ путемъ логическихъ операцій надъ чистыми идеями. Это различіе сказалось и на формѣ работы обоихъ писателей. Соловьевъ, послѣ напечатанія двухъ диссертацій, приступилъ къ писанію прагматической «Исторіи Россіи». Кавелинъ далъ въ области общей русской исторіи одну вполнѣ самостоятельную работу въ формѣ журнальной статьи, предназначенной подвести наиболѣе общіе итоги развитія русской жизни, и, кромѣ того, напечаталъ длинный рядъ критическихъ статей. Послѣднія могутъ быть естественно раздѣлены на два разряда. Въ однихъ, изъ которыхъ болѣе крупныя были посвящены разбору сочиненій Погодина, онъ подвергалъ обстоятельной и уничтожающей критикѣ погодинское воззрѣніе на исторію, какъ на какую-то «мистерію», расчищая такимъ образомъ мѣсто для новыхъ взглядовъ и вмѣстѣ отстаивая главныя ихъ основанія. Въ другихъ статьяхъ онъ разбиралъ произведенія новой школы, удѣляя особенное вниманіе работамъ Соловьева. Всѣ почти труды послѣдняго, до перваго тома «Исторіи Россіи» включительно, были встрѣчены большими критическими статьями Кавелина, въ которыхъ онъ не только давалъ подробную оцѣнку этихъ трудовъ, но и развивалъ собственные взгляды на ходъ русской исторіи, внося очень серьезныя дополненія и поправки въ представленія Соловьева. Сила этой критики была рано оцѣнена по достоинству и въ журналистикѣ, и въ ученыхъ кругахъ. Бѣлинскій уже въ 1846 г., составляя обзоръ текущей русской литературы, привлекъ Кавелина къ сотрудничеству и включилъ его обзоръ историческихъ сочиненій въ свою статью. Въ свою очередь Соловьевъ, не безъ доли высокомѣрнаго пренебреженія относившійся ко всякой полемикѣ и почти никогда не прибѣгавшій къ ней въ своихъ университетскихъ курсахъ, на возраженія Кавелина считалъ нужнымъ отвѣчать на лекціяхъ *). Не вдаваясь въ частности спора этихъ двухъ главныхъ представителей новой школы, мы прослѣдимъ только важнѣйшія положенія, выставленныя Кавелинымъ.

Уже магистерская диссертація Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», появившаяся въ 1845 году и восторженно привѣтствованная Кавелинымъ, какъ «первая серьезная попытка понять и объяснить постепенное развитіе древней русской

*) Бестужевъ-Рюминъ, Біографіи и характеристики, Спб. 1882, с. 264.

жизни», дала поводъ къ обнаруженію разногласія между ними. Въ глазахъ Соловьева Новгородъ съ его вѣчевымъ управленіемъ не представлялъ какого-либо рѣзкаго исключенія изъ другихъ городовъ. Во всѣхъ древнѣйшихъ русскихъ городахъ существовалъ вѣчевой порядокъ, развившійся изъ родового быта, и во всѣхъ же городахъ рядомъ съ вѣчемъ стоялъ князь, причемъ отношенія обѣихъ властей оставались неопредѣленными. Общность владѣнія русскою землею одного княжескаго рода, сопровождаемая постоянными перемѣщеніями князей съ одного стола на другой, вызвала и поддерживала такое двоевластіе, не находившее себѣ мѣста только въ новыхъ или младшихъ городахъ, иначе пригородахъ, гдѣ не было вѣча и княжеская власть могла развиться свободнѣе. Такъ какъ на югѣ старые города рѣшительно преобладали надъ новыми, то тамъ и не могло быть исхода изъ неопредѣленности государственнаго быта. Новый порядокъ возникъ на сѣверѣ, въ Ростовской области, гдѣ большею силой обладали новые города, поселенные по преимуществу княземъ и потому, по взгляду населенія и самого князя, составлявшіе его собственность. Появившееся такимъ путемъ начало частной собственности разложило родовыя отношенія и подготовило возникновеніе новаго періода, «когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ». Соглашаясь въ общемъ съ этою схемой, Кавелинъ указывалъ однако, что ея авторъ «не всегда доходитъ до послѣдней, основной причины историческихъ явленій», такъ какъ не вскрываетъ «органическихъ зачатковъ разрушенія» стараго порядка, лежавшихъ въ самомъ этомъ порядкѣ. Рѣзкаго различія между югомъ и сѣверомъ въ смыслѣ условій, рождающихъ начало собственности, не существовало, и это начало естественно возникло изъ развитія древней формы быта. Такою формой былъ родовой бытъ, изъ котораго и произошли русско-славянскія общины. «Но всякая родовая община сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреложномъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаетъ во вражду между собою». Новая форма государственной власти, выросшая въ Москвѣ, представлялась Кавелину не результатомъ какихъ-либо внѣшнихъ условій, а плодомъ естественнаго развитія кровнаго начала. Послѣднее въ древнюю эпоху «было главное, почти исключительно игравшее роль». «По нашему глубокому убѣжденію, прибавляетъ онъ, едва ли можно найти одно замѣчательное явленіе или событіе въ древней русской исторіи, особенно до Іоанна III, которое не опредѣлялось бы этимъ началомъ» *). Въ томъ же 1846 г., когда писались эти строки, автору ихъ представилась возможность

*) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, 266—8.

опять вернуться къ соловьевскому представленію хода древней исторіи и внести въ него иного рода дополненія. Эту возможность доставила ему статья Соловьева: «О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси». Въ разборѣ этой статьи Кавелинъ опять-таки настаивалъ на всеобъемлющемъ значеніи родового начала въ древне-русскомъ быту и на важности признанія этого значенія. «Когда, наконецъ, обратится въ обиходную истину, что весь древній быть Россіи, не только частный, но и государственный, вращался около одного родственнаго, кровнаго начала, которымъ первоначально болѣе или менѣе живутъ всѣ не-завоевательные народы, мы поймемъ многое въ русской исторіи, чего до сихъ поръ не понимаемъ». Привѣтствуя работу Соловьева, какъ разъясняющую эту мысль въ сферѣ между-княжескихъ отношеній, критикъ, однако, считалъ возможнымъ сдѣлать по его адресу два важные упрека. Онъ не ввелъ своихъ частныхъ выводовъ въ рамки общихъ положеній и благодаря этому впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Не поставивъ прямого вопроса о томъ, были ли древне-русскія отношенія, основанныя на кровныхъ началахъ, юридическими, онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ придаетъ имъ опредѣленный правовой характеръ, хотя изъ сообщаемыхъ имъ же фактовъ слѣдуетъ заключить, что «юридическихъ понятій и отношеній мы прежде почти не имѣли». Съ другой стороны, представивъ основное начало родового быта и его постепенныя измѣненія, авторъ не пояснилъ той мысли, «которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое, объясняетъ переходъ удѣльной Руси въ московскую и, такимъ образомъ, даетъ единство древнѣйшей русской исторіи». «Эта мысль, или движущее начало, замѣчаетъ критикъ отъ себя, есть постепенное вытѣсненіе рода семьей», составляющее все содержаніе періода удѣловъ *).

Въ этихъ критическихъ замѣчаніяхъ, бѣгло изложенныхъ и не обставленныхъ богатой аргументаціей, чувствуется уже однако стройная и цѣльная система, изъ которой они вытекали. Скоро эта система появилась на свѣтъ и въ болѣе полномъ видѣ. Въ 1847 г. почти одновременно напечатаны были статья Кавелина «Взглядъ на юридическія отношенія древней Россіи», составлявшая итоги его университетскаго курса, и докторская диссертація Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ авторы ставили себѣ цѣлью прослѣдить процессъ развитія русской исторической жизни, но въ объясненіи его значительно расходились между собою. Къ труду Соловьева мы еще вернемся, пока же отмѣтимъ основныя положенія Кавелина въ упомянутой статьѣ его.

Ключъ къ пониманію русской исторіи, по его мнѣнію, долженъ быть доставленъ наблюденіемъ надъ современнымъ русскимъ бытомъ. Народъ, крестьянская масса, и теперь еще мыслитъ всѣ отношенія между

*) Тамъ же, 271, 275—6.

людьми въ формахъ родства. Эта терминологія, сложившаяся сама собою, безъ внѣшняго воздѣйствія, необходимо должна была имѣть основаніе, заключавшееся въ господствѣ въ древности чисто родственнаго быта. Такъ какъ Россія за время своей исторической жизни не подвергалась насильственному вторженію чуждыхъ элементовъ, то этотъ родственный бытъ развивался свободно, или, иначе, «наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта». Законъ этого развитія указывается всею новою исторіей. Древній міръ не зналъ понятія человѣка, какъ человѣка, «помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства». Впервые понятіе о безусловномъ достоинствѣ человѣка и человѣческой личности создано христіанствомъ, которое постепенно проводитъ его и въ гражданскую сферу. Отсюда «для всѣхъ народовъ новаго, христіанскаго міра—одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, лица, и всестороннее его развитіе». Но разные народы идутъ къ этой цѣли различными путями. Народы германскіе рано развили въ себѣ начало личности, но первоначально оно является у нихъ подавленнымъ историческими опредѣленіями и лишь подъ вліяніемъ христіанства постепенно перерождается въ понятіе человѣка. Напротивъ, въ русскомъ быту личность отсутствовала вовсе, хотя она является необходимымъ условіемъ духовнаго развитія народа. Германцамъ «предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло создать личность». Итакъ, исключительно родственный союзъ въ началѣ исторіи и свободная человѣческая личность въ концѣ ея—таковы крайніе этапы русскаго историческаго процесса; постепенное паденіе родственнаго быта, опредѣляемое его же внутренними условіями, и развитіе начала личности — таково содержаніе пути между этими этапами.

Вооружившись этими общими посылками, историкъ переходитъ къ изображенію опредѣленнаго имъ въ своемъ существенномъ содержаніи процесса. Онъ начинаетъ съ эпохи, предшествовавше самому образованію племенъ русскихъ славянъ, причемъ молчаніе источниковъ не мѣшаетъ ему набросать яркую картину отношеній этой эпохи и ихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Показанія источниковъ замѣняются при этомъ логическими формулами, развитіе которыхъ не встрѣчаетъ себѣ при такихъ условіяхъ никакихъ препятствій. Начальною ступенью быта является разросшаяся семья подъ управленіемъ старшаго, форма быта, чуждая какой бы то ни было юридической опредѣленности. Она представляла и много хорошихъ чертъ. «Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, какъ потомъ; не было еще гибельнаго различія между *моимъ* и *твоимъ*—источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ: всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ

воспитать въ русскихъ славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе. На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія». Писатель XVIII вѣка, нарисовавъ такую идиллическую картину, сталъ бы выражать сожалѣніе объ исчезновеніи изображенныхъ въ ней порядковъ. Кавелинъ, вѣрный духу органической школы, спѣшитъ въ самихъ этихъ порядкахъ указать причину ихъ гибели. Они были созданы «природой, а не мыслью, не сознаніемъ», но природныя кровныя связи слишкомъ непрочны для общественнаго быта. Размноженіе семей и необходимо соединяющееся съ этимъ распаденіе ихъ повело къ замѣнѣ старѣйшинъ по старшинству рожденія старѣйшинами по избранію, власть которыхъ пріобрѣтала уже слабый оттѣнокъ юридическаго характера, а дальнѣйшій ходъ того же процесса обратилъ семьи въ общины и породилъ на мѣсто одного старѣйшины совѣщанія главъ соединенныхъ въ общинѣ родственныхъ союзовъ или вѣчевыя собранія, служившія, однако, болѣе ареною вражды родовъ, нежели ихъ согласныхъ дѣйствій. Кровный бытъ, не могшій по существу своему развить общественнаго духа, сдѣлалъ возможнымъ призваніе чужеземной власти, варяговъ, принесшихъ на русскую почву понятіе государства и осуществившихъ его на чуждыхъ славянамъ феодальныхъ началахъ. Но варяги скоро утеряли свою національную особность и слились съ русскими племенами. Съ Ярослава «перерванная нить національнаго развитія подымается опять», но на этотъ разъ «оно охватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземцами и вмѣстѣ съ ними подчинившійся вліянію туземнаго элемента».

Въ государственномъ быту повторяется тотъ же самый процессъ распаденія первоначально единаго княжескаго рода и борьбы родового быта съ семейнымъ, ведущей къ торжеству послѣдняго. Единство княжескаго рода создало и политическое единство русскихъ земель, связанныхъ территоріальной іерархіей, соотвѣтствовавшей іерархіи старшинства князей. Но расходящіяся линіи Рюрикова рода скоро вступили въ борьбу между собою, утративъ сознаніе единства и преслѣдуя семейные интересы, выразившіеся въ наслѣдственности удѣловъ. Съ торжествомъ семейнаго начала, опредѣлившимся къ концу XII вѣка, исчезло территоріальное единство Россіи, распавшейся на нѣсколько княжествъ, въ каждомъ изъ которыхъ повторялся тотъ же процессъ, создавая все большее раздробленіе земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ власть князей, дѣйствовавшихъ въ болѣе ограниченной сферѣ, становится болѣе опредѣленной и принимаетъ характеръ власти вотчинныхъ владѣльцевъ, собственниковъ княженій. Побѣда семейнаго начала впервые обезпечила границы кровнаго союза, оставивъ отношенія независимыхъ семей за его предѣлами, и въ высвобожденіи личности, хотя бы въ одной еще сферѣ, отъ узъ родства заключался смыслъ сдѣланнаго въ раз-

витіи шага. Татарское завоеваніе, не внеся съ собою ничего новаго въ этотъ процессъ, подвинуло однако его впередъ, разрушивъ остатки стараго. «Какъ буря, оно сокрушило все, что было на поверхности: остались одни зерна, спрятанныя въ землѣ. Теперь они стали рости, и имъ было просторно; ничто имъ не мѣшало». Положительными дѣятелями новаго періода, возставшими противъ семейнаго начала во имя личности, противъ вотчиннаго владѣнія удѣлами во имя идеи государства, явились московскіе князья, воспользовавшіеся созданными татарами благопріятными условіями для личности и возсоздавшіе территоріальное единство Россіи на новомъ началѣ единодержавія. Но роль московскаго государства была переходною: оно «только приготовило почву для новой жизни», а не создало послѣдней. Изгнанныя изъ сферы политическихъ отношеній, гдѣ ихъ несостоятельность была рано сознана подъ гнетомъ необходимости создать прочное государство, кровныя начала продолжали жизнь въ гражданской сферѣ и государство лишь цѣною жестокой борьбы могло подавить ихъ и расчистить почву для личности. Отсюда странная на первый взглядъ симпатія Кавелина къ Ивану Грозному, который въ его глазахъ является однимъ изъ дѣятелей этой борьбы за проведеніе личнаго начала въ государственный бытъ, дѣятелемъ, стоявшимъ выше своихъ современниковъ, непонятымъ ими и страшно мстившимъ имъ за свое разочарованіе. Московская жизнь успѣла и въ административномъ, и въ частномъ быту лишь довести до конца разложеніе кровныхъ началъ и подготовить зачатки государства и форму личности. Содержаніе въ эту форму было вложено уже новымъ періодомъ русской исторіи, началомъ котораго послужила эпоха преобразованія. «Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ». Въ эту эпоху личность подчинилась иноземному, европейскому вліянію,—неизбѣжному, такъ какъ собственный бытъ не подготовилъ для нея содержанія, благотворному, такъ какъ оно пріучало личность къ полной самостоятельности. Эпоха преобразованій была занята по преимуществу практическими нуждами; дальнѣйшій моментъ развитія долженъ заключаться въ выработкѣ понятія человѣка и осуществленіи его въ жизни, и на этомъ пунктѣ русская исторія сходится съ европейскою. «Исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде,—русскими славянами. У насъ не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого-то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европой; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами... Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ

гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ и только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ».

Слѣдовательно, родъ и общее владѣніе, семья и вотчина или отдѣльная собственность, личность и государство, наконецъ, человѣкъ—вотъ стадіи развитія, послѣдовательно проходившіяся русскою жизнью въ ея переходѣ отъ патріархальныхъ, природою данныхъ, формъ быта къ формамъ юридическимъ, созданнымъ сознаніемъ. Не все, конечно, въ этомъ построеніи было совершенно ново въ исторической литературѣ. Мысль о родовомъ бытѣ въ древней Россіи была высказана еще Эверсомъ, изображеніе междукняжескихъ отношеній древнѣйшей эпохи еще у Полеваго носило черты, очень близкія къ тѣмъ, какія придалъ этимъ отношеніямъ Кавелинъ, на роль московскихъ князей, воспользовавшихся открытымъ, благодаря татарскому игу, просторомъ для личныхъ качествъ князя, указывалъ тотъ же Полевой. Можно было бы отмѣтить и другія подобныя частности, сближающія построеніе Кавелина съ предшествовавшей литературой, но дѣло не въ нихъ, а въ общей схемѣ развитія, въ которой и онѣ получали оригинальный, не свойственный имъ ранѣе смыслъ. Русская исторія въ этой схемѣ не была уже грудою отдѣльныхъ фактовъ, рядомъ проявленій индивидуальной воли, надъ которыми историкъ могъ свободно творить нравственный судъ. Соотношеніе событій не представлялось болѣе и таинственной связью, которой предстояло лишь изумляться, не пытаясь постичь и осмыслить ее. Въ противоположность этимъ представленіямъ внутренняя исторія Россіи впервые понималась теперь, говоря словами самого Кавелина, какъ «стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, всегда самостоятельной». Все историческое прошлое русскаго народа являлось строго послѣдовательнымъ и закономѣрнымъ развитіемъ одного основнаго процесса, цѣпью неразрывно связанныхъ фактовъ, въ которой каждое послѣдующее звено вытекало изъ предъидущаго и заключало въ себѣ зародышъ будущаго, причемъ по отношенію къ главному содержанію этого процесса всѣ внѣшнія вліянія играли лишь подчиненную, второстепенную роль. Историкъ намѣчалъ три момента, когда русская жизнь подвергалась сильному, повидимому, чужеземному вліянію: призваніе варяговъ, монгольское завоеваніе и вторженіе западной цивилизаціи въ XVIII вѣкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ. однако, чуждое вліяніе оказывалось входящимъ въ народную жизнь лишь послѣ коренной переработки ею и служащимъ почти исключительно тѣмъ потребностямъ, какія были уже созданы самою этою жизнью. Всѣ же другія стороны такого вліянія измѣняли лишь наружную оболочку историческаго процесса, не затрогивая его вну-

тренней сущности. Оставаясь, такимъ образомъ, вполнѣ самостоятельнымъ въ своемъ развитіи, національный историческій процессъ подчинялся однако общимъ законамъ, стремился къ цѣли, одинаковой для всего человѣчества, и на извѣстной стадіи совпадалъ съ процессомъ, совершавшимся въ жизни западно-европейскихъ народовъ, благодаря чему Россія становилась равноправной участницей дальнѣйшаго движенія. Этими своими признаками — нахожденіемъ развитія въ русской исторіи и признаніемъ его аналогичности съ развитіемъ Запада — данная схема рѣзко отличалась отъ славянофильскихъ теорій, усматривавшихъ залогъ будущаго величія Россіи именно въ неподвижности древне-русскаго быта, сохранившаго въ себѣ неприкосновенною «глубину особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живого, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцовъ Церкви» *). Тогда какъ съ точки зрѣнія славянофиловъ усвоеніе началъ западной образованности являлось отступленіемъ отъ національнаго быта, Кавелинъ изъ самыхъ судебъ послѣдняго выводилъ необходимость живого общенія съ Западомъ и выставленная имъ схема русской исторіи, въ простомъ и ясномъ построеніи охватывая прошлое народа, вмѣстѣ открывала широкій и опредѣленный путь въ будущее.

Но, говоря, что такая схема являлась теперь впервые, мы имѣли въ виду не одного Кавелина. Въ менѣе ясномъ видѣ относительно наиболѣе общихъ ея положеній, но съ большею разработкою деталей, она была поставлена уже въ первыхъ трудахъ Соловьева, о которыхъ мы говорили выше, и послужила основою второй его диссертаціи, появившейся въ томъ же году, какъ и Ка-

---

*) И. Кирѣевскій, «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», Московскій Сборникъ, т. I, 1852, с. 66. Позволимъ себѣ привести еще слова такого сравнительно умѣреннаго славянофила, какъ Валуевъ: «Своими опытами жизни и даже своими заблужденіями Западъ не менѣе принесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили христіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, другіе народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ, которое, можетъ быть, одно дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта». Сборн. истор. и статист. свѣдѣній о Россіи, т. I, М. 1845, с. 3. Въ свою очередь западники еще ранѣе высказывали основныя мысли, изъ которыхъ исходилъ теперь Кавелинъ. Не говоря уже о Бѣлинскомъ, напомнимъ одно изъ раннихъ писемъ Герцена. «Я намѣренъ—писалъ онъ 1 марта 1841 г.—писать письма о Петровскомъ періодѣ... Разумѣется, что я беру предметъ не съ чисто исторической стороны. Нами заключается Петровское время. Мы, выходящіе изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность, заканчиваемъ великое дѣло очеловѣченія Руси. Но послѣ нашего времени начнется періодъ органическаго, субстанціальнаго развитія, и притомъ чисто человѣческаго, для Руси. Тогда ея роль будетъ не отрицательная въ Европѣ (преграда Наполеону, напримѣръ), а положительная». «П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ». Спб. 1892, с. 88.

велинская статья, а затѣмъ и начатой имъ «Исторіи Россіи». Пониманіе хода русской исторіи Соловьевымъ не вполнѣ совпадало однако съ построеніемъ Кавелина, благодаря чему послѣднему пришлось отстаивать отдѣльныя части своей системы. Эта задача была выполнена имъ въ большихъ статьяхъ, посвященныхъ «Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и первому тому «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» и являющихся образцовыми критическими разборами. Для насъ, впрочемъ, болѣе интересна теперь въ нихъ другая сторона, именно тѣ положительные элементы, которые были даны въ нихъ авторомъ для построенія системы русской исторіи, и на этой сторонѣ мы по преимуществу и остановимся.

Въ первой изъ названныхъ статей Кавелинъ рѣшительно подчеркивалъ преобладаніе въ русской исторіи государственнаго характера. «Вся русская исторія, какъ древняя, такъ и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова... Политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно-живую сторону нашей исторіи и если въ послѣднее двадцатилѣтіе и были попытки открыть въ ней другія живыя стороны, то это не столько было вызвано самимъ предметомъ, сколько выражало новыя требованія нашего времени». Но государственная жизнь есть одно изъ проявленій живого и цѣльнаго народнаго организма. «Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны—нѣтъ, то, значитъ, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣненіями послѣдней». Съ этой точки зрѣнія, равно общей Соловьеву и Кавелину, трудъ перваго, посвященный изслѣдованію между-княжескихъ отношеній, могъ разсматриваться, какъ преслѣдующій цѣли разъясненія всего хода русской исторической жизни. Общимъ для обоихъ писателей было и представленіе о древнѣйшемъ періодѣ, какъ эпохѣ родовыхъ отношеній, о московскомъ — какъ времени образованія отношеній государственныхъ, причемъ чуждому вліянію, въ частности татарскому игу, столь важному въ изображеніи прежнихъ писателей, отводилась въ этомъ процессѣ исключительно отрицательная роль. Дальше наступали разногласія. По мнѣнію Соловьева, въ кіевской эпохѣ между князьями всецѣло господствовали родовыя отношенія и вся русская земля находилась въ нераздѣльномъ владѣніи единаго княжескаго рода; происходившія въ эту пору усобицы вызывались борьбою князей-изгоевъ, племянниковъ, лишенныхъ доли въ общемъ владѣніи, съ дядями, и, позднѣе, борьбою за родовое старшинство. Когда же часть князей переселилась на сѣверъ, гдѣ мало было старыхъ городовъ, а большинство поселеній было основано самими князьями, отношенія ихъ къ областямъ стали строиться на началѣ частнаго владѣнія и самыя усобицы княжескія обратились уже изъ борьбы за старшинство въ

борьбу за владѣнія. Это начало частной собственности постепенно разрушило родовой союзъ и послужило почвою для возникновенія государственныхъ отношеній. Историческій процессъ, такимъ образомъ, измѣнялъ свое направленіе въ зависимости отъ измѣненія обстановки, въ которой онъ совершался. Въ глазахъ Кавелина установленіе такой зависимости равнялось непослѣдовательному проведенію принципа органическаго развитія и онъ выставилъ противъ Соловьевскаго построенія два ряда возраженій, въ своей основѣ намѣченныхъ имъ уже въ первомъ спорѣ съ Соловьевымъ, но теперь болѣе послѣдовательно развитыхъ и тщательнѣе аргументированныхъ. Критикъ указывалъ именно, предвосхищая неоднократно дѣлавшееся впослѣдствіи Соловьеву возраженіе, что новые города въ своемъ быту ничѣмъ не отличались отъ старыхъ, и заключалъ отсюда, что не изъ ихъ характера родилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности. Съ другой стороны, подвергая обстоятельному разбору данное Соловьевымъ изображеніе развитія собственно между-княжескихъ отношеній, критикъ отмѣчалъ въ немъ стремленіе къ крайней систематизаціи, приводящее историка къ односторонности воззрѣнія. Анализъ фактовъ, предпринятый самимъ критикомъ по слѣдамъ Соловьева, позволилъ ему утверждать, что уже въ кіевскомъ періодѣ «въ то время, какъ одни князья дѣйствовали, распоряжались на основаніи родоваго начала, другіе проводили начало вотчинное». И въ личныхъ сношеніяхъ князей, и въ ихъ отношеніяхъ къ владѣніямъ, на взглядъ Кавелина, господствовала въ эту эпоху величайшая неопредѣленность, неизбѣжная потому, что исторія совершалась не на юридической почвѣ. Въ силу этой неопредѣленности родовое и семейное начало могли уживаться рядомъ, но все же можно отмѣтить въ началѣ періода большую роль перваго, въ концѣ—втораго. Тамъ, гдѣ Соловьевъ разсматривалъ еще родовыя притязанія князей, какъ самодовлѣющія, Кавелинъ уже видѣлъ въ нихъ «средство, предлогъ для полученія лучшаго владѣнія» и различалъ подъ родовыми интересами «владѣльческіе, которые впослѣдствіи мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе». Тогда какъ Соловьевъ находилъ возможнымъ утверждать, что въ первой половинѣ XII вѣка счетами князей руководила борьба за родовое старшинство, по мнѣнію его критика въ данную пору «этой сбивчивой и произвольной казуистикой заправляли осязательные, практическіе интересы, а не отвлеченное почитаніе родовыхъ разсчетовъ и правъ». Стало быть, не сѣверная обстановка, не новые города, а семейное начало, вытекавшее изъ самого родового быта и постепенно перевѣсившее начало родовое, породило наслѣдственность удѣловъ и взглядъ князей на нихъ, какъ на частную собственность, причемъ то и другое проявилось еще на югѣ. Это давало возможность Кавелину возвратиться къ своей схемѣ: «ходъ исторіи является чрезвычайно естественнымъ и послѣдовательнымъ:

родъ и общее владѣніе, семья и вотчина или отдѣльная собственность, лицо и государство» *).

Отчасти тѣ же самыя возраженія пришлось повторить Кавелину и черезъ четыре года, разбирая первый томъ «Исторіи Россіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ трудъ Соловьева заставилъ его высказать свое мнѣніе и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Та непомѣрно широкая и рѣшающая роль, какая придана была здѣсь Соловьевымъ географическимъ условіямъ страны, опредѣлившимъ собою въ его изображеніи едва-ли не весь ходъ ея исторіи, обратила на себя особое вниманіе Кавелина и встрѣтила въ немъ горячаго оппонента. Не отрицая совершенно значенія природныхъ условій, главнымъ образомъ въ первые моменты жизни народовъ, онъ указывалъ, однако, что повсюду «при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи эти условія въ свою очередь подчинялись дѣятельности и вліянію людей». Онъ отмѣчалъ затѣмъ рядъ натяжекъ Соловьева въ объясненіи фактовъ политической исторіи природою страны и въ видѣ общаго заключенія прибавлялъ: «теряя изъ вида историческіе элементы, подчиняя такъ безусловно дѣятельность лицъ и племенъ условіямъ географическимъ, авторъ обличаетъ неправильную точку зрѣнія на историческое развитіе, лишаетъ исторію по преимуществу ей принадлежащаго значенія дѣятельности человѣка». Въ этихъ словахъ не трудно узнать послѣдовательнаго сторонника монистическаго воззрѣнія органической школы, хотя крайности взгляда Соловьева и сами по себѣ вызывали на возраженія. Другое общее возраженіе, предъявленное критикомъ внѣ сферы вопросовъ политической жизни, касалось изображенія быта и религіозныхъ вѣрованій русскихъ славянъ до принятія христіанства. Упрекая и въ этомъ случаѣ Соловьева въ чрезмѣрномъ стремленіи къ систематизаціи, нарушающей естественный характеръ фактовъ, онъ настойчиво указывалъ на неопредѣленность домашняго, общественнаго и религіознаго быта въ древности при господствѣ патріархальныхъ отношеній **). Та же мысль въ болѣе полномъ видѣ была развита имъ ранѣе въ разборѣ книги Терещенка: «Бытъ русскаго народа», въ которомъ онъ, на основаніи заключеннаго въ этой книгѣ этнографическаго матеріала, изображалъ первобытныя вѣрованія русскихъ славянъ и ихъ развитіе, равно какъ частную и общественную жизнь русскихъ племенъ въ періодъ родового быта.

Послѣ разбора перваго тома «Исторіи Россіи» въ работахъ Кавелина надъ общею русской исторіей наступилъ долгій перерывъ, частью вызванный, вѣроятно, событіями его личной жизни, вынудившими его еще въ 1848 г. переселиться изъ Москвы въ Петербургъ и обратиться изъ профессора въ чиновника, частью же имѣв-

*) Собраніе сочиненій Кавелина, 1897, т. I, с.с. 277—80, 288—9, 331 337—340, 346—7, 349, 293.

**) Тамъ же, с.с. 424, 435; 443, 449, 461—2.

шій, можетъ быть, и болѣе общія причины. Появившаяся въ 1856 г. рецензія на изслѣдованіе г. Чичерина «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.» была гораздо болѣе отчетомъ о книгѣ, нежели самостоятельнымъ трудомъ, далеко уступая въ этомъ отношеніи прежнимъ разборамъ сочиненій Соловьева. И только еще черезъ десять лѣтъ послѣ того былъ напечатанъ новый крупный трудъ Кавелина «Мысли и замѣтки о русской исторіи», задуманный имъ, впрочемъ, еще въ 1863 г., когда онъ читалъ въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ рефератъ, имѣвшій цѣлью объяснить исторически освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Этотъ трудъ, оставшійся и послѣднею его работой въ области русской исторіи, не обратилъ на себя въ свое время большого вниманія. Редакторъ новаго изданія сочиненій Кавелина, проф. Корсаковъ, склоненъ приписывать это исключительно общему паденію авторитета Кавелина и напряженному интересу общества той поры къ вопросамъ современности. Врядъ ли, однако, это такъ. Вѣрнѣе дѣло объясняется тѣмъ, что названная статья по самому содержанію своему не могла имѣть такого значенія, какъ прежнія работы талантливаго автора. Отчасти онъ повторялъ въ ней тѣ же мысли, какія были положены въ основу его «Взгляда на юридическія отношенія древней Руси», но къ нимъ присоединились теперь и новыя наслоенія. Прежнее представленіе о непрерывности національнаго развитія, исходящаго изъ одного начала, замѣнилось теперь представленіемъ о поворотѣ историческаго процесса съ момента перехода части русскихъ славянъ на сѣверъ и образованія великорусскаго племени. Природныя условія, встрѣченныя этимъ послѣднимъ въ мѣстѣ своего зарожденія, создали особый національный характеръ, одинаково отразившійся и въ частной, и въ государственной жизни образованіемъ типа домовладыки. Продукты этого національнаго творчества въ сферѣ политическаго быта, выразившіеся въ построеніи государства по типу вотчиннаго владѣнія, принимали въ глазахъ историка характеръ особой прочности, почти неподвижности, и хотя онъ еще настаивалъ на необходимости дальнѣйшаго развитія и отстаивалъ Петровскую реформу, но одновременно объявлялъ всю почти сплошь жизнь образованнаго класса «холодной, безплодной и мертвой» и призывалъ ее «опуститься изъ неопредѣленной шири на русскую почву» съ цѣлью созданія вполнѣ самостоятельнаго развитія. Этотъ неясный и неудачный синтезъ западническихъ и славянофильскихъ идей, по сравненію съ прежними воззрѣніями Кавелина, являлся шагомъ не впередъ, а назадъ, и, очевидно, онъ былъ правъ, когда отвѣчалъ друзьямъ, убѣждавшимъ его еще писать по русской исторіи, что въ этой области онъ уже далъ все, что могъ дать.

Что касается тѣхъ воззрѣній, представителемъ которыхъ являлся Кавелинъ въ своихъ прежнихъ трудахъ, то ихъ значеніе, какъ первой строго-научной попытки объясненія фактовъ русскаго прошлаго съ точки зрѣнія закономѣрнаго процесса развитія народной жизни,

врядъ ли требуетъ особыхъ комментаріевъ. Такое значеніе ихъ особенно ярко выступало въ простой и ясной схемѣ Кавелина. Правда, эта простота и ясность покупались дорогой цѣной. Исторія народа не только отрывалась отъ той обстановки, въ которой она въ дѣйствительности совершалась, но и сводилась вся къ одной своей сторонѣ. Исходя въ своихъ объясненіяхъ русской исторіи изъ истолкованія началъ государственнаго быта, писатели школы родового быта дали во многихъ отношеніяхъ мѣткую характеристику русской государственности, но сравнительно мало сдѣлали для объясненія русской общественности. Благодаря этому, уже одному изъ первыхъ творцовъ этой школы довелось быть свидѣтелемъ разрушенія созданнаго имъ построенія и попытокъ перестроить систему русской исторіи на новыхъ началахъ. Такія попытки и въ наше время едва ли могутъ считаться приведшими къ вполнѣ законченному результату, но въ какую бы сторону онѣ въ дальнѣйшемъ ни направились, онѣ уже не могутъ сойти съ почвы того понятія о закономѣрности историческаго движенія, которое, со времени Кавелина и въ значительной мѣрѣ благодаря его трудамъ, составляетъ прочное достояніе русской исторической науки.

В. Мякотинъ.

ГЕРАКЛЪ.

Сонеты Адама Асныка.

I.

Преданіе его Геракломъ называетъ...
Но какъ поэтъ героя назоветъ,—
Того, кто отдыху и радости не знаетъ
И вѣчный трудъ безъ ропота несетъ?..

Тяжелой шкурой льва онъ плечи покрываетъ
И въ ней, какъ царь властительный, идетъ;
Но чаще онъ молчитъ и очи опускаетъ
И кандалы самъ на себя куетъ.

Онъ страшенъ и могучъ съ дубиной исполина,
Но, какъ дитя, молчитъ предъ взоромъ господина,
Онъ передъ нимъ—покорный рабъ нѣмой,

Онъ трепеща спѣшитъ исполнить приказанье
И слышитъ смѣхъ обидный за собой,
Въ конюшняхъ Авгія работая въ молчаньи.

II.

Но и другой онъ принимаетъ видъ—
И муза за него краснѣетъ отъ смущенья...
Онъ терпѣливъ, но духъ его скорбитъ,
Ростетъ, ростетъ въ груди сокрытое мученье,

И вотъ пора!—Онъ забываетъ стыдъ,
Свою судьбу, позоръ и годы униженья,—
Въ безумной оргіи и дикомъ опьянѣньи
Огонь въ груди онъ загасить спѣшитъ.

Труды тяжелые, которые вѣками
Онъ исполнялъ, какъ рабъ, своими же руками,
Нерѣдко губитъ въ нѣсколько минутъ...

Но гаснетъ бѣшенство, проходитъ гнѣвъ упорный...
И въ тишинѣ свой богатырскій трудъ
Онъ начинаетъ вновь, безмолвный и покорный.

III.

Еще себя не сознавая самъ,
Онъ и гигантскихъ силъ своихъ не понимаетъ, —
Войдетъ въ костеръ безъ мысли, что къ богамъ,
Какъ равный имъ, какъ богъ, изъ пламени вступаетъ.

Не знаетъ онъ, что всѣмъ своимъ врагамъ,
Своимъ гонителямъ тревожный страхъ вселяетъ,
Что весь Олимпъ отъ ярости пылаетъ,
Дивясь его побѣдамъ и трудамъ.

Безсильные враги и жалкія преграды!
Пусть на пути его шипятъ и вьются гады
И встанетъ гидра съ сотнями головъ,—

Онъ съ каждымъ днемъ ростетъ, онъ съ каждымъ
днемъ сильнѣе,
Онъ разобьетъ при грохотѣ громовъ
Тяжелыя оковы Прометея!

Ив. Бунинъ.

Антисемитизмъ въ Германіи и предстоящіе выборы въ рейхстагъ.

Послѣдніе парламентскіе выборы въ Германской имперіи (1893), заново перераспредѣлившіе мѣста въ рейхстагѣ между представителями различныхъ партій, обнаружили въ нѣмецкой политической жизни два главныхъ явленія. Во-первыхъ, это былъ значительный ростъ соціалъ-демократической партіи; во-вторыхъ, еще гораздо болѣе значительный ростъ партіи антисемитической. Первое явленіе было уже не ново: соціалъ-демократическая партія росла съ замѣчательной правильностью съ самаго возникновенія Германской имперіи; за то второе поразило своей неожиданностью: антисемиты появились на политической аренѣ въ 1887 г., когда за нихъ было подано всего 11000 голосовъ, а черезъ 6 лѣтъ они располагали арміей въ 263000 избирателей. Не смотря на то, что антисемитизмъ только что вышелъ изъ лона консервативной партіи, что ихъ программы сравнительно мало отличаются другъ отъ друга, несмотря на то даже, что правительство имѣло основаніе разсчитывать на поддержку молодой партіи въ самомъ жгучемъ вопросѣ дня—усиленіи арміи,—не смотря на все это, всѣ партіи порядка и консервативная въ частности встрѣтили оба эти явленія чуть ли не съ одинаковымъ ужасомъ. «Консерваторы потеряли много мѣстъ въ пользу антисемитовъ, съ грустью и негодованіемъ говорилъ на народномъ собраніи вскорѣ послѣ выборовъ бывшій придворный проповѣдникъ Адольфъ Штеккеръ. Эта партія, называющая себя то антисемитической демократіей, то партіей реформы, то радикальной антисемитической, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ, рѣчахъ, прокламаціяхъ говоритъ лишь противъ консерваторовъ, націоналъ-либераловъ, союза сельскихъ хозяевъ, прямо противъ правительства, и ни одного слова противъ іудейства, за борьбу съ нимъ. Это уже не консерватизмъ, *чѣмъ еще недавно былъ антисемитизмъ*, это грубѣйшій демократизмъ; болѣе того: это чистѣйшая демагогія; такой антисемитизмъ—злая дѣтская выходка противъ своего родоначальника консерватизма, который всегда былъ и будетъ въ большей или меньшей степени антисемитиченъ, и увы! консерватизмъ долженъ уступать свои исконныя мѣста новому врагу. *Это явленіе*

кажется мнѣ даже болѣе грустнымъ, чѣмъ ростъ соціалъ-демократіи. Борьба съ іудействомъ возможна только на почвѣ чистаго консерватизма, не на либеральной или радикальной почвѣ, непремѣнно въ союзѣ съ церковью: іудейство есть религія, и его враги должны быть одушевлены религіознымъ жаромъ. Если антисемитизмъ перестанетъ быть христіанскимъ, то онъ ничего не сдѣлаетъ. Іудейство не боится ни радикальнаго, ни демократическаго антисемитизма, потому что такой антисемитизмъ есть nonsens» *).

Что же такое этотъ радикальный или демократическій антисемитизмъ, въ чемъ причина той ненависти, которую онъ возбуждаетъ въ людяхъ, долженствующихъ, казалось бы, быть его ближайшими союзниками, и каковы его виды на будущее? Имѣетъ ли онъ шансы и впредь развиваться съ прежнею быстротою, и что должны принести ему выборы 1898 г.?

Антисемитизмъ, какъ чувство или настроеніе, имѣетъ тысячелѣтнюю исторію; еще у Тацита и другихъ римскихъ писателей той же эпохи мы встрѣчаемъ рѣзкія выходки противъ евреевъ, свидѣтельствующія о господствовавшемъ противъ нихъ раздраженіи. Средніе вѣка наполнены болѣе или менѣе кровавыми преслѣдованіями евреевъ. XVIII и XIX вѣкъ видѣлъ на западѣ Европы повсемѣстную эмансипацію евреевъ, уравненныхъ въ правахъ съ христіанами, но она совершалась не безъ сильнаго противодѣйствія со стороны весьма многочисленныхъ и могущественныхъ противниковъ, исходившихъ изъ религіозныхъ, національныхъ или экономическихъ соображеній; ихъ антисемитизмъ, смотря по обстоятельствамъ историческаго момента, сказывался то сильнѣе, то слабѣе, но никогда вполнѣ не прекращался. Тѣмъ не менѣе антисемитизмъ, какъ политическая партія съ опредѣленной политической программой, весьма и весьма молодъ: въ Германіи ему нѣтъ еще и 20 лѣтъ, въ Австріи онъ и того моложе.

Родоначальникомъ его на политической аренѣ Германіи явился тотъ самый придворный проповѣдникъ Адольфъ Штеккеръ, который, какъ мы только что видѣли, съ такой горечью привѣтствовалъ его блестящую побѣду въ 1893 г. Консервативная партія, представлявшая немедленно послѣ объединенія Германіи весьма значительную силу въ рейхстагѣ, въ теченіе первой половины 70-хъ годовъ шла на убыль: въ 1871 г. она получила на выборахъ 549000 голосовъ изъ 3,892,000, т. е. 14,1% и завоевала въ рейхстагѣ 57 полномочій; въ 1877 г. къ ней принадлежали въ рейхстагѣ только 40 депутатовъ, а среди избирателей 526,000 человѣкъ изъ 5.401,000 т. е. 9,7%. Было очевидно, что строгое слѣдованіе программѣ, имѣвшей въ виду исключительно интересы крупнаго землевладѣнія, и притомъ по преимуществу землевладѣнія восточныхъ провинцій Пруссіи, грозитъ дальнѣйшимъ ея упадкомъ, и потому ей было не-

*) См. корреспонденцію въ «Русской Жизни» 1893, № 349.

обходимо цѣною уступки нѣкоторыхъ пунктовъ программы отыскать себѣ новыхъ союзниковъ. Осуществить эту задачу взялся вѣрный членъ консервативной партіи, придворный проповѣдникъ Штеккеръ. Талантливый ораторъ и умный человѣкъ, отличающійся энергіей и ловкостью въ борьбѣ, никогда не стѣсняющійся въ выборѣ средствъ, онъ пользовался въ консервативной партіи, бѣдной талантами и знаніемъ, значительнымъ вліяніемъ и обладалъ всѣми данными, необходимыми для достиженія намѣченной цѣли. Въ своемъ другѣ профессорѣ Адольфѣ Вагнерѣ онъ находилъ поддержку, особенно цѣнную за отсутствіемъ собственныхъ свѣдѣній въ области политической экономіи, столь важныхъ для всякаго политическаго дѣятеля.

Въ поискахъ за союзниками Штеккеръ обратилъ свое вниманіе на рабочихъ, задавшись смѣлою, хотя и не новою мыслью, привлечь ихъ на сторону консерватизма. Онъ началъ усиленно пропагандировать на народныхъ собраніяхъ идею, что соціализмъ не обязательно долженъ быть демократическимъ и радикальнымъ. «Великая заслуга соціализма состоитъ въ томъ, говорилъ Штеккеръ, что онъ обратилъ вниманіе общества на соціальный вопросъ». «Соціалисты не довольны нынѣшними экономическими отношеніями,— мы также». Заявляя о своей горячей любви «къ честному рабочему сословію» Германіи, за которое онъ готовъ пролить послѣднюю каплю крови, признавая вмѣстѣ съ соціалистами необходимость лучше обезпечить рабочаго, чѣмъ это дѣлается нынѣ, Штеккеръ видѣлъ ошибку соціализма въ томъ, что вмѣсто практическихъ мѣропріятій проводимыхъ при помощи правительства, онъ расплачивается за голоса рабочихъ векселями на туманное будущее государство, которое никогда не осуществится; но еще худшая его ошибка въ томъ, что онъ отказался отъ христіанства, въ которомъ уже заключаются всѣ соціалистическія требованія, и отъ отечества, которое именно въ Германіи всегда такъ чутко прислушивалось къ нуждамъ рабочихъ. «Да, милостивые государи, говорилъ онъ, вы ненавидите ваше отечество»... «М. Г.! это недостойно великой партіи — ненавидѣть отечество и христіанство» *). Проповѣдь увлекла многихъ и программа Штеккера была принята образовавшеюся въ въ началѣ 1878 г. въ Берлинѣ, потомъ распространившеюся по Германіи, «Христіанско-Соціальной Рабочей Партіей». Она вполнѣ примыкала къ консерваторамъ, внося въ ихъ программу только нѣсколько новыхъ, правда, весьма существенныхъ, дополнительныхъ пунктовъ. Такъ она требовала фабричнаго законодательства съ нормальнымъ рабочимъ днемъ и запрещеніемъ женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ; прогрессивнаго подоходнаго налога; прогрессивнаго налога на наслѣдство; налога на биржу и налога на роскошь **).

---

*) A. Stöcker, Christlich-Social. 2. A. Berl. 1890, стр. 13, 4, 3, 6.

**) Программа помѣщена въ извѣстной брошюрѣ Adolf Braun, Die

Въ дѣйствительности, сторонники Штеккера не были самостоятельною партіей; у нихъ не было отдѣльной партійной организаціи, и въ рейхстагѣ они скромно титуловали себя консерваторами, посѣщали ихъ партійныя собранія, на которыхъ они только изрѣдка говорили о своихъ «христіанско соціалистическихъ» убѣжденіяхъ, выдѣляющихъ ихъ изъ толпы товарищей и друзей; подъ той же кличкой они заносились въ отчеты оффиціальной избирательной статистики. Такимъ образомъ христіанско-соціальная партія въ въ сущности была только одной изъ политическихъ организацій партіи консервативной, правда, самой энергичной и боевой, и таковою оставалась вплоть до 1895 г., когда консерваторы исключили Штеккера изъ своего состава *). Тогда и христіанско-соціальная партія отдѣлилась отъ нихъ и заявила о своемъ намѣреніи впредь вести борьбу совершенно самостоятельно, но этимъ самымъ она обрекла себя на совершенное безсиліе.

Ея агитація въ концѣ 1870-хъ годовъ не прошла безплодно, и хотя для временнаго упадка соціалъ-демократической партіи, сказавшагося на выборахъ 1878—1881 гг. были другія, весьма мо-

---

Parteien d. deutschen Reichstages. Stuttgart 1893, а также въ цитированномъ выше сборникѣ рѣчей Штеккера, гдѣ, кромѣ самой программы, читатель найдетъ рѣчи Штеккера, произнесенныя въ разныхъ собраніяхъ во время ея обсужденія. Весьма интересны его рѣчи относительно нормальнаго рабочаго дня (стр. 315—321), женскаго и дѣтскаго труда и воскреснаго отдыха (331—343).

*) Причина была чисто личнаго характера. Въ 1895 г. было опубликовано въ Vorwärts письмо Штеккера къ барону Гаммерштейну, написанное еще въ 1888 г.; въ немъ Штеккеръ рекомендовалъ своему другу веденіе систематической интриги противъ Бисмарка посредствомъ возбужденія самолюбія молодого императора. Письмо вызвало сильное раздраженіе противъ Штеккера въ рядахъ консервативной партіи, и хотя въ ней же нашлось не мало его горячихъ защитниковъ, но всетаки Штеккеру пришлось выйти изъ ея состава. На собраніи своей партіи онъ объяснилъ свой выходъ тѣмъ, что правительство и консерваторы рѣшили покинуть дорогу соціальныхъ реформъ, по которой они шли вмѣстѣ съ нимъ въ теченіи 20 лѣтъ. Подробности см. въ консервативной W. Müller's Politische Geschichte der Gegenwart, J. 1895, Berlin 1896, стр. 163—166, das J. 1896, Berlin 1897, стр. 70—75, а также въ оправдательной брошюрѣ Штеккера: „Dreizehn Jahre Hofprediger und Politiker". Berlin 1895. Оправданія Штеккера крайне жалки; главное изъ нихъ—незаконность печатанія частныхъ писемъ. На выборахъ 1893 г. Штеккеръ, до тѣхъ поръ (съ 1881) состоявшій членомъ рейхстага, избранъ не былъ, и съ тѣхъ поръ христіанско-соціальное направленіе вовсе не было представлено въ парламентѣ. Не невозможно, конечно, что на будущихъ выборахъ оно отвоюетъ отъ консерваторовъ 1—2 мандата, но лишенное поддержки консерваторовъ, оно даже въ такомъ случаѣ будетъ въ немъ совершенно безсильно.—Я не говорю здѣсь ничего о партіи „молодыхъ христіанскихъ соціалистовъ" или „евангелическихъ соціалистовъ", руководимой пасторами Гере и Науманомъ, ибо они ни съ какимъ антисемитизмомъ ничего общаго не имѣютъ. Теперь также (съ 1896) они не имѣютъ ничего общаго и со Штеккеромъ.

вущественныя причины, но можетъ быть похвальба Штеккера, что этотъ упадокъ объясняется именно ея агитаціей *), имѣетъ долю правды; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ составъ новой партіи вошли нѣкоторыя лица изъ рабочаго класса, прежде вотировавшія за соціалъ-демократовъ. Но Штеккеръ, вѣроятно, чувствовалъ, что всего этого еще недостаточно для упроченія положенія консерватизма. Нужны были новыя возбудительныя средства. Штеккеръ воспользовался все еще сильнымъ въ германскомъ народѣ національнымъ чувствомъ антипатіи къ евреямъ, и вотъ черезъ ½ года послѣ основанія христіанско-соціальной партіи этотъ политическій союзъ сдѣлался центромъ антисемитической агитаціи. Рабочимъ настойчиво внушалась мысль, что если ихъ положеніе дурно, то въ этомъ виновата главнымъ образомъ раса паразитовъ, поселившаяся на здоровомъ тѣлѣ нѣмецкаго народа **). Однако, Штеккеръ не предлагалъ ни одного положительнаго мѣропріятія противъ евреевъ; въ програму его партіи не было включено ни одного намека на ея антисемитическій характеръ,—и не смотря на это, послѣ выборовъ 1881 г. Штеккеръ говорилъ не безъ основанія: «нашъ боевой кличъ въ этой компаніи былъ — борьба противъ господства евреевъ». «Я не признаю культуры безъ германизма христіанства, говорилъ онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, поэтому я веду борьбу противъ еврейскаго господства» ***). Однако борьба не шла дальше неопредѣленныхъ фразъ, и притомъ довольно умѣренныхъ по тону.

Собственная партія Штеккера въ парламентѣ и странѣ никогда не была сколько нибудь сильна, но за то значительная часть консервативной партіи, сперва не понимавшая тактики своего сторонника, мало по малу усвоила его идеи, и все охотнѣе стала говорить о защитѣ рабочихъ, а новая консервативная програма, принятая на партійномъ конгрессѣ 1892 года, включила въ себя еще одинъ пунктъ уже изъ неписанной програмы штеккеровской партіи; «мы, говорится въ ней, боремся съ всюду проникающимъ и разлагающимъ іудейскимъ вліяніемъ на нашу народную жизнь». Но еще за долго до того, какъ вся консервативная партія въ большей или меньшей степени усвоила идеи христіанскаго соціализма, союзъ съ его вождемъ доставилъ ей значительныя выгоды, и партія значительно окрѣпла: на выборахъ 1878 г. она получила 13% всѣхъ поданныхъ голосовъ, а въ 1881 г.—даже 16,2%. Конечно, эти результаты нельзя всецѣло приписывать дѣятельности Штеккера, тутъ дѣйствовали и другія, при томъ весьма важныя, причины.

---

*) Christlich Social, стр. 350, также въ предисловіи XLV—XLVI.

**) Первая рѣчь Штеккера, спеціально направленная противъ евреевъ, была произнесена имъ въ Берлинѣ на собраніи Хр. Соц. Раб. партіи въ сентябрѣ 1879. Тамъ же, стр. 359—369.

***) Ibid. Стр. 350 и 347.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕНН. СОБРАНІЯ СЛУЖАЩИХЪ ПРИ ФАБРИКѢ

Но былъ и другой результатъ проповѣди Штеккера, котораго онъ вѣроятно не предвидѣлъ. Сломить соціалъ-демократическую партію ему, конечно, не удалось; временно ослабѣвшая въ 1878 и 1881 гг., она вновь начала рости съ 1884 г. Но за то рядомъ съ партіями Штеккера и соціалъ-демократовъ возникло новое и весьма сильное теченіе.

Въ 1880 г. оно выразилось въ петиціи, составленной берлинскимъ учителемъ Бернгардомъ Ферстеромъ. Она требовала, между прочимъ, во-1-хъ, запрещенія иммиграціи иностранныхъ евреевъ; во-2-хъ, запрещенія евреямъ доступа на всѣ высшія государственныя должности и ограниченія ихъ на судебной службѣ; въ-3-хъ, охраненія христіанскаго характера народной школы и по возможности удаленія изъ нея учителей евреевъ. Петиція эта, по словамъ антисемитическаго историка Т. Фритча, вѣроятно весьма и весьма преувеличеннымъ, собрала 267,000 подписей; она была подана канцлеру (Бисмарку), но «къ сожалѣнію, прибавляетъ Фритчъ, оставлена имъ безъ вниманія» *). Петиція, впервые выставлявшая опредѣленныя антисемитическія требованія, впервые объединявшая своихъ сторонниковъ на почвѣ общей антисемитической программы, испугала Штеккера, для котораго антисемитизмъ былъ не болѣе, чѣмъ агитаціоннымъ средствомъ. Онъ долго и сильно колебался: подписать ее значило приложить руку къ созданію новой партіи, которая рано или поздно непремѣнно порвала бы съ консерватизмомъ и приняла бы не желательный характеръ; а отказаться отъ подписи — значило рискнуть всей своей репутаціей. Въ концѣ концовъ, Штеккеръ рѣшился на первое. Сдѣлать это было ему, очевидно, не легко, потому что позднѣе, во время преній въ прусскомъ ландтагѣ онъ отрекся было отъ своей подписи, но былъ уличенъ во лжи **). Броженіе послѣ

*) Theodor Fritsch, Antisemiten Katechismus, 25 Auflage, Leipzig 1893, стр. 328. Цифра 267000 подписей значительно превышаетъ число голосовъ, когда либо полученныхъ антисемитами въ Германіи. Дальнѣйшіе факты я излагаю, придерживаясь по преимуществу историческаго очерка Фритча въ Antisemiten Katechismus.

**) Этотъ общеизвѣстный фактъ (который находится и въ стенографическомъ отчетѣ о преніяхъ) передаетъ и антисемитъ Eehnhardt въ своей Antisemitische Bewegung in Deutschland, Zürich 1884, стр. 51. Что Штеккеръ далеко не всегда стѣснялся истиной, доказывается другимъ общеизвѣстнымъ фактомъ, а именно тѣмъ, что въ 1895 г. судъ счелъ нужнымъ сдѣлать ему строгое внушеніе за «легкомысленныя свидѣтельскія показанія»: Штеккеръ отрицалъ фактъ своего свиданія съ человѣкомъ, съ которымъ, какъ потомъ выяснилось, онъ публично велъ продолжительный споръ. (См. Eugen Richter, Politisches ABC—Buch, 7. A. Berlin 1892, стр. 320—321) Характеренъ также совѣтъ, данный Штеккеромъ правительству въ 1895 г. распустить парламентъ и отмѣнить всеобщее избирательное право, который онъ оправдывалъ тѣмъ соображеніемъ, что «государственный переворотъ въ имперіи, гдѣ никто не присягалъ на вѣрность конституціи, долженъ встрѣтить иную оцѣнку, чѣмъ переворотъ въ отдѣльныхъ (германскихъ) государствахъ». W. Müller Politische Gesh. d. Gegenwart, J. 1895. Berlin, 1896, стр. 6.

подачи петиціи, конечно, не улеглось. Черезъ годъ въ Германіи было уже нѣсколько сотенъ мѣстныхъ антисемитическихъ союзовъ, которые устроили въ 1881 г. въ Дрезденѣ первый антисемитическій конгрессъ. На немъ была основана новая антисемитическая партія, обозначившая себя кличкой «германская партія реформы» (Deutsche Reform-Partei). За дрезденскимъ конгрессомъ послѣдовалъ длинный рядъ другихъ, свидѣтельствовавшихъ, что антисемитизмъ растетъ въ глубь и ширь. Ростъ, впрочемъ, былъ небезпрерывнымъ: 1883—85 гг. были періодомъ упадка и застоя, такъ что конгрессъ, созванный въ 1883 г. въ Кемницѣ (въ Саксоніи), не могъ даже состояться за неявкой сколько нибудь достаточнаго числа участниковъ. Въ 1887 г., наконецъ, партія смогла выставить своихъ кандидатовъ на парламентскихъ выборахъ; съ тѣхъ поръ и до нынѣ (точнѣе говоря, до послѣднихъ выборовъ) ростъ ея былъ безпримѣрнымъ въ исторіи германскихъ партій.

На антисемитическихъ конгрессахъ, начиная съ дрезденскаго 1881 г. и кончая кассельскимъ 1886 г., обнаружилось, однако, что антисемитическое теченіе въ Германіи не представляетъ чего либо цѣльнаго и единаго; напротивъ, ни одинъ конгрессъ не обходился безъ ожесточенной борьбы личностей и группъ, преслѣдовавшихъ совершенно различныя цѣли. Въ примирительныхъ воззваніяхъ и попыткахъ не было недостатка; на кассельскомъ конгрессѣ 1886 г. сторонникамъ единой антисемитической партіи удалось было сплотить всѣ разнообразныя ея группы въ одинъ «Всеобщій германскій антисемитическій союзъ», но уже въ 1887 г. изъ него съ громомъ и трескомъ выступилъ д-ръ Беккель, одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ молодой партіи. Попытки продолжались и послѣ этого; онѣ приводили къ временнымъ соглашеніямъ, всегда непрочнымъ; группы перетасовывались, отдѣльные члены переходили изъ одной въ другую,—но уже въ 1880-хъ гг. въ этомъ сложномъ и бурномъ потокѣ ясно намѣчались двѣ главныя струи.

Одна изъ нихъ приняла кличку «Германская соціальная партія». На ея воззваніяхъ, манифестахъ, программахъ прибавляется обыкновенно въ скобкахъ слово: «антисемитическая». Партія окончательно организовалась и выработала программу на лейпцигскомъ конгрессѣ 1891 г., хотя уже за годъ передъ тѣмъ она подъ этимъ именемъ принимала участіе въ парламентскихъ выборахъ и провела въ рейхстагъ двухъ своихъ кандидатовъ — Либеремана фонъ-Зонненберга и Л. Вернера. Намъ не за чѣмъ подробно останавливаться на исторіи этой партіи, не зачѣмъ разбирать пренія, во время которыхъ вырабатывалась программа, чтобы понять характеръ партіи: онъ весь высказался въ самой программѣ, превосходной въ редакціонномъ отношеніи *). По существу она весьма близка къ программѣ

*) Программа напечатана у Брауна, въ Antisemiten Katechismus, а также въ брошюрѣ, представляющей оффиціальный отчетъ партіи о ея

Штеккера, отличаясь только гораздо лучшей редакціей и большею опредѣленностью и смѣлостью требованій.

Германско-соціальная партія является сторонницей германской имперіи въ ея нынѣшнемъ видѣ; но нынѣшней организаціей парламентскихъ выборовъ она не довольна и соглашается на сохраненіе всеобщаго голосованія лишь временно, требуя замѣны ея системою голосованія по сословіямъ и хозяйственнымъ группамъ. Въ этомъ отношеніи она вполнѣ солидарна съ консервативной партіей, отличаясь отъ нея только тѣмъ, что послѣдняя до нынѣ не рѣшилась выступить передъ избирателями съ столь откровенно выраженными pia desideria; даже болѣе того, консерваторъ Штеккеръ, въ газетной статьѣ совѣтовавшій правительству совершить государственный переворотъ и отмѣнить всеобщее избирательное право, въ рѣчахъ на народныхъ собраніяхъ охотно расписывался въ своемъ глубочайшемъ уваженіи къ господствующей нынѣ системѣ парламентскихъ выборовъ *).

Во многихъ пунктахъ программа партіи намѣчаетъ длинный рядъ довольно обстоятельно разработанныхъ реформъ въ пользу крупнаго землевладѣнія,—въ этомъ отношеніи она отличается отъ консервативной опять таки только большей рѣшительностью тона и требованій. Пунктъ, требовавшій сохраненія существовавшихъ тогда (въ 1891 г.) хлѣбныхъ и иныхъ покровительствующихъ сельскому хозяйству пошлинъ, былъ принятъ на конгрессѣ, по словамъ оффиціальнаго отчета объ немъ, «съ живымъ одобреніемъ» и, притомъ, единогласно **). Программа заходитъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что требуетъ даже «обобществленія (Verstaatlichung) поземельныхъ долговъ», другими словами уплаты землевладѣльческихъ долговъ изъ средствъ государственнаго казначейства. Остальныя требованія того же характера въ родѣ уменьшенія поземельныхъ налоговъ и мн. др., тождественны съ такими же требованіями, выставляемыми консерваторами, если не всегда въ программѣ, то въ рѣчахъ, парламентскихъ и не парламентскихъ, въ брошюрахъ и га-

---

конгрессѣ, изд. подъ заглавіемъ: Bericht über den deutsch. socialen (antisemiticshen) Parteitag zu Leipzig am 18. u 19. Mai 1891. Leipzig. Verlag v. Th. Fritsch. 1891. Другая программа той же партіи, отличающаяся главнымъ образомъ въ редакціонномъ отношеніи, напечатана въ брошюрѣ: Warum muss der Antisemitismus siegen? Vom Verfasser des «Audiatur et altera pars». Spandau, Verlag von G. Schob. 1893. Къ сожалѣнію, составитель брошюры, съ неряшливостью, отличающею большую часть антисемитической литературы, не указываетъ ни года, ни мѣста, гдѣ была выработана программа, ни группы, которая ее признаетъ. Отличія по существу касаются главнымъ образомъ двухъ пунктовъ: отмѣны всеобщаго избирательнаго права и запрещенія евреямъ доступа въ ландтаги и рейхстагъ. Во всякомъ случаѣ оффиціальною программою партіи является та, о которой я говорю въ текстѣ.

*) Christlich Social, стр. 5.

**) Bericht, стр. 20.

зетныхъ статьяхъ. И представители германско-соціальной партіи въ рейхстагѣ, съ своего перваго появленія въ немъ 1890 г. и до настоящаго момента, ничѣмъ не отличались въ этомъ отношеніи отъ своихъ консервативныхъ друзей: вмѣстѣ съ ними они рѣшительно противились торговымъ договорамъ съ Россіей и др. государствами, вмѣстѣ съ ними травили канцлера Каприви за его либерализмъ; вмѣстѣ съ ними отстаивали предложеніе Каница о государственной монополіи хлѣбной торговли; вмѣстѣ съ ними ратовали за биметализмъ.

По финансовому вопросу партія (кромѣ требованія сокращенія поземельныхъ налоговъ) беретъ у штеккеровской программы требованіе подоходнаго налога, но откровеннѣе подчеркиваетъ его характеръ. Она требуетъ: «прогрессивнаго подоходнаго налога и такого же налога на наслѣдства на началѣ самооцѣнки» — другими словами, съ предоставленіемъ каждому плательщику права и возможности отказаться отъ уплаты большей его части, если только онъ готовъ принести ложную присягу.

По рабочему вопросу германско-соціальная партія цѣликомъ включила въ свою программу всѣ требованія Штеккера, сдѣлавъ даже ихъ нѣсколько болѣе опредѣленными (воскресный отдыхъ не менѣе 36 часовъ).

Рядомъ съ рабочими вниманіе германско-соціальной партіи привлекли ремесленники, для покровительства которымъ программа требуетъ нѣсколькихъ мѣръ (ограниченіе свободы промысла, законодательное введеніе экзамена для удостовѣренія права заниматься имъ, ограниченіе конкурренціи со стороны тюремной работы и т. п.), разработанныхъ нѣсколько основательнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ программѣ консервативной, довольствующейся нѣсколькими неясными намеками.

Существеннѣе то отличіе отъ консерваторовъ, что партія посвящаетъ въ своей программѣ особый пунктъ вопросу объ улучшеніи быта мелкихъ чиновниковъ, требуя увеличенія жалованья, обязательнаго воскреснаго отдыха и т. д.

Но всѣ эти требованія — въ пользу рабочихъ, ремесленниковъ, чиновниковъ, выражены въ программѣ далеко не съ тою ясностью и опредѣленностью, какъ требованія, предъявляемыя въ интересахъ землевладѣльцевъ; не трудно видѣть, что центръ тяжести лежитъ для партіи именно въ послѣднихъ, а первые являются чѣмъ-то добавочнымъ.

Что касается еврейскаго вопроса, то онъ разработанъ въ программѣ поразительно недостаточно для партіи, выставляющей антисемитизмъ на своемъ знамени, хотя все же полнѣе, чѣмъ это было сдѣлано Штеккеромъ. Въ п. 5, трактующемъ о школѣ и требующемъ «сохраненія христіанскаго, національнаго и практическаго воспитанія молодежи», выражено желаніе объ удаленіи еврейскаго элемента изъ нѣмецкихъ школъ. П. 19, спеціально посвященный

еврейскому вопросу, требуетъ «уничтоженія эмансипаціи евреевъ, подведенія живущихъ въ Германіи евреевъ подъ особое право чужеземцевъ (еврейское право) и запрещенія иммиграціи иностранныхъ евреевъ». Вотъ и все. Въ программѣ мы не находимъ разъясненія, въ какихъ правахъ должны быть ограничены евреи и въ чемъ должно состоять еврейское право *).

Такимъ образомъ классовой характеръ германско-соціальной партіи выступаетъ изъ ея программы даже съ большей ясностью, чѣмъ классовой характеръ партіи консервативной изъ ея программы. Очевидно, что германско-соціальная партія представляетъ интересы землевладѣнія и отличается отъ партіи консервативной и Штеккеровской въ томъ числѣ только большей рѣшительностью и смѣлостью требованій, съ одной стороны, и съ другой, настойчивѣе проведеннымъ желаніемъ привлечь на сторону землевладѣнія новыхъ союзниковъ изъ тѣхъ группъ населенія, интересы которыхъ, худо-ли, хорошо ли, но могутъ быть примирены до извѣстной степени съ интересами землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи германско-соціальная партія представляетъ изъ себя только, какъ мы уже видѣли, дальнѣйшее развитіе христіанско-соціальной партіи Штеккера. Послѣдняя попыталась привлечь къ себѣ рабочихъ, первая, не обезкураженная ея неудачей, идетъ по тому же пути и дѣлаетъ новую, правда робкую, попытку привлечь къ себѣ ремесленниковъ, мелкихъ промышленниковъ и чиновниковъ. Наконецъ, послѣднее принципіальное отличіе германско-соціальной партіи и отъ консерваторовъ вообще, и отъ христіанскихъ соціалистовъ въ частности, состоитъ въ томъ, что антисемитизмъ изъ простого агитаціоннаго пріема обратился у нея въ нѣчто до нѣкоторой, хотя и до весьма недостаточной степени, положительное.

Духовная близость съ консерваторами не мѣшаетъ германско-соціальной партіи,—и этимъ она тоже отличается отъ послѣдователей Штеккера,—быть совершенно самостоятельной и независимой отъ нихъ, хотя и союзной партіей: она ведетъ избирательную борьбу за свой счетъ, охотно и смѣло выставляя собственныхъ кандидатовъ противъ кандидатовъ консервативной партіи, хотя при случаѣ не отказывается отъ частныхъ компромиссовъ съ нею (въ особенности ихъ было много заключено въ 1893 г.). Въ рейхстагѣ она тоже организуется вполнѣ самостоятельно.

Другая антисемитическая партія сохранила до 1896 г. кличку «партіи реформы» (Reformpartei), хотя ея вождь Беккель (въ 1896 г. вышедшій изъ ея состава вслѣдствіе ея попытки привлечь къ себѣ германско-соціальную партію) давно уже и настойчиво требуетъ

*) Отмѣтимъ здѣсь еще одинъ любопытный пунктъ. Партія требуетъ отмѣны обязательнаго оспопрививанія. Пунктъ этотъ встрѣтилъ на партійномъ конгрессѣ сильное противодѣйствіе, но послѣ оживленныхъ дебатовъ былъ принятъ не особенно значительнымъ большинствомъ голосовъ. См. Bericht, стр. 20—23.

переименованія ея въ «Антисемитическую Народную Партію» (Antisemitische Volkspartei); въ рѣчахъ и статьяхъ члены ея охотно называютъ себя «антисемитами—демократами» или «радикальными антисемитами». Всего охотнѣе этими послѣдними кличками пользуется бывшій ректоръ (старшій учитель) одной берлинской школы Германъ Альвардтъ, формально не принадлежащій ни къ германско-соціальной партіи, ни къ партіи реформы, но тѣмъ не менѣе занимающій видное мѣсто въ исторіи антисемитизма въ Германіи. Онъ выступилъ на политическую арену въ началѣ 1890-хъ годовъ рядомъ брошюръ, крайне рѣзкихъ по тону, направленныхъ противъ евреевъ. Брошюра «Judenflinten» (1892), въ которой онъ обвинялъ оружейную фабрику еврея Леве въ поставкѣ въ армію негодныхъ ружей, вызвала противъ него процессъ. Противъ Альвардта вооружился не только Леве, но и все правительство, сильно задѣтое обвиненіемъ. Противъ такихъ противниковъ, богато вооруженныхъ точными и провѣренными фактами, Альвардтъ оказался совершенно безоружнымъ: ни документовъ, ни свидѣтелей, ни даже сколько нибудь обоснованныхъ подозрѣній у него не было, и онъ былъ приговоренъ (9 декабря 1892 г.) къ 5 мѣсяцамъ тюрьмы за клевету. Процессъ этотъ, хотя онъ былъ не первый, не помѣшалъ его избранію депутатомъ на дополнительныхъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ округѣ Арнсвальде (въ Бранденбургѣ, бецирк Франкфуртъ) за нѣсколько дней до приговора (24 ноября 1892 г.), но онъ помѣшалъ Альвардту вступить въ составъ какой бы то ни было парламентской партіи: ни одна изъ нихъ, даже не отличающаяся щепетильностью партія реформы, не рѣшилась принять въ свою среду завѣдомаго клеветника, который къ тому же не пожелалъ прекратить своей дѣятельности въ томъ же направленіи и продолжалъ свои клеветническія вылазки не только противъ евреевъ, но и нѣмцевъ. Такимъ образомъ, Альвардтъ остался въ рейхстагѣ одинокимъ, «дикимъ», какъ тамъ называютъ депутатовъ, не принадлежащихъ къ составу какой либо партіи. Тѣмъ не менѣе, по своимъ воззрѣніямъ, Альвардтъ и душою, и тѣломъ принадлежитъ къ партіи реформы, и въ выставленной имъ программѣ, въ его рѣчахъ, въ его голосованіяхъ по разнымъ вопросамъ, поднятымъ въ рейхстагѣ, нельзя отыскать ни одного имѣющаго принципіальное значеніе пункта (кромѣ вопроса объ усиленіи арміи, о которомъ будетъ рѣчь ниже), позволяющаго провести демаркаціонную линію между демократическимъ антисемитизмомъ Альвардта и «антисемитическимъ демократизмомъ» Беккеля или реформаторскими стремленіями руководимой имъ партіи. Отличіе между ними лишь сводится главнымъ образомъ къ способу выраженій, такъ какъ у Альвардта въ германскомъ рейхстагѣ нѣтъ соперниковъ въ томъ, что касается рѣзкости тона и энергіи нападеній *).

*) Краткое изложеніе исторіи Альвардта см. въ Wilh. Müller's Po-

Собственная программа партіи реформы *), выработанная въ 1890 г. на Эрфуртскомъ конгрессѣ, къ сожалѣнію, не отличается редакціонными достоинствами программы германско-соціальной партіи, но и она даетъ возможность, особенно при помощи литературныхъ и ораторскихъ произведеній партіи, къ которымъ можно причислять и рѣчи Альвардта, освѣтить ея классовой характеръ. Въ политическомъ отношеніи она столь же твердо заявляетъ о своей вѣрности императору и имперіи, мѣстной династіи и родинѣ, какъ и партія германско-соціальная, но въ противоположность послѣдней настаиваетъ на сохраненіи всеобщаго прямого и тайнаго голосованія и даже на распространеніи его на выборы въ ландтаги отдѣльныхъ государствъ. Не отказываясь отъ защиты землевладѣнія законодательными мѣрами, она отодвигаетъ ее на задній планъ, довольствуясь нѣсколькими неопредѣленными фразами. Она сохраняетъ Штеккеровскія требованія въ области фабричнаго законодательства; въ сферѣ финансоваго законодательства она принимаетъ требованія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства, но идетъ далѣе христіанскихъ и германскихъ соціалистовъ, требуя «принятія подходящихъ мѣръ противъ ложныхъ декларацій о размѣрахъ дохода и состоянія», доказывая такимъ образомъ, что подоходный налогъ изъ простого агитаціоннаго пріема обратился для нея въ серьезное практическое требованіе. Но всего лучше въ программѣ разработаны мѣры для поднятія ремесла и мелкой промышленности. Тутъ требуется и устраненіе неограниченной свободы ремесла, и развитіе ремесленныхъ огранизацій путемъ законодательныхъ мѣръ, и реформа всего торговаго законодательства.

Въ области еврейскаго вопроса партія пошла въ своей программѣ не дальше германско-соціальной, ограничившись требованіемъ національнаго воспитанія молодежи и запрещенія евреямъ доступа въ законодательныя палаты.

Въ избирательномъ манифестѣ **), выпущенномъ передъ выборами 1893 г., слѣд. тоже въ оффиціальномъ произведеніи партіи, говорится, между проч.: «граждане! Антисемитическая народная партія (sic) прежде всего борется противъ развращающаго вліянія крупнаго капитала и стремится обезпечить производительнымъ классамъ вознагражденіе, приличествующее честному труду». «Сила на-

---

litische Geschichte der Gegenwort, J. 1892, стр. 168 и сл., J. 1893, стр. 32, 49, 136, а также въ много разъ цитированномъ Fritsch's Antisemiten Katechismus, стр. 341—344 Подробнѣе о дѣлѣ о еврейскихъ ружьяхъ см. брошюры самого Ahlwardt: „Judenflinten", „Meine Verhaftung", „Judenflinten-Rede" (Berlin, 1892), а также: „Judenflinten — Prozess. Sonderabdruk d. stenographisch. Berichts d. Neuen Deutsch. Zeitung" и R. Plack Podgorski. „Ahlwardt vor Gericht. Eine kritische Beleuchtung d. Judenflinten—Prozesses". Berl. 1892 (крайне страстно въ пользу Альвардта).

*) См. у Брауна.

**) Браунъ, стр. 28.

шего народа лежитъ въ среднихъ его слояхъ, въ столпахъ государства, живущихъ здоровою жизнью ,не предаваясь излишнимъ жизненнымъ наслажденіямъ, говорилъ передъ выборами ректоръ Альвардтъ. Здоровое, могучее среднее сословіе можетъ сдѣлать безвредной ту нравственную развращенность, которая связана съ богатствомъ, и смягчить бѣдствіе, связанное съ бѣдностью. Вы (избиратели) совершаете великое патріотическое дѣло, стремясь къ возвышенію средняго класса. Вы окажете великую услугу нашему отечеству, если вы достигнете этой цѣли» *). Въ послѣднее время средніе классы нѣмецкаго народа пережили много испытаній. Въ средніе вѣка они группировалась въ цехи, гарантировавшіе ихъ отъ гибели въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями. Въ настоящую минуту цехи уничтожены; ихъ нужно возстановить **).

Тоже самое говоритъ Беккель и др. Такимъ образомъ, партія реформы вмѣстѣ съ радикальнымъ антисемитомъ Альвардтомъ есть партія среднихъ слоевъ германскаго народа: ремесленниковъ, мелкихъ промышленниковъ, приказчиковъ, мелкихъ торговцевъ и т. д., страдающихъ отъ конкурренціи крупнаго капитала. Мы видѣли уже, что въ избирательномъ манифестѣ эта партія рѣшительно заявила о своей враждѣ къ крупному капиталу; въ своихъ рѣчахъ она дѣлаетъ это съ еще большей энергіей, Альвардтъ же, не ограничиваясь борьбой съ капиталомъ, прибавляетъ: «будемъ бороться съ іудействомъ, если не съ правительствомъ, то безъ него *или даже противъ него*»—и этотъ пароль вызываетъ восторженное одобреніе многотысячной толпы, также какъ призывъ бороться одинаково какъ съ жидомъ ростовщикомъ, такъ и юнкеромъ эксплуататоромъ ***).

Вполнѣ понятно, что консерваторы, желающіе жить въ мирѣ, какъ съ капиталомъ, такъ и съ правительствомъ, приходятъ въ ужасъ отъ неумѣренныхъ возгласовъ родного своего дѣтища, антисемитизма. «Съ германско-соціальнымъ направленіемъ антисемитизма, говорятъ авторы Konservatives Handbuch, оффиціальнаго произведенія двухъ консервативныхъ партій (собственно консервативной и имперской), какъ оно представлено въ рейхстагѣ депутатомъ Либерманомъ фонъ-Зонненбергомъ,—консервативная партія имѣетъ много точекъ соприкосновенія какъ въ цѣляхъ, такъ и въ средствахъ. Менѣе вѣрно это относительно партіи реформы (антисемитической народной партіи) и ея хвоста: здѣсь рѣчь идетъ уже не

---

*) H. Ahlwardt, Des deutschen Volkes Rettung aus jüdischer Knechtschaft. Berlin, G. Köppner's Buchhandlung. Безъ обозначенія года, стр. 3

**) Тамъ же стр. 4. О средневѣковыхъ цехахъ, какъ объ образцѣ для нашего времени, говоритъ,впрочемъ,и Либерманъ, глава германо-соціальной партіи (Bericht, стр. 9), но для него они не имѣютъ такого значенія.

***) W. Müller, J. 1893, стр. 32, 136—138. Что Альвардтъ въ этомъ отношеніи не представляетъ чего либо исключительнаго, доказывается тѣмъ, что подобныя же выходки, отличающіяся только по тону, дѣлалъ и Вернеръ, полноправный членъ партіи реформы. Ibid.

о борьбѣ съ вреднымъ вліяніемъ еврейства, но о борьбѣ съ испытанными учрежденіями отечества, со всѣми правящими его сословіями, чѣмъ дѣло антисемитизма совершенно дискредитируется». Еще рѣзче выражаются отдѣльные члены консервативной партіи. Христіанско-соціальное крыло консервативной партіи въ своемъ избирательномъ манифестѣ 1893 г. говоритъ: «съ антисемитами Беккелевскаго оттѣнка мы не можемъ идти вмѣстѣ, такъ какъ они идутъ по ложной дорогѣ... Это направленіе позоритъ Бога ветхаго завѣта и подрываетъ христіанскую церковь. Мы же призываемъ къ дѣйствительной работѣ христіански и консервативно настроенныхъ избирателей, готовыхъ вмѣстѣ съ нами вести борьбу съ іудействомъ на соціальной почвѣ» *). Въ такомъ же тонѣ выражался въ 1892 г. на частномъ консервативномъ конгрессѣ въ Дрезденѣ вождь саксонскихъ консерваторовъ, баронъ Фризенъ: «консервативная партія постоянно была антисемитической партіей и всегда останется ею, но въ спеціально антисемитическихъ партіяхъ выступаютъ элементы съ сомнительнымъ прошлымъ, безъ достаточной духовной зрѣлости и историческаго образованія. Для одного антисемитизмъ оказывается спортомъ, для другаго гешефтомъ и даже тамъ, гдѣ на лицо имѣется убѣжденіе, агитація ведется такъ односторонне и грубо, что сколько нибудь тонко чувствующій христіанинъ долженъ отъ нея отвращаться. Этого рода борьба съ іудействомъ беретъ свое оружіе изъ арсенала соціалъ-демократіи»; въ виду этого баронъ Фризенъ надѣется, что искренніе антисемиты примкнутъ къ консервативной партіи. «На ней же лежитъ обязанность открыто заявить антисемитамъ аферы и скандала (Geschäfts- u. Radau- Antisemitismus), что для нихъ у нея нѣтъ мѣста» **).

Итакъ, мы видимъ, что когда христіанскій соціализмъ, воспользовавшись жившимъ въ народѣ настроеніемъ, началъ проповѣдь національной вражды въ видахъ привлеченія къ консерватизму новыхъ сторонниковъ, то проповѣдь принесла свои плоды: антисемитизмъ дѣйствительно пріобрѣлъ адептовъ, но они не смогли сплотиться вокругъ консервативнаго знамени, и Штекеръ не смогъ уже оказаться властелиномъ выпущеннаго имъ потока. Людей, до тѣхъ поръ политически индифферентныхъ, его проповѣдь заставила серьезно задуматься надъ своимъ положеніемъ; они начали посѣщать избирательныя собранія и принимать участіе въ происходящихъ тамъ дебатахъ. Естественно, что очень скоро отвѣты на всѣ жизненные вопросы, даваемые христіанскимъ соціализмомъ, должны были показаться имъ слишкомъ простыми, и они начали дѣлать выводы, идущіе гораздо далѣе намѣченной цѣли.—«Хорошо, въ нашемъ печальномъ положеніи виноваты евреи;

*) Konservatives Handbuch, 2. A. Berlin, 1894, стр. 14. Braun, стр. 9.
**) E. Richter A. B. C.—Buch, 7. A. стр. 12. Въ 8 изд. той же книги этой цитаты нѣтъ.

съ ними нужна борьба; но гдѣ же средства? Почему вреденъ еврей? потому что онъ ростовщикъ. Но вѣдь ростовщиками бываютъ и христіане; слѣдовательно, нужна борьба съ евреями не какъ съ евреями, а какъ со скупщиками, съ ростовщиками, вообще какъ съ капиталистами; и мишенью для нашихъ ударовъ должны служить также ростовщики изъ христіанъ; другими словами, нужна борьба съ ростовщичествомъ, съ капитализмомъ вообще. Намъ должно помочь правительство»... Воспитанные въ страхѣ Божіемъ, почтеніи къ начальству и преданности обще-германскому отечеству, эти люди не могли, конечно, сразу перейти въ лагерь соціалъ—демократовъ, но они уже не далеки отъ мысли: а если правительство откажетъ въ своей помощи, тогда что? Тогда... тогда и безъ него справимся съ врагами, а то такъ и противъ него. Таковъ повидимому былъ ходъ мысли у значительныхъ слоевъ народа, послѣ того какъ Штеккеръ обратилъ ихъ вниманіе на то, что ихъ положеніе печально, и объяснилъ имъ, что они могутъ вести политическую борьбу за его улучшеніе. По мѣрѣ того, какъ пропаганда захватывала болѣе широкіе и разнообразные круги, по мѣрѣ того антисемитическое настроеніе выливалось въ разныя формы,—а имъ соотвѣтствовала организація разныхъ антисемитическихъ партій съ ихъ измѣняющимися программами; по мѣрѣ того ихъ объединеніе и примиреніе дѣлалось все менѣе мыслимымъ.

Что касается грубости и односторонности агитаціи антисемитовъ, то Фризенъ совершенно правъ, точно также, какъ правъ Штеккеръ, жалуясь на антисемитовъ за подрываніе христіанской религіи. Не правы они только тогда, когда приписываютъ эти черты исключительно антисемитамъ Беккелевскаго оттѣнка. Мы уже видѣли, что антисемитизмъ Штеккера имѣлъ исключительно агитаціонный характеръ, кромѣ того по своему тону онъ отличался вполнѣ приличнымъ характеромъ. Къ тому же Штеккеръ, какъ человѣкъ съ несомнѣнно широкимъ умомъ и недюжиннымъ образованіемъ *), не могъ въ этомъ направленіи заходить такъ далеко, какъ это дѣлали шедшіе по его стопамъ антисемиты. Стремясь сколько возможно болѣе дискредитировать евреевъ въ обществен-

*) Объ образованіи Штеккера свидѣтельствуетъ весь толстый томъ его рѣчей, но нельзя не отмѣтить, что оно весьма одностороннее и неполно. Такъ онъ можетъ говорить подобныя вещи: «Я три года провелъ въ Россіи и знаю, что тамъ, по крайней мѣрѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, существуетъ нѣчто въ родѣ коммунизма. Каждые 15 лѣтъ земля въ деревняхъ дѣлится между всѣми мужскими членами общины; такимъ образомъ, земля черезъ каждые 15 лѣтъ мѣняетъ своихъ владѣльцевъ». См. Adolf Stöcker, Christlich Social, 2. A. Berlin, 1890, стр. 15. Не зачѣмъ было ѣздить въ Россію, чтобы получить болѣе точныя свѣдѣнія объ русской общинѣ, такъ какъ въ нѣмецкой литературѣ существуютъ весьма обстоятельныя изслѣдованія по этому предмету. Нѣсколько грубыхъ промаховъ Штеккера въ области политической экономіи отмѣчено въ книгѣ Walcker, Kritik der deutschen Parteien, Leipzig, 1887, стр. 35.

номъ мнѣніи, они не довольствуются ни обычными житейскими наблюденіями, анекдотами или даже статистикой современной Германіи и Европы; они охотно дѣлаютъ экскурсіи въ исторію древности и доказываютъ, что даже въ Египтѣ и Палестинѣ евреи были тѣми же эксплоататорами и паразитами, какъ и нынѣ. Вотъ что говоритъ, напр., одинъ изъ видныхъ представителей германско-соціальной партіи, Теодоръ Фритчъ, въ своемъ Антисемитическомъ Катехизисѣ, весьма популярномъ среди сторонниковъ его партіи: «Въ тѣ времена черезъ Ханаанъ въ теченіе многихъ столѣтій проходили различныя чужеземныя народности... За 300 лѣтъ до Р. Х. было послано изъ Галліи въ Малую Азію войско, долженствовавшее образовать прочный защитный валъ противъ надвигающихся съ востока народовъ... По ихъ имени конечно (!) получила свое названіе провинція Галлилея *)»... Не зачѣмъ быть придворнымъ проповѣдникомъ и докторомъ богословія, чтобы по достоинству оцѣнить научную цѣнность подобнаго разсужденія. Во всякомъ случаѣ оно во всѣхъ отношеніяхъ очень далеко отстоитъ отъ такого, напр., заявленія пастора Штеккера: «мы никого не ненавидимъ; мы не ненавидимъ также и евреевъ; напротивъ, мы уважаемъ въ нихъ нашихъ согражданъ и любимъ въ нихъ народъ пророковъ и апостоловъ, изъ котораго произошелъ нашъ Спаситель, но это не должно намъ препятствовать отмѣтить ту опасность, которая происходитъ отъ этого народа, когда еврейскіе листки нападаютъ на нашу религію, а еврейское служеніе мамону развращаетъ нашъ народъ» **).

Отъ этого очень далеко также такое заявленіе Фритча въ его катехизисѣ: «Вопросъ. Развѣ евреи не такіе же люди, какъ мы? Отвѣтъ. Люди они—безъ сомнѣнія, но такіе же какъ мы—нѣтъ. Не то важно, что евреи держатся иной религіи, а то важно, что они принадлежатъ къ совершенно другому виду людей, къ совершенно особенной расѣ, отличающейся отъ насъ по физическимъ и духовнымъ чертамъ, по характеру, міровоззрѣнію, обычаямъ и нравственнымъ понятіямъ» ***). Въ сравненіи съ этимъ выходка такого рода не представляетъ ничего поразительнаго: «Вопросъ. Развѣ Спиноза, Мендельсонъ, Гейне не совершили великаго? Отвѣтъ. Слава этихъ еврейскихъ величинъ во всякомъ случаѣ чрезмѣрно раздута еврейской рекламой. Если бы они не существовали, то нѣмецкая наука и искусство не потеряли бы ничего существеннаго». На вопросъ о Лессингѣ, проповѣдующемъ въ Натанѣ Мудромъ терпимость и уваженіе къ евреямъ, авторъ катехизиса отвѣчаетъ, что Натанъ Мудрый никогда не существовалъ, что это тенденціозное произведеніе фантазіи Лессинга, и прибавляетъ: «Я не хочу настаивать на томъ, что Лес-

*) Antisemiten Katechismus, 167—168.
**) Stöcker, Christlich Social, стр. 360.
***) Стр. 18.

сингъ въ денежномъ отношеніи сильно зависѣлъ отъ евреевъ и что его произведеніе было написано по заказу, точно также какъ на предположеніи Дюринга, доказывающаго, что Лессингъ былъ самъ еврейскаго происхожденія» *). Совершенно въ иномъ родѣ выражается тотъ же Штеккеръ, который по поводу Натана Мудраго говоритъ: «И великіе люди совершаютъ иногда ошибки. Мы охотно прощаемъ Лессингу это враждебное церкви произведеніе за его заслуги. Онъ защищалъ духъ истинной ортодоксіи и христіанской свободы противъ невѣжества и мертваго педантизма; онъ углублялъ нѣмецкій духъ, а не опошлялъ его, какъ это дѣлаетъ еврейство» **). Въ числѣ прочихъ винъ евреевъ, на ряду съ большимъ процентомъ преступности среди нихъ, на ряду съ ихъ готовностью уклоняться отъ воинской службы, антисемиты охотно ставятъ имъ на счетъ ихъ стремленіе къ образованію и упрекаютъ ихъ въ томъ, что они даютъ въ десять разъ большій процентъ гимназистовъ, студентовъ, а также докторовъ, адвокатовъ и профессоровъ, чѣмъ послѣдователи другихъ вѣроисповѣданій; въ этомъ отношеніи Штеккеръ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, отличаясь даже отъ многихъ консерваторовъ своимъ признаніемъ, что стремленіе евреевъ къ образованію «есть безъ сомнѣнія прекрасная черта; меня часто, говорилъ онъ, глубоко трогало, когда я видѣлъ, какъ бѣдный еврей отдаетъ послѣднее, чтобы доставить дѣтямъ хорошее образованіе» ***).

Совершенно въ томъ же тонѣ, какъ представители германско-соціальной партіи, выражаются и радикальные антисемиты. Такъ Альвардтъ даже въ парламентѣ позволилъ себѣ назвать евреевъ «не людьми, а хищными звѣрями, холерными бациллами и не желаю-

---

*) Стр. 26—29.

**) Стр. 390.

***) Stöcker. Christ. Soc., стр. 367. Сопоставленіе преступности, уклоненія отъ солдатчины со стремленіемъ къ образованію см. въ Konservatives Handbuch, стр. 15—16, Antisem. Katech. ст. подъ заглавіемъ: «Juden Statistik». Стр. 233—301. Нужно замѣтить, что Фритчъ пользуется цифрами весьма произвольно. Такъ на стр. 238—239 онъ, стремясь доказать, что евреи размножаются въ Германіи съ большею быстротой, чѣмъ нѣмцы, приводитъ цифры изъ статистики населенія въ Германіи, изъ которыхъ лишь немногія вѣрны. Въ дѣйствительности евреи въ Германіи размножаются значительно медленнѣе, чѣмъ остальное населеніе. Вотъ дѣйствительныя цифры:

	Общее насел. Герм.	Еврейское насел. Германіи.	Что составляетъ.
1871	41 милл.	512,000 (а не 448 (какъ утверж.	1,25% всего насел.
1880	45 милл.	561,000 (а не 572 (Фритчъ.	1,24% » »
1890	49 милл.	567,000 » »	1,15% » »

Цифры эти читатель можетъ найти въ оффиціальномъ Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich, въ Meyer's Conversations Lexicon (подъ словомъ Deutschland, IV B.) и въ другихъ мѣстахъ. Оцѣнку соображеній антисемитовъ о преступности среди евреевъ см. у Bebel, Antisemitismus u. Socialdemokratie, Berlin, 1894, стр. 30 и сл.

щей работать сволочью» *), чѣмъ вызвалъ замѣчаніе со стороны президента. Въ брошюрахъ и рѣчахъ на народныхъ собраніяхъ ни его, ни кого другого изъ его товарищей по оружію никакой предсѣдатель не призываетъ къ порядку, и потому понятно, что выраженія отличаются еще большею хлесткостью. Врядъ ли есть нужда приводить образцы.

Конечно, трудно сказать, чтобы подобные пріемы агитаціи были взяты антисемитизмомъ изъ арсенала соціалъ-демократіи, такъ какъ при всей грубой рѣзкости и прямотѣ выраженій, усвоенной этой партіей, она особенно гордится строго научнымъ характеромъ своего міросозерцанія; вмѣсто догадокъ о семитическомъ происхожденіи Лессинга, она предпочитаетъ вести агитацію посредствомъ научныхъ изслѣдованій въ области политической экономіи и исторіи. Но за то съ большимъ правомъ баронъ Фризенъ могъ бы сказать, что единъ пріемъ не политической, а чисто экономической агитаціи антисемитизмъ заимствовалъ изъ арсенала соціалъ-демократіи, конечно, видоизмѣнивъ его соотвѣтственнымъ образомъ. Соціалъ-демократы не рѣдко прибѣгаютъ къ бойкоттированію пивного завода, трактира или какого либо магазина за отказъ давать помѣщеніе для соціалъ-демократическихъ собраній, за особенно низкую заработную плату рабочимъ или за что либо другое. Среди антисемитовъ давно уже ведется агитація съ цѣлью вызвать бойкоттированіе всей еврейской торговли, ведется, разумѣется, всего энергичнѣе нѣмецкими торговцами. «Не покупайте ничего у евреевъ!»— таковъ девизъ борьбы. Берлинскій фабрикантъ штемпелей, Т. Кейзеръ, предлагаетъ даже особыя, очень изящно сдѣланныя, синенькія облатки — за 30 пфениговъ 100 штукъ, «снабженныя на оборотной сторонѣ—такъ гласитъ его объявленіе—лучшимъ гуммиарабикомъ, чтобы ихъ можно было повсюду легко наклеивать», съ рельефной надписью: «Kauft nicht bei Juden!», а также съ различными другими надписями, по большей части въ формѣ двухстишія «гдѣ собрались евреи, тамъ собрались воры», «кто заплатитъ еврею половину того, что онъ спроситъ, тотъ уже обманутъ» и т. д. И подобныя облатки дѣйствительно замѣняютъ во многихъ антисемитическихъ домахъ стѣнныя дощечки съ душеспасительными цитатами изъ Евангелія и Библіи. Изъ политическихъ дѣятелей антисемитизма Альвардтъ особенно страстно проповѣдуетъ тотъ же пріемъ борьбы: «Будемъ считать потеряннымъ каждый день нашей жизни, когда намъ не удалось обратить кого либо къ антисемитизму! Будемъ постоянно думать объ этой обязанности: за кружкой пива, въ вагонѣ желѣзной дороги, въ мастерской! Кто хочетъ поддержать нѣмецкую торговлю, *стѣсняемую грязной еврейской конкурренціей*, тотъ пусть ничего не покупаетъ у евреевъ! Будемъ помогать прежде всего нѣмецкому ремесленнику! *Если мы будемъ*

*) W. Müller, Pol. Gesch. 1895, стр. 123.

получать товары у нѣмцевъ не дешевле, чѣмъ у евреевъ, то по крайней мѣрѣ лучше. Будемъ устранять еврейскую прессу!» *).

Характеръ и пріемы агитаціи свидѣтельствуютъ о томъ, что къ антисемитизму примыкаютъ не лучшіе элементы народа, а преимущественно тѣ, среди кого могутъ имѣть успѣхъ эпитеты въ родѣ «холерныя бациллы и не желающая работать сволочь», кому соображеніе, что слава Спинозы раздута еврейской рекламой, можетъ казаться плодомъ глубокихъ научныхъ изысканій; и какъ это всегда бываетъ, парламентскіе и литературные представители группъ населенія, политически совершенно незрѣлыхъ, сами отличаются отсутствіемъ всякой умственной и духовной дисциплины. Это не значитъ, конечно, чтобы всѣ антисемитическіе депутаты въ нравственномъ отношеніи стояли на одномъ уровнѣ съ завѣдомымъ клеветникомъ Альвардтомъ, чтобы у нихъ отсутствовало горячее и искреннее убѣжденіе. Но что касается уровня образованія, политической талантливости, ораторскаго искусства, — то всѣ антисемиты стоятъ приблизительно на одинаковой, и при томъ крайне не высокой ступени. Альвардтъ и въ этомъ отношеніи стоитъ пожалуй ниже всѣхъ; онъ даже не обладаетъ тѣми внѣшними пріемами плавной рѣчи, которые при свободѣ политической дѣятельности вырабатываются у самыхъ заурядныхъ политиковъ. Но и отставной офицеръ Либерманъ фонъ-Зонненбергъ, и содержатель типографіи, правда, д-ръ правъ, Беккель, стоятъ лишь немного выше его.

Политическая незрѣлость партіи съ особенной наглядностью сказалась въ іюлѣ 1893 г., въ первую парламентскую сессію послѣ выборовъ. На очереди стоялъ вопросъ объ усиленіи арміи, изъ за котораго былъ распущенъ рейхстагъ. По этому вопросу громадное большинство партій заранѣе связало себя (и не могло не сдѣлать этого) тѣми или иными опредѣленными обѣщаніями своимъ избирателямъ; такъ консерваторы не могли бы, конечно, вотировать противъ законопроекта, какъ лѣвое (Рихтеровское) крыло свободомыслящихъ не могло бы вотировать за него. Связаны были и антисемиты германско-соціальнаго оттѣнка. Въ своемъ избирательномъ манифестѣ они сдѣлали слѣд. заявленіе: «Рейхстагъ распущенъ такъ какъ онъ отказалъ правительству въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для защиты нашего отечества. Теперь нужно выбрать новый рейхстагъ, который, къ чести нѣмецкаго народа, былъ бы готовъ принести необходимыя матеріальныя жервы для охраненія мира, завоеваннаго кровью нашихъ отцовъ и братьевъ». Очевидно, что германско-соціальная партія, какъ партія строго консервативная, и не могла бы иначе отнестись къ вопросу. Альвардтъ, не связанный въ своихъ рѣшеніяхъ постановленіями какой бы то

*) Ahlwardt, Des Deutschen Volkes Rettung aus jüdischer Knechtschaft, Berlin, Köppner, стр. 13. Любопытное объявленіе Кайзера приложено къ антисемитическому катехизису.

ни было партіи, заявилъ себя, изъ соображеній патріотизма, тоже рѣшительнымъ сторонникомъ военнаго законопроекта *). Въ иномъ положеніи находилась партія реформы, представляющая интересы сравнительно бѣднаго люда. Въ своей программѣ она говоритъ по военному вопросу: «партія выступаетъ за сохраненіе національной военной силы, основывающейся на германскомъ принципѣ всеобщей воинской повинности, и готова приносить требуемыя жертвы, разъ онѣ необходимы для защиты нашего отечества». Это двусмысленное выраженіе очевидно допускаетъ различное толкованіе, но въ своемъ манифестѣ, изданномъ передъ выборами, партія дала такое: «антисемитическая народная партія (sic)—рѣшительная противница военнаго предложенія, ибо оно обозначаетъ дальнѣйшее увеличеніе тягостей, которыхъ средніе классы народа уже больше не въ силахъ выносить. Когда отечество дѣйствительно будетъ въ опасности, каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ, но длящемуся возвышенію податныхъ тяготъ, требуемыхъ военнымъ законопроектомъ, мы должны противопоставить наше рѣшительное нѣтъ» **) Казалось бы, что заявленіе не оставляетъ мѣста сомнѣнію; къ тому же въ распущенномъ рейхстагѣ Беккель со своими, тогда еще весьма немногочисленными товарищами, дѣйствительно вотировалъ противъ предложенія. Допустимъ, однако, что по какимъ либо соображеніямъ партія могла отказаться отъ своего обязательства. Въ такомъ случаѣ она должна была, по крайней мѣрѣ, съумѣть воспользоваться моментомъ. А моментъ былъ, дѣйствительно, благопріятный: сторонники и противники законопроекта распредѣлились въ рейхстагѣ почти поровну, и 5 или 6 человѣкъ могли перетянуть вѣсы въ ту или иную сторону. Антисемитовъ Беккелевскаго оттѣнка въ парламентѣ было 12 человѣкъ, слѣд., судьба правительства въ первый, и, вѣроятно, въ послѣдній, разъ въ исторіи Германіи находилась вполнѣ въ ихъ рукахъ. Надо было либо твердо провести свой взглядъ на законопроектъ, если таковой имѣется, какъ это и сдѣлали консерваторы, націоналъ-либералы, свободомыслящіе, соціалъ-демократы, германско-соціальная партія, либо, если вопросъ этотъ для партіи безразличенъ, получить отъ правительства за поддержку и спасеніе все, что только можно,—такъ поступила польская партія. Какъ же воспользовалась моментомъ партія Беккеля? «Наше отношеніе къ военному предложенію, говорилъ въ рейхстагѣ Беккель, зависитъ отъ источниковъ, изъ которыхъ будутъ покрыты расходы... Мы не хотимъ налога на пиво, не хотимъ ни государственнаго долга, ни роста матрикулярныхъ взносовъ; мы хотимъ налога на роскошь, подоходнаго налога, реформы судоустройства» и т. д. Очевидно, что если бы Беккель былъ дѣйствительно политическимъ человѣкомъ,

---

*) Ahlwardt vor seinen Wählern, Rede gehalten am 14. Mai 1893 in Woldenberg, (ни года, ни мѣста изданія не обозначено) стр. 3—7.

**) Braun 26—28.

то въ тотъ моментъ онъ съумѣлъ бы получить отъ правительства, если не все, то многое изъ того, чего онъ хотѣлъ. Каприви возразилъ, что для полнаго отвѣта Беккелю нужна была бы предварительная работа цѣлой канцеляріи, затѣмъ выразилъ полное сочувствіе къ мыслямъ оратора, что государственные долги—зло, «хотя и не могу сказать, перестанемъ ли мы ихъ дѣлать»; что матрикулярные взносы—зло, «хотя и тутъ трудно будетъ придти къ соглашенію о способѣ ихъ замѣщенія», что необходимо облагать богатыхъ, а не бѣдныхъ, и попросилъ довѣрія къ правительству. Хотя подобными заявленіями онъ не далъ ни одного, сколько нибудь опредѣленнаго обязательства, но Беккель вполнѣ удовлетворился ими и голосами своихъ 12 сторонниковъ спасъ правительство отъ страшнаго краха. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обнаружилось, что правительство не намѣрено идти на встрѣчу ни одному изъ ихъ требованій. Антисемиты были страшно раздражены и многократно, на всякіе лады, съ отличающею ихъ хлесткостью выраженій, заявляли, что правительство ихъ надуло, но это было совершенно не основательно *).

Такая же незрѣлость партіи сказывается также и въ томъ, что, именуя себя антисемитической, громко и на всѣ лады проповѣдуя противъ еврейства и его развращающаго вліянія, партія въ дѣйствительности оказывается весьма мало антисемитической: мы видѣли уже, что въ программахъ обѣихъ партій собственно антисемитическіе пункты занимаютъ чуть ли не послѣднее мѣсто. У обѣихъ партій, изъ которыхъ одна консервативная и землевладѣльческая, другая демократическая и мелко буржуазная, антисемитизмъ является какъ бы случайнымъ придаткомъ. Оно такъ и было въ исторіи этихъ партій: чувство расовой вражды временно сплотило разнородные элементы, но они тотчасъ же распались на разныя группы, какъ только инстинктивно почувствовали различіе своихъ классовыхъ интересовъ. Мы видѣли уже, что всѣ попытки объединенія оставались безрезультатными. Всѣ антисемиты и до нынѣ охотно взываютъ къ единенію; такъ Альвардтъ можетъ говорить, что «католики и протестанты, консерваторы и націоналъ-либералы, свободомыслящіе и соціалъ-демократы, всѣ вмѣстѣ должны идти противъ еврейства» **). Это платоническое желаніе Альвардта у германско-соціальной партіи, истинной наслѣдницы партіи христіанско-соціальной, естественно выражается искреннѣе и реальнѣе. «Мы ничего не желаемъ болѣе, какъ жить въ мирѣ со всѣми теченіями антисемитизма и работать всѣмъ сообща», говорилъ Либерманъ

*) Рѣчь Беккеля см. подробнѣе: «Русская Жизнь», 1894, № 4; отвѣтъ Каприви въ «Die Reden des Grafen Caprivi, herausg. v. R. Arndt, Berl. 1894, стр. 360». Исторія военнаго законопроекта см. W. Müller, Politische Gesch. d Gegenwart, 1893, 98—110.

**) Ahlwardt, Des Deutschen Volkes Rettung, 13.

фонъ-Зонненбергъ на лейпцигскомъ конгрессѣ *), и дѣйствительно нѣмецко-соціальная партія приглашаетъ на свои конгрессы Штеккера съ одной стороны, и Беккеля съ другой, но именно со Штеккеромъ то и не могъ ужиться Беккель и именно изъ за него вышелъ изъ состава Всеобщаго Антисемитическаго Союза, основаннаго въ Касселѣ въ 1886 г. **).

Но почему же партія землевладѣнія или мелкой буржуазіи вылилась именно въ форму антисемитизма? Отвѣтомъ на это является вся исторія партіи: антисемитизмъ естественно могъ послужить хорошимъ агитаціоннымъ средствомъ для консерваторовъ, такъ какъ расовая ненависть къ евреямъ, воспитанная тысячелѣтіями, имѣетъ глубокіе корни въ народной душѣ; изъ агитаціоннаго средства онъ столь же естественно долженъ былъ обратиться въ нѣчто болѣе серьезное и самостоятельное. Въ особенности легко должно укрѣпляться отрицательное отношеніе къ еврейству въ умахъ ремесленниковъ, мастеровыхъ, мелкихъ торговцевъ, которые страдаютъ какъ отъ конкурренціи со стороны крупнаго капитала, такъ и отъ конкурренціи въ своей собственной средѣ; имъ естественно кажется, что ихъ число слишкомъ велико, что его нужно сократить посредствомъ экзаменовъ и установленія цеховъ; но этого мало; число велико оттого, что доступъ къ ихъ профессіи открытъ всѣмъ и каждому. Кого же выбросить за бортъ? Здѣсь уже на сцену является національное чувство, и оно подсказываетъ отвѣтъ на экономическій вопросъ. Почти таково же положеніе антисемитизма въ крестьянской средѣ. «Продаетъ ли крестьянинъ свой картофель, свой хлѣбъ, свое вино, говоритъ Бебель, кто является по общему правилу покупщикомъ? За рѣдкимъ исключеніемъ еврей. Кто ссужаетъ ему капиталъ? покупаетъ у него и продаетъ ему скотину? Почти всегда еврей. На берлинскомъ рынкѣ почти всѣ торговцы скотомъ—евреи». Такимъ образомъ, естественная вражда производителя къ торговцу выливается въ форму антисемитизма ***). «Студентъ является антисемитомъ, прибавляетъ другой соціалистическій писатель, потому что еврейскій студентъ, по общему правилу, прилежнѣе своего нѣмецкаго товарища, который убиваетъ время въ кнейпахъ, за карточной игрой и на мензурахъ. Подобныя же причины вызываютъ недовольство конкурренціею врачей и адвокатовъ»—и это развиваетъ антисемитическое чувство ****).

---

*) Bericht, стр. 8.

**) Antisemiten Katechismus, стр. 333—334. Bericht über den deutsch-soc. Parteitag, 8. Новая попытка объединить двѣ партіи была сдѣлана въ Галле въ 1896 г., но то, что объединенная «Германско-Соціальная партія реформы» не можетъ быть прочной, доказывается тѣмъ, что изъ нея уже вышелъ самый даровитый и серьезный изъ антисемитовъ, д-ръ Беккель.

***) Bebel, Socialdemokratie und Antisemitismus, Berlin, 1894, стр. 14.

****) Die Thätigkeit des deutschen Reichstages von 1890—1893. Berlin, Verlag des Vorwärts, 1893. Бебель прибавляетъ къ этому остроумное замѣчаніе,

Но значенія того постояннаго общенія съ евреями на почвѣ торговли, о которомъ говоритъ Бебель, не слѣдуетъ преувеличивать.

Антисемитизмъ всего сильнѣе распространенъ въ Саксоніи *). Въ ней въ 1893 г. за антисемитическихъ кандидатовъ было подано 93,364 голоса изъ общаго числа поданныхъ голосовъ 592,435, т. е. 15,8%; а такъ какъ число антисемитовъ во всей Германіи равняется 3,4%, то, слѣдовательно, антисемитизмъ въ Саксоніи въ 4½ раза сильнѣе, чѣмъ во всей Германіи. Между тѣмъ евреи, по переписи 1890 г., составляютъ въ Саксоніи только 0,27%, т. е. въ 4½ раза менѣе, чѣмъ во всей Германіи (1,15%). Но этого мало— въ самой Саксоніи евреи распредѣлены чрезвычайно неравномѣрно; на востокѣ (въ Бауценѣ) ихъ почти вовсе нѣтъ (0,07%); а между тѣмъ именно Бауценъ является однимъ изъ главнѣйшихъ въ Германіи центровъ антисемитизма; число антисемитическихъ голосовъ, поданныхъ тамъ, достигаетъ почти 30%. Напротивъ, въ наиболѣе еврейскомъ районѣ, сѣверо-западѣ Саксоніи, гдѣ евреи составляютъ 0,52% населенія, антисемитизмъ сравнительно слабъ—11,43% **).

что чиновники потому охотно дѣлаются антисемитами, что подъ антисемитическимъ знаменемъ они могутъ вести оппозицію правительству, не рискуя своимъ положеніемъ: „по общему правилу чиновники могутъ посѣщать и ораторствовать только на консервативныхъ собраніяхъ, но такъ какъ на нихъ господствуетъ смертная скука, то чиновники, привыкшіе держать языкъ за зубами и молча повиноваться, испытываютъ особое наслажденіе, идя на антисемитическое собраніе, гдѣ всегда господствуетъ возбужденіе, гдѣ по временамъ случается скандалъ, и гдѣ можно ораторствовать сколько душѣ угодно, не выходя изъ предѣловъ благонамѣренности". Bebel, ibid., 17.

*) Точнѣе говоря, всего сильнѣе распространенъ антисемитизмъ въ княжествѣ Вальдекъ. Въ немъ въ 1893 г. изъ 8.112 гол. было подано 2109, т. е. 26%, за антисемитическаго кандидата; другими словами, цѣлая четверть населенія въ этомъ княжествѣ принадлежитъ къ антисемитической партіи. Между тѣмъ еврейское населеніе въ немъ составляетъ по переписи 1890 г. 1,32%, т. е. почти среднюю норму. Но я оставляю это княжество въ сторонѣ, такъ какъ по своему незначительному объему (57 тыс. жителей) оно допускаетъ возможность всякихъ случайныхъ уклоненій. Для избирательной статистики я пользуюсь оффиціальными изданіями: для 1887 и 1890 Monatshefte der Statistik des Deutschen Reichs, herausg. vom Kais. Statist. Amt. 1887, IV, 1890, IV, для 1893 отдѣльнымъ выпускомъ, изданнымъ тѣмъ же бюро подъ заглавіемъ: Statistik der Reichstagswahlen von 1893, bearbeitet im Kaiserl. Statist. Amt. Berlin (Puttkammer) 1893.

**) Къ этимъ цифрамъ нужно сдѣлать оговорку. Въ Саксоніи крупныя административныя единицы называются Kreishauptmannschaften, число ихъ равняется 4: Bautzen, Dresden, Leipzig, Zwickau. Къ сожалѣнію, границы избирательныхъ округовъ (число которыхъ во всей Саксоніи равняется 23) не вездѣ совпадаютъ съ границами Kreishauptmannschaften; такъ 10-й избирательный округъ Döbeln, большею своею частью лежащій въ Kreishauptm. Лейпцигѣ, небольшимъ кускомъ на западѣ вдается Kreish. Дрезденъ. Тѣмъ не менѣе ошибка будетъ совер-

Непосредственно вслѣдъ за Саксоніей стоитъ великое герцогство Гессенъ, гдѣ антисемиты въ 1893 г. составляли 15,7%. По числу евреевъ Гессенъ стоитъ выше средняго уровня, хотя и не столь значительно: они составляютъ въ немъ 2,57% населенія. Но если мы разсмотримъ Гессеенъ по провинціямъ, то мы найдемъ здѣсь тоже самое явленіе: наиболѣе еврейскій районъ, Рейнскій Гессенъ (2,92% евреевъ), является антисемитическимъ въ весьма слабой степени: антисемиты составляютъ въ немъ 1,3%, т. е. почти втрое менѣе, чѣмъ во всей Германіи; за то антисемитизмъ сильно распространенъ въ двухъ провинціяхъ съ сравнительно слабымъ еврейскимъ населеніемъ.

Теперь разсмотримъ государства Германіи и провинціи Пруссіи по убывающей густотѣ еврейскаго населенія. Первое мѣсто занимаетъ г. Берлинъ (въ административномъ отношеніи представляющій какъ бы особую провинцію).

	% евреевъ въ 1890 г.	% антисемитовъ въ 1893 г.
Берлинъ	5,02	3,79
Гамбургъ	2,87	7,64
Гессенъ-Нассау	2,68	12,63
Гессенъ	2,57	15,81

и т. д. Съ убылью количества евреевъ ростетъ количество антисемитовъ.

Приведенныя цифры даютъ, какъ кажется, достаточное право сдѣлать выводъ, что распростаненіе антисемитизма въ Германіи не находится въ какой нибудь замѣтной связи съ распространеніемъ въ ней евреевъ, и что, слѣдовательно, не каждодневныя личныя столкновенія съ евреями собираютъ нѣмецкое населеніе вокругъ антисемитическихъ знаменъ; причину этого явленія нужно искать глубже.

Чтобы лучше уяснить себѣ роль антисемитизма въ исторіи об-

шенно ничтожна, если мы слѣдующимъ образомъ разгруппируемъ избират. округа по Kreish.:

1— 3 (Zittau, Löbau, Bautzen-Kamenz)—Kreish. Bautzen.
4— 9 (въ томъ числѣ города Dresden, Meissen, Pirna, Freiberg)—Kreish, Dresden.
10—14 (» » » Leipzig)—Kreishaupt, Leipzig.
15—23 (» » » Chemnitz, Zwickau)—Kreish, Zwickau.

Еврейское населеніе и антисемитизмъ находятся тамъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

	% евреевъ 1890	Число антис. голосовъ. 1893	Число всѣхъ голосовъ. 1893	Антис. составляли %
Бауценъ	0,07	16.890	56.987	29,52
Дрезденъ	0,32	52.233	167.071	31,25
Лейпцигъ	0,52	16.223	141.779	11,43
Цвиккау	0,12	8.018	226.598	3,53
Итого Саксонія	0,27	93.364	592.435	15,76

щественной мысли Германіи, разсмотримъ тѣ данныя избирательной статистики, которыя покажутъ намъ отношеніе между его распространеніемъ и распространеніемъ другихъ политическихъ партій *).

Какъ уже было сказано, впервые антисемиты выступили на выборахъ въ рейхстагъ въ 1887 г., когда въ 5 округахъ Кассельскаго бецирка **) (провинціи Гессенъ-Нассау) они собрали 11,593 голоса. Голоса эти раздѣлились между Беккелемъ, (п. реформы) получившимъ въ 5-мъ округѣ (г. Марбургъ) 7 съ лишнимъ тысячъ голосовъ, Либерманомъ фонъ-Зонненбергомъ (герм.-соц. п.), получившимъ въ 3-мъ округѣ около 4 тысячъ голосовъ, и тремя кандидатами, получившими во 2, 6 и 8 округахъ отъ 70—180 голосовъ каждый. Такъ какъ въ Германіи было подано всего болѣе $7^1/_2$ мил. голосовъ, то, слѣдовательно, за антисемитовъ голосовало 0,15% всѣхъ избирателей Германіи.

Черезъ 3 года на ихъ сторонѣ оказалось 47,536 голосовъ, т. е. уже 0,66%. Эти голоса дѣлились между германско-соціальной партіей—25 тыс., изъ которыхъ весьма значительная часть приходилась на Саксонію, и партіей реформы—22 тыс. голосовъ, поданныхъ въ обоихъ Гессенахъ, Рейнландѣ и Вестфаліи. Прошло еще 3 года, и на сторонѣ антисемитовъ оказался уже 263,861 голосъ, т. е. 3,44%. Оффиціальная статистика, къ сожалѣнію, игнорируетъ различіе между антисемитическими фракціями и заноситъ въ одну рубрику голоса, поданные какъ за партію реформы или Альвардта, такъ и за германско-соціальную партію; въ литературѣ я тоже не

*) Предварительно нужно сдѣлать оговорку, что вездѣ въ нижеслѣдующихъ таблицахъ я соединяю вмѣстѣ голоса консерваторовъ съ голосами имперцевъ (Reichspartei). Различіе между консерваторами и имперцами было довольно велико 20—30 лѣтъ тому назадъ, начиная же съ картеля 1887 оно быстро сглаживается и съ тѣхъ поръ только одинъ разъ сказалось съ достаточной силой (при обсужденіи клерикальнаго школьнаго законопроекта Цедлица, и то не въ германскомъ рейхстагѣ, а въ прусскомъ ландтагѣ); двѣ эти партіи настолько близко соприкасаются другъ съ другомъ, что въ 1892 г. они сообща издали полуоффиціальную Konservatives Handbuch—подробное, прекрасно составленное изложеніе воззрѣній консервативной партіи. Изъ этой же Handbuch (стр. 14) видно, что по отношенію къ антисемитизму двѣ партіи солидарны между собою,—и это давало мнѣ особенное право соединить ихъ въ одно. Если онѣ сами еще не слились окончательно, то причина этого скорѣе личнаго, чѣмъ принципіальнаго свойства.

**) Въ Пруссіи и Баваріи болѣе мелкая административная единица, соотвѣтствующая русскому уѣзду, саксонскому Kreishauptmannschaft, называется Regierungsbezirk. За отсутствіемъ соотвѣтственнаго русскаго термина я, чтобы избѣжать недоразумѣній, связанныхъ съ употребленіемъ термина «правительственный округъ» рядомъ съ терминомъ «избирательный округъ», оставлю слово бецирк безъ перевода.—Для краткости я въ большинствѣ случаевъ не привожу названій округовъ, замѣняя ихъ обозначеніемъ государства или бецирка и №; дѣлаю исключеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда округъ почему либо пользуется извѣстностью (большой городъ и т. д.).

нашелъ достаточно полныхъ и достаточно достовѣрныхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, и потому приходится удовлетвориться общимъ выводомъ, что выборы 1893 г. были сравнительно мало благопріятны для германско-соціальной партіи, завоевавшей всего 3 округа, тогда какъ на долю партіи Беккеля пришлось 12 полномочій, не считая полномочія Альвардта.

Общее число депутатовъ, посланныхъ въ рейхстагъ антисемитами было:

1887 г. 1 партіи реформы (Беккель).
1890 » 5, изъ нихъ 2 германско-соціальной, 3 партіи реформы.
1893 » 16, изъ нихъ 3 германско-соціальной, 12 партій реформы, 1 дикій антисемитъ (Альвардтъ).

Итакъ ростъ партіи можетъ считаться безпримѣрнымъ; однако, если мы детально разсмотримъ цифры, то насъ поразитъ одно странное, на первый взглядъ непонятное явленіе. Когда какая-либо партія ростетъ, то она лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ выпускаетъ изъ своихъ рукъ однажды завоеванный ею округъ. Между тѣмъ, ростъ антисемитической партіи имѣетъ совершенно своеобразный характеръ. Въ 1890 г. она имѣла болѣе или менѣе значительное количество сторонниковъ (свыше 500 въ каждомъ) въ 14 избирательныхъ округахъ (всего въ Германіи 397 избирательныхъ округовъ). Изъ этихъ 14 округовъ къ 1893 г. партія пошла на убыль въ 8, т. е. болѣе, чѣмъ въ половинѣ; притомъ потери въ этихъ округахъ были по большей части весьма значительны: общій ихъ итогъ равняется 10 тыс. голосовъ. Въ остальныхъ 6 округахъ она получила приращеніе, но совершенно ничтожное, далеко не покрывающее потерь: всего 1700 голосовъ. Потери были покрыты, и притомъ съ лихвой, тѣмъ, что антисемитизмъ водрузилъ свое знамя въ 56 новыхъ округахъ, въ которыхъ ранѣе онъ вовсе не имѣлъ сторонниковъ, и въ 9 округахъ, въ которыхъ въ 1890 г. онъ имѣлъ ихъ немного,—ниже 500 *).

---

*) Если за какого либо кандидата въ одномъ избирательномъ округѣ подано не болѣе 25 голосовъ, то эти голоса въ оффиціальныхъ отчетахъ о выборахъ заносятся въ особую графу «раздробившихся голосовъ» (zersplitterte Stimmen) безъ отмѣтки о томъ, въ чью пользу они поданы. Поэтому округа, въ которыхъ за соціалъ-демократа, напр., также какъ за антисемита, консерватора и т. д. подано 1—25 голосовъ, пропадаютъ для статистики этой партіи.

Я беру цифру 500 голосовъ какъ предѣльную; округъ, въ которомъ за кандидата какой либо партіи подано менѣе этого числа голосовъ, я признаю не имѣющимъ для нея значенія. Само собою разумѣется, что цифра эта взята произвольно, какъ всѣ цифры, опредѣляющія границы между чисто количественными явленіями; но обойтись безъ такой условной границы было бы совершенно невозможно. Нельзя разсуждать о развитіи какой либо партіи въ округѣ, когда за нее подано въ немъ 50—60 голосовъ изъ 10—12 тысячъ, нельзя говорить объ ея упадкѣ, если число ея сторонниковъ, какъ это было въ Данцигѣ 5-мъ съ соціалъ-демократами,

Спрашивается, кто выигрываетъ при паденіи антисемитовъ? Въ 8 округахъ голоса распредѣлялись слѣдующимъ образомъ *).

	1890 г.	1893 г.	+ или —
Антисемиты	25.560	15.123	— 10.437
Консерваторы. . . .	9.327	23.350	+ 14.023
Соціалъ-демократы. .	54.669	75 679	+ 21.010
Остальные	119.985	118.195	— 1.790
Общая сумма. . . .	209.541	232.347	+ 22.806

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ округахъ, гдѣ антисемиты понесли пораженіе, ихъ потери оказались чрезвычайно выгодными для двухъ партій—консерваторовъ и соціалъ-демократовъ. И тѣ, и другіе принадлежатъ къ числу партій, для которыхъ 1893 г. былъ вообще благопріятнымъ: первая изъ нихъ выросла въ періодъ 1890 — 1893 гг. во всей Германіи на 7,2%, вторая — на 25,1%; между тѣмъ въ разсмотрѣнныхъ нами 8 округахъ онѣ выросли: первая на 150%, вторая на 38,4%. Такъ какъ въ этихъ округахъ, выхваченныхъ изъ различныхъ провинцій и

упало въ 1893 г. съ 43 на 31, или говорить объ ростѣ, когда оно поднялось съ 62 на 72, какъ это было въ сосѣднемъ Данцигѣ 4-мъ. Въ подобныхъ округахъ партія обыкновенно вовсе не выставляетъ своего кандидата, а если и выставляетъ, такъ называемаго, счетнаго кандидата (Zahlkandidat), то не ведетъ за него агитаціи; избиратели той же партіи знаютъ, что ихъ кандидатъ безнадеженъ, и потому тоже не отличаются энергіей. Поэтому нѣкоторое уменьшеніе числа поданныхъ голосовъ въ такомъ округѣ не говоритъ еще объ упадкѣ партіи въ немъ, какъ нѣкоторое увеличеніе не свидѣтельствуетъ объ ея ростѣ. Такъ какъ среднее число голосовъ, подаваемыхъ въ округѣ, равняется (1893) 19330, то число 500 является вполѣ удобнымъ для нашей цѣли: число 1000 при общей цифрѣ въ 20000 составляло бы слишкомъ замѣтную величину, чтобы можно было ее игнорировать, число 250, напротивъ, слишкомъ ничтожную. Конечно, такъ какъ общее число подаваемыхъ въ округахъ голосовъ колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ (отъ 8666 въ Шаумбургъ Липпе до 81214 въ Берлинѣ 6-мъ), то всего правильнѣе было бы взять не абсолютную цифру, а какой либо процентъ (напр. 2% всѣхъ поданныхъ въ округѣ голосовъ), но это, нисколько не измѣнивъ выводовъ, страшно усложнило бы разсчеты и сдѣлало бы провѣрку выкладокъ почти невозможной для читателя.

*) Эти 8 округовъ суть слѣдующіе: * Штеттинъ 4 (г. Штеттинъ).+ Арнсбергъ 5 (Бохумъ).+6 (Дортмундъ.+Кассель 2 (г. Кассель). Кобленцъ 1 (Ветцларъ).+Саксонія 18 (Цвиккау). Гессенъ 3+Бокумъ и+Дортмундъ являются центромъ угольной промышленности; они извѣстны по страшной стачкѣ 1889 г.

Звѣздочкой * обозначены чисто городскіе округа, крестикомъ + округа, въ которыхъ находятся города не менѣе 20000 жителей.

государствъ Германіи на основаніи только одного признака, ихъ ростъ былъ значительнѣе, чѣмъ во всей остальной Германіи, то, слѣдовательно, этотъ фактъ съ достаточной степенью вѣроятности можно объяснить упадкомъ антисемитовъ. Если характеръ роста консервативной партіи, при болѣе детальномъ разсмотрѣніи 8 округовъ, дѣлаетъ этотъ выводъ не вполнѣ убѣдительнымъ, то для партіи соціалъ-демократической онъ врядъ ли можетъ подлежать спору, ибо во всѣхъ округахъ (за однимъ совершенно маловажнымъ исключеніемъ) упадокъ антисемитовъ идетъ параллельно съ ростомъ соціалъ-демократовъ. Что касается остальныхъ партій (націоналъ-либеральной, центра и др.), то никакого правильнаго соотношенія между измѣненіемъ въ ихъ численности и въ численности антисемитовъ мы не найдемъ.

Теперь разсмотримъ тѣ 56 округовъ, въ которыхъ антисемиты впервые появились въ 1893 г. и сразу заняли болѣе или менѣе видное положеніе (т. е. получили не менѣе 500 гол.). Мы ихъ раздѣлимъ на 5 группъ. Въ первую мы занесемъ тѣ 14 округовъ, въ которыхъ они или побѣдили, или, по крайней мѣрѣ, провели своего кандидата въ перебаллотировку *). Во вторую группу мы отнесемъ тѣ 8 округовъ, въ которыхъ антисемиты получили не менѣе 3 тыс. гол. въ каждомъ, но которые тѣмъ не менѣе не могутъ быть отнесены въ первую группу **). Въ третью мы занесемъ тѣ 6 округовъ, въ которыхъ антисемиты получили въ 1893 г. 2 тыс.—3 тыс. гол. ***). Въ четвертую 15 округовъ, въ которыхъ антисемиты получили 1 — 2 тыс. гол. ****). Въ пятую — 13 округовъ съ 500 по 1 тыс. гол. Для краткости я приведу только общіе итоги и только для трехъ партій; націоналъ-либераловъ, свободомыслящихъ, центръ и другихъ я выкину, такъ какъ отсутствіе какой либо зависимости между ними и антисемитами дѣлаетъ эти цифры сравнительно малоинтересными. Но въ общую сумму всѣхъ голосовъ включены, конечно, и они.

---

*) Франкфуртъ 1 (Арнсвальде). Кёслинъ 5.+Эрфуртъ 1. Кассель 4,6. Саксонія 2,3,+4,*5 (г. Дрезденъ), 6,7 (Мейссенъ), 8 (Пирна), Гессенъ 2,6.

**) Берлинъ*3,*5+, Франкфуртъ 2,+Дюссельдорфъ 6, Саксонія 21, Баденъ 13+,Гессенъ 4 (Дармштадтъ), +Эльзасъ 14 (Метцъ).

***) Потстдамъ 6,+7,* Магдебургъ 4 (г. Магдебургъ),+Мерзебургъ 8+, Касель 8,+Гессенъ 5.

****) +Штеттинъ 5, Познань 2, Бромбергъ 4, Бреславль 3,*6,*7 (послѣдніе 2 округа—самый г. Бреславль),±Ганноверъ 12, Арнсбергъ 1, Висбаденъ+2, 4,+6, Баденъ 4,+12, Саксенъ-Веймаръ 2, С. Мейнингенъ 1.

	Антисемиты.			Консерваторы.			Соціалъ-демократы.			Общая сумма.		
	1890.	1893.	+ −	1890.	1893.	+ −	1890.	1893.	+ −	1890.	1893.	+ −
I группа . .	»	100.264	+ 100.264	110.928	49.167	− 61.761	67.378	81.821	+ 14.443	254.174	272.031	+ 17.857
II » . .	»	31.962	+ 31.962	24.246	14.648	− 9.598	33.853	48.878	+ 15.025	168.695	183.127	+ 14.432
III » . .	»	15.345	+ 15.345	29.556	25.976	− 3.580	64.943	76.498	+ 11.555	161.007	175.822	+ 14.815
IV » . .	»	20.126	+ 20.126	57.933	45.008	− 12.925	47.668	63.527	+ 15.859	290.899	295.811	+ 4.912
V » . .	»	8.177	+ 8.177	21.682	17.843	− 3.839	82.911	91.853	+ 8.942	269.057	289.854	+ 20.797
Итого . . .	»	175.874	+ 175.874	244.345	152.642	− 91.704	296.753	362.577	+ 65.824	1.143.832	1.216.645	+ 72.813

Изъ этой таблицы рельефно выступаютъ два факта, — и они выступили бы еще гораздо рельефнѣе, еслибы я привелъ не общіе

итоги для пяти группъ, а детальныя цифры для каждаго изъ 56 округовъ.

Во первыхъ, антисемиты нигдѣ не растутъ на счетъ соціалъ-демократовъ, вездѣ пріобрѣтающихъ новыхъ сторонниковъ рядомъ съ ними. Въ разсмотрѣнныхъ 56 окр. соціалъ-демократы выросли на 22,2%, во всей Германіи ихъ ростъ опредѣляется въ 25,1%. Такъ какъ различіе между этими двумя цифрами совершенно ничтожно, то можно признать, что ростъ антисемитизма не отражается на ростѣ соціалъ-демократіи.

Во вторыхъ, ростъ антисемитовъ съ поразительнымъ постоянствомъ идетъ параллельно съ упадкомъ консерваторовъ, тѣмъ болѣе поразительнымъ, что, какъ уже было сказано, 1893 г., годъ возбужденія шовинизма, для этой послѣдней партіи былъ во всей остальной Германіи весьма благопріятенъ.

Въ виду этого выводъ, вытекающій изъ анализа программы и исторіи антисемитизма въ Германіи, пріобрѣтаетъ характеръ полной достовѣрности.

Антисемитизмъ есть переходная форма; ее переживаетъ та часть населенія Германіи, которая раньше держалась строго консервативныхъ воззрѣній (или была политически индифферентна) и которая перестала удовлетворяться программой и дѣятельностью своихъ руководителей. Потомъ часть разочаровавшихся антисемитовъ возвращается въ лоно консервативной партіи, но не менѣе естественнымъ выходомъ изъ антисемитизма, при всей ихъ принципіальной противоположности, при всемъ ихъ антагонизмѣ—оказывается соціалъ-демократизмъ. Антисемиты, отвоевывая преимущественно округа отъ консервативной партіи, передаютъ ихъ потомъ соціалъ-демократамъ,—въ этомъ какъ бы ихъ историческая миссія. Отсюда понятно то негодованіе и тотъ ужасъ, которые вызываетъ торжество антисемитизма во всѣхъ партіяхъ порядка.

Что же касается отношенія между антисемитической и остальными германскими партіями, то данныя избирательной статистики не даютъ достаточныхъ основаній для какихъ либо прочныхъ выводовъ. Ростъ антисемитизма въ 1893 г. почти повсемѣстно сопровождался упадкомъ свободомыслія,—но имъ же сопровождался и упадокъ антисемитизма. Вообще 1893 г. былъ годомъ разгрома свободомыслящей партіи, и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что разсмотрѣнные округа не представляютъ исключенія. Національ-либеральная партія падаетъ почти вездѣ, гдѣ торжествуютъ антисемиты, и ростетъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ антисемиты идутъ на убыль; но это явленіе далеко не повторяется съ достаточною правильностью, чтобы на немъ можно было что-либо строить. Наконецъ ростъ и упадокъ партіи центра не находится ни въ какомъ сколько нибудь замѣтномъ соотношеніи съ ростомъ и упадкомъ антисемитизма.

Приведенныя выше цифры можно, конечно, сгруппировать по

иной системѣ; можно привлечь къ разсмотрѣнію тѣ округа, въ которыхъ антисемиты существовали уже въ 1890 г. и усилились къ 1893 г., соединивъ ихъ съ разсмотрѣнными мною округами, можно понизить или повысить предѣльную цифру 500 голосовъ, ниже которой я признаю округъ для партіи маловажнымъ, можно замѣнить предѣльную абсолютную цифру (500) предѣльной относительной (напр. 2%), и разсматривать не абсолютный, а относительный ростъ и упадокъ. Чтобы не переполнять статьи цифрами, я этого здѣсь не дѣлаю, но я провѣрилъ свой выводъ на самые различные лады, и никакая группировка статистическаго матеріала не давала мнѣ повода для сомнѣнія въ правильности моего вывода.

Разсмотримъ еще одну таблицу, изображающую ростъ трехъ интересующихъ насъ партій въ Кассельскомъ бецирке, въ которомъ антисемиты появились впервые:

	Антисемиты.			Консерваторы.			Соціал.-демократы.		
	1887	1890	1893	1887	1890	1893	1887	1890	1893
1	—	3,314	3,835	—	—	6,155	520	2,715	2,728
+2 (г. Кассель). .	189	3,028	—	11,711	5,966	5,080	6,412	9,170	9,262
3	3,896	6,269	6,482	5,632	934	2,406	—	—	395
4	—	—	3,809	10,512	6,211	4,280	1,475	3,213	3,765
5 (г. Марбургъ).	7,411	8,739	6,736	4,314	3,361	2,754	—	433	357
6	70	—	3,986	7,994	6,551	3,544	—	64	422
7	—	—	113	6,130	4,019	77	99	600	764
+8 (г. Ганау) .	97	—	2,020	10,420	7,550	7,222	5,203	8,446	9,902
Итого . . .	11,593	21,350	26,981	56,743	34,595	31,578	13,709	24,641	27,595

Тутъ мы вновь встрѣчаемся съ тѣми же явленіями: 1) ростъ партіи крайне неправиленъ; пріобрѣтя значительное количество голосовъ, она внезапно теряетъ ихъ въ пользу иныхъ партій; 2) достигнувъ болѣе или менѣе крупнаго значенія,—какъ это имѣетъ мѣсто въ 5 округѣ (Марбургъ), она начинаетъ склоняться къ упадку, хотя нужно сказать, что этотъ округъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, весьма и весьма немногихъ, гдѣ упадокъ антисемитической партіи послужилъ не на пользу и соціалъ-демократамъ; 3) ростъ партіи совершается преимущественно на счетъ консерваторовъ. Исключеніе составляютъ только первый и третій округа. Однако, не весь внезапный ростъ консерваторовъ въ первомъ округѣ слѣдуетъ приписать какимъ либо благопріятнымъ для консерваторовъ условіямъ, ибо въ этомъ округѣ, очевидно, произошло какое-то соглашеніе между консерваторами и націоналъ-либералами (послѣднихъ въ 1887—11,800, 1890—4,812, 1893—0).

Основываясь на предъидущемъ, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ относительно развитія антисемитической партіи въ ближайшемъ будущемъ вообще и объ ея успѣхахъ на предстоящихъ выборахъ въ текущемъ (1898) году въ частности.

Можно ожидать, что антисемитической партіи въ теченіе нѣкотораго времени предстоитъ еще ростъ, такъ какъ создавшія ее условія еще существуютъ; можно допустить даже, что ростъ этотъ бу-

детъ значительнымъ, и что на будущихъ выборахъ (1898 года) антисемиты соберутъ вокругъ своего знамени тысячъ 400, а можетъ быть и болѣе избирателей, т. е. процентовъ 5—7. Можно ожидать, что этотъ ростъ произойдетъ на счетъ обѣихъ консервативныхъ и отчасти пожалуй національ-либеральной партій, и быть можетъ въ немногихъ мѣстахъ на счетъ свободомыслящихъ. Антисемиты не только проникнутъ, но займутъ хорошія позиціи въ такихъ углахъ, гдѣ ихъ донынѣ совершенно не было, и, слѣдовательно, они будутъ имѣть удовольствіе видѣть успѣхъ своей агитаціи въ полутора, двухъ и болѣе сотняхъ округовъ (вмѣсто 31 въ 1890 и 128 въ 1893). Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо думать, что въ районахъ, въ которыхъ антисемиты уже имѣли большое значеніе въ 1893 г. и ранѣе, въ которыхъ они, слѣдовательно, уже исполнили свою историческую миссію, они пойдутъ на убыль. Такими районами являются по преимуществу королевство Саксонія, в. герцогство Гессенъ и Кассельскій бецирк провинціи Гессенъ — Нассау. Въ первомъ, впрочемъ, на всемъ западѣ антисемиты имѣютъ шансы рости, и возможно, что общій ихъ итогъ въ этомъ государствѣ будетъ въ пользу ихъ, а не въ ущербъ. Не невозможно даже, что они и на востокѣ успѣютъ отвоевать отъ свободомыслящихъ второй Саксонскій округъ (Лебау) (если только этотъ округъ не перейдетъ къ соціалъ-демократамъ) и усилятся въ первомъ, но за то есть много шансовъ, что изъ 5 округовъ (4—8, въ томъ числѣ города Дрезденъ, Мейссенъ, Пирна, въ особенности послѣдній), принадлежащихъ нынѣ антисемитамъ, они потеряютъ не менѣе двухъ или трехъ въ пользу соціалъ-демократовъ. Округъ Лейпцигскій (Саксонія 12) бывшіе антисемиты, вѣроятно, помогутъ соціалъ-демократамъ отвоевать отъ національ-либераловъ. Приблизительно тоже, что о Саксоніи, можно сказать о в. герцогствѣ Гессенъ. Вѣроятный ростъ антисемитизма въ Рейнскомъ Гессенѣ можетъ быть покроетъ убыль его въ двухъ другихъ провинціяхъ в. герцогства (Верхнемъ Гессенѣ и Штаркенбургѣ), но какъ бы ни была велика эта убыль, трудно думать, чтобы антисемиты потеряли тамъ который нибудь изъ принадлежащихъ имъ теперь округовъ, кромѣ развѣ 1-го, въ которомъ соціалъ-демократы имѣютъ нѣкоторые (не особенно значительные, впрочемъ) шансы занять ихъ мѣсто. Что касается Кассельскаго бецирка, то хотя есть всѣ основанія ожидать уменьшенія въ немъ или, по крайней мѣрѣ, во многихъ изъ его округовъ числа антисемитическихъ голосовъ, но всетаки трудно думать, чтобы въ будущемъ году сократилось антисемитическое представительство отъ него, такъ какъ въ 5 округахъ этого бецирка, пославшихъ на прошлыхъ выборахъ въ рейхстагъ антисемитическихъ представителей, нѣтъ ни одной партіи, которая была бы способна принять антисемитическое наслѣдство: мы видѣли, что на это вообще способны преимущественно соціалъ-демократы, а именно они тамъ слишкомъ слабы; за то возможно, что 8-й округъ этого бецирка, донынѣ принадлежащій консервато-

рамъ, перейдетъ къ соціалъ-демократамъ при помощи перебѣжчиковъ изъ антисемитическаго лагеря.

Въ округѣ Эрфуртъ 1, въ которомъ въ 1893 г. антисемиты были разбиты въ перебаллотировкѣ со свободомыслящими, причемъ послѣднихъ поддержали соціалъ-демократы, на будущихъ выборахъ вѣроятно въ перебаллотировку попадетъ соціалъ-демократъ, и можетъ быть побѣдитъ. Весьма вѣроятно также, что въ округахъ Франкфуртъ 1 и Кеслинъ 5, въ 1893 г. давшихъ громаднымъ большинствомъ голосовъ два полномочія Альвардту *), борьба для антисемитовъ окажется труднѣе, чѣмъ была прежде; есть вѣроятность, что часть избирателей вернетъ здѣсь свое довѣріе той консервативной партіи, которой они измѣнили ради Альвардта.

В. Водовозовъ.

---

*) Альвардтъ впервые попалъ въ рейхстагъ на дополнительныхъ выборахъ въ ноябрѣ 1892 въ округѣ Арнсвальде (Франкфуртъ 1), получивъ 11206 голосовъ изъ 14512, т. е. 77,2%. Округъ этомъ былъ искони консервативнымъ (кромѣ періода 1874—77, когда онъ переходилъ въ руки націоналъ-либераловъ); въ 1890 г. консерваторы получили въ немъ 5939 голосовъ (48,7%) противъ 5232 (42,9%), полученныхъ свободомыслящими, и въ томъ же году на дополнительныхъ выборахъ 6740, т. е. 51,9% противъ 6258 (свободомысл.). На выборахъ 1892 г. за Альвардта рѣшительно выступили консерваторы, не пожелавшіе выставить собственнаго кандидата; ихъ избирательный комитетъ выпустилъ воззваніе съ призывомъ голосовать за него, хотя даже въ консервативной печати этотъ поступокъ вызвалъ далеко не единодушное одобреніе. Въ теченіе слѣдующихъ 7 мѣсяцевъ отношеніе консерваторовъ къ Альвардту рѣзко измѣнилось; на выборахъ 1893 г. ихъ избирательный комитетъ выставилъ въ Арнсвальде своего кандидата, и число поданныхъ за Альвардта голосовъ понизилось до 8046 (изъ 13228), т. е. до 60%. Однако, изъ бывшихъ сторонниковъ консервативной партіи въ ея лоно вернулось только 2973 (22,5%); остальные очевидно предпочли остаться съ Альвардтомъ. Надолго ли? Это покажутъ выборы 1898 г. Не менѣе интересны итоги выборовъ въ Нейштеттинѣ (Кёслинъ 5). Округъ тоже искони консервативный, безъ какихъ либо колебаній; въ 1890 г. консерваторъ получилъ здѣсь 4481 голосъ изъ 4747, т. е. 94,4%. Въ 1893 г. здѣсь выступилъ тотъ же Альвардтъ отъ антисемитовъ, противъ него со стороны консерваторовъ выступило сразу 2 кандидата, въ томъ числѣ Штеккеръ. Результаты оказались такіе: изъ общей суммы 8698

подано за:	или въ %
Двухъ консерваторовъ 5620 (въ томъ ч. за Штеккера—1829)	64,6% (за Штеккера 21,0%)
Націоналъ-либ. 496.	5,7 „
Ант. (Альвардта) 2535.	29,2 „

Потребовалась перебаллотировка между консерваторомъ и Альвардтомъ, повидимому, часть сторонниковъ Штеккера поддержала Альвардта, такъ какъ консерваторъ получилъ только 3046 голосовъ (29,4%), Альвардтъ 7326 (70,6) изъ общаго числа 10372. Но Альвардтъ, избранный въ Арнсвальде, не принялъ полномочія; потребовались дополнительные выборы, давшіе антисемиту (партіи реформы) Ферстеру 6518 голосовъ (76,9%) противъ 1906 (22,5%), полученныхъ Штеккеромъ изъ общаго числа 8479.— Штеккеръ вовсе не избранъ; и представителей христіанско-соціальнаго направленія теперь въ рейхстагѣ нѣтъ.

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВЕНН. СОБРАНІЯ
СЛУЖАЩИХЪ при ФАБРИКѢ
ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУРЪ
Анны Красильщиковой съ С-ми
въ с. Рогникахъ.

Николай Николаевичъ.

(Изъ воспоминаній юности).

Когда умъ не занятъ, и мысли лѣниво бродятъ въ прошедшемъ, то лаская, то вызывая невольную слезу—разные образы встаютъ въ памяти. Такъ и сегодня вспомнился мнѣ одинъ эпизодъ изъ моей ранней юности... Съ той поры прошло уже много лѣтъ; почти все измѣнилось въ жизни, и нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ давно ужъ нѣтъ въ живыхъ.

Мой братъ и я были тогда гимназистами. Городъ К, въ которомъ мы принуждены были жить (въ нашемъ городкѣ не было гимназіи), былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ провинціальныхъ городовъ, расположенныхъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ: жизнь въ немъ текла сонно, вяло и однообразно. Какъ и всюду, конечно, въ немъ люди рождались, любили, мучились, умирали въ свое время, но общій тонъ жизни по прежнему оставался скучнымъ, сѣрымъ, однообразнымъ...

Мы поселились въ семействѣ одного прогорѣвшаго торговца, которое состояло изъ шести лицъ. Отецъ, уже престарѣлый и выжившій изъ ума, занималъ въ домѣ убогую темную каморку, въ которой постоянно горѣла свѣча; каморка была завалена всякимъ хламомъ: тутъ валялись разбитые подсвѣчники, обрывки веревокъ, кой-какіе остатки отъ старыхъ самоваровъ; среди всѣхъ этихъ обломковъ и никому ненужной ветоши, освѣщенной тусклымъ огнемъ свѣчи, самъ старикъ имѣлъ видъ какого-то привидѣнія. Его жена, заплывшая жиромъ, неподвижная и облѣнившаяся женщина, всѣ дни проводила за питьемъ кофе... Младшій сынъ пропадалъ, неизвѣстно гдѣ; говорили, что онъ занимается торговлей и ѣздитъ по ярмаркамъ. Младшая дочь жила у кого то на содержаніи; другая, Поля, существо необыкновенно тихое и смиренное, проводила всю свою жизнь около стариковъ, незамѣтно поддерживая ихъ плохенькое хозяйство. Наконецъ, былъ еще старшій сынъ, Николай Николаевичъ, о которомъ придется говорить далѣе.

Въ средѣ этой семьи, за исключеніемъ тихой Поли, ца-

рилъ вѣчный раздоръ, и ихъ бесѣды всегда сводились на взаимные укоры и упреки.

Каждый пріѣздъ дочери-содержанки служилъ въ особенности сигналомъ для цѣлыхъ драматическихъ представленій, которыхъ мы становились невольными свидѣтелями. Старики долго не могли примириться съ «паденіемъ» дочери, но потомъ денежная помощь, оказываемая молодой грѣшницей въ трудныя минуты жизни,—измѣнила ихъ отношеніе къ ней: горечь позора какъ будто притупилась, и когда, расфранченная и нарядная, она пріѣзжала въ домъ родителей—на лицѣ старухи матери виднѣлось подобострастіе и ожиданіе подачекъ. Приходили, съ тѣмъ-же подобострастіемъ въ глазахъ, бѣдныя сосѣдки, собиралась вся семья, начинался пиръ. Но вскорѣ мирное настроеніе мѣнялось: затаенная горечь рвалась наружу, голоса возвышались: старуха шипѣла на мужа, вылѣзавшаго въ этихъ случаяхъ изъ своего музея, старикъ потрясалъ кулаками и обвинялъ въ чемъ-то жену, дочь упрекала обоихъ и, склонивъ голову на столъ, горько плакала пьяными, но все-таки настоящими слезами. По временамъ, старикъ врывался въ нашу комнату и, дрожа и злобно сверкая глазами, апеллировалъ къ намъ,—жалуясь и на дочь, «опозорившую его сѣдины», и на мать-вѣдьму и на сына... Только безотвѣтная Поля продолжала хлопотать обо всѣхъ, какъ всегда смиренно и тихо...

Нельзя, разумѣется, сказать, чтобы вся эта драматическая путаница и сложный хаосъ семейныхъ отношеній могъ быть признанъ особенно поучительнымъ для насъ, юныхъ гимназистовъ, нашедшихъ временный пріютъ въ нѣдрахъ этого драматическаго семейства. И однако... по совѣсти, я не вижу также и особеннаго вреда отъ этого сосѣдства; рядомъ съ ихъ жизнью,—подъ шумъ этихъ ссоръ и примиреній, наша жизнь шла своей обычной колеей, а съ однимъ членомъ семьи у насъ завязались даже близкія отношенія, которыя мы навсегда сохранили въ своей памяти.

Это именно съ Николаемъ Николаевичемъ, старшимъ сыномъ нашихъ хозяевъ. Весь обликъ этого человѣка составился изъ странныхъ контрастовъ: поэтъ въ душѣ, не получившій самъ никакого образованія, онъ хранилъ какое-то почти мистическое уваженіе къ наукѣ и ученымъ людямъ. Его существованіе было изломано, неизвѣстно кѣмъ и по какой причинѣ, какъ это часто бываетъ на нашей широкой Руси, и, какъ остальные члены семьи, онъ не зналъ точно, кого слѣдуетъ винить въ этомъ. Но наряду съ большимъ запасомъ горечи,—душа этого неудачника сохранила много свѣжести и цѣльности почти дѣтской. Вѣроятно эта черта сближала насъ съ нимъ: мы полюбили его, и взаимная дружба про-

должалась до тѣхъ поръ, пока не раскидало насъ въ разныя стороны измѣнчивыми теченіями жизни.

По утрамъ онъ обыкновенно приходилъ будить насъ. Я живо помню эту характерную фигуру: лицо нѣсколько помято, голосъ нѣсколько охрипъ, руки немного дрожатъ, потому что онъ еще не успѣлъ опохмѣлиться. Станъ согнутъ, нанковый коричневый костюмъ сильно потертъ и изорванъ на локтяхъ, пиджакъ аккуратно застегнутъ на единственную пуговицу. Длинные сѣроватые волосы зачесаны назадъ, сѣрые глаза глядятъ съ какой-то доброй покорностію судьбѣ. Онъ вноситъ съ собою холодъ ранняго утра и, пока мы продолжаемъ нѣжиться въ постеляхъ, Николай Николаевичъ торопится возобновить какой нибудь умный разговоръ, прерванный наканунѣ... Чаще всего, впрочемъ, онъ начиналъ съ Иванова-Козельскаго.

— Да-съ, вотъ это актеръ... Можно сказать артистъ! Геній!

Когда-то, въ тѣ времена, когда еще руки Николая Николаевича не дрожали по утрамъ, а глаза не глядѣли съ такой безнадежной покорностію, онъ увлекался сценой и мечталъ о карьерѣ артиста. Изъ этого періода онъ вынесъ одно восторженное преклоненіе передъ Ивановымъ-Козельскимъ, въ имени котораго, казалось, сосредоточилось для него все очарованіе неосуществившихся мечтаній и надеждъ. Анекдоты изъ жизни этого артиста Николай Николаевичъ разсказывалъ намъ много разъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, за которое мы прощали ему неоднократныя повторенія. Порой, вдохновляясь воспоминаніями, онъ забывалъ настоящее и, воображая себя артистомъ, могучимъ и властнымъ, начиналъ разыгрывать передъ нами цѣлыя сцены. Мы особенно любили въ немъ такія вспышки: юность сама мечтательна, и въ наивномъ вдохновеніи неудачника намъ чуялось что-то родственное, какъ будто заманчивая даль раскрывала передъ нами свои перспективы. Мы брали отъ Николая Николаевича его восторгъ и легко забывали горечь его разочарованій... Между нами и этимъ одинокимъ горемыкой установились совершенно равноправныя отношенія. Если Николай Николаевичъ изо всѣхъ силъ старался услужить намъ, когда бывалъ трезвъ, то мы ухаживали за нимъ, успокаивали и укладывали въ постель, когда онъ приходилъ, какъ говорится, «съ мухой». По вечерамъ, передъ наступленіемъ ночи, Николай Николаевичъ всегда заходилъ къ намъ, чтобы узнать, все ли у насъ въ порядкѣ, и не нужна ли въ чемъ нибудь его помощь... Заходилъ на минутку, но порой засиживался часовъ до двухъ ночи, и все время у насъ ки-

пѣли бесѣды. Съ театра мы переходили въ область поэзіи, и Николай Николаевичъ начиналъ декламировать любимыя стихотворенія Лермонтова. Онъ и мой старшій братъ Володя были страстными поклонниками этого поэта, и я живо вспоминаю дрожь въ голосѣ Николая Николаевича и все возростающій паѳосъ, съ которымъ, ставъ по серединѣ нашей небольшой комнатки, онъ начиналъ декламировать:

„Погибъ поэтъ—невольникъ чести,
„Палъ, оклеветанный молвой!"

Иногда, впрочемъ, онъ впадалъ въ меланхолическое настроеніе, и тогда къ нашимъ молодымъ восторгамъ примѣшивалось какое-то предчувствіе грусти. Въ окна глядѣла поздняя ночь, мы сидѣли, притихшіе и молчаливые, пальцы Николая Николаевича проворно бѣгали по струнамъ гитары, которая пѣла и плакала, между тѣмъ, какъ хриповатый, надтреснутый, но задушевный голосъ неудачника выводилъ:

„Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая!.."

Семья считала Николая Николаевича уродомъ, но боялась его правдивости и какъ будто даже уважала его. Въ разговорахъ съ нами онъ отзывался о своихъ довольно откровенно:

— Семейка-съ! — говаривалъ онъ съ горечью,—сестрица погубила себя, а имъ ничего-съ... Деньги проклятыя! Еслибъ не узы кровныя, такъ сказать, ушелъ бы на край свѣта-съ!

Но подъ этими суровыми словами, видимо, всетаки теплилось чувство привязанности, хотя и отравленное горечью.

Особенно тѣсно сошелся съ Николаемъ Николаевичемъ, Володя, мой старшій братъ, которому отчасти льстила эта близость съ взрослымъ человѣкомъ (меня онъ глубоко презиралъ, считая «мальчишкой»). Въ то время, о которомъ я разсказываю, Володя находился во власти сложныхъ психическихъ настроеній. Имъ овладѣвалъ то байронизмъ, съ его мечтами о титаническихъ страстяхъ и отрицаніемъ всего окружающаго, то его захватывала гражданская скорбь, и тогда онъ начиналъ говорить о неправдѣ, которая царитъ въ мірѣ, о томъ, что мы призваны все это перемѣнить, исправить; казнилъ себя мыслями о какихъ то своихъ несовершенствахъ, о томъ, что онъ не можетъ отказаться отъ личныхъ чувствъ, и я видѣлъ, что это послѣднее обстоятельство нерѣдко заставляетъ его погружаться въ очень тяжелое состояніе духа, которое Володя называлъ хандрой. По видимому, въ этой хандрѣ было что-то настоящее,—по крайней мѣрѣ, темно-сѣрые глаза брата въ такія минуты затуманивались и тускнѣли, онъ подолгу смотрѣлъ въ одну точку и порой то растерянно, то горько улыбался...

Секретъ заключался въ томъ, что Володя любилъ, первой и, кажется, довольно сильной любовью, которая заставляла его волноваться и страдать.

Я догадался объ этомъ случайно; близко къ своему внутреннему мірку Володя меня не подпускалъ, да я и самъ не рѣшился бы подойти къ нему, невольно подавляемый тѣмъ презрѣніемъ, которымъ онъ награждалъ меня. Я былъ тремя годами моложе Володи и только что перешелъ въ 4-й классъ, тогда какъ Володя былъ уже въ седьмомъ. Я былъ настроенъ далеко не такъ радикально, какъ онъ, и отдавалъ большую дань чувствительности. Масса нѣжности таилась въ моей душѣ по отношенію къ брату, но я старательно скрывалъ это. Дѣтскія мечты, дѣтскія понятія еще витали надо мной; я часто и усердно молился Богу, и любимымъ моимъ писателемъ былъ Жуковскій, съ его чувствительностью и туманнымъ романтизмомъ.

Въ числѣ немногихъ нашихъ знакомыхъ была одна маленькая чиновничья семья Пекарскихъ, а въ этой семьѣ особенно интересовала насъ дочка Таня. Если говорить правду, то теперь мнѣ кажется, что въ этой низенькой, тонкой и стройной дѣвушкѣ, съ длинной русой косой, не было ничего выдающагося съ духовной стороны, но тогда она представлялась мнѣ совершенствомъ. А главное, она была такъ миловидна и такъ ласкова съ нами, что я обожалъ ее по дѣтски, безъ всякихъ требованій, а Володя просто влюбился въ нее безъ ума. Сама Таня дарила Володю большимъ вниманіемъ и благосклонностью, чѣмъ кого бы то ни было изъ молодежи, и маленькій, почти дѣтскій романъ былъ въ полномъ ходу. Во всѣ свои надежды, волненія и мечты Володя посвятилъ Николая Николаевича, а послѣдній, тронутый этой довѣрчивостью, санкціонировалъ все сочувствіемъ взрослаго друга. Былъ у Володи и еще одинъ другъ, Іосифъ Гирбасовъ или Жоська, какъ попросту его называли гимназисты. Но съ нимъ Володя не могъ такъ беззавѣтно дѣлиться своимъ чувствомъ. Когда тотъ спрашивалъ: «Ты опять въ хандрѣ обрѣтаешься, что случилось?»—Володя или совсѣмъ не отвѣчалъ на вопросъ, или старался объяснить свою меланхолію чѣмъ нибудь другимъ, заводилъ, напримѣръ, рѣчь о гимназическихъ порядкахъ, «къ которымъ развѣ возможно спокойно относиться... это чортъ знаетъ, что такое».—Они были товарищами по классу, сидѣли на одной скамьѣ, и мнѣ не разъ приходилось наблюдать, какъ во время большой перемѣны они вели длинные и серьезные разговоры, причемъ Володя всегда говорилъ много и горячо, а Жоська кратко и угрюмо. Тонкое и блѣдное лицо этого Володина друга выражало полную разочарованность, что придавало ему на

нашъ взглядъ очень угрюмый, но и очень интересный видъ. Его длинные волосы спутанными прядями падали на лобъ, почти касаясь очковъ, поверхъ которыхъ онъ любилъ смотрѣть, вѣроятно, считая эту манеру наиболѣе подходящей для своего мрачнаго настроенія. Богъ вѣдаетъ, какія жестокія испытанія заставили Жоську «разочароваться въ жизни», но онъ всегда былъ чѣмъ то недоволенъ и не скрывалъ своего презрѣнія ко всему міру. Для меня въ ту пору онъ былъ «загадочной натурой», и я не имѣлъ надежды найти когда нибудь ключъ къ тайнѣ этой омраченной души. Была у него, напримѣръ, привычка—приходя къ намъ, брать у Николая Николаевича гитару и разыгрывать вѣчно одинъ и тотъ же мотивъ, заунывный и однообразный. Онъ положительно намозолилъ намъ уши, и когда я однажды вздумалъ спросить, что это такое, —то Жоська, нахмуривъ брови, сказалъ кратко: «пѣснь самоубійцы»— и мрачно посмотрѣлъ въ сторону. Кромѣ этой «пѣсни самоубійцы», онъ не игралъ ничего. Володя преклонялся передъ Жоськой, очарованный его величавой угрюмостью, и иногда я подмѣчалъ въ братѣ нѣкоторую наклонность къ подражанію. Но свои любовныя думы онъ тщательно скрывалъ отъ своего разочарованнаго друга. Прежде всего, подобно Печорину и другимъ не менѣе интереснымъ персонажамъ, Жоська глубоко презиралъ женщинъ, а значитъ и Таню, что, само собою разумѣется, распространилось бы и на влюбленнаго въ нее Володю. А затѣмъ, и это главное: какое-то ревнивое чутье подсказывало Володѣ, что его другъ боленъ той-же болѣзнью и что глазки презираемой особы нанесли ту же рану и его глубоко охлажденной душѣ.

Каждое воскресеніе, въ тѣ часы, когда звѣзды далекими огнями одна за другой зажигались въ небѣ, мы всѣ, бывало, отправлялись къ Пекарскимъ, въ ихъ уютную, всю заставленную цвѣтами квартиру, гдѣ, благодаря подвижному темпераменту Тани, насъ ожидало самое веселое и разнообразное препровожденіе времени. Ничто насъ здѣсь не стѣсняло, и каждый дѣлалъ, что хотѣлъ. Я, напримѣръ, былъ друженъ съ братомъ Тани Костей, и мы даже—о романтики!—по секрету отъ всѣхъ изливали чувства своей сладостной дружбы въ оживленной перепискѣ. Володя носилъ Танѣ книжки, желая развивать ея умъ, а, можетъ быть, надѣясь вліять этимъ путемъ и на чувство. По крайней мѣрѣ, онъ велъ съ нею объ этихъ книжкахъ очень долгіе разговоры, во время которыхъ Таня иной разъ успѣвала сдѣлать мнѣ гримаску; я замѣчалъ, что насмѣшливыя искры такъ и сыпались въ это время изъ ея лукавыхъ глазокъ, весело глядѣвшихъ изъ подъ полукруглыхъ тонкихъ бровей. Иногда же прямо въ срединѣ фразы она съ самымъ невиннымъ видомъ прерывала на полу-

словѣ его глубокомысленныя разсужденія: «Смотрите, Владиміръ Алексѣевичъ, какъ чудесно распустилась эта роза, а эта... бѣдняжка!»—и она шаловливо осыпала его блѣднорозовыми лепестками увядшаго цвѣтка. Володя не въ силахъ былъ даже обидѣться на это милое невниманіе ученицы. Жоська сначала все хмурился, но Таня умѣла расшевелить и его, такъ что даже онъ, я помню, принялся было читать ей какія то тетради. Кажется, это былъ его дневникъ или что то въ родѣ лѣтописи разочарованнаго сердца.

Однимъ изъ нашихъ любимыхъ развлеченій была игра въ почту. Эта игра открывала каждому полную возможность объясняться о чемъ угодно и съ кѣмъ угодно изъ присутствующихъ. Не знаю, что писали Танѣ оба мои старшіе пріятели, но я однажды написалъ ей просто: «милая, милая Таня! я васъ ужасно люблю».—Таня отнеслась къ моему признанію безъ всякой жалости и со смѣхомъ прочла его вслухъ, приведя меня въ невыразимое смущеніе. Я не могъ не замѣтить, какъ Володя съ удивленіемъ и иронически посмотрѣлъ на меня, а Жоська почему то вдругъ густо покраснѣлъ, какъ будто боялся, что записку могутъ принять за вопль его собственнаго, давно охладѣвшаго сердца...

Порой мы предпринимали отдаленныя прогулки за городъ.

О, что это были за вечера! Городъ уже засыпаетъ и мало по малу водворяется тишина. Изрѣдка развѣ донесется издалека лай собаки, эхо глухо отвѣтитъ ему, и опять все замретъ. Воздухъ до того свѣжъ и чистъ, что вдыхать его широко открытой грудью доставляетъ истинное наслажденіе.—Мы выходимъ за городъ, спускаемся въ долину и направляемся по берегу рѣки. Позади насъ на горѣ чернѣетъ городъ. Въ немъ только кой-гдѣ едва мелькаютъ огоньки, а въ высотѣ надъ нимъ горятъ звѣзды и разстилается млечный путь. Вдоль берега густыя, высокія ивы молчаливо склоняются надъ водой, охраняя вѣтвями какой-то таинственный сумракъ, а луна, величавая и спокойная, освѣщаетъ всю эту картину, и сама серебристой полосой отражается въ рѣкѣ. Мы медленно двигаемся, полные какихъ то непонятныхъ ощущеній. «Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо»!—тихо повторяетъ Таня, приподнявъ немного вверхъ свою головку, и я вижу ея задумчивый, томный взглядъ, лѣнивыя движенія. Предчувствіе чего то особеннаго разлито въ воздухѣ. И вдругъ кто нибудь затянетъ пѣсню. Сначала она звучитъ робко, неувѣренно и какъ то странно нарушаетъ тишину, мѣшая тѣмъ сладкимъ и непонятнымъ ощущеніямъ, которыя въ одно время и томятъ, и волнуютъ душу. Но потомъ одинъ за другимъ мы присоединяемся къ пѣвцу и скоро уже всѣмъ существомъ отдаемся пѣснѣ, переливая въ нее свои ощущенія. Дружно

несется пѣсня, далеко кругомъ, по степи, разсказывая поэтической лѣтней ночи о молодости, о любви, о какихъ то золотыхъ надеждахъ...

Такъ проносились дни, и ничто не мѣшало окрѣпшему чувству Володи. Онъ, кажется, мечталъ уже принести своей богинѣ объясненіе въ любви, какъ неожиданно въ домѣ Пекарскихъ появился одинъ молодой человѣкъ, которому суждено было перевернуть вверхъ дномъ всѣ наши прочно установившіяся отношенія. Фамилія этого господина была Селяцкій. Это былъ красивый брюнетъ, лѣтъ двадцати восьми, высокаго роста, съ широкими плечами и большими черными глазами, которые называютъ «неотразимыми». Увы! Незамѣтно увлекъ онъ и нашу милую Таню своей красотой и то разсчитанно холоднымъ, то нѣжнымъ обращеніемъ. Намъ онъ казался невыносимымъ: всѣ мы сразу рѣшили, что онъ фатъ и дрянной человѣкъ и что нужно помѣшать ему ухаживать за Таней. Разумѣется, больше всѣхъ объ этомъ старался Володя, но его попытки разлетѣлись прахомъ. Таня дѣлалась къ нему все холоднѣй и затѣмъ даже какъ будто возненавидѣла его.

Володя сильно страдалъ: онъ очень похудѣлъ, лишился аппетита, бродилъ, какъ тѣнь, не находя себѣ мѣста, забросилъ свои занятія и просилъ Николая Николаевича играть на гитарѣ все такія грустныя вещи, что и у меня начала накипать на душѣ какая-то горечь. Я почувствовалъ, что кругомъ какъ будто все померкло, и никакъ не могъ уяснить себѣ, почему Таня такъ скоро забыла и недавнее свое веселье, и нашу дружбу, съ которой всѣмъ было такъ хорошо, отчего она стала такъ непривѣтлива съ нами, а Володю прямо заставляетъ жестоко страдать.

Только Николай Николаевичъ понялъ сразу положеніе дѣлъ и видимо старался отвлечь Володины мысли отъ печальнаго предмета. Онъ все заговаривалъ объ университетѣ, о близкомъ будущемъ, о «кипучей и вольной жизни среди молодежи». Выражался онъ при этомъ сильно и даже возвышенно:

— Тамъ, кругомъ-съ—силы молодыя, силы свѣта и добра-съ. Стремленія и идеи, понимаете!.. Тамъ, въ этой пучинѣ житейскаго моря-съ, некогда думать о дѣвчонкахъ и тому подобныхъ пустякахъ... Все это изъ головы, понимаете, вылетитъ мгновенно-съ...

Почему жизнь молодежи онъ называлъ пучиной житейскаго моря, рѣшить трудно, но вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась особенная убѣдительность рѣчи, Николай Николаевичъ выражался высокопарно и даже слегка впадалъ въ

театральность, вѣроятно вспоминая Иванова-Козельскаго и какія нибудь возвышенныя роли.

И, однако, было что-то удивительно искреннее и теплое въ этихъ репликахъ бѣднаго неудачника, а въ глазахъ его въ эти минуты теплился настоящій, а не театральный огонекъ...

— Наука! Понимаете-ли вы, что такое это наука-съ... Она требуетъ служенія-съ... Эхъ! Даже завидно, право завидно-съ! Живешь тутъ какою-то букашкой, а передъ людьми открытое море-съ, океанъ знанія-съ и идей!..

И голосъ его дрожалъ, а въ глазахъ печально свѣтилось сожалѣніе о собственной неудавшейся жизни.

Въ одинъ скверный день Володя, наконецъ, убѣдился, что ему не осталось ровно никакой надежды и что Таня потеряна для него безвозвратно.

Было это осенью. День стоялъ хмурый, пасмурный, набирался дождь, и тучи низко нависли надъ землей. Я сидѣлъ передъ окномъ за своими учебниками, но мои мысли бродили далеко отъ работы, и я никакъ не могъ сосредоточиться. Я думалъ о томъ, что вотъ мамаша не пріѣхала къ намъ, какъ обѣщала, когда я плакалъ при прощаніи, и что, значитъ, никто уже не думаетъ обо мнѣ на бѣломъ свѣтѣ. Изъ за стѣны доносилось ворчаніе поссорившихся опять хозяевъ, и это еще усиливало тоску, прокравшуюся въ мое юное сердце.

Мимо окна промелькнула фигура Володи. Фуражка у него была надвинута на глаза, голова низко опущена, весь онъ съежился, какъ будто ему было очень холодно... Вся эта фигура такъ и запала темнымъ пятномъ въ мою память.

Я вздохнулъ. Ужъ не получено-ли какое нибудь печальное извѣстіе отъ мамы?.. «Нѣтъ, это Володя узналъ что нибудь про Таню»—быстро рѣшилъ я про себя и сталъ ждать, когда Володя войдетъ въ комнату, чтобы угадать по его лицу, что съ нимъ могло случиться. Но онъ остался въ сѣнцахъ, въ тѣхъ маленькихъ, сырыхъ сѣнцахъ, которыя занималъ Николай Николаевичъ. Я замеръ надъ своей книгой, даже не глядя на ея страницы. Я понималъ, что у Володи какая-то новость, которой онъ дѣлится со своимъ другомъ и которая, конечно, останется для меня тайной. Но отъ этого мое любопытство нисколько не уменьшалось. Наконецъ, онъ вошелъ, наскоро сбросилъ съ себя сырое пальто и заперся въ своей комнатѣ. Я замѣтилъ, что его лицо очень блѣдно и искажено какимъ-то болѣзненно озлобленнымъ выраженіемъ. Съ перваго-же взгляда на это лицо я понялъ, что моя догадка была вѣрна: очевидно, новость касается, именно, Тани.

Я тихонько вышелъ въ сѣнцы. Николай Николаевичъ съ

мрачнымъ видомъ лежалъ на своей неудобной постели. Сколько разъ мы предлагали ему жить въ нашей просторной комнатѣ, но онъ упорно отказывался, увѣряя, что ему совершенно удобно въ каморкѣ. Встрѣтивъ мой встревоженный и вопросительный взглядъ, онъ сразу же запретилъ мнѣ разспрашивать про Володю.

— Ну, разстроился нѣсколько, что же тутъ особеннаго-съ? Это не бѣда-съ! Это бываетъ со всякимъ... Только мысли такія нужно гнать...

— Какія мысли?—спросилъ я съ испугомъ.

— Неподходящія-съ... Случилось у насъ, напримѣръ, какое нибудь горе-съ, свое личное-съ... такъ ужъ намъ и жизнь не мила-съ... Нѣтъ-съ,—не такъ надо-съ! Долгъ велитъ перенести и вникать въ чужое, такъ сказать, горе, въ обще-человѣческое горе вникать-съ, я говорю!..

«Личное горе, общечеловѣческое горе!»—все это еще недостаточно отвѣчало на мои вопросы, и мнѣ казалось только, что сегодня и природа, и всѣ окружающіе какъ бы сговорились дать мнѣ почувствовать всю горечь этой хмурой жизни. Я постоялъ около Николая Николаевича, потомъ вышелъ на крыльцо. На дворѣ сильно похолодѣло, тучи опускались все ниже, въ воздухѣ проносились порой снѣжинки.

Я вернулся.

Володя не выходилъ изъ своей комнаты; оттуда не было слышно ни звука; должно быть, онъ лежалъ на постели... Я тоже не могъ приняться за книгу: мысли блуждали по бѣлому свѣту, какъ распуганныя птицы. Въ комнатѣ стояла мертвая тишина,—не было слышно даже споровъ съ хозяйской половины. По угламъ незамѣтно расползались ненастныя сумерки; въ окно повременамъ постукивалъ дождь въ перемежку со снѣгомъ... Я тоже прилегъ.

Сквозь легкую дремоту я слышалъ, какъ Володя завозился въ сосѣдней комнатѣ; стукнулъ отодвигаемый стулъ, потомъ донесся шелестъ бумаги; очевидно, Володя собрался что то писать. Должно быть что-то важное. Вотъ онъ ходитъ большими шагами, останавливается, вздыхаетъ, опять ходитъ и ходитъ... Все ходитъ, должно быть долго, потому что я успѣваю заснуть съ этимъ впечатлѣніемъ однообразнаго стука шаговъ.

Меня разбудило отъ сна необычное ощущеніе: братъ поцѣловалъ меня въ лобъ. Я открываю глаза: надо мною дѣйствительно склонилось лицо Володи, осунувшееся и печальное... Я съ удивленіемъ гляжу на него: онъ никогда не цѣловалъ меня и не разъ выражалъ глубочайшее презрѣніе къ подобнымъ нѣжностямъ между мужчинами. Спросонья я не могу нѣкоторое время разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ,

и, пока я протираю глаза и осматриваюсь кругомъ, какое то неожиданное ощущеніе щемящей болью ложится мнѣ на сердце. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ передо мной пробѣгаютъ цѣлые годы, прожитые вмѣстѣ съ братомъ въ родномъ гнѣздѣ, когда Володя былъ гораздо меньше и нѣжнѣе со мной и когда онъ храбро защищалъ меня отъ другихъ мальчиковъ... Я знаю, что Володя всегда любилъ меня, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ гимназію, онъ никогда не выражалъ мнѣ своихъ чувствъ. И вотъ, теперь этотъ какъ бы прощальный поцѣлуй!.. Я еще чувствовалъ его у себя на лбу, стоя посрединѣ комнаты, протирая глаза и оглядываясь кругомъ съ тоской и страхомъ.

Володи въ комнатѣ не было.

Я, какъ безумный, кинулся въ каморку Николая Николаевича, который тоже, вѣроятно, дремалъ, и теперь съ изумленіемъ смотрѣлъ на меня и слушалъ мой безсвязный лепетъ.

— Что? Что такое случилось?..

— Голубчикъ, Николай Николаевичъ... Володя... У него, вы говорите, мысли...

— Что такое говорю?... Я ничего не говорю. Какія мысли?

— Мысли... Боже мой! вы сами говорили... Скорѣе! Онъ ушелъ... Скорѣе, дорогой, милый Николай Николаевичъ...

И я крѣпко тормошилъ его за руку, пока онъ подымался, недоумѣвая, но уже заражаясь моимъ испугомъ.

Черезъ полъ минуты мы были уже на улицѣ.

Куда идти? Прежде всего, конечно, къ Жоськѣ. Вчера Жоська былъ у насъ и игралъ свою «пѣснь самоубійцы» съ особенно зловѣщимъ видомъ. Я, разумѣется, отдѣлялъ въ своемъ настроеніи «пѣснь самоубійцы» отъ того, что совершалось теперь. Ни эта «пѣснь», ни мрачная разочарованность Жоськи, казавшіяся намъ очень интересными, не внушали никому изъ насъ серьезныхъ опасеній за его участь... Я могъ быть даже увѣренъ, что теперешнее настроеніе Володи испугаетъ Жоську не менѣе, чѣмъ насъ съ Николаемъ Николаевичемъ. Но въ послѣднее время и у самого Жоськи изъ подъ его байронической маски проглядывало настоящее уныніе и признаки искренней тоски и боли, которые, я это чувствовалъ, дѣйствовали и на Володю, — сильнѣе, чѣмъ всѣ пѣсни самоубійцъ, поддерживая его собственное настроеніе.

Я едва поспѣвалъ за моимъ спутникомъ, который молча отмѣривалъ громадные шаги по грязной улицѣ. Тучи попрежнему заслоняли небо, и ни одна звѣзда не мерцала привѣтомъ; только злой вѣтеръ рѣзко и непріятно стоналъ и завывалъ въ ушахъ, рвалъ полы моего гимназическаго пальто и мѣшалъ подвигаться впередъ. Повидимому, собиралась сильная мятель.

Мы пробирались по узенькимъ улицамъ нашего глухого городка, мимо одноэтажныхъ домовъ, уже давно закрывшихъ свои ставни, сквозь щели которыхъ вырывались кое-гдѣ полоски свѣта; фонари едва мигали въ сырой и холодной тьмѣ, и ихъ тусклые огоньки, казалось, готовились угаснуть, какъ послѣдніе отблески надежды. Я былъ до смерти перепуганъ и чувствовалъ себя совсѣмъ ребенкомъ. Мнѣ хотѣлось прижаться къ Николаю Николаевичу, хотѣлось, чтобы онъ успокоилъ, приласкалъ, защитилъ меня отъ моего страха. Онъ вѣроятно чувствовалъ мое настроеніе и, когда я, подбѣжавъ нѣсколько шаговъ, съ усиліемъ догонялъ его, онъ гладилъ въ темнотѣ на ходу мое плечо и произносилъ какія-то успокоительныя междометія... Мнѣ слышалась въ нихъ безконечная нѣжность и мягкая ласка. Повременамъ я прижимался къ нему, мнѣ дѣлалось легче, и я опять, спотыкаясь, бѣжалъ противъ холоднаго осенняго вѣтра, мимо мерцающихъ фонарей...

Сердце сильно стучало у меня въ груди, когда мы подошли къ Жоськиной двери. «Что если Володи здѣсь нѣтъ?» Оба мы останавливаемся въ нерѣшительности. Мои колѣни дрожатъ, губы шепчутъ горячія молитвы. Я прошу у Бога, чтобы Володя былъ здѣсь, чтобы ничего этого больше не было, и обѣщаю, что никогда, никогда не перестану вѣрить! Только-бы этого не случилось...

Изъ комнаты слышенъ разговоръ.

— Изъ-за какой-нибудь дѣвчонки... — говоритъ Жоська... Далѣе словъ не слышно, но по голосу замѣтно, что Жоська взволнованъ. По временамъ я слышу еще что-то о «мужественномъ страданіи» и о презрѣніи къ личному чувству...

Я чуть не закричалъ отъ радости, не сомнѣваясь, что слова о «какой-нибудь дѣвчонкѣ» могли относиться лишь къ Танѣ и направлялись ни къ кому иному, какъ къ Володѣ. Я глубоко вздохнулъ и мгновенное чувство облегченія ворвалось въ мою напуганную дѣтскую душу. Я уже готовъ былъ настроиться на самый оптимистическій ладъ, когда изъ комнаты послышался вдругъ голосъ Володи, какой-то незнакомый, надтреснутый и глубоко страдающій.

— Все равно... Не говори мнѣ всего этого... Все такъ мерзко, такъ ужасно мерзко на свѣтѣ...

До сихъ поръ еще я слышу этотъ голосъ. Словъ было немного, но настоящій ужасъ повѣялъ на меня отъ этой простой фразы. Никогда «пѣснь самоубійцы» не производила на меня впечатлѣнія, хотя отчасти подобнаго тому, которое я чувствовалъ при звукахъ этого знакомаго и какъ-будто всетаки чужого голоса, въ которомъ не было жизни. Оглядываясь теперь назадъ, я часто спрашиваю себя: дѣйствительно-ли мы были тогда наканунѣ одной изъ тѣхъ роковыхъ случайностей, когда

острая боль мгновенно и быстро подавляетъ даже юношеское влеченіе къ жизни. Мой братъ и теперь живъ, здоровъ и веселъ. Рану, нанесенную его сердцу измѣной Тани, затянуло очень скоро и, кажется, безъ слѣдовъ. И однако, всякій разъ, какъ я вспоминаю эту минуту, во мнѣ оживаетъ также воспоминаніе о какомъ-то особенномъ инстинктивномъ замираніи моего дѣтскаго сердца, чуявшаго настоящую, ненадуманную опасность.

Николай Николаевичъ толкнулъ дверь, и мы остановились на порогѣ.

Передъ нами была небольшая полутемная комната. На одномъ столѣ, заваленномъ книгами, тускло горѣла свѣча; на стульяхъ, на кровати, на подоконникѣ въ безпорядкѣ валялись разныя вещи. Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза лицо Жоськи, испуганное и совершенно растерянное. Видно было, что онъ застигнутъ врасплохъ, не знаетъ, что дѣлать, и чувствуетъ, что произноситъ не слова, а только звуки, совершенно не достигающіе цѣли.

Володя сидѣлъ на стулѣ. Лицо его казалось мнѣ потемнѣвшимъ. Онъ встрѣтилъ насъ вопросительнымъ взглядомъ, въ которомъ, впрочемъ, промелькнуло, какъ мнѣ показалось, что-то мягкое и ласковое, когда онъ замѣтилъ мою блѣдность и неловкую растерянность своего друга.

— Вотъ-съ, мы, знаете-ли, вышли съ Гришей прогуляться, — сказалъ Николай Николаевичъ, отворачивая глаза отъ Володи и обращаясь къ Жоськѣ,—видимъ, огонекъ... дай, думаемъ, зайдемъ...

Всѣмъ было ясно, что онъ говоритъ пустяки: квартира Жоськи находится во флигелѣ, — и не видна съ улицы. Гулять безъ цѣли въ такую погоду тоже никто, конечно, не ходитъ. Николай Николаевичъ былъ смущенъ и испытывалъ нѣкоторую неловкость, которая овладѣла всѣми: всѣмъ было понятно, что насъ привело сюда, но заговорить объ этомъ какъ-то трудно... Володя смотрѣлъ на насъ все съ тѣмъ-же растеряннымъ, но смягчающимся выраженіемъ. У меня мелькнула надежда, что самое присутствіе, если не мое, то его стараго друга Николая Николаевича, произведетъ на Володю успокоительное дѣйствіе. Но всетаки въ его лицѣ было что-то чужое, пугающее, а въ глазахъ виднѣлась какая-то особенная мысль, затаившаяся въ самой глубинѣ этихъ сѣрыхъ глазъ...

— Ну, и погода-съ,—опять застѣнчиво говоритъ Николай Николаевичъ,—непріятнѣйшая погода-съ, такъ и воетъ, и воетъ...

— А ты, Гриша, разгуливаешь въ такой вѣтеръ, — обращается Володя ко мнѣ,—простудишься и обезпокоишь маму...— Онъ говоритъ какъ-то безучастно, едва-ли придавая своимъ словамъ ихъ настоящее значеніе.

— Нѣтъ... ничего,—отвѣчаю я, потупляя глаза.

Мнѣ хочется сказать такъ много, я о матери хочу напомнить, какія-то слова просятся съ языка, но сердце у меня бьется такъ сильно, я такъ взволнованъ, что не могу сказать ничего связнаго.

— А ты... ты самъ... подумалъ?..—говорю я, точно захлебываясь. Искренность моего волненія сразу разрываетъ общую лицемѣрную неловкость и разрушаетъ преграду, стоявшую между нами въ главномъ вопросѣ, для котораго мы пришли сюда, въ комнату Жоськи. Николай Николаевичъ какъ будто встрепенулся и шагнулъ по направленію къ Володѣ.

— Вотъ это правда-съ,—говоритъ онъ сурово. — Сами-то вы, кажется, о другихъ думаете мало-съ...

Володя ежится, какъ будто отъ холода.

— Къ чему вы это говорите?—спрашиваетъ онъ съ какой-то нехорошей кривой улыбкой.—Вѣдь не для нравоученій же вы пришли сюда въ такую погоду...

Николай Николаевичъ печально покачалъ головой и въ его голосѣ послышалась нота знакомой намъ горечи:

— Конечно-съ,—учить я васъ не смѣю-съ,—отвѣтилъ онъ съ горечью,—я неучъ и невѣжда-съ... Но позвольте сказать, отъ души-съ, отъ чистаго сердца. Я полагалъ себя вашимъ другомъ, и никогда не ожидалъ, не могъ даже предположить-съ...

— Простите, я не хотѣлъ васъ обидѣть,—сказалъ Володя угрюмо.

— Меня обидѣть-съ,—нѣтъ, я не о томъ-съ. Я не обиженъ. Я о томъ предметѣ, который вамъ хорошо извѣстенъ, Владиміръ Алексѣевичъ... Вотъ и товарищъ вашъ, Іосифъ Петровичъ, я полагаю, не откажется подтвердить... Да-съ, я невѣжда и неучъ... Именно о томъ я и говорю, что вы люди образованные и этимъ обязаны руководствоваться въ своей жизни-съ. Никогда этого не забывать-съ!.. Зачѣмъ же у васъ наука-съ, зачѣмъ образованіе-съ... Взглядъ то у васъ долженъ бы быть шире...

Онъ остановился въ волненіи и черезъ нѣсколько секундъ продолжалъ:

— Вы вотъ полагаете, что у васъ однихъ горе-съ. У другихъ нѣтъ-съ?..У другихъ можетъ быть тяжеле-съ! Да, темное-то горе оно именно тяжело-съ... Скверно-съ! Душа вырывается, такъ сказать; такъ бы вотъ взялъ сердце то, да своими руками и разорвалъ бы его: не ной ты, не кипи, что ты со мною сдѣлаешь?! а? Что вы сдѣлаете-съ, когда вы ничтожность, можно сказать, червь, котораго... всякій проходящій... ногой-съ... Посмотрите кругомъ-съ... Вотъ, извольте-съ, я вамъ разскажу. Видали ли вы?.. Ну, вотъ хоть семью-съ. Отецъ выбивается изъ силъ, то нѣтъ работы, то за работу платятъ грошъ; мать въ чахоткѣ-съ. Ее

заѣла нужда. Пятеро ребятишекъ, малъ-мала-меньше, голодны-съ. Изъ нихъ самый маленькій открываетъ ротъ и плачетъ, проситъ ѣсть, а дать-то нечего-съ. Почему, спрашиваю я васъ, дѣти голодны, передъ кѣмъ дѣти-то, дѣти-то передъ кѣмъ виноваты?—Вы не видали-съ этого, а я видѣлъ! и не то еще видѣлъ! Видѣлъ и голодъ, и неправду, и притѣсненіе-съ, и страдалъ-съ!.. Моя душа рвалась... помочь, защитить, научить... Но что могъ я сдѣлать, когда душа у меня темная... я—неучъ, я—пьяница!.. Я жилъ около васъ и все это время, можно сказать, былъ счастливъ, лелѣялъ мечту-съ... За честь почиталъ-съ... Вотъ, думалъ я, силы молодыя! Васъ вотъ трое передъ моими старыми глазами, чистые, добрые... И у васъ знаніе-съ. А за вами другіе-съ, много, много другихъ-съ, просвѣщенныхъ знаніемъ-съ... И я думалъ: вотъ они просвѣтятъ темноту-съ, вотъ они защитятъ... человѣка-съ...

Голосъ Николая Николаевича прервался... Глубокое и искреннее волненіе водворилось въ примолкшей комнатѣ Жоськи. Я смотрѣлъ на Николая Николаевича широко открытыми глазами, плохо понимая, но глубоко волнуясь съ нимъ вмѣстѣ. Черезъ минуту онъ заговорилъ опять:

— Да, надѣялся, возлагалъ упованіе-съ... И вдругъ, пустяки-съ, дѣвчонка, огорченіе самолюбія-съ... И все прахомъ. Гдѣ планы-съ, гдѣ надежды-съ, гдѣ честныя намѣренія-съ? Все, все прахомъ! И это у васъ, у котораго, можно сказать, впереди жизнь, счастіе-съ, свѣтъ... Что же намъ-съ?.. Намъ, я васъ спрашиваю, что-же вы оставляете-съ... Намъ, червякамъ, въ нашей темнотѣ-съ...

Онъ опять остановился и посмотрѣлъ прямо на Володю какимъ-то потускнѣвшимъ взглядомъ:

— Намъ то что же дѣлать-съ?.. Вамъ извѣстно-съ... Сестренка... вмѣстѣ по двору бѣгали-съ... Любилъ вѣдь я...

Мы всѣ смолкли. Драма, отголоски которой доносились къ намъ изъ за стѣны, которую мы воспринимали такъ поверхностно и порой съ комической стороны, теперь встала передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ, въ искаженномъ лицѣ и глубоко страдающемъ голосѣ этого невзрачнаго человѣка... Мнѣ стало вдругъ какъ-то холодно... Таня, Селяцій, вся эта наша драма стала вдругъ такой маленькой и ненастоящей...

Мнѣ хотѣлось броситься къ Николаю Николаевичу, обнимать его, что-то обѣщать, въ чемъ-то поклясться, но прежде, чѣмъ я сдѣлалъ это, къ нему подошелъ Володя. Лицо у него опять стало прежнимъ, только нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго; встрѣтившись со мною взглядомъ, онъ отвернулся, порывисто обнялъ взволнованнаго Николая Николаевича, а Жоська, оставившій свою обычную мрачность, тоже кинулся къ нему и молча пожималъ его свободную руку...

Николай Николаевичъ какъ-то вдругъ застыдился и снова сдѣлался такимъ маленькимъ и скромнымъ, какъ всегда. Онъ постарался перемѣнить разговоръ, и черезъ нѣкоторое время въ комнатѣ Жоськи опять завязалась бесѣда... Говорили о будущемъ, о наукѣ, еще о чемъ-то, для меня мало понятномъ, и Николай Николаевичъ опять воодушевлялся и даже вспоминалъ Иванова-Козельскаго. Володя какъ-то оживалъ и только минутами еще ежился, точно по немъ проходилъ ознобъ.

Возвращаясь по совершенно заснувшимъ улицамъ, среди той же непогоды, я чувствовалъ лишь какое-то пріятное утомленіе, покой. Потомъ, засыпая въ своей комнатѣ, я слышалъ, какъ Володя часто и долго сморкался... «Плачетъ,—думалось мнѣ сквозь сонъ,—но это ничего, все пройдетъ... какіе всѣ... хорошіе»....

На минуту фигуры Тани и самодовольнаго Селяцкаго выплыли откуда-то въ моемъ сознаніи, но тотчасъ же все исчезло..

Прошло много лѣтъ, и вотъ судьба доставила Володѣ возможность еще разъ увидать Николая Николаевича... Это было очень грустное свиданіе. Проѣзжая мимо городка К, уже совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ, Володя остановился тамъ на день. Проходя по улицамъ знакомаго города, онъ не узналъ его: всюду выросли новыя зданія, старыя совсѣмъ утратили свой прежній видъ и выглядѣли какъ то меньше и неуютнѣе. Среди измѣнившейся обстановки,—мелькали все чужія, незнакомыя лица. Вотъ пробѣжали группы гимназистовъ... какъ они напомнили ему былое, и какимъ далекимъ почувствовалъ онъ себя отъ этого былого, далекимъ не годами, а тѣмъ, что наполняло эти годы.

Вернувшись въ гостинницу и не зная, какъ убить время, оставшееся до отъѣзда, онъ спросилъ зашедшаго въ номеръ корридорнаго о городскихъ новостяхъ. Оказалось, что новостями городокъ совсѣмъ не богатъ. Вотъ только вчера нашли повѣсившимся одного стараго нищаго. «Чудной былъ старикъ,—повѣствовалъ слуга,—никогда бывало не попроситъ милостыню, какъ слѣдуетъ, все требовалъ... гордый былъ человѣкъ, даромъ что нищій. Всѣ такъ его и звали: Николай Николаевичъ».

— Николай Николаевичъ?—вскрикнулъ Володя.

— Такъ точно. Развѣ изволили знать?

На утро братъ посѣтилъ своего друга въ пріемномъ покоѣ и шелъ за его гробомъ на кладбище. Нужно ли прибавлять, что онъ шелъ одинъ, и что на душѣ у него было печально. Онъ вспоминалъ памятный вечеръ, и ему казалось, что суровое лицо умершаго спрашиваетъ:

— Гдѣ планы, гдѣ надежды-съ, гдѣ честныя намѣренія-съ?..

Е. Грекова.

Безработные на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ.

Почти въ самомъ центрѣ Москвы, на Солянкѣ, лежитъ площадь, которая называется Хитровымъ рынкомъ. Много интереснаго для наблюдателя найдется въ этомъ районѣ. Прежде всего поражаетъ особенность толпы, которая съ утра до вечера толчется на рынкѣ. Если всмотрѣться повнимательнѣе, то легко можно замѣтить 2 категоріи людей: одна—это люди, ищущіе работы, преимущественно пришлые крестьяне; они одѣты въ сермягу или поддевку; къ этой же категоріи можно причислить и мѣстныхъ безработныхъ, какъ то: ремесленниковъ, прислугу и проч. Всѣ эти люди съ жадностію набрасываются на каждаго, пришедшаго на рынокъ и мало-мальски похожаго на нанимателя рабочихъ, предлагая на перебой свои услуги. Другую категорію составляютъ лица, выброшенныя изъ круга ихъ обычнаго существованія, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ — потери способности къ труду и др. причинъ. Эта часть населенія, почти всегда босая и грязная, голодная и пьяная, вызываетъ въ васъ содроганіе. Съ увѣренностію можно предсказать, что обыватели такого вида за рюмку водки готовы сдѣлать преступленіе. Для честной, трудовой жизни большая часть этой категоріи безвозвратно погибла, превратясь въ нищихъ, пьяницъ, воровъ и тунеядцевъ. Ихъ привыкли называть золоторотцами. Если вы удѣлите больше вниманія населенію Хитрова рынка, то вамъ не трудно будетъ замѣтить еще третью, промежуточную категорію, которая связываетъ двѣ вышеуказанныя и служитъ переходною ступенью отъ первой категоріи ко второй. Это рабочіе, понесшіе цѣлый рядъ неудачъ въ поискахъ труда. Все, что было принесено на Хитровку (запасныя рубашки, онучи, армякъ и проч.), продано; поддержки ни откуда нѣтъ, и бездомные, неимущіе неизбѣжно становятся нищими. По истинѣ печальная картина!

Между тѣмъ объ этомъ населеніи въ московскомъ обществѣ мало что извѣстно. Москвичъ знаетъ Хитровку только изъ газетъ по уголовнымъ процессамъ. Многія же стороны горькаго существованія населенія рынка остаются въ тѣни. А какъ необходимо

всестороннее изученіе образа жизни такого населенія и причинъ его положенія. Оно дало бы возможность понять многіе недочеты нашей трудовой жизни.

Въ настоящей статьѣ мы будемъ имѣть предметомъ изложенія составъ населенія и условія жизни этого жалкаго района.

Все населеніе Хитрова рынка живетъ преимущественно въ 5 ночлежныхъ домахъ. Изъ нихъ Мясницкое Городское Попечительство обслѣдовало 3 дома, въ которыхъ оказалось 3721 ночлежникъ—2657 мужскаго пола, т. е. 71,4% и 1064 женскаго пола, т. е. 28,6%.

По возрасту это населеніе можно разбить на три слѣдующія группы:

1 группа: дѣти и подростки *).

до 15 лѣтъ—2,1% муж. п., 5,6% жен. п.—обоего пола 3,1%
отъ 15 до 20 л. **)—6,2 » » 2,8 » » » 5,3 »

2 группа: рабочій возрастъ.

отъ 20 до 60 л. 86,4% » 86,4% » обоего пола 86,4%

3 группа: престарѣлые.

свыше 60 лѣтъ 5,3% » 5,2% » обоего пола 5,2%

Если рабочій возрастъ считать отъ 18—60 лѣтъ, то % этого возраста будетъ 91,7%.

Если же эту группу исправить въ смыслѣ увеличенія числа дѣтей, примѣрно съ 3,1%—10%, то % рабочаго возраста останется всетаки весьма значительнымъ—85.

Сравненіе возрастныхъ группъ Хитрова рынка съ возрастными группами московскаго населенія ***) приводитъ къ заключенію, что на Хитровомъ рынкѣ преобладаетъ рабочій возрастъ, а % престарѣлыхъ и дѣтей—нѣсколько ниже % въ столицѣ.

По сословіямъ Хитровское населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Крестьянъ	73%	муж. п.	74,4%	жен. п.	= 73,4%
Мѣщанъ и цеховыхъ . .	19,1 »	»	21 »	»	= 19,4 »
Отстави. солдатъ	4,7 »	»	4,3 »	солд. ж.	= 4,6 »
Почетн. гражданъ . . .	1,4 »	»	0,4 »	жен. п.	= 1,1 »
Бывш. чинов. и дворянъ .	1,1 »	»	0,6	»	= 1 »
Духовнаго званія . . .	0,6 »	»	0,1 »	»	= 0,4 »
Иностран. подданныхъ .	0,1 »	»	0,1 »	»	= 0,1 »

*) Опредѣлить точно количество дѣтей было невозможно, такъ какъ дѣти-ночлежники въ большинствѣ случаевъ бѣжали изъ ученичества ремесленныхъ мастерскихъ. При появленіи сотрудниковъ Попечительства они скрывались изъ ночлежныхъ квартиръ, боясь, чтобы ихъ не вернули въ мастерскія.

**) Лица въ возрастѣ отъ 18—20 лѣтъ составляютъ огромное большинство.

***) По переписи 1882 года въ Москвѣ до 15 лѣтъ — 20%, отъ 15 до 60 лѣтъ 74,6% и старше 60 лѣтъ 5,4%.

Сравнивъ % сословій Хитровскаго населенія съ % сословій всей Москвы, гдѣ крестьянъ 49,2%, мѣщанъ и цеховыхъ 28,3%,— мы находимъ крестьянъ на Хитровомъ рынкѣ больше, чѣмъ въ Москвѣ, а мѣщанъ и цеховыхъ меньше.

По мѣсту приписки ночлежники главнымъ образомъ принадлежатъ слѣдующимъ 8-ми губерніямъ:

Московской—39%, Рязанской—14%, Тульской—12,8%, Калужской—8,7%, Тверской—5,8%, Ярославской—5,6%, Смоленской—5,1%, Владимір.—5,0% и пр. губер.—3,4%.

По времени пребыванія въ Москвѣ ночлежники распредѣляются такъ:

— до 1 мѣс.:	22,6% муж. п.	+ 6,1% жен. п.;	обоего пола	18,6%
отъ 1 до 12 »	8,7 »	» 4,9 »	» »	7,8 »
» 1 до 2 лѣтъ	3,8 »	» 2,6 »	» »	3,5 »
» 2 до 5 »	11,3 »	» 9,5 »	» »	7,4 »
» 5 до 10 »	11,3 »	» 16,5 »	» »	12,5 »
Свыше 10 »	46,9 »	» 60,9 »	» »	50,2 »

Изъ этой таблицы видно, что половина всего обслѣдованнаго Хитровскаго населенія проживаетъ въ столицѣ болѣе 10 лѣтъ. Нѣсколько болѣе четверти ночлежниковъ—пришлые, которые живутъ въ столицѣ большею частью 1 мѣсяцъ; остальная же часть Хитровцевъ падаетъ на лицъ, проживавшихъ въ столицѣ отъ 1—10 лѣтъ.

По времени пребыванія на Хитровомъ ночлежниковъ можно сгруппировать въ слѣдующую таблицу:

а) не болѣе мѣсяца *):

41,3% мужск. пола, 22,3% женск. пола, обоего пола 36,6%

б) болѣе или менѣе продолжительное время:

(отъ 1 м. до 12) 24,8% муж. п., 26,8% жен. п., обоего п. 25,4%

в) постоянныхъ жителей Хитровки:

(болѣе 1 года) 33,9% муж. п., 5,9% жен. п., обоего пола 38%

Отсюда усматриваемъ, что болѣе $^1/_3$ ночлежниковъ — (36,6%) пользовалось ночлежными квартирами короткое время; $^1/_5$ лицъ изъ нихъ находилась на рынкѣ всего лишь нѣсколько дней; постоянныхъ ночлежныхъ обитателей насчитывается $^2/_5$ т. е. 38%, четвертая же часть населенія (25,4%) жила не болѣе года.

Изъ числа разработанныхъ 3413 лицъ, оказалось холостыхъ 49,4%, дѣвицъ 37,4%, женатыхъ 41,7%, замужнихъ 29,7%, вдовцовъ 8,9% и вдовъ 32,9%.

Хотя процентъ брачныхъ великъ, но почти всѣ они живутъ несемейно: $^3/_5$ ночлежниковъ имѣютъ дѣтей, но дѣти ихъ живутъ или у родственниковъ, или въ прислугахъ, или же въ ремесленныхъ мастерскихъ и только 4% ночлежниковъ имѣютъ дѣтей при себѣ.

---

*) Данныя разработаны по одному ночлежному дому.

По грамотности ночлежники подраздѣляются на:

	Мужск. пола.	%	Женск. пола.	%	Обоего пола.	%
Грамотныхъ	1413	56	108	10,7	1521	43,1
Неграмотныхъ	1111	44	900	89,3	2111	56,9

Изъ грамотныхъ низшаго образованія 93,1%, причемъ изъ нихъ 37% не учились въ школахъ, 6,2% обучались въ среднихъ, а 0,7% въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Относительно занятій населеніе рынка было опрошено въ числѣ 3721 человѣка мужскаго и женскаго пола.

Изъ мужскихъ профессій болѣе всего чернорабочихъ—38,3%, и огромное большинство изъ нихъ—пришлые (къ этой же группѣ мы причисляемъ и землекоповъ, печниковъ, пильщиковъ и зимнихъ извозчиковъ—ихъ 10,9%). Второе мѣсто принадлежитъ ремесленникамъ, ихъ 23,1%. Среди нихъ по количеству располагаются: булочники, потомъ слесаря, сапожники, башмачники, портные, граверы, наборщики, маляры, кузнецы, литейщики и проч.

Третье мѣсто занимаютъ торговцы, приказчики и разносчики—ихъ 11,3%. Прислуга составляетъ 8,1%; среди нихъ очень много половыхъ, дворниковъ и сторожей. Фабричныхъ на Хитровомъ рынкѣ—4,7%. Лицъ, служащихъ по письменной части (конторщики, бухгалтеры, почтамтскіе чиновники, служащіе на желѣзной дорогѣ)—3,8%. Лицъ, занимающихся интеллигентнымъ трудомъ,—0,9% и прочихъ профессій—9,8%.

Сравнивая перечисленныя профессіональныя группы съ соотвѣтствующими группами города Москвы, находимъ на Хитровомъ рынкѣ въ процентномъ отношеніи подавляющій перевѣсъ на сторонѣ пришлыхъ чернорабочихъ и нѣкоторое превышеніе тамъ ремесленниковъ и прислуги.

Что же касается женскихъ профессій, самой многочисленной является прислуга—43,3, среди которой больше всего кухарокъ и горничныхъ.

Если Москва въ сравненіи съ другими городами поражаетъ обиліемъ прислуги, то на Хитровомъ послѣдняя является еще болѣе высокимъ процентомъ. Второе мѣсто остается такъ же, какъ и въ мужскихъ профессіяхъ, за ремесленницами (26,4%). Число послѣднихъ составляется главнымъ образомъ изъ прачекъ, портнихъ, конфетчицъ, чулочницъ и проч.

Процентъ ремесленницъ на Хитровомъ рынкѣ значительно превышаетъ соотвѣтствующій процентъ въ Москвѣ.

На третьемъ мѣстѣ стоятъ чернорабочіе (9,8), коихъ относительно менѣе, чѣмъ мужчинъ. Далѣе идутъ фабричныя (9,3%), торговки (3,1%), интеллигентныя работницы (0,3%), проститутки и нищія и проч. (7,8%).

Сравнивая прежнее распредѣленія занятій, до появленія на Хитровомъ рынкѣ, съ распредѣленіемъ въ моментъ опроса, находимъ, что профессіональныя занятія падаютъ; прежде на каждыя 100 человѣкъ приходилось 74% лицъ всѣхъ спеціальныхъ профессій (кромѣ поденщиковъ и чернорабочихъ); послѣ же нѣкотораго пребыванія осталось теперь только 19,2% лицъ тѣхъ же профессій. Слѣдовательно, сохранила свои прежнія профессіи только съ небольшимъ ¼ этихъ работниковъ, т. е. группа совершенно незначительная.

Порядочная часть ночлежниковъ утратила свои прежнія профессіи и перешла главнымъ образомъ къ поденнымъ и чернымъ работамъ (возрастаніе съ 22,9% до 49,3% всего населенія), или временно находится безъ всякой работы (21,8%), или же совсѣмъ покинула трудовую жизнь (возрастаніе нищихъ и проститутокъ съ 1,6% до 6,8% и лицъ безъ самостоятельнаго заработка (по всей вѣроятности, нищихъ) съ 2,6% до 4,2%).

Сокращеніе профессіональныхъ группъ слѣдующее:

1. Ремесленниковъ	23,9%	всего нас.	прежде и	только 9%	теперь
2. По строительн. дѣлу	8,4	»	»	1,8	»
3. Фабричныхъ	5,8	»	»	0,4	»
4. Прислуги	16,0	»	»	0,9	»
5. Служ. (по письм. части)	2,9	»	»	0,4	»
6. Приказч. и торговцевъ	9,5	»	»	5,4	»
7. Интеллигент. профессій	0,7	»	»	0	»

Такимъ образомъ, большая часть Хитровскаго населенія перешла со спеціальной на качественно низшую работу,—портные въ починщики; часть же трудового населенія выдѣлилась въ ряды живущихъ на чужой счетъ людей.

Свѣдѣнія о размѣрѣ заработка на Хитровомъ рынкѣ получены отъ самихъ ночлежниковъ. Данныя приводятся по одному ночлежному дому какъ относительно дневного заработка однихъ, такъ и о мѣсячномъ и недѣльномъ заработкѣ другихъ.

Въ мѣсячномъ заработкѣ преобладающей платой мужчинъ является въ среднемъ 33 коп. въ день—47,3% числа мужчинъ; а ниже этой платы получ. 10,8% лицъ; болѣе же высокую—50 коп. 14% и 67 коп.—тоже 14% числа мужчинъ. Преобладающей платой женщинъ въ среднемъ—33 коп. (61,1%), хотя у послѣднихъ при незначительномъ числѣ зарегистрованныхъ случаевъ возможны колебанія.

Поденная плата получается ночлежниками въ слѣдующемъ размѣрѣ: *) на 100 мужчинъ приходится до 40 к.—25,7%, отъ 40 до 70 к.—55,9% чел. и свыше 70 коп.—18,4%.

*) Приводимъ на справку данныя о платѣ поденщикамъ и поденщицамъ всего города за 1896 годъ по сводному бюллетеню города Москвы: плата мужчинъ высшая 90 коп., низшая 50 коп., средняя 69 коп., женщинъ высшая—70 коп., низшая 35 коп. и средняя 54 коп.

На 100 женщинъ—до 40 коп.—79,7%, отъ 40 до 70 коп. 19,6% и свыше 70 коп.—0,5.

На 100 человѣкъ обоего пола до 40 коп. 40,5%, отъ 40 до 70 коп.—45,9% и свыше—13,6.

Но работа у поденщиковъ бываетъ не каждый день, а раза 2—3 въ недѣлю, поэтому ихъ заработокъ чрезвычайно скуденъ, и вслѣдствіе этого они влачатъ жалкое существованіе, претерпѣвая крайнюю нужду.

Мясницкимъ попечительствомъ обслѣдовано 174 ночлежныхъ квартиры четырехъ домовъ Хитрова рынка. Ночлежники, ищущіе работы, распредѣляются въ квартирахъ двоякимъ образомъ: по землячеству и по профессіямъ. Въ первомъ случаѣ они селятся для того, чтобы отыскать своихъ земляковъ, живущихъ на мѣстахъ въ Москвѣ, и чтобы земляку, услыхавшему о свободномъ мѣстечкѣ, отыскать безмѣстнаго товарища, а также селится по землячествамъ рабочее населеніе, проходящее черезъ Москву на земляныя, кирпичныя, торфяныя и проч. работы. Весной это населеніе на Хитровомъ рынкѣ нанимается на работы, разбиваясь на мелкія партіи и расходясь въ разныя подмосковныя мѣстности. Лѣтомъ оно собирается сюда для покупки мелкихъ вещей и для свиданія съ земляками; осенью послѣ разсчета рабочіе собираются сюда, чтобы, встрѣтясь съ земляками, отправиться вмѣстѣ домой. Мы не станемъ описывать тѣ ужасы, то нравственное растлѣніе, которое производится надъ этимъ населеніемъ въ вертепахъ Хитрова рынка, но не можемъ обойти молчаніемъ, что зачатки разныхъ пороковъ, какъ то воровства, разврата, разноситъ это населеніе въ далекія глухія деревни.

Съ той же цѣлью, для пріисканія работы селятся ночлежники и по профессіямъ. За послѣдніе годы, по словамъ ночлежниковъ, притокъ безмѣстныхъ усиливается. Вотъ, что разсказываютъ ночлежники о профессіяхъ, въ которыхъ нанимаются на хозяйскихъ харчахъ и квартирахъ: прежде безмѣстные ночевали, а иногда и кормились у товарищей, живущихъ на мѣстахъ; но за послѣднее время хозяева запрещаютъ оставлять безмѣстныхъ знакомыхъ на ночлегъ, поэтому волей неволей приходится идти въ ночлежный домъ.

Теперь перейдемъ къ описанію жилищъ. Всѣ ночлежныя квартиры сдаются мелкимъ арендаторамъ, получающимъ разрѣшеніе отъ полиціи, которая опредѣляетъ нормальное число людей на каждую квартиру.

Но эти нормы чрезвычайно разнообразны; у $^3/_5$ (59,4%) числа всѣхъ квартиръ воздуха для каждаго ночлежника не отводится наименьшаго размѣра, допускаемаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ (1 куб.саж.), и только у $^2/_5$ всѣхъ квартиръ приходится на каждаго частно по 1 куб. саж., частно нѣсколько болѣе. Въ дѣйствительности, всѣ почти ночлежныя квартиры переполнены. По показанію квартирныхъ хозяевъ, замѣчается особенно большой наплывъ начлежниковъ съ поздней осени

до ранней весны; болѣе или менѣе меньшій наплывъ ночлежниковъ бываетъ обратно—съ ранней весны до глубокой осени. Въ послѣднемъ случаѣ число ночующяхъ въ 4-хъ ночлежныхъ домахъ равняется 6667 чел., притомъ болѣе половины всего населенія (55,74%) не получаетъ и $^1/_2$ куб. саж. воздуха, а 7,6 % имѣютъ менѣе 0,3 куб. саж.

При усиленномъ наплывѣ начлежниковъ (съ поздней осени до ранней весны) общее число ихъ бываетъ болѣе 7000.

Тогда 1%	(75	чел.)	ночлежник.	получаютъ	воздуха	0,17	к. саж.
5,7 »	(410	»	»		»	0,25	»
29,7 »	(2143	»	»		»	0,34	»
30,9 »	(2236	»	»		»	0,44	»
24,4 »	(1764	»	»		»	0,52	»
6 3 »	(460	»	»		»	0.62	»
2,1 »	(155	»	»		»	0,74	» *)

Картина получается самая удручающая; уклоненія отъ нормальныхъ условій достигли крайнихъ предѣловъ. Болѣе $^2/_3$ (67,5%) населенія не получаетъ и $^1/_2$ куб. саж. воздуха; поэтому жить здоровому человѣку въ такихъ помѣщеніяхъ невозможно. Чтобы имѣть ясное представленіе объ этихъ ужасныхъ вертепахъ, слѣдуетъ самому побывать тамъ ночью. Какъ только вы отворите дверь, васъ обдастъ вонючимъ и удушливымъ воздухомъ; вашимъ глазамъ представится потрясающая картина: при слабомъ свѣтѣ лампы вы увидите на нарахъ, на полу вповалку спящихъ ночлежниковъ, и если напряжете зрѣніе, станете въ нихъ всматриваться, то среди мужчинъ замѣтите женщинъ, иногда пьяныхъ и почти нагихъ.

Большинство ночлежниковъ спитъ на голыхъ нарахъ, прикрывшись какой либо рванью или своей же одеждой. Если вы прислушаетесь—то тамъ, то тутъ услышите стонъ и бредъ. Все, что мнѣ приходилось видѣть среди этихъ несчастныхъ, потерявшихъ, благодаря нищетѣ, человѣческій образъ, можно разсказать только при закрытыхъ дверяхъ.

Днемъ судьба этого населенія, въ студеную пору, еще хуже: полураздѣтые, босые ночлежники вынуждены оставаться на улицѣ, единственнымъ убѣжищемъ для нихъ служатъ трактиры, портерныя и водогрѣйни. Такая безпріютная жизнь представляетъ изъ себя цѣлый рядъ мученій, которымъ не видно конца, и рѣдко кому изъ ночлежниковъ удается выбиться изъ этой горькой обстановки. Ждать помощи не откуда, надѣяться на чье-либо сочувствіе или сожалѣніе—тщетно,—и вотъ начлежникъ находитъ себѣ единственное утѣшеніе—водку. Надо сознаться, что ея выпиваютъ на Хитровомъ рынкѣ въ огромномъ количествѣ.

---

*) Для опредѣленія вмѣстимости, въ каждой отдѣльной ночлежной квартирѣ производилось измѣреніе длины, ширины и высоты.

Причина такого переполненія ночлежныхъ квартиръ лежитъ, несомнѣнно, въ недостаточномъ количествѣ жилыхъ помѣщеній и въ высотѣ арендной платы, какъ его послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы арендаторы впускали ночлежниковъ согласно съ полицейскими нормами, то понесли бы убытку съ каждого ночлежника отъ 0,67,—1,6 въ сутки. Въ дѣйствительности же, благодаря постоянному переполненію квартиръ, арендаторы избавляются отъ убытка, и каждый получаетъ валовую прибыль отъ 16 руб. 36 коп. до 26 руб. 71 коп. Приведеная цифра такъ незначительна, что трудно предположить, чтобы она могла покрыть расходы сравнительно зажиточнаго существованія арендатора, поэтому слѣдуетъ допустить, что или квартиры еще болѣе переполняются, или существуютъ для арендатора еще какіе-либо иные доходы съ ночлежниковъ. Сомнѣваться въ послѣднемъ нѣтъ никакого основанія, такъ какъ, напримѣръ, по свидѣтельству одного изъ санитарныхъ врачей, нѣкоторые арендаторы тайно занимаются торговлею водкой, разбавляя ее водой и сдабривая разными снадобьями. Промыселъ аренды ночлежныхъ квартиръ такъ выгоденъ, что кандидатовъ на нихъ весьма много, причемъ при добровольной передачѣ бывшій арендаторъ всегда получаетъ отступныя. Простой подсчетъ показываетъ, что за одно и то же количество воздуха ночлежникъ платитъ дороже, чѣмъ средній обыватель.

Что касается питанія Хитровскаго населенія, то одинъ изъ санитарныхъ врачей утверждаетъ, что продукты рынка большею частію недоброкачественны. Все, что продается готовымъ—непригодно; бульонка въ дѣйствительности еще существуетъ; пироги съѣдобны только въ верхней части, а начинка выбрасывается, какъ испорченная; фабрикація и сдабриваніе продуктовъ обычны. По мѣстнымъ условіямъ надзоръ за доброкачественностью весьма труденъ.

Сами ночлежники тоже жалуются, что говядина почти всегда негодная, а иногда пахнетъ керосиномъ. Для опредѣленія доброкачественности продуктовъ покупались въ теченіе недѣли на Хитровомъ рынкѣ разныя пищевыя вещества, которыя были изслѣдованы врачомъ Кедровымъ. Въ результатѣ оказалось, что главнѣйшіе виды пищи, потребляемые ночлежниками, или тухлые: [1) супъ, щи; 2) мелкіе куски мяса, реберъ, обрѣзки сальника, кишекъ, желудка и хрящей; 3) селедка, яйца, пирожки]; или заплѣсневѣлые (напр. вареное легкое), или же приготовленные невѣдомо изъ какихъ припасовъ (напр. мясное блюдо), а ветчина представляетъ собою всевозможные обрѣзки съ испортившихся окороковъ, причемъ на кожѣ видны микроскопическія колоніи, а запахъ своеобразный, но не характерный ни для копченой, ни для соленой ветчины.

Самое питаніе въ ночлежныхъ квартирахъ происходитъ при неблагопріятной обстановкѣ: нѣтъ даже стола, и ночлежникъ вынужденъ ѣсть, сидя на грязныхъ нарахъ и разложивъ на нихъ безъ всякой подстилки хлѣбъ, соль и т. д.

Такое пребываніе ночлежниковъ въ совершенно неудовлетворительныхъ жилищахъ и питаніе недоброкачественными продуктами даютъ печальные результаты.

Изъ отчетовъ о дѣятельности московскихъ городскихъ врачей видно, что изъ 2379 заразныхъ заболѣваній, бывшихъ въ 1894 году во всѣхъ 3-хъ участкахъ Мясницкой части, на одинъ 3-й участокъ приходится 1774 случая, т. е. 74,6%; изъ 1902 заболѣваній въ 95 году на 3-й уч. падаетъ 1380, т. е. 72,6%; изъ 2851 заболѣванія въ 96 году въ 3 участкѣ было 2187, т. е. 76,7%. *) въ то время, какъ населеніе первыхъ двухъ участковъ **) составляетъ 64,9%, а населеніе одного 3 участка 35,1% всѣхъ жителей Мясницкой части. Наиболѣе пораженными въ 3 участкѣ, по словамъ отчета, оказались ночлежные дома. Такъ, напр., изъ 305 заболѣваній неопредѣленнымъ тифомъ по всему 3-му участку за 94 г. и 231 заболѣванія за 95 годъ падаетъ на ночлежные дома 291 случай за 94 годъ и 221 случай за 95 г. Заболѣваній сыпнымъ тифомъ въ ночлежныхъ домахъ было 21 случай за 94 годъ и 8 за 95 г. изъ 23 случ. за 94 г. и 10—за 94 г. по всему участку. По брюшному тифу въ ночлежныхъ домахъ—21 случай за 94 г. и 59 за 95 г. изъ 45 случ. за 94 г. и 91—за 95 годъ по всему участку. По возвратному тифу въ ночлежныхъ домахъ 674 случая за 94 годъ и 444—за 95 годъ изъ 700 случ. за 94 г. и 468—за 95 годъ. Заболѣваній крупознымъ воспаленіемъ легкихъ въ ночлежныхъ квартирахъ было 118 за 94 г. и 103—за 95 г. изъ 157 за 94 г. и 146 за 95 г. по всему участку. Высокъ также процентъ заболѣваній дизентеріей. Данныя за 96 годъ имѣются для всего 3-го участка въ сравненіи со всѣми 3-мя участками.

Такъ, изъ 409 заболѣваній неопредѣленнымъ тифомъ во всѣхъ участкахъ—на 3-й участокъ падаетъ 389 случ.; изъ 22 заболѣваній сыпнымъ тифомъ на 3-й уч.—16 случ.; изъ 125 заболѣваній брюшнымъ тифомъ на 3-й уч.—74 случая; изъ 993 случаевъ возвратнаго тифа на 3 участокъ—947 сл.; изъ 91 случая дизентеріи на 3 участокъ 54 случая и изъ 264 заболѣваній крупознымъ воспаленіемъ легкихъ на 3-й участокъ падаетъ 190 случаевъ. Приведу данныя о больныхъ Мясницкой городской амбулаторіи въ 95 г. Цифры эти даютъ ясное представленіе о жизни Хитровскаго населенія. Зарегистровано было 14,500 человѣкъ, живущихъ въ Мясницкой части—61,4% всѣхъ посѣтителей амбулаторіи ***); большинство изъ нихъ, несомнѣнно, составляютъ ночлежники. Преоб-

---

*) Данныя за 1896 г. взяты изъ отч. Моск. Гор. Упр. по санитарной части за 1896 г.

**) По переписи 1882 г. населеніе 1 уч. Мясницкой части 19,788 чел., 2 участка 13,937 чел. и 3-го участка 18.270 человѣкъ.

***) См. отчеты о дѣятельности Московскихъ Городскихъ врачей за 1895 годъ. Распредѣленіе болѣзней относится ко всѣмъ посѣтителямъ Мясницкой амбулаторіи.

ладающими болѣзнями являются: заразныя—19,5%, а изъ не заразныхъ болѣзни органовъ дыханія—19,6%, (что говоритъ о недостаточности чистаго воздуха), пищеваренія—14,4% (о плохомъ питаніи); костей суставовъ и мышцъ—10,2%, кожи и подкожной клѣтчатки—10,1%, глазъ—3,4% *).

Заразныя болѣзни въ отдѣльности подраздѣляются такъ: неопредѣленный тифъ—17,5%, прочія формы тифа—0,9%, дизентерія—3,4%, крупозное воспаленіе легкихъ—1,4%, гриппъ—26,3%, лихорадка 20,7% сифилисъ—9,6%, венерическія болѣзни—15,7% и другія—4,5% всѣхъ заразныхъ больныхъ.

Однимъ изъ военныхъ врачей ближайшихъ къ рынку казармъ было заявлено попечительству, что весьма многіе изъ солдатъ заражаются на Хитровѣ рынкѣ сифилисомъ и разными половыми болѣзнями.

Смертныхъ случаевъ **) въ Мясницкой части было въ 95 году 1073 и въ 96 г.—1134, причемъ въ первыхъ 2-хъ участкахъ умерло 461 челов. за 95 г. и 503 челов. за 96 г., а въ одномъ 3-мъ участкѣ 612 челов. за 95 г. и 631 челов. за 96 г. Особенно высока смертность отъ заразныхъ болѣзней. Изъ сырого матеріала, взятаго изъ «Сводовъ свѣдѣній объ умершихъ въ Москвѣ», изданныхъ городскимъ управленіемъ за 1892, 93 и 94 гг. (послѣдующіе Своды еще не вышли), составлены слѣдующія данныя:

На 100 смертныхъ случаевъ приходилось умершихъ отъ

	1892 г.		1893 г.		1894 г.	
	Въ 3 участ. Мясниц. ч.	Въ Москвѣ.	Въ 3 участ. Мясниц. ч.	Въ Москвѣ.	Въ 3 участ. Мясниц. ч.	Въ Москвѣ.
Тифа	3,35	1,86	2,73	1,16	3,83	1,30
Холеры азіатской.	16,76	2,70	5,18	2,81	0,80	0,06
Крупозной пневмоніи	6,01	2,62	5,59	3,04	4,78	2,65
Итого отъ 4 заразн. бол. .	27,16	8,48	15,13	8,39	11,64	5,03
Отъ чахотки	23,12	14,07	25.20	14,23	28,07	13,59
Всего отъ 5 перечисл. бол. .	50,28	22,55	40,33	22,62	39,71	18,62

По словамъ мѣстнаго санитарнаго врача ***) «разъ какими бы то ни было путями зараза попала въ среду этого бродячаго люда,

*) Многіе изъ больныхъ, въ особенности съ хроническими болѣзнями, нуждаются въ больничномъ лѣченіи, а между тѣмъ мѣстъ имъ не находится. Въ лѣчебницѣ Человѣколюбиваго Общества, по словамъ врачей, появляются больные, преждевременно выписанные изъ больницъ.

**) См. Сводный бюллетень по гор. Москвѣ за 1896 годъ.

***) См. отчеты о дѣятельности московскихъ городскихъ врачей за 1894 годъ, стр. 107.

онъ, не имѣя постояннаго мѣстожительства, разноситъ по ночлежнымъ домамъ эту заразу, которая проникаетъ иногда и за предѣлы Хитрова рынка, забираясь и въ частныя квартиры». Несомнѣнно, что, благодаря значительному числу пришлыхъ, зараза эта распространяется и за предѣлы города Москвы.

Чтобы закончить общую картину Хитровскаго житья-бытья, остается сказать, что при нынѣ существующихъ общественныхъ условіяхъ у рабочаго класса на случай лишенія заработка нѣтъ сбереженій и нѣтъ организацій помощи, а потому рабочій, съ потерей мѣста и въ случаѣ безработицы, претерпѣваетъ крайнюю нужду, утрачиваетъ свои профессіональныя знанія и зачастую съ этимъ теряетъ образъ производительнаго работника, превращаясь въ нищаго пропойцу и тунеядца.

Къ всему этому остается прибавить, что описанныя условія жизни рынка не есть явленіе только мѣстное, а продуктъ условій жизни большихъ промышленныхъ центровъ, что подтверждаютъ обслѣдованія ночлежныхъ домовъ въ Кіевѣ, въ Нижнемъ и въ Орлѣ.

С. Курнинъ.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Романъ Эдуарда Естонье.

Переводъ съ французскаго А. Анненской.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Разсвѣтаетъ.

Въ утреннемъ туманѣ высокая башня собора, острые флюгера герцогскаго замка, рѣзкіе углы старыхъ домовъ, вся безпорядочная масса готическихъ зданій стараго Невера представляются чѣмъ то фантастическимъ, какимъ то сонным видѣніемъ.

Полная тишина: городъ спитъ.

Вдругъ надъ статуями святыхъ, ниши которыхъ окружаютъ колокольню Сенъ-Сира, раздался звонъ колокола, возвѣщавшій первую обѣдню.

Это было знакомъ общаго пробужденія.

Звуки падали, словно капли дождя, и пробуждали жизнь въ ближайшихъ улицахъ, въ Эпископской, въ Соборной, въ Монастырской, въ улицѣ Францисканцевъ, а оттуда полетѣли къ долинѣ, еще окутанной мракомъ. Въ нижнихъ кварталахъ началось движеніе. Тамъ и сямъ проходили тѣни, благочестивыя тѣни священниковъ, бормотавшихъ утреннее «ave», худощавыя тѣни женщинъ, бѣжавшихъ къ первой церковной службѣ, мелкія тѣни мелкихъ людишекъ, которымъ въ другіе часы дня некогда и заглянуть въ церковь; дальше, по улицѣ св. Реверіена монахини Сенъ-Винцента шли толпой, точно какія то синія птицы съ распущенными бѣлыми крылами.

Затѣмъ на концѣ площади появились дѣти. Они подходили съ разныхъ сторонъ. Въ темныхъ улицахъ слышался ихъ смѣхъ; слышались восклицанія и топотъ бѣгущихъ ногъ. Г. деканъ собора, проходившій по площади, узналъ по ихъ

курточкамъ съ блестящими пуговицами учениковъ коллегіи Сенъ Луи де Гонзагъ. Онъ съ улыбкой отвѣчалъ на ихъ поклоны.

— Здравствуйте, дѣти, здравствуйте!

Одинъ изъ мальчиковъ подошелъ къ нему.

— А, это вы, Жанъ! Какъ здоровье г. де Берньеръ?

— Благодарю васъ, хорошо. Папенька поправился.

— Куда же это вы идете такъ рано?

— Сегодня праздникъ конгрегаціи въ Сенъ Луи де Гонзагъ.

— А, вотъ что! очень хорошо!

Г. деканъ усмѣхнулся и пошелъ дальше.

Въ эту минуту колоколъ Сенъ-Сира умолкъ. Въ воздухѣ пронеслись переливы его послѣдняго удара.

Послѣ этого тишина нарушалась только тѣмъ шумомъ, какой производили ученики коллегіи. На углу улицы Четырехъ сыновей Аймона раскрылись обѣ створки воротъ: коллегія открывалась. Густая толпа школьниковъ, тѣснясь, вошла въ ворота, которыя, казалось, поглотили весь уличный шумъ. Площадь снова замерла въ своемъ сѣромъ безмолвіи, а дворы Сенъ Луи де Гонзагъ огласились шумомъ. Молодежь, наполнившая ихъ, внесла въ нихъ свой свѣтлый міръ. Лѣстницы дрожали подъ тяжестью вбѣгавшихъ на нихъ ногъ.

Входя въ домъ, каждый мальчикъ кланялся монаху, стоявшему въ дверяхъ:

— Какъ ваше здоровье, братъ Фраппусъ?

Братъ, смѣясь, качалъ головой.

— Ну, ну, проходите, негодяи! не стоитъ съ вами разговаривать!

Разные голоса подхватили это имя:

«Братъ Фраппусъ! Братъ Фраппусъ!»

Но вотъ надъ крышей раздался звукъ новаго колокола, очень тонкаго, который своимъ тощимъ голосомъ какъ-будто говорилъ о какой-то иной религіи.

Братъ Фраппусъ прислушавался къ нему, благоговѣйно сложивъ руки. Какъ любилъ онъ этотъ колокольчикъ, этого друга, управлявшаго всею его монастырскою жизнію! Однимъ и тѣмъ же звукомъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ указывалъ ему часы размышленія, время обѣда, отдыха и церковныхъ службъ; машинально оглядывая площадь, чтобы замѣтить опоздавшихъ учениковъ, онъ предавался пріятнымъ размышленіямъ.

Ахъ, какъ онъ любилъ этотъ домъ и всю эту жизнь безъ заботъ и волненій! Правда, онъ отказался отъ всякой собственности, но развѣ всѣ эти стѣны, и этотъ дѣтскій шумъ, и самый колоколъ не принадлежали ему? Чувство мягкаго самоуслажденія охватило его. Сердце его было мертво, но это не мѣшало ему ощущать безконечное довольство.

Вошелъ Леонардъ Кланъ. Хотя онъ былъ въ классѣ философіи, на немъ была надѣта, какъ и на его товарищахъ, матросская куртка.

— Что, я опоздалъ, братъ Фраппусъ?

— Не совсѣмъ; слышите, еще звонятъ.

Леонардъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Какъ я бѣжалъ,—сказалъ онъ.—Тетя Нонъ забыла разбудить меня.

Братъ улыбнулся и спросилъ съ лукавымъ видомъ:

— А что, это правда, будто вы съ сегодняшняго дня считаетесь префектомъ конгрегаціи?

Краска разлилась по лицу Клана.

— Да, меня назначили префектомъ.

Губы его шевелились, но онъ замолчалъ: сердце его радостно билось, и онъ не могъ принять личину скромной добродѣтели.

— Не странно ли это?—проговорилъ онъ, наконецъ,—Лани тоже назначенъ первымъ ассистентомъ.

Братъ Фраппусъ побрякивалъ своими ключами.

— Будьте всегда также дружны, а сегодня утромъ помолитесь хорошенько за меня!

— Непремѣнно, братъ!—

Леонардъ тихими шагами прошелъ по двору, взошелъ на лѣстницу и по темному корридору дошелъ до церкви. Это была зала съ низкими, стрѣльчатыми сводами. Въ глубинѣ ея блестѣлъ престолъ изъ позолоченнаго дерева и безъ всякихъ украшеній. Шесть большихъ свѣтильниковъ освѣщали его, а передъ нимъ, ничѣмъ отъ него не отдѣленные, стояли ряды скамеекъ членовъ конгрегаціи, сидѣвшихъ спиной къ двери. Въ комнатѣ носился сладкій запахъ ладона, сразу чувствовалось, что это мѣсто есть домъ Божій.

Отъ сильнаго волненія сердце Леонарда сжалось. До сихъ поръ онъ не выдѣлялся изъ толпы товарищей. Сегодня въ первый разъ онъ выйдетъ изъ ихъ рядовъ, подойдетъ къ престолу и сядетъ на отдѣльную скамейку. Напрасно старался онъ смотрѣть на изображеніе Христа за престоломъ, невольно глаза его обращались на присутствовавшихъ. Онъ, не глядя, видѣлъ всѣхъ ихъ.

Ближе всѣхъ къ дверямъ стоялъ «секретарь» съ краснымъ бархатнымъ мѣшечкомъ для сбора пожертвованій, потомъ въ послѣднихъ рядахъ «испытуемые», которые старались своимъ благочестіемъ угодить отцамъ, чтобы получить званіе членовъ конгрегаціи; два года тому назадъ Леонардъ былъ такимъ же какъ они. Два года! какъ это было еще недавно и какъ давно!

Ближе къ хорамъ помѣщались собственно члены конгрегаціи и разныя должностныя лица: ризничіе, казначей, со-

вѣтники, чтецы, все мелкій людъ, который былъ теперь отдѣленъ отъ Леонарда цѣлою пропастью. Онъ почувствовалъ къ нимъ даже какую-то жалость; подвигаясь впередъ, онъ думалъ:

— Ахъ, бѣдныя души, которыя никогда не могутъ возвыситься! Бѣдныя сердца безъ желаній, осужденныя никогда не стремиться къ идеалу!

Въ первомъ ряду, одѣтые почти какъ причастники, стояли тѣ изъ испытуемыхъ, которые въ этотъ день должны были произнести свой обѣтъ служить Пресвятой Дѣвѣ. Они были по большей части серьезно настроены и набожно молились. Только къ нимъ однимъ чувствовалъ Леонардъ свою близость. Онъ уже любилъ ихъ, какъ любятъ жатву, послѣдовавшую за первымъ посѣвомъ. Ихъ благочестіе увеличивало важность его сана.

Но вотъ онъ вошелъ на клиросъ. Алтарь, около котораго онъ очутился, казалось, пылалъ. Христосъ покоился на крестѣ, простирая руки.

Леонардъ быстрымъ движеніемъ поклонился до земли. Сердце его замирало отъ блаженства. На секунду потерявъ сознаніе, онъ съ обожаніемъ преклонялся предъ святыми дарами: съ одной стороны ему чудились сонмы ангеловъ, воспѣвающихъ хвалу Божію, съ другой онъ видѣлъ взоры присутствовавшихъ, устремленные на него; онъ всталъ, быстро дошелъ до своего мѣста и началъ, осѣняя себя крестомъ:

— In nomine patris et Filii et Spritus Sancti..

Гулъ голосовъ отвѣтилъ:—Amen.

— Veni Sancte Spiritus...

Голосъ Леонарда дрожалъ, онъ говорилъ медленно, съ интонаціей, обычной у священнослужителей. Въ своемъ религіозномъ экстазѣ онъ какъ бы роняль слова молитвы на всѣхъ стоявшихъ ниже его.

Началась обѣдня, при самой простой обстановкѣ.

Служилъ отецъ Гурманель, ему прислуживали два члена конгрегаціи, въ красныхъ одеждахъ и въ кружевныхъ стихаряхъ.

На церковныхъ облаченіяхъ не было никакихъ украшеній. Отсутствіе обычной торжественности увеличивало прелесть богослуженія. Эта простота возвышала душу. Она какъ бы сближала людей съ небомъ.

Когда отецъ Гурманель поворачивался спиной къ присутствовавшимъ, простирая руки къ небу, едва можно было разслышать его слабый голосъ. Онъ дурно произносилъ слова и безъ всякаго выраженія дѣлалъ возгласъ:—Богъ да будетъ съ вами!

Громкія молитвы членовъ конгрегаціи смолкли, каждый изъ нихъ сосредоточился въ себѣ, въ жаркомъ воздухѣ церкви

каждый изъ нихъ чувствовалъ что то особенное, точно тѣло его готово было растаять и унестись въ надземный міръ.

Послѣ евангелія, которое всѣ выслушали стоя, послышалось движеніе стульевъ. Всѣ сѣли. Отецъ Гурманель началъ говорить проповѣдь:

— Venite, omnes!..

Коментируя этимъ призывъ Христа, онъ призывалъ дѣтей, незнакомыхъ съ жизнью, бѣжать отъ жизни, изъ міра. Онъ описывалъ этотъ міръ самыми черными красками.

— Сатана весь, цѣликомъ воплощается въ немъ. Это океанъ гибели, отравленное болото, алчный звѣрь, съ которымъ надобно бороться до смерти!

Неудержимымъ потокомъ лилась его брань противъ этого неизвѣстнаго, являющагося олицетвореніемъ разврата, потери добродѣтели, отреченія отъ Христа.

Дѣти слушали съ удивленіемъ.

— Когда вы выйдете изъ коллегіи,—продолжалъ отецъ,— міръ подойдетъ къ вамъ, произнося тотъ же призывъ, что и Христосъ: Venite, venite! Бѣда тому, кто послѣдуетъ за его призывомъ!

Мысль, что, быть можетъ, когда-нибудь они перестанутъ быть набожными, что они перестанутъ любить Пресвятую Богородицу и великихъ святыхъ приводила въ смятеніе эти дѣтскія души.

Но вотъ на лицахъ слушателей скользнула улыбка. Проповѣдникъ восклицалъ въ пылу негодованія:

— Несомнѣнно! это несомнѣнно!

Слово «несомнѣнно» слишкомъ часто украшало его краснорѣчіе, вѣроятно потому, что выражало непоколебимость его вѣры. Леонардъ поднялъ голову, обмѣнялся веселымъ взглядомъ съ товарищами и затѣмъ посмотрѣлъ на священника.

О немъ разсказывали цѣлый романъ. Онъ былъ миссіонеромъ въ Китаѣ и только чудомъ спасся отъ мученической смерти. Изъ своихъ дальнихъ странствій онъ вернулся съ разбитымъ голосомъ, съ безкровнымъ лицомъ, съ потухшимъ взоромъ. На родинѣ его осудили вести скромное существованіе въ провинціи. Онъ былъ проповѣдникомъ конгрегаціи и исповѣдывалъ кухарокъ. Это былъ святой человѣкъ, очень скромный и никому неизвѣстный.

При мысли о его приключеніяхъ сердце Леонарда забилось. Онъ сталъ мечтать объ опасныхъ путешествіяхъ, о побѣдахъ надъ невѣрными, о богатой жатвѣ душъ. Конецъ проповѣди прекратилъ его мечты. Стулья снова задвигались, обѣдня продолжалась, и секретарь сталъ ходить за сборомъ.

Въ церкви воцарилась болѣе глубокая тишина. Приближалось время причащенія, и это наполняло души восторженнымъ

благоговѣніемъ. Еще нѣсколько минутъ, и Христосъ явится и прижметъ къ своему сердцу всѣхъ своихъ любимцевъ, какъ нѣкогда прижималъ апостола Іоанна.

— О, Іисусе, Іисусе!—шепталъ Леонардъ. Религіозный экстазъ овладѣлъ имъ. Онъ забылъ всю свою гордость и, сложивъ руки, взывалъ трепетнымъ голосомъ: О, Іисусе, Іисусе!

Онъ молился за всѣхъ: за тетку Нонъ, за своего опекуна, г. Артуса, жившаго далеко и невѣрующаго, за Лани, своего лучшаго друга, стоявшаго на колѣняхъ подлѣ него, за Жука, котораго лицей навѣрно развратитъ. Душа его открывалась и по временамъ ему казалось, что вотъ явится Христосъ съ кроткими глазами, съ бѣлокурой бородой, въ бѣлой льняной одеждѣ, и протянетъ ему руки, и назоветъ его: «Сынъ мой!»

Колокольчикъ прозвонилъ три раза, возвѣщая начало причащенія священниковъ. Испытуемые первой степени опустились на колѣни на единственной ступенькѣ передъ алтаремъ. Леонардъ сталъ направо отъ нихъ, держа восковую свѣчу. Среди общаго благочестиваго молчанія послышался голосъ:

— Ego Eduardus de Brennes, te advocatum eligo...

Это была формула посвященія, медленно произносимая каждымъ передъ святымъ причастіемъ, которое священникъ поднималъ надъ ихъ головами.

— Ego, Paulus Ducret...

— Ego, Stephanus Rimbard..

— Ego, Aloysius Vincent...

Одинъ голосъ слѣдовалъ за другимъ, нѣкоторые болѣе, другіе менѣе твердые, всѣ взволнованные торжественностью минуты; можно было угадать характеръ юношей по одному тому, какъ они произносили слова формулы: одинъ очень робко, очевидно, ему было суждено идти нетвердой ногой по жизненному пути, другой слишкомъ самоувѣренно, очевидно, презирая всѣ опасности.

Прочитавъ формулу посвященія, каждый испытуемый причащался. Послѣ этого началось причащеніе членовъ конгрегаціи. Когда всѣ получили св. причастіе, необыкновенная тишина распространилась въ церкви. Казалось, пламя свѣчей на алтарѣ поднималось выше, дымъ кадильницъ болѣе густымъ облакомъ спускался внизъ. Христосъ былъ всюду, его присутствіе чувствовалось, почти явно проявлялось.

Такъ шло до конца службы. Солнце, проникая сквозь стекла, окружало лучезарнымъ свѣтомъ статуи святыхъ, безмолвныхъ свидѣтелей совершившагося. Трудно было представить себѣ болѣе полный миръ.

Послѣ «Sub tuum» всѣ вышли изъ церкви.

Очарованіе вмигъ изчезло. Какъ въ театрѣ, толпа послѣ длиннаго молчанія во время дѣйствія, въ антрактѣ начинаетъ

болтать, возвращаясь къ дѣйствительности, такъ и члены конгрегаціи быстро спустились на землю, очнулись отъ своей мечты. Раздался смѣхъ. Забыты были и причастіе и обѣты; забыта проповѣдь отца Гурманеля. Едва отошла обѣдня, какъ подвижники снова превратились въ беззаботно веселыхъ мальчугановъ.

Леонардъ отсталъ отъ другихъ. Принятіе святыхъ таинъ еще наполняло его восторгомъ, ему хотѣлось уединиться, остаться наединѣ съ собой. Ахъ, быть одному, непохожему на другихъ, погружаться въ блаженство любви ко Христу!

Безсознательно въ головѣ его произносилось одно слово:

— Любить! Любить!

И это слово относилось къ Богу, къ дивной тайнѣ, заключенной въ сверхъестественной жизни. Какого большаго счастья могъ онъ себѣ пожелать? Всюду твердая увѣренность, чудныя обѣщанія въ будущемъ, обѣщанія, до осязаемости удобоисполнимыя. Теперь стоитъ только идти все прямой дорогой, и на пути онъ не встрѣтитъ ничего, кромѣ цвѣтовъ, и никогда не узнаетъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаютъ въ мірѣ.

Угадывая, быть можетъ, что происходило въ душѣ юноши, іезуитъ, проходившій мимо, подошелъ къ нему.

— Ну, Кланъ, что же сегодняшній праздникъ?..

— Увы, отецъ, онъ кончился.

— Ну, что же, будьте счастливы!

Въ устахъ отца іезуита это пожеланіе счастья приняло какое-то таинственное выраженіе, какъ будто для осуществленія его нужно было что-то особенное.

— Счастливъ!—повторилъ Леонардъ нетвердымъ голосомъ.

Но уже колоколъ, тотъ самый, который возвѣщалъ начало праздника, снова наполнялъ всю коллегію своимъ дребезжавшимъ голосомъ.

— Это звонятъ къ завтраку,—продолжалъ отецъ іезуитъ,—постарайтесь имѣть хорошій аппетитъ и чистую совѣсть, въ этомъ вся жизнь.

Онъ ушелъ, пряча руки въ рукава своей теплой рясы. Длинный корридоръ, тянувшійся передъ церковью, въ свою очередь оживился. Двери келій отворялись одна за другой; изъ нихъ выходили монахи, спѣшившіе въ столовую.

Первымъ прошелъ ректоръ, отецъ Бартоленъ. Очень полный, невысокаго роста, съ голымъ, безволосымъ лицомъ, онъ имѣлъ бы видъ добродушнѣйшаго человѣка, если бы не тѣ подозрительные, проницательные взгляды, которые онъ бросалъ во всѣ стороны.

— Вы еще здѣсь, Кланъ?—сказалъ онъ;—префектъ конгрегаціи никогда не долженъ опаздывать.

— Я сейчасъ иду, отецъ, обѣдня только что кончилась,—

пробормоталъ Леонардъ, охваченный боязливою почтительностью.

Затѣмъ шелъ отецъ Буажоль, маленькій, худенькій, съ острымъ носомъ, съ смѣющимися губами, не изящный, но подвижной словно бѣлка. Онъ казался очень молодымъ и любилъ отпускать шуточки болѣе ѣдкія, чѣмъ веселыя. Онъ уже три года читалъ въ коллегіи риторику, превратилъ «Провинціальныя письма» Паскаля въ синоптическія таблицы и торжествовалъ при баккалаврскихъ экзаменахъ.

— Э, юноша, что вы тутъ дѣлаете? — весело закричалъ онъ.—Надобно быть настоящимъ іезуитомъ, чтобы завтракать съ нами!

— Вы напрасно торопитесь, батюшка,—смѣясь, отвѣчалъ Леонардъ,—все равно вамъ дадутъ не больше кофе, чѣмъ другимъ.

Въ эту минуту отецъ Ане вышелъ изъ своей комнаты. Этотъ отличался остроконечной головой, громаднымъ, вѣчно улыбающимся ртомъ и глуповатымъ выраженіемъ лица. Съ своими гноившимися глазами, съ своими тонкими волосами, окружавшими словно сіяніемъ голый черепъ, онъ казался смирнымъ дурачкомъ, мученикомъ аскетизма. Настолько незлобивый, что повидимому пропускалъ мимо ушей всякія признанія въ непристойныхъ поступкахъ, настолько занятый божественнымъ, что все порочное было ему чуждо, онъ исповѣдовалъ въ коллегіи Луи де Гонзагъ учениковъ, не особенно набожныхъ: это былъ тоже святой, какъ и отецъ Гурманель, но человѣкъ безобидный и не умный.

Онъ робко поставилъ стрѣлку противъ слова «столовая» на таблицѣ, приклеенной къ его дверямъ, на которой слѣдовало обозначать, куда уходилъ жилецъ комнаты, и затѣмъ обратился къ Леонарду, своему прежнему духовному сыну.

— Ахъ, Леонардъ, Леонардъ!—проговорилъ онъ и не зналъ, что сказать дальше, такъ что Леонардъ въ свою очередь повторилъ:

— Ахъ, отецъ Ане! отецъ Ане!

Между тѣмъ учителя и надзиратели все прибывали цѣлыми группами. Большая часть вовсе не имѣла аскетическаго вида, напротивъ, казалась жизнерадостной. Особенно поразительна была какая-то эстетическая гармонія между всѣми этими людьми, столь различными по происхожденію. Всѣ походили другъ на друга фигурой, походкой, манерами, сдержаннымъ голосомъ. Каждый отвѣтилъ на поклонъ Леонарда, приподнимая свою шапочку одинаковымъ быстрымъ движеніемъ. Ясно чувствовалось, что всѣ эти рабы устава шли въ столовую также покорно, какъ поѣхали бы въ Японію.

Въ одной только группѣ слышался разговоръ. Это шли

священникъ, отецъ Жусселинъ, прокуроръ, отецъ Дарбуа и префектъ классовъ, отецъ Сикстъ.

Отецъ Жусселинъ говорилъ плаксивымъ голосомъ деревенскихъ проповѣдниковъ. Краснощекій отецъ Дарбуа дѣлалъ размѣренныя движенія указательнымъ пальцемъ правой руки. Онъ не умѣлъ говорить проповѣди, и потому ему поручалось завѣдываніе капиталами, веденіе счетовъ поставщиковъ и воспитанниковъ. Отецъ Сикстъ говорилъ обыкновенно тихимъ сдержаннымъ тономъ, въ очень точныхъ, краткихъ выраженіяхъ, наводившихъ страхъ. Онъ игралъ роль исполнительной власти въ коллегіи; каждое воскресенье онъ читалъ отмѣтки и твердо изрекалъ порицанія, которыхъ всѣ боялись.

Ихъ три голоса наполнили корридоръ, заглушая шумъ шаговъ. Отецъ Сикстъ говорилъ:

— Это невозможно!

Отецъ Жусселинъ отвѣчалъ:

— Однако же, отецъ, развѣ мы не могли бы принять на себя обязательство?

А отецъ Дарбуа, продолжая размахивать пальцемъ, твердилъ въ полголоса:

— Кто знаетъ! кто знаетъ!

Они прошли мимо Леонарда, не замѣтивъ его.

Мальчикъ вздрогнулъ, онъ увидѣлъ своего духовника, отца Иропіака, который подходилъ, протягивая ему руки.

— Ну, что, мой дорогой Леонардъ, послалъ ли вамъ Господь Богъ счастіе?

Опять тоже слово счастіе и опять съ какимъ то таинственнымъ смысломъ! Не ожидая отвѣта, отецъ Пропіакъ продолжалъ:

— Я вамъ говорилъ, дитя мое, чѣмъ дальше вы пойдете по пути добродѣтели, тѣмъ понятнѣе станетъ вамъ это счастіе!

Онъ говорилъ все это очень быстро съ выраженіемъ нѣжной ласки. Подъ его простыми словами скрывалась какая то тайная радость.

— Что вы хотите сдѣлать изъ этого мальчика, мой дорогой отецъ? Онъ, кажется, вашъ духовный сынъ?

Отецъ Фрежье, читавшій лекціи для мужчинъ, философъ и умственная сила коллегіи, подошелъ къ нимъ и тоже обратился къ Леонарду съ вопросами.

— Какъ здоровье вашей тетушки Нонъ? Я побываю у нея на дняхъ, предупредите ее... Бѣдная женщина, и такая славная... А что вашъ опекунъ? Все по прежнему? Ахъ, еслибы онъ могъ обратиться къ вѣрѣ! Я интересуюсь имъ не ради него, а ради вашей тетушки... Ну, все идетъ хорошо, забавляйтесь и оставайтесь умницей.

Онъ улыбнулся и удалился, увлекая за собой отца Прошіака. Корридоръ опустѣлъ, снова всюду воцарилось молчаніе.

Мысленно Леонардъ продолжалъ слѣдить за этими исчезнувшими черными тѣнями. Какъ каждый изъ нихъ оставался вѣрнымъ своей роли! Отецъ ректоръ съ своею благосклонностью, внушавшей робость; префектъ, священникъ и прокуроръ, озабоченные матеріальными интересами заведенія; отецъ Буажоль, на обязанности котораго лежало печь баккалавровъ и тѣмъ привлекать въ коллегію богатыхъ юношей посредственныхъ способностей; отецъ Фрежье, занимавшійся уловленіемъ людей свѣтскихъ и свободомыслящихъ нетвердыхъ убѣжденій; учителя, надзиратели, какъ единицы не имѣвшіе значенія, но такъ крѣпко связанные между собой, подчиненные такой однообразной методѣ, что становились силой; наконецъ, исповѣдники, страшные исповѣдники! Отецъ Ане, добродѣтели котораго спасали славу учрежденія; отецъ Гурманель, принужденный быть руководителемъ самыхъ заурядныхъ людей и распространявшій среди нихъ полнѣйшій квіетизмъ подъ видомъ духовной пищи; другой, отецъ Пропіакъ, работавшій исключительно надъ избранными душами.

Здороваясь съ Леонардомъ, каждый сказалъ то, въ чемъ выражался его характеръ. И всѣ эти различные характеры, дѣйствуя сообща на сердце ребенка, обладали страшною притягательною силою. Возвращаясь къ своей тетушкѣ Нонъ, мальчикъ чувствовалъ необъяснимую тоску. Развѣ его настоящій домъ не былъ скорѣе здѣсь, въ коллегіи, въ этихъ стѣнахъ, вдоль которыхъ онъ такъ часто бродилъ, въ этихъ корридорахъ, дышавшихъ полной тишиной и пропитанныхъ запахомъ ладона? Онъ не зналъ радостей внѣ ихъ. Онъ не воображалъ, чтобы кому-нибудь могло придти желаніе покинуть ихъ.

До него доносились голоса отцовъ изъ столовой. Къ гулу разговоровъ примѣшивался легкій смѣхъ. Здѣсь царилъ миръ, миръ ненарушимый, вѣчный, какъ тѣ обѣщанія, которыя его поддерживали.

Вдругъ чья-то рука легла на плечо Леонарда.

— Чего же ты ждешь?—спрашивалъ Лани.

— Самъ не знаю,—отвѣчалъ онъ.

И, взявшись подъ руку, пріятели вмѣстѣ вышли изъ коллегіи.

II.

Сѣрый домъ, сѣрая крыша, сѣрыя двери и ставни; все сѣро въ жилищѣ г-жи Нонъ. На краю крыши, словно какая-то злобная птица, протягиваетъ свою черную шею подъемный кранъ, а на стѣнахъ былыя украшенія оставили послѣ себя

глубокія морщины. Внутри дома воздухъ болѣе свѣжъ, чѣмъ слѣдуетъ. Красный полъ блеститъ. Вдоль стѣнъ, обшитыхъ деревомъ, чинно разставлена разнокалиберная мебель, обитая утрехтскимъ бархатомъ золотистаго цвѣта. Нигдѣ ни пылинки, ни на чемъ не видно слѣдовъ времени. Всѣ цвѣты искуственные; вазы каррарскаго мрамора съ ручками въ видѣ акантовыхъ листьевъ. Часы подъ стекляннымъ колпакомъ стоятъ. Въ комнатахъ виднѣются янсенистскія распятія съ вытянутыми вертикально руками и какъ будто испускаютъ крики боли.

И вдругъ, точно по какой-то странной ироніи, на конькѣ крыши два высокихъ флюгера поддерживаютъ два сердца, пронзенныя стрѣлами: и они вертятся, вертятся по волѣ вѣтра, эти хорошенькія сердца, забытыя на крышѣ прошлымъ вѣкомъ! Сзади дома открывается волшебный видъ. Окна столовой выходятъ на узенькій садикъ, прилѣпленный къ склону холма. Изъ оконъ видна Луара, затѣмъ обширная долина, теряющаяся на краю горизонта. Эта долина отливаетъ тускло синимъ цвѣтомъ, похожимъ на цвѣтъ платьевъ сестеръ милосердія; она представляетъ блестящую и въ то же время мирную обстановку, вполнѣ гармонирующую со всѣмъ благочестивымъ видомъ Невера.

Въ это воскресенье г-жа Нонъ, собираясь идти въ соборъ, остановилась въ корридорѣ между своими комнатами. Со стороны столовой стѣны дрожали отъ раскатовъ молодого смѣха: тамъ пріятели Леонарда собрались къ нему полдничать, чтобы праздновать его назначеніе префектомъ конгрегаціи.

Г-жа Нонъ прислушалась. На губахъ ея скользнула легкая улыбка. Быть можетъ, этотъ шумъ молодежи пробуждалъ въ ней какія либо старыя воспоминанія.

А между тѣмъ, судя по наружности душа, ея всегда была такою же, какъ теперь, чопорной, угловатой, сухой.

За дверьми раздался голосъ Леонарда:

— Скорѣй, скорѣй! это шампанское!

Другіе голоса отвѣчали радостными криками:

— За твое здоровье!

— Да здравствуетъ Кланъ!

— Да здравствуетъ шампанское!

— Да здравствуютъ всѣ!

Пока стаканы чокались, г-жа Нонъ вошла неслышными шагами.

При первомъ взглядѣ, ей бросилось въ глаза одно: хрустальный цвѣтокъ, который образовали посрединѣ стола сдвинутые бокалы. Вокругъ нихъ солнце играло на скатерти пестрыми лучами.

— Отлично!—сказала г-жа Нонъ.—Это очень умно! Выпейте же и за мое здоровье!

Всѣ головы съ смѣющимися лицами обернулись къ ней. Шеденъ первый поднялъ свой бокалъ.

— За ваше здоровье, сударыня!

Другіе тоже поклонились; настало общее молчаніе, вызванное присутствіемъ этой женщины; она казалась такой строгой съ своими сѣрыми глазами, въ черномъ платьѣ, облекавшемъ ее жесткими густыми складками.

— Хорошо,—сказала она,—я васъ оставляю...

— Ты не забудешь вечерни?—обратилась она къ Лани.

— Нѣтъ, тетушка, какъ можно.

— Ну, желаю вамъ веселиться, дѣтки.

Она вышла такъ же, какъ вошла, и безшумно захлопнула за собою дверь.

ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ СЛУЖАЩИХЪ при ФАБРИКѢ ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУРЫ ... ПРИВЛЕЩЕНІЕВЪ ... Г-ЖИ ... ВЪ С. РОДНИКАХЪ

Держа въ рукахъ пирожки и стаканы, гости вернулись съ мѣстъ. Съ уходомъ г-жи Нонъ они почувствовали себя свободнѣе.

Въ одномъ углу Жанъ де-Берньеръ говорилъ Полю Серве:

— Что за фантазія у Клана вести дружбу съ лицеистомъ? Вѣдь Жукъ учится въ лицеѣ? не правда ли?

Серве съ презрѣніемъ пожалъ плечами.

— Его отецъ торгуетъ сукномъ въ Торговой улицѣ.

И они оба засмѣялись: содержать лавку казалось имъ унизительнымъ.

У окна стояли вмѣстѣ Делестанъ, Жукъ, Шеденъ, Лани и Кланъ и вели оживленный разговоръ. Делестанъ, глаза котораго неестественно блестѣли, допрашивалъ Жука.

— Вамъ позволяютъ читать все, что вы хотите, въ вашемъ училищѣ?

Шеденъ разсказывалъ свои воспоминанія о лицеѣ.

— Я учился тамъ шесть лѣтъ, прежде чѣмъ поступилъ къ отцамъ. Я былъ приходящимъ. Какіе негодяи эти лицеисты! Зимой они меня забрасывали снѣжными комками! Одинъ разъ они раздавили гнилое яйцо у меня на платьѣ...

Онъ говорилъ о лицеѣ, какъ о мѣстѣ пытки, гдѣ ученикамъ дана полная воля. Его мужественное лицо покрывалось румянцемъ при воспоминаніи о вынесенныхъ обидахъ.

Солнце садилось и окрашивало небо кровавыми полосами. При наступившихъ сумеркахъ разговоры становились все болѣе и болѣе откровенными. Невольно всѣ сошлись въ кучку.

Жукъ вынулъ изъ кармана пачку папиросъ и сталъ подчивать товарищей. Это всѣхъ удивило, даже скандализовало. Делестанъ первый отказался.

— Я пробовалъ курить разъ или два, но это противно.

Берньеръ и Серве объявили съ отвращеніемъ, что это дурной тонъ.

— Господи,—возразилъ Лани,—если это ему не вредно, то отчего же ему не курить!

Шеденъ вскричалъ съ негодованіемъ:

— Въ лицеѣ они всѣ курятъ, спрятавшись въ ватеръ-клозеты!

Ему возражали, начался горячій споръ.

— Точно у васъ не дѣлается ничего такого, — говорилъ Жукъ.

— Мы не такъ дурно воспитаны!

Шеденъ повторилъ:

— Въ ватеръ-клозеты, я вамъ говорю, въ ватеръ-клозеты.

— Разъ что преподаваніе идетъ хорошо...—началъ Жукъ.

Всѣ набросились на него.

— Чему васъ учатъ, ну, скажи? Въ философіи даютъ ли вамъ хоть семь доказательствъ существованія Бога?

Серве съ презрѣніемъ произнесъ фразу, которую слышалъ у себя дома:

— Нечего сказать, хорошо оффиціальное преподаваніе!

Шеденъ, взявъ подъ руку Жука, разсказывалъ, какъ у нихъ идетъ ученье.

— Видѣлъ ли ты, хоть, напримѣръ, наши таблицы литературы? У насъ разбираются всѣ самые трудные писатели, даже Лабрюіеръ. Мы знаемъ всѣ ихъ красоты, всѣ ихъ замѣчательныя изреченія, и передъ экзаменомъ стоитъ прочесть курсивъ сокращеннаго учебника и будешь знать главное.

— Да, ты совсѣмъ и не знаешь, какъ стараются для насъ отцы!—говорилъ Берньеръ торжествующимъ тономъ.—У насъ есть карта, на которой нарисована вся, напримѣръ, исторія философіи! Матеріалисты отмѣчены чернымъ цвѣтомъ, идеалисты—краснымъ, а скептики—зеленымъ!

Леонардъ привелъ самый сильный аргументъ:

— Ты, можетъ быть, не повѣришь, но, не смотря на предубѣжденія факультета, всѣ ученики коллегіи Луи де-Гонзагъ обыкновенно бываютъ приняты.

На этотъ разъ Жукъ возмутился.

— О какихъ это предубѣжденіяхъ факультета говоришь ты?

— Неужели ты станешь отрицать, что къ намъ несправедливы?

— Вотъ еще выдумалъ!

— А борьба противъ религіи, ты ее забываешь?

Споръ продолжался, безпорядочно перескакивая съ одной мысли на другую. Всѣ размахивали руками, обращаясь къ воображаемымъ противникамъ. Къ счастію, дверь снова отворилась. Служанка внесла лампы. Это нѣсколько успокоило спорщиковъ.

Шеденъ нагнулся къ Леонарду.

— Пусть Жукъ говоритъ, что угодно,—сказалъ онъ,—но при одной мысли, что въ будущемъ іюлѣ мнѣ придется держать экзаменъ передъ факультетомъ, меня дрожь пробираетъ.

Лани отвѣчалъ спокойнымъ тономъ:

— Это такъ мало значитъ для будущности!

Мысль объ этой неизвѣстной будущности волновала всѣхъ ихъ, словно какой-то грозный призракъ. Они стали спрашивать другъ у друга:

— Что ты думаешь дѣлать для устройства своей будущности?

Слово «будущность» они произносили почтительно, точно имя злобнаго божества.

— Что я буду дѣлать?

Каждый старался опредѣлить желаніе, которое таилось въ глубинѣ его души.

— Я, я буду изучать право, — сказалъ Серве.

— Я поступлю въ военную службу,—объявилъ Делестанъ.

— Я буду романистомъ,—съ гордостью проговорилъ Шеденъ.

— Шеденъ, романистъ!

Его поздравляли, повторяя хоромъ:

— Ро... ма... нистъ! ро... ма... нистъ!

Языки развязались, всякій свободно высказывалъ свои мечты. Серве говорилъ, какъ онъ радъ, что скоро избавится отъ опеки.

— Я буду вставать въ двѣнадцать часовъ и все утро нѣжиться въ постели. Ничему не надо будетъ учиться, никакихъ приготовлять уроковъ. Я буду жить въ деревнѣ.

Шеденъ съ увѣренностью разсказывалъ Берньеру о томъ, какъ онъ прославится.

— Я пошлю свое стихотвореніе на поэтическій конкурсъ въ Тулузу. Это очень трудный конкурсъ. Каждое стихотвореніе должно имѣть не болѣе 26 стиховъ. Мнѣ дадутъ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго и золотую пальмовую вѣтвь. Я ужъ и теперь хорошо пишу. Я началъ романъ изъ средневѣковой жизни...

Делестанъ овладѣлъ Лани и старался передать ему свое увлеченіе.

— Представь себѣ быть военнымъ... это, конечно, очень трудно, но за то великолѣпно! Ужъ одно: никогда не приходится таскать съ собой дождевой зонтикъ; форма такая, что по неволѣ держишься прямо! Знаешь, у меня былъ дядя офицеръ. Онъ участвовалъ въ битвѣ при Сенъ Приватѣ и остался живъ! Ты видишь, что совсѣмъ не всѣхъ убиваютъ въ сраженіяхъ!

Наконецъ, Жукъ допрашивалъ Клана:

— Отчего бы тебѣ не сдѣлаться профессоромъ, какъ я?

— О,—отвѣчалъ Леонардъ,—я еще совсѣмъ не думалъ, чѣмъ мнѣ быть.

Всѣ съ необыкновеннымъ наслажденіемъ толковали о своихъ желаніяхъ. Ничего неосуществимаго для нихъ не было на свѣтѣ, они считали себя полными распорядителями своей судьбы, и ни малѣйшее безпокойство не смущало ихъ.

Берньеръ молчалъ, и Делестанъ обратился къ нему:

— А вотъ ты, у тебя голова будущаго іезуита.

— Что-жъ?—усмѣхаясь замѣтилъ Леонардъ,—стоитъ имѣть призваніе.

— А, можетъ быть, у меня и есть призваніе,—отвѣчалъ Берньеръ,—что же тутъ худого?

— Замѣчали вы, что послѣдніе два года въ коллегіи Сенъ-Луи де Гонзагъ не было призваній?—спросилъ Серве.

Этотъ вопросъ озадачилъ всѣхъ. Жатва, правильно собираемая отцами изъ среды коллегіатовъ, сильно интересовала ихъ.

— Въ нынѣшнемъ году будутъ, — объявилъ Шеденъ.—Я знаю нѣсколькихъ учениковъ, которые пойдутъ въ послушники.

Его прервали, всѣхъ волновало любопытство.

— Кто такой? Назови!

— Невозможно!

— Такъ зачѣмъ же ты началъ говорить?

— Я не могу сказать...

— Ну, полно, скажи...

Къ нему приставали. Одинъ Жукъ держался въ сторонѣ. Наконецъ, Шеденъ уступилъ.

— Вотъ хоть бы Циммеръ...

Со всѣхъ сторонъ поднялись возраженія:

— Развѣ онъ самъ тебѣ сказалъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Почему же ты знаешь?

— Я угадалъ.

— Какія глупости!

— Это вовсе не трудно угадать.

Леонардъ пожалъ плечами.

— Послѣ этого ты можешь сказать, что и я поступлю въ послушники?

— И Лани?

— И Берньеръ?

— Значитъ всѣ!

Слова быстро перекрещивались. Начали обсуждать, кто отличается большею набожностью. Каждый стоялъ за своего кандидата, и по мѣрѣ того, какъ они горячились, самая атмос-

фера комнаты какъ будто измѣнилась. Коллегія Сенъ Луи де Гонзагъ снова овладѣла ими.

Берньеръ всталъ, онъ не могъ противиться таинственной притягательной силѣ.

— Четыре часа, я иду къ вечернѣ.

— Чего ты спѣшишь, осталось еще полчаса.

— Все равно. Я вѣдь долженъ прислуживать въ церкви.

— Мы идемъ вмѣстѣ?—тотчасъ же спросилъ Шеденъ.

Серве уже взялся за пальто, Леонардъ отодвинулъ свой стулъ.

— Недурная идея!—вскричалъ онъ.—Конечно, лучше идти всѣмъ вмѣстѣ.

Между тѣмъ въ комнатѣ было такъ хорошо! Жукъ подошелъ къ Леонарду:

— Здѣсь такъ пріятно,—сказалъ онъ,—зачѣмъ намъ уходить?

Леонардъ колебался. Жукъ правъ. Зачѣмъ уходить? Никогда родной домъ не казался ему такимъ уютнымъ и привлекательнымъ. Мирный покой царилъ въ комнатѣ, каждый предметъ, казалось, безмолвно призывалъ остаться.

— Ахъ,—рѣшительно проговорилъ онъ,—тамъ еще лучше. Пойдемъ съ нами.

И онъ увлекъ съ собой Жука.

Когда они вышли на улицу, дрожь охватила ихъ. Дулъ ледяной вѣтеръ, пронизывавшій до костей. Контрфорсы Сенъ-Сира, выступая среди темноты, казалось, поддерживали какое то волшебное зданіе. Когда коллегіаты проходили мимо газовыхъ рожковъ, ихъ золотыя пуговицы сверкали; затѣмъ всё исчезало, и только звукъ разговоровъ раздавался во мглѣ.

Леонардъ подробно описывалъ Жуку церковь конгрегаціи, корридоры, парадный залъ. Берньеръ и Шеденъ, идя рядомъ съ ними, спорили о томъ, кто изъ отцовъ будетъ въ концѣ года говорить поученія воспитанникамъ, удалившимся въ уединеніе. Лани, Серве и Делестанъ повѣряли другъ другу, какія можно употреблять хитрости при рѣшеніи геометрическихъ задачъ.

— Вы всякое воскресенье ходите къ вечернѣ? — спросилъ Жукъ.

— Да, всякое.

— Васъ вѣрно заставляютъ?

— Какъ можно! Кому придетъ въ голову заставлять насъ!

— Такъ что же вы такъ торопитесь?

Леонардъ пожалъ плечами.

— Ты не можешь понять...

Нѣтъ, Жукъ никакъ не могъ понять, что за удовольствіе ласковымъ голосомъ сказать брату Франпусу: «здравствуйте»,

что за наслажденіе бродить по пустыннымъ коррндерамъ! Леонардъ уже начиналъ ощущать то же волненіе, что и утромъ. Обстановка службы окончательно привела его въ восторженное состояніе.

Воспитанники стали на возвышеніи, рядомъ съ отцами. Такимъ образомъ, они какъ бы участвовали въ богослуженіи. Внизу виднѣлся алтарь, великолѣпно освѣщенный. Шлейфы клирошанъ ложились на бѣлый шелковистый коверъ. Они ходили неслышными шагами, и у каждаго были привѣшаны къ муаровому поясу золоченые четки. Держа въ рукахъ, одѣтыхъ въ перчатки, трещеточку, Берньеръ управлялъ ритмическимъ движеніемъ кадильницъ.

Леонардъ закрылъ лицо руками. О, какъ невыразимо сладостно отдаваться своимъ мыслямъ подъ убаюкивающіе звуки органа, запахъ ладона, мерцаніе восковыхъ свѣчей!

Передъ глазами его снова проходила воображаемая вереница теперь уже не отцовъ, а товарищей. Впереди всѣхъ Берньеръ: чахлый, лишенный идеаловъ, живущій въ бѣдности со старикомъ-отцомъ и мачихой, которую нужда обозлила. Леонардъ ясно представлялъ его себѣ въ будущемъ сельскимъ священникомъ, мирно влачащимъ безцвѣтное существованіе.

За нимъ шелъ Шеденъ, романистъ. При видѣ его, губы Леонарда невольно сжались въ насмѣшливую улыбку. Неотвязное воспоминаніе о черномъ пальто, на которое лицеисты налѣпили большое яичное пятно, преслѣдовало его, и онъ не допускалъ, чтобы какая либо поэзія могла ужиться въ душѣ этого шута.

Затѣмъ Серве, самодовольное ничтожество, занятый своими туалетами, всегда приносящій въ коллегію новыя моды.

Но больше всѣхъ ихъ Леонардъ жалѣлъ Жука, потому что у отца его былъ магазинъ. Это сукно, которое продавалось по аршинамъ на виду у всей улицы, возмущало его чувства.

Въ свою очередь, воинственный пылъ Делестана находилъ откликъ въ его сердцѣ, пробуждалъ въ немъ жажду борьбы, которую смиряла только спокойная фигура Лани, а какая-то таинственность, скрытая въ этомъ юношѣ, заставляла Леонарда предпочитать его всѣмъ другимъ.

— Regina coelorum!

— Regina angelorum.

Литаніи Св. Дѣвѣ продолжались. *Навикуляріи* роздалъ ладонъ и *турифераріи* замахали кадильницами, соблюдая тактъ, чтобы выходило нѣчто въ родѣ перезвона.

Леонардъ мысленно перенесся въ домъ г-жи Нонъ. Вотъ ея строгое лицо, ея блѣдныя руки въ кружевныхъ митенкахъ и толстый молитвенникъ съ крупной печатью, который она

каждое воскресенье носить въ церковь. Передъ Леонардомъ промелькнуло все его дѣтство, лишенное семейной ласки, съ вѣчнымъ холодомъ, навѣваемымъ ледяною тѣнью башенъ Сенъ Сира.

Развѣ жизнь, мірская жизнь не была зломъ и несчастіемъ? Какою радостью подарила она его когда бы то ни было? Леонардъ вздрогнулъ. Рядомъ съ этимъ видѣніемъ воскресало утреннее видѣніе: всѣ отцы идутъ въ столовую, проникнутые счастіемъ загробной жизни, и мимоходомъ привѣтствуютъ его загадочными словами:

«Будьте счастливы!»

— Ахъ, я схожу съ ума! —подумалъ Леонардъ, испугавшись неотвязчиваго представленія, преслѣдовавшаго его.

Послѣ этого ему показалось, точно будто онъ возвращается изъ какого-то волшебнаго путешествія и, пока подлѣ него отецъ Ане пѣлъ дрожащимъ, жалостнымъ голосомъ: «Regina martyrum ora pro nobis», онъ крестился и ждалъ благословенія.

III.

Всю слѣдующую недѣлю Леонардъ сильно волновался. Каждое обыденное дѣйствіе принимало въ глазахъ его какое-то таинственное значеніе. А между тѣмъ эта недѣля ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ: никакой праздникъ не нарушалъ ея однообразія.

Въ шесть часовъ, какъ только двери училища открывались, Леонардъ являлся въ коллегію. Только самые усердные ученики, добивавшіеся награды за прилежаніе, приходили такъ рано. Всѣ толпились около печки, комната была погружена въ полумракъ.

Во время этихъ утреннихъ занятій, надзиратель, отецъ Декюрвиль, сходилъ съ кафедры и садился рядомъ съ воспитанниками. Онъ перебиралъ зерна четокъ, шепча «ave Maria», и привѣтствовалъ входившихъ кивкомъ головы.

Необыкновенно пріятенъ былъ этотъ первый часъ дня, эта тишина, нарушаемая лишь скрипомъ перьевъ, шипѣніемъ кокса да шелестомъ листовъ книгъ. Никто не скучалъ. Эти занятія внѣ установленныхъ правилъ казались всѣмъ удивительно привлекательными. Иногда завязывались разговоры въ полголоса.

— Не знаете ли вы, отецъ, когда будетъ засѣданіе академіи?

Разговоръ продолжался; это было, правда, противъ правилъ дисциплины; но никто не обращалъ на это вниманія.

Въ эти дни, какъ то случайно, отецъ Декюрвиль былъ

откровеннѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ разсказывалъ о своей молодости, о томъ, какъ онъ бросилъ семью, чтобы посвятить себя Богу.

— Я ушелъ при концѣ «уединенія», не предупредивъ родителей. Господь такъ милосердъ! У отца была болѣзнь сердца, и онъ могъ умереть, а между тѣмъ онъ даже не захворалъ. Помню только, что онъ меня стращалъ полиціей.

Онъ тихонько посмѣивался.

— Да, полиціей! Онъ хотѣлъ, чтобы жандармы схватили меня и привели обратно.

Воспитанники удивлялись геройскому бѣгству, не смотря на жандармовъ, а Леонардъ раздумывалъ, что это за таинственная сила, которую отцы называли «призваніемъ». Что это такое? Есть ли это голосъ, вдругъ раздающійся въ глубинѣ совѣсти, или это просто извѣстное стремленіе, привычка, заставляющая приближаться къ Богу, желать Его. Онъ задавалъ самъ себѣ вопросы, воображалъ въ душѣ своей борьбу, которая не существовала на самомъ дѣлѣ, но которая являлась именно потому, что онъ думалъ о ней.

Наконецъ, начинаются настоящіе уроки; отецъ Декюрвиль входитъ на каѳедру, а Леонардъ думаетъ о Сентъ-Ашенѣ, гдѣ помѣщаются послушники. Онъ мысленно провожаетъ ихъ глазами. Всѣ они молодые, приблизительно такіе же, какъ онъ. Навѣрно они тамъ также собираются въ теплой комнатѣ и разговариваютъ въ полголоса...

Половина восьмого... Отецъ Декюрвиль звонитъ въ колокольчикъ, всѣ становятся попарно. Медленно двигаются юноши и мальчики по лѣстницѣ и садамъ.

Они идутъ къ обѣднѣ.

Опять обѣдня! она отмѣчаетъ дни, какъ маятникъ часовъ отмѣчаетъ секунды. Каждое утро, въ теченіе получаса умъ пріятно отдыхалъ отъ земныхъ заботъ. На лѣво, на колоннѣ виситъ таблица, съ отмѣткой, какіе нумера молитвъ слѣдуетъ пѣть. Направо отъ алтаря блеститъ статуя святого, украшенная искуственными розами. Молитва производитъ свое чарующее дѣйствіе, которое безсознательно усиливается чтеніемъ требника. Часть его жизни осталась на пожелтѣлыхъ краяхъ этихъ листочковъ.

Своему требнику повѣрялъ онъ всѣ свои сомнѣнія, свои честолюбивыя мечты, свое горе о потерянномъ мѣстѣ, о дурно выученномъ урокѣ. Вотъ эту картинку ему подарилъ Лани въ тотъ день, когда, подъ вліяніемъ взаимной симпатіи, они стали друзьями; эта картинка почти пророческая: на ней нарисованы цвѣтущія лиліи, окружающія чашу, украшенную виноградною вѣтвью.

— Жаждущіе да пріидутъ ко мнѣ! — говорится въ священномъ писаніи.

Теперь Леонардъ понимаетъ это символическое изреченіе и угадываетъ, какая виноградная лоза одна въ состояніи утолить его мистическую жажду!

Вотъ какія то таинственныя записочки; на одной изъ нихъ стоитъ изреченіе Бурдалу: «Истинная набожность не противорѣчитъ никакимъ разумнымъ удовольствіямъ».

Къ книгѣ приложено нѣчто въ родѣ календаря, рекомендующаго для каждаго мѣсяца особую добродѣтель.

Январь. Щедрость. Христосъ слишкомъ любилъ меня, я не могу ни въ чемъ отказать ему.

Февраль. Осмотрительность. Іисусе, дай мнѣ помнить о моемъ концѣ и поступать сообразно съ этою памятью.

Мартъ. Вѣрность совѣсти. Голосъ нашей совѣсти — это продолженіе голоса божьяго.

И всѣ эти изреченія имѣютъ цѣлью одно внушеніе, скрывая подъ маской мистицизма слишкомъ ясный призывъ къ монашеству. Какъ можетъ онъ не любить своего требника, когда каждое слово этой книги отвѣчаетъ тѣмъ желаніямъ, какія она же и возбуждаетъ?

Но вотъ звуки органа раздаются громче. Въ церкви слышится шелестъ листковъ книгъ, всѣ ищутъ въ требникахъ ту пѣснь, которую слѣдуетъ пѣть.

Жатвы пора
Юности годы.

Куплеты чередуются съ музыкой органа, въ которой преобладаютъ звуки флейты. Леонардъ не поетъ: онъ уже чувствуетъ пристрастіе къ уединенію, признакъ, отмѣчающій божьихъ избранниковъ.

Въ пѣснѣ говорится о томъ, что слѣдуетъ какъ можно раньше принести свою жизнь въ жертву Богу, отказаться отъ порока, прежде чѣмъ вкусить его.

Въ этомъ пѣніи есть что то убаюкивающее. Младшіе мальчики берутъ высокія, женскія ноты и веселыми, молодыми голосами произносятъ проклятія молодости; слушая ихъ, Леонардъ понимаетъ, какое можетъ быть блаженство въ постоянномъ пѣснопѣніи, въ возношеніи души къ Богу и въ забвеніи всего земного.

Онъ читаетъ затѣмъ свои любимыя молитвы. Въ первой просятъ у Бога успѣха въ ученіи. Дальше, почти на той же страницѣ, стоитъ молитва за родителей. Онъ ее читаетъ по обязанности, безъ особеннаго вниманія: онъ сирота. «Господи, ты, который позволяешь мнѣ называть себя отцомъ, призри на тѣхъ, кто носитъ относительно меня тоже нѣжное имя,

Услышь мои молитвы, внушенныя повиновеніемъ твоимъ заповѣдямъ»..

Леонардъ не замѣчаетъ, что подъ конецъ мысль уклоняется въ сторону и объ этомъ повиновеніи уже нѣтъ рѣчи: «Направь на вѣрную стезю любовь ихъ ко мнѣ, освати ихъ помыслы объ устройствѣ моей судьбы. Содѣлай такъ, чтобы временное счастіе мое не помѣшало моему вѣчному блаженству. Аминь!»

Между этими двумя молитвами вставлена третья. Она предназначена для тѣхъ, кого смущаетъ стремленіе къ земнымъ отличіямъ или привязанность къ родителямъ. Это одна изъ тѣхъ молитвъ требника, которыя особенно сильно вліяютъ на душу, и только въ эту недѣлю ея смыслъ особенно ярко поразилъ Леонарда. Каждое утро читалъ онъ ее, какъ будто самъ Богъ говорилъ ея словами.

— «Боже, не отвергни меня, позволь мнѣ молить твою божественную премудрость, открыть мнѣ, къ чему предназначаетъ меня Твоя святая воля, позволь мнѣ, подобно евангельскому юношѣ, спросить у Тебя: «что мнѣ дѣлать, чтобы спастись? Quid faciendo vitam aeternam possidebo? Я разсмотрѣлъ различныя состоянія людей и, не зная, на которомъ изъ нихъ остановить свой выборъ, ожидаю Твоего повелѣнія, ожидаю съ полною покорностью, безъ всякихъ ограниченій, безъ всякихъ пристрастій.

«Господи, я не буду противиться указаніямъ Твоей премудрости, я не буду своимъ нечестивымъ своеволіемъ подчинять волю Творца прихоти твари. Я Твой рабъ, не мое дѣло выбирать, какъ служить своему Господину. Дай мнѣ какія хочешь законы и я буду повиноваться. In manibus tuis sortes meae. Я безусловно предаюсь Тебѣ, такъ какъ знаю, что мой разумъ слишкомъ ограниченъ, и я не могу предвидѣть тѣхъ препятствій, какія встрѣтятся мнѣ, если я безъ Твоего соизволенія рѣшу свою судьбу»!

Леонардъ закрылъ книгу. Чего ему еще желать? О, Боже! какъ услышать этотъ голосъ, который поражаетъ избранныхъ и бросаетъ ихъ къ подножію креста? Мучительныя сомнѣнія снова овладѣвали имъ. Все смѣшивалось и онъ откладывалъ не нужный больше требникъ, ощущая въ душѣ какую то вялость и слабость.

Между тѣмъ обѣдня кончалась, дневныя занятія продолжались. Послѣ уловленія душъ посредствомъ требника, начиналось уловленіе умовъ.

Отецъ Лабръ безучастнымъ голосомъ читаетъ свой курсъ философіи. Онъ самыми общедоступными и рѣшительными аргументами обращаетъ въ прахъ всѣ философскія ереси, несогласныя съ католичествомъ.

Слушая монаха, Леонардъ ощущаетъ необыкновенную радость. Онъ такъ счастливъ, что по волѣ Провидѣнія пришелъ безъ всякаго труда къ познанію истины. Та увѣренность, съ какой говорятъ его учителя, имѣетъ въ себѣ нѣчто чудодѣйственное. Мнѣнія отца Лабра превращаются въ непоколебимые устои его вѣры. Ему даже никогда не приходило въ голову подробно разобрать ихъ, такъ онъ привыкъ получать готовыя рѣшенія. Умственная пища, предлагаемая въ коллегіи Сенъ Луи де Гонзагъ слишкомъ хорошо подготовлена. Мозгъ каждаго ученика представляется ящикомъ, гдѣ, путемъ запоминанія, идеи прочно уложены въ опредѣленномъ порядкѣ и снабжены этикетками. Самое стремленіе къ иниціативѣ уничтожено. Главное выдержать экзаменъ. Послѣ этого каждый пойдетъ въ жизни своимъ путемъ, пойдетъ съ упорною лѣностью мысли, отказываясь отъ сомнѣній, отъ изслѣдованій, отъ стремленія къ усовершенствованію, утомляющаго даже сильныхъ духомъ.

Леонардъ часто наслаждался произвольнымъ ослѣпленіемъ, въ которомъ подобная метода держала его. Тогда ему представлялось, что никакое препятствіе не заставитъ его уклониться съ намѣченнаго пути. На этотъ разъ онъ чувствовалъ совсѣмъ другое: душа его боялась свѣта. Что станется съ нимъ среди соблазновъ міра, съ нимъ, бѣднымъ, безпомощнымъ? Какъ будетъ онъ бороться, онъ, который никогда не боролся? Его охватило трусливое желаніе никогда не покидать настоящаго покойнаго состоянія.

— Если бы у меня было призваніе, все устроилось бы такъ просто,—подумалъ онъ.

Уроки... мечты... Леонарду нечего дѣлать. Онъ перечитываетъ замѣтки отца Лабра, напрасно стараясь заинтересоваться тѣмъ или другимъ параграфомъ.

Мысли Паскаля:

Тема: Вѣроятная апологія христіанства путемъ изученія человѣческаго сердца.

Изложеніе задачи.	Человѣкъ существо ничтожное.	Ничтожное по своей природѣ; ничтожное въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру.
	Человѣкъ существо великое.	
Кто разрѣшитъ задачу.	Философія безсильна.	Стоики и эпикурейцы; догматисты и скептики.
Одна только религія можетъ это сдѣлать.		Еврейская религія, религія обѣтованія; христіанство.

Оцѣнка: Великое произведеніе, къ сожалѣнію, не оконченное.

«Мысли» Паскаля лежатъ подлѣ Леонарда, но къ чему читать ихъ? Если даже онъ и попробуетъ заглянуть въ нихъ, у него всетаки останется противъ нихъ неизгладимое предубѣжденіе. Онъ знаетъ пресловутое изреченіе Равиньяна: «Паскаль положилъ основаніе словарю клеветы».

Но вотъ по всей коллегіи слышится благовѣстъ къ Angelus'у. Отецъ Декюрвиль звонитъ въ колокольчикъ и становится на колѣни среди своей кафедры. Онъ бормочетъ «ave». Ученики отвѣчаютъ ему, торопясь, сбиваясь, спѣша дойти до Benedicite. Затѣмъ поднимается сильнѣйшій шумъ. На лѣстницахъ раздается топанье шаговъ. Приходящіе выходятъ на улицу. Полупансіонеры идутъ въ садъ. За тишиной въ классахъ слѣдуетъ звонъ посуды. Всѣ направляются въ столовую.

Дѣйствительно, можно было подумать, что Господь избралъ Леонарда. Съ каждымъ часомъ сѣти, въ которыя онъ попадалъ, все сильнѣе опутывали его. На этой недѣлѣ Леонарду поручено было читать громко, пока товарищи его завтракали. Обыкновенно, воспитанники читали поочередно, по недѣлѣ каждый.

Книга называлась «Воспоминанія о Сенъ Аліелѣ»; въ ней разсказывалось святое житіе послушниковъ, скончавшихся въ монастырѣ, почившихъ въ мирѣ и во славѣ своего самоотреченія. Всѣ эти исторіи одинаково прекрасныхъ добродѣтелей отличались какою-то опьяняющею поэзіей. Это были точно святцы современныхъ намъ угодниковъ. Ничего чудеснаго не было въ ихъ жизни. Главная прелесть ихъ заключалась въ томъ, что они такъ походили на насъ. Всѣ они были коллегіатами, какъ эти коллегіаты, членами конгрегаціи, какъ эти юноши. Въ книгѣ разсказывалось, какъ нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось страдать вслѣдствіе слабой памяти. Одинъ очень долго не могъ освоиться съ латинскимъ языкомъ. Другой, напротивъ, обѣщалъ сдѣлаться великимъ поэтомъ. Нѣкоторые отличались неуживчивымъ характеромъ. Вдругъ, по большей части во время «уединенія», благодать нисходили на нихъ. У нѣкоторыхъ замѣчалось при этомъ развитіе умственныхъ способностей. Всѣ къ 16-ти годамъ, вмѣсто того чтобы выйти изъ коллегіи, остались въ ней и отреклись сами отъ себя ради Бога. А что дало имъ это отреченіе? Упоеніе молитвой, святые восторги, окрыленную юность, столь далекую отъ земли, что смерть свѣтилась въ глазахъ ихъ. И она приходила, тихая, ласкающая, отворяла имъ двери рая и давала неизъяснимое блаженство!

По мѣрѣ того какъ Леонардъ читалъ, голосъ его все бо-

лѣе и болѣе дрожалъ. Эти примѣры, которымъ было такъ легко подражать, опьяняли его. Желаніе заслужить такое же блаженство волновало его. О счастливцы! Значитъ, такое благополучіе возможно! И чтобы получить его въ свою очередь, онъ всѣми силами души призывалъ тотъ голосъ, котораго сначала страшился, голосъ, который раздается въ глубинѣ сердца, неотразимо призывая избранныхъ. Это было послѣднее обольщеніе, зараза самоотреченія, какъ бываетъ зараза самоубійства. Сперва обольщеніе ума, затѣмъ обольщеніе сердца!

Такимъ образомъ, все въ немъ подвергалось воздѣйствію. Всякая подробность обыденной жизни вела къ одной и той же цѣли. Цѣлые мѣсяцы, цѣлые годы жилъ онъ такимъ образомъ, ничего не подозрѣвая. Около него не было никого, кому бы онъ могъ довѣриться въ эти критическія минуты. Даже въ свободное время онъ былъ постоянно одинъ. Его сдѣлали «квесторомъ», назначеніе, которому многіе завидовали. Благодаря ему, онъ могъ входить въ классную комнату подъ предлогомъ надзора за освѣщеніемъ или раздачи бумаги. И онъ оставался въ классѣ, стоялъ, прижавшись лбомъ къ окну, и глядѣлъ на игры товарищей въ саду. Онъ чувствовалъ, что они далеки отъ него, такъ далеки, что ему становилось жутко.

Наконецъ, въ пятницу онъ получилъ окончательный ударъ.

Онъ встрѣтилъ отца Буажоль.

— Э, вонъ вы гдѣ, большой лѣнтяй! Что вы тутъ дѣлаете?

— Тоже, что и вы: гуляю,—весело отвѣчалъ Леонардъ.

— Отчего вы никогда не заходите ко мнѣ?

— Я готовъ зайти съ большимъ удовольствіемъ.

— Такъ пойдемъ!

Они отправились въ комнату отца. Монахъ усѣлся за столъ, заваленный бумагами, Леонардъ сѣлъ подлѣ него. Масляная лампа на картонной подставкѣ горѣла тускло. Въ комнатѣ стоялъ какой то затхлый запахъ. Полная тишина ничѣмъ не прерывалась.

— Ну, мой дорогой Леонардъ, что же мы намѣрены теперь дѣлать?—спросилъ, наконецъ, отецъ Буажоль.

Леонардъ покраснѣлъ.

— Не знаю.

— Нельзя не знать. Человѣкъ всегда знаетъ, что онъ долженъ дѣлать.

Монахъ откинулся въ креслѣ и, казалось, задумался.

— Подумать только, что мы провели вмѣстѣ цѣлыхъ три года: третій классъ, второй и реторику! Какъ время идетъ!

— Это было хорошее время!

— Господи! Еще бы!

Вокругъ нихъ носились грустныя воспоминанія о прошломъ.

— Случалось, что вы бывали очень безтолковы.

— А вы, отецъ, вы очень горячились.

— Какія вы дѣлали грубыя ошибки!

— Сколько вы намъ говорили латинскихъ рѣчей!

Отецъ Буажоль улыбнулся.

— Надобно было пріучать васъ къ терпѣнію!

И онъ показалъ груды бумагъ, лежавшія на его бюро.

— Вотъ смотрите,—сказалъ онъ,—это все работы вашихъ преемниковъ. А что, скажите, интересуютъ васъ препирательства философовъ?

— Нѣтъ, нисколько.

— Меня тоже они никогда не интересовали, не люблю я этого пустословія.

Монахъ произнесъ слово «пустословіе» съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Рука его какъ то машинально перебирала листки бумаги. Онъ по временамъ проглядывалъ ихъ.

— Вотъ странное дѣло!—сказалъ онъ.—Какъ попала сюда эта старая бумажка!

— Какая старая бумажка?—спросилъ Леонардъ.

— Черновикъ письма, онъ должно быть затерялся во всей этой грудѣ,—отвѣчалъ отецъ Буажоль.—Я его писалъ въ тотъ день, когда вступалъ въ монастырь.

Леонардъ ничего не сказалъ, и онъ продолжалъ:

— Это сдѣлалось очень просто. Я долженъ былъ ѣхать на каникулы домой и не поѣхалъ, вотъ и все.

Леонардъ не обратилъ вниманія на то, что монахъ началъ разсказывать, не ожидая отъ него вопроса. Онъ только замѣтилъ, усмѣхаясь:

— Значитъ, васъ не преслѣдовали жандармы?— Отцу Декюрвилю монашество далось труднѣе!

Отецъ Буажоль сдѣлалъ презрительный жестъ.

— Жандармы! Съ какой стати?

Леонардъ подсѣлъ поближе къ столу.

— Нѣтъ, на меня это нашло вдругъ. Раньше я объ этомъ и не думалъ. Одинъ разъ я вдругъ услышалъ голосъ, который призывалъ меня. Я точно переродился. Богъ избралъ меня.

— Значитъ, при этомъ слышится голосъ?—спросилъ Леонардъ, дрожа отъ волненія.

Ему было и жутко, и пріятно. Отецъ Буажоль окинулъ его быстрымъ взглядомъ и продолжалъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Мы были въ монастырѣ Св. Климента, въ Мецѣ. У меня былъ другъ, немного гуляка, но добрый, очень добрый... по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію.

— Что такое значитъ: «гуляка»?

Монахъ колебался.

— Если вы не знаете, не стоитъ и объяснять вамъ.

Онъ снова окинулъ Леонарда проницательнымъ взглядомъ. Затѣмъ продолжалъ съ какою то загадочной улыбкой:

— Въ одну среду,—я могу даже сказать вамъ, котораго числа—Жанъ (положимъ, что его звали Жанъ) подошелъ ко мнѣ сильно взволнованный: — Представь себѣ, сказалъ онъ, отецъ надзиратель совѣтуетъ мнѣ какъ можно скорѣй исповѣдаться. Онъ говоритъ, что сегодня ночью видѣлъ какую то черную собаку, лежавшую около моей кровати. Не смѣшно ли это?—прибавилъ онъ съ насмѣшкой. На слѣдующій день,—я это узналъ позже,—отецъ надзиратель повторилъ свой совѣтъ, но также безуспѣшно. Онъ опять ночью видѣлъ очень ясно адскую собаку, стороживщую свою жертву.

— Неужели вы повѣрили этому видѣнію?—прервалъ Леонардъ.

— Подождите! Въ пятницу утромъ Жанъ не вставалъ съ постели. Не слыша никакого шума въ альковѣ, отецъ надзиратель отдернулъ занавѣси. Раздался крикъ; на этотъ разъ собака лежала на груди Жана; Жанъ былъ мертвъ!

Отецъ Буажоль повторилъ проникновеннымъ голосомъ:

— Онъ былъ мертвъ! Онъ былъ, можетъ быть, въ аду!..

Послѣднія три слова были сказаны трагическимъ тономъ. Леонарду представилось, что онъ летитъ въ бездонную пропасть. Адъ, въ который онъ вѣрилъ такъ же, какъ въ окружающій, внѣшній міръ, вдругъ разверзся передъ нимъ.

— Но однако...—проговорилъ онъ,— если это неправда?..

— Какъ неправда! — вскричалъ горячо отецъ Буажоль. — Это истинная правда! Изъ-за этого же я тамъ и остался!

Леонардъ быстро всталъ.

— Прощайте, отецъ,—сказалъ онъ.

И онъ вышелъ.

Дрожь охватывала его. Шумъ собственныхъ шаговъ пугалъ его. Теперь ему было все равно, услышитъ онъ голосъ или нѣтъ: онъ понялъ, что и онъ также изъ страха рѣшится, можетъ быть, остаться тамъ.

IV.

Слѣдующій день былъ днемъ исповѣди.

Всякое утро во время уроковъ одинъ изъ братьевъ ходилъ по классамъ съ тетрадью за подписью профессора, въ которую онъ заносилъ разныя школьныя происшествія. Это называлось

«рапортомъ». Въ субботу при рапортѣ ученики, желавшіе исповѣдываться, передавали брату записочку съ своимъ именемъ и съ именемъ избраннаго ими исповѣдника. Отецъ префектъ составлялъ по этимъ записочкамъ общій списокъ. Во время вечернихъ занятій по этому списку вызывали всѣхъ поочередно. Это было очень удобнымъ способомъ слѣдить за тѣмъ, насколько кто благочестивъ.

Написавъ свое имя, Леонардъ—онъ исповѣдывался каждую недѣлю, какъ и большинство,—почувствовалъ странную тревогу. Онъ еще не принялъ никакого рѣшенія, но разсчитывалъ на что нибудь неожиданное. За послѣднюю недѣлю ходъ его мыслей былъ такъ неожиданъ, что непремѣнно должно было случиться нѣчто новое.

День тянулся медленно. Вечеромъ, въ церкви онъ не молился; онъ не испытывалъ свою совѣсть. На исповѣди онъ постоянно разсказывалъ одни и тѣ же грѣхи, не задумываясь, точно заученный урокъ. Когда его вызвали, онъ взялъ машинально святой воды, перекрестился и вышелъ.

Въ томъ корридорѣ, по которому въ воскресенье проходили отцы, прохаживались теперь воспитанники, сложивъ руки или держа требникъ. Чтобы избѣжать потери времени, они ждали здѣсь, когда отъисповѣдаются предъидущіе номера. Отъ времени до времени комната одного изъ отцовъ отворялась. Происходила небольшая суета, слышался шумъ шаговъ выходившаго и входившаго ученика; затѣмъ, черезъ минуту появлялся новый кандидатъ, ожидающій очереди, и тишина возстановлялась.

Ученики дѣлились на группы, и это дѣленіе соотвѣтствовало ихъ внутреннему настроенію.

Около дверей отца Гурманеля стояли юноши въ родѣ Делестана или Серве, которыхъ благодать мало коснулась, холодные сердцемъ, исповѣдывавшіеся неаккуратно, только передъ большими праздниками.

Около дверей отца Ане ожидали юноши благочестивые и наивные, но вполнѣ дюжинные, которые обыкновенно считаются въ классахъ «средними», по большей части не очень сильные и не слабые, искренніе какъ въ своемъ желаніи усовершенствоваться, такъ и въ своемъ прилежаніи къ наукамъ.

Наконецъ, около дверей отца Пропіака стояли первые по ученью, лучшіе члены конгрегаціи.

Каждая изъ группъ держалась по-своему, отлично отъ другихъ. Духовныя дѣти отца Гурманеля были разсѣянны, нѣкоторые изъ нихъ стояли у окна и развлекались тѣмъ, что глядѣли на прохожихъ. Духовныя дѣти отца Ане ходили взадъ и впередъ, поглощенные обдумываньемъ своихъ грѣховъ, и имѣли такой удрученный видъ, что ихъ можно было заподозрѣть въ лице-

мѣріи. Духовныя дѣти отца Пропіака тоже прохаживались, но съ высоко поднятой головой, чувствуя, какъ легка исповѣдь, когда она часто повторяется.

Когда вошелъ Леонардъ, Шеденъ разсматривалъ картину, висѣвшую на стѣнѣ, а Берньеръ, засунувъ руки въ рукава, ходилъ взадъ и впередъ ровнымъ шагомъ, точно отшельникъ, погруженный въ благочестивыя размышленія.

Всѣ трое обмѣнялись знаками привѣтствія; они радовались, что имъ пришлось ждать всѣмъ вмѣстѣ. Леонардъ подошелъ къ Берньеру.

— Ну, каково ты поживаешь эту недѣлю?—спросилъ онъ шопотомъ.

Берньеръ былъ приходящимъ: они не видались послѣ воскреснаго собранія въ домѣ г-жи Нонъ.

— Благодарю, очень хорошо!

Берньеръ снова вернулся къ своимъ размышленіямъ. Шеденъ отошелъ отъ картины и обратился къ Леонарду:

— Что ты будешь дѣлать завтра въ свободное время?

Леонардъ пожалъ плечами.

— Нечего нѣтъ новенькаго?

— Кажется, ничего.

Вдругъ дверь отца Ане открылась. Берньеръ устремился туда, а оттуда вышелъ Циммеръ.

Это былъ юноша, повидимому выросшій слишкомъ быстро, съ слишкомъ длинными руками и ногами, со впалой грудью, точно будто его стиснули между двумя досками. На лицѣ его свѣтились глаза съ какимъ то загадочнымъ выраженіемъ.

— Посмотри на него,—сказалъ Шеденъ.—Я тебѣ говорилъ, что онъ хочетъ идти въ монастырь.

— А мнѣ что за дѣло,—съ раздраженіемъ отвѣчалъ Леонардъ.

Между тѣмъ онъ съ невольною завистью слѣдилъ глазами за Циммеромъ, который уходилъ въ какомъ то восторженномъ состояніи, не замѣчая ничего вокругъ себя.

— Это вѣрно! стоитъ посмотрѣть на него.

— Ахъ, оставь ты меня въ покоѣ!—вскричалъ Леонардъ.

Дѣйствительно, это было вѣрно. Леонардъ увидѣлъ на лицѣ Циммера то особенное сіяніе, которымъ отмѣчены избранные. Ему стало жаль, что онъ не сошелся поближе съ этимъ юношей.

— Мы вѣдь будемъ вмѣстѣ,—думалось ему.

Въ эту минуту отворилась другая дверь, онъ вздрогнулъ, подумавъ, что пришла его очередь.

Нѣтъ, это Серве выходилъ изъ комнаты отца Гурманеля. Шеденъ вошелъ туда.

Леонардъ остался одинъ. Ему хотѣлось потянуться, перемѣнить мѣсто, ему было какъ-то не по себѣ, почти дѣлалось

дурно. Онъ точно во снѣ замѣтилъ, что ученикъ вышелъ изъ комнаты отца Пропіака, что самъ онъ вошелъ туда и сталъ на колѣни. Затѣмъ наступила полная тишина. Онъ началъ свою исповѣдь.

Въ комнатѣ отца Пропіака было два окна. Между ними стоялъ широкій налой, задняя стѣнка которого служила дверцей шкафа. Надъ нимъ висѣло мѣдное распятіе.

Отецъ Пропіакъ сидѣлъ на соломенномъ креслѣ рядомъ съ налоемъ. Закрывъ глаза рукой, облокотясь на ручку кресла, онъ, повидимому, не замѣчалъ, кто входилъ.

Въ остальномъ комната походила на всѣ комнаты отцовъ. На окнахъ висѣли бѣлыя занавѣси; въ углу кровать отдѣлялась желтой перегородкой, образующей нѣчто въ родѣ алькова. Какъ въ другихъ комнатахъ, такъ и тутъ, былъ стулъ, столъ, маленькая печка передъ каминомъ и наваленныя въ безпорядкѣ книги.

Никакихъ внѣшнихъ признаковъ набожности. Точно номеръ отеля, отдаваемый для ночлега; въ воздухѣ носился особенный, нѣсколько тошнотворный запахъ неопрятнаго монаха. Лампа, стоявшая на столѣ, была прикрыта абажуромъ. Она рисовала на потолкѣ свѣтлое пятно, прорѣзанное черными кругами, исчезавшими около краевъ. Вся комната была погружена въ полумракъ, точно церковь, и это придавало ей видъ исповѣдальни. Инстинктивно тутъ говорилось шопотомъ.

Леонардъ проговорилъ «Confiteor». Онъ слышалъ, какъ въ это время отецъ Пропіакъ шепталъ установленныя молитвы. Потомъ на мгновеніе рука, таинственная рука, прикрывавшая лицо, поднялась въ воздухѣ, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ.

— Хорошо, дитя мое, скажите мнѣ свои грѣхи.

Эти слова были произнесены тихимъ голосомъ. Повидимому, отецъ исполнилъ скучную обязанность и задремалъ.

— Отецъ, я былъ жаденъ, лѣнивъ...

Онъ проговорилъ цѣлый рядъ разныхъ мелкихъ прегрѣшеній. Онъ обвинялъ себя даже въ такихъ, о которыхъ никогда не думалъ. Ему хотѣлось какъ можно больше удлиннить ихъ перечень. Впрочемъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ грѣшенъ въ томъ, въ чемъ сознавался, но немного, скорѣе въ желаніяхъ, чѣмъ въ поступкахъ.

Послѣ каждаго грѣха отецъ кивалъ головой, какъ бы въ знакъ одобренія.

Леонардъ колебался съ минуту и затѣмъ сказалъ:

— Во всѣхъ этихъ прегрѣшеніяхъ и во всѣхъ, какія я содѣлалъ въ жизни, каюсь передъ Богомъ и передъ вами, отецъ, и прошу вашего прощенія и разрѣшенія, если вы найдете меня достойнымъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, монахъ откашлялся и началъ поученіе:

— Вамъ надо больше думать о душѣ, дитя мое, и молить, чтобы Богъ вырвалъ изъ вашего сердца все, что въ немъ есть дурного. Въ писаніи сказано, что въ день судный съ насъ спросится сообразно съ тѣми дарами, какіе мы получили отъ Бога. Вы имѣли счастіе получить здѣсь христіанское воспитаніе, вамъ не трудно избѣгать тѣхъ подводныхъ камней, которые губятъ другихъ юношей вашихъ лѣтъ. Благодарите за это Бога и прилагайте всѣ силы, чтобы совершенствоваться.

Беззвучнымъ голосомъ, тѣмъ тономъ, какимъ говорятся обыкновенно поученія, со множествомъ латинскихъ цитатъ началъ онъ объяснять притчу о работникахъ въ виноградникѣ.

Леонардъ слушалъ. Все это ни мало не отвѣчало на его мысли. Одинаковая плата для работниковъ, пришедшихъ въ первый и въ послѣдній часъ, смущала его.

Наконецъ, монахъ замолчалъ:

— Вамъ нечего сказать мнѣ больше? Я вамъ дамъ разрѣшеніе.

Не давая себѣ отчета въ томъ, какая сила толкаетъ его, Леонардъ перебилъ монаха:

— Отецъ...

Монахъ, уже поднявшій руку для благословенія, снова приготовился слушать.

— Ну, что вы хотите сказать?

— Я не знаю, долженъ ли я...

— Это что нибудь важное?

— Да.

— Какой нибудь грѣхъ?

— Нѣтъ!

— Говорите смѣлѣе, объяснитесь!

Монахъ говорилъ теперь своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

Леонардъ продолжалъ молчать, и онъ старался ободрить его.

— Не забывайте, дитя мое, что духовный отецъ это совѣтникъ, котораго самъ Богъ даетъ вамъ. Все, что говорится въ этомъ священномъ мѣстѣ, исходитъ отъ самого Бога. Разскажите Христу Спасителю, присутствующему здѣсь, что смущаетъ васъ. Если это грѣхъ, вы найдете въ немъ милосерднаго судью. Если это что либо другое...

— Да, другое.

— Въ такомъ случаѣ Онъ наставитъ васъ.

Нѣсколько минутъ царило молчаніе и въ это время, казалось, не существовало ничего, кромѣ непосредственнаго присутствія Христа, какъ бы стоявшаго лицомъ къ лицу съ каю-

щимся. Леонардъ поднялъ глаза къ изображенію Іисуса на крестѣ. Руки Спасителя, на которыя падалъ свѣтъ лампы, какъ будто простирались къ нему, призывали его.

— Всѣ послѣдніе дни, отецъ, я раздумываю, не посвятить ли мнѣ себя Богу, не сдѣлаться ли мнѣ монахомъ. Я не знаю, я не вижу... я колеблюсь... Конечно, я понимаю, что это всего лучше, но какъ мнѣ убѣдиться, что Богъ призываетъ меня? Я не умѣю читать въ своей душѣ. Я боюсь ошибиться. Можетъ быть, эти колебанія просто искушеніе. Богъ безконечно милосердъ. Почему же ему отвергнуть меня?

Волненіе его возрастало, и по мѣрѣ того, какъ онъ объяснялъ свое желаніе, ему казалось, что онъ испытывалъ его вполнѣ опредѣленно и очень сильно. Чѣмъ больше онъ настаивалъ на своихъ колебаніяхъ, тѣмъ болѣе неосновательными казались они ему. Неожиданное молчаніе отца окончательно сбило его съ толку. Онъ закрылъ лицо руками, втайнѣ разочарованный, что не слышитъ похвалъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, мое милое дитя, это очень важно!

Отецъ Пропіакъ не говорилъ больше просто «дитя мое»; рука его снова поднялась для благословенія.

Подумавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Вамъ надобно хорошенько обсудить дѣло. Я готовъ помочь вамъ. Издали многое кажется легкимъ, что на самомъ дѣлѣ трудно. Конечно, Богъ не предписываетъ монашествующимъ невозможнаго, но онъ требуетъ отъ нихъ полной преданности, безграничнаго самоотреченія. Сообразили ли вы всю важность обязательства, послѣдствія котораго отразятся даже на вашей загробной жизни?

Леонардъ слушалъ съ полнымъ недоумѣніемъ. Вмѣсто того, чтобы принять его съ радостью, отецъ выставлялъ ему разныя затрудненія.

— Вамъ придется распрощаться со свѣтомъ; а между тѣмъ у васъ дѣятельная натура, у васъ есть способности, вы можете, пожалуй, достигнуть высокаго положенія. Это большая жертва. Общество также нуждается въ честныхъ людяхъ, которые бы подавали примѣръ добродѣтели. Многія честолюбивыя стремленія безусловно законны, почти необходимы, и, достигнувъ цѣли, человѣкъ испытываетъ вполнѣ дозволенное удовлетвореніе. Вступить въ монашеское званіе значитъ отказаться отъ нихъ, превратиться въ ничто, въ покорную палку, которую направляетъ рука Провидѣнія. Кромѣ того, монаху предстоятъ разныя эпитеміи, посты, постоянное умерщвленіе плоти...

— О, это пустяки!

Отецъ Пропіакъ, повидимому, не замѣтилъ перерыва.

— Монахъ долженъ забыть родныхъ, не имѣть никакой семьи, ничего, кромѣ Бога. Въ евангеліи сказано: «Кто любитъ отца или мать больше меня, тотъ меня недостоинъ!» Я не говорю, что вамъ придется вести борьбу съ родителями; но свѣтъ постарается удержать васъ, потому что не пойметъ васъ. Найдется ли у васъ сила воли, чтобы побѣдить его искушенія?

По мѣрѣ того, какъ отецъ подробно описывалъ трудности и ставилъ, такимъ образомъ, монашескую жизнь на высоту, почти превышающую человѣческія силы, желаніе Леонарда разгоралось все сильнѣе и сильнѣе.

— Все это я могу сдѣлать,—сказалъ онъ.

Голосъ монаха сталъ болѣе жесткимъ.

— Милое дитя мое, не увлекайтесь гордостью. По настоящему, всякая душа должна была бы достигнуть того состоянія, къ которому вы стремитесь. Христосъ сказалъ: «Не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; я пришелъ принести не миръ, а мечъ. Я пришелъ разлучить сына съ отцомъ и дочь съ матерью. И врагами человѣку будутъ домашніе его». Принять и нести крестъ Христовъ можно только однимъ способомъ. Я вамъ раньше указывалъ, что отъ каждаго требуется сообразно съ его способностями, съ тѣми талантами, какіе онъ получилъ отъ Бога. А ваши способности велики.

Сначала онъ выставилъ на видъ великость жертвы, а потомъ заговорилъ о необходимости спасти свою душу, и такимъ образомъ, сразу, безъ разсужденій, безъ вопросовъ, безъ всякаго обдумыванія, призваніе оказалось дѣломъ рѣшеннымъ, обязательнымъ только потому, что о немъ зашелъ разговоръ.

Восторженное состояніе Леонарда уступило мѣсто недовѣрію. Даже отдаваясь, душа хочетъ чувствовать, что ея жертва самопроизвольна.

Онъ проговорилъ нерѣшительно:

— Развѣ вы думаете, что для всякаго необходимо принять монашество?

— Богъ ждалъ васъ, дитя мое,—отвѣчалъ отецъ Прошіакъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ необходимости благодарить Господа. Надобно оказаться достойнымъ его выбора. Какъ будто угадывая нѣкоторое непокорство въ душѣ Леонарда, онъ снова заговорилъ тономъ проповѣдника. Исповѣдь, прерванная на нѣсколько минутъ, продолжалась. Въ заключеніе онъ прибавилъ:

— Когда вы будете послушникомъ, вы узнаете, что Богъ не жертвы отъ васъ требовалъ, а, напротивъ, далъ вамъ счастье.

— Но, отецъ,—возразилъ Леонардъ,—я не знаю еще буду ли я въ Санъ-Ашелѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ!

— Повѣрьте мнѣ, мое милое дитя,—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ отвѣчалъ отецъ Пропіакъ,—что безразсудно стремиться къ слишкомъ высокой добродѣтели, превышающей наши силы. При этомъ легко не выдержать. У насъ вы найдете не тяжелую жизнь, набожность безъ преувеличенія, но постоянно одинаковую, однимъ словомъ, найдете возможность приблизиться къ святости безъ сверхчеловѣческихъ усилій. Выборъ монастыря, въ которомъ вы должны жить, принадлежитъ вашему духовнику. Насколько я знаю вашу душу, вамъ мѣсто именно тамъ, и нигдѣ больше.

Леонардъ ничего не отвѣчалъ.

— Говорили ли вы роднымъ о своемъ намѣреніи? — дружески спросилъ монахъ.

— Я и самъ не былъ увѣренъ въ немъ.

— Надо поговорить, мое милое дитя. Понятно, вы должны быть осмотрительны въ выборѣ лицъ, которымъ довѣритесь. Вѣдь вы, кажется, сирота?

— Да.

— Это упрощаетъ дѣло. А вашъ опекунъ?

— Мой опекунъ живетъ въ Парижѣ.

— Говорятъ, онъ плохой христіанинъ?

— Не знаю, я его никогда не вижу.

— Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности сообщать ему объ этомъ теперь же. Ваша тетушка, напротивъ, очень благочестивая женщина. Выскажите ей свои желанія, и она навѣрно поможетъ вамъ побѣдить противодѣйствіе опекуна.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, недоразумѣніе, закравшееся между ними, усилилось. Леонардъ поднялъ голову:

— Вы вѣдь сейчасъ говорили, отецъ, что прежде чѣмъ рѣшаться окончательно, я долженъ серьезно обсудить дѣло?

Монахъ покраснѣлъ и снова прикрылъ лицо рукою.

— Это правда, я не имѣю намѣренія насиловать вашу волю. Я только далъ вамъ совѣтъ на всякій случай.

И онъ какъ будто вернулся къ началу разговора:

— Итакъ, надѣйтесь и молитесь. Въ концѣ года, если вы останетесь при томъ же настроеніи, я устрою, чтобы васъ отправили въ уединеніе. Будьте увѣрены, что тамъ Господь Богъ окончательно просвѣтитъ васъ!

Онъ поднялъ руки и взволнованнымъ голосомъ произнесъ слова отпущенія.

Леонардъ слушалъ съ благоговѣніемъ. Онъ видѣлъ, что связанъ окончательно, но чувствовалъ болѣе безпокойства, чѣмъ радости. Въ ту минуту, какъ онъ отходилъ отъ налоя, рука исповѣдника опустилась на его плечо.

— Еще одно слово...

— Что такое?

— Вы, кажется, близкій пріятель Лани?

Леонардъ отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ скажите, въ разговорахъ... о, я не хочу у васъ вывѣдывать, вы можете не отвѣчать, если не желаете... въ разговорахъ, не намекалъ-ли онъ вамъ, что рѣшитъ свою судьбу такъ-же, какъ вы?

Леонардъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на отца Проціака.

— Что вы! Какъ это можно! Да если-бы я это и зналъ, то не сказалъ-бы вамъ!

Онъ поблѣднѣлъ, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ. Монахъ улыбнулся и проговорилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Вы меня не такъ поняли, дитя мое. Вы узнаете позднѣе, надѣюсь скоро, что радость, доставляемую намъ апостольскимъ званіемъ, трудно скрыть. Мы испытываемъ такое счастье, когда чувствуемъ себя въ рукахъ Бога, что невольно желаемъ того-же блаженства и для нашихъ друзей.

Онъ въ видѣ ласки начертилъ на лбу Леонарда знаменье креста, затѣмъ вздохнулъ и продолжалъ, какъ-бы въ припадкѣ откровенности:

— Я былъ такой же, какъ вы. Я хотѣлъ сохранить для себя одного сокровище своего призванія. Впослѣдствіи я очень жалѣлъ, что не подѣлился имъ съ тѣми, кого любилъ, и рѣшилъ, что избавлю отъ подобныхъ же сожалѣній тѣхъ изъ моихъ духовныхъ дѣтей, которыхъ Господь призоветъ.

Онъ заговорилъ съ большимъ жаромъ.

— Да, вы меня не поняли. И тогда, когда я совѣтовалъ вамъ разсказать все вашей теткѣ, вы тоже не поняли меня. Я хотѣлъ избавить васъ отъ непріятностей, которыхъ вы не знаете и которыя, быть можетъ, встрѣтятся вамъ. Если своими совѣтами я нарушилъ ваше желаніе быть наединѣ съ Богомъ, простите меня, я сказалъ лишнее исключительно изъ любви къ вамъ.

На этотъ разъ онъ попалъ удачно. Подъ вліяніемъ его мягкихъ словъ съ души Леонарда исчезали одна за другой всѣ мрачныя тѣни. Его охватило чувство необыкновенной нѣжности. Онъ стоялъ неподвижно, упрекая себѣ за свою ошибку.

— А теперь, мое милое дитя, теперь, когда мы не въ исповѣдальнѣ, когда съ вами говоритъ не Богъ, а другъ, позвольте мнѣ высказать вамъ, какъ вы меня обрадовали своею доброю вѣстью.

Руки отца двигались медленно, глаза его были влажны, ротъ улыбался счастливой улыбкой.

— Вы думаете, что принесли себя въ жертву Богу? Напро-

тивъ, Богъ отдается вамъ. Я не могу даже приблизительно описать вамъ всѣхъ безконечныхъ радостей, какія такъ естественно доставляетъ намъ монашеская жизнь. Я чувствую, что нѣсколько минутъ тому назадъ я былъ жестокъ, слишкомъ жестокъ къ вамъ; но я обязанъ былъ показать вамъ страданія Голгоѳы прежде, чѣмъ открыть ея славу. Развѣ я не долженъ былъ испытать искренность вашего рѣшенія? Какъ исповѣдникъ и священникъ, я не имѣлъ права воздѣйствовать на васъ, показывая вамъ тотъ рай, который ожидаетъ васъ. Въ эту минуту я не въ состояніи молчать! Повѣрьте мнѣ, какъ вѣрному и опытному другу! Нѣтъ, вы ничего не приносите въ жертву! Вы воображаете, что покидаете семью? Но вы вступаете въ новую семью, болѣе любящую, болѣе заботливую. Вы отказываетесь отъ свѣта? Но онъ не можетъ дать вамъ ничего, что наполнило бы ваше сердце, а божественная любовь переполнитъ его! Всякія лишенія покажутся вамъ сладостными, даже слишкомъ легкими...

Слушая эти восторженныя слова, Леонардъ едва держался на ногахъ.

— Отецъ, какое счастье открываете вы мнѣ!—прошепталъ онъ, ослабѣвая въ виду блаженства, о которомъ онъ мечталъ и которое, наконецъ, давалось ему.

— Это все еще ничего сравнительно съ тѣми радостями, какія доставляетъ апостольское служеніе. Когда вы приведете къ пристани душу, когда вы почувствуете, что сами становитесь орудіемъ божественнаго милосердія, тогда только испытаете вы неизреченное блаженство! Ахъ! на колѣняхъ благодарите Господа за то, что онъ отмѣтилъ васъ, какъ своего избранника, для совершенія подобныхъ чудесъ! Клянусь вамъ, мы сторицей за все вознаграждены, мы, которыхъ Господь особенно благословилъ, всѣ желанія которыхъ онъ исполняетъ здѣсь на землѣ, передъ которыми онъ отворяетъ двери своего рая!

Голосъ отца пѣлъ торжествующую пѣснь; мальчикъ, приведенный въ восторженное состояніе, былъ окончательно побѣжденъ.

— Ну, что же вы не прощаетесь со мной?

Онъ раскрылъ объятія. Леонардъ бросился къ нему на грудь. Это было незабвенное объятіе. Онъ давалъ цѣловать себя и рыдалъ, самъ того не сознавая.

— Большой ребенокъ! Скоро мой братъ,—прошепталъ отецъ Пропіакъ.

И своимъ поцѣлуемъ онъ какъ бы вступалъ во владѣніе Леонардомъ, давая ему предвкушеніе всеобъемлющей, безличной любви, которая должна была навсегда поглотить эту душу.

Полуопьяненный Леонардъ вырвался изъ его объятій.

— До субботы,—сказалъ отецъ.

— До субботы.

V.

Вслѣдъ за этимъ по какимъ-то тайнымъ причинамъ Леонардъ мало-по-малу сдѣлался одинокимъ.

Вечеромъ, послѣ исповѣди онъ казался совсѣмъ преображеннымъ. Г-жа Нонъ, наблюдавшая за нимъ, была поражена этимъ.

— Что съ тобою?—спросила она.

Но Леонардъ молчалъ, находя, что ей не понять источника его радости. Она настаивала.

— Ты, должно быть, не очень любишь заниматься,—замѣтила она,—если тебя такъ радуетъ, что завтра свободный день.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ онъ,—свобода не имѣетъ для меня значенія.

Онъ началъ излагать свои идеи. Настоящая свобода состоитъ въ повиновеніи. Надобно побороть желаніе, тогда исчезнетъ и потребность въ независимости.

Г-жа Нонъ слушала безъ возраженій.

— Странная философія,—пробормотала она только.

Она—въ сущности—признавала повиновеніе исключительно своей собственной волѣ.

Недѣля шла за недѣлею. Настала зима, зима съ постоянными дождями. Нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ: тогда Неверъ казался стаей черныхъ птицъ съ своими колокольнями, возвышавшимися надъ бѣлыми крышами. Погода не имѣла вліянія на расположеніе духа Леонарда. Онъ жилъ въ мірѣ мечты. Онъ испытывалъ упоеніе божественной любви, наслажденіе сознанія, что жертва принесена, хотя при этомъ не чувствовалось никакого лишенія. Во время причащенія онъ приходилъ въ состояніе экстаза. При благодарственной молитвѣ онъ могъ только взывать: «Іисусе, Іисусе! я отдаюсь тебѣ!» и сердце его замирало отъ восторга. Когда онъ ходилъ, онъ какъ-то безсознательно умѣрялъ свой шагъ, какъ будто около ногъ его спускались складки сутаны. По субботамъ исповѣдь окончательно очаровывала его. Разсчитанная строгость отца Пропіака поддерживала его настроеніе. Отецъ Пропіакъ не говорилъ больше ни разу о призваніи, но темы, какія онъ избиралъ для своихъ поученій, доказывали, что онъ о немъ постоянно думалъ.

Началось отчужденіе отъ свѣта, первое и наиболѣе легкое.

Леонардъ почувствовалъ отвращеніе къ жизни. Онъ возненавидѣлъ свои ежедневныя занятія. Его комната стала ему про-

тивной. Онъ входилъ въ нее со стѣсненнымъ сердцемъ, какъ изгнанникъ. За то онъ полюбилъ садъ, въ которомъ гуляли отцы, видъ дворовъ, классы. Коллегія стала для него необходимою, онъ видѣлъ въ ней рамку своей будущей жизни.

Въ то-же время ему казалось, что отцы измѣнились. Онъ подмѣчалъ на лицахъ ихъ улыбки, непохожія на прежнія; слово, сказанное отцемъ Прошакомъ: «Скоро мой братъ!» читалось въ ихъ глазахъ. Въ свободное время отецъ Декюрвиль сталъ заговаривать съ нимъ. Онъ разсказывалъ, что молится каждый день Богу, чтобы его отдѣленіе вело себя хорошо. Онъ признавался, что надѣется уѣхать въ Китай.

— Я былъ бы такъ счастливъ, если бы эта поѣздка состоялась.

Леонардъ понималъ теперь значеніе слова «счастливъ», которое монахи такъ часто произносили.

Совершенно такъ, какъ описывалось въ исторіяхъ Сенъ-Ашеля, неожиданные успѣхи превосходили его надежды. Онъ постоянно былъ первымъ ученикомъ.

Всякій первый ученикъ носилъ знакъ отличія, приколотый къ ленточкѣ бѣлой съ розовымъ для самыхъ лучшихъ, голубой съ бѣлымъ за сочиненія, черной съ краснымъ за прилежаніе. Въ понедѣльникъ утромъ читали, кто занимаетъ какое мѣсто, и затѣмъ ученики подходили къ ректору, раздававшему знаки отличія. Отецъ Бартоленъ встрѣчалъ Леонарда съ добродушнымъ удивленіемъ:

— Опять вы! Постоянно первый! За что это Господь Богъ посылаетъ вамъ такое счастіе!

Иногда онъ дѣлалъ такіе намеки:

— Лучше поздно, чѣмъ никогда; вы стали теперь хорошимъ ученикомъ,—я надѣюсь, по крайней мѣрѣ...

Или:—Первые обязаны подавать примѣръ.

Отмѣтки за недѣлю были всѣ одинаковы.

По правдѣ сказать, Леонардъ ни въ чемъ не измѣнилъ своихъ привычекъ, но все само собой оказывалось хорошо, безъ всякихъ усилій съ его стороны.

Въ другой разъ отецъ Сикстъ позвалъ его къ себѣ:

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—вы знаете, что мы выбираемъ въ клирошане учениковъ самаго лучшаго поведенія. Я рѣшилъ, что вы должны быть въ числѣ ихъ. Теперь уже поздно учить васъ управлять кадилами, и потому вы будете церемоніймейстеромъ.

Отъ радостнаго волненія Леонардъ не могъ проговорить ни слова. Затѣмъ, сильно покраснѣвъ, онъ отказался отъ дѣлаемой ему чести. По обычаю новый клирошанинъ долженъ купить кружевной стихарь, сутану и муаровый вышитый кушакъ. Никогда тетка его не согласится дать столько денегъ.

Объясняя это, онъ былъ сильно сконфуженъ. Отецъ Сикстъ перебилъ его.

— Я все это понимаю, дитя мое. Вы пробудете здѣсь меньше года, безполезно заставлять васъ дѣлать такіе расходы. Навѣрное найдется облаченіе вамъ по росту изъ тѣхъ, которыя сохраняются у насъ. Больше ничего не надо.

Леонардъ ушелъ отъ него, очарованный его добротой.

Гордость Леонарда разгоралась. Онъ сталъ считать себя отличнымъ отъ другихъ, часто думалъ, что былъ очень уменъ, и иногда удивлялся, какъ это у него хватаетъ духу принести Богу въ жертву столь великій умъ. Ему очень хотѣлось насладиться похвалами товарищей, сообщивъ имъ свои намѣренія. Когда въ классѣ заводились какіе нибудь разговоры, онъ нарочно молчалъ. Ему было жаль, что онъ не могъ сойтись съ Циммеромъ, который, какъ приходящій, не оставался въ коллегіи въ рекреаціонное время; онъ поговорилъ бы съ нимъ о Сенъ-Ашелѣ. Онъ игралъ съ товарищами, потому что это предписывалось правилами, но говорилъ, что ему очень тяжело принуждать себя.

Такимъ образомъ, отчужденность охватывала его все больше и больше. Онъ презиралъ не только свѣтъ и родной домъ, но и товарищей, и все молодое, всякое увлеченіе.

Мало-по-малу его связи съ общею жизнью порывались: самый умъ его измѣнился. Онъ сдѣлался нетерпимымъ, онъ сталъ важно излагать идеи, которыя считалъ новыми, не подозрѣвая, что десять лѣтъ медленной подготовки закрѣпили ихъ въ его сознаніи. Онъ находилъ, что вся нравственность заключается въ отрицаніи любви. Положить основаніе семьи сдѣлалось въ глазахъ его грѣхомъ; онъ возводилъ ненормальныя условія въ законъ и подкрѣплялъ этотъ законъ проклятіями.

Однажды онъ сталъ убѣждать Шедена вступить въ конгрегацію. Шеденъ отговаривался:

— Я не довольно благочестивъ,—говорилъ онъ.—Придется часто исповѣдываться и быть на всѣхъ службахъ. Мнѣ это страшно.

Леонардъ настаивалъ:

— Ты ошибаешься, на испытуемыхъ не лежитъ никакихъ обязанностей.

Послѣ новаго, болѣе рѣшительнаго отказа, онъ разсердился:

— Должно быть, у тебя что нибудь скверное на душѣ, если ты такъ упрямо отказываешься отъ добра!

— Я не люблю никакой женщины,—отвѣчалъ Шеденъ,—хотя ты, кажется, это предполагаешь.

Леонардъ прекратилъ разговоръ, но сталъ наблюдать за Шеденомъ. Мысль о томъ, что у него могутъ быть какія ни-

будь любовныя приключенія, казалась ему чудовищной. Отчужденность его окончательно закрѣплялась, онъ возненавидѣлъ любовь. Онъ сдѣлался существомъ средняго рода.

Все воспитаніе его было направлено къ этой цѣли. Отчужденность во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ создавалась только для того, чтобы привести къ этой, наиболѣе характерной, наиболѣе необходимой. Въ проповѣдяхъ отецъ Ане и отецъ Пропіакъ громили развратъ. Въ классѣ реторики отецъ Буажоль училъ, что «Берениса» безнравственное произведеніе, «вслѣдствіе того сантиментальнаго томленія, какимъ она проникнута, и не смотря на то, что въ концѣ долгъ торжествуетъ». Отцы находили, что тоска Мольера есть ничто иное, какъ угрызеніе совѣсти послѣ слишкомъ бурной жизни. Изгнанная изъ литературы и изъ этики, любовь была изгнана и изъ исторіи. Изобрѣтено было очень милое слово для обозначенія королевскихъ любовницъ, игравшихъ настолько видную роль въ политикѣ, что нельзя было не упоминать о нихъ: ихъ называли «фаворитками». Благодаря этому слову, можно было не осуждать Людовика XV. Приключенія г-жи Ментенонъ тщательно замалчивались, и она превратилась въ святую домоправительницу, въ охранительницу королевской добродѣтели; Марія Медичи изображалась бичемъ божіимъ, Елизавета англійская чѣмъ то въ родѣ антихриста. Во время урока катехизиса, который преподавался по воскресеньямъ подъ видомъ философскихъ бесѣдъ, первородный грѣхъ, грѣхъ главнымъ образомъ женщины, представлялся настолько великимъ, что вполнѣ оправдывалъ ужасъ адскихъ мукъ.

Одна только дружба еще уцѣлѣла въ душѣ Леонарда и не поддавалась этимъ разъѣдающимъ вліяніямъ. Скоро и она исчезла.

Съ нѣкоторыхъ поръ сердца коллегіатовъ волновались. Весна коснулась ихъ своимъ дыханіемъ. Всякій разъ, идя къ обѣднѣ, ученики замѣчали трехъ удивительно усердныхъ посѣтительницъ церкви: жену судьи и ея двухъ дочерей. Стоя на колѣняхъ около сосуда со святой водой, молодыя дѣвушки слѣдили за руками, опускавшимися въ сосудъ и дѣлавшими крестное знаменье надъ водой. Одна изъ этихъ дѣвушекъ была нѣжная блондинка. Коллегіаты прозвали ее Фебой, потому что свѣтлые волосы словно сіяніе окружали голову ея, и она зажгла огонь въ нѣсколькихъ сердцахъ. По этому поводу стали разсказывать разныя романическія исторіи. Говорили, что одинъ приходящій, Брюе, ходитъ у нея подъ окнами и обмѣнивается съ ней знаками. Нѣсколько учениковъ сговорились пойти подсмотрѣть эти преступныя продѣлки. Объ этомъ стали говорить, какъ о проступкѣ, за который стоитъ исключить изъ коллегіи.

Ученики заключали между собою невинные союзы дружбы.

По средамъ,—въ этотъ день классовъ не было — Леонардъ и Лани обыкновенно предпринимали длинныя прогулки; въ перемѣны между уроками ученики бродили въ тѣни деревьевъ и обмѣнивались признаніями.

Вдругъ пронесся слухъ, что гулять попарно запрещается.

Это вызвало цѣлую бурю. Всѣ воспитанники заволновались. Надзоръ не прекращался и за стѣнами коллегіи. Начальство узнало, что въ воскресенье такой то ходилъ по улицѣ съ такимъ то, что двое такихъ то пошли вмѣстѣ изъ коллегіи. Увѣренность, что существуютъ какіе то неизвѣстные доносчики, которые передаютъ отцу Сиксту, что дѣлается внѣ коллегіи, увеличивала раздраженіе. Явились разныя подозрѣнія. Вечеромъ кто то разсказалъ, что видѣлъ какъ г-жа Берньеръ въ церкви входила въ одинъ день въ три исповѣдальни. Делестанъ не сомнѣвался больше.

— Это Берньеръ фискалитъ!—вскричалъ онъ.

Его слова повторялись, разжигая негодованіе.

Въ коллегіи Сенъ Луи де Гонзагъ, недавно столь мирной, носился духъ возмущенія. Въ рекреаціонное время никто не захотѣлъ играть. Ученики сходились группами, не обращая вниманія на отца Декюрвиля, который преслѣдовалъ ихъ съ колокольчикомъ въ рукахъ и говорилъ грустнымъ голосомъ:

— Да играйте же! Играйте, пожалуйста!

Готовился взрывъ. Онъ произошелъ при выходѣ изъ классовъ.

Когда наверху лѣстницы, которая вела въ аудиторіи, появились философы, раздался крикъ:

— Вотъ фискалъ!

Это было сигналомъ. Вокругъ Берньера столпилось все отдѣленіе, страшно разъяренное, размахивая кулаками, со свистомъ и криками:

— Плевать на фискала! Плевать!

Берньеръ, позеленѣвъ отъ ужаса, пытался отрицать. Звонокъ отца Декюрвиля былъ заглушенъ криками.

— Фискалъ! Подлецъ!—ревѣла толпа.

Съ разныхъ сторонъ слышались угрозы.

— Попробуй-ка еще разъ! Мы съ тобой раздѣлаемся!

Напрасно профессора пытались остановить потокъ. Нѣкоторые изъ нихъ брали учениковъ за руки и тащили ихъ съ лѣстницы.

— Идите, идите скорѣй внизъ, а то вамъ худо будетъ!

Отецъ Буажоль кричалъ:

— Не стыдно ли вамъ, негодяи, оскорблять своего товарища!

Ничего не слушая, Брюе протискался сквозь толпу. Однимъ ударомъ кулака онъ выбилъ книги изъ рукъ Берньера. Дру-

гіе тоже пустили въ ходъ кулаки, и Берньеръ, избитый, съ разорванной курткой, очутился внизу лѣстницы.

— Фискалъ! Фискалъ!—ревѣли ученики; казалось, вся коллегія повторяла это слово, какъ вдругъ явился отецъ Сикстъ.

— Назадъ въ классъ! — закричалъ онъ громовымъ голосомъ.—Ждите тамъ, пока его преподобіе, отецъ ректоръ, произнесетъ свой приговоръ надъ вашимъ отвратительнымъ поступкомъ.

Все смолкло. Впрочемъ, расправа съ Берньеромъ успокоила умы. Ученики одинъ за другимъ спускались съ лѣстницы. Они проходили мимо отца Сикста, который подозрительнымъ взглядомъ осматривалъ лица.

Всѣ усѣлись въ классѣ, положили книги въ пюпитры и ждали.

Со двора доносились голоса приходящихъ, которые были тоже задержаны. Нѣкоторые въ ожиданіи завтрака тихонько вытащили изъ кармановъ плитки шоколада и покусывали ихъ.

Всѣ взволновались, когда раздался стукъ въ дверь. Дежурный *привратникъ* подошелъ къ дверямъ и, вернувшись, обратился къ Брюе:

— Отецъ Сикстъ спрашиваетъ тебя,—сказалъ онъ.

Брюе всталъ и ушелъ, посмѣиваясь.

Въ пять часовъ прозвонилъ колоколъ. Онъ одинъ только не зналъ ничего о происшедшемъ бунтѣ и равнодушно возвѣщалъ окончаніе этой странной рекреаціи. Отецъ Декюрвиль прочелъ обычныя молитвы, прослушалъ обычное чтеніе изъ твореній св. отцовъ, и уроки начались среди общаго тревожнаго настроенія.

Наконецъ, раздался шумъ шаговъ. Всѣ какъ-то машинально встали. Вошелъ отецъ Бартоленъ въ сопровожденіи отца Сикста.

Онъ поднялся на каѳедру, медленно обвелъ глазами присутствовавшихъ и началъ такъ:

— Друзья мои, важное событіе случилось сегодня; я не стану напоминать вамъ о немъ. Одинъ изъ вашихъ товарищей исключенъ изъ коллегіи. Я долженъ предупредить всѣхъ, кого это касается, что если этотъ примѣръ окажется недостаточнымъ, я не колеблясь прибѣгну снова къ строгимъ мѣрамъ.

Чувство страха охватило классъ. Тишина, и безъ того полная, еще усилилась. Всѣ поняли, что исключенный былъ Брюе. Жалость къ уходившему товарищу заглушалась эгоистичнымъ чувствомъ успокоенія за собственную судьбу.

Отецъ Бартоленъ продолжалъ:

— Съ нѣкоторыхъ поръ духъ отдѣленія измѣнился. Тѣ, къ кому главнымъ образомъ относятся мои слова, знаютъ, на что я намекаю. Я требую, чтобы ничего подобнаго не повторялось. Часъ тому назадъ вы недостойно оскорбили одного изъ своихъ

сотоварищей. Единственное преступленіе его состояло въ томъ, что онъ всѣми своими поступками являлся укоромъ вашему поведенію. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать, вы должны-бы благославлять этихъ избранныхъ воспитанниковъ, которые помогаютъ намъ исполнять наши обязанности, и которымъ я публично приношу благодарность. Въ коллегіи Сенъ Луи де Гонзагъ нѣтъ доносчиковъ...

Отецъ Бартоленъ пріостановился, какъ-бы желая подчеркнуть важное значеніе этихъ словъ, и повторилъ:

— Здѣсь нѣтъ доносчиковъ, увѣряю васъ!

Затѣмъ, довольный тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела его рѣчь, онъ прибавилъ съ едва замѣтной ироніей:

— Къ счастью для отдѣленія и для васъ, здѣсь есть только ангелы хранители, которые заслуживаютъ ваше уваженіе и которыхъ я буду поддерживать во чтобы то ни стало.

Онъ всталъ, постоялъ съ минуту, желая убѣдиться, насколько покорилъ классъ, и вышелъ изъ комнаты.

По всѣмъ скамейкамъ понеслось шопотомъ повторяемое слово: Ангелы хранители, ангелы хранители!

Леонардъ съ неудомѣніемъ присутствовалъ при всей этой сценѣ.

Въ душѣ его зародилось безпокойство. Неужели и его дружба съ Лани встрѣтитъ препятствія. Его дружба? Ея по крайней мѣрѣ «призваніе» не коснулось. Она оставалась не тронутой. Дѣтскія души часто строютъ себѣ такой рай безъ желаній и вѣрятъ въ братскую любовь съ избранникомъ своего сердца.

Странное дѣло! Чѣмъ больше мысль объ отреченіи укоренялась въ душѣ Леонарда, тѣмъ больше держался онъ за эту дружбу. Причина его привязанности къ Лани была совершенно необъяснима. Они ничѣмъ не походили другъ на друга. Леонардъ—гордый, наклонный къ мистицизму, способный къ вдохновенію, которое разгоралось при благопріятныхъ условіяхъ и потухало отъ самой пустой причины; Лани—скрытный, медлительный, мало способный къ подъему души, лишенный отзывчивости. А между тѣмъ они находили, что похожи другъ на друга, и это скрѣпляло ихъ взаимную любовь.

Вечеромъ въ этотъ самый день, ученики разсѣялись группами по улицѣ «Четырехъ сыновей Аймона» и перешептывались другъ съ другомъ, а Леонардъ встрѣтилъ Лани у воротъ коллегіи.

Онъ сразу сталъ говорить о томъ, что его тревожило. Лани отвѣчалъ съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ: надо было предвидѣть, что рано или поздно исторія разъиграется.

Въ эту минуту подошелъ Жукъ. Онъ шелъ изъ лицея, гдѣ скандалъ, случившійся въ коллегіи, былъ извѣстенъ.

— Хорошія дѣла дѣлаются у васъ!—вскричалъ онъ, радуясь, что въ свою очередь можетъ подразнить товарищей;—сколько же у васъ платятъ вашимъ ангеламъ хранителямъ?

И онъ далъ волю своему негодованію противъ Берньера, который давно раздражалъ его своимъ молчаливымъ презрѣніемъ.

— Нѣтъ, у насъ дѣло не кончилось-бы такъ просто! Его-бы убили, раздавили, какъ гадину, мы-бы заплевали надзирателя, освистали провизора, разнесли-бы всю школу!

Леонардъ рѣзкимъ тономъ прервалъ его:

— Пожалуста, молчи! Что дѣлается въ Сенъ Луи де Гонгазъ, то до тебя не касается!

Онъ ждалъ съ сжатыми кулаками, пока Жукъ не отошелъ отъ нихъ.

— Какъ ты горячишься!—сказалъ Лани.

— Да нѣтъ, нисколько,—пробормоталъ Леонардъ.

А между тѣмъ онъ не могъ успокоиться: ему было досадно, что Жукъ громко высказалъ то, что самъ онъ думалъ про себя.

— Нечего сказать, все очень хорошо, и жизнь, и товарищи!

Они быстро шагали впередъ и обогнали группу учениковъ, обсуждавшихъ исключеніе Брюе. Разговоръ велся свободно, мнѣнія высказывались безъ стѣсненія. При приближеніи двухъ друзей всѣ вдругъ замолчали.

— Прощайте,—проговорилъ Лани, проходя мимо.

— Прощайте...

Леонардъ быстро обернулся къ нимъ.

— Что вы тамъ такое говорите?

Сзади него пронеслась фраза, сказанная тихо, но вполнѣ явственно:

— Молчите! это ангелъ хранитель!

— Что вы сказали?—повторилъ Леонардъ съ гнѣвомъ.

Но группа учениковъ уже исчезла въ темнотѣ.

Леонардъ уныло махнулъ рукой.

— Въ сущности, я долженъ-бы относиться къ этому совершенно равнодушно,—прошепталъ онъ, снова взявъ подъ руку Лани.

Дѣйствительно, эти оскорбленія не должны-бы задѣвать его: развѣ онъ не презиралъ всѣхъ этихъ завистниковъ, которые стояли такъ далеко ниже его въ нравственномъ отношеніи.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—мы будемъ гулять вмѣстѣ въ среду.

— Если хочешь,—спокойно отвѣчалъ Лани.

Леонарду какъ будто захотѣлось оправдаться передъ самимъ собой за такое нарушеніе правилъ его любимой коллегіи.

— Постараемся какъ можно лучше воспользоваться тѣмъ временемъ, какое у насъ осталось. Кто знаетъ, что готовитъ намъ будущій годъ.

— Мнѣ надобно сообщить тебѣ важную вещь,—прибавилъ онъ довѣрчиво.

— Вотъ что!—проговорилъ Лани.

— Да, въ среду.

Улица вокругъ нихъ опустѣла. Въ сумеркахъ сѣрой ночи тонуло все окружающее. Подъ каждыми воротами съ ветхими стрѣльчатыми сводами, казалось, притаился призракъ. Въ воздухѣ было что-то ласкающее, что размягчало сердца.

— Какъ ты этого не замѣтилъ?—заговорилъ Леонардъ нѣжно. — Съ нѣкоторыхъ поръ я измѣнился, слава Богу! Жизнь получила для меня новый смыслъ. Я принялъ рѣшеніе.

Онъ сталъ объяснять свое отвращеніе отъ свѣта, тотъ идеалъ мистической чистоты, къ которому онъ стремился и, пересказывая лживые аргументы, опутавшіе умъ его, увлекался ими все сильнѣе и сильнѣе. Онъ говорилъ горячо и быстро.

Мало-по-малу оба пріятеля замедлили шаги, забывая, что уже поздно. Площадь Сенъ Сира представляла темное, пустынное пространство. На ней они были болѣе одиноки, чѣмъ могли-бы быть среди деревенской дороги.

— Какой ты нервный, точно женщина,—произнесъ Лани со скучающей улыбкой.

— Ты ошибаешься,—отвѣчалъ Леонардъ, — это рѣшается вопросъ всей моей жизни.

Лани остановилъ его.

— Я не знаю, вѣрно-ли я тебя понялъ: въ такомъ случаѣ не продолжай! Человѣкъ всегда послѣ раскаивается, что говорилъ о такихъ вещахъ.

Леонардъ поблѣднѣлъ и проговорилъ послѣ минутнаго молчанія:

— Дѣйствительно, я чувствую, что мы не понимаемъ другъ друга.

— Видишь-ли,—возразилъ Лани,—мы совсѣмъ иначе смотримъ на вещи. Мнѣ хочется быть счастливымъ, совершенно просто, какъ большинство, и совершенно эгоистично. Я буду зарабатывать свой хлѣбъ, какъ, я еще не знаю; потомъ я женюсь, у меня будетъ жена, которую я буду любить и здоровыя дѣти... Это очень пошло, не спорю, но что-же, если я ничего другого не желаю. Можетъ быть, поэтому моя набожность менѣе высока, чѣмъ твоя, но что-же мнѣ съ этимъ дѣлать?

Леонардъ повторилъ:

— Дѣйствительно, мы не понимаемъ другъ друга.

Какъ отецъ Пропіакъ вѣрно провидѣлъ будущее! А Леонардъ мечталъ, что Лани будетъ жить такою-же жизнью, какъ онъ. Вмѣсто этого желаннаго идеала—различіе,—и такое существенное!—раздѣляло ихъ. Лани говорилъ о семьѣ; а онъ, онъ зналъ, что семья нѣчто презрѣнное. Лани хотѣлъ имѣть жену, дѣтей;

а онъ вѣрилъ, что цѣломудріе есть верховный законъ. Оказалось, что, внезапно, безъ усилій, почти безъ сожалѣнія нить, соединявшая ихъ жизни, порвалась. Это произошло очень быстро. Они остановились среди площади, сердца ихъ волновались тѣми признаніями, которыя они собирались сдѣлать другъ другу и которыхъ они никогда больше не сдѣлаютъ.

— Прощай,—сказалъ Лани.

— Прощай,—отвѣчалъ Леонардъ.

И ихъ дружба исчезла среди ночной темноты.

На слѣдующій день отецъ Буажоль встрѣтилъ Леонарда.

— Пріятная для васъ новость,—вскричалъ онъ,—вы избраны президентомъ нашей академіи.

Леонардъ стоялъ неподвижно, не чувствуя радости отъ этого новаго почетнаго назначенія, послѣдняго, какое ему оставалось получить.

— А что подѣлываетъ вашъ другъ Лани?—спросилъ отецъ.

— Я думалъ,—съ насмѣшкой отвѣчалъ Леонардъ,—что послѣ исключенія Брюе слово «другъ» запрещено?

— О, до васъ это не относится, большой мальчикъ!

— Не все-ли равно!—медленно проговорилъ Леонардъ,—я этимъ больше не дорожу.

Отчужденность окончательно завершилась.

Все это произошло вполнѣ логично, безъ видимаго вмѣшательства кого-бы то ни было. Сцѣпленіе колесъ правильно устроеннаго механизма сдѣлало свое дѣло. Послѣ дома, онъ пересталъ любить родныхъ, потомъ товарищей; потомъ умъ его сосредоточился на одномъ предметѣ; наконецъ, дружба, освѣщавшая своими блѣдными лучами его жизнь въ коллегіи, эта дружба исчезла безъ усилій, безъ горестныхъ изліяній, но во всякомъ случаѣ благодаря *этому*.

Онъ былъ одинокъ.

Съ нимъ случился неожиданный переворотъ. Его набожность приняла другой характеръ. Исчезли всѣ порывы, осталась все заглушающая сухость эгоизма. Теперь онъ, дѣйствительно, сталъ тѣмъ зрѣлымъ плодомъ, до котораго стоитъ только дотронуться, чтобы онъ отдѣлился отъ дерева. Это несомнѣнно сдѣлалось извѣстно отцамъ или, можетъ быть, Богъ одарилъ отца Пропіака удивительною прозорливостью.

Въ слѣдующую субботу онъ закончилъ свое поученіе Леонарду слѣдующими странными словами:

— Благодарите Бога, дитя мое! Начиная съ сегодняшняго дня, онъ, наконецъ, взялъ васъ въ свои руки, взялъ всего, цѣликомъ!

(*Продолженіе слѣдуетъ*)

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Изданія, вышедшія за послѣднее время.

Біографіи: Лассаля, Сократа.

Сочиненія Диккенса. Томъ 10-й и послѣдній, заключающій въ себѣ романъ: Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Медфогскія записки. Рецепты д-ра Меригольда. Безъ выхода. Съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к.

Научныя забавы. *Федо.* Съ 128 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Живописная астрономія. *Фламмаріона.* Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашен. рисунками. Перев. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 3 руб.

Общественный организмъ. *Рене Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. С. Трачевскаго.* Цѣна 75 коп.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціи. Натуралиста. Публичныя лекціи *А. Сабатье.* Перев. съ франц. *В. И. Обреимова.* 2 изд. Ц. 60 к.

Исторія новой рус. литературы. (1848—1894). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изданіе, иллюстрированное 52 портретами. Ц. 2 р.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка.* Переводъ съ англійскаго. Цѣна 30 коп.

Повѣсти и разсказы *И. Н. Потапенко.* Томъ XI-й. Цѣна 1 руб.

Соціальное развитіе. *Кидда.* Съ предисловіемъ профес. *Вейсмана.* Переводъ съ англ. Ц. 75 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращенномъ изложеніи *Коллинза.* Съ предислов. *Г. Спенсера.* Перев. съ англ. *П. Мокіевскаго.* 2-е русское изд., дополн. по 3 англ. изд., съ прибавл. сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедшихъ частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. *Жюля Пейо.* Ц. 50 к.

Исторія семьи. *Ю. Липперта.* Ц. 60 к.

Химикъ-любитель. *Федо.* Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ 152 рис. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Сочиненія Д. И. Писарева. 6 томовъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома 1 р.

Сочиненія Пушкина. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Характеръ и нравственное воспитаніе. *Сам. Кейра.* Переводъ съ французъ. подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 40 к.

Этика (Ученіе о нравственности). Проф. *Маккенни.* Перев. съ англійскаго. Ц. 1 р.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. *Э. Ретерера,* проф. Париж. университета. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Попова.* Съ 380 рис. и 6 раскраш. табл. Ц. 2 р.

Психологія чувствъ. Сост. *Рибо.* Съ франц. Ц. 80 к.

Путь къ счастью. Составилъ *Киркмеръ.* Ц. 60 к.

Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. *В. Д. Смирнова.* 160 стр. Ц. 1 р.

Правители и мыслители. Біограф. очерки *Е. Литвиновой.* Съ многими портретами. Ц. 1 р.

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 3 «Попул.-юрид. библіотеки»). Ц. 25 к.

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 4 «Попул.-юрид. библіотеки»). Ц. 25 к.

Заемъ, Закладъ и Залогъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 5 Попул. юрид. библіотеки). Ц. 25 к.

Организація свободы и общественный долгъ. Профес. *Прэнса.* Переводъ подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Цѣна 80 коп.

Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ всѣхъ странъ. Состав. *Е. Конради.* Съ множествомъ рис. 3-е изданіе. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.

Популярная біологія. *В. Лункевича.* Большой томъ съ 208 политипажами и таблицей раскрашенныхъ рисунковъ. Цѣна 2 руб.

Автобіографія земли. *Гетчинсона.* Популярная картина геологическаго образованія земли. Съ 63 рис. Перев. съ англійскаго, съ многими дополненіями. *М. А. Энгельгардта.* Ц. 80 к.

Новѣйшія химическія теоріи. *Этара.* Переводъ съ французскаго *Б. Билита.* Съ 58 рис. Ц. 75 к.

Ботаникъ-любитель. *Федо.* Переводъ съ французскаго подъ редакціей профес. *В. Добровольскаго.* 200 рисунковъ. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА (30 книжекъ).

1) **Демонъ.** Цѣна 6 коп.—2) **Ангелъ смерти.** Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Ц. 2 к.—11) **Беглый плѣнникъ.** Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Ц. 3 к.—15) **Каширчейша.** Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Ц. 10 к. — 23) **Испанцы.** Ц. 10 к. - 24) **Ашикъ-Керибъ.** Ц. 2 к. — 25) **Княгиня Лиговская.** Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Ц. 7 к.

Цѣна всѣхъ 30 №№ «Библіотеки»—1 р. 71 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки разныхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить болѣе 100. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп. До конца октября 1897 года выпущено 86 книжекъ. Въ составъ ихъ вошли слѣдующія сказки:

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА. 1) Дочь болотнаго царя. Съ портретомъ и біографіей Андерсена. Ц. 15 к.—2) Райскій садъ. 8 к.—3) Домовой и лавочникъ. Свинья копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. 10 к.—4) Сунъ изъ колбасной палочки. 6 к.—5) Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Свинья. Какія воды. 10 к.—6) Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. 10 к.—7) Снѣжная царица. 15 к.—8) Анна-Лизбета. 5 к.—9) Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. 5 к.—10) На дюнахъ. 15 к.—11) Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. 8 к.—12) Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. 8. к.—13) Колоколъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. 6 к.—14) Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. 10 к.—15) Камень мудрости. 8 к.—16) Большой морской змѣй. Свѣчи. 5 к.—17) Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. 6 к.—18) Дикіе лебеди. 8 к.—19) Сынъ привратника. 8 к.—20) Морская царевна. Должна-же быть разница. 10 к.—21) Соловей. Жаба. 8 к.—22) Попутчикъ. 8 к.—23) Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. 6 к.—24) Калоши счастья. 10 к.—25) Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. 8 к.—26) Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. 8 к.—27) Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. 8 к.—28) Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ — все хорошо. 10 коп.—29) Бутылочное горлышко. Подъ ивой. 10 к.—30) Дѣва льдовъ. 18 к.

СКАЗКИ ГАУФА. 31) Холодное сердце. Съ портретомъ и біографіей Гауфа. 18 к.—32) Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. 12 к.—33) Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. 15 к.—34) Карликъ-носъ. 12 к.—35) Приключенія Санда. 15 к.—36) Принцъ-Самозванецъ. Еврей Зюсъ, который ничего не видалъ. 10 коп.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. 37) Корона морского царя.—Друзья короля Османа.—Неуклѣстная гордость.—Королъ Карій. Съ портретомъ и біографіей Густафсона. 10 к.—38) Пастухъ и принцесса.—Такъ водится на войнѣ.—Баржа. 10 к.—39) Храмъ истины.—Король, страдавшій безсонницей.—Каменная глыба.—Скороспѣлки.—Попугай и жаворонокъ. 10 к.—40) Парижская кукла.—Елка.—Исторія одного дерева.—Земной глобусъ папы. 10 к.—41) Три брата.—Маленькій сборникъ сказокъ. 10 к.

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ. 42) Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ портретомъ и біографіей Ж. Зандъ. 18 к.—43) Розовое облако. 12 к.—44) Великанъ Іеусъ. 15 к.—45) Крылья мужества. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева—25 книжекъ отъ № 46 до 70-го. Цѣна каждой книжки—10 к.

СКАЗКИ КАРМЕНЪ СИЛЬВЫ. 71) Омуль. Замокъ Вѣдьмы. Съ 10-ю рис., портретомъ и біографіей Карменъ Сильвы. Ц. 15 к.—72) Оленья долина. Близнецы. Чахлау. Съ 11-ю рис. Ц. 15 к.—73) Піатра Арса. Караиманъ. Вар-Фулькудеръ. Фурника. Съ 13-ю рис. Ц. 15 к.

СКАЗКИ ЛАБУЛЭ. 74) Мальчикъ съ мальчикъ. Маленькій человѣкъ. Доволенъ-ли ты? или приключеніе съ носами. Съ 16-ю рис., портретомъ и біографіей Лабулэ. Ц. 15 к. 75) Ивонъ и Фиолетта. Съ 17-ю рис. Ц. 15 к. 76) Зербинъ-Вирюкъ. Золотое руно. Съ 21 рис. Ц. 18 к. 77). Пашанатухъ. Фраголетта. Божьи гуси. Съ 25-ю рис. Ц. 15 к. 78) Вацъ-бацъ! Съ 13 рисунками. Ц. 15 к.

ИСПАНСКІЯ СКАЗКИ. 79) Оферо. На всякій случай. Дядя Корыстолюбіе. Съ 10 рис. 15 к.—80) Птица-правда. Маленькая принцесса Нора. Казильдъ. Жена архитектора. Съ 10 рис. 15 к.

СКАЗКИ ПЕРРО. 81) Красная шапочка. Котъ въ сапогахъ. Спящая красавица. Синяя борода. Съ 5 рис., портретомъ и біографіей Перро. 15 к.—82) Золушка. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Волшебницы. Хохликъ. Съ 10 рис. 15 к.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ. Асбьернсена. 83) Сказка о кузнецѣ, котораго не пустили въ адъ.—Сказка о хозяинѣ, взявшемся за бабье дѣло.—Глупые мужья и злыя жены.—Сказка про Иванушку-дурака, превзошедшаго во лжи принцессу.—Сказка о парнѣ, ходившемъ къ Сѣверному вѣтру просить свою муку обратно. Съ портретомъ автора и 11 рис. 10 к.

АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ. Уйда. 84) Маленькій графъ.—15 к. 85) Нюренбергская почта.—15 к. 86) Принцесса Киска.—Зѣвака.—Умники изъ Готама.—Кошачья шкурка.—15 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: братья Гриммъ и проч. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

СПИСОКЪ КНИЖЕКЪ «СКАЗОЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ» ПО ИХЪ ЦѢНАМЪ:

Книжки въ 5 к.: №№ 8, 9, 16. — Книжки въ 6 к.: №№ 4, 13, 17, 23. — Книжки въ 8 к., №№ 2, 11, 12, 15, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27.—Книжки въ 10 к.: №№ 3, 5, 6, 14, 20, 24, 28, 29, 36—41, 46—70.—Книжки въ 12 к.: №№ 32, 34, 43. Книжки въ 15 к.: №№ 1, 7, 10, 33, 35, 44, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 и 86. Книжки въ 18 к.: №№ 30, 31, 42, 76.—Книжки въ 25 к.: № 45. За всѣ 86 книжекъ—9 р. 60 к.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

(Ходатайства и требованія уральскихъ горнозаводчиковъ).

I.

Важность вопросовъ, которыхъ мнѣ придется коснуться въ настоящей статьѣ, даетъ мнѣ право сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ намѣченной темы и прежде всего напомнить кое что изъ прошлаго уральской горной промышленности, дабы при оцѣнкѣ современной дѣйствительности имѣть и нѣкоторую историческую перспективу.

Какъ извѣстно, начало горнозаводскому дѣлу положено не частными предпринимателями, не ихъ предпріимчивостью, энергіей и трудомъ: оно уже въ готовомъ видѣ безвозмездно *) было передано имъ правительствомъ «для наивящаго того полезнаго дѣла расширенія».

Получивъ въ потомственное владѣніе громадные горнозаводскіе округа, горнозаводчики немедленно же пытаются основать на этой милости государства право на новыя милости и пособія.

Для заводскихъ и вспомогательныхъ работъ требуются люди. «Чтобы тѣхъ заводовъ не остановить и не привести въ раззореніе», правительство приписываетъ къ нимъ окружныя деревни съ крестьянами, не знавшими до того времени крѣпостного владѣльческаго ярма и имѣвшими за собой громадныя заслуги предъ государствомъ, какъ колонизаторы края.

Для расширенія заводовъ и постройки новыхъ нужны были земли. Правительство отводитъ въ ихъ владѣніе совершенно безплатно громадныя земельныя территоріи, радіусами въ 20, 30 и болѣе верстъ. О размѣрахъ пожалованій можно составить понятіе

---

*) Безвозмездно, если не считать, во 1-хъ, ничтожнаго выкупа за розданные послѣ изданія Бергъ-Регламента казенные заводы, котораго, однако, никто изъ горнозаводчиковъ, кромѣ Турчанинова, не заплатилъ, и во 2-хъ, вознагражденія за матеріалы, переданные Никитѣ Демидову (первому уральскому горнопромышленнику) вмѣстѣ съ Верхотурскими казенными заводами, отданные ему безъ всякаго выкупа.

по владѣніямъ Демидова, который въ самый расцвѣтъ своего благополучія считалъ ихъ милліонами десятинъ, а предшественникъ уральскихъ горнозаводчиковъ, солепромышленникъ, «именитый человѣкъ» Строгановъ, получилъ въ разное время отъ 10 до 12 милліоновъ десятинъ.

Кромѣ пожалованій и отводовъ, горнозаводчики, пользуясь отсутствіемъ у башкиръ понятія о правѣ собственности на земли, «покупали» отъ нихъ за баснословно ничтожныя платы необъятныя пространства. Насколько были выгодны для заводовладѣльцевъ эти сдѣлки съ башкирами, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: Съ 1767 г. Павелъ Григорьевичъ Демидовъ (внукъ Акинфія) купилъ громадную дачу (Камбарскую) въ 36000 десятинъ за 120 р., т. е. дешевле, чѣмъ по одной четверти коп. за десятину *). Мосоловъ въ 1754 года пріобрѣлъ за 30 р. дачу, простирающуюся во всѣ стороны отъ Нязепетровскаго завода на 15 верстъ. Даже въ этомъ уже столѣтіи были возможны еще такія покупки, какъ пріобрѣтеніе Голубцовымъ 12000 десятинъ земли за 50 руб. **).

Такимъ образомъ, земли, крѣпостные люди и ихъ подневольный трудъ доставались горнозаводчикамъ чрезвычайно легко. Къ этому надо прибавить еще всевозможныя милости государства, льготы и воспособленія, которыя сыпались на нихъ дождемъ, не прекратившимся и по сіе время.

Въ теченіе двухъ столѣтій народъ и государство несетъ тяжелыя жертвы все для одной и той же цѣли—«для умноженія желѣза и иныхъ заводовъ» и «для найвящаго того полезнаго дѣла расширенія». Для этой именно цѣли права колонизаторовъ края были насильственно отчуждены въ пользу заводовладѣльцевъ и сами они изъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, «вольныхъ государевыхъ людей»; превращены въ подневольныхъ мастеровыхъ и непремѣнныхъ работниковъ, жизнь которыхъ сложилась очень скоро въ форму самаго тягчайшаго изъ всѣхъ видовъ крѣпостного существованія. Предъ ужасами крѣпостного быта на Уралѣ звѣрства помѣщиковъ другихъ мѣстностей блѣднѣютъ; даже слава Салтычихи ничто предъ самыми скромными изъ уральскихъ властелиновъ. Груды скелетовъ, найденные на днѣ одного заводскаго пруда, скелеты, висящіе на цѣпяхъ, скелеты замуравленныхъ въ стѣнахъ людей и потопленныхъ въ подземельяхъ, служившихъ мастерскими для выдѣлки заводовладѣльцемъ фальшивой серебряной монеты (въ Невьянскомъ заводѣ)—памятники такого рода, которые обнаруживаютъ бытъ, не подлежащій никакому сравненію ***).

---

*) „Очеркъ 20-лѣтней дѣятельности Осинскаго земства". И. Сигова.

**) Уралъ, 1897 г., № 551.

***) Эти факты подробно изложены: въ Адресъ-календарѣ Пермской губерніи на 1891 годъ, въ «Уралѣ» (№ 43), въ «Екатеринбургской Недѣлѣ» (№ 11, 1889 г.) «Отеч. записки» 1874 г., ст. «Горнозаводскій Уралъ» г. Р. Попова и въ книгѣ Е. И. Красноперова «25-ти-лѣтіе Пермскаго края со времени отмѣны крѣпостного права».

Для этой же цѣли (умноженія и расширенія заводовъ), помимо всевозможныхъ милостей, отвода земель, раздачи казенныхъ заводовъ, русскій потребитель осужденъ издавна на ежегодную многомилліонную контрибуцію въ пользу заводовладѣльцевъ, путемъ установленія высокихъ охранительныхъ пошлинъ. Если возможно было-бы подсчесть за все время существованія горнозаводской промышленности всѣ жертвы, принесенныя въ пользу развитія послѣдней государствомъ и народомъ, то сумма итога устрашила бы насъ своими чудовищными размѣрами. Къ сожалѣнію, этого нельзя сдѣлать. Возможно оцѣнить отданныя земли и фабрики, подсчесть всевозможныя пособія, переплаты государства и потребителей, но оцѣнить трудъ и заслуги колонизаторовъ края, закрѣпощенныхъ горнозаводчиками, невозможно, ибо для человѣческой жизни нѣтъ эквивалирующей цѣнности. Но и безъ точнаго подсчета жертвъ въ пользу уральской горнозаводской промышленности, мы знаемъ, что долгъ ея предъ государствомъ и народомъ непомѣрно громаденъ. А этого достаточно, чтобы судить о должникѣ, который и могъ бы (ибо онъ богатъ и получаетъ прибыли до 100% годовыхъ и выше), но не только не хочетъ платить своихъ долговъ, а постоянно припрашиваетъ и даже настойчиво требуетъ новыхъ жертвъ и пособій. Такъ было всегда на Уралѣ, такъ остается и теперь.

II.

Не останавливаясь на исторіи горнозаводскаго дѣла, такъ какъ это не входитъ въ задачи настоящаго сообщенія, для характеристики его поступательнаго движенія ограничимся слѣдующими данными:

На всѣхъ уральскихъ заводахъ было выплавлено чугуна:

въ 1767 году	9.622,130	пудовъ.
» 1882 »	18.436,376	»
» 1894 »	33.129,000	»

т. е. черезъ 127 лѣтъ производство увеличилось менѣе, чѣмъ въ $3^1/_2$ раза.

На югѣ Россіи выплавка чугуна выражалась слѣдующими цифрами:

въ 1875 году выплавлено	999,000	пудовъ.
» 1882 » »	1.787,000	»
» 1894 » »	27.157,000	»

т. е. черезъ 19 лѣтъ производство южныхъ заводовъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ 27 разъ.

Современное состояніе уральской желѣзодѣлательной промышленности имѣетъ слѣдующій видъ:

	выплавлено чугуна:	выдѣлано желѣза:	выдѣлано рельсовъ и желѣза:
въ 1895 г.	33.467,941 п.	16.136,546 пуд.	3.206,143 пуда.

Насколько незначительна такая производительность, можно судить потому, что одинъ только заводъ близъ Балтиморы вырабатываетъ 36 милліоновъ пудовъ рельсъ, т. е. въ 4 раза болѣе всѣхъ русскихъ заводовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ спросъ на продукты горнаго дѣла все возрастаетъ и не видно предѣла этому росту. Еще въ 1885 г. потребленіе чугуна въ Россіи (если желѣзо и сталь также перевести на чугунъ) выражалось 53.810,000 пудовъ, съ тѣхъ поръ оно возросло до 136.281,000 пудовъ (въ 1895 г.), причемъ лишь двѣ трети этого расхода желѣзныхъ фабрикатовъ удовлетворяется нашимъ отечественнымъ производствомъ; остальная же треть пополняется, не смотря на существованіе высокихъ таможенныхъ пошлинъ, привозомъ изъ-за границы. Но и теперь еще на каждаго жителя Россіи ежегодное потребленіе желѣза выражается 16 фунтами, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ оно выражается 7 пудами.

Слабая производительность и медленное развитіе горнозаводскаго дѣла на Уралѣ не оправдываются условіями, въ которыхъ оно находится, такъ какъ послѣднія необыкновенно благопріятны для него и даютъ ему поразительныя преимущества предъ заграничными производствами:

1) Передѣлочный чугунъ на западѣ Европы обходится въ 30—45 коп. пудъ; на Уралѣ-же, благодаря богатству рудъ, дешевизнѣ топлива и труда онъ обходится въ 25—30 и рѣдко поднимается до 40 коп. пудъ.

2) Горючій матеріалъ на Уралѣ стоитъ отъ 3 до 7 коп. пудъ, на западѣ отъ 4 до 9 коп.

3) Рабочій день на Западѣ стоитъ отъ 80 коп. до 1 р. 20 к. и выше, у насъ же рабочій трудъ оплачивается вдвое и втрое дешевле. Въ среднемъ рабочій день стоитъ отъ 30 до 40 и иногда до 50 коп.

4) На Уралѣ повсемѣстно замѣчается избытокъ рабочихъ рукъ, исключая нѣкоторыхъ сѣверныхъ заводовъ, гдѣ спросъ на нихъ быстро увеличился, вслѣдствіе крупныхъ заказовъ на сибирскіе рельсы.

5) Благодаря высокимъ таможеннымъ пошлинамъ и отсутствію конкурренціи на внутреннихъ рынкахъ, цѣны въ Россіи на металлы стоятъ вдвое и втрое выше заграничныхъ. Такъ среднія цѣны въ 1894 году на желѣзо и стальные рельсы въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ выражались слѣдующими средними цифрами: *).

	сортовое желѣзо:	рельсы:
въ Соединенныхъ Штатахъ . . .	62 мет. коп.	51 мет. коп.
» Англіи	60 » »	37 » »

На Нижегородской ярмаркѣ въ 1896 г. русское кровельное и

*) «Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта», А. Радцигъ, стр. 62-я.

сортовое желѣзо продавалось по цѣнамъ отъ 1 р. 65 к.—1 р. 80 к. (узкополосное), до 2 р. 65 к.—2 р. 95 к. (кровельное) и даже до 3 р. 5 к. и выше (черная жесть).

Рельсы въ Россіи на мѣстѣ продаются по 1 р. 60 к.—1 р. 70 к. за пудъ *).

6) Естественныя условія Урала также даютъ значительное преимущество предъ промышленностью Запада и нашего Юга. Это неистощимость и богатство нашихъ рудъ (на Магнитной и Благодати содержаніе руды доходитъ до 70%, а вишерская руда имѣетъ до 75% чистаго желѣза), наличность дешеваго древеснаго топлива, неистощимыя залежи каменнаго угля высокаго качества, даровая сила воды и проч.

Всѣ эти данныя съ такою поразительною ясностію свидѣтельствуютъ объ отрицательныхъ результатахъ покровительственной системы, избаловавшей уральскихъ горнозаводчиковъ, что дальнѣйшія доказательства были-бы излишни. Хотя послѣдніе, объясняя слабое развитіе горнозаводской промышленности на Уралѣ, и пытаются доказать, что «она (промышленность) стѣснена здѣсь лѣсными дачами, коихъ на югѣ вовсе не имѣется и гдѣ, поэтому, заводы, дѣйствуя на минеральномъ топливѣ, ничѣмъ не ограничены въ своемъ производствѣ, такъ какъ не находятся въ зависимости отъ прироста древеснаго сгораемаго», но этому разсужденію нельзя придавать никакого серьезнаго значенія. Странность его усиливается еще тѣмъ, что дальше въ томъ же документѣ (докладная записка Тагильскаго, Невьянскаго, Алапаевскаго и Богословскаго заводоуправленій, поданная 22 іюня сего 1897 года г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ), сами авторы его объясняютъ, что на Уралѣ во множествѣ имѣется прекрасный каменный уголь, но что, во 1-хъ, къ мѣсту его нахожденія еще нужно построить желѣзную дорогу, а, во 2-хъ, что онъ обходится дороже древеснаго топлива и не столь удобенъ для заводскихъ дѣйствій, почему уральскіе заводы предпочитаютъ древесное сгораемое, а оттого не могутъ расширить свое производство.

Въ заключеніе этого противорѣчиваго разсужденія излагается ходатайство о проведеніи желѣзной дороги къ мѣсторожденію каменнаго угля. Между тѣмъ естественнымъ логическимъ слѣдствіемъ всѣхъ приведенныхъ доводовъ являлось бы отобраніе земельныхъ дачъ отъ поссессіонеровъ въ казну (авторы разсужденія—представители поссессіонныхъ заводовъ) **). Другого вывода и быть не можетъ: южные заводы, по словамъ авторовъ ходатайства, дѣйствуютъ на каменномъ углѣ и преуспѣваютъ потому, что не имѣютъ лѣсныхъ дачъ; уральскіе же заводы, хотя и имѣютъ мѣсторожденія каменнаго угля, но употребляютъ древесное топливо, потому что,

*) Цѣны на рельсы понизились только въ самое послѣднее время.
**) За исключеніемъ представителя Богословскихъ заводовъ.

кромѣ того, имѣютъ дачи, которыя ограничиваютъ ихъ производительность ежегоднымъ приростомъ дерева. Каменный уголь они не употребляютъ потому, что онъ дороже древеснаго сгораемаго. Ясно, что единственнымъ выходомъ изъ такого затруднительнаго положенія является сравненіе въ этомъ отношеніи уральскихъ заводовъ съ заводами юга Россіи, т. е. возвращеніе поссессіонныхъ лѣсовъ (въ большинствѣ случаевъ уже истощенныхъ) въ казну.

III.

И такъ, жертвы народа и милости государства не достигли цѣли и дали совершенно обратные результаты. 200-лѣтній опытъ убѣждаетъ насъ въ необходимости теперь же предоставить нашу отечественную горнозаводскую промышленность самой себѣ и открыть свободный доступъ вліянію на нее конкурренціи заграничныхъ производствъ. Это было бы необходимо даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣмъ безъ изъятія горнопромышленнымъ предпріятіямъ Урала грозила гибель. На мѣстѣ ихъ выросли бы другія, болѣе вооруженныя и болѣе приспособленныя къ современнымъ условіямъ. Потребители и государство отъ этого только выиграютъ.

На самомъ же дѣлѣ заводы настолько богаты (тѣмъ болѣе, что они слишкомъ долго пользовались громадными прибылями, доходившими до 100% годовыхъ, не смотря на крайнюю отсталость техники), а естественныя богатства Урала настолько велики, что о гибели настоящихъ предпріятій не можетъ быть и рѣчи. Они только принуждены будутъ перестроиться, улучшить свою технику, упразднить архаическіе лѣсоистребительные способы производства и прекратить хищническое пользованіе естественными богатствами своихъ дачъ.

Такъ явствуетъ изъ 200 лѣтняго опыта. Но горнозаводчиковъ онъ не убѣждаетъ ни мало: они полагаютъ, что уже самая отсталость уральской горной промышленности и слабая производительность послѣдней показываютъ, что для развитія ея нужны новыя милости государства и новыя жертвы со стороны уральскаго населенія и русскаго потребителя. Но такъ какъ для того, чтобы добиться новыхъ льготъ, нужна умѣлая аргументація, солидарность и дружная настойчивость въ проведеніи ходатайствъ, то въ послѣдніе годы уральскіе горнопромышленники обнаруживаютъ стремленіе къ сплоченію, которое нынѣ можно считать уже завершившимся. 5-й съѣздъ горнопромышленниковъ является для нихъ новой эрой: до этого времени каждый просилъ за себя; теперь всѣ просятъ объ одномъ и томъ же для всѣхъ. Съ содержаніемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе существенныхъ постановленій этого съѣзда горнозаводчиковъ читатель можетъ познакомиться изъ нижеслѣдующаго сжатаго ихъ пересказа.

Дѣло происходитъ въ г. Екатеринбургѣ, въ іюлѣ 1897 г. Какъ

водится, съѣздъ открывается рѣчью предсѣдателя. Напомнивъ, что Уралъ колыбель русской горной промышленности, что раньше онъ не имѣлъ соперниковъ и проч., предсѣдатель указалъ на промышленность юга, развивающуюся съ поразительной быстротой и являющуюся могучимъ соперникомъ Уралу, который, напротивъ, отстаетъ и по адресу его раздаются нареканія («Уралъ спитъ»).

Вопросъ, почему Уралъ отстаетъ, а югъ развивается съ «поразительной быстротой», объясняется такъ: на югѣ поняли, что «одинъ въ полѣ не воинъ», что въ единеніи есть громадная сила. «Поэтому на югѣ Россіи давно уже возникли съѣзды горнопромышленниковъ. Съѣзды эти получаютъ постоянный характеръ, учреждается постоянное бюро съѣздовъ, въ которомъ тщательно собираются и обработываются всѣ данныя, касающіяся различныхъ вопросовъ, относящихся до нуждъ горныхъ промышленниковъ, такъ что на обсужденіе Съѣзда вносятся вопросы вполнѣ подготовленные, по которымъ собранъ и обработанъ весь матеріалъ, а потому, какъ постановленія, такъ и ходатайства, обращенныя къ правительству, являются вполнѣ мотивированными, подкрѣпленными притомъ вѣскими фактами, числовыми данными и проч. Кромѣ того, съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи имѣетъ своихъ уполномоченныхъ, которые заботятся и хлопочутъ о томъ, чтобы ходатайства съѣзда не оставались неудовлетворенными, чего, въ большинствѣ случаевъ, и достигаютъ»... «Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ»... «Если мы сами не будемъ заботиться о нашихъ нуждахъ, не будемъ сами эти нужды выражать правительству... не будемъ сами имѣть представителей, которые бы заботились о поддержаніи нашихъ ходатайствъ, то нельзя и удивляться, что правительство... оставитъ наши ходатайства частію безъ удовлетворенія. Въ силу этого я полагалъ бы, что для Урала организація съѣздовъ, по примѣру юга Россіи, является безусловно необходимой».

Откровенность оратора дѣлаетъ его рѣчь въ высшей степени любопытной, хотя согласиться съ откровеннымъ мнѣніемъ почтеннаго руководителя съѣзда трудно. Надо думать, что ходатайства южныхъ горнопромышленниковъ удовлетворяются на основаніи объективнаго всесторонняго обсужденія ихъ, а отнюдь не вслѣдствіе заботъ и хлопотъ «уполномоченныхъ» предъ высокопоставленными лицами «о томъ, чтобы ходатайства съѣзда не оставались неудовлетворенными». Еще болѣе того страннымъ представляется предположеніе о какомъ то уже совершенно неотразимомъ вліяніи уполномоченныхъ уральскихъ горнопромышленниковъ, которые, по мнѣнію оратора, необходимы, чтобы ходатайства съѣзда не оставлялись даже и «частію безъ удовлетворенія».

Какъ бы то ни было, однако, въ общемъ рекомендованная руководителемъ съѣзда система была съѣздомъ принята. Учрежденъ исполнительный органъ съѣзда, названный «совѣтомъ съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ», для разработки вопросовъ въ на-

правленія интересовъ сихъ послѣднихъ и обоснованія ходатайствъ, которыя отнынѣ принимаютъ постоянный характеръ; основано періодическое изданіе (органъ горнопромышленниковъ) подъ названіемъ: «Уральское горнозаводское обозрѣніе»; сдѣланы щедрыя ассигнованія на расходы «совѣта» и на изданіе «Обозрѣнія» (жалованье редактору—3000 р. на гонораръ—три же тысячи руб. въ годъ). Если же къ этому прибавить еще и особыхъ уполномоченныхъ, дѣйствія самого съѣзда, заводовладѣльцевъ и заводоуправленій, то въ общемъ получится цѣлая система, гдѣ всѣ силы направляются въ одно сторону,—для непрерывнаго воздѣйствія на сознаніе общества и правящихъ сферъ въ сторону интересовъ горнопромышленниковъ. А такъ какъ эти послѣдніе всегда требуютъ новыхъ жертвъ отъ населенія и отмѣны въ ихъ пользу чьихъ нибудь правъ, то «объединеніе» горнопромышленниковъ создаетъ довольно таки опасное положеніе для «мѣстныхъ пользъ и нуждъ». У мужика, который всегда служилъ козломъ отпущенія при «уширеніи» горнозаводскаго производства, нѣтъ ни вліятельныхъ уполномоченныхъ, ни печатнаго органа, ни бюро,—ровно ничего. При такой неравной борьбѣ не трудно предвидѣть, кто будетъ непрерывно торжествовать побѣды. Не трудно предвидѣть и послѣдствія легкихъ побѣдъ въ видѣ прогрессивнаго усиленія требованій, въ связи съ безграничностію желаній. Какой притязательный характеръ даже и теперь послѣднія принимаютъ это показываетъ слѣдующій перечень постановленій 4 и 5 съѣздовъ уральскихъ горнопромышленниковъ:

1. Съѣздъ, бывшій въ февралѣ 1896 г., возбудилъ ходатайство «о распространеніи положенія о наймѣ на сельскія работы на рабочихъ, производящихъ на горныхъ заводахъ работы по рубкѣ лѣса, выжиганію угля, сплаву каравановъ и лѣсныхъ матеріаловъ и перевозкамъ разнаго рода». Мотивъ этого ходатайства—неисправное, будто бы, выполненіе рабочими принятыхъ на себя обязательствъ, благодаря чему является «полная необезпеченность заводскаго дѣйствія». Неисправность же рабочихъ объясняется безнаказанностью послѣднихъ и отсутствіемъ для заводовъ законныхъ гарантій, ибо гражданскіе процессы противъ рабочихъ—«совершенно безцѣльная процедура» (стр. 29 протоколовъ 4 съѣзда уральскихъ горнозаводчиковъ). 5-й съѣздъ постановилъ возобновить это ходатайство.

2. Одновременно съ вопросомъ о примѣненіи репрессивныхъ мѣръ противъ рабочихъ, тотъ же 4 съѣздъ уральскихъ горнопромышленниковъ обсуждалъ запросъ г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ «о содѣйствіи заводовъ къ развитію кустарной промышленности» и пришелъ къ заключенію, что хотя кустарный промыселъ по металлу является постояннымъ и полезнымъ спутникомъ крупной желѣзодѣлательной промышленности, расходуя преимущественно отбросы и низшіе сорта желѣза, «но такъ какъ все мужское населеніе занято заводскими работами и

такъ какъ вообще ощущается крайній недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, то развитіе кустарной промышленности желательно и полезно только въ удаленныхъ отъ заводовъ пунктахъ, въ самыхъ же горнозаводскихъ округахъ кустарные промыслы могутъ развиться» лишь на счетъ крупной промышленности. Этими соображеніями и исчерпывается отвѣтъ съѣзда г. министру на его запросъ, какъ будто рѣчь идетъ не о кустаряхъ, а именно о нихъ, горнозаводчикахъ, о безопасности ихъ отъ внѣшнихъ вліяній, а въ томъ числѣ и о «пресѣченіи» развитія кустарной промышленности въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ горнымъ заводамъ и въ самыхъ заводахъ.

3. Въ видахъ преуспѣянія горнозаводскаго дѣла 5-мъ съѣздомъ горнопромышленниковъ *) постановлено возбудить ходатайство о производствѣ средствами казны изысканій для постройки (средствами казны же) 14 подъѣздныхъ путей протяженіемъ въ 2436 верстъ, стоимость которыхъ составитъ, приблизительно, 150,000,000 рублей.

Независимо отъ этого ходатайства съѣзда, группа горнопромышленниковъ, состоящая изъ представителей Тагильскихъ, Невьянскихъ, Алапаевскихъ и Богословскихъ заводовъ непосредственно отъ себя представила г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ докладную записку (22 іюня 1897 г.), въ которой излагается подобное же ходатайство о проведеніи средствами казны подъѣздныхъ путей, что будто бы необходимо для развитія производительности названныхъ заводовъ. Объ этомъ документѣ я уже говорилъ выше, отмѣтивъ въ немъ замѣчательную мысль о стѣснительности для заводовладѣльцевъ имѣть въ своемъ распоряженіи лѣсныя дачи, каковыя являются даже факторомъ регресса для уральской горной промышленности. Далѣе въ томъ же документѣ авторы его высказываютъ увѣренность, «что при пересмотрѣ пошлины на чугунъ въ недалекомъ будущемъ, именно въ 1898 г., правительство приметъ во вниманіе нужды нашего, *еще не успѣвшаго окрѣпнуть горнозаводскаго дѣла*», не подозрѣвая, конечно, какая безпощадная иронія заключается въ этихъ словахъ.

4. Постановлено ходатайствовать о пониженіи процента, взимаемаго государственнымъ банкомъ за ссуды подъ залогъ всѣхъ металловъ.

5. Поручено совѣту съѣзда разработать вопросъ о пониженіи тарифовъ на перевозку по желѣзнымъ дорогамъ горнозаводскихъ произведеній и сырыхъ матеріаловъ и возбудить объ этомъ ходатайство предъ правительствомъ.

6. Въ докладной запискѣ 5 съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ представитель Уральско-Волжскаго металлургическаго

---

*) Ходатайства, излагаемыя ниже, всѣ возбуждены 5 съѣздомъ горнопромышленниковъ.

общества возбудилъ вопросъ о пользованіи для горнопромышленныхъ цѣлей башкирскими землями. «Южный Уралъ, говоритъ онъ, всецѣло расположенъ на башкирскихъ земляхъ и всѣ заводскіе округа, и ихъ дачи, и всѣ горные промыслы вымежеваны изъ башкирскихъ земель»... «Горнопромышленники, окруженные со всѣхъ сторонъ башкирскими землями, рано или поздно *должны были заинтересоваться* (курсивъ мой) лѣсами и ископаемыми означенныхъ дачъ, какъ для постройки новыхъ заводовъ и промысловъ, такъ и для расширенія уже существующаго дѣла»... Но бѣда въ томъ, что мѣшаетъ воспользоваться этими дачами право собственности на нихъ башкиръ. Оставить однако же «огромную площадь земли съ очень богатыми нѣдрами въ самомъ центрѣ горной дѣятельности въ частныхъ рукахъ и при томъ у башкиръ,—массы темной, равнялось бы задержкѣ горнаго промысла въ этомъ краѣ». Задача, стало быть, ясна: такъ или иначе обойти препятствіе къ овладѣнію этой землей, именуемое правомъ собственности.

Докладчикъ указываетъ на 202 ст. устава горнаго, соотвѣтствующую 25 п. приложенія къ статьѣ 16 положенія о башкирахъ, «по которой поиски и развѣдки мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ на общественныхъ башкирскихъ земляхъ производятся на основаніи правилъ о частной золотопромышленности на свободныхъ казенныхъ земляхъ». Но пользоваться этими правами не приходится, потому что, какъ гласитъ дальше та же 202 ст., «разработка золота, рудъ, каменнаго угля и другихъ рудныхъ богатствъ подчиняется условіямъ отдачи въ кортомъ башкирскихъ земель, изъясненнымъ въ особомъ положеніи о башкирахъ». Соглашеніе же съ обществами башкиръ и заарендованіе ихъ земель сопряжено съ большими неудобствами. Въ виду всего этого съѣздъ постановилъ ходатайствовать о предоставленіи горнопромышленникамъ права развѣдокъ и разработки полезныхъ ископаемыхъ на башкирскихъ земляхъ, съ разрѣшенія каждый разъ особаго правительственнаго учрежденія, съ тѣмъ, *чтобы открывшій мѣсторожденіе сохранялъ и право на его разработку*. Одинъ изъ членовъ съѣзда, нѣкто г. Тенчинскій, полагалъ изъять опеку надъ башкирами изъ рукъ крестьянскихъ учрежденій и передать ее горному вѣдомству.

Нѣкоторые члены съѣзда шли еще дальше, жалуясь, что «тѣ же затрудненія, которыя *терпятъ* предприниматели, имѣющіе дѣло съ башкирами, *наблюдаются и по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ*, слѣдствіемъ чего является пустованіе значительныхъ площадей, содержащихъ полезныя ископаемыя». Иными словами, они желали бы распространить испрашиваемое право свободнаго пользованія нѣдрами земными и на земли государственныхъ крестьянъ. Впрочемъ, чрезмѣрность этого желанія, вѣроятно, казалась слишкомъ очевидной и оно не встрѣтило поддержки большинства.

Прошу читателя не смѣшивать изложенное ходатайство горно-

заводчиковъ съ извѣстнымъ въ литературѣ проектомъ «горной свободы», которая заключается въ томъ, что путемъ изъятія правъ на нѣдра земныя изъ частнаго владѣнія въ собственность государства открывается всѣмъ и каждому свободный доступъ къ разработкѣ ископаемыхъ на всѣхъ земляхъ частнаго владѣнія, подобно тому, какъ это уже и практикуется по отношенію къ казеннымъ дачамъ. Уральскіе горнозаводчики вовсе не желаютъ такой «горной свободы». Что же касается принадлежащихъ имъ дачъ, то они безусловно противъ какихъ бы то ни было ограниченій правъ ихъ собственности.

7) Въ виду упадка мѣдной промышленности съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ:

а) о производствѣ *на счетъ казны* подробнаго изслѣдованія мѣдныхъ рудъ нижняго яруса пермской формаціи и вообще въ глубокихъ горизонтахъ, въ районѣ существовавшихъ ранѣе рудниковъ и заводовъ;

б) о сложеніи горной подати съ мѣди повсемѣстно въ Россіи (горная подать на мѣдь существуетъ теперь въ размѣрѣ 50 к. съ пуда для владѣльческихъ и 1 р. для посессіонныхъ заводовъ);

8) Въ цѣляхъ облегченія изысканій и развѣдокъ полезныхъ ископаемыхъ постановлено ходатайствовать о включеніи въ штатъ уральскаго горнаго правленія должности геолога.

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ горнозаводчиками, были на обсужденіи и въ съѣздѣ золотопромышленниковъ (въ іюлѣ этого года). Послѣдніе также высказались за установленіе карательныхъ мѣръ противъ рабочихъ, такъ какъ существующія правила найма «не обезпечиваютъ интересовъ дѣла»; также говорили объ обременительности платимыхъ ими налоговъ и проч., вообще пѣли въ тонъ съ горнозаводчиками. Изъ постановленій этого съѣзда я отмѣчу лишь одно, касающееся исключительно золотопріискового дѣла.

Обсуждая вопросъ о борьбѣ съ хищниками и скупщиками золота и платины, съѣздъ постановилъ: въ виду мягкаго отношенія мѣстнаго суда къ преступленіямъ, касающимся золота ходатайствовать о перенесеніи, примѣнительно къ ст. 246 и 247 уст. угол. судоп., уголовныхъ дѣлъ о кражѣ и скупкѣ золота и платины изъ екатеринбургскаго окружнаго или вообще мѣстнаго суда въ другой окружный судъ». Мотивомъ этого постановленія, какъ пояснялось на съѣздѣ, послужило наблюденіе, что, «присяжные засѣдатели оправдываютъ хищниковъ. Это зависитъ отъ предвзятаго взгляда присяжныхъ, большею частью крестьянъ, на хищническую добычу; они знаютъ, что законъ строго караетъ за такое нарушеніе и поэтому оправдываютъ хищниковъ».

Золотопромышленники встрѣтили, однако, прекрасную отповѣдь со стороны нѣкоего г. Энче, который въ №№ 244, 245, и 246

«Урала», въ статьѣ «Назрѣвшій вопросъ», выяснилъ всю несообразность требованія золотопромышленниковъ и ихъ посягательство на интересы правосудія. «По судебнымъ уставамъ, говоритъ онъ, законнымъ поводомъ для устраненія судьи служатъ только объективныя данныя: прикосновенность къ дѣлу, родство, религія (по преступленіямъ противъ вѣры), строй же мыслей, личныя убѣжденія судьи—это святыня, которой законъ не касается»... «Во имя чего, говоритъ онъ далѣе, допускается подобное посягательство и на цѣлость уставовъ, и на честь суда присяжныхъ?» Оказывается, что девять десятыхъ уголовныхъ дѣлъ о хищничествѣ падаетъ на обвиненіе въ самовольной разработкѣ золота и платины, т. е. на такія дѣла, по которымъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, за ничтожное количество самовольно добытаго металла, за какія нибудь доли золотника, присяжнымъ предстоитъ или осудить виновнаго къ ссылкѣ въ Сибирь, или оправдать. Авторъ приводитъ въ примѣръ случай, когда, вслѣдствіе сокращенія работъ на одномъ изъ заводовъ Нижне-Тагильскаго округа, болѣе сотни рабочихъ вышли на первый попавшійся логъ и занялись поисками золота. Конечно, они были прогнаны и привлечены по ст. 591 уложенія. Очень часто случается, что и лица прокурорскаго надзора отказывались отъ обвиненія, по выслушаніи обстоятельствъ дѣла, при видѣ убогаго хищника, истомленнаго голодомъ и нуждой. Между тѣмъ есть другого рода хищники, которые никогда, или очень рѣдко попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Это золотоворы и скупщики. Дѣянія ихъ несомнѣнно болѣе чувствительны для золотопромышленниковъ, сравнительно съ самовольщиками, однако, они влекутъ за собой значительно меньшую отвѣтственность.

Ясно, что перенесеніе уголовныхъ дѣлъ, касающихся хищничества золота, въ другой судебный округъ разсчитано на незнакомство съ ними присяжныхъ отдаленныхъ отъ Урала мѣстностей, которые, именно вслѣдствіе незнанія чуждаго имъ быта, могли бы относиться къ такого рода дѣламъ, какъ самовольная добыча золота, болѣе сурово, чѣмъ мѣстные присяжные, посвященные во всѣ тайны золотопріискового дѣла.

Едва ли возможно допустить, чтобы ходатайства, подобныя настоящему, не оставлялись даже и «частію безъ удовлетворенія». Почтенный руководитель съѣзда горнозаводчиковъ (онъ же и предсѣдатель съѣзда золотопромышленниковъ), очевидно, ошибается, потому что вѣдь всякія могутъ быть ходатайства: возможно ли было бы исполнить, напримѣръ, предложеніе г. Левитскаго (къ счастію, оно не прошло), который въ засѣданіи съѣзда золотопромышленниковъ, 23 іюля 1897 года (журналъ № 4), при разсмотрѣніи вопроса о хищничествѣ золота и платины, заявилъ рѣшительно, что «благопріятному разрѣшенію этого вопроса препятствуетъ законодательство, не допускающее вскрытія почтовыхъ посылокъ». А между тѣмъ, по его мнѣнію, въ нихъ то и заключается все зло-

такъ какъ незаконно добытая платина очень часто пересылается за границу черезъ почту.

Изъ всего, что высказываютъ и просятъ горнопромышленники, я избираю лишь нѣкоторые пункты, остальные же или не требуютъ обсужденія, въ виду очевидной несостоятельности ихъ, или наоборотъ, нуждаются въ спеціальномъ изслѣдованіи (поссессіонное право, право на нѣдра земныя), что, по необходимости, приходится отложить.

IV.

Дѣйствительно ли безнаказанны горнозаводскіе рабочіе и правда ли, что судебные иски противъ нихъ «совершенно безцѣльная процедура»?

Для безспорнаго выясненія этого вопроса обратимся къ документамъ.

Въ 1891 году, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ заводоуправленіями статистическому отдѣленію красноуфимской земской управы, въ 16 заводахъ красноуфимскаго уѣзда было оштрафовано заводскимъ начальствомъ за разныя неисправности въ работахъ 1049 человѣкъ и привлечено къ судебной отвѣтственности за порубки и самовольное пользованіе землей 4031, что съ штрафами составляетъ 5080 взысканій, или 31,75% общаго числа рабочихъ (16.000 человѣкъ).

Таковы общія цифры оффиціальныхъ данныхъ. А вотъ и живое изображеніе дѣйствительности, взятое изъ описанія нѣкоторыхъ заводовъ по даннымъ подворнаго экономическаго изслѣдованія красноуфимскаго уѣзда.

Въ Михайловскомъ заводѣ «штрафуютъ постоянно и за все, напримѣръ, при поломкѣ прокатнаго вала штрафуются всѣ рабочіе, къ нему приставленные, и высшіе, и низшіе, да еще требуется, чтобы рабочіе безплатно исправляли поломку, на что иногда уходитъ цѣлый рабочій день. Еще отяготительнѣй штрафовъ отказъ отъ работы, который грозитъ каждому, разъ онъ подниметъ голосъ для защиты себя или товарища». «Фактически дѣло обставлено такъ, что лѣсъ крестьянамъ обходится очень дорого. Мѣсто для рубки изъ года въ годъ все отводятъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ уже все вырублено, такъ что крестьянину волей неволей приходится производить самовольную порубку, за которую онъ платится штрафами»... «Штрафы вычитаются изъ заработка. Если они превышаютъ заработокъ, то на руки рабочему ничего не выдается» *).

«Въ Нижне-Сергинскомъ заводѣ лѣсосѣки отводятъ такъ далеко (въ 1891 г. за 28 верстъ отъ завода), что не только бѣдному хо-

*) Матеріалы для статистики красноуф. уѣз., вып. 5 ч. I-я, (заводскій районъ), стр. 53 и слѣдующія.

зянину, но и среднему по зажитку очень трудно пользоваться лѣсомъ. Это вынуждаетъ къ самовольнымъ порубкамъ, что влечетъ за собой штрафы по приговорамъ мировыхъ судей *).

«Въ Михайловскомъ заводѣ вотъ уже болѣе недѣли подрядъ мѣстный земскій начальникъ разбираетъ по 50 и даже по 100 дѣлъ о «самовольныхъ сѣнокошеніяхъ» ежедневно, а между тѣмъ конца этимъ пресловутымъ дѣламъ не видно». Всего назначено къ разбору *600 протоколовъ*. Дѣло идетъ о сѣнокошеніи на покосахъ, коими мастеровые владѣли съ основанія завода и кои ими самими расчищены изъ подъ лѣса. По каждому протоколу присуждается штрафъ въ 3 рубля и уплата заводу убытковъ, размѣръ коихъ колеблется отъ 10 до 250 рублей съ обвиняемаго. Убытки вычисляются не по арендной платѣ, а по стоимости сѣна. «Спрашивается, гдѣ же мастеровые найдутъ средства на уплату присужденныхъ съ нихъ за сѣнокошеніе штрафовъ?» тѣмъ болѣе, что производство завода сокращено на двѣ трети и масса рабочихъ остается безъ работъ. («Уралъ» 1897 годъ, № 86, корреспонденція изъ Михайловскаго завода).

Въ Верхне-Сергинскомъ и Козинскомъ заводахъ «штрафовъ за самовольныя порубки и пользованіе землей за нѣкоторыми накопилось рублей до 100 и болѣе». «Постепенно они погашаются продажею имуществъ у крестьянъ»... и т. д., и т. д. Штрафы, протоколы, взысканія по суду, а также уголовныя преслѣдованія рабочихъ употребляются заводоуправленіями чаще всего, какъ средства борьбы и мести. Отношенія между населеніемъ и заводской администраціей, въ большинствѣ случаевъ, обострены до крайности. Это два враждебныхъ лагеря, раздѣленныхъ застарѣлой враждой. Дѣла о кражахъ въ нѣкоторыхъ заводскихъ округахъ возбуждаются во множествѣ и, видимо, являются мѣрой, преслѣдующей не столько цѣли правосудія, сколько устрашенія. Содержаніе этихъ дѣлъ вызываетъ иногда искреннее удивленіе даже у привычныхъ людей. Такъ, напримѣръ, встрѣчаются дѣла о кражѣ нѣсколькихъ гвоздей, нѣсколькихъ досокъ, ноши дровъ и проч., а у одного мирового судьи разбиралось *дѣло о кражѣ ¼ ф. пакли»* **).

Въ концѣ 80-хъ годовъ возникаетъ и дѣлается обычнымъ явленіемъ на заводахъ нѣкоторыхъ округовъ борьба изъ за росчистей между заводоуправленіями и населеніемъ, которое пользовалось ими безпрепятственно издавна. Заводоуправленія стали требовать, «чтобы крестьяне заключали условія на пользованіе землею и брали билеты, но крестьяне категорически отказывались отъ этого: между ними прошелъ слухъ, что этими условіями ихъ будто бы хотятъ вновь закрѣпостить. Такъ какъ конторѣ условія эти были необхо-

*) Тамъ же, стр. 54 и слѣдующая.

**) «Екатеринбургская Недѣля», № 42, 1896 г., статья: «Правда объ уральской горной промышленности».

димы, чтобы не дать возможности крестьянамъ впослѣдствіи оспаривать земли у заводовъ на правахъ давности владѣнія, то употреблялись косвенные способы, чтобы заставить населеніе дать письменное доказательство признанія имъ заводскихъ правъ на земли; «для чего вводили въ условія съ рабочими (по доставкѣ дровъ, угля и проч.) особый пунктъ о пользованіи землей. Подъ страхомъ отказа отъ работъ рабочіе подписывали эти условія, но были и такіе, которые рѣшались протестовать. Послѣднихъ заводоуправленіе «штрафуетъ за самовольное пользованіе землей; имъ отказываютъ отъ работъ въ заводѣ, а заводскимъ рабочимъ отданъ приказъ, чтобы они и отъ себя не смѣли давать работъ штрафованнымъ подъ угрозой увольненія отъ работъ или штрафа».

У меня нѣтъ, къ сожалѣнію, данныхъ о гражданскихъ искахъ, возбуждаемыхъ заводоуправленіями собственно противъ рабочихъ, исполняющихъ разныя вспомогательныя работы (выжегъ угля, доставка руды, дровъ и проч.), но есть, во 1-хъ, свѣдѣнія о взысканіяхъ, налагаемыхъ на нихъ заводоуправленіями—въ 1891 г. по заводамъ красноуфимскаго уѣзда эти взысканія составляли 51,97% къ общему числу оштрафованныхъ рабочихъ. А, во 2-хъ, имѣются обстоятельныя данныя о тѣхъ средствахъ, какія находятся въ распоряженіи заводоуправленій и коими они пользуются вообще противъ населенія во всѣхъ случаяхъ, когда послѣднее выходитъ изъ повиновенія, или не исполняетъ принятыхъ на себя обязательствъ. Этими средствами служатъ: протоколы о самовольныхъ порубкахъ, являющихся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ установленнаго порядка пользованія лѣсомъ, протоколы и штрафы по суду за самовольное пользованіе землей, уголовныя преслѣдованія, подобныя тѣмъ, о которыхъ упоминалось выше (дѣла о кражѣ двухъ гвоздей, ¼ ф. пакли и проч.), все это составляетъ настолько грозный арсеналъ, что и безъ гражданскихъ процессовъ противъ неисправныхъ рабочихъ (этой «совершенно безцѣльной процедуры») заводоуправленія оказываются достаточно вооруженными, чтобы держать все горнозаводское населеніе не только въ повиновеніи, но и въ постоянномъ страхѣ за свою судьбу. При такихъ условіяхъ одно слово рабочаго въ защиту себя представляется уже преступленіемъ, которое карается безпощадно. Глухая, затаенная вражда и безсильная злоба противъ безжалостнаго режима рѣдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, прорываются наружу и оканчиваются обыкновенно печальными послѣдствіями для протестантовъ. Заводоуправленіе—неограниченный властелинъ въ предѣлахъ своихъ владѣній. Сила, безусловно, на его сторонѣ.

«Предъ нами,—говоритъ авторъ цитированной выше статьи,—двѣ стороны, имѣющія одинаковое право на жизнь: заводы и населеніе этихъ заводовъ. Первые, какъ извѣстно, пользуются исключительно благопріятными условіями для дальнѣйшаго своего развитія и отстаиванія своихъ интересовъ. Послѣднее находится въ

полной зависимости отъ первыхъ. На одной сторонѣ сила, на другой—полная беспомощность. При такихъ условіяхъ просить о помощи въ борьбѣ противъ слабыхъ... по меньшей мѣрѣ странно» *).

Такова «безнаказанность» рабочихъ по документальнымъ даннымъ. Дѣйствительность же имѣетъ гораздо болѣе яркія краски. Вотъ нѣсколько подлинныхъ случаевъ, чрезвычайно характерныхъ для того быта, гдѣ они возможны.

15 сентября 1894 г. въ гражданскомъ департаментѣ казанской судебной палаты слушалось слѣдующее дѣло: въ апрѣлѣ 1891 г. екатеринбургскій мѣщанинъ Рѣдниковъ съ товарищами отправился черезъ прудъ въ сосновую рощу, принадлежащую къ дачѣ Верхъ-Исетскихъ заводовъ. Но только что они высадились на берегъ и Рѣдниковъ сталъ рубить колъ, чтобы привязать къ нему лодку, какъ въ это время набѣжалъ на него сзади лѣсникъ этой дачи, Мезенинъ, и началъ нещадно бить его. Товарищи Рѣдникова вступились было за него, но Мезенинъ прогналъ ихъ выстрѣлами изъ револьвера. Рѣдниковъ уползъ отъ Мезенина и бросился въ воду, откуда былъ принятъ товарищами въ лодку. У Рѣдникова оказался переломъ ребра и правой руки. Мезенинъ былъ осужденъ къ заключенію на полтора года въ исправительномъ отдѣленія. Но такъ какъ осужденный состоялъ на службѣ Верхъ-Исетскихъ заводовъ, то Рѣдниковъ вчинилъ искъ къ владѣлицѣ этихъ заводовъ, гр. Стенбокъ-Ферморъ, объ уплатѣ ему 480 р. въ годъ пожизненно.

Екатеринбургскій окружный судъ въ искѣ Рѣдникову отказалъ и дѣло было перенесено въ казанскую судебную палату. На судѣ выяснилось, что лѣсникъ дѣйствовалъ по подстрекательству смотрителя лѣсовъ Насѣдкина и что жестокое обращеніе лѣсной стражи съ порубщиками возведено на этихъ заводахъ въ систему, что Насѣдкинъ нападаетъ и не только на порубщиковъ, но и на всякаго встрѣчнаго, угрожая убить изъ ружья, самъ бьетъ, калѣчитъ и лѣсникамъ приказываетъ дѣлать то же.

«Въ показаніяхъ свидѣтелей передъ судьями проносятся ужасныя картины: представляются свороченныя Насѣдкинымъ скулы, изломанныя, по подстрекательству того же Насѣдкина, руки, проломанныя головы («мозги вылетѣли»), убійство выстрѣломъ въ спину убѣгающаго порубщика, помѣшательство потерпѣвшаго послѣ побоевъ, нанесенныхъ ему лѣсной стражей, сѣченіе задержанныхъ въ лѣсу на заводской конюшнѣ розгами, смерть черезъ нѣкоторое время послѣ такого сѣченія... И надъ всѣмъ этимъ грозный возгласъ Насѣдкина: «вотъ какъ съ вами надо поступать. Плохо васъ бьютъ: васъ надо возомъ мять или въ огнѣ жечь» **).

---

*) «Правда объ уральской горной промышленности», «Екатеринбургская Недѣля», 1896 года, № 42.

**) «Волжскій Вѣстникъ», 1894 г., № 235.

Судебная палата, прослушавъ всѣ эти ужасы, удовлетворила искъ Рѣдникова.

Въ дачѣ тѣхъ же Верхъ-Исетскихъ заводовъ лѣсная стража поймала женщину, которая срѣзывала березовыя вѣтви и вязала изъ нихъ вѣники. Лѣсники завязали надъ ея головой платье, избили нагайками и посадили на муравейникъ...

Въ 1888 г. убиты лѣсничими порубщики въ Кочкарѣ и около Екатеринбурга покушался тоже сдѣлать и лѣсничій Нижне-Уфалейской дачи, но, по нечаянности, застрѣлилъ самого себя *).

V.

Правда-ли, что уральская горная промышленность терпитъ недостатокъ въ рабочихъ и что послѣдніе вполнѣ обезпечены заводскимъ трудомъ?

О недостаткѣ рабочихъ на уральскихъ заводахъ говорится такъ часто, такъ увѣренно и настойчиво, что многіе, можетъ быть, привыкли уже считать это положеніе общепризнаннымъ и вполнѣ достовѣрнымъ. Говорится объ этомъ и въ печати, и на горнопромышленныхъ съѣздахъ, и въ многочисленныхъ докладныхъ запискахъ горнопромышленниковъ, а также и въ издаваемыхъ ими брошюрахъ, книгахъ и проч. Недостаткомъ рабочихъ мотивируются даже ходатайства о разныхъ исключительныхъ мѣрахъ, въ цѣляхъ наибольшаго прикрѣпленія мѣстнаго населенія къ заводамъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности на уральскихъ заводахъ замѣчается не недостатокъ, а громадный избытокъ рабочихъ рукъ, причемъ участь все возрастающей арміи безработнаго заводскаго люда годъ отъ году становится все болѣе и болѣе трагической, составляя одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ мѣстной жизни. Еще недавно въ «Уралѣ» (№ 210) выступилъ только что приглашенный горнозаводчиками редакторъ «Горнозаводскаго Обозрѣнія», нѣкто г. Штейнфельдъ съ статьей «Къ вопросу о развитіи кустарной промышленности на Уралѣ», въ которой доказывалъ, что заводы «задалживаютъ на своихъ работахъ не только все трудоспособное горнозаводское населеніе, но ощущаютъ даже недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, а отсюда слѣдуетъ, что элементовъ для созданія кадра кустарей взять на Уралѣ не откуда». Говоря о созданіи кадра кустарей, какъ будто они не существуютъ еще, а имѣются лишь въ предположеніи, авторъ странно забываетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что только въ одной Пермской губерніи ихъ насчитывается (съ семьями) 66 тысячъ человѣкъ **), причемъ большинство кустарей принадлежитъ къ заводскимъ жителямъ. Что же касается вопроса

*) «Екатеринбургская Недѣля» 1889 г., № 2-й.

**) «Обзоръ Пермскаго края. Очеркъ состоянія кустарной промышленности въ Пермской губерніи». Пермь 1896 г.

о томъ,—дѣйствительно ли заводы «задалживаютъ на своихъ работахъ все трудоспособное населеніе» и всетаки страдаютъ отъ недостатка рабочихъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

По отчету горнаго департамента за 1895 г., въ 4 губерніяхъ Урала (Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской) на горныхъ заводахъ казенныхъ обращалось 24.504 человѣка рабочихъ (11.462 на заводскихъ работахъ и 13.042 на вспомогательныхъ), на частныхъ заводахъ 156.049 (не считая 858 малолѣтнихъ), на соляныхъ промыслахъ 2.003 человѣкъ и на уральскихъ золотыхъ пріискахъ 42.212 человѣкъ.

Такимъ образомъ, вся уральская горная промышленность (заводы, рудники, промыслы и пріиски) занимаетъ работами 224.768 человѣкъ.

Среди пріисковыхъ и промысловыхъ рабочихъ преобладаютъ жители незаводскихъ селеній и пришлый людъ изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній *). Жители же заводовъ составляютъ приблизительно лишь 15% отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ.

Что же касается заводскихъ работъ, то работы на фабрикахъ исполняются почти исключительно населеніемъ заводовъ, а на вспомогательныхъ—громадное преобладаніе имѣютъ крестьяне незаводскихъ селеній. Данныхъ о распредѣленіи рабочихъ на группы по роду выполняемаго ими труда по всѣмъ уральскимъ заводамъ не имѣется, но такъ какъ процентныя отношенія ихъ къ общему числу рабочихъ (въ виду однородности производствъ) можно признать одинаковыми для всѣхъ горнозаводскихъ районовъ, то эти отношенія я опредѣляю слѣдующими цифрами, относящимися къ заводамъ красноуфимскаго уѣзда:

	Процентное отношеніе къ общ. числу рабочихъ:
1) работы въ цехахъ	29,3
2) рубка дровъ, сженіе угля, добыча рудъ и проч.	39,5
3) работы по перевозкѣ	14,3
4) личныя услуги (сторожа, лѣсники и проч.)	5,4
5) конторскія работы	0,8
6) поденныя и разныя работы	10,7
	100,0

Цеховыя работы, личныя услуги (сторожа, лѣсники и пр.) и конторскія занятія ведутся почти исключительно заводскими жителями. Но рубка дровъ, сженіе угля, добыча руды и проч., а также

*) Отчетъ горнаго департамента за 1895 г., стр. 483.

разныя поденныя работы въ большинствѣ производятся жителями незаводскихъ селеній. Чтобы не давать повода къ спорамъ, примемъ число послѣднихъ за половину рабочихъ этой группы. Въ работахъ по перевозкѣ рудъ, дровъ, угля, желѣза, чугуна и проч. жители заводовъ, среди массы крестьянъ незаводскихъ селеній, составляютъ лишь незначительную часть рабочихъ этого рода. Въ общемъ на всѣхъ заводскихъ и вспомогательныхъ работахъ заводскій людъ составляетъ не болѣе 60% общаго числа рабочихъ, т. е. приблизительно до 108 тысячъ человѣкъ, а вся горная промышленность занимаетъ не болѣе 115 тысячъ трудоспособнаго мужского населенія заводовъ.

Трудоспособное населеніе принимается нѣкоторыми статистиками въ 50% общаго числа жителей. По отношенію къ Уралу необходимо въ это опредѣленіе внести поправку, такъ какъ для заводскихъ работъ здѣсь допускаются и малолѣтніе, не достигшіе 14 лѣтъ, рабочіе же отъ 14-лѣтняго возраста—явленіе здѣсь вполнѣ обычное. Такъ на заводахъ красноуфимскаго уѣзда, по переписи 1891 г.*), изъ 14.441 ч. рабочихъ, малолѣтнихъ, не достигшихъ 14-лѣтняго возраста было зарегистрировано 89 человѣкъ, а въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ—1208 человѣкъ. Высшій предѣльный возрастъ здѣсь также значительно выше другихъ мѣстностей. На тѣхъ же заводахъ рабочихъ старше 60 лѣтъ насчитано 552 человѣка (51,6% мужчинъ этого возраста). Чтобы установить % трудоспособнаго заводскаго населенія мужского пола, обращаюсь къ статистическимъ даннымъ красноуфимскаго земства, по которымъ въ 1891 году на заводахъ этого уѣзда зарегистрировано было: всего мужского населенія 39.186 человѣкъ, въ томъ числѣ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ—3198, въ возрастѣ 18—60 лѣтъ—19.223 и отъ 60—65 лѣтъ—1070 человѣкъ. Итогъ этихъ трехъ возрастныхъ группъ, который можно принять за итогъ трудоспособнаго мужского населенія, составитъ 23.491, т. е. 60% общей численности мужского населенія заводовъ.

60% общаго числа жителей мужского пола можно принять за трудоспособное населеніе и вообще для всѣхъ заводовъ Урала. Точныхъ данныхъ о количествѣ всего заводскаго населенія на Уралѣ нѣтъ. Въ одномъ изъ документовъ (докладъ спеціальной коммиссіи Пермскаго отдѣленія Императорскаго техническаго общества по вопросу объ участіи уральскихъ заводовъ въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги) оно опредѣляется въ 800.000 человѣкъ обоего пола. Цифра эта довольно гадательна и въ дѣйствительности она несомнѣнно выше, но все же, за неимѣніемъ болѣе точныхъ свѣдѣній, я принимаю ее въ основаніе своего разсчета. Допуская равное распредѣленіе жителей между полами (что и замѣчается въ заводахъ красноуфимскаго уѣзда), мужское заводское населеніе я опредѣляю въ 400 тысячъ, а *трудоспособное мужское населеніе* (*60% общаго*

*) Матеріалы для статистики красноуфимскаго уѣзда.

числа)—въ 240,000 человѣкъ. Вычитая отсюда 115 тысячъ жителей, занятыхъ заводскими работами, я получаю число незанятыхъ рабочихъ рукъ, которое выражается *125 тысячами человѣкъ*. Но эти 125 тысячъ составляютъ только часть арміи безработныхъ *).

Обращаясь снова къ прекрасной статистической работѣ красноуфимскаго земства, я нахожу въ числѣ «обезпеченныхъ» заводскимъ трудомъ и такихъ рабочихъ, которые получаютъ заводскаго заработка отъ 3 руб. *въ годъ*. Въ заводахъ Красноуфимскаго уѣзда % семей, имѣющихъ заводскіе заработки, къ общему ихъ числу составляютъ:

получающихъ	*менѣе*	5	руб.	*въ годъ*	на ѣдока	5,25%
»	»	10	»	»	»	11,06 »
»	»	15	»	»	»	9,94 »
»	»	20	»	»	»	7,05 »
»	»	25	»	»	»	6,45 »
»	»	30	»	»	»	7,60 »
»	»	35	» и выше		»	7,94 »

Если въ среднемъ семья состоитъ изъ 5 человѣкъ, съ 2 работниками, то окажется, что 5,25% заводскихъ рабочихъ получаютъ менѣе, чѣмъ по 12 р. 50 к. въ годъ.

11,06% менѣе 25 рублей.
9,94 » » 37 р. 50 к.
и т. д.

Къ этому надо прибавить еще, что при громадномъ избыткѣ рабочихъ рукъ и царящей повсюду (кромѣ нѣкоторыхъ сѣверныхъ заводовъ) безработицѣ, заводы, въ силу установившагося изстари порядка, имѣютъ нѣсколько смѣнъ рабочихъ,—вслѣдствіе чего послѣдніе работаютъ изъ 4 недѣль каждаго мѣсяца не болѣе 2-хъ. «Рабочій годъ, говорится въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по екатеринбургскому уѣзду (стр. 169), не во всѣхъ заводахъ одинаковъ: на нѣкоторыхъ изъ нихъ работаютъ круглый годъ во всѣхъ цехахъ, на другихъ только въ доменномъ (на остальныхъ половину и двѣ трети года). Впрочемъ, и на тѣхъ заводахъ, гдѣ работаютъ круглый годъ, каждый рабочій работаетъ значительно менѣе двухъ третей или даже половины года, такъ какъ черезъ 2—4 недѣли бываетъ смѣна, *т.-е. рабочій двѣ недѣли работаетъ и 2—4 недѣли гуляетъ*». Слово «гуляетъ» имѣетъ мѣстный смыслъ и означаетъ не веселое времяпрепровожденіе, а безработицу.

Армія безработныхъ распредѣляется по отдѣльнымъ заводамъ крайне неравномѣрно. Такъ, по точнымъ статистическимъ даннымъ красноуфимскаго земства, не имѣютъ заводскихъ работъ:

---

*) Незанятые заводскими работами, конечно, имѣютъ тѣ или другіе внѣзаводскіе заработки (отъ земледѣлія, кустарныхъ, отхожихъ и другихъ промысловъ), но въ общемъ экономическое положеніе ихъ представляетъ крайне отебзрадную картину.

	Изъ 100 жителей мужск. п.	Изъ 100 трудоспособныхъ жителей мужск. п.
Въ Бисерскомъ заводѣ	74,5	62,6
» Верхне-Сергинскомъ и Козинскомъ	55,9	21,8
» Верхне и Нижне-Иргизскихъ*)	99,3	98,9
» Михайловскомъ	67,3	42,1
» Молебскомъ	84,2	70,7
» Нижне-Сергинскомъ	64,9	42,2
» Саранинскихъ **)	99,9	99,8
» Суксунскомъ	94,7	91,1
» Тисовскомъ ***)	99,6	99,3
» Артинскомъ	86,2	69,1

Такъ говорятъ цифры. Но они будутъ еще краснорѣчивѣе, если мы обратимся къ даннымъ другого рода.

Въ своей книгѣ «Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта» г. Радцигъ, основываясь на данныхъ бельгійской горнозаводской промышленности, высчитываетъ количество рабочихъ, необходимыхъ для уральскихъ заводовъ, при наилучшей постановкѣ дѣла, и сравниваетъ это количество съ наличнымъ числомъ рабочихъ.

Вотъ итоги этого разсчета.

Въ 1893 г. на Уралѣ было произведено: 30.919,000 пуд. чугуна, 17.109,000 пуд. желѣза и 4.546,000 пуд. стали; для производства даннаго количества пуд. чугуна достаточно было 1740 рабочихъ, желѣза—8340 и стали 1085; всего, слѣдовательно, нужно было 11.165 рабочихъ, на лицо ихъ числилось 142.486, численность излишнихъ рабочихъ опредѣляется такимъ образомъ въ 131.321 человѣкъ.

«Совершенно непонятно, говоритъ г. Радцигъ (стр. 50), что дѣлаетъ на заводахъ лишнихъ 130,000 человѣкъ» и «зачѣмъ нужны легіоны рабочихъ на Уралѣ», когда ихъ достаточно на всю горнозаводскую промышленность 11 тысячъ!

Такимъ образомъ, при нормальной постановкѣ горнаго дѣла на Уралѣ количество безработныхъ, при данной производительности заводовъ, должно возрости до 228 тысячъ, что составитъ 95% къ общему числу трудоспособнаго заводскаго населенія мужского пола.

Положеніе, характеризованное всѣми приведенными выше цифровыми данными, болѣе или менѣе извѣстно здѣсь всѣмъ.

Обезпеченность уральскихъ горнозаводскихъ рабочихъ, отчасти характеризуется приведенными выше свѣдѣніями о суммахъ зара-

*) Заводское дѣйствіе прекращено.
**) Тоже.
***) Тоже.

ботка, причитающагося на ѣдока. Возьмемъ теперь среднія цифры заработной платы, получаемой въ заводахъ Красноуфимскаго уѣзда рабочими слѣдующихъ группъ (за 1891 годъ):

	Цеховыя работы.	Добываніе руды, угля, дровъ и пр.	Работы по перевозкѣ.	Поденныя и разныя работы.
Число рабочихъ	4265	6643	2092	2024
„ лошадей	„	6407	3522	215
Общая сумма годового заработка (въ рубляхъ).	320.455	356.345	180.397	109.924
Въ среднемъ на 1 рабоч.	75 р. 13 к.	53 р. 63 к.*)	86 р. 18 к.**)	54 р. 31 к.

По даннымъ самихъ заводоуправленій, доставленнымъ въ 1891 году статистическому отдѣленію красноуфимской земской управы средній годовой заработокъ цеховыхъ рабочихъ въ Нижне-Сергинскомъ заводѣ составляетъ 82 р. 97 к. на человѣка, а въ Михайловскомъ—71 р. 43 к.

Не выше заработки и въ заводахъ Екатеринбургскаго уѣзда, а мѣстами они спускаются значительно ниже минимума человѣческихъ потребностей. Такъ, въ Каслинскомъ заводѣ Кыштымскаго округа, кричный мастеръ, (т. е. старшій рабочій, обладающій извѣстнымъ искусствомъ), въ дачу (въ 2 рабочихъ недѣли т. е., въ сущности за мѣсяцъ, такъ какъ остальныя двѣ недѣли онъ «гуляетъ») зарабатываетъ отъ 8 до 10 руб., подмастерье—отъ 5 до 8 руб. и простой рабочій—отъ 3 до 6 руб., а въ Нязепетровскомъ заводѣ того-же округа на землекопныхъ работахъ зимою 1891—2 гг. поденщина въ среднемъ выходила по $11^1/_4$ коп. на человѣка! ***).

Объ обезпеченіи престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ имѣются слѣдующія данныя:

«Молодой мастеровой Кармановъ, человѣкъ женатый, лишившійся на заводской работѣ *обоихъ глазъ*, получаетъ отъ завода *3 руб. въ мѣсяцъ и пудъ муки*» ****).

«Мастеровой Лежневъ, лишившійся на заводской работѣ *одного глаза*, получаетъ отъ завода 2 рубля въ мѣсяцъ» *****).

Такимъ образомъ, при потерѣ одного глаза, таковой оцѣнивается въ 2 рубля, а при потерѣ обоихъ—по 1 р. 50 коп. каждый.

Въ Тагильскихъ заводахъ существуютъ пенсіи отъ 14 коп. (за 35-лѣтнюю службу на заводѣ), а въ Сысертскихъ—отъ 8 коп. въ мѣсяцъ ******).

---

*) На одноконнаго рабочаго.

**) На $1^1/_2$ коннаго рабочаго.

***) Матеріалы для статистики красноуфимскаго уѣзда, выпускъ 5-й, часть 1-я, стр. 56.

****) «Уралъ», 1897 г. № 56, корреспонденція изъ Полевскаго завода.

*****) Тамъ-же.

******) «Уралъ» 1897 г., № 259.

Конечно, это минимальныя пособія, но о другихъ я не имѣю данныхъ. Извѣстно только, что они крайне ничтожны и выдаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ (за 30—35 лѣтнюю службу, смерть и увѣчье на работахъ и проч.). Такъ во всѣхъ заводахъ красноуфимскаго уѣзда существуетъ только *134 пенсіи*.

Безработица, ничтожныя заработныя платы, поголовная бѣдность населенія (въ заводскомъ районѣ екатеринбургскаго уѣзда нинціе составляютъ 2,4% рабочаго населенія, а въ заводахъ красноуфимскаго уѣзда—3,2%) за ничтожными исключеніями служатъ общимъ явленіемъ для всѣхъ заводовъ Урала и вызываютъ настоятельную необходимость въ скорѣйшей помощи, которая, мнѣ кажется, можетъ ограничиться на первое время устраненіемъ стѣсненій, испытываемыхъ кустарной промышленностью и надѣленіемъ горнорабочихъ землей *).

Какъ извѣстно, на многихъ заводахъ, вслѣдствіе высокихъ выкупныхъ суммъ и боязни закрѣпощенія, мастеровые отказались отъ земельныхъ надѣловъ.

При освобожденіи:

менѣе	1	дес.	на	душу	(отъ ½ д.)	получили . . .	80506	душъ.
отъ	1	до	1,5	на душу		. . . . .	37913	»
»	1,5	»	2	»	»	. . . . .	27480	»
»	2	»	3	»	»	. . . . .	17063	»
»	3	»	4	»	»	. . . . .	17155 **)	»

Въ настоящее время эти надѣлы значительно уменьшились и во всякомъ случаѣ не могутъ считаться сколько нибудь достаточными для веденія хозяйства.

Характеристикѣ положенія кустарей и отношенія къ нимъ горныхъ заводовъ я посвящаю особую главу.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕНН. СОБРАНІЯ СЛУЖАЩИХЪ при ФАБРИКѢ ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУРЪ Анны Красильщиковой и С-ии Въ с. Родниковомъ

VI.

Имѣетъ-ли кустарная промышленность въ горнозаводскихъ районахъ право на существованіе?

Вопросъ этотъ, конечно, въ высшей степени нелѣпъ, но въ такой именно формѣ онъ ставится представителями уральскихъ заводовъ и разрѣшается ими въ отрицательномъ смыслѣ. Кустарная промышленность, по ихъ мнѣнію, можетъ развиваться лишь въ ущербъ горнозаводскому производству, во 1-хъ, отвлекая рабочія руки, въ которыхъ послѣднее и безъ того терпитъ будто-бы страш-

*) Въ настоящее время отводятся надѣлы, но лишь для мастеровыхъ 11 округовъ поссессіонныхъ дачъ и въ размѣрахъ недостаточныхъ для хозяйства, отъ 1 д. 2000 кв. саж. до 2-хъ десятинъ 800 кв. саж. на душу по послѣдней ревизіи.

**) Пользуюсь данными изъ ст. г. Весновскаго «Рабочій вопросъ на Уралѣ, «Уралъ» 1897 г., №№ 228 –235.

ный недостатокъ, во 2-хъ, являясь конкуррентомъ крупной промышленности и въ 3-хъ, потребляя сгораемое, необходимое для заводскихъ дѣйствій. Въ статьѣ «Два усердія» (Екатеринбургская Недѣля, 1896 г., № 33), на основаніи фактовъ доказывается, что «въ основѣ экономическихъ воззрѣній горнозаводчиковъ лежитъ идея о вредѣ народнаго благосостоянія съ точки зрѣнія интересовъ горнопромышленности». Недавно (въ ноябрѣ этого года) общество горныхъ инженеровъ въ Петербургѣ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, единодушно признало *интересы населенія и горной промышленности прямо противоположными другъ другу*.

Имѣя эти воззрѣнія въ виду, не трудно представить себѣ отношеніе заводовъ къ кустарямъ.

О «недостаткѣ» рабочихъ рукъ на уральскихъ заводахъ читатель изъ предъидущей главы уже знаетъ истину. Объявленіе же кустарей конкуррентами крупной горнозаводской промышленности въ высшей степени странно, потому что мелкая, плохо вооруженная промышленность можетъ быть побѣдоносной по отношенію къ крупному производству только при наличности полнаго застоя въ немъ, а застой и спячка не имѣютъ права расчитывать на чье бы то ни было сочувствіе. Но кустари, конечно, и не могутъ быть конкуррентами для заводовъ. Представьте себѣ съ одной стороны столяровъ, сапожниковъ, пимокатовъ, кузнецовъ, шорниковъ, мраморщиковъ и съ другой—доменныя, пудлинговыя, кричныя, мартеновскія, бессемеровскія и всякія другія печи и фабрики. Что можетъ быть общаго между тѣми и другими? Кустарныхъ доменныхъ печей, конечно, быть не можетъ, точно также, какъ и горные заводы едва-ли будутъ когда нибудь катать пимы. Если горнопромышленники и могутъ опасаться кого-нибудь, такъ это развѣ слесарей и кузнецовъ, какъ болѣе родственныхъ заводамъ по своему производству, но всетаки, чѣмъ угрожаютъ сіи послѣдніе горному дѣлу, я право не знаю. До сихъ поръ всѣ считали ихъ только потребителями низшихъ сортовъ заводскаго желѣза, сбываемаго на мѣстѣ, но никакъ не конкуррентами заводовъ.

На вопросѣ о потребленіи древеснаго сгораемаго огнедѣйствующими кустарными заведеніями, слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

По отчету горнаго департамента въ 1895 году отпущено лѣса:

	для потребностей населенія.	для горнозаводскихъ надобностей.	всего
изъ казенныхъ дачъ . .	155.293 к. с.	321.811 к. с.	477.104 к. с.
изъ дачъ частныхъ и поссессіонныхъ заводовъ и приписанныхъ къ нимъ казенныхъ земель . . .	126.991 к. с.	479.879 к. с.	606.870 к. с.
	282.284 к. с. (26%)	801.690 к. с. (74%)	1.083,974 к. с. (100%)

Такимъ образомъ, на всѣ потребности населенія 4-хъ губерній Урала: отопленіе жилищъ, постройки, а въ томъ числѣ и на кустарныя производства расходуется изъ казенныхъ поссессіонныхъ и частныхъ дачъ почти въ 3 раза менѣе, чѣмъ на нужды заводовъ. Насколько ничтожно, сравнительно, потребленіе топлива кустарными огнедѣйствующими заведеніями, съ точностью опредѣлить, за неимѣніемъ цифровыхъ данныхъ, невозможно, но что оно ничтожно, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ потребности въ отопленіи жилищъ и въ постройкахъ, во всякомъ случаѣ, имѣютъ громадное преобладаніе.

Въ Пермской губерніи, по даннымъ, собраннымъ Е. И. Красноперовымъ *), огнедѣйствующихъ кустарныхъ заведеній обрабатывающихъ металлы насчитывается:

кузницъ.	2002 съ производствомъ до	130 т. пуд.
кузнечно-клепал. завед. .	189	90 т. »
кузнечно-слесарныхъ . . .	63	170 т. »
мѣдно-издѣльныхъ	67 съ производствомъ до	20 т. »
	2321	410 т. »

На 1 пудъ желѣзныхъ фабрикатовъ, вырабатываемыхъ горными заводами, упадаетъ около 0,015 куб. саж. древеснаго сгораемаго. Если эту же цифру принять и для кустарныхъ производствъ, то окажется, что всѣ кустарныя огнедѣйствующія заведенія Пермской губерніи, обрабатывающія металлы, потребляютъ лишь 6 тысячъ кубическихъ саженъ сгораемаго. О количествѣ этихъ заведеній въ остальныхъ мѣстностяхъ Урала я не имѣю свѣдѣній, хотя извѣстно, что тамъ ихъ значительно меньше, чѣмъ въ Пермской губерніи, которая заключаетъ въ себѣ громадное большинство заводовъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ кустарныя производства Урала не расходуютъ болѣе 10 тысячъ куб. саж. топлива изъ дачъ частныхъ и казенныхъ заводовъ, а это составляетъ только 1% общей древесной массы, отпускаемой изъ этихъ дачъ.

Къ сожалѣнію, въ послѣднія десятилѣтія не публикуются данныя о размѣрахъ лѣсныхъ пожаровъ, которые, благодаря дурному присмотру, ежегодно губятъ громадныя лѣсныя пространства. Не имѣя цифровыхъ данныхъ, мы, жители Урала, въ опустошительности лѣсныхъ пожаровъ убѣждаемся, однако, каждое лѣто, когда насъ со всѣхъ сторонъ окутываетъ густая мгла дыма. Цифры имѣются лишь за прежнее время, но они относятся еще къ 60-мъ годамъ. Лѣтомъ 1861 г. въ дачахъ однихъ казенныхъ заводовъ выгорѣло 140 т. дес. лѣса, а въ 1864 г. въ одномъ Екатеринбургскомъ округѣ 101.000 десятинъ. **) Если допустить, что лѣсные

*) Обзоръ Пермскаго края. Очерки состоянія кустарной промышленности въ Пермской губерніи.

**) «Пропадающіе лѣса», «Уралъ», 1897 г., № 79.

пожары теперь значительно менѣе опустошительны, то все же въ общемъ они губятъ лѣсныя богатства въ такихъ количествахъ, передъ которыми потребленіе кустаря является совершенно ничтожной величиной.

Посмотримъ теперь, какое отношеніе установилось къ мелкой промышленности, благодаря минимому лѣсопотребительному свойству послѣдней.

394-я ст. 11 т. свода законовъ и 11 ст. положенія о горнозаводскихъ рабочихъ воспрещаетъ открывать вновь огнедѣйствующія кустарныя заведенія. Заводовладѣльцы, пользуясь этимъ закономъ, всячески добиваются закрытія и существующихъ уже заведеній, чего весьма часто и достигаютъ.

Крестьянинъ Нижне-Сергинскаго завода П. Д. Бабушкинъ, въ своемъ письмѣ, адресованномъ въ коммиссію министерства финансовъ по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, говоритъ, «что кузнечныя, слесарныя и проч. производства не могутъ здѣсь (въ Сергинско-Уфалейскихъ заводахъ) привиться отъ различныхъ причинъ, но главнымъ образомъ отъ трудности пріобрѣтенія горючаго матеріала». Прежде были на крестьянской землѣ гвоздарныя, литейныя заведенія, «но дѣйствіе ихъ не было допущено». «Кромѣ того, въ видахъ сохраненія лѣсныхъ матеріаловъ, закрыто было до 40 кузницъ, какъ заведеній, принадлежащихъ къ разряду огнедѣйствующихъ». Вслѣдствіе стѣсненій и запретовъ, которые давятъ кустарные промыслы, они часто переходятъ на нелегальную почву; такъ, г. Бѣловъ встрѣтилъ кустарную печь для отливки издѣлій изъ металловъ на колесахъ, которыя были придѣланы кустаремъ, въ видахъ большаго удобства «скрыть свое грѣшное дѣло, въ случаѣ нападенія властей».

Къ этому надо прибавить, во 1-хъ, непомѣрныя цѣны, установленныя для низшихъ сортовъ желѣза, потребляемыхъ кустарями и, во 2-хъ, посредничество скупщиковъ, которые, при отсутствіи на заводахъ мелочной розничной продажи желѣза, представляютъ изъ себя явленіе безусловно необходимое.—Насколько невыгодны для кустарей существующія цѣны, видно изъ того, что екатеринбургское земство хлопочетъ о продажѣ кустарямъ желѣза по цѣнамъ нижегородской ярмарки (засѣданіе 7 октября 1897 г., журналъ № 9). Въ высшей степени характерно, что при обсужденіи этого вопроса въ земскомъ собраніи нѣкоторые находили опаснымъ удешевленіе для кустарей желѣза въ виду того, что при пониженныхъ цѣнахъ возможна перепродажа его въ другія руки.

Вездѣ, гдѣ промышленность не занимаетъ такого исключительно привилегированнаго положенія, какъ уральская, потребитель господствуетъ на рынкѣ, такъ какъ отъ него зависитъ успѣхъ предпріятій. У насъ, наоборотъ,—потребитель въ загонѣ, въ немъ не нуждаются и продаютъ ему товаръ изъ снисхожденія, а недостойнымъ отказываютъ. Кто видалъ въ натурѣ сцены продажи куста-

рямъ желѣза изъ заводскихъ складовъ, слышалъ униженныя мольбы покупателей и властные окрики на нихъ заводскихъ приставниковъ, видѣлъ толпы ожидающихъ продажи желѣза, какъ милостыни, тотъ не могъ не почувствовать силы «желѣзнаго голода», испытываемаго кустарями въ самомъ гнѣздѣ горнозаводской промышленности.

Да не подумаетъ читатель, что мѣры пресѣченія горнозаводчики принимаютъ только противъ огнедѣйствующихъ кустарныхъ заведеній. «Интересы народа и горнаго дѣла прямо противоположны другъ другу». Поэтому одна и таже политика ведется одинаково неуклонно по отношенію какъ къ кустарямъ, такъ и вообще ко всему населенію. Чтобы не утомлять читателя длиннымъ перечнемъ однородныхъ фактовъ, избираю изъ нихъ одинъ весьма характерный для отношенія заводовъ къ мѣстному населенію.

Въ Мраморскомъ заводѣ екатеринбургскаго уѣзда существуетъ кустарное производство мраморныхъ издѣлій, которымъ занимаются всѣ жители этого селенія поголовно. Мраморъ на надѣлахъ крестьянъ весьма низкаго качества: грубаго, крупнаго зернистаго сложенія, рыхлый, некрасивой окраски и неудобный для тонкихъ работъ. Повидимому, промыселъ этотъ обреченъ на удовлетвореніе только грубаго вкуса. Но только повидимому. Вблизи Мраморскаго завода въ Полевской дачѣ Сысертскаго посессіоннаго округа имѣются залежи мрамора, рѣзко отличающагося отъ того, который добывается на землѣ крестьянъ: онъ плотнаго, мелко-зернистаго сложенія, обладаетъ красивой окраской и очень удобенъ для тонкихъ художественныхъ работъ. Такъ какъ Полевская дача, какъ посессіонная составляетъ собственность казны, то за добычу мрамора установлена плата въ пользу казны по 2 р. за куб. сажень, плата на столько необременительная, что на первый взглядъ кажется непостижимымъ, почему кустари всетаки предпочитаютъ мрамору Полевской добычи свой, гораздо худшаго качества. При ближайшемъ же изслѣдованіи вопроса дѣло объясняется очень просто: во 1-хъ, полевское заводоуправленіе, сверхъ платы за право добычи въ казну, взимаетъ съ кустарей, не имѣя на то права, еще въ пользу заводовъ по $4^1/_2$ коп. съ каждаго пуда добытаго камня, что, по приблизительному разсчету, составляетъ 76 рублей 50 коп. за каждую кубическую сажень, а во 2-хъ, разрѣшеніе добычи, а также и разработку камня, обставляетъ безчисленными формальностями, изъ коихъ главнѣйшія состоятъ въ слѣдующемъ: кустарь обращается къ лѣсничему дачи, который взимаетъ плату въ пользу казны, выдаетъ квитанцію, оплачивая ее почему то (конечно, за счетъ кустаря) 80-ти коп. маркой, (на какую бы сумму она ни была написана), и командируетъ лѣсника для отвода мѣста. Добытый камень, въ сопровожденіи лѣсника, отвозится въ Полевскій заводъ для взвѣшиванія (за 6 и 12 верстъ въ противоположную сторону отъ Мраморскаго завода), причемъ взимается плата въ

пользу заводовъ по вѣсу, въ полученіи которой, изъ разумной предусмотрительности, квитанцій не выдается. Лѣсъ, необходимый для добычи камня (толстыя жерди) отводится лѣсничимъ за нѣсколько верстъ отъ мѣста добычи. При такихъ условіяхъ каждая кубическая сажень камня обходится кустарю приблизительно въ 200 руб., вслѣдствіе чего мраморомъ полевской добычи кустари почти не пользуются, хотя при употребленіи послѣдняго этотъ промыселъ могъ бы не только улучшиться, а прямо преобразиться до неузнаваемости.

Спрашивается: какую же въ данномъ случаѣ цѣль преслѣдуетъ управленіе Сысертскими заводами? Увеличеніе дохода? Но, благодаря непомѣрной платѣ и стѣснительнымъ условіямъ, кустари почти совсѣмъ не пользуются этимъ мраморомъ: въ 1895 году его было добыто только 1¼ куб. саж., причемъ заводы получили за него всего 95 руб. попудной платы. Не ясно-ли, что, если тутъ и есть какой-нибудь разсчетъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не денежный, а другой, болѣе общаго характера?

Зная политику заводовъ по отношенію къ населенію, отвѣтъ на этотъ вопросъ найти не трудно: онъ формулируется словами горнозаводчиковъ: «интересы населенія и горнозаводской промышленности прямо противоположны другъ другу».

Затронутые мною вопросы выяснены въ настоящей статьѣ лишь настолько, насколько это было необходимо въ предѣлахъ избранной мною темы. Для всесторонняго же освѣщенія горнозаводской жизни Урала необходимо спеціальное историко-статистическое изслѣдованіе края.

И. Сиговъ.

Вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ во Франціи.

Читателямъ, конечно, извѣстно, что лѣтомъ этого года въ Европѣ произошло повсемѣстное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ. Это довольно неожиданное явленіе вызвало особенный переполохъ во Франціи, гдѣ вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ — одинъ изъ жгучихъ вопросовъ не только сельскаго хозяйства, но и внутренней политики. Онъ тѣсно связанъ съ системой высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ, введенныхъ тамъ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ подъ предлогомъ огражденія французскаго земледѣлія отъ иностранной конкурренціи. Законы 1883, 1892 и 1894 годовъ, которыми устанавливались и по-

степенно возвышались эти пошлины, были одними изъ самыхъ важныхъ законодательныхъ актовъ французскаго парламента за послѣдніе годы и вызывали въ свое время продолжительныя теоретическія пренія; нынѣшній президентъ совѣта министровъ, Жюль Мелинъ, стоявшій во главѣ этой своего рода аграрной агитаціи, обязанъ ей своей политической карьерой, а также эпитетами *affameur* и *père-famine*, которыми неизмѣнно украшается его имя въ оппозиціонныхъ газетахъ.

Съ первыхъ чиселъ августа прошлаго лѣта цѣны на пшеницу стали быстро рости во Франціи и въ какихъ нибудь три недѣли поднялись на 40% *). Непосредственной причиной этого былъ недородъ пшеницы въ самой Франціи, опредѣляющійся въ 15 милліоновъ гектолитровъ,—въ связи съ плохимъ урожаемъ этого лѣта во всей Европѣ и даже въ Соединенныхъ Штатахъ **). Въ Парижѣ одно мгновеніе можно было думать, что на сцену выступаетъ грозный вопросъ о дорогомъ хлѣбѣ. Килограммъ обыкновеннаго, дешеваго хлѣба, употребляемаго семьями рабочихъ, стоившій ранѣе 35 сантимовъ, сталъ продаваться за 45 сантимовъ и даже болѣе. Поднялась агитація въ пользу немедленной отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ; соціалистическіе депутаты созывали митинги и обращались съ письменными требованіями (такъ какъ дѣло происходило во время парламентскихъ вакацій) къ президенту министровъ; радикальный парижскій муниципалитетъ собирался на экстренныя засѣданія; въ газетахъ печатались рѣзкія статьи; ходили слухи о возможномъ политическомъ кризисѣ. Но движеніе скоро затихло, не смотря на то, что цѣны на хлѣбъ не упали. Агитація въ Парижѣ прошла безслѣдно, во первыхъ—потому, что парижскія волненія, въ ихъ настоящемъ видѣ, уже давно потеряли во Франціи всякое политическое значеніе, а во вторыхъ—потому, что и самый вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ принялъ въ этой странѣ очень смѣшанный и запутанный характеръ. При вотированіи послѣдняго закона 1894 г., поднявшаго ввозныя пошлины съ 5 франковъ на 7 съ каждыхъ 100 килограммъ пшеницы, шесть депутатовъ соціалистической группы подали голоса за повышеніе пошлинъ, а семнадцать воздержались отъ вотума. Дѣло въ томъ, что спасительное или, по крайней мѣрѣ, охранительное значеніе высокихъ тарифовъ въ этомъ случаѣ признается, до извѣстной степени, даже защитниками интересовъ рабочаго класса; среди же сельскихъ жителей, составляющихъ во Франціи около 47% всего населенія, мнѣніе о благодѣяніи, оказываемомъ земледѣлію покровительственной политикой Жюля Мелина и К°, несомнѣнно пустило глубокіе корни.

---

*) «Journal des Débats», 25 septembre 1897, «Revue agricole».

**) Количество пшеницы, собранной въ этомъ году на всемъ земномъ шарѣ, опредѣляется въ 750—760 милліоновъ гектолитровъ. Сборъ прошлаго года равнялся 840½ милліонамъ гектолитровъ («Journal des Economistes», 15 novembre 1897).

Въ виду столь благопріятнаго отношенія французской демократіи къ высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, нельзя не обратить вниманія на полную противоположность въ постановкѣ этого важнаго общественнаго вопроса въ двухъ сосѣднихъ странахъ, раздѣленныхъ Ламаншемъ. Въ Англіи демократія горячо поддерживала агитацію начала сороковыхъ годовъ противъ хлѣбныхъ законовъ; во Франціи демократія стоитъ на сторонѣ высокихъ пошлинъ на хлѣбъ; въ Англіи вождями агитаціи были Кобденъ и Брайтъ, политическая программа которыхъ, въ общемъ, содѣйствовала развитію демократіи; во Франціи иниціаторами движенія, поддерживаемаго демократіей, выступаютъ вожди консервативной партіи, противники радикаловъ.

Правда, Франція гораздо болѣе земледѣльческая страна, нежели Англія; Англія ввозитъ приблизительно вдвое болѣе хлѣба, нежели Франція при почти равномъ числѣ жителей; наконецъ, что самое главное, Франція—страна мелкаго землевладѣнія; въ ней насчитывается, по только что обнародованнымъ статистическимъ даннымъ, около 3.387,000 собственниковъ земли, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, и слишкомъ 700,000 фермеровъ и половниковъ, т. е. всего болѣе 4.000,000 сельскихъ хозяевъ, что вмѣстѣ съ ихъ семьями составитъ болѣе 16.000,000 жителей, прямо заинтересованныхъ въ судьбахъ земледѣлія. Отсюда вытекаетъ, что законы, покровительствующіе земледѣлію, являются во Франціи дѣйствительно демократическими; а мы знаемъ, что такою именно покровительственною цѣлью и задаются французскіе законы, имѣющіе въ виду повысить цѣны на хлѣбъ. На первый взглядъ это покровительственное и благодѣтельное значеніе французскихъ хлѣбныхъ законовъ для земледѣльческаго населенія кажется почти очевиднымъ: въ самомъ дѣлѣ, развѣ не очевидно, что мелкіе сельскіе хозяева наравнѣ съ крупными заинтересованы въ поддержаніи высокихъ цѣнъ на продукты своего производства? Одно только заставляетъ нѣсколько усомниться въ доброкачественности современной французской аграрной политики: общая политическая физіономія вождей этого аграрнаго движенія и ихъ безграничная щедрость; извѣстно, что въ 1883 г. первый проведенный ими покровительственный законъ установилъ ввозную пошлину въ 3 франка на каждые 100 килограммъ пшеницы; вскорѣ затѣмъ эта пошлина была повышена до 5 франковъ, а въ 1894 году доведена до 7, при чемъ парламентская коммиссія, предсѣдателемъ которой былъ Мелинъ, предлагала установить даже десяти-франковую пошлину.

Одинъ изъ очень умныхъ противниковъ этихъ хлѣбныхъ законовъ, радикальный депутатъ Альфредъ Нако, (такъ печально, впрочемъ, кончившій свою политическую карьеру), возражая, въ засѣданіи палаты депутатовъ 17 февраля 1894 г., противъ того довода протекціонистовъ, что повышеніе цѣнъ на пшеницу въ зернѣ еще вовсе не предполагаетъ неизбѣжнаго вздорожанія хлѣба, такъ закончилъ свою аргументацію: «Сказать ли вамъ, что я думаю? Я

убѣжденъ, что протекціонисты сами знаютъ это. Протекціонисты—очень умные люди; они доказали это своей искусной агитаціей, вызвавшей общее движеніе въ странѣ. Я не хочу обидѣть ихъ предположеніемъ, что они не предвидѣли послѣдствій своей системы, не поняли, что покровительство промышленности, которою занята половина населенія, фатально ведетъ за собой покровительство всѣмъ родамъ промышленности, а такое универсальное покровительство сводится къ отсутствію всякаго покровительства...

Итакъ, я долженъ предположить, что, преслѣдуя съ такимъ упорствомъ свою задачу—я обращаю на этотъ пунктъ ваше особое вниманіе—они имѣли въ виду, на ряду съ химерическимъ универсальнымъ покровительствомъ, еще другую, непосредственную, возможную, вполнѣ осязательную цѣль. Знаете ли вы, какая это цѣль? Ее можно резюмировать въ трехъ словахъ: безусловная неподвижность земельной ренты... Это другое дѣло! Эта цѣль достижима; но я думаю, что это—дурная цѣль» *).

Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе покровительственныхъ хлѣбныхъ законовъ, установленныхъ во Франціи, необходимо, прежде всего, опредѣлить ихъ прямые результаты, ихъ непосредственное практическое вліяніе на экономическую жизнь страны; затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ихъ предполагающіеся отдаленные результаты, на теоретическое обоснованіе этихъ законовъ, на ту общегосударственную цѣль, которой стремятся достигнуть во Франціи введеніемъ охранительныхъ хлѣбныхъ пошлинъ.

Въ настоящее время никто уже не оспариваетъ во Франціи того факта, что установленныя хлѣбныя пошлины вполнѣ достигаютъ своего прямого назначенія: онѣ увеличиваютъ цѣну пшеницы на внутреннемъ французскомъ рынкѣ какъ разъ на тѣ три, пять или семь франковъ, которыми оплачивается ввозъ каждыхъ 100 килограммъ ея *). Такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1894 г., еще при пятифранковыхъ ввозныхъ пошлинахъ, 100 килограммъ пшеницы стоили въ Англіи 15 франковъ 20 сант., а во Франціи 20 франк. 4 сант.; въ декабрѣ этого года, при ввозныхъ пошлинахъ въ 7 франковъ, цѣна 100 килограммъ пшеницы въ Англіи равнялась 22 и 22 фр. 25 сант., а въ Парижѣ—29 фр. 50 с. и 30 фр. 25 с. (*Economiste francais*, 18 décembre 1897).

Вслѣдствіе этого намъ очень легко будетъ высчитать ту общую сумму, которая, съ одной стороны, пріобрѣтается въ видѣ добавочной прибыли производителями французскаго хлѣба, а съ другой—переплачивается ежегодно французскими потребителями пшеницы, благодаря искусственному повышенію цѣнъ на нее на французъ-

---

*) «Journal officiel» отъ 18 февраля 1894 г., «Chambre des députés», «Débats parlamentaires», стр. 256.

**) См. по этому поводу D. Zolla, Les questions agricoles d'hier et d'aujourd'hui, 2 me série, 1895, p. 61.

скомъ рынкѣ. Это дастъ намъ исходную точку для опредѣленія ближайшихъ и непосредственныхъ результатовъ разсматриваемой нами покровительственной мѣры.

Мы будемъ руководиться при нашихъ вычисленіяхъ сводными статистическими данными за 1892 г., обнародованными недавно французскимъ министерствомъ земледѣлія *). Это результаты второго статистическаго изслѣдованія въ области сельскаго хозяйства, произведеннаго при третьей республикѣ. Начало такимъ періодическимъ изслѣдованіямъ было положено еще въ 1840 г.; затѣмъ они были повторены въ 1852 и 1862 годахъ и должны были повторяться каждыя десять лѣтъ; но въ 1872 г. Франціи было не до статистическихъ изслѣдованій и въ этихъ десятилѣтнихъ анкетахъ произошелъ перерывъ. Онѣ были возобновлены только въ 1892 г. Собранная въ этомъ году масса статистическаго матеріала разрабатывалась и приводилась въ порядокъ въ теченіе пяти лѣтъ и была опубликована въ видѣ сводныхъ таблицъ и пояснительнаго *введенія* только въ 1897 г. Въ ноябрѣ этого года вышли пока лишь однѣ сводныя таблицы статистическихъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ землевладѣніемъ и землепользованіемъ,—собранныхъ въ 1892 г. Пояснительный текстъ къ этимъ таблицамъ долженъ появиться на дняхъ.

Итакъ, мы должны опредѣлить количество пшеницы, обращающейся ежегодно на внутреннемъ рынкѣ Франціи. Для примѣра мы возьмемъ цифры 1892 года, за который у насъ имѣются подробныя оффиціальныя статистическія данныя. Количество произведенной въ этомъ году въ самой Франціи пшеницы равнялось 117.500,000 гектолитрамъ. Но часть этой пшеницы не попала на рынокъ, а была израсходована на сѣмена и на личное потребленіе самихъ производителей хлѣба. На сѣмена было оставлено около 14.000,000 гектолитровъ (площадь посѣва 7.166,000 гектаръ; обсѣмененіе каждаго гектара—2,07 гектолитра); чтобы опредѣлить личное потребленіе, надо узнать сначала число всѣхъ лицъ, занимающихся во Франціи производствомъ пшеницы. Необходимыя данныя для этого мы находимъ на стр. 246 и слѣд. статистическаго сборника министерства земледѣлія, показывающихъ составъ земледѣльческаго населенія во Франціи. Вотъ какова была численность различныхъ категорій этого населенія въ 1892 г.:

1.	Собственники, обработывающіе только свою землю.	2.199,220
2.	» арендующіе и чужую землю	475,778
3.	» арендующіе чужую землю, исполу	123,297
4.	» обработывающіе свою землю и вмѣстѣ съ тѣмъ работающіе поденно у другихъ хозяевъ .	588,950
5.	Фермеры, не имѣющіе своей земли	585,623
6.	Половники, не имѣющіе собственной земли	220,871
7.	Годовые работники, живущіе при хозяйствѣ	1,832,174
8.	Поденщики	621,131

*) Statistique agricole de la France publiée par le ministère de l'Agriculture.—Resultats généraux de l'enquête décennale de 1892.

Изъ всего состава сельскаго населенія мы должны, для опредѣленія интересующей насъ цифры потребителей хлѣба собственнаго производства, принять во вниманіе только число собственниковъ-землевладѣльцевъ, фермеровъ и половниковъ, т. е. число самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ. Это число, какъ легко видѣть изъ таблицы, равнялось въ 1892 г., въ круглыхъ цыфрахъ, 4,194,000 *); затѣмъ сюда надо прибавить еще число членовъ семействъ сельскихъ хозяевъ, — членовъ семействъ, живущихъ въ деревнѣ; для этого, на основаніи правила, выработаннаго французской статистикой, надо умножить найденное нами число всѣхъ сельскихъ хозяевъ на 2,65 **): получимъ общую цифру потребителей непокупнаго хлѣба—11,114.000. Изъ этого числа слѣдовало бы исключить садовниковъ, винодѣловъ и другихъ лицъ, занятыхъ спеціальными отраслями сельскаго хозяйства; упомянутый уже нами французскій авторъ (D. Zolla) предполагаетъ, что число всѣхъ этихъ сельскихъ хозяевъ-спеціалистовъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями, доходитъ до 4,000,000; но для того, чтобы получить минимальный размѣръ той денежной потери, которую несутъ французы, благодаря искусственному повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, мы не примемъ въ соображеніе этой болѣе или менѣе гадательной цифры, чѣмъ, разумѣется, увеличимъ размѣръ высчитываемаго нами личнаго потребленія пшеницы, а слѣдовательно, уменьшимъ размѣръ покупного потребленія ея.

---

*) Авторъ уже цитированныхъ нами этюдовъ по вопросамъ земледѣлія (D. Zolla, Les questions agricoles d'hier et d'aujourd'hui), которому мы до извѣстной степени слѣдуемъ въ этомъ вычисленіи, прибавляетъ къ цифрѣ потребителей непокупного хлѣба также и годовыхъ работниковъ и работницъ, живущихъ на харчахъ хозяина; но это безъ сомнѣнія ошибка, такъ какъ очевидно, что все личное потребленіе работника, живущаго при хозяйствѣ, отражается на получаемомъ имъ жалованьи, которое измѣняется въ зависимости отъ болѣе или менѣе высокихъ цѣнъ на хлѣбъ; хозяинъ, кормя работника, продаетъ ему свой хлѣбъ по рыночной цѣнѣ. Вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ уменьшается разница между жалованьемъ сельскихъ рабочихъ, живущихъ на хозяйскихъ харчахъ и питающихся на собственный счетъ. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, извлеченныхъ нами изъ того же статистическаго сборника министерства земледѣлія (стр. 245): въ 1892 г. средняя цѣна гектолитра пшеницы составляла 16 фр. 81 с., въ 1882—18 фр. 61 с.; соотвѣтственно съ этимъ и рабочія платы въ 1892 г. были ниже, чѣмъ въ 1882 г. Такъ, рабочій на хозяйскихъ харчахъ получалъ: лѣтомъ 1892 г. 1 фр. 85 с., 1882 г.—1 фр. 98 с., зимой 1892 г.—1 фр. 31 с., 1882 г.—1 фр. 31 с., рабочій на своихъ харчахъ: лѣтомъ 1892 г. 2 фр. 94 с., 1882—3 фр. 11 с., зимой 1892 г. 2 фр. 4 с., 1882 г.—2 фр. 22 с.

**) Эта цифра представляетъ, очевидно, частное, полученное отъ дѣленія всего числа сельскихъ жителей (около 18.000,000) на число всѣхъ главъ семействъ, живущихъ въ деревнѣ. Такъ какъ средній составъ семьи опредѣляется во Франціи въ четыре человѣка, то эта цифра показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая часть членовъ ея деревенскихъ семействъ живетъ въ городахъ.

Итакъ, мы предполагаемъ, что число всѣхъ лицъ, питающихся хлѣбомъ собственнаго производства во Франціи, равняется 11,114,000; чтобъ узнать теперь количество потребляемой ими ежегодно пшеницы, надо помножить эту цифру на среднее годовое потребленіе пшеницы, приходящееся на каждаго человѣка во Франціи. Это среднее годовое потребленіе опредѣляется французскою статистикою въ $2^1/_2$ гектолитра или 192 килограмма (468 русскихъ фунтовъ) пшеницы на человѣка. Хотя нѣкоторая часть сельскаго населенія замѣняетъ въ извѣстной мѣрѣ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ пшеницу гречихой, маисомъ и другими низшими сортами хлѣба, но мы, опять таки въ виду полученія минимальной цифры, принимаемъ среднее годовое потребленіе каждаго сельскаго жителя разсматриваемой нами категоріи въ $2^1/_2$ гектолитра; помноживъ 11,114,000 на $2^1/_2$, получимъ, въ круглыхъ цифрахъ 28,000,000 гектолитровъ пшеницы, не попадающей на рынокъ и потребляемой на мѣстѣ производства; но и это еще не все: мы должны присоединить сюда количество пшеницы, расходуемой сельскими хозяевами на обсѣмененіе своихъ полей; это количество, какъ мы видѣли, равняется 14,000,000 гектолитровъ; сложивъ двѣ послѣднія цифры, получимъ 42,000,000 гектолитровъ пшеницы, не оплачиваемой искусственно возвышенною рыночною цѣною. Эти 42.000.000 гектолитровъ слѣдуетъ вычесть изъ всего количества произведенной въ 1892 г. во Франціи пшеницы (117,500,000 гектолитровъ) и затѣмъ прибавить къ разности количество пшеницы, ввезенное во Францію извнѣ. Послѣднее количество равнялось въ среднемъ, за десятилѣтіе отъ 1882 до 1891 года, 15,170,000 гектолитровъ. Получаемъ, въ концѣ концовъ, около 90,000,000 гектолитровъ пшеницы, обращающейся на внутреннемъ рынкѣ Франціи. При пятифранковой пошлинѣ на каждые 100 килограммъ (или при 3,75 фр. на каждый гектолитръ), существовавшей до 1894 г., это составитъ 337,000,000 франковъ дополнительной платы; при семифранковой пошлинѣ, установленной въ настоящее время и падающей на каждый гектолитръ въ размѣрѣ 5,25 фр., подобный-же разсчетъ дастъ еще большую сумму, жертвуемую Франціей подъ предлогомъ огражденія своего земледѣлія отъ иностранной конкурренціи, а именно— 472,000,000 франковъ.

При теоретическомъ обсужденіи французскихъ покровительственныхъ хлѣбныхъ законовъ предполагалось, что по крайней мѣрѣ часть установленныхъ таможенныхъ пошлинъ будетъ уплачиваться иностранными продавцами пшеницы: Америкой, Канадой, Россіей, Индіей и Австраліей, ввозящими свой хлѣбъ во Францію; предполагалось, что цѣны на пшеницу не будутъ подниматься на внутреннемъ рынкѣ Франціи на всю величину пошлины и, такимъ образомъ, заграничные продавцы, уплачивая эту пошлину, будутъ реализировать меньшую торговую прибыль; но практика болѣе чѣмъ десятилѣтняго протекціоннаго періода окончательно разсѣяла эту иллюзію, те-

перь она покинута даже ея бывшими упорными защитниками. Мы уже видѣли, что французскія цѣны на хлѣбъ всегда стоятъ выше цѣнъ, существующихъ въ странахъ, свободныхъ отъ пошлинъ, какъ разъ на величину послѣднихъ. Очевидно, что иностраннымъ торговцамъ совершенно безразлично, продать-ли свою пшеницу въ въ Ливерпулѣ по 14 франковъ или въ Гаврѣ по 21, уплативъ при этомъ 7 франковъ пошлины.

Итакъ несомнѣнно, что высчитанные нами 472 милліона франковъ уплачиваются сполна самими же французами, всѣми потребителями покупного хлѣба; это—внутреннее обложеніе, огромная ежегодная субсидія, установленная законодательствомъ въ пользу сельскаго хозяйства. Нѣкоторая часть ея приходится, впрочемъ, на долю государства, взимающаго таможенныя пошлины съ 15,170,000 гектолитровъ ввозимой во Францію пшеницы (при опредѣленіи доли, приходящейся государству, слѣдуетъ принять во вниманіе около 1,109,000 гектолитровъ пшеницы, покупаемой государствомъ для своихъ потребностей).

Для дальнѣйшаго выясненія непосредственнаго экономическаго вліянія французскихъ хлѣбныхъ законовъ, необходимо знать, какимъ образомъ распредѣляется эта многомилліонная субсидія между различными категоріями сельскихъ хозяевъ, и какая именно изъ этихъ категорій оказывается наиболѣе заинтересованной въ поддержаніи и повышеніи хлѣбныхъ пошлинъ.

Чтобы узнать это, намъ надо обратиться къ слѣдующей таблицѣ, показывающей распредѣленіе всей обработываемой во Франціи земли между различными категоріями сельскихъ хозяйствъ, а слѣдовательно, и степень участія этихъ послѣднихъ въ производствѣ хлѣба.

Число самыхъ мелкихъ хозяйствъ, обработывающихъ менѣе одного гектара	2.235,405;	ихъ	общая	площадь	1.243,200	гектар.
Число хозяйствъ, обработывающихъ отъ 1 до 5 гектар.	1.829,259;	»	»	»	5.039,000	»
Число хозяйствъ, обработывающихъ отъ 5 до 10 гектар.	788,299;	»	»	»	5.284,500	»
Число всѣхъ мелкихъ хозяйствъ	4.852,963;	ихъ	общая	площадь	11.626,700	»
Число всѣхъ среднихъ хозяйствъ, обработывающихъ отъ 10 до 40 гектар.	711,118;	»	»	»	12.916,400	»
Число крупныхъ хозяйствъ, обработывающихъ болѣе 40 гектар.	138,671;	»	»	»	18.579,700	»
Всего. . . .	5.702.752.	Всей обработ. земли			44.779.500	гектар.

Изъ этой таблицы видно, что всѣхъ сельскихъ хозяйствъ, какъ крупныхъ, такъ среднихъ и мелкихъ, насчитывается во Франціи 5,702,752. «Подъ хозяйствомъ (*exploitation*), читаемъ мы на стр. 274 оффиціальнаго статистическаго сборника, надо понимать совокупность земель, обработываемыхъ однимъ лицомъ, при чемъ эти земли могутъ составлять одно сплошное цѣлое или состоять изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ клочковъ». Такимъ образомъ, каждому сельскому хозяйству долженъ, повидимому, соотвѣтствовать особый сельскій хозяинъ; но сопоставляя общую цифру сельскихъ хозяйствъ съ числомъ, показывающимъ, сколько всѣхъ лицъ различныхъ категорій, собственниковъ, фермеровъ и половниковъ, занимаются во Франціи обработкой земли, мы находимъ значительную разницу между двумя итогами; слѣдовательно, нѣкоторые изъ хозяевъ владѣютъ не однимъ, а двумя или даже нѣсколькими хозяйствами изъ общаго числа сельскихъ хозяйствъ различныхъ категорій. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ статистическихъ сборникахъ министерства земледѣлія никакихъ данныхъ относительно этой группировки сельскихъ хозяйствъ, и, судя по тому, что говорилось по этому поводу наиболѣе компетентными изъ ораторовъ во французскомъ парламентѣ *), надо думать, что такихъ данныхъ не имѣется вовсе во французской статистикѣ. Поэтому намъ приходится руководиться въ нашихъ дальнѣйшихъ выводахъ вышеприведенной таблицей, съ тою необходимою оговоркою, что число показанныхъ въ ней сельскихъ хозяйствъ не предполагаетъ наличности того же числа сельскихъ хозяевъ.

Изъ таблицы видно, что площадь обработываемой земли, принадлежащая 4,853,000 мелкихъ хозяйствъ (отъ 0 до 10 гектаръ), составляетъ 26,9% всей обработываемой площади; остальные 63,1% приходятся на долю среднихъ и крупныхъ хозяйствъ. Соотвѣтственно этому должно распредѣлиться между ними въ среднемъ счетѣ и количество производимаго хлѣба; слѣдовательно изъ общаго количества собранной въ 1892 году во Франціи пшеницы (117,499,300 гект.) 63,1% или 74,142,000 гектолитровъ приходятся на долю среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, а 26,9% или 43,357,000 гектолитровъ—на долю мелкихъ хозяйствъ. Но мы знаемъ, что участіе каждаго сельскаго хозяина въ выгодахъ, обусловленныхъ хлѣбными таможенными пошлинами, опредѣляется не всѣмъ количествомъ производимой имъ пшеницы, а только тою частью валового сбора, которая вывозится имъ на рынокъ. Слѣдовательно, мы должны теперь высчитать, какое количество всей собранной въ 1892 г. во Франціи пшеницы было пущено въ продажу каждою изъ интересующихъ насъ категорій сельскихъ хозяйствъ.

Для этого намъ надо вычесть изъ извѣстнаго уже намъ валового

*) См., напр. дебаты, происходившіе въ палатѣ депутатовъ 6 ноября 1897 г. («Journal officiel» отъ 7 ноября, стр. 2315 и слѣд.).

сбора, приходящагося на долю каждой изъ этихъ категорій, то количество пшеницы, которое было употреблено на обсѣмененіе полей и на личное потребленіе самихъ сельскихъ хозяевъ. Мы уже видѣли, что на обсѣмененіе полей было израсходовано во Франціи, въ 1892 г., 14,000,000 гектолитровъ пшеницы (2,07 гектолитровъ на гектаръ); личное же потребленіе было опредѣлено нами въ 28,000,000 гектолитровъ. Количество пшеницы, израсходованной на сѣмена, распредѣлится между разсматриваемыми нами категоріями хозяйствъ пропорціонально обработываемой ими площади: 8,834,000 придется на долю среднихъ и крупныхъ хозяйствъ; 5,166,000—на долю мелкихъ. Личное же потребленіе 28,000,000 гектолитровъ пшеницы распредѣлится пропорціонально числу сельскихъ хозяевъ первой и второй категорій. Чтобы не преувеличить той неравномѣрности въ распредѣленіи между французскими производителями пшеницы выгодъ, доставляемыхъ имъ таможенными пошлинами,—неравномѣрности, которая обусловливается сравнительною малочисленностью крупныхъ сельскихъ хозяевъ и многочисленностью мелкихъ,—мы предположимъ, что каждое изъ сельскихъ хозяйствъ первой категоріи, т. е. среднихъ и крупныхъ, имѣетъ своего отдѣльнаго представителя въ общемъ числѣ хозяевъ и что вся разность между числомъ сельскихъ хозяйствъ (5,703,000) и числомъ сельскихъ хозяевъ (4,194,000) приходится на долю второй категоріи. Такое предположеніе представляется, кромѣ того, наиболѣе вѣроятнымъ, такъ какъ очевидно, что наибольшее число случаевъ такихъ объединенныхъ хозяйствъ должно имѣть мѣсто среди 4.065,000 наиболѣе мелкихъ хозяйственныхъ площадей (отъ 0 до 5 гектаръ). И такъ мы предполагаемъ, что число сельскихъ хозяевъ первой категоріи (среднихъ и крупныхъ) равняется 850,000, а число мелкихъ сельскихъ хозяевъ—3,344,000. Соотвѣтственно этимъ числамъ распредѣлится между этими двумя категоріями сельскихъ хозяевъ личное потребленіе ими и ихъ семьями пшеницы: на долю первой категоріи придется 5,675,000 гектолитровъ; на долю второй—22,225,000. Вычтя эти числа, вмѣстѣ съ сѣменами, изъ валового сбора той и другой категоріи хозяйствъ, получимъ тѣ количества пшеницы, которыя пускаются послѣдними въ продажу и соотвѣтственно которымъ распредѣляется между ними покровительственная премія въ размѣрѣ 7 франковъ за каждые проданные 100 килограммъ, или 5 фр. 25 с. за каждый проданный гектолитръ пшеницы. Произведя вычитаніе, увидимъ, что количества пшеницы, вывезенной на рынокъ, съ одной стороны мелкими хозяйствами, а съ другой—средними и крупными, выразятся, въ круглыхъ цифрахъ, 16,000,000 и 59,600,000 гектолитровъ. Слѣдовательно, покровительственная премія, полученная всѣми мелкими хозяйствами, при семифранковой пошлинѣ, равняется 84,000,000 франковъ, т. е. менѣе чѣмъ 18% всей пожертвованной суммы (472,000,000 фр.), а покровительственная премія, пришедшаяся на долю всѣхъ среднихъ

и крупныхъ хозяйствъ, выразится цифрою 312,900,000 фр., что составитъ около 66% всей суммы; остальные 16% достанутся въ видѣ таможеннаго сбора государству.

Итакъ, болѣе 5 милліоновъ мелкихъ хозяйствъ получаютъ менѣе $^1/_4$ части той огромной субсидіи, которая установлена законами Мелина въ видахъ оказанія помощи наиболѣе нуждающимся сельскимъ хозяевамъ; тогда какъ около 850 тысячъ среднихъ и крупныхъ хозяйствъ получаютъ болѣе $^3/_5$ этой суммы; въ пять разъ меньшее количество сельскихъ хозяйствъ получаетъ въ три раза большее вспомоществованіе отъ государства; слѣдовательно, установленные хлѣбные законы въ пятнадцать разъ выгоднѣе для среднихъ и крупныхъ, т. е. для наиболѣе состоятельныхъ и даже богатыхъ сельскихъ хозяевъ, нежели для бѣдныхъ и необезпеченныхъ; это одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ покровительственныхъ законовъ, покровительство которыхъ распредѣляется не только прямо пропорціонально достатку покровительствуемыхъ лицъ, но даже въ еще высшей прогрессіи.

Если мы захотимъ войти въ большія подробности, относящіяся къ распредѣленію государственной помощи, установленной во Франціи въ пользу земледѣлія, то увидимъ, что на долю каждаго изъ сельскихъ хозяйствъ, обработывающихъ отъ 10 до 40 гектаровъ и причисляемыхъ французской статистикой къ средней категоріи, приходится около 180 франковъ покровительственныхъ пошлинъ; на долю-же каждаго изъ крупныхъ сельскихъ хозяйствъ, обработывающихъ болѣе 40 гектаровъ, приходится львиная доля, выражающаяся круглою суммою 1,400 франковъ. Что касается наиболѣе многочисленнаго и бѣднѣйшаго разряда сельскихъ хозяйствъ, занимающихъ площадь менѣе одного гектара (2,235,000), то, даже соединенныя въ группы изъ двухъ и трехъ участковъ, они не могутъ принимать ни малѣйшаго участія въ раздѣлѣ, такъ какъ вся производимая ими пшеница должна идти на личное потребленіе ихъ хозяевъ. Если мы выбросимъ изъ счета эту многочисленную часть мелкихъ сельскихъ хозяйствъ, то увидимъ, что на долю слѣдующаго за ней разряда сельскихъ хозяйствъ этой категоріи, обработывающихъ отъ 1 до 5 гектаръ (1,829,259) придется всего около 41,300,000 франковъ покровительственныхъ пошлинъ, или около 23 франковъ на каждое хозяйство. Несомнѣнно, что въ такомъ размѣрѣ годовая помощь не можетъ имѣть никакого вліянія на общее положеніе хозяйства и, кромѣ того, должна поглощаться переплатою при покупкѣ другихъ необходимыхъ продуктовъ, потребителями которыхъ являются сельскіе хозяева, такъ какъ вздорожаніе хлѣба неизбѣжно повышаетъ стоимость производства всѣхъ другихъ продуктовъ; на послѣднее обстоятельство указывалъ, между прочимъ, депутатъ Зигфридъ во время интересныхъ и продолжительныхъ преній, которыми

сопровождалось вотированіе закона 28 февраля 1894 г., установившаго семифранковую ввозную пошлину на пшеницу *).

Таковы ближайшія экономическія послѣдствія хлѣбныхъ таможенныхъ пошлинъ во Франціи. Онѣ доставляютъ значительныя выгоды крупнымъ сельскихъ хозяевамъ, возвышая на 50% цѣну производимаго ими продукта по отношенію къ его стоимости заграницей,—а также крупнымъ землевладѣльцамъ, поддерживая высокую ренту на землю; онѣ не приносятъ почти никакой выгоды мелкимъ сельскимъ хозяевамъ и ложатся тяжелымъ бременемъ на бѣднѣйшую и многочисленнѣйшую часть какъ сельскаго, такъ и городского населенія. Во время лѣтняго переполоха по поводу дороговизны хлѣба даже консервативныя газеты признавали, что прибавка лишнихъ 20 сантимовъ къ ежедневному расходу рабочей семьи должна отразиться большими стѣсненіями на ея ежегодномъ бюджетѣ **). Одинъ изъ депутатовъ (Edmond Théry) указывалъ въ палатѣ во время преній по поводу законопроекта 1894 г., что французская рабочая семья переплачиваетъ на хлѣбѣ около 90 франковъ въ годъ, такъ какъ килограммъ печенаго хлѣба стоитъ во Франціи на 5 и на 10 сантимовъ дороже, чѣмъ въ Англіи и Бельгіи.

Но мы знаемъ, что ввозныя пошлины на пшеницу, установленныя во Франціи, преслѣдуютъ болѣе общія и отдаленныя цѣли. Ихъ главная задача—предотвратить паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, причиною котораго является, по мнѣнію протекціонистовъ, иностранная конкурренція, перепроизводство хлѣба въ Россіи, Америкѣ или Индіи. Поставить преграду наплыву иностраннаго хлѣба, значитъ гарантировать устойчивость внутренняго хлѣбнаго рынка и спасти земледѣліе отъ кризиса. Такова, повидимому, неоспоримая логика протекціонистовъ. Посмотримъ, насколько она оправдывается дѣйствительностью.

Самый фактъ повсемѣстнаго паденія цѣнъ на главные продукты сельскаго хозяйства за послѣдніе 10 лѣтъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Вотъ сравнительная цѣна 100 килограммъ пшеницы въ разныхъ странахъ въ 1883 и 1894 гг.

	1883 г.	1894 г.	
Франція	24 фр. 80 с.	20 фр. 40 с.	(пошлина въ 5 фр.)
Германія . . .	22 » — »	21 » — »	(пошл. въ 6 фр. 25 с.)
Бельгія	24 » 70 »	14 » — »	
Голландія . . .	23 » 50 »	14 » 30 »	
Англія	25 » 10 »	15 » 20 »	

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ странахъ съ свободнымъ ввозомъ цѣны на пшеницу понизились за послѣдніе 10 лѣтъ на 40%.

---

*) См. *Journal officiel*, январь-февраль 1894 г.

**) «Journal de Débats» отъ 21 августа 1897 г.

То же самое слѣдуетъ сказать и по отношенію къ другимъ продуктамъ сельскаго хозяйства: мясу, маслу, вину и т. д.

Еслибы причиной этого необычайнаго и непрерывнаго паденія цѣнъ на пшеницу была иностранная конкурренція, усиленный притокъ чужеземнаго хлѣба, то очевидно, что всякому уменьшенію цѣны должно было бы соотвѣтствовать увеличеніе ввоза. Еслибы мы составили для какой нибудь страны таблицу за цѣлый рядъ лѣтъ съ указаніемъ цѣнъ и ввоза пшеницы за каждый годъ, то столбцу падающихъ цѣнъ въ этой таблицѣ долженъ былъ бы соотвѣтствовать столбецъ прогрессивно увеличивающагося ввоза. Такого рода таблицы были дѣйствительно составлены однимъ французскимъ авторомъ, довольно основательно изслѣдующимъ данный вопросъ *); но вотъ въ какомъ видѣ представляются столбцы цѣнъ и ввоза пшеницы въ этихъ таблицахъ (для болѣе удобнаго сравненія цѣны и ввозъ 1883 года приняты въ нихъ за единицу):

	Англія:		Франція:	
	цѣна:	ввозъ:	цѣна:	ввозъ:
1883 г. . . .	100	100	100	100
1884 » . . .	85	73	93	103
1885 » . . .	78	95	87	63
1886 » . . .	75	73	91	69
1887 » . . .	78	87	94	88
1888 » . . .	75	89	99	111
1889 » . . .	70	91	96	112
1890 » . . .	75	94	100	103
1891 » . . .	90	103	105	194

Мы видимъ, что эти таблицы представляютъ нѣчто противоположное тому обратному порядку, въ которомъ должны были бы расположиться цѣны и ввозъ, согласно теоріи иностранной конкурренціи; мы видимъ, что ввозъ, напротивъ того, довольно правильно слѣдуетъ за цѣнами. Въ 1891 г. въ Англіи былъ большой неурожай, и англичане ввезли много иностраннаго хлѣба; между тѣмъ цѣны на пшеницу въ этомъ году поднялись. Во Франціи цѣны поднимались подъ вліяніемъ таможенныхъ пошлинъ; но вмѣстѣ съ цѣнами увеличивался и ввозъ. Въ 1891 г. очень дурная жатва заставила Францію прибѣгнуть къ усиленному ввозу; таможенныя пошлины были понижены; но цѣны стояли всетаки болѣе высокія, чѣмъ въ 1883 г.

Если мы обратимся къ болѣе раннему періоду, то должны будемъ констатировать такое же одновременное повышеніе или пониженіе цѣнъ и ввоза. Вотъ среднія цифры для Франціи за два десятилѣтнихъ періода.

---

*) D. Zolla, «Les questions agricoles d'hier et d'aujourd'hui», 1895; «Etudes d'économie rurale», 1894.

Года.	Цѣна гектолитра пшеницы.	Ввозъ пшен. въ тыс. гектолитр.
1861 — 70 . . .	21 фр. 4 с. . . .	4.600
1871 — 80 . . .	23 » — » . . .	12.900

Мы видимъ, что во второмъ десятилѣтіи цѣны возвышались, не смотря на огромное увеличеніе ввоза. Такимъ образомъ чрезвычайно трудно допустить, чтобы цѣны на хлѣбъ понижались въ данной странѣ вслѣдствіе усиленнаго предложенія иностраннаго хлѣба; обыкновенно дѣло происходитъ такъ, что самый ввозъ иностраннаго хлѣба обусловливается усиленнымъ спросомъ на него и повышеніемъ цѣнъ. Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что, за періодъ пониженія цѣнъ на пшеницу на европейскомъ рынкѣ, ввозъ американскаго хлѣба вообще значительно уменьшился. Вотъ сравнительная таблица американскаго ввоза и цѣнъ на лондонскомъ рынкѣ съ 1873 года:

Года.	Милліоны бушелей.	Цѣны въ шиллинг.
1874 — 79	78	49
1879 — 84	157	43
1884 — 89	142	32
1889 — 92	101	32

Что касается индійскаго вывоза, то размѣры его, вообще говоря, сильно преувеличиваются. Доказательствомъ этому служитъ слѣдующая таблица, извлеченная изъ доклада О'Коннора, секретаря индійскаго правительства (количество пшеницы показано въ ней въ тоннахъ):

Года.	Вывозъ.	Года.	Вывозъ.
1881 — 82	9.900,000	1886 — 87	11.100,000
1882 — 83	7.000,000	1887 — 88	6.700,000
1883 — 84	10.400,000	1888 — 89	8.800,000
1884 — 85	7.900,000	1889 — 90	6.800,000
1885 — 86	10.500,000	1890 — 91	7.100,000
		1891 — 92	15.100,000

Въ 1880 году, по словамъ О'Коннора, вывозъ изъ Индіи не превышалъ 3,700,000 тоннъ; въ слѣдующемъ году онъ быстро возросъ вслѣдствіе окончанія постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ, уменьшившихъ издержки провоза; затѣмъ вывозъ уже почти не возрасталъ. Огромный вывозъ 1891 года — совершенно исключительное явленіе и объясняется повсемѣстнымъ неурожаемъ въ Европѣ.

Такимъ образомъ, паденіе цѣнъ на сельскіе продукты и ростъ ввоза—совсѣмъ не представляютъ двухъ параллельныхъ рядовъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, если бы объясненіе паденія цѣнъ усиленіемъ иностранной конкурренціи было правильнымъ. Нужно, слѣдовательно, искать другихъ причинъ даннаго явленія.

Одною изъ нихъ—и несомнѣнно одною изъ самыхъ крупныхъ—является уменьшеніе стоимости производства продуктовъ сельскаго хозяйства или стоимости доставки на мѣсто потребленія. По отношенію къ послѣдней это уменьшеніе не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; оно прямо связано съ огромными техническими усовершенствованіями въ области средствъ сообщенія. По самымъ точнымъ отчетамъ, доставляемымъ англійскому *Board of trade*, привозъ одной тонны пшеницы изъ Санъ-Франциско въ Ливерпуль стоилъ въ 1880 г. 78 франк. 10 сант., а въ 1890 г.—46 фр. 85 с.; это пониженіе стоимости провоза на 60% выразится уменьшеніемъ стоимости доставляемой изъ Америки пшеницы на 3 франка на каждыхъ 100 килограммахъ. Такое же прямое вліяніе на стоимость сельскихъ продуктовъ имѣетъ открытіе болѣе плодородныхъ земель и введеніе болѣе усовершенствованныхъ орудій производства. Это—прямые результаты научнаго и промышленнаго прогресса; въ примѣненіи къ одному изъ необходимѣйшихъ для человѣческой жизни продуктовъ они неизбѣжно ведутъ къ улучшенію матеріальнаго существованія человѣка. Пшеница, бывшая прежде предметомъ роскоши, вошла, благодаря своей относительной дешевизнѣ, во всеобщее употребленіе, сдѣлалась предметомъ первой необходимости въ большинствѣ европейскихъ странъ; это культурное пріобрѣтеніе, полезность котораго не подлежитъ сомнѣнію, иллюстрируется слѣдующей таблицей ежегоднаго средняго потребленія пшеницы каждымъ французомъ:

1831 — 1841 г.	. . . . .	1,64	гектолитра.
1842 — 1851 »	. . . . .	1,86	»
1852 — 1861 »	. . . . .	2,03	»
1862 — 1871 »	. . . . .	2,19	»
1872 — 1881 »	. . . . .	2,50	»

Съ этой точки зрѣнія трудно понять даже самую постановку вопроса о дешевомъ хлѣбѣ, какъ объ общественномъ бѣдствіи, вынуждающемъ экстренныя мѣропріятія со стороны государства. Трудно понять, почему земледѣліе нуждается въ огражденіи его отъ естественныхъ и неизбѣжныхъ послѣдствій развитія производительныхъ силъ. Борьба съ тѣми постоянными причинами, которыми обусловлено общее пониженіе стоимости производства, это—борьба съ научнымъ и промышленнымъ прогрессомъ, съ завоеваніями человѣка въ области внѣшней природы; это—новая китайская страна, ограждающая страну отъ успѣховъ науки и техники.

Единственная раціональная постановка вопроса въ данномъ случаѣ должна была бы обусловливаться стремленіемъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію экономическихъ выгодъ, достигаемыхъ современной техникой и географическими открытіями, между отдѣльными странами или между отдѣльными гражданами; но мы уже видѣли, что французскіе покровительственные хлѣбные законы ни-

сколько не касаются международныхъ экономическихъ отношеній и имѣютъ вліяніе исключительно на внутреннюю экономическую жизнь страны; мы видѣли также, въ какой мѣрѣ они способствуютъ равномѣрному распредѣленію въ области внутренняго производства, перекладывая сотни милліоновъ франковъ изъ кармановъ огромнаго большинства потребителей въ карманы сравнительно небольшого числа крупныхъ сельскихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ.

Намъ врядъ-ли стоитъ останавливаться на послѣднемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самомъ демократическомъ аргументѣ французскихъ покровителей сельскаго хозяйства, утверждающихъ, что, поддерживая на болѣе высокомъ уровнѣ доходъ сельскихъ хозяевъ, они даютъ послѣднимъ возможность не уменьшать числа занятыхъ въ земледѣліи рабочихъ и ихъ заработка. Въ странѣ, гдѣ въ населеніи такъ сильно развито стремленіе къ арендованію или пріобрѣтенію мелкихъ участковъ земли, всякое пониженіе ея доходности, а слѣдовательно и земельной ренты и продажной цѣны на землю, несомнѣнно сопровождалось бы увеличеніемъ числа мелкихъ сельскихъ хозяевъ; полное обезцѣненіе земли, теоретически, должно было бы привести къ переходу ея въ руки всѣхъ желающихъ обработывать ее для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей; кромѣ того и теорія, и практика безусловно отрицаютъ какое-либо соотношеніе между повышеніемъ предпринимательской прибыли и повышеніемъ рабочей платы; послѣдняя опредѣляется иными причинами и регулируется иными законами. Во французскомъ парламентѣ многіе ораторы указывали на тотъ несомнѣнный фактъ, что введеніе высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ не отразилось никакимъ повышеніемъ на платѣ сельскихъ рабочихъ. Въ періодъ отъ 1850 до 1875 года, при сильномъ и долговременномъ возростаніи хлѣбныхъ цѣнъ, сельскіе хозяева и землевладѣльцы переживали счастливыя времена и реализировали огромные барыши; но накоплявшіяся ими тогда богатства не оказывали никакого вліянія на уровень рабочей платы; это доказано оффиціальными статистическими данными. Съ другой стороны, утверждая, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ составляетъ бѣдствіе и для сельскихъ рабочихъ, понижая ихъ заработную плату, протекціонисты впадаютъ въ противорѣчіе, такъ какъ самое требованіе высокихъ пошлинъ основывается ими на томъ, что паденіе цѣнъ на хлѣбъ не сопровождается уменьшеніемъ рабочей платы, не вознаграждется пониженіемъ стоимости производства.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что установленіе хлѣбныхъ пошлинъ во Франціи не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ страны; оно можетъ быть объяснено только чисто классовыми, политическими соображеніями, на которыя указывалъ въ цитированной нами рѣчи бывшій радикальный депутатъ.

«Вопросъ о таможенномъ покровительствѣ земледѣлію, говоритъ

авторъ изъ совсѣмъ другого лагеря *), чисто политическая проблема. Мы никогда не понимали, какъ могли такъ долго дебатироваться относящіеся сюда экономическіе вопросы. На нашъ взглядъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что таможенныя пошлины равносильны налогу на потребленіе, составляющему, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой своей части, субсидію въ пользу извѣстнаго числа производителей. Вотъ что говорятъ намъ факты, и совершенно безполезно создавать себѣ иллюзію, вдаваясь по этому поводу въ аргументацію относительно выгодъ или неудобствъ протекціонизма и свободной торговли».

П. Б.

Лондонскіе «левіаѳаны».

(Письмо изъ Англіи).

I.

Всякій помнитъ, конечно, какое близкое участіе въ истанвильскихъ выборахъ («Пикквикъ») принимали двѣ мѣстныя газеты: *Истанвильская Газета* и *Истанвильская Независимость*. А если такъ, то навѣрное помнитъ и горячую полемику двухъ почтенныхъ редакторовъ: «Нашъ недостойный современникъ»; «Подлая и глупая *независимость*»; «Лживая и богопротивная макулатура, именующая себя *газетой*»; «Лохань клеветы и мерзости—*независимость*» и т. д. Таковы были полемическіе образцы. Предположимъ, что теперь, въ лѣто 1898, воскресъ бы мистеръ Пикквикъ и что за завтракомъ, вмѣстѣ съ «bacon and eg», которыя англичане ѣли еще, вѣроятно, при Вильгельмѣ-Завоевателѣ, и будутъ ѣсть безъ сомнѣнія и въ XXII вѣкѣ, что вмѣстѣ съ «bacon and eg» мистеръ Уэллеръ подалъ хозяину свѣжія газеты. Мистеръ Пикквикъ, который зналъ прессу времени *Истанвильской Газеты*, былъ бы прямо пораженъ, развернувъ пахнущіе типографской краской огромные листы Standart'a, Daily News, Daily Chronicle, Daily Telegraph или же другого изданія. Поразительная масса свѣдѣній, солидность и корректность, спокойствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ сила тона, безпристрастность—все это совсѣмъ смутило бы нашего героя, у котораго въ памяти свѣжи еще были передовыя статьи мистера Пота по поводу избранія Слэмки и Фицкина. Исчезли безъ слѣда не только

---

*) D. Zolla, ведущій сельско-хозяйственную хронику въ «Journal des Débats»; «Revue agricole» отъ 25 сентября 1897 г.

такія полемическія красоты, какъ «obscure and filthy contemporary», «dastardly contemporary» и проч., которыми пестрѣли англійскія газеты 60 лѣтъ тому назадъ; но упразднилась окончательно всякая грубость языка. Предположимъ, что мистеръ Пикквикъ только что пріѣхалъ съ континента, прямо изъ Парижа, гдѣ все время читалъ «патріотическія» газеты. Не смотря на свое знакомство съ французскимъ языкомъ, мистеру Пикквику тамъ приходилось постоянно рыться въ словарѣ при чтеніи газетъ. Его очень удивляло, что и въ словарѣ или же вовсе нѣтъ тѣхъ эпитетовъ, которыми полемисты обрываютъ другъ друга, или же, если есть, то рядомъ обозначено: «крайне площадное». Ничего подобнаго мистеръ Пикквикъ не могъ бы встрѣтить въ англійской газетѣ. Когда журналисту приходится сказать: «это ложь», онъ говоритъ: «мы должны были бы употребить слово, состоящее изъ трехъ буквъ» (Lie). Англійскій публицистъ, который попробовалъ бы писать языкомъ «патріотическихъ» газетъ, имѣлъ бы не много читателей въ Англіи. Мистеръ Пикквикъ зналъ, что слабостью его времени было то, для обозначенія чего современные англичане придумали новое слово toadism (отъ toad—жаба), т. е. рабское пресмыканіе передъ отдѣльными личностями. Въ левіаѳанахъ, т. е. въ большихъ утреннихъ газетахъ этотъ toadism исчезъ безъ слѣда. Консервативный Standart очень высоко ставитъ Салисбюри; но тѣмъ не менѣе 3 февраля выступилъ противъ него съ убійственной статьей, подъ которой охотно бы подписался самый крайній представитель оппозиціи. Эта критика тѣмъ сильнѣе, что тонъ статьи сдержанный, безпристрастный. Авторъ, прежде всего, корректный джентельмэнъ. Да, очень многое перемѣнилось въ англійской прессѣ за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. И если мѣриломъ культуры, какъ говорятъ, является степень уваженія къ чужой личности, то Англія едва ли не самая культурная страна во всемъ мірѣ.

Мнѣ хотѣлось бы въ бѣглыхъ чертахъ набросать характеристики большихъ лондонскихъ газетъ, левіаѳановъ, какъ ихъ здѣсь называютъ. Если о газетахъ, какъ объ отраженіяхъ политической жизни Англіи, говорилось уже не разъ въ русской печати, то за то гораздо меньше сообщалось о томъ бытовомъ матеріалѣ, который заключается въ каждомъ нумерѣ газеты.

Англійской прессѣ пришлось выдержать долгую и упорную борьбу, которую историки называютъ «священной войной за просвѣщеніе». Послѣ того, какъ сдѣлалось невозможнымъ отсѣкать журналистамъ руки или же выставлять авторовъ у позорнаго столба,— придуманъ былъ «налогъ на просвѣщеніе», такъ называемый stamp duty, съ цѣлью затруднить циркуляцію газетъ среди массъ. Налогъ состоялъ изъ пошлины въ 4 пенса на каждый нумеръ газеты да изъ четырехъ пенсовъ на каждый фунтъ бумаги. Эта мѣра вначалѣ была придумана королевой Анной въ 1712 г. При ней налогъ равнялся одному пенни на листъ. Георгъ II прибавилъ еще

полнении, Георгъ III накинулъ, въ свою очередь, два фартинга, потомъ еще столько и еще до тѣхъ поръ, пока stamp duty не достигъ четырехъ пенсовъ. Въ началѣ 1830 г. Times, Morning Chronicle, Herald—продавались по семи пенсовъ за нумеръ; цѣна была на столько высока, что чтеніе газетъ могли себѣ разрѣшать лишь люди богатые. Съ другой стороны, налогъ на бумагу дѣлалъ книги страшно дорогими. Лучшей иллюстраціей можетъ служить попытка Чарльса Найта (Knight) издать народную энциклопедію (Penny Encyclopaedia). Она выходила выпусками, продававшимися по пенни. Въ исторіи развитія англійскаго общества энциклопедія Найта занимаетъ почетное мѣсто. Издатель довелъ дѣло до конца, но потерпѣлъ убытковъ 32 тысячи ф. Изъ нихъ 30 тыс. ф. составлялъ налогъ на бумагу. Интересны еще слѣдующія цифры. Въ 1833 г. англійское правительство тратило ежегодно на народное просвѣщеніе всего лишь 20 тыс. ф. ст. Это составляло лишь *одну пятидесятую* часть той суммы, которую оно взимало въ видѣ «налога на просвѣщеніе». Въ концѣ прошлаго вѣка возродилась было памфлетная литература; авторы хотѣли сдѣлать ее орудіемъ борьбы, какъ во времена Свифта и Дефо; но налогъ поспѣшили распространить не только на газеты, а и на брошюры, содержащія какія бы то ни было замѣчанія о церкви или же о государствѣ и продающіяся по цѣнѣ ниже, чѣмъ шесть пенсовъ. Еще въ прошломъ столѣтіи происходила война за «неклейменную» печать. Не смотря на законъ, предписывавшій печатникамъ дѣлать немедленное донесеніе о всякой рукописи, поступающей въ типографію, и объ авторѣ ея,—въ Лондонѣ постоянно появлялись дешевыя, не обложенныя налогомъ газеты, продававшіяся контрабандой. Но война тогда велась, такъ сказать, партизанскимъ путемъ. Систематическій же походъ совпадаетъ съ моментомъ перваго вступленія на арену общественной жизни Англіи демократіи, т. е. послѣ реформы 1832 г. Тогда проповѣдниками необходимости отмѣны «налога на просвѣщеніе» явились д-ръ Биркбекъ и Чадвикъ, основатели первой народной академіи въ Лондонѣ. Начавшееся вскорѣ чартистское движеніе популяризовало идею среди массъ. Чартисты пользовались для этого всѣми путями: памфлетами, митингами, церковными проповѣдями и пр., вплоть до пѣсенъ.

Вскорѣ явились борцы другого типа, поражающіе своею настойчивостью. Кто то сравнилъ англичанъ съ ихъ огромными собаками-бульдогами. Если послѣдніе вцѣпятся въ кого нибудь, то вы можете бить ихъ, можете даже рѣзать на куски, но все безполезно: бульдоги не оторвутся, челюсти ихъ застыли. Такое же упорство, по словамъ автора аналогіи, проявляютъ сами англичане, когда имъ приходится отстаивать какую нибудь прерогативу. Ту же «бульдожью» настойчивость проявили первые борцы за «неклейменную» печать. Къ нимъ относились, какъ издатели и авторы, такъ и сотни преданныхъ разносчиковъ. Ихъ арестовывали, отбирали

«контрабанду», сажали въ тюрьму, облагали штрафами, раззоряли типографіи; но вмѣсто осужденыхъ являлись новые «контрабандисты»; штрафъ вносился доброхотными жертвователями; вмѣсто раззоренныхъ типографій возникали новыя. Однимъ изъ самыхъ выдающихся борцовъ за «не клейменную печать» является Генри Хетерингтонъ (Hetherington), отецъ народной журналистики въ Англіи. Онъ родился въ Лондонѣ въ 1792 г. По происхожденію онъ принадлежалъ къ богатому классу мелкаго дворянства (Gentry). Безъ сомнѣнія, Хетерингтонъ является также однимъ изъ первыхъ по времени представителей «кающагося дворянства» въ Англіи. Подобные люди вносятъ въ то, что они считаютъ истиной, необыкновенную страстность. Въ молодости онъ свелъ знакомство съ Робертомъ Оуэномъ, пламеннымъ поклонникомъ котораго остался на всю жизнь. Намъ, жителямъ континента, трудно себѣ даже представить то громадное впечатлѣніе, которое произвелъ въ Англіи на два поколѣнія авторъ «Образованія человѣческаго характера». Изучая исторію движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, знакомясь съ тредъ-юніонизмомъ и съ англійскими коопераціями, мы безпрерывно наталкиваемся на дѣятелей, на міровоззрѣніе которыхъ рѣшительное вліяніе имѣлъ Оуэнъ. Въ октябрѣ 1830 г. Хетерингтонъ основалъ еженедѣльную безштемпельную газету «Penny Papers for the People», типографія которой была раззорена въ концѣ того же года. Тогда Хетерингтонъ сталъ издавать новый журналъ. То былъ «The Poor Man's guardian», лучшая изъ всѣхъ народныхъ газетъ, когда либо выходившихъ въ Англіи. Девизомъ редакторъ выставилъ: «Knowledge is Power» (знаніе—сила). Газета состояла всего лишь изъ четырехъ страницъ. Она сообщала въ сжатомъ видѣ политическія новости; но большинство статей были посвящены крайне рѣзкой (и не всегда справедливой) критикѣ дѣятельности тори и виговъ. Злобный, грубый тонъ нѣкоторыхъ статей объясняется тѣми преслѣдованіями, которыя выпали на долю газеты съ перваго же дня ея нарожденія. Теперь, когда англійскіе журналисты могутъ свободно критиковать поступки правительственной партіи, не рискуя ни тюремнымъ заключеніемъ, ни огромнымъ штрафомъ,—совершенно невозможенъ тотъ, подчасъ неприличный языкъ, которымъ писалъ Хетерингтонъ. «Шайка подлыхъ предателей»,—таковъ былъ синонимъ виговъ. «Свора выжившихъ изъ ума злобныхъ идіотовъ»—значило—тори. Совсѣмъ, какъ видите, такая же терминологія, какъ у того свифтовскаго ученаго, который объясняетъ, какъ слѣдуетъ находить ключъ къ чужой перепискѣ. По его опредѣленію, «чума» значитъ—постоянная армія, «хромая собака»—завоеватель, «стадо гусей»—сенатъ, «сарычъ»—первый министръ, и т. д. Вмѣстѣ съ абсолютной свободой прессы, какъ я сказалъ, явилась необыкновенная «корректность» въ выраженіяхъ и исчезла безъ слѣда грубая перебранка, именуемая полемикой. Владѣльцы книжныхъ магазиновъ отказались взять на коммиссію

газету Хетерингтона. Онъ навербовалъ цѣлый правильный отрядъ преданныхъ дѣлу разносчиковъ, которые сбывали контрабанднымъ путемъ газету на улицахъ Лондона, а, главнымъ образомъ, на форумѣ столицы, въ Гайдъ—Паркѣ. Много изворотливости и ловкости проявили тогда какъ полицейскіе агенты, такъ и разносчики Хетерингтона: одни—при выслѣживаніи и изловленіи контрабанды, другіе—при сбытѣ ея. Очень часто изъ дверей типографіи выносили огромные тюки съ надписью: «Poor Man's guardian». Полицейскіе агенты, принимая это за грузъ съ контрабандными нумерами, вступали въ бой съ артельщиками; между тѣмъ, пачки съ настоящими газетами выносились черезъ заднія двери сквозь слуховое окно на крышу. Когда агенты хорошо узнали этотъ способъ, Хетерингтонъ придумалъ другой. Къ сосѣднему дому пріѣзжали погребальныя дроги; изъ дверей выносили гробъ съ покойникомъ; затѣмъ процессія уѣзжала. Агенты, слѣдившіе за типографіей, рѣшительно не могли догадаться, что въ гробу, вмѣсто покойника, лежатъ пачки съ газетами. Программа «Poor Man's guardian», которая тогда приводила въ ужасъ робкихъ людей, теперь почти цѣликомъ принята не только радикалами, но даже министерской партіей. Хетерингтонъ былъ, наконецъ, арестованъ, а типографія разорена; но вмѣсто одной газеты—возникла другая «Police Gazettes», основанная Кливомъ (Cleave). Она вскорѣ достигла громаднаго распространенія. Кливъ дважды былъ присужденъ къ тюремному заключенію; но арестъ не сломилъ энергіи издателя. Вмѣсто Police Gazettes, онъ основалъ другое изданіе—«Gauntlet». Примѣръ оказался соблазнительнымъ. Въ 1833 г. Ватсонъ основалъ безпошлинную газету «The Working Man's Friend», затѣмъ появился Political Magazine—Вильяма Карпентера. Вышедшій изъ тюрьмы Хетерингтонъ основалъ одинъ за другимъ рядъ журналовъ: «The Republican», «The twopenny despatch» и др. По стопамъ Хетерингтона и Клива пошли издатели умѣренныхъ, а иногда и чисто научныхъ изъ журналовъ: Lancet, Literary Gazette, Athenaeum, Legal observer. На налогъ на просвѣщеніе или, какъ выражались тогда, на «гербовую марку» посыпались жалобы и протесты въ печати со всѣхъ сторонъ. Одинъ остроумный журналистъ тридцатыхъ годовъ въ своей газетѣ «Atlas» выступилъ со слѣдующей діатрибой. Англичанинъ это—животное, облѣпленное гербовыми марками,—писалъ онъ.—«Англичанинъ татуированъ гербовыми штемпелями съ головы до пятокъ; онъ не можетъ ступить ни шагу, чтобы не стукнуться головой о гербовый сборъ, и прежде, чѣмъ добиться до какого нибудь положенія, онъ долженъ затратить на гербовыя марки столько, сколько не накопитъ во всю жизнь. Гербовая марка проникла всюду и цѣпко ухватилась за все. Порой, она покушается даже на не вещественное: на человѣческое воображеніе, на призваніе, болѣзни и упованія, на удовольствія и страданія. Она прилѣпилась къ его привязанностямъ. Даже на любовь налѣплена

гербовая марка. Джентельмэнъ не можетъ жениться, не признавъ предварительно всесилія гербовой марки. Англичанинъ рожденъ, повидимому, только для того, чтобы на него налѣпили марку. Для этого онъ живетъ. Для этого онъ думаетъ. Съ нею онъ отправляется въ лучшій міръ».

Безпошлинная пресса, т. е. газета для народа, находила все большее и большее число сторонниковъ. Въ числѣ ихъ мы видимъ Кобдена, недавно умершаго «отца парламента» Вилліерса, Джибсона и др. Въ 1849 г. парламенту подана была петиція «объ избавленіи прессы отъ всякаго налога и административнаго контроля». Среди подписавшихъ петицію мы находимъ имена Брайта, Льюиса, Герберта Спенсера, Милля, Кобдена и др. Судъ бывалъ поставленъ въ затруднительное положеніе накладывать штрафы на безпошлинныя изданія, принадлежавшія такимъ популярнымъ редакторамъ, какъ Диккенсъ. Наказанія вызывали сильное негодованіе въ публикѣ. Общественное мнѣніе все болѣе и болѣе крѣпло. Тогда правительственная партія пошла на уступку. Ею принята была полумѣра. Штемпельный налогъ уменьшили до одного пенни, а налогъ на бумагу до $1^1/_2$ пенсовъ съ фунта. Имѣлось въ виду успокоить средніе классы и въ то же время сдѣлать газеты на столько дорогими, чтобы онѣ не могли циркулировать среди массъ. Times, Morning Chronicle, Standard и другіе «левіаѳаны» ежедневной прессы понизили цѣну за нумеръ до 5 пенсовъ. Постоянные читатели были, конечно, очень довольны; но, въ то же время, цѣна была слишкомъ высока для народа. Началась новая агитація въ пользу отмѣны всякаго налога. Она продолжалась шесть лѣтъ. Въ 1855 г. «священная война», продолжавшаяся болѣе ста лѣтъ, окончилась полной побѣдой журналистовъ. Парламентъ отмѣнилъ, какъ штемпельный налогъ, такъ и налогъ на бумагу. Цѣна нумера сразу упала до 1 пенни. Возникли сразу сотни новыхъ изданій. Газета стала достояніемъ массъ, въ особенности, когда впослѣдствіи возникла еще болѣе дешевая, полупенсовая газета. Съ 1855 года начинается новая эпоха въ исторіи англійской періодической печати.

II.

Англійская газета поражаетъ богатствомъ содержанія: политическія свѣдѣнія со всѣхъ концовъ міра, переданныя по телеграфу собственными корреспондентами, хроника жизни столицъ континента, и затѣмъ отчеты, отчеты и отчеты: о засѣданіи въ парламентѣ, о выдающейся лекціи, о вчерашнемъ миттингѣ, о рабочемъ движеніи, о крокетной партіи, о дѣлахъ въ полицейскихъ судахъ, о новыхъ налогахъ и т. д. Отчеты написаны обстоятельно, сжатымъ хорошимъ и яснымъ языкомъ. Англичанинъ, прежде всего, требуетъ отъ своей газеты безпристрастія, а затѣмъ—фактовъ. Ему не нужны личныя соображенія и впечатлѣнія составлявшаго отчетъ. Въ се-

годняшнемъ нумерѣ, напримѣръ, Daily Chronicle я читаю цѣликомъ рѣчь Чемберлена, въ которой министръ колоній по адресу радикальной партіи, близкой газетѣ, говоритъ слѣдующее: «Я припоминаю анекдотъ изъ жизни французскаго драматурга, вычитанный мною въ забавной книгѣ, называющейся «The Curiosities of Literature» и написанной отцомъ покойнаго лорда Биконсфильда. Пріятель зашелъ къ нему тогда, когда писатель дремалъ за столомъ. Драматургъ страшно озлился.

— Что съ вами? спрашиваетъ пріятель.

— Вы помѣшали мнѣ какъ разъ въ одну изъ счастливѣйшихъ минутъ въ моей жизни. Мнѣ снилось, какъ разъ, что я повѣсилъ одного министра и прогналъ другого, который отмѣнный идіотъ». «Джентельмэны,—продолжалъ Чемберлэнъ,—мнѣ кажется, что наши оппоненты тоже наслаждаются подобными призраками. Было бы жестокостью разбудить ихъ. Въ силу этого, я ограничусь только слѣдующимъ заявленіемъ: даже еслибы мы были такъ же черны, какими насъ рисуютъ, я не знаю, что бы вы выиграли, повѣсивъ насъ и посадивъ оппозицію на наше мѣсто.» Въ то же время ультра-консервативная «С. Джемсова Газета» печатаетъ безъ урѣзокъ или же примѣчаній рѣчь Камбеля-Баннермана, въ которой министерская партія изображается «правительствомъ пѣшекъ и субсидій», «деревенской уродливой бабой, которая, подбоченившись, гордо любуется на самое себя въ зеркалѣ.» Въ одной изъ десятка leading articles (передовыхъ статей), помѣщенныхъ на четвертой страницѣ, каждая газета, конечно, даетъ свои комментаріи; но въ рѣчи она не сократитъ ничего, не убавитъ ни одного слова, и тѣмъ болѣе не вставитъ злобной отсебятины, какъ это дѣлаютъ, напр., французскіе и еще кое какіе другіе журналисты. Голова англійскаго читателя устроена такъ, какъ и его желудокъ: послѣдній перевариваетъ огромные куски сырого ростбифа и чудовищные ломти жирнаго пуддинга, приводящіе въ ужасъ обитателя континента. То же самое и съ чтеніемъ. «Вали все—потомъ разберемъ», могъ бы сказать англійскій читатель. Умъ его работаетъ безпрерывно; но его мысль не любитъ скачковъ, не терпитъ быстрыхъ обобщеній. Ему нужна масса фактовъ, чтобы вывести какое нибудь заключеніе. За то, сдѣлавъ его, англичанинъ затратитъ всѣ силы, чтобы провести въ жизнь, конечно, парламентскимъ путемъ, ту мѣру, которую считаетъ необходимой. Отчеты, пестрѣющіе цифрами, «синія книги», журналы, газеты доставляютъ англійскому читателю цѣлый ворохъ, повидимому, неудобоваримаго матеріала; но голова читателя справится со всѣмъ этимъ. Англійскій серьезный читатель, т. е. не джинго, терпѣть не можетъ газетнаго «политиканства» и гаданія, что будетъ. Do not lose your head!» (Не теряйте голову!) внушительно говоритъ отецъ сыну, когда тотъ начинаетъ суетиться. Потерять голову считается почти постыднымъ. Тотъ же совѣтъ подалъ бы, навѣрное, серьезный читатель, если бы «his paper» (его газета) вдругъ вы-

палила трескучую передовую статью на тему: «въ воздухѣ запахло порохомъ» (я говорю не о мелкой прессѣ). «St. James's Gazette» попробовала было на дняхъ озаглавить сообщенія съ крайняго востока: «Война въ виду». Левіаѳаны сдѣлали газетѣ своего рода внушеніе, которое можетъ быть формулировано: «Do not lose, your head, my dear!» Англійскимъ серьезнымъ газетамъ совершенно почти неизвѣстно, какъ можно въ виду тенденціозныхъ или же партійныхъ цѣлей замолчать тотъ или другой важный фактъ или передать его, сгустивъ краски.

Теперь познакомимся нѣсколько ближе съ левіаѳанами англійской ежедневной печати.

Съ какой же газеты начать? Конечно, въ первую голову слѣдуетъ поставить знаменитый *Times*. «Кто говоритъ *Times*, тотъ называетъ одно изъ чудесъ, созданныхъ цивилизаціей,—писалъ авторъ Lettres sur l' Angleterre. Что за удивительная сила *Times*! Вы, онъ, я,—кто лишь сотрудничаетъ въ этой газетѣ, могутъ доставить много волненій первому министру или даже потентату».

Правда, писано это было тридцать лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ утекло много воды, многое перемѣнилось и много англичанъ скептически пожали бы теперь плечами, прочитавъ про органъ Сити восклицаніе Луи Блана: «Quel formidable pouvoir que celui du *Times*!» Но такъ какъ въ Россіи фонды газеты стоятъ такъ же прочно, какъ и прежде, то я и начну съ *Таймса*. «Газета быстро стала органомъ міра,—писалъ много лѣтъ тому назадъ остроумный англійскій журналистъ Kinglake.—Къ ней стали обращаться люди, искавшіе защиты въ какой бы то ни было формѣ. Король, требовавшій утерянный престолъ, лакей, искавшій мѣста, мать, потерявшая на улицѣ ребенка,—всѣ обращались къ *Таймсу*. Туда бѣжало безуміе и тамъ имѣло свиданіе съ мудростью. Туда направлялся благородный гнѣвъ, туда же стремилась и низкая ненависть и злоба. И нація безпристрастно выслушивала всѣхъ и постановляла свой безапелляціонный приговоръ. Словомъ, *Таймсъ* былъ «азилемъ» для угнетенныхъ всего міра... О *Таймсѣ* говорятъ, какъ объ ангелѣ, какъ объ героѣ, какъ о демонѣ, какъ о святомъ, какъ о грѣшникѣ, мѣсто котораго въ аду. «*Таймсъ* защититъ его». «*Таймсъ* взбѣшенъ» «*Таймсъ* обличаетъ». «Чтобъ чертъ побралъ *Таймсъ*: онъ—причина всего зла». Подобныя выраженія никого не изумляютъ».

Громкую и почетную міровую славу *Таймсу* доставило когда-то его безпристрастіе и то, что онъ тогда стоялъ на стражѣ общественныхъ интересовъ. При защитѣ послѣднихъ онъ не отступалъ рѣшительно ни передъ чѣмъ. Покойный принцъ супругъ встрѣчалъ всегда въ *Таймсѣ* твердую оппозицію стремленіямъ быть больше, чѣмъ супругомъ королевы. Для газеты не было противника, стоящаго слишкомъ высоко. Въ защитѣ и въ отстаиваніи интересовъ публики *Таймсъ* тогда, дѣйствительно, задавалъ тонъ всей англійской прессѣ, leading journal которой онъ былъ. Безъ

сомнѣнія, интересы Сити и тогда были особенно близки газетѣ; но въ англійской печати *Таймсъ* первый предпринялъ крестовый походъ противъ чрезмѣрнаго обремененія работой дѣтей на фабрикахъ. Газета снарядила спеціальныхъ инспекторовъ, и отчеты ихъ привели тогда въ ужасъ англійское общество. *Таймсъ* писалъ тогда о семилѣтнихъ дѣтяхъ, приносимыхъ въ жертву тысячами, потому что пальчики ихъ тонки и могутъ быстро связывать порванныя шелковыя нити на ткацкихъ станкахъ; онъ писалъ о малюткахъ, прикованныхъ по семнадцати часовъ въ сутки къ ручкамъ колеса станка, засыпающихъ на работѣ, но и во снѣ продолжающихъ автоматически двигать руками. Инспекторы *Таймса* сообщали невѣроятныя вещи. Въ Нортумберландѣ спускались въ шахты пятилѣтнія дѣти, которыя свѣтили фонаремъ своимъ отцамъ во время работы. Газета говорила о цѣлыхъ округахъ, населеніе которыхъ въ умственномъ отношеніи стоитъ врядъ ли выше троглодитовъ. Это было время, когда передовыя статьи писалъ Джонъ Стерлингъ, «the thunderer», громовержецъ, какъ прозвали его. Въ *Таймсѣ* встрѣчался отпоръ такимъ откровенно высказаннымъ мнѣніямъ, въ родѣ слѣдующаго: «Наша мануфактурная чернь забрала себѣ въ голову мысль, что, какъ англичане, они имѣютъ природное право на обладаніе особенной привилегіей: быть свободнѣе и независимѣе работниковъ какой бы то ни было другой страны Европы». «Можно сказать положительно,—продолжалъ тотъ же авторъ,—что чѣмъ меньше будетъ такихъ же идей въ головахъ нашихъ мануфактурныхъ работниковъ, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ самихъ, и для государства. Работники не должны никогда считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ». *Таймсъ* тогда далъ суровую отповѣдь проповѣднику замаскированнаго рабства... А когда недавно въ англійскую печать проникли извѣстія о томъ, что дѣлаетъ «Charted Company» въ Родезіи (западной Африкѣ); когда стало извѣстнымъ, что биржевики, во власти которыхъ находится страна, ввели формальное рабство и отдаютъ инородцевъ фермерамъ въ кабалу на пять лѣтъ—тотъ же органъ Сити выступилъ съ теоріей, что цивилизація (носителемъ которой является Сесиль Родсъ и бывшій клоунъ Барней Барнато) не можетъ жить рядомъ съ первобытностью. Такова ужъ судьба дикарей—погибнуть и быть рабами, сентенціозно заявляла газета.—Это непреложный законъ исторіи, необходимый фазисъ прогресса, противъ котораго (фазиса) напрасно возстаютъ праздные обличители. Къ послѣднимъ газета, между прочимъ, причислила Олива Шреннеръ, автора сильнаго и энергичнаго памфлета—романа «Trooper Peter Halkot from Mashonaland». Какъ видите, взгляды газеты радикально измѣнились.

Въ своихъ «письмахъ изъ Avenue Marigny», помѣщенныхъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ «Современникѣ», Искандеръ проводитъ остроумную параллель между Фигаро—французской буржуазіей—двухъ различныхъ эпохъ. Во время Бомарше Фигаро былъ

внѣ закона, въ наше время Фигаро законодатель. Тогда онъ былъ бѣденъ, униженъ, стягивалъ по немногу съ барскаго стола и оттого сочувствовалъ голоду и въ смѣхѣ его скрывалось много злобы; теперь его Богъ благословилъ всѣми дарами земными, онъ обрюзгъ, отяжелѣлъ, ненавидитъ голодныхъ и не вѣритъ въ бѣдность, называя ее лѣнью и бродяжничествомъ. У обоихъ Фигаро общее собственно одно—лакейство, но изъ подъ ливреи Фигаро стараго видѣнъ человѣкъ, а изъ подъ чернаго фрака Фигаро новаго проглядываетъ ливрея, и, что хуже всего, онъ не можетъ сбросить ее, какъ его предшественникъ, она приросла къ нему такъ, что ее нельзя снять безъ его кожи.

Такую же параллель можно было бы провести между англійскимъ собратомъ Фигаро, съ тою лишь разницею, что тотъ никогда не былъ лакеемъ: его шея слишкомъ крѣпка и неповоротлива для поклоновъ. Англійскій собратъ Фигаро былъ маленькимъ банкиромъ и держалъ мѣняльную лавку на Ломбардской улицѣ въ Сити. Въ молодости ему пришлось много поработать. Его тогда звали Николаемъ Никельби. Онъ и тогда твердо и неукоснительно шелъ по пути къ обогащенію, но сердце его было молодо: онъ сочувствовалъ и несчастному, забитому Спайку, и горькому пропойцѣ, и дѣтямъ, которыхъ мучитъ грубый педагогъ, которому, собственно, мѣсто въ одиночной камерѣ каторжной тюрьмы. Но чѣмъ болѣе богатѣлъ и старѣлся Николай Никельби, тѣмъ все больше и больше превращался онъ въ грубаго, жестокаго, узко эгоистичнаго Ральфа Никельби. Теперь онъ уже самъ не понимаетъ, какъ могъ водить когда то дружбу со Спайками, для которыхъ, собственно говоря, лучшее мѣсто—рабочій домъ, да не простой, а «идеальный». Вотъ какъ рисовалъ одинъ изъ Ральфовъ Никельби эту «идиллію». «Для искорененія лѣности, распутства и романтическихъ бредней... для уменьшенія налога въ пользу бѣдныхъ, для споспѣшествованія духу промышленности требуется an ideal workhouse (идеальный рабочій домъ). Подобный домъ долженъ быть сдѣланъ домомъ ужаса (House of Terror), а не убѣжищемъ для бѣдныхъ, гдѣ ихъ кормятъ досыта, держатъ въ теплѣ, одѣваютъ прилично и заставляютъ трудиться очень умѣренно».

Мнѣ кажется, *Таймсъ* за сто лѣтъ своего существованія является великолѣпной лѣтописью послѣдовательнаго превращенія Николая Никельби въ Ральфа Никельби. Это превращеніе будетъ замѣтно, къ какому бы частному вопросу мы ни обратились. Возьмемъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современной англійской жизни: вопросъ о самоуправленіи для Ирландіи. Николай Никельби, *Таймсъ* былого времени, предостерегалъ своихъ согражданъ; доказывалъ имъ, что *гомрулъ* долженъ быть данъ хотя бы въ виду собственной безопасности. Въ то время началась массовая эмиграція ирландцевъ въ Америку. *Таймсъ* предсказывалъ возникновеніе Новой Ирландіи за океаномъ. «Мы ото-

двинули теперь кельтовъ лишь на западъ,—писала газета.—Теперь они уже не будутъ стѣснены между рѣками Лиффи и Шанономъ, а разселятся на пространствѣ между Нью-Іоркомъ и Санъ-Франциско. Мы должны быть готовы встрѣтать Немезиду, которая придетъ карать насъ за семь вѣковъ злоупотребленія властью въ Ирландіи. Наступитъ нѣкогда день, когда сто милліоновъ народа, разселеннаго по всей поверхности одного изъ величайшихъ материковъ, отдѣленнаго отъ нашихъ береговъ лишь моремъ,—вспомнятъ, что ихъ предки платили нашимъ протестантскимъ священникамъ десятину, лордамъ-абсентеистамъ—ренту и были силой вынуждены подчиняться законамъ, которые выработали послѣдніе. Мы сами создаемъ силу, которая станетъ владычицей новаго свѣта и двухъ океановъ».

Это писалъ Николай Никельби. Ральфъ же Никельби—ожесточенный и непримиримый врагъ гомруля. Онъ преслѣдовалъ Парнеля и, чтобы погубить его, сталъ печатать знаменитую серію статей «Parnelism and crime», предпринялъ походъ, кончившійся такъ печально для газеты. Въ общихъ чертахъ, дѣло было такъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ вліяніе Парнеля было особенно сильно. Ему удалось объединить всѣ враждующія между собою ирландскія партіи и вступить въ союзъ съ гладстоніанцами. Въ это время въ *Таймсѣ* сталъ печататься рядъ статей подъ общимъ заголовкомъ: «Парнелизмъ и преступленіе», въ которомъ вождь ирландской партіи обвинялся въ томъ, что онъ одобрялъ убійство феніями въ Фениксъ-паркѣ лорда Кавендиша и секретаря его Борка. Газета напечатала даже факсимиле писемъ Парнеля. Статьи произвели потрясающее впечатлѣніе. Парнель заявилъ, что всѣ письма подложны; но газета продолжала свой походъ. Назначена была судебная коммиссія, засѣданія которой продолжались 128 дней. Адвокатамъ Парнеля удалось путемъ крайне остроумнаго перекрестнаго допроса сбить главнаго свидѣтеля газеты Пиггота. Онъ бѣжалъ въ Мадридъ, гдѣ застрѣлился. Письма были признаны подложными. Годъ тому назадъ, когда выпустили изъ каторжной тюрьмы трехъ ирландцевъ, осужденныхъ по подозрѣнію въ участіи въ феніанскомъ заговорѣ,—одинъ изъ нихъ Делли заявилъ печатно, что, во время процесса Парнеля, директоръ тюрьмы вызвалъ его, Делли, изъ камеры и обѣщалъ значительное смягченіе, если онъ дастъ нѣкоторыя сообщенія присутствующему джентельмену. Послѣдній же просилъ дать подтвержденіе, что Парнель участвовалъ въ феніанскихъ заговорахъ. Делли не далъ и не могъ дать требуемыхъ показаній. Какъ обнаружилось, джентльменъ былъ одинъ изъ членовъ редакціи *Таймса*. Въ прошломъ году разоблаченія эти произвели много шума въ англійской печати. Они, на сколько помнится, не были опровергнуты. Какъ видите, газета пустила тогда въ ходъ все, чтобы погубить своего политическаго врага. Послѣ оправданія

Парнель началъ противъ *Таймса* дѣло, обвиняя газету въ клеветѣ. *Таймсъ* долженъ былъ заплатить 5 тысячъ фунтовъ штрафа.

Итакъ, газета, бывшая когда то leading journal всей англійской прессы, теперь стала исключительно носительницей идеаловъ корпорацій Сити. Вліяніе ея на англійскую прессу теперь слабо. Газета уже давно перестала быть своего рода камертономъ, къ тону котораго внимательно прислушиваются всѣ редакціи. Это, конечно, не касается достоинства свѣдѣній, сообщаемыхъ *Таймсомъ*. Во первыхъ, у Ральфа Никельби есть своего рода профессіональная добросовѣстность, въ силу которой онъ держитъ товары лишь отмѣннаго достоинства. Во вторыхъ, читатели *Таймса* все «business-men», люди, которымъ необходимы для дѣла абсолютно вѣрныя свѣдѣнія. Изъ всѣхъ англійскихъ ежедневныхъ газетъ лишь одинъ *Таймсъ* продается по три пенса за нумеръ. Читатели его—все люди, считающіе доходы тысячами фунтовъ. Газета страшно богата. Ея иностранные корреспонденты — своего рода акредитованные посланники Сити. Ея парижскій корреспондентъ получаетъ больше, чѣмъ любой посланникъ великой державы. Благодаря своему положенію, корреспонденты *Таймса* прекрасно освѣдомлены. Каждый день по собственнымъ телеграфнымъ проволокамъ передаются ими со всѣхъ концовъ міра сжатыя хроники текущихъ событій. Тутъ и силабусъ мнѣнія прессы, и общественное настроеніе, и, порой, содержаніе проекта, который еще не вышелъ изъ министерскаго кабинета. Особенно точны свѣдѣнія изъ Парижа. Безъ сомнѣнія, по одному столбцу *Таймса* можно лучше познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Парижѣ, чѣмъ прочитавъ два десятка французскихъ газетъ. Очень хороши, такъ называемыя, «Weekly Edition of Times» еженедѣльныя изданія *Таймса*. За два пенса вы получаете огромную тетрадь, являющуюся суммой свѣдѣній, сообщенныхъ газетой за недѣлю. Тутъ всѣ политическія событія, содержанія выдающихся рѣчей, парламентская хроника, затѣмъ in extenso наиболѣе характерныя передовыя статьи *Таймса* и т. д.

Три газеты, къ которымъ я теперь перейду, являются органами трехъ главныхъ современныхъ политическихъ теченій Англіи. Со времени своего основанія въ 1827 г. *Standard* служилъ всегда органомъ консервативной партіи. Въ послѣднія двадцать лѣтъ англійскій консерватизмъ дифференцировался и выдѣлилъ два теченія. Къ одному принадлежатъ «непримиримые», не желающіе признавать законовъ времени. Ихъ идеалъ—политика классовыхъ интересовъ; въ промышленности они признаютъ лишь «свободный договоръ» и считаютъ фабричную инспекцію, фабричное законодательство и билли объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь рабочихъ—результатомъ вліянія «революціонныхъ» дѣятелей, къ которымъ причисляютъ опору современной правительственной партіи, министра колоній Чемберлэна. Они—враги всякихъ «комбинацій», т. е. трэдъ-юніоновъ, съ которыми недавно вели ожесточенную промышленную

войну. Въ «манифестѣ», выпущенномъ тогда федераціей промышленниковъ, говорилось, между прочимъ: «Предприниматели возмутились противъ тиранiи трэдъ-юнiоновъ. Предложенiе предпринимателей (т. е. требованiе отъ рабочихъ, чтобы они не смѣли принадлежать къ союзамъ) должно быть, въ силу этого, разсматриваемо, какъ *хартiя свободы*, за которую, въ случаѣ надобности, они готовы сражаться до послѣдняго». А propos. «Промышленная война», продолжавшаяся семь мѣсяцевъ, кончилась на прошлой недѣлѣ пораженiемъ механиковъ. Они не добились восьмичасоваго дня; но за то отстояли право «комбинацiй», т. е. право группироваться въ трэдъ-юнiоны.

«Непримиримые», во главѣ которыхъ стоитъ лордъ Лондондерри, послѣ того, какъ въ парламентѣ проведенъ былъ въ прошлую сессiю Workmen's Compensation Act (законъ объ отвѣтственности хозяевъ за жизнь рабочихъ), пригрозили, что они порвутъ всякiя сношенiя съ партiей. На митингѣ «непримиримыхъ» лордъ Лондондерри сказалъ, что ему болѣе всего больно то, что влiянiю «революцiонера» (т. е. Чемберлэна) подпалъ лордъ Салисбюри, тотъ, «у ногъ котораго ораторъ изучалъ принципы консерватизма». Второе теченiе составляютъ консерваторы, которые знаютъ, что Англiя настоящаго времени имѣетъ мало общаго съ Англiей минувшаго. Они знаютъ, что въ послѣднiе года на арену явился новый общественный слой. Пришелецъ такъ многочисленъ, что партiя сознаетъ необходимость заручиться его поддержкой, чтобы быть въ состоянiи находиться у власти. Партiя знаетъ, что старая политика торiевъ болѣе невозможна и, при всей симпатiи своей къ ней, приходится выставить на знаменахъ другiе девизы. Однимъ изъ самыхъ талантливыхъ дѣятелей «молодыхъ торiевъ» былъ покойный Рандольфъ Черчиль, который говорилъ, что въ программѣ либеральной партiи нѣтъ такого пункта (кромѣ гомруля), который не могъ бы быть выставленъ консерваторами. Для привлеченiя новаго избирателя консервативная партiя на послѣднихъ выборахъ «пошла съ Чемберлэновскихъ козырей», т. е. обѣщала восьмичасовой рабочiй день и билль объ отвѣтственности предпринимателей. Если среди «молодыхъ тори» есть несомнѣнно люди такъ же горячо убѣжденные, какъ покойный Черчиль, то за то гораздо больше такихъ, взгляды которыхъ формулируются классическимъ изреченiемъ Чемберлэна: «However much a party may gains by making promises, it abways loses by fulfilling them» (какъ много ни выигрываетъ партiя, давая обѣщанiя,—она всегда теряетъ, приводя ихъ въ исполненiе). Въ силу этого, они отнюдь не за быстрое исполненiе обѣщанiй. Во всякомъ случаѣ, они за то, чтобы обѣщанiя возможно урѣзывались. Къ этимъ торiямъ принадлежитъ самъ премьеръ, маркизъ Салисбюри. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ даетъ понять, что интересы «непримиримыхъ», въ сущности, слишкомъ близки и дороги ему.

Газета *Standard* является органомъ молодыхъ тори. Во время «бунта» лорда Лондондерри, газета спокойно объясняла ему и его сторонникамъ, что о старой узкой классовой политикѣ не можетъ быть теперь и рѣчи. Workmen's compensation act и восьмичасовой день не «выдумка» одного министра, а необходимый шагъ, сдѣланный для того, чтобы пріобрѣсти поддержку массъ. Обѣщанія даны въ программѣ; не выполнить ихъ теперь, значитъ нанести самому себѣ смертельный ударъ. Газета расходится въ количествѣ около 250 тысячъ нумеровъ въ день. Она ведется обстоятельно и богата свѣдѣніями. Ея иностранные корреспонденты очень хорошо освѣдомлены. Газетой руководитъ теперь W. H. Mudford.

Въ либеральной партіи наблюдаются теперь два теченія. Представители одного—виги стараго порядка. До послѣднихъ лѣтъ ихъ главный боевый кличъ: «полная политическая свобода!» дѣйствительно зажигалъ сердца англійскихъ избирателей. Но вотъ идеальная почти политическая свобода достигнута. Явился новый избиратель, для котораго старый лозунгъ былъ уже не достаточенъ. Этотъ избиратель явился съ массой новыхъ запросовъ, накопленныхъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Либералы очень хорошо сознаютъ, что они теперь, выражаясь фигурально, дошли до моря, что имъ необходимо сѣсть въ лодку и плыть къ другому берегу, потому что другого пути нѣтъ. Но именно сдѣлать этотъ шагъ они не рѣшаются. Этимъ объясняется слабость современной англійской либеральной партіи. Консерваторы сдѣлали рядъ крайне важныхъ промаховъ; каждый изъ послѣднихъ въ былое время былъ бы достаточенъ для оппозиціи, чтобы свергнуть министерство (назвать хотя бы пораженія въ Индіи или же злоупотребленія въ Родезіи); цѣлый рядъ частныхъ выборовъ послѣдняго времени доказалъ, что страна не вѣритъ болѣе обѣщаніямъ консерваторовъ;—между тѣмъ, оппозиція на столько слаба, что она не въ состояніи воспользоваться положеніемъ дѣлъ. Унея нѣтъ вождей, нѣтъ программы. Такіе дѣятели, какъ, Гаркуръ, какъ Камбель-Баннерманъ и др., не смотря на всю талантливость ихъ, не хотятъ сознавать, что на общественной аренѣ теперь новый избиратель съ новыми требованіями. Они выросли въ старой политической либеральной школѣ былого времени. Недавно либералы собрались, чтобы выработать программу; но въ двѣнадцати пунктахъ, принятыхъ въ Дерби, мы не видимъ даже намека на такіе вопросы первой важности, какъ объ отношеніи труда къ капиталу, о движеніи населенія изъ деревни въ городъ и пр. Такіе дѣятели, какъ Камбель-Баннерманъ высказались вообще противъ всякой программы. Разобьемъ министерство, тогда программа явится сама собою, говорятъ они. Въ этомъ духѣ написана «политическая басня съ моралью», появившаяся въ одномъ изъ январьскихъ нумеровъ либеральной Westminster Gazette. Жила была когда то семья, которая стосковалась до смерти по зайцу, говоритъ авторъ басни,—и все старалась придумать планъ, какъ бы

поймать его. Но такъ какъ каждый членъ семьи предлагалъ свой собственный проектъ и требовалъ, чтобы всѣ его испробовали, то гадавшіе такъ и оставались совсѣмъ безъ зайца. Но вотъ однажды вся семья увидала жирнаго матераго русака, который игралъ на лугу за оградой. Косой былъ совсѣмъ беззаботенъ и велъ себя самымъ глупымъ образомъ: онъ то становился на голову, то кувыркался, то метался безцѣльно взадъ и впередъ. Поведеніе зайца было такъ глупо, что не подлежало сомнѣнію, что голодная семья легко поймаетъ его, какъ только всѣ члены ея соединятся вмѣстѣ. Однако, вмѣсто того, чтобы столковаться, члены семьи заспорили, какъ лучше сжарить зайца, когда изловятъ его. Одинъ сказалъ, что лучшій способъ это изготовить его подъ соусомъ House of Lords veto» (т. е. уничтоженія права veto палаты лордовъ). Другой доказывалъ, что его нужно зажарить въ соку «улучшенной системы выборовъ». Третій во чтобы то ни стало хотѣлъ, чтобы вопросъ, какъ стряпать зайца, былъ разрѣшенъ посредствомъ опроса всѣхъ родственниковъ, живущихъ въ другихъ городахъ. Тутъ вмѣшались женщины семьи. Онѣ категорически заявили, что зайца можно только жарить à la «женскія права» *). Затѣмъ стали подавать мнѣнія остальные члены семьи. Всѣ заспорили, никто не соглашался ни съ кѣмъ, каждый осуждалъ другого. Для довершенія несчастія, сосѣдъ семьи, жившій до того времени въ ладахъ съ ней, крикнулъ черезъ тынъ, что отказывается ловить зайца, если изъ него не сдѣлаютъ начинки для пирога «Home Rule» (на съѣздѣ въ Дерби либералы совсѣмъ не говорили про Ирландію, и въ новой программѣ нѣтъ пункта о гомрулѣ; это вызвало протестъ со стороны ирландцевъ націоналистовъ). И такимъ то образомъ всѣ спорили и ссорились, какъ стряпать зайца. А въ это время заяцъ опомнился, прыгнулъ черезъ ограду и ускакалъ. *Моралъ*. Перво на перво, поймайте зайца (станьте у власти).

Какъ видите, басня затѣйлива; бѣда лишь въ томъ, что «члены семьи» сами не могутъ поймать зайца, а должны позвать на помощь «куфельнаго мужика». Послѣдній же совсѣмъ не хочетъ помогать, пока ему не скажутъ доподлинно, какъ заяцъ будетъ изготовленъ.

Органомъ либераловъ стараго типа являются «Daily News», крайне почтенная газета, основанная въ 1846 г., когда виги были особенно въ силѣ. Тогда газета выступила съ рядомъ первой важности реформъ, осуществленныхъ въ 1866 г. Теперь газетѣ, оставшейся, какъ говорятъ у насъ, вѣрной старымъ традиціямъ, приходится разрѣшить порой неразрѣшимое: слить въ одно два различныхъ теченія.

---

*) На съѣздѣ либеральной федераціи въ Дерби (7 декабря 1897 г.). большинствомъ 182, голосовъ противъ 124 принятъ былъ въ программу пунктъ: избирательныя права въ парламентъ распространяются и на щинъ.

Въ концѣ концовъ, результаты получаются слабые. Крупные промышленники, либералы, смущенные тѣми девизами, которые хотятъ выставить «молодые», все болѣе и болѣе дезертируютъ и переходятъ въ «унію», т. е. въ министерскую партію, состоящую изъ консерваторовъ и уніонистовъ либераловъ. Примирительныя статьи Daily News, повидимому, не производятъ желаемаго впечатлѣнія ни на одну изъ сторонъ. Политики примиренія держалась газета во все время промышленной войны; послѣ окончанія ея, Daily News пробовали убѣдить обѣ стороны, что онѣ одинаково выиграли и проиграли. «Обычай нашей страны таковъ,—говоритъ газета въ передовой статьѣ отъ 29 января (н. с.),—что оба противника пожимаютъ другъ другу руки послѣ боя. Обычай этотъ былъ соблюденъ и вчера, послѣ окончательной конференціи между федераціей промышленниковъ и представителями союза механиковъ... Борьба была долгая и упорная. Но какъ только она закончилась, противники протянули другъ другу руки и должны разстаться друзьями... Фактъ тотъ, что обѣ стороны имѣютъ теперь основаніе уважать другъ друга... Подумавъ хладнокровно и спокойно, обѣ стороны увидятъ, что выиграли кое что», и т. д. Исходя изъ того же желанія примиренія, Daily News скептически относятся къ необходимости новыхъ программъ для либеральной партіи. По ихъ мнѣнію, программы даютъ лишь лишній козырь въ руки противниковъ. Daily News считаютъ наиболѣе компетентной газетой по знанію парламентскаго и выборнаго дѣла. Ея leading articles въ этомъ отношеніи классическія: онѣ богаты цифрами, многочисленными ссылками на прецеденты и т. п. Въ исторіи англійской журналистики, въ свое время, Daily News произвели цѣлую революцію. До франко-прусской войны всѣ сообщенія иностранныхъ корреспондентовъ доставлялись въ редакціи почтой. Арчибальдъ Форбесъ, военный корреспондентъ Daily News, первый сталъ передавать по телеграфу сообщенія въ два-три столбца.

Это стоило газетѣ огромныхъ денегъ, за то положеніе было твердо завоевано. Послѣ 1871 г., всѣ англійскія газеты пошли по слѣдамъ Daily News. Въ газетѣ работали цѣлый рядъ блестящихъ военныхъ корреспондентовъ, которые составляютъ гордость всѣхъ англійскихъ журналистовъ. На первомъ планѣ, конечно, Арчибальдъ Форбесъ, который годился бы въ герои любого сенсаціоннаго романа. У англійскаго журналиста заблестятъ глаза отъ удовольствія, когда вы попросите его разсказать, какъ явился въ Систово Арчибальдъ Форбесъ, загнавъ трехъ верховыхъ лошадей, чтобы первымъ сообщить о первомъ приступѣ подъ Плевной. Въ Daily News выступилъ Макъ-Гаханъ, первый обратившій вниманіе англійской публики на турецкія звѣрства въ Болгаріи. Макъ-Гаханъ былъ уже тогда хорошо извѣстенъ, какъ военный корреспондентъ во время хивинскаго похода.

Органомъ лѣваго крыла либеральной партіи является молодая

газета Daily Chronicle. Вначалѣ она была мѣстной газетой, затѣмъ быстро выдвинулась, когда во главѣ ея сталъ Флетчеръ. Изъ «левіаѳановъ», Daily Chronicle болѣе всѣхъ удѣляетъ мѣста соціальнымъ вопросамъ. Большую популярность среди населенія Лондона газета пріобрѣла во время стачки «докеровъ». Daily Chronicle тогда открыла подписку въ пользу нуждающихся, которая въ нѣсколько дней достигла десятковъ тысячъ ф. ст. Время отъ времени въ газетѣ появляются серіи очерковъ, посвященныхъ тому или другому вопросу, стоящему на очереди въ парламентѣ. Такъ, въ прошломъ году то было блестящее изслѣдованіе положенія аграрнаго вопроса въ Англіи; въ этомъ году началось печатаніе статей, посвященныхъ положенію приказчиковъ. Daily Chronicle удѣляетъ, сравнительно, много мѣста литературнымъ вопросамъ. Правда, отдѣла беллетристики, какъ и во всѣхъ большихъ англійскихъ газетахъ, въ Daily Chronicle нѣтъ; за то на «литературной страницѣ» ея дается отчетъ о всѣхъ сколько нибудь выдающихся книгахъ, будетъ ли то новый трактатъ Сидней-Веба, фантастическій романъ Хиченса или же диссертація о различныхъ видахъ спорта. Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Daily Chronicle является талантливый журналистъ Генри Норманъ, изъѣздившій весь свѣтъ, прежде чѣмъ очутился въ редакціи газеты, что на Флитъ-стритѣ. Онъ путешествовалъ по Китаю, Сибири, Кореѣ, Японіи; былъ въ Тонкинѣ, основательно знаетъ Малайскій полуостровъ и пр. Норманъ—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ иностранной политики въ Англіи. Во время послѣдней греко-турецкой войны онъ былъ корреспондентомъ газеты съ театра военныхъ дѣйствій. Результатомъ всесвѣтныхъ странствованій Нормана являются книги «The Real Japan» (1891 г.), «The Peoples and Politics of the Far East» (1894 г.), «Round the Near East» и др. Заботясь о просвѣщеніи «большой» читающей публики, Daily Chronicle въ 1895 г. издала выпусками превосходную настольную книгу «Encyclopaedic Dictionary».

Я назвалъ главныя газеты, находящіяся до извѣстной степени въ связи со взглядами важнѣйшихъ политическихъ партій въ Англіи. Къ левіаѳанамъ нужно отнести также «независимые»—Daily Telegraph и Morning Post. Первая газета, основанная въ 1855 г., была въ началѣ радикальной. Теперь она не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ и составляетъ, такъ сказать, переходное звено отъ спокойныхъ, серьезныхъ левіаѳановъ къ шустрымъ, крикливымъ органамъ мелкой прессы. Главная цѣль Daily Telegraph это то, что американцы называютъ «big boom». Съ этой цѣлью газета удѣляетъ много мѣста «интервью». Ея репортеры, безъ сомнѣнія, самые ловкіе въ Лондонѣ. Daily Telegraph посылалъ Смита въ Ассирію, а Стэнли—въ центральную Африку. Morning Post является одной изъ старѣйшихъ англійскихъ газетъ. Она основана въ 1772 г. Когда то она была органомъ непримири-

мыхъ тори. Теперь цѣли газеты скромнѣе. Она гордится тѣмъ, что является органомъ фешенебельнаго Лондона. Morning Post очень много мѣста удѣляетъ великосвѣтской хроникѣ; у нея есть спеціальный дамскій отдѣлъ. Впрочемъ, говорятъ, что «дамскій» отдѣлъ это тотъ, котораго дамы никогда не читаютъ.

Эти газеты являются отраженіемъ той страшной силы, которая называется общественнымъ мнѣніемъ. Она можетъ быть или отрицательной или же положительной величиной. Отрицательной тогда, когда общественное мнѣніе является выраженіемъ людей, не успѣвшихъ еще выработать, въ силу тѣхъ или другихъ условій, сознанія, что такое общественное благо и общественные интересы. Съ ростомъ общественнаго самосознанія развивается общественное мнѣніе, какъ положительная сила. По великолѣпному выраженію Гизо, общественное мнѣніе—это совѣсть всѣхъ, это—коллективная нравственность (l'opinion publique c'est la conscience de tous, la morale collective). И, конечно, Англія классическая страна этой «коллективной совѣсти». Нужны ли доказательства? Какъ тщательно прячутся отъ этой «совѣсти всѣхъ» дѣла въ Родезіи! Какъ бурно проявилась она, когда ей стало извѣстно о положеніи «докеровъ» (см. вторую книжку «Р. Б.» за 97 г.). Въ декабрѣ прошлаго года лордъ Салисбюри выступилъ противъ муниципальнаго совѣта лондонскаго графства (London County Council), который ненавистенъ всѣмъ лэндъ-лордамъ. Газеты отвѣтили дружнымъ отпоромъ. Общественное мнѣніе высказалось такъ рѣшительно, что черезъ недѣлю премьеръ взялъ свои слова обратно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что корректность англійскихъ левіаѳановъ именно находится въ связи съ проснувшимся самосознаніемъ культурнаго общества.

III.

Познакомимся теперь нѣсколько ближе съ огромнымъ нумеромъ англійской газеты, состоящимъ изъ 10,12 и больше страницъ, набранныхъ мелкимъ, крайне убористымъ, характернымъ шрифтомъ. Лишь взглянувъ на колоссальное количество объявленій, залившихъ нѣсколько страницъ, становится понятнымъ, какъ можно продавать за пенни (нѣсколько болѣе $3^1/_2$ копѣекъ) газету, одна бумага которой стоитъ больше. Объявленія набиты густо, безъ жирныхъ титуловъ, совсѣмъ какъ солдаты, въ шеренгу. Онѣ заползли даже по обѣ стороны заголовка газеты, туда, гдѣ у насъ печатаются условія подписки. Здѣсь красуются какія нибудь крикливыя рекламы. Взглянувъ на нихъ, представляется шустрый, ловкій коммивояжеръ, взобравшійся на самую крышу, и оттуда выкликающій во все горло: «Пейте *оксинъ*!» «Ѣшьте бисквиты Говиса!» На второй страницѣ объявленія перемѣшаны съ колоннами цифръ, на которыя прежде всего жадно набрасывается утромъ «business man». Это—финансо-

выя и биржевыя извѣстія, каждый іероглифъ которыхъ приноситъ раззореніе или же богатство. На третьей страницѣ все еще объявленія; но ихъ вытѣсняетъ уже другой матеріалъ. Тутъ помѣщаются внутреннія извѣстія, отчеты о новыхъ книгахъ, театральная хроника и отдѣльныя событія, имѣющія спеціальный интересъ. У «Daily Chronicle» третья страница вся литературная. Тутъ рецензіи новыхъ книгъ, а во время парламентской сессіи порой бойкія и зубастыя каррикатуры. Собственно, суть газеты начинается лишь съ четвертой страницы. Въ одномъ столбцѣ здѣсь сжато передается все содержаніе нумера. Это — для сильно занятыхъ людей, которымъ нѣтъ времени прочитать весь нумеръ. Въ пять минутъ, за завтракомъ, на крышѣ омнибуса, въ вагонѣ подземной желѣзной дороги, или въ кэбѣ по дорогѣ въ контору, они, пробѣжавъ этотъ столбецъ, могутъ знать событія дня. Вотъ, для примѣра, нѣсколько извѣстій изъ этого столбца: «Подъ предсѣдательствомъ Мг. А. Спенсера, вчера въ Кардифѣ открылось засѣданіе національнаго уэльскаго конвента для обсужденія организаціи партіи въ княжествѣ. Явилось 500 делегатовъ. Засѣданіе было крайне оживленное. Рѣшено было сформировать федерацію на принципахъ, предложенныхъ делегатами. Принята была резолюція, осуждающая внутреннюю и иностранную политику правительства и требующая законодательства, соотвѣтствующаго желанію уэльскаго народа». Это — изложеніе извѣстія, занимающаго на шестой страницѣ $2^1/_2$ столбца мельчайшаго петита. Я цитирую Daily News, но рѣшительно такой же подробный отчетъ помѣщенъ и въ органахъ министерской партіи. «Замѣчательная побѣда одержана либералами въ юго-восточномъ Дурхамѣ. 6286 голосовъ подано за Альдермана Ричардсона, а 6011—за уніониста, достопочтеннаго Алмтона». Это опять сжатое содержаніе цѣлаго столбца. Такимъ же образомъ переданы и политическія извѣстія, сообщенныя многочисленными иностранными корреспондентами газеты, судебная хроника и пр. Во время парламентскихъ сессій, составленіе этого синопсиса требуетъ особаго искусства. Нужно въ пяти-шести строчкахъ изложить суть рѣчи, занявшей три часа и обильно уснащенной цифрами. Непосредственно за синопсисомъ слѣдуетъ leading articles, передовыя статьи. Лишь по нимъ можно судить о направленіи газеты, потому что, какъ я сказалъ, англійскія газеты сообщаютъ *всѣ* факты, не подбирая ихъ тенденціозно. Leading articles обыкновенно пять, шесть, иногда больше. Въ нихъ оцѣниваются послѣдніе выборы, сообщенія политическаго характера, рѣчь на банкетѣ, громкій процессъ, модная книга, крокетная партія, гонка между Оксфордомъ и Кембриджемъ, словомъ все то, что въ данный моментъ занимаетъ колоссальную столицу, то шестимилліонное населеніе, которое живетъ «въ каменномъ лѣсу домовъ», по терминологіи Гейне, или въ «аду, которому имя Лондонъ», по опредѣленію Шелли. Передовыя статьи, какъ вообще статьи въ англійскихъ газетахъ, не подписаны; но публика знаетъ авторовъ ихъ.

Иногда важное извѣстіе приходитъ въ 2—3 часа ночи. Отъ автора статьи требуется немедленно же разобраться въ сообщеніи, оцѣнить его и написать сейчасъ же хорошимъ, яснымъ языкомъ leading article, въ которомъ были бы и фактическія данныя, и хорошая «joke» (шутка), и красивая цитата—изъ Шекспира, Теннисона, Маколея и т. д. Каждая передовая статья должна быть своего рода master piece, образцовымъ произведеніемъ. Въ то же время, авторъ не долженъ «растекаться мыслью по древамъ» и «ширять подъ облака»: англичане больше всего ненавидятъ многоглаголаніе и могли бы выставить девизомъ слова поэта: «чтобъ словамъ было тѣсно, а мысли просторно». Писаніе leading articles требуетъ большихъ знаній и большого спеціальнаго таланта. Нѣтъ удивительнаго, поэтому, въ томъ, что «передовикъ» очень цѣнится и получаетъ отъ 2—2½ тысячъ ф. ст. въ годъ. Изъ leading articles совершенно изгнанъ личный элементъ. Англійскія газеты не полемизируютъ другъ съ другомъ. Порой онѣ рѣзко критикуютъ дѣятельность того или другого общественнаго вождя, но «личности» при этомъ изгнаны. Нужно сказать, однако, что, хотя не часто, но бываютъ исключенія изъ этого правила. Еще Маколей указывалъ на то, что англійское общество порой бываетъ охвачено страннымъ пароксизмомъ нравственности. Въ обыкновенное время оно сквозь пальцы и довольно снисходительно смотритъ на семейные скандалы; но, когда на него «найдетъ», оно впадаетъ въ пуританскую ярость. Тогда обществу во что бы то ни стало надобна жертва, whipping boy, какъ говорятъ англичане. Общество не успокоивается до тѣхъ поръ, пока этотъ несчастный whipping boy, который отнюдь не хуже тысячи другихъ, не будетъ наказанъ, пока его репутація не будетъ втоптана въ грязь, пока его политическая карьера не будетъ окончательно загублена. Тогда, по выраженію Маколея, англійское общество опять успокоивается на семь лѣтъ въ сознаніи, что оно строго покарало порокъ. Правда, въ послѣднее время эти «пароксизмы» проявляются гораздо рѣже, чѣмъ разъ въ семь лѣтъ; но все же возможны. Хуже всего то, что этой національной чертой пользуются иногда тѣ, которые желаютъ погубить сильнаго политическаго врага. Такъ было съ походомъ противъ несчастнаго Парнеля, начатымъ капитаномъ Шоу, за спиной котораго стояли другіе, обладавшіе безконечными карманами, набитыми золотомъ. Тогда тонъ нападающихъ газетъ становится необыкновенно запальчивымъ. Нужно замѣтить, что походъ противъ whipping boy ведутъ большею частью все же не левіаѳаны, а шустрыя вечернія газеты съ «Pall Mall» во главѣ. На придачу, самый походъ не всегда оканчивается такъ благополучно, какъ прежде. Торійскимъ газетамъ не удалось погубить такимъ образомъ талантливаго члена парламента и журналиста сэра Чарльза Дилька.

За leading articles слѣдуютъ политическія извѣстія и сообщенія военныхъ корреспондентовъ. До 1806 г. всѣ англійскія газеты по-

лучали политическія извѣстія отъ правительства. *Таймсъ* первый отказался отъ нихъ и завелъ своихъ корреспондентовъ. Газета сообщила о битвахъ подъ Трафальгаромъ и Ватерлоо раньше, чѣмъ король узналъ изъ эстафетъ. Въ 1871 г. свершилась другая революція въ газетныхъ сообщеніяхъ: англійскіе левіаѳаны упразднили сообщенія почтой. Я сказалъ уже, что виновникомъ явился Арчибальдъ Форбесъ, котораго можно было бы назвать Ксенофонтомъ нашего времени. Это, дѣйствительно, былъ король военныхъ корреспондентовъ. Въ дѣйствующей арміи онъ былъ всегда впереди всѣхъ, не обращая вниманія на свистъ пуль. Во время франко-прусской войны онъ описалъ, какъ очевидецъ, всѣ битвы, начиная отъ Гравелота, до паденія Меца. Арчибальду Форбесу ничего не стоило провести 30 часовъ въ сѣдлѣ, потомъ, на полѣ битвы, среди не убранныхъ еще труповъ, когда кругомъ слышались еще стоны раненыхъ и предсмертное хрипѣніе умирающихъ,—написать на лукѣ сѣдла корреспонденцію въ три столбца, полную захватывающаго интереса. Такимъ онъ былъ и во время русско-турецкой войны. Ему случалось проскакать 150 верстъ, загнать трехъ лошадей, затѣмъ, мчаться два дня въ вагонѣ, чтобы первымъ привезти въ Лондонъ важное извѣстіе, затѣмъ немедленно отправиться назадъ на театръ военныхъ дѣйствій, не дождавшись даже, пока сданная статья будетъ напечатана. Таковъ же Арчибальдъ Форбесъ былъ и во время войны съ ашантіями. Англія всегда ведетъ какую нибудь маленькую войну въ Индіи или Африкѣ, поэтому военнымъ корреспондентамъ есть постоянная работа. Въ газетѣ политическія корреспонденціи, равно какъ и другія важныя сообщенія, имѣютъ по пять, по шесть, а иногда и болѣе, заголовковъ. Напримѣръ, сегодня сообщено о крушеніи пассажирскаго поѣзда. Статья носитъ заголовки: «Желѣзнодорожная катастрофа въ Шотландіи. Пассажирскій поѣздъ разбитъ. Семь человѣкъ убито, нѣсколько ранено. Душу раздирающія сцены. Подробныя описанія. Разсказы очевидцевъ». Для придумыванія заголовковъ существуетъ въ каждой англійской газетѣ особый спеціалистъ. Эти заголовки наиболѣе сенсаціонныхъ статей выставляются нем ленно на улицахъ, на плакатахъ (posters). Англійскія газеты имѣютъ очень мало постоянныхъ подписчиковъ. Самое важное это — розничная продажа; поэтому, издатели очень дорожатъ сотрудникомъ, умѣющимъ хорошо составить «posters».

Обыкновенно, иностранные читатели никогда не пускаются далѣе шестой страницы. Отсюда для нихъ начинается, своего рода, неизвѣстная территорія; между тѣмъ, для желающаго познакомиться ближе съ англійской жизнью, эта территорія дастъ массу матеріаловъ. Съ шестой страницы начинается царство англійскаго репортера. Въ каждой редакціи ихъ цѣлая армія, которая находится подъ начальствомъ предводителей. Во главѣ стоятъ парламентскіе репортеры. Каждый изъ нихъ стенографируетъ въ парламентѣ не болѣе 20 минутъ, затѣмъ на смѣну является другой, который на-

чинаетъ записывать съ полуфразы; въ это время первый репортеръ въ сосѣдней комнатѣ дешифрируетъ свои записи и отправляетъ ихъ немедленно въ типографію. Рѣчь набирается послѣдовательно такимъ образомъ, и черезъ часъ послѣ произнесенія ея разносчики уже выкликаютъ на улицахъ нумера съ отчетомъ. Англичане смотрятъ на допущеніе репортеровъ въ парламентъ, какъ на гарантію національной свободы. Журналистамъ пришлось выдержать сильную борьбу, пока засѣданія парламента стали достояніемъ публики. За парламентскими репортерами слѣдуютъ другіе, различныхъ спеціальностей. Отъ нихъ требуется прежде всего знаніе стенографіи, затѣмъ—ловкость, сообразительность, точность и быстрота въ работѣ. Репортерамъ даются порой крайне эксцентричныя миссіи. Напримѣръ, одному редактору пришла въ голову мысль: откуда берутся человѣческіе скелеты, поступающіе въ продажу. Ихъ очень много; стоютъ они въ Лондонѣ дешево, значитъ, должна существовать своеобразная фабрика, гдѣ ихъ заготовляютъ. Гдѣ же она? Какъ производится процессъ? И вотъ снаряжается репортеръ. Онъ странствуетъ цѣлый мѣсяцъ, проявляетъ дарованія первоклассного сыщика, знакомится съ героями ночлежныхъ домовъ; наконецъ, достаетъ свѣдѣнія. Нужно имѣть слишкомъ крѣпкіе нервы, чтобы читать описанія «фабрики», гдѣ «трупы киснутъ» въ ваннахъ, пока отстанутъ мускулы. Репортеры Daily Telegraph выѣхали въ сильную качку въ лодкѣ далеко въ море, чтобы встрѣтить параходъ, который подобралъ потерпѣвшихъ крушеніе. Лодку перевернуло. Репортеровъ едва спасли; но за то они раньше всѣхъ принесли извѣстія. Когда Сунъ-Ятъ-Сенъ сидѣлъ въ китайскомъ посольствѣ, репортеры составили остроумный планъ похитить его черезъ окно. А репортеры, дающіе отчетъ о спортѣ! Нужно знать, какую роль послѣдній играетъ въ англійской жизни. За исходомъ «боя голубыхъ» (гонокъ между Оксфордомъ и Кембриджемъ) или же дербійскихъ скачекъ съ одинаковымъ лихорадочнымъ интересомъ слѣдятъ, какъ лорды, такъ и нищіе, какъ правовѣрный джинго, такъ и крайній радикалъ. Когда я пишу эту статью, подъ окномъ на улицѣ мальчишки разносчики выкликаютъ: «Страшное пораженіе Англіи! Небывалый погромъ!» Я знаю, однако, что дѣло идетъ не о войнѣ съ афридіями, а о послѣдней крокетной партіи, авляющейся состязаніемъ Австраліи и Англіи. Отъ «спортоваго» репортера требуются такіе спеціальные таланты, которыхъ мы, полные профаны, не можемъ даже оцѣнить. Какъ презрительно взглянулъ на меня англійскій собратъ, когда я смиренно сказалъ ему, что моему сердцу кабалистическая формула: «Англія $\frac{8}{16}$, $\frac{2}{8}$, $\frac{4}{6}$» не говоритъ рѣшительно ничего! Репортеры доставляютъ и болѣе интересный матеріалъ. Прежде всего—разоблаченія злоупотребленій. Нужно сказать, что тутъ требуется крайняя осторожность и точность. Англійскіе законы очень сурово караютъ за

клевету (денежнымъ штрафомъ). Большія суммы, присуждаемыя въ такихъ случаяхъ съ редакторовъ, соблазняютъ многихъ вчинять вздорные процессы. Такъ, въ январѣ этого года адвокатъ Шарпъ искалъ съ газеты Daily Mail 500 ф. ст. за клевету. Процессъ былъ совсѣмъ исключительный. Адвокатъ обвинялъ газету въ томъ, что она *замалчиваетъ* его имя въ судебныхъ отчетахъ, когда Шарпъ выступаетъ. По его словамъ, это приноситъ ему большіе убытки, какъ профессіональному человѣку. Конечно, судъ отказалъ въ искѣ. Репортеры должны быть крайне осторожны и точны въ обличеніяхъ. Въ силу этого, разъ подобное появляется,—оно навѣрное неопровержимо и производитъ такое же впечатлѣніе, какъ пушечный выстрѣлъ. Крайне характерными для англійской жизни являются судебные отчеты. Какимъ трагизмомъ дышетъ каждый отчетъ о засѣданіи коронеровъ! Предъ нами возникаетъ рядъ странныхъ картинъ, которыя даютъ намъ возможность понять изнанку жизни колоссальнаго города. Нескончаемой вереницей проходятъ бродяги, которые выросли на улицѣ, не имѣли другой постоянной квартиры, кромѣ тюрьмы, и не имѣютъ другой перспективы, кромѣ голодной смерти на улицѣ, затѣмъ дѣти, дикія, какъ звѣрьки; потомъ—несчастные «потѣльщики» (работающіе поштучно на дому).

Приведу нѣсколько иллюстрацій. Коронеръ устанавливаетъ причины смерти Джона Слептера, двухлѣтняго сына башмачника. Свидѣтельница Розина Слептеръ, мать ребенка, показываетъ, что ребенокъ былъ боленъ коклюшемъ; но они были слишкомъ бѣдны, чтобы позвать врача. На вопросъ коронера, свидѣтельница показываетъ, что ея мужъ изготовляетъ туфли. «Мы работаемъ вмѣстѣ, но получаемъ неособенно много».

— Они получаютъ по 3½ пенса за каждую пару; но должны изъ этихъ денегъ отдать ½ пенни за пригонку подошвъ,—объясняетъ полицейскій инспекторъ.

Коронеръ любопытствуетъ узнать, сколько паръ можно изготовить въ день.

— Если мы станемъ работать по 18 часовъ въ сутки, то можно сдѣлать дюжину.

— Это ужасно!—восклицаетъ одинъ изъ присяжныхъ.—Вѣдь, это выходитъ всего по два пенса въ часъ на двоихъ!

— Я ихъ знаю хорошо,—показываетъ инспекторъ,—они работаютъ, не разгибая спины, живутъ въ конуркѣ на чердакѣ и не могутъ вырабатывать всегда даже на хлѣбъ.

— Ихъ жизнь хуже, чѣмъ рабство,—замѣчаетъ другой присяжный.—Они надрываются надъ работой, чтобы другіе могли кататься въ золотѣ.

— Да, старое изреченіе, что половина міра не знаетъ, какъ живетъ другая половина — совершенно вѣрно, — прибавляетъ со вздохомъ коронеръ. (См. *Daily News* отъ 17 января 1898 г.).

Или вотъ другая картина. Дѣло происходитъ въ полицейскомъ

судѣ. Предъ судомъ — старая, изнуренная, оборванная до нельзя женщина, Катерина Мурфи. Владѣлецъ бѣлошвейной мастерской Оунъ обвиняетъ ее въ томъ, что она заложила ростовщику дюжину рубахъ, данныхъ ей для окончательной отдѣлки.

— Сколько получаетъ она за дюжину рубахъ? — спрашиваетъ судья.

— Три пенса,—отвѣчаетъ Оунъ.—Оказывается далѣе, что изъ этихъ денегъ старуха должна еще покупать нитки.

— А сколько времени нужно затратить, чтобы сшить дюжину рубахъ?

— Думаю, что въ два дня можно сшить три дюжины.—Другими словами, старуха за рабочій день получаетъ $4^1/_2$ пенса. («Daily N.», 19 ноябр. 1897 г.).

Въ прошломъ году коронеры констатировали 42 случая смерти отъ голода (deat from starvation) на улицахъ Лондона.

Если камеры коронеровъ превращаются въ сцену, на которыхъ ставятся трагедіи, то за то отчеты о разборѣ дѣлъ въ Queen's bench divisoin это—водевили и фарсы. Тамъ актерами выступаютъ обвиняемые, нарушившіе обѣщаніе жениться. Вы помните искъ мистрисъ Бардль къ мистеру Пиквику? Глубоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что это каррикатура. Подобные процессы происходятъ каждый день. Законодатель имѣлъ въ виду прекрасную цѣль: защитить женщину; между тѣмъ въ результатѣ явилось совсѣмъ другое. Обольщенная дѣвушка, брошенная соблазнителемъ, совершенно безпомощна, тогда какъ къ суду тянутъ особы, которыхъ законодатель врядъ ли имѣлъ въ виду. *Преимущественно* процессы бываютъ въ той средѣ, которая у насъ называется мѣщанской. Молодой приказчикъ, мелкій чиновникъ, банковскій клэркъ познакомился съ дѣвицей, ухаживалъ за ней, затѣмъ пересталъ бывать. Дѣвица подаетъ въ судъ, обвиняя ухаживателя въ нарушеніи обѣщанія жениться (breach of promise). Какъ вещественное доказательство, предъявляется письмо, въ которомъ молодой человѣкъ называлъ дѣвицу «дорогой курочкой» или «сладчайшей конфеткой» и т. д. въ томъ же родѣ. Хохочетъ публика, улыбаются присяжные, улыбка ползетъ по широкому лицу судьи Джастисъ Ридлей, которому пришлось разобрать тысячи такихъ дѣлъ; но, въ концѣ концовъ, дѣвица всегда выигрываетъ. Англійскій законъ требуетъ: «или женись, или плати». И злосчастный авторъ письма платитъ 30, 50, 100, 300 ф. ст., сколько съ него можно получить. Вотъ нѣсколько иллюстрацій. «Дѣло Уотсонъ противъ Мура». Муръ познакомился съ дѣвицей Уотсонъ, ухаживалъ за ней, затѣмъ уѣхалъ въ Канаду и оттуда написалъ нѣжное письмо, совѣтуя «прочесть его и изодрать въ куски». Дѣвица письмо прочла, но не разорвала, а тщательно спрятала. Когда Муръ возвратился въ Англію, онъ пересталъ бывать у Уотсонъ. Послѣдняя подаетъ искъ за «breach of promise». Читается письмо; тамъ такія выраженія, какъ «моя

родная конфеточка», «моя дорогая розочка» и т. д. Адвокатъ Уотсонъ показываетъ, что ходилъ къ Муру, но тотъ ему сказалъ, что жалѣетъ, что не встрѣтился съ нимъ въ Канадѣ. Тамъ бы онъ его стеръ въ порошокъ. «Взглянувъ на здоровые мускулы Мура,— прибавляетъ адвокатъ,—я подумалъ, что, пожалуй, это вѣрно». Уотсонъ получаетъ 50 ф. ст. (Daily Chronicle, 6 янв. 1897 г.).

«Дѣло Пилей противъ Горли». Горли присватался къ Пилей; маменька дала свое согласіе; но затѣмъ женихъ пересталъ бывать. Пилей доказываетъ, что ей слѣдуетъ получить еще больше денегъ, потому что за нее сватался потомъ нѣкій Сейвиль. Она ему велѣла ждать и, такимъ образомъ, потеряла разомъ двухъ жениховъ.

— Я всегда былъ увѣренъ, что желѣзо слѣдуетъ ковать, пока горячо и что жениха слѣдуетъ брать, какъ только онъ появляется,— замѣчаетъ при общемъ хохотѣ судья.

— Можетъ быть, вы согласны теперь жениться?—спрашиваетъ адвокатъ у отвѣтчика.

— Боюсь, что это не совсѣмъ возможно,—отвѣчаетъ онъ.—Я уже женатъ.—Истцу присуждаютъ 50 ф. (Daily Telegraph, 28 янв. 1898 г.).

Иногда процессъ превращается совсѣмъ въ фарсъ, какъ напр., въ дѣлѣ «Лоугранъ противъ Стрейнера». Отвѣтчикъ—сынъ богатаго и извѣстнаго въ Лондонѣ продавца. «Дѣло, которое я веду, начинаетъ адвокатъ истца,—тѣмъ болѣе серьезно и печально, что кліенту моему нѣтъ еще 21 года. Елена Лоугранъ служила въ одномъ изъ магазиновъ Стрейнера, гдѣ она встрѣтилась съ отвѣтчикомъ. Одно изъ первыхъ писемъ, отправленныхъ Стрейнеромъ къ Еленѣ,—было адресовано къ матери ея. Позвольте мнѣ процитировать оттуда одно мѣсто. «Я полагаю, вы разрѣшите мнѣ сдѣлаться оффиціальнымъ женихомъ вашей милой дочурки Энни... Я постоянно буду заботиться о ея счастьи и благополучіи». Въ отвѣтъ на это, почтенная мать, засѣдающая здѣсь съ сокрушеннымъ сердцемъ въ ожиданіи справедливаго рѣшенія вашего, господа присяжные,—отправила слѣдующее письмо: «Какъ мать, я могу сказать лишь очень не много по извѣстному вамъ дѣлу. Если вы дѣйствительно любите ее и пользуетесь взаимностью, если вы рѣшили взять ее, чтобы идти вмѣстѣ по жизненному пути, дѣля радость и горе, если вы вѣрите другъ другу,—тогда я согласна». И вдругъ молодой человѣкъ рѣшаетъ надсмѣяться надъ великимъ чувствомъ матери. Онъ пересталъ бывать (*маменька демонстративно плачетъ*) тамъ, гдѣ его такъ любили.

— Отвѣтчикъ, имѣете ли вы что нибудь сказать?—предлагаетъ судья.

— Да, сэръ, имѣю,—заявляетъ Стрейнеръ.—Вотъ эта леди,— продолжаетъ онъ, указавъ на истца, которая сидѣла рядомъ съ матерью,—моя жена.

— Что-о? Что вы сказали?—переспрашиваетъ изумленно судья.

— Истецъ—моя жена,—отчеканиваетъ Стрейнеръ.

— Не можетъ быть!

— Увѣряю васъ, сэръ.

— Боже! Вотъ удивительный процессъ! Что за сенсаціонная развязка,—восклицаетъ судья. Брови у него уходятъ подъ парикъ. Адвокатъ истца, въ свою очередь, весь превратился въ вопросительный знакъ. Наконецъ, онъ проситъ показать ему брачное свидѣтельство. Оно въ порядкѣ и гласитъ, что пара помолвлена шесть дней тому назадъ. Залъ гудитъ отъ хохота публики.

— Какъ ваше имя теперь?—обращается судья къ истцу.

— Флоренса Энни Елена Стрейнеръ.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы явились въ судъ?

— Не знаю. Не я начала дѣло, а моя маменька.—Судья разводитъ руками и говоритъ, что рѣшительно не знаетъ, что дѣлать. Процессъ правиленъ и въ тоже время—не правиленъ.

Однако, довольно. Какъ видите, каждый нумеръ левіаѳана является полнымъ и крайне добросовѣстнымъ отчетомъ о томъ, какъ наканунѣ жилъ, думалъ, страдалъ и веселился міръ вообще и Лондонъ въ частности.

Діонео.

Новыя книги.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе **Г. Э. Лессинга.** Переводъ съ нѣмецкаго **Виктора Крылова.** Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библіографическимъ указателемъ. Съ 35 рисунками и 11 эстампами. Изданіе Маркса. Спб. 1897.

Натанъ-Мудрецъ. Драматическая поэма **Готгольда Эфраима Лессинга** въ переводѣ **В. С. Лихачова.** Съ 34 иллюстраціями. Изд Гоппе. Спб. 1897.

Когда тридцать лѣтъ тому назадъ былъ напечатанъ впервые принадлежащій г. Крылову переводъ „Натана Мудраго", это былъ первый русскій переводъ драмы, столь высоко цѣнимой на родинѣ автора и за ея предѣлами. Извѣстность „Натана", не смотря на статью Чернышевскаго о Лессингѣ, была у насъ въ это время такъ ничтожна, что переводчикъ статьи о Лессингѣ, напечатанной въ 1860 году въ ученомъ

журналѣ, называлъ его знаменитую драму „Пророкъ Наѳанъ“. Съ тѣхъ поръ дѣло перемѣнилось: появилось нѣсколько переводовъ „Натана“—три стихотворныхъ, одинъ прозаическій; есть собраніе сочиненій Лессинга и нѣсколько книгъ о немъ. Въ прошломъ году переизданы старые переводы; изъ нихъ трудъ г. Крылова появляется въ печати уже въ четвертый разъ. Это утѣшительный симптомъ; въ эпоху буйнаго торжества тѣхъ началъ, борьбѣ съ которыми Лессингъ посвятилъ всю свою жизнь, пріятно отмѣтить признаки иныхъ теченій, менѣе замѣтныхъ, но болѣе жизнеспособныхъ. Переводъ г. Крылова вышелъ въ превосходномъ изданіи, вполнѣ подходящемъ по роскоши и художественности исполненія къ тому піетету, которымъ издавна окружено безсмертное произведеніе Лессинга.

Слава Лессинга есть, какъ извѣстно, не только слава замѣчательнаго писателя, но и слава хорошаго человѣка. Даровитый драматургъ, внесшій новыя начала въ отечественную литературу, превосходный критикъ, мнѣнія котораго стали классическими, мужественный и стойкій боецъ за правду, во всю свою жизнь не знавшій ни мгновенія разлада между словомъ и дѣломъ, онъ не внушилъ-бы еще къ себѣ той глубокой симпатіи, какою, за немногими печальными исключеніями, проникнута вся обширная литература, посвященная ему, еслибы онъ не имѣлъ иныхъ, еще болѣе рѣдкихъ достоинствъ. *Сокровищница нравственной силы*, превосходно называетъ его г. Крыловъ, характеризуя тѣ чувствованія, которыя рождаются въ духовномъ общеніи съ Лессингомъ. Истиннымъ вѣнцомъ духовной дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка былъ его „Натанъ Мудрый“, этотъ „кодексъ любви и терпимости“, „монументальнѣйшій итогъ всего вѣка просвѣщенія“, „одно изъ лучшихъ дѣяній нѣмецкаго разума“, какъ именовали его нѣмецкіе критики. Были, конечно, и иные. Начиная съ „Случайныхъ старогерманскихъ и христіанскихъ наблюденій“ Траллеса (1779) и кончая произведеніями Дюринга, почему-то пропущенными г. Крыловымъ въ его цѣнномъ библіографическомъ указателѣ, цѣлый рядъ представителей нетерпимости и человѣконенавистничества, въ погонѣ за Геростратовской славой, осыпалъ творца „Натана“ множествомъ обвиненій, столько же безсмысленныхъ, сколько разнообразныхъ; здѣсь былъ и плагіатъ, и религіозный индифферентизмъ, и еврейскій подкупъ. Самая ожесточенность нападенія указываетъ на силу, съ которой приходилось—и до нашихъ дней приходится—бороться. Это была, дѣйствительно, первоклассная сила. „Вся его жизнь—непрерывная война и побѣда“, и его послѣдній завѣтъ, его „Натанъ“—останется навсегда для потомковъ лучшимъ поэтическимъ кодексомъ нравственныхъ

истинъ, который не забудется даже тогда, когда онѣ перейдутъ въ жизнь. Проповѣдь этихъ истинъ была основнымъ мотивомъ всей жизни и дѣятельности Лессинга. Семейныя традиціи воспитывали въ немъ гуманныя воззрѣнія на несходство религіозныхъ убѣжденій: за шестьдесятъ лѣтъ до его рожденія его дѣдъ Теофилъ Лессингъ избралъ темой для докторской диссераціи „Вѣротерпимость"—и трактовалъ этотъ предметъ съ самой широкой точки зрѣнія. Двадцатилѣтнимъ юношей будущій авторъ „Натана" писалъ отцу: „религія не такая вещь, которую должно брать на вѣру у родителей. Правда, что большинство людей получаетъ ее отъ нихъ, какъ имущество, но они своимъ поведеніемъ и показываютъ, какіе они христіане." Отъ первыхъ богословскихъ замѣтокъ до величайшаго его созданія, идея, намѣченная въ этихъ словахъ, прошла по всѣмъ произведеніямъ Лессинга: идея свободы совѣсти, свободы мысли и дѣятельной любви. Были критики, усматривавшіе въ „Натанѣ" обыкновенную проповѣдь терпимости, протестъ противъ религіозныхъ преслѣдованій, а такъ какъ для запада эта идея—по крайней мѣрѣ, въ теоріи—давно стала банальностью, то они и въ содержаніи „Натана",—съ чисто художественной стороны страдающаго, какъ извѣстно, нѣкоторыми недостатками, не видѣли ничего поучительнаго, ничего новаго для современнаго читателя. Едва-ли это такъ. „Внутренній смыслъ" драмы гораздо сильнѣе, и это особенно проглядываетъ въ наиболѣе характерной ея сценѣ—въ разсказѣ Натана о трехъ кольцахъ. Сокровище всеобщей любви, заключенное въ волшебномъ кольцѣ, очевидно, недоступно ни одному изъ братьевъ, покуда тянется ихъ яростное и злобное пререканіе о подлинномъ кольцѣ. Неподдѣльное кольцо принадлежитъ лишь тому, кто не требуетъ признанія чужихъ колецъ подложными, чужихъ вѣрованій ложными. Искреннее, глубокое проникновеніе убѣжденіями приводитъ къ уваженію чужихъ, хотя-бы они были далеки отъ нашихъ, къ полному нежеланію силкомъ приводить другихъ въ свою вѣру. Чѣмъ сильнѣе жаждетъ человѣкъ пріобрѣсти истинныхъ слугъ для своей правды, тѣмъ менѣе ему нужны проселиты изъ подъ палки, тѣмъ внимательнѣе онъ присматривается къ тому, что другіе считаютъ своимъ символомъ вѣры. Нечего напоминать, что такая терпимость—терпимость приверженца вполнѣ опредѣленныхъ воззрѣній—не имѣетъ ничего общаго съ вялостью, пассивностью, безразличіемъ. Фанатики могутъ смѣшивать недоступную имъ широту съ индифферентизмомъ, но по существу между ними нѣтъ ничего общаго, и наиболѣе терпимыми оказываются часто люди, наиболѣе вѣрующіе—люди изъ народа. Эта терпимость простого хорошаго человѣка имѣетъ въ драмѣ Лессинга превосходнаго вырази-

теля въ лицѣ монастырскаго служки. При всей глубинѣ своей религіозности, братъ Бонафида знаетъ, напримѣръ, что „дѣтямъ любовь нужнѣе христіанства". Онъ неразвитой и наивный человѣкъ, бывшій конюхъ, и повинуется во имя религіи своему духовному начальнику даже тогда, когда противъ этого возстаетъ его совѣсть; но когда человѣкъ изъ другого народа дѣлаетъ доброе дѣло, онъ не говоритъ,—какъ дѣлалъ не одинъ нѣмецкій критикъ,—что еврей не могъ сдѣлать того, что дѣлалъ Натанъ; онъ говоритъ: „Натанъ, вы христіанинъ!" Лучшей похвалы онъ не знаетъ, и эта похвала не кажется ему кощунствомъ.

Наиболѣе яркій симптомъ переживаемой нашимъ временемъ смуты—по истинѣ невиданное смѣшеніе понятій и перетасовка позицій. „Забытыя слова",—по печальному, но психологически вполнѣ объяснимому недоразумѣнію—находятъ огульныхъ отрицателей тамъ, гдѣ потеряли надежду на ихъ воплощеніе въ жизнь. Въ спеціальной сферѣ тѣхъ началъ, проповѣди которыхъ посвященъ „Натанъ", отмѣтимъ хотя-бы презрительное отношеніе Макса Нордау къ той „Prinzipienreiterei", въ силу которой произошла эмансипація евреевъ. Какъ бы ни былъ чистъ источникъ, изъ котораго можетъ вытекать возрожденіе національнаго самосознанія, насмѣшка *еврея* надъ принципіальностью эпохи просвѣщенія — характерная иллюстрація къ исторіи современной души. Идеи тенденціознаго „Натана" оказываются не пережитой стадіей общественности, а смѣшнымъ доктринерствомъ. Невольно вспоминаешь нѣмецкаго критика, который тонко замѣтилъ: „Возвращаться къ Лессингу—значитъ идти впередъ".

Новая попытка передать „Натана Мудраго" на русскій языкъ дѣлаетъ честь переводчику, уже работавшему съ успѣхомъ въ области воспроизведенія на русскомъ языкѣ лучшихъ образцовъ европейской драмы. Иногда его переводъ даже легче, живѣе и—особенно въ діалогахъ—безыскусственнѣе перевода г. Крылова. Но напрасно его издатель говоритъ, что давно уже мечталъ дать русскому обществу „Натана" въ *дѣйствительно* хорошемъ переводѣ—точно такого перевода не было. Онъ былъ и до сихъ поръ остается лучшимъ: это переводъ г. Крылова.

Константинъ Герра. Исторія одной любви. М. 1897 г.

„На склонѣ своихъ дней", „состарясь отъ труда", г. Герра задумалъ написать книжку стиховъ и подѣлиться съ публикой плодами своихъ поэтическихъ вдохновеній. Отъ души приходится пожалѣть, что мы такъ долго лишены были этого

удовольствія. Будь въ нашемъ распоряженіи достаточно мѣста, мы, конечно, поспѣшили бы выписать здѣсь, если не цѣликомъ всю книгу, то хоть разрѣшаемую закономъ часть этого замѣчательнаго сборника, но приходится, къ сожалѣнію, ограничиться лишь нѣкоторыми характерными выдержками.

Разсмѣется—съ цвѣтами весна,

описываетъ г. Герра свою милую:

Понахмурится—хлопьями зимка...
Призадумалась—вешняя дымка...
А довольна—какъ лѣто ясна!
Ты одна для меня—вся природа,
Ты одна для меня—круглый годъ,
Только осень въ тебѣ не живетъ,
И тебѣ только двадцать два года.

Скажите: додумывался ли кто-нибудь изъ россійскихъ Петрарокъ до поэтическаго сравненія своей Лауры съ... круглымъ годомъ?! Нѣтъ, честь эта выпала на долю одного только г. Герры. И посмотрите, какой изысканной деликатностью тонкаго комплимента отличается этотъ классическій отнынѣ мадригалъ: „Ты для меня—круглый годъ, но *осень* (очевидно, нелюбимая поэтомъ) въ тебѣ не живетъ". По-истинѣ, изумительная тонкость чувства!..

Хотѣлъ бы нарвать я различныхъ цвѣточковъ,
Связать ихъ всѣ вмѣстѣ шелковымъ шнурочкомъ,
Принесть ихъ тебѣ и тебѣ подарить,
Чтобъ знала, что я тебя *началъ* любить.

Вотъ, неопытные юноши, учитесь у „состарѣвшагося отъ трудовъ" г. Герры, какъ нужно дѣлать любовныя признанія!

Хотѣлъ бы затѣмъ наловить тебѣ птичекъ,
Кукушекъ, малиновокъ красныхъ, синичекъ...
Чтобъ хоромъ тебѣ о любви моей пѣли
Минуты, часы, дни и даже недѣли.

Ну, это, положимъ, немножко необдуманно: пѣнье кукушекъ и синицъ, да еще въ теченіе цѣлыхъ недѣль, врядъ ли способно плѣнить легкомысленное женское сердце, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что подобное желаніе обнаруживаетъ скромность, нѣжность, идилличность и другія прекрасныя душевныя качества нашего поэта. Тѣмъ трагичнѣе должна была сложиться исторія его любви. Влюбившись на склонѣ дней въ 22-хъ лѣтнюю красавицу, онъ самъ приготовилъ себѣ неизбѣжныя терніи.

Я не могу такъ долго цѣловать,
Дай воздуху набрать! Прижавъ, ты задушила...
И что за страшная, невѣдомая сила
Въ твоихъ рукахъ, чтобъ такъ меня держать!

Мудрено ли послѣ этого, что несчастный поэтъ начинаетъ вскорѣ жаловаться на грозящее ему „истощеніе"?..

Ты часто говоришь, что я не такъ люблю,
Какъ хочешь ты, что я къ тебѣ остылъ...
Напрасно! я тебѣ на это говорю,
Что и теперь люблю тебя, какъ и любилъ.
Ты часто говоришь: „Ты, вѣрно, измѣнилъ?
Вѣдь не напрасно ты такъ рѣдко навѣщаешь?"
Напрасно! я тебѣ на это говорилъ,
Что упрекаешь въ томъ, чего сама не знаешь.

Наивный г. Герра не понималъ того, что его холодныхъ увѣреній „напрасно!" было слишкомъ мало для бурнопламенной дѣвицы, которая, „прижавъ", чуть не задушила его... Какъ намъ представляется дѣло, печальная развязка являлась здѣсь неизбѣжной: г. Герра былъ брошенъ, забытъ и едва не погибъ отъ страданій разлуки! Напрасно звалъ онъ коварную возлюбленную вернуться, напрасно громилъ ее письмами и стихами, называя и „мышенкомъ" и „чертенкомъ", напрасно, проигравшись однажды въ карты, восклицалъ:

Я отдалъ бы все свое счастье
И выигрышъ лучшаго дня
За встрѣчу съ тобой, за участье,
За счастье быть возлѣ тебя!..

Не помогли даже такія угрозы:

Приди—и спаси мою душу!
Я гибну подъ гнетомъ страстей,
Я клятвы безбрачья нарушу...

Увы, безсердечная красавица, повидимому, не вернулась, и поэту осталось утѣшиться мыслью:

Пусть время все возьметъ—и прахомъ я съ землею
Смѣшаюсь, но мой стихъ меня переживетъ!
Невѣдомъ я теперь, потомъ меня узнаютъ,
Прочтутъ—и на тебя ихъ дума перейдетъ.

О, неужели же г. Венгеровъ не сжалится надъ бѣднымъ г. Геррой и не внесетъ его „Исторію одной любви" въ послѣдующіе выпуски своей „Русской Поэзіи"?..

Максимъ Леоновъ. Стихотворенія. Изданіе второе, дополненное. М. 1898 г.

Приложенная къ стихамъ біографія автора довольно любопытна. Г. Леоновъ, оказывается, одинъ изъ такъ часто встрѣчающихся на Руси „самоучекъ". До восьми лѣтъ онъ жилъ въ деревнѣ, въ крестьянской средѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, помогая отцу въ мелочной торговлѣ. Здѣсь первымъ толчкомъ къ пробужденію въ немъ мысли и эстетическихъ вкусовъ послужили стихотворенія поэта-крестьянина И. З.

Сурикова, данныя ему однимъ старикомъ-сапожникомъ, который тоже любилъ „почитать книжку". Стихотворенія эти, полныя тоски и горя,—говоритъ біографъ г. Леонова—глубоко и сильно отразились на впечатлительной натурѣ мальчика. Когда онъ прочелъ біографію Сурикова и узналъ, что этотъ поэтъ былъ крестьянинъ и сдѣлался писателемъ, единственно благодаря усиліямъ собственной воли и труда, то полюбилъ его до обожанія... Естественно, начались попытки подражать Сурикову. Долгое время онѣ совершенно не удавались, и старикъ-сапожникъ, руководившій въ то время духовнымъ развитіемъ юнаго стихотворца, качая головой, говорилъ: „Рифмой не звучитъ". Тѣмъ не менѣе добродушный критикъ почему-то рѣшилъ: „Одначе попытать можно"—и послалъ какіе-то стихи г. Леонова въ печать. Карьера г. Леонова была сдѣлана, и онъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Родины", „Звѣзды", „Сѣвера", „Свѣта" и другихъ подобныхъ изданій, подписываясь въ нихъ большею частью псевдонимомъ Максима Горемыки.

Все это, повторяемъ, довольно любопытно и характерно. Жизнь г. Леонова, по всей вѣроятности, полная всякихъ лишеній и горя (это и изъ многихъ стихотвореній его видно), ничего кромѣ глубокой симпатіи не можетъ и не должна вызывать. Конечно, такъ. Но, переходя къ вопросу о цѣнности стиховъ г. Леонова, о томъ, какое право имѣетъ его поэзія на вниманіе и сочувствіе общества, мы, признаемся, становимся втупикъ. „Самоучка"—что-жъ, это прекрасно. Кольцовъ *хотя* и былъ самоучкой, писалъ превосходные стихи, и мы вдвойнѣ восхищаемся ими. Г. Леоновъ пишетъ плохіе стихи, *но*, говорятъ намъ, онъ—самоучка... Нѣтъ, воля ваша, это „но" нимало не убѣждаетъ насъ и не спасаетъ отъ той скуки, какую приходится испытывать при перелистываніи 200 страницъ (мелкаго шрифта) этихъ сѣрыхъ перепѣвовъ и подражаній. И не въ томъ главная бѣда стиховъ г. Леонова, что они не оригинальны, а въ томъ, что они лишены всякой руководящей идеи. Есть тутъ и „народные" мотивы въ духѣ Кольцова, Никитина и Сурикова, есть и вполнѣ интеллигентныя пѣснопѣнія (даже въ альбомы писанныя), есть все, чего угодно, не видно лишь одного: кто и что такое г. Леоновъ, какое свое (хоть и маленькое) слово несетъ намъ его столь разносторонняя поэзія... Невольно вспоминаются слова біографіи г. Леонова о впечатлѣніи, произведенномъ на юношу книжкой Сурикова, и невольно думается, что не столько „пѣсни горя и тоски" глубоко и сильно запечатлѣлись въ его душѣ, сколько поучительная судьба поэта-крестьянина и желаніе, подобно ему, также выбиться, во что бы ни стало, изъ мрака неизвѣстности...

Познакомимся же, хоть въ бѣглыхъ чертахъ, съ содержаніемъ поэзіи г. Леонова, чтобы не быть голословными.

Отцвѣтаютъ левкои душистые
И поникъ головой анемонъ...

Характернаго для самоучки изъ народа въ такихъ стихахъ, конечно, мало, и ихъ можно опустить.

„Подъ кустомъ ароматной сирени" стоитъ далѣе нашъ поэтъ въ объятіяхъ съ „нею", и надъ счастливой парочкой поетъ соловей, а мы недоумѣваемъ: чѣмъ эта „сирень" отличается отъ сиреней г. Фофанова, а этотъ „соловей" отъ соловьевъ г-жи Лохвицкой-Жиберъ, и причемъ здѣсь опять то обстоятельство, что г. Леоновъ вышелъ изъ народа, и что онъ—самоучка?

Хороша эта звѣздная ночь,
Ярко звѣзды на небѣ горятъ,

разливается г. Леоновъ въ другомъ стихотвореніи, выпуская на сцену и ручеекъ, и ароматъ, и все того же классическаго соловья. Но эта волшебная ночь, оказывается, должна пройти,

И наступитъ чарующій день
Безъ нужды, безъ скорбей и тревогъ (?!).
Какъ великъ ты въ твореньяхъ своихъ,
Богъ, великій и славный нашъ Богъ!..

Читатель снова въ недоумѣніи...

Между прочимъ, не разъ принимается г. Леоновъ прославлять „пѣсню русскую", вольную и раздольную, и всегда она представляется ему почему-то веселой и безмятежной. Правда, однажды,—быть можетъ, для рифмы,—вкрался и эпитетъ „унылая", но вслѣдъ затѣмъ пѣсня русская опять называется „безмятежной"! Это черта крайне характерная для „вышедшаго изъ народа" поэта.

Не все, правда, поетъ г. Леоновъ объ анемонахъ, сиреняхъ и соловьяхъ, не всегда и его пѣснь весела и безмятежна—мы этого не утверждаемъ. Много въ его стихахъ говорится и о нуждѣ, болѣзняхъ, смерти любимой женщины и о прочихъ невзгодахъ житейскихъ, о людской злобѣ и необходимости быть честнымъ.

Да, вѣрно, вѣрно, другъ-поэтъ,
Ты справедливъ стократъ,
Отринулъ все благое свѣтъ
И полюбилъ развратъ.
. . . . . .
Примѣровъ масса есть такихъ,
Ихъ всѣхъ не перечесть,
Одно скажу: въ сердцахъ людскихъ
Уже не къ мѣсту честь!
Весь свѣтъ теперь погрязъ во лжи,
Повсюду ночи тьма!

Дождемся-ль мы святой любви
И правды торжества?

Вотъ образчикъ гражданской поэзіи г. Леонова, если только возможно назвать поэзіей эти общія фразы, нарубленныя короткими строчками и заостренныя сомнительными рифмами вродѣ „лжи“ и „любви“, „тьма“ и „торжества“.

Есть, между прочимъ, у нашего поэта и стихотвореніе съ громкимъ заглавіемъ „Родина“.

Тихій шумъ дубравы,
Пѣсня соловья,
Робкое журчанье
Горнаго ручья;
Темный лѣсъ дремучій,
Пестрые луга...
Родина! О, какъ ты
Сердцу дорога!..

Не кажется ли вамъ, читатель, что трижды правъ былъ добрякъ-сапожникъ, выразившись однажды относительно стихотворныхъ упражненій г. Леонова: „Рифмой не звучитъ“?

С. Р. Минцловъ. Стихотворенія. Одесса. 1897 г.

Необыкновенно развязный поэтъ г. Минцловъ. Написалъ за десять лѣтъ жизни (какъ значится на обложкѣ его „книги“) десятокъ коротенькихъ стихотвореній, разогналъ ихъ на 30 страницъ (по 8 строкъ въ каждой!), напечаталъ и, ничтоже сумняшеся, проситъ у почтеннѣйшей публики четвертакъ за крайне сомнительное удовольствіе познакомиться съ его „поэзіей“... Что же это, однако, за поэзія? А въ томъ она заключается, напримѣръ, что г. Минцловъ убѣждаетъ какую-то обворожительную дѣвицу „не хотѣть переставать— блистать, плѣнять и танцевать!“ (стр. 9).

Ахъ, какъ хорошо было бы для несчастной русской поэзіи, еслибы гг. Минцловы захотѣли, наконецъ, „переставать“ угощать насъ подобными благоглупостями!

Н. Алексѣевъ. Преступный путь. Романъ въ 3 частяхъ. Спб. 97.

Н. Алексѣевъ. Среди бѣдъ. Историческій романъ въ 2 частяхъ. Спб. 97.

Тяжелое дѣло прочесть эту безталантную макулатуру; но это бы полбѣды еще было, еслибы тяжесть чтенія зависѣла только отъ ея безталанности. Несравненно хуже то, что это вещи вредныя, способныя вліять тлетворнымъ образомъ какъ на художественный вкусъ, такъ и на умъ и сердце тѣхъ мало развитыхъ, мало опытныхъ читателей, на которыхъ онѣ, оче-

видно, только и разсчитываютъ. Г. Алексѣеву, понятно, нѣтъ до всего этого ни малѣйшаго дѣла. По всей вѣроятности, онъ и самъ отлично знаетъ, что у него нѣтъ ни искры писательскаго дарованія, нѣтъ ровно ничего за душой, чѣмъ онъ могъ бы подѣлиться съ публикой, но... онъ умѣетъ держать перо въ рукѣ, и у него есть тоже желудокъ, который boire-manger проситъ.

И вотъ является на свѣтъ „романъ" въ 3 частяхъ „Преступный путь", начинающійся такими высоко-художественными строками:

Въ темный осенній вечеръ на Троицкомъ мосту столкнулись два пѣшехода.

— Осторожнѣе, чортъ возьми! воскликнулъ одинъ изъ нихъ:—не видите куда идете!

— Потише, потише, сударь! отвѣчалъ другой:—не больно-то рявкайте, мы и сами съ усами.

Такимъ образомъ, мы сразу попадаемъ въ пріятную компанію двухъ петербургскихъ червонныхъ валетовъ высшаго и низшаго разбора: одинъ изъ нихъ—баринъ-красавецъ, обаятельный злодѣй Сергѣй Алексѣевичъ Батуновъ, другой—лакей Петька, мелкій жуликъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи слѣпымъ орудіемъ перваго. Старые знакомцы въ тотъ же вечеръ составляютъ планъ звѣрскаго преступленія: Батуновъ задумалъ убить, съ цѣлью ограбленія, свою квартирную хозяйку-старуху и ея дочь-курсистку. Петька по натурѣ своей малый добродѣтельный и долго кобенится:

— А для ча, Сергѣй Алексѣевичъ, безпремѣнно ихъ убивать надо? Мож о бы и такъ все дѣло сварганить?

— Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! Наученъ я довольно! знаю, что значитъ ихъ миловать! Ихъ помилуешь, а самъ въ тюрьму попадешь. Нѣтъ, братъ, нынѣ я не тотъ, что прежде. *Хоть и жаль ихъ*, а дѣлать нечего.

И Петька покоряется: нельзя иначе—такъ и нельзя!... Но почему же, собственно, нельзя, спроситъ читатель! Вѣдь Батуновъ знаетъ, гдѣ лежатъ у старухи деньги, и часто остается одинъ въ квартирѣ? А что касается страха быть уличеннымъ, то вѣдь и дворникъ и полиція знаютъ его (квартиранта съ поддѣльнымъ видомъ) не меньше, хоть и не больше, несчастной старухи съ дочерью? Наивный вы человѣкъ, читатель! Да вѣдь тогда не было бы и самого „романа" г. Алексѣева, еслибы ничего не было! Ему необходимо нужно убійство и ни съ какой логикой, даже и разбойничьей, считаться не приходится. Отвратительнѣйшую сцену этого убійства трехъ женщинъ (у хозяйской дочери ночевала подруга, тоже курсистка) мы передавать, конечно, не станемъ. Это не злодѣйство, совершенное Раскольниковымъ и описанное Достоевскимъ, это просто мерзость, оставляющая въ душѣ сколько-нибудь

разборчиваго читателя лишь чувство самаго глубокаго отвращенія.

Затѣмъ на сцену являются мстители: студентъ-медикъ Волинъ, женихъ одной изъ убитыхъ дѣвушекъ, и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, подружившійся съ нимъ агентъ сыскной полиціи, нѣкто Лащукъ, человѣкъ недюжиннаго ума, неслыханнаго душевнаго благородства, мужества, физической силы и прочихъ достоинствъ... Дружась, они даютъ другъ другу торжественную клятву найти и отомстить; при этомъ Лащукъ даетъ даже Волину обѣщаніе: отыскавъ, предоставить убійцу не въ руки начальства, а во власть его, Волина... Хорошо, повѣримъ автору на слово!

Скрывшійся Батуновъ совершаетъ, между тѣмъ, и замышляетъ рядъ другихъ, еще болѣе крупныхъ преступленій. „Въ числѣ драки" онъ спроваживаетъ на тотъ свѣтъ и своего друга Петьку, продолжавшаго оставаться добродѣтельнымъ и не хотѣвшаго согласиться на отравленіе одного мальчика. „Глаза Батунова мрачно сверкнули", и хотя наружное обращеніе его съ товарищемъ осталось до конца притворно-мягкимъ и ласковымъ, но участь послѣдняго была рѣшена. Расправляется съ Петькой, по порученію Батунова, нѣкій бѣглый каторжникъ Рѣзунъ, получившій это прозвище за любовь къ пролитію крови... Однако, не даромъ же Петька былъ добродѣтеленъ: Рѣзуну не удалось уложить его на смерть, и Петька умираетъ въ больницѣ, успѣвъ покаяться во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и все разсказать вездѣсущему и всемогущему Лащуку. Лащукъ, впрочемъ, и раньше не дремалъ—у него давно уже въ рукахъ всѣ нити новаго чудовищнаго замысла Батунова, въ рукахъ его и самъ Батуновъ.

Приготовляясь, однако, покончить съ своимъ героемъ, г. Алексѣевъ нѣчто вспоминаетъ. Онъ слыхивалъ гдѣ-то и когда-то, что только вполнѣ бездарнымъ писакамъ свойственно изображать закоренѣлыхъ злодѣевъ, не имѣющихъ въ душѣ ничего человѣческаго... И вотъ онъ пишетъ на четырехъ страничкахъ главу съ громкимъ заглавіемъ „Передъ судомъ своей совѣсти". Въ этой главѣ авторъ проявляетъ глубочайшій психологическій даръ, прося насъ повѣрить ему на слово, что Батуновъ не только не чуждъ былъ добрыхъ порывовъ и мученій совѣсти, но даже... даже и корыстолюбивъ-то вовсе не былъ! Оказывается, что милліоны, къ которымъ онъ стремится, какъ къ „завѣтной цѣли", цѣною всевозможныхъ низостей и злодѣйствъ, нужны ему не лично для самого себя, а—безкорыстіе святое!—для жены и дѣтей, такъ какъ онъ былъ тайно женатъ и безпредѣльно любилъ семью...

Можно бы, пожалуй, и тутъ притвориться, что мы вѣримъ автору и удивляемся глубинѣ его психологическаго анализа,

но... уже поздно! Благородный сыщикъ Лащукъ съ пылающимъ мщеніемъ студентомъ Волинымъ бодрствуютъ. Батуновъ прослѣженъ и, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ уже считалъ себя обладателемъ милліоновъ и трехъ женъ, прекрасныхъ каждая въ своемъ родѣ, въ квартиру его врывается полиція... Чѣмъ же кончаетъ авторъ? Отправляетъ своего героя въ каторгу? Упившагося местью студента награждаетъ любовью какой-нибудь добродѣтельной дѣвицы, а благороднаго сыщика Лащука повышеніемъ по службѣ? Какъ бы не такъ, нашли простака! Г. Алексѣевъ и объ этомъ тоже слыхивалъ, что наказаніе порока и торжество добродѣтели шаблонная развязка шаблонныхъ романовъ. И вотъ Батуновъ, послѣ перваго взрыва отчаянія, въ „страшной ярости" схватываетъ револьверъ (мужественный и всевидящій Лащукъ на этотъ разъ зазѣвался) и застрѣливаетъ на повалъ сначала мстительнаго студента (который умираетъ со словами: „Я иду къ тебѣ, Катя!"), а затѣмъ и самого себя... Съ трагической гибелью героевъ кончается, разумѣется, и „романъ", но въ читателѣ надолго еще остается такое ощущеніе, точно его продержали нѣсколько часовъ въ душномъ кабакѣ, гдѣ заставили вдоволь наслушаться и насмотрѣться всего, что подобаетъ этому достойному учрежденію.

Историческій романъ того же автора „Среди бѣдъ" (изъ жизни города Смоленска въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка!), должно сказать правду, не обладаетъ такимъ специфически-отвратительнымъ запахомъ, какъ предыдущій романъ изъ міра уголовщины, но было бы, конечно, лишнимъ трудомъ доказывать, что и онъ представляетъ не менѣе сплошную ерунду и безталанность.

Ив. Ивановъ. Писемскій. Изданіе журнала «Міръ Божій». Спб. 1898.

Книга г. Иванова является весьма кстати; въ іюлѣ текущаго года исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ появленія въ печати перваго произведенія Писемскаго. Быть можетъ, не смотря на лѣтнее безвременье, объ этомъ захочетъ кто нибудь вспомнить; придется пересмотрѣть судьбы произведеній покойнаго автора „Тысячи душъ" и, быть можетъ, явится вопросъ: каково положеніе Писемскаго въ современной литературной жизни? Думаютъ ли о немъ критики, читаетъ ли его еще публика, какъ смотрятъ на устойчивость его образовъ, на общественный смыслъ его созданій, на историческое значеніе его дѣятельности? Не на всѣ эти вопросы дастъ исчерпывающій отвѣтъ книга г. Иванова, но она во всякомъ случаѣ покажетъ, что Писемскимъ еще интересуются, и что ему даютъ

безпристрастную и серьезную оцѣнку именно тамъ, гдѣ, выражаясь словами г. Иванова, „питаютъ чувства признательности и уваженія къ бывшимъ противникамъ нашего автора“.

Если оставить въ сторонѣ критическія статьи, появлявшіяся при жизни автора по поводу всякаго новаго его произведенія, литература о Писемскомъ окажется весьма бѣдной. Цѣльные и до извѣстной степени полные обзоры его жизни и дѣятельности мы имѣемъ только въ работахъ гг. Зелинскаго, Венгерова и Скабичевскаго, но статья перваго — механическая компиляція безъ искры самостоятельной мысли, а книжка послѣдняго, какъ одинъ изъ выпусковъ „Біографической библіотеки“ Павленкова, принаровлена къ уровню пониманія соотвѣтственной публики.

Книга г. Иванова представляетъ собою нѣчто среднее между біографіей и характеристикой. Ничто значительное въ жизни писателя и человѣка въ ней не опущено, но внѣшніе факты теряются въ ней среди обобщенныхъ указаній на фазисы его внутренней, творческой жизни. Въ нашей литературной исторіи едва-ли найдется писательская судьба болѣе знаменательная по своему внутреннему смыслу, болѣе поучительная, чѣмъ судьба Писемскаго. Тѣ произведенія его, которыя онъ самъ, отступая отъ своей теоріи, пытался сдѣлать идейными, проникнуты грубо обнаженной тенденціей, которая надолго порвала всякія отношенія между замѣчательнымъ писателемъ и читающей публикой; тѣ же его созданія, въ которыхъ яркая картина дореформеннаго строя полна—независимо отъ намѣреній автора—глубокаго идейнаго содержанія, обезпечиваютъ ему долгую жизнь именно въ тѣхъ кругахъ, гдѣ онъ нѣкогда такъ легко потерялъ свою популярность. Любопытно, какую бездну поучительнаго содержанія можетъ дать простой непосредственный талантъ, талантъ здраваго смысла, пока онъ не пытается поучать, сознавая, что это не его дѣло. Писемскій, въ сущности, никогда не думалъ бороться, напримѣръ, съ крѣпостнымъ правомъ... Его, какъ извѣстно, обвиняли въ томъ, что такой борьбы, не смотря на то, что онъ впослѣдствіи говорилъ о себѣ иное—въ его произведеніяхъ нѣтъ совсѣмъ; указывали на то, что помѣщичье сословіе ни разу не обличено у него со стороны своихъ отношеній къ крестьянамъ, что напримѣръ, въ „Горькой судьбинѣ“ баринъ не силой добился любви своей крѣпостной крестьянки, какъ это обыкновенно дѣлалось, а ласкою заслужилъ ея искреннюю и глубокую взаимность. На это не трудно возразить, что типъ помѣщика-изверга не сильный протестъ противъ крѣпостного права: дурные люди есть вездѣ. Глава, посвященная знаменитой трагедіи въ книгѣ г. Иванова, ясно показываетъ, что упрекъ справедливъ лишь постольку, по-

скольку имѣлись въ виду прямыя намѣренія автора. Въ „Горькой судьбинѣ“ Писемскій, еще не выведенный изъ равновѣсія яростной полемикой, умѣлъ быть учителемъ, и не задаваясь дидактическими и тенденціозными цѣлями. Его правдивое творчество должно было привести къ торжеству справедливости и гуманности, хотя-бы это и не было его непосредственной цѣлью. Онъ писалъ, какъ будто мирясь съ основнымъ принципомъ дореформеннаго строя, и между тѣмъ былъ для него худшимъ врагомъ.

Мы имѣемъ въ книгѣ г. Иванова цѣлый рядъ указаній на тѣ стороны драмы, которыя для мыслящаго человѣка должны явиться сильнѣйшимъ обличеніемъ коренной неправды крѣпостного строя. Одной фигуры бурмистра, этого духовнаго дитяти рабства, котораго „приводитъ въ ярость малѣйшій проблескъ свободы и человѣческаго достоинства именно у *мужика*“, было-бы достаточно, чтобы воспитать въ зрителѣ бурное отрицаніе строя, такъ извращающаго человѣческую природу. А типичный деспотъ и насильникъ вмѣсто мягкаго и благороднаго Чеглова былъ-бы, конечно, неизмѣримо менѣе убѣдителенъ; да „Чегловъ, *какъ личность*, органически и принципіально *не можетъ быть* повиненъ въ какой бы то ни было несправедливости, насиліи, вообще крѣпостнической неправдѣ“. Но этотъ добрый человѣкъ—причина неправды. Здѣсь, разумѣется, сильнѣйшій ударъ противъ крѣпостного права въ его цѣлокупности. Кто виноватъ въ трагедіи, прошедшей передъ нами? „Не Чегловъ, конечно, не Ананій, и не бурмистръ, а нѣчто, всѣхъ ихъ охватывающее единой темной желѣзной властью, нѣчто, стоящее выше отдѣльныхъ личностей, древній человѣкъ сказалъ-бы *судьба*, мы скажемъ проще,—извѣстный строй общественной жизни—вполнѣ опредѣленный кругъ выработанныхъ этимъ строемъ инстинктовъ, чувствъ, понятій и людей“.

Но исключительно художественныхъ силъ и чистосердечнаго стремленія къ элементарной справедливости „не воруй“, „не бери взятокъ“ и такъ далѣе, было достаточно лишь для критическаго изображенія несложнаго, опредѣленнаго, „органическаго“ быта крѣпостной Россіи. Многосложное общественное движеніе, послѣдовавшее за крымской войной, ставило писателю, желавшему изобразить его, совершенно иныя требованія. Писемскій попытался не считаться съ ними; подъ вліяніемъ несущественныхъ обстоятельствъ, онъ вздумалъ стать не столько бытописателемъ новой Россіи, сколько ея обличителемъ. Но тенденція требуетъ исключительныхъ силъ — или получаетъ выраженіе на счетъ художественной правды. Сдѣлавъ романъ орудіемъ полемики, Писемскій поплатился не только потерей популярности. Ни одно

его произведеніе послѣ „Взбаломученнаго моря“ не имѣло успѣха даже въ рядахъ той партіи, гдѣ могли радоваться „памфлетическому“ направленію талантливаго писателя. И жизнь Писемскаго въ книгѣ г. Иванова является именно „исторіей невольной расплаты за свою писательскую и человѣческую личность“, за отсутствіе „озаряющаго“ начала, отмѣченное въ его творчествѣ съ первыхъ шаговъ его литературной дѣятельности. Одинъ изъ величайшихъ русскихъ реалистовъ послѣ Гоголя, Писемскій не унаслѣдовалъ отъ него тѣхъ слезъ, сквозь которыя слышался смѣхъ въ твореніяхъ учителя. Не слѣдуетъ, однако, заходить далеко въ характеристикѣ этой черты и утверждать, что Писемскій „будто испытываетъ особенное удовольствіе очерствить наши впечатлѣнія и лишить своихъ героевъ права на состраданіе“. Г. Ивановъ приводитъ это даже въ связь съ „органическимъ свойствомъ чисто художественныхъ натуръ“—„ограниченной *сердечной* чуткостью къ жизни и къ людямъ“. Писемскій меньше всего похожъ на безстрастнаго эстета и ни въ своихъ произведеніяхъ, ни по отзывамъ людей, его знавшихъ—въ жизни не походилъ на безсердечнаго судью человѣческихъ слабостей. Авторъ лучшихъ воспоминаній о Писемскомъ, извѣстныхъ г. Иванову и очень далекихъ отъ обычнаго посмертнаго панегирика, Анненковъ называетъ Писемскаго „добродушнѣйшимъ человѣкомъ своего времени“; „онъ считалъ великимъ бѣдствіемъ на землѣ—несправедливость, оказанную человѣку, и притомъ бѣдствіемъ столько же для потерпѣвшаго отъ нея, сколько и для того, кто въ ней провинился“. Это мало похоже на сердечную сухость; вспомнимъ еще, что Писемскій началъ намѣренно лишать своихъ героевъ права на сочувствіе читателя именно въ томъ періодѣ своей дѣятельности, когда онъ менѣе всего былъ „чисто художественной натурой“. Гуманность пошла въ немъ на убыль вмѣстѣ съ талантомъ.

Вопреки мнѣнію г. Иванова, мы не думаемъ, что о Писемскомъ надо напоминать читающей публикѣ: она не забываетъ его. Но если кто изъ читателей захочетъ войти глубже въ духовную обстановку, въ которой создавалась единственная въ своемъ родѣ лѣтопись николаевской Россіи, тотъ найдетъ въ работѣ г. Иванова дѣльное и содержательное обозрѣніе жизни Писемскаго, его времени и его дѣятельности.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ 6. Спб. 1897.

Этимъ выпускомъ заканчивается первый томъ этого полезнаго изданія, заключающій въ себѣ поэзію XVIII вѣка.

Итоги, подведенные составителемъ содержанію его, производятъ внушительное впечатлѣніе. Въ этотъ увѣсистый томъ въ 160 печатныхъ листовъ вошло до полуторы тысячи стихотвореній, принадлежащихъ 116 поэтамъ XVIII вѣка, и критико-біографическіе матеріалы, извлеченные изъ многочисленныхъ, часто неизвѣстныхъ и мало доступныхъ источниковъ. Стихотворенія извѣстнаго своими мемуарами А. Т. Болотова и ода А. Н. Радищева „Вольность" появляются здѣсь въ первый разъ. Въ первый разъ собраны и воспроизведены въ „Русской поэзіи" стихотворенія болѣе чѣмъ сорока поэтовъ, правда, въ большинствѣ случаевъ, весьма незначительныхъ, но для историко-литературныхъ цѣлей сборника онъ долженъ, конечно, представлять извѣстную полноту, и потому въ него вошли не только третьестепенные поэты, „но даже и такіе, которые пользуются исключительно отрицательной извѣстностью". Исторія литературы давно оставила отвлеченно-эстетическую точку зрѣнія и, стараясь всегда выдѣлить элементы индивидуальнаго творчества изъ общаго художественнаго капитала, собраннаго безсознательно-коллективной работой всего народа, знаетъ цѣну не только безсмертнымъ твореніямъ, опередившимъ свою эпоху, но и забытымъ литературнымъ бездѣлушкамъ и курьезамъ, которые были хотя и уродливымъ съ нашей точки зрѣнія, но все-же словомъ въ свое темное время. Произведенія второстепенныхъ писателей, несомнѣнно, представляютъ въ общей массѣ нѣкоторый вкладъ въ сокровищницу духа, и всякій, кому приходилось заниматься самостоятельнымъ изученіемъ исторіи литературы, знаетъ, какія драгоцѣнныя мелочи можно найти подчасъ въ этихъ никѣмъ не читаемыхъ „епиграммахъ", „диѳирамвахъ" и иныхъ „лироепическихъ сочиненіяхъ".

Въ сборникъ вошли въ полномъ составѣ стихотворенія поэтовъ первостепенныхъ, составившихъ эпоху въ исторіи литературы (Кантемира, Ломоносова, Богдановича), а равно тѣхъ, коллекціи сочиненій которыхъ не очень велики или сдѣлались библіографической рѣдкостью или, наконецъ, никогда не были собраны. Здѣсь напечатаны цѣликомъ такія объемистыя произведенія, какъ „Душенька" Богдановича и „Россіяда" Хераскова. Остается пожалѣть, что составитель, удѣливъ такъ много мѣста лирикѣ и эпосу, нашелъ необходимымъ исключить изъ своего сборника драму, въ нѣкоторыхъ образцахъ столь характерную для нашихъ литературныхъ направленій.

Вступительныя статьи и критико-біографическіе матеріалы выбраны съ большой полнотой: здѣсь цѣлые сборники литературныхъ статей, перепечатанныхъ цѣликомъ и въ извлеченіяхъ, и масса библіографическихъ примѣчаній. Сборникъ

г. Венгерова дѣлаетъ ненужными всѣ мелкія изданія аналогичнаго характера и, конечно, станетъ настольной книгой у всякаго, кто такъ или иначе интересуется эпохой русскаго „классицизма".

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕНН. СОБРАНІЯ СЛУЖАЩИХЪ при ФАБРИКѢ ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУРЪ Ивана Грасгольцовъ С. С. Родниковъ

А. Тиховъ. Очерки по греческой литературѣ. Выпускъ второй. О Софоклѣ. Черниговъ, 1897.

Рядъ популярныхъ очерковъ, посвященныхъ древностямъ и литературѣ греко-римскаго міра, написанныхъ живо, толково и интересно, могъ бы быть у насъ полезенъ. Не только въ слояхъ, непричастныхъ классическому образованію, но и среди людей, прошедшихъ университетъ, знакомство съ міромъ классической древности у насъ обратно пропорціонально количеству времени и силъ, опредѣленныхъ на это знакомство оффиціальными программами. На многочисленныхъ и безжизненныхъ урокахъ латинской и греческой грамматики насъ успѣли отучить отъ мысли, что яркая жизнь древней Европы не уступаетъ по богатству содержанія наиболѣе кипучимъ моментамъ ея исторической жизни; насъ пріучили смотрѣть на произведенія классической литературы, какъ на рядъ тоскливыхъ часовъ, проведенныхъ за схоластическимъ разборомъ этимологическихъ и синтаксическихъ формъ. Чтобы оцѣнить прелести Гомера и Горація, бывшій питомецъ классической школы долженъ предварительно постараться забыть то время, когда онъ видѣлъ въ нихъ не перлы художественнаго творчества, а призракъ единицы; ему приходится вернуться къ классикамъ иною, торною дорогой и знакомиться съ ними, увы, изъ вторыхъ рукъ, потому что читать ихъ оригиналъ школа научить его не съумѣла.

Книжка г. Тихова могла бы сослужить въ этомъ отношеніи нѣкоторую службу. Статьи о древнихъ писателяхъ разбросаны у насъ по мало доступнымъ изданіямъ и въ большинствѣ случаевъ предназначены для ограниченнаго круга спеціалистовъ; отдѣльныхъ популярныхъ очерковъ о нихъ почти нѣтъ; лучшее, что у насъ есть въ этой области—„Древніе классики" въ изд. В. Ковалевскаго—всетаки произведеніе переводное, что далеко не всегда желательно, а въ „Біографическую библіотеку" Павленкова жизнеописанія древнихъ писателей—за немногими исключеніями—не вошли совсѣмъ. Къ сожалѣнію, работа г. Тихова не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть къ ней предъявлены. Въ исторіи литературы онъ находится еще на той точкѣ зрѣнія, съ которой собраніе свѣдѣній о внѣшней судьбѣ писателя и эстетическая оцѣнка его произведеній исчерпываютъ содержаніе историко-литературной монографіи. Онъ подчиненъ сво-

имъ источникамъ, очень мало знакомъ съ иностранной литературой предмета и, черпая свои знанія изъ общихъ курсовъ исторіи греческой литературы, излагаетъ содержаніе матеріаловъ наивнымъ и не всегда правильнымъ языкомъ. Произведенія Софокла не послужили автору матеріаломъ для его характеристики—точно писалъ ихъ другой. Въ главѣ „Софоклъ, какъ гражданинъ" сообщается о томъ, что поэтъ исполнялъ нѣкоторыя общественныя и религіозныя обязанности, что сынъ его обвинялъ въ умопомѣшательствѣ, что, „какъ человѣкъ, онъ былъ благороднѣйшій по натурѣ", а гражданиномъ былъ „средней руки" и т. д.—и ни слова о томъ глубокомъ и сложномъ пониманіи коллизіи гражданскихъ обязанностей и человѣческаго долга, которое нашло выраженіе въ „Антигонѣ". Авторъ почему-то думаетъ, что аѳиняне „физическую боль чувствовали гораздо сильнѣе, чѣмъ мы", что въ руской литературѣ драма „спустилась до мелодрамы или мѣщанской драмы" въ произведеніяхъ Львова и отчасти Островскаго. У насъ былъ одинъ драматургъ Львовъ (1821—1872)—авторъ совершенно незначительныхъ и давно забытыхъ обличительныхъ комедій; причемъ онъ здѣсь и какой смыслъ въ его сопоставленіи съ Островскимъ? Стиль г. Тихова напоминаетъ гимназическое сочиненіе: „Языкъ трагедій Софокла вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ характеру. Онъ чуждъ всякаго жеманства. Софоклъ прекрасно владѣетъ языкомъ и, благодаря этому, онъ можетъ подбирать изысканныя выраженія". Черезъ нѣсколько строкъ: „Софоклъ вполнѣ владѣетъ языкомъ. Для каждой мысли онъ умѣетъ найти подходящее выраженіе" и т. д. Г. Тиховъ, конечно, правъ, видя достоинство трагедій Софокла въ томъ, что типы въ нихъ не „вполнѣ готовые", какъ у другихъ древнихъ трагиковъ, а „вполнѣ индивидуальные". Но напрасно онъ думаетъ, что это требованіе индивидуализаціи относится только къ художественнымъ образамъ. Софоклъ въ его характеристикѣ тоже „вполнѣ готовый", то есть лишенный всякой индивидуальной окраски образъ: его не отличить не только отъ другого древняго трагика, но и вообще отъ кого угодно.

Фридрихъ Іодль. Исторія этики въ новой философіи. Томъ второй. Кантъ и этика въ девятнадцатомъ столѣтіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Владиміра Соловьева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1898.

Своевременно мы отмѣтили выходъ въ свѣтъ русскаго перевода перваго тома книги Іодля („Русское Богатство", 1896, іюль). Мы указывали на значеніе этого труда, столько-же историческаго, сколько руководящаго, особенно у насъ, гдѣ

такъ живъ интересъ къ вопросамъ практической морали и такъ мало распространено знакомство съ исторической преемственностью этическихъ ученій. Правда, автору пришлось отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія—дать въ концѣ изслѣдованія сводъ достигнутыхъ имъ результатовъ, формулировать принципы своей прикладной этики. Но ему удалось въ оцѣнкѣ значенія отдѣльныхъ мыслителей показать съ достаточной ясностью, въ чемъ заключается его собственная точка зрѣнія, что онъ принимаетъ и что отвергаетъ изъ того или иного ученія. Общимъ критеріемъ оцѣнки этическихъ положеній служитъ для него не какая либо готовая система нравственности, а самая сущность ученія, тотъ элементъ жизнеспособности и развитія, отсутствіе котораго лишаетъ ученіе права на мѣсто въ исторіи науки. Этика не имѣетъ трансцендентнаго происхожденія—это продуктъ развитія, и наука слѣдитъ лишь за тѣмъ, что имѣло отношеніе къ этому процессу. Поэтому авторъ склоненъ во всякой системѣ искать по преимуществу ея сильныя стороны, оставляя въ сторонѣ тѣхъ мыслителей, въ ученіи которыхъ, „не смотря на нѣкоторыя заслуги въ частностяхъ, слишкомъ мало оригинальнаго въ принципахъ, т. е. именно въ томъ, на что въ нашемъ изслѣдованіи съ самаго начала обращено было преимущественное вниманіе". Въ виду этого въ книгу Іодля не вошелъ, напримѣръ, такой извѣстный мыслитель, какъ Лотце. Не вошли въ нее также тѣ современныя ученія, о значеніи которыхъ судить съ исторической точки зрѣніи было-бы преждевременно; это относится къ эволюціонной этикѣ и къ ученію Гартмана. Этимъ опредѣляется внѣшній составъ книги. Содержаніе ея—сообразно тремъ народамъ, въ философіи которыхъ совершалось главнымъ образомъ развитіе этическихъ ученій съ конца прошлаго вѣка, распадается на три части. Первыя главы части, посвященной Германіи, излагаютъ судьбы этики въ философіи идеализма. Этика категорическаго императива (Кантъ), „прекрасная" нравственность (Шиллеръ), этика творческой геніальности (Фихте), этика умозрительнаго идеализма (Краузе, Гегель)—таковы главныя формы нравственныхъ ученій въ новой нѣмецкой философіи, смѣнившей раціонализмъ эпохи просвѣщенія. Какъ ни мало причастны воззрѣнія автора доктринѣ философскаго идеализма, онъ ставитъ высоко этику нѣмецкихъ метафизиковъ. Связь съ метафизикой имѣла печальныя послѣдствія для формы ихъ нравственнаго ученія, сущность котораго, къ сожалѣнію, доступная лишь посвященному ученику, достойна глубокаго вниманія: „То, что имѣло цѣлью разъяснить загадку жизни, само стало загадкой"—и для того, чтобы произвести дѣйствіе въ родной странѣ—мысль нѣмецкихъ моралистовъ была вынуждена явить-

ся на родину въ чужой обработкѣ. Но высота ихъ нравственнаго идеала и общественнаго значенія не можетъ быть заподозрѣна. „Они не выводили наружу, подобно французскому bel ésprit, того, что, въ сущности, думали въ тиши всѣ,—они, наоборотъ, громко кричали на ухо своему народу то, что люди во всѣ времена неохотно слушаютъ, потому-что оно встряхиваетъ ихъ лѣнь и требуетъ отъ нихъ, чтобы они сами кое о чемъ думали и чѣмъ нибудь стали. Пусть этихъ мужей ругаютъ идеалистами за то, что они смѣшали должное съ существующимъ реально, но пусть не думаютъ, что можно безъ нихъ обойтись въ такое время, когда изъ почтенія къ часто столь ничтожной дѣйствительности совершенно забываютъ, что высшимъ мѣриломъ всего существующаго были и остаются идеи". За этикой идеализма слѣдуютъ попытки умозрительнаго преобразованія церковнаго ученія; характерной чертой начала нашего вѣка является паденіе чисто антропологическаго идеала гуманности; философія и догма сближаются какъ въ предѣлахъ католическаго (Бадеръ), такъ и протестантскаго круга идей (Гегель). Шеллингъ какъ бы примиряетъ оба направленія. Въ дальнѣйшихъ главахъ первой книги охарактеризованы и изложены ученія Шлейермахера („примиреніе идеализма съ натурализмомъ"), Гербарта (этика эстетическаго формализма), Шопенгауера (этика пессимизма), Бенеке и Фейербаха (эвдемонизмъ). Горячій поклонникъ „духовнаго отца нѣмецкаго позитивизма", авторъ исправляетъ историческую несправедливость и воздаетъ должное никѣмъ не оцѣненной этикѣ Фейербаха. Этическія ученія спиритуализма открываютъ собою книгу вторую, посвященную Франціи: здѣсь сгруппированы доктрины Кузена, Жуффруа и Прудона. Надо хорошо владѣть матеріаломъ и глубоко проникать въ суть ученій, чтобы имѣть право объединять столь, казалось-бы, непримиримыя фигуры, какъ эти „столпы либеральнаго общества и его правового порядка" и „человѣкъ, который замахивался на это общество зажженнымъ факеломъ". Но авторъ дѣлаетъ это не разъ въ своей книгѣ; онъ проводитъ подробную параллель между метафизикомъ Краузе и Огюстомъ Контомъ, находя глубокое сходство обоихъ мыслителей въ основномъ нравственномъ настроеніи и въ умственномъ направленіи; онъ сближаетъ Фихте и Д. С. Милля. Прудонъ и спиритуалисты внутренне связаны общностью духовнаго происхожденія: общая почва, на которой выросли ихъ доктрины—идеи французской революціи и нѣмецкой философіи. Прудонъ—спиритуалистъ въ своей метафизикѣ справедливости, свободной воли и личнаго достоинства разумнаго существа и позитивистъ по отрицанію права теологіи на вмѣшательство въ вопросы этики—служитъ переходомъ отъ Кузена къ Конту. Высота нравственной доктрины

творца „Позитивной философіи“ находитъ въ Іодлѣ твердаго и самостоятельнаго почитателя и критика. Въ главѣ объ этико-религіозной проблемѣ во Франціи онъ возвращается къ Конту, къ его религіи человѣчества, выражая сожалѣніе, что странности этой замѣчательной системы мѣшаютъ безпристрастной оцѣнкѣ нравственной красоты и идеальной цѣнности многихъ заключающихся въ ней мыслей. Самая идея возведенія человѣчества въ предметъ поклоненія не кажется автору, раздѣляющему мнѣніе Прудона, удачной. „Не культъ, а культура—вотъ то слово, которое раскрываетъ врата будущаго: не поклоняться должны мы человѣчеству, а просвѣщать и развивать его“.

Въ центрѣ развитія этическихъ идей въ Англіи XIX столѣтія стоитъ ученіе утилитаризма. Послѣ вводной главы, занятой общей характеристикой англійской философіи нашего вѣка, и изложенія нравственнаго ученія индуктивной школы (Стюартъ, Юелль и Мэкинтошъ), въ лицѣ послѣдняго приблизившейся къ утилитаристамъ, слѣдуетъ глава, посвященная Бентаму и Дж. Ст. Миллю; въ концѣ этой главы авторъ предлагаетъ форму, въ которой могло бы совершиться примиреніе между Кантовской этикой категорическаго императива и эвдемонизмомъ Милля. „Въ извѣстномъ смыслѣ нравственное по своему объективному характеру всегда одно и то же: оно—сумма требованій, предъявляемыхъ соціальнымъ общежитіемъ къ характеру и волѣ своихъ членовъ въ интересахъ собственнаго благополучія и усовершенствованія, приспособленіе себя къ этимъ требованіямъ со стороны индивидуума, и выростающія изъ того и другого самодѣятельное развитіе и идеализація ихъ даровитыми индивидами на пользу общежитія. *Но это не мертвая и застывшая формула, а законъ*, который не только дѣлаетъ понятной измѣнчивость, но даже требуетъ ея, представляетъ не только принципъ для познанія того, что совершилось и прошло, но и принципъ построенія въ цѣляхъ будущаго“. Мы остановимся еще на одномъ частномъ замѣчаніи въ этой главѣ. Приведя указанія Милля на глубокое духовное вліяніе замѣчательной женщины, отразившееся на его произведеніяхъ, авторъ напоминаетъ о воздѣйствіи другой женщины на Конта, считая эти факты весьма знаменательными. „Въ самомъ центрѣ предстоящаго великаго преобразованія, неминуемое наступленіе котораго съ одинаковою серьезностью предвозвѣщено было какъ основателемъ французскаго, такъ и основателемъ англійскаго позитивизма,—стоитъ коренной переворотъ въ соціальномъ положеніи и въ образованіи женщинъ: эта теорія является какъ бы идейнымъ отголоскомъ того счастія, которое выпало на долю обоихъ мыслителей и оказало на нихъ въ высокой ст-

пени плодотворное вліяніе... Будетъ совершенно въ духѣ этихъ мыслителей, если мы новому человѣчеству дадимъ въ проводники геній женственности—идею нравственно-соціальной эмансипаціи женщинъ".

Среди многихъ книгъ, появившихся за послѣднее время, мы считаемъ одной изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ книгу Іодля; мы настоятельно рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ и надѣемся, что ихъ не оттолкнетъ кажущаяся трудность ея серьезнаго и содержательнаго языка. Для того важнаго и сложнаго предмета, который составляетъ ея содержаніе, она написана положительно легко и увлекательно. Кто дастъ себѣ трудъ вчитаться въ нее сначала, тотъ не оторвется отъ нея до конца. Справедливо было замѣчено, что она не только трактуетъ объ исторіи этики—она сама составляетъ часть этой исторіи; и заключительный кличъ бодраго оптимизма, которымъ авторъ заканчиваетъ свое долгое изслѣдованіе, показываетъ, въ какомъ направленіи должна двигаться эта исторія.

Ж. Ж. Руссо. Исповѣдь. Переводъ Ѳ. Н. Устрялова. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1898.

Мы не думаемъ, чтобы такія книги, какъ „Исповѣдь" Руссо, могли быть у насъ вполнѣ полезны въ томъ видѣ, въ какомъ появляется новое изданіе перевода г. Устрялова, а именно безъ всякой историко-литературной справки объ авторѣ. Какъ ни громко имя Руссо, какъ ни обширна даже у насъ литература о немъ, громадное большинство читающей публики имѣетъ о его дѣятельности весьма смутное представленіе и, въ сущности, знаетъ его только по имени; при этомъ условіи трудно надѣяться, что изъ чтенія „Исповѣди" будетъ извлечено именно то, что въ ней цѣнно. Хотя „Исповѣдь", по мнѣнію одного изъ біографовъ Руссо, единственное его сочиненіе, которое до сихъ поръ находитъ въ Европѣ читателей, хотя и у насъ она—наиболѣе популярное его произведеніе, однако, можно, кажется, навѣрное сказать, что „Исповѣдь" давно вышла изъ разряда книгъ, которыя годятся для всякаго. Читать ее такъ себѣ, потому что это извѣстная книга, знакомиться внѣшнимъ образомъ съ ея содержаніемъ, безъ связи съ историческимъ положеніемъ ея автора,—не годится. Судя по тому, что она издавалась у насъ не разъ и издается до сихъ поръ, можно думать, что она читается, но особенно радоваться здѣсь положительно нечему; на вопросъ, *какъ* она читается, едва-ли можно дать благопріятный отвѣтъ. Намъ случалось видѣть читателей, которые были довольно далеки отъ того, чтобы цѣнить въ ней незамѣнимый матеріалъ для психологіи страннаго человѣка и великаго писателя, болѣе,

чѣмъ кто либо иной, повліявшаго на воспитаніе современнаго человѣка въ духѣ вниманія къ ближнему; эти читатели дорожили лишь нѣкоторыми скабрезными пассажами „Исповѣди". Но, не говоря о такихъ, которые на всякое художественное произведеніе готовы взглянуть съ этой специфической точки зрѣнія, есть много читателей, которыхъ необходимо подготовить къ непосредственному знакомству съ автобіографіей Жанъ-Жака; между тѣмъ въ новомъ изданіи „Исповѣди" нѣтъ не только какой нибудь вступительной статьи—нѣтъ даже оглавленія или указателя.

Въ ряду крупныхъ и сложныхъ индивидуальностей, выдвинутыхъ эпохой смутнаго броженія, предшествовавшей бурнымъ событіямъ конца XVIII вѣка, едва ли найдется характеръ болѣе интересный, чѣмъ авторъ „Общественнаго договора". Усилія исторической критики долго боролись съ массой случайныхъ и намѣренныхъ противорѣчій, недоразумѣній, пробѣловъ въ матеріалахъ для его жизнеописанія и характеристики. Нельзя сказать, чтобы „Исповѣдь" шла на встрѣчу исканіямъ историковъ литературы, старавшихся оріентироваться въ лабиринтѣ натуры Руссо; скорѣе, она парализовала ихъ усилія. Не то, чтобъ въ ней было много неправды: наоборотъ, теперь можно утверждать, вопреки долго державшемуся мнѣнію что, за исключеніемъ неважныхъ фактическихъ неточностей, ошибокъ, нѣкоторыхъ сантиментальныхъ прикрасъ, въ ней все—правда, не внѣшняя, безукоризненная правда хронологическихъ данныхъ, а глубокая психологическая правда, на какую только былъ способенъ этотъ безсильный предъ игрой настроеній человѣкъ. По утвержденію авторитетнаго историка его жизни, правдивость существеннаго содержанія „Исповѣди" при каждомъ новомъ обогащеніи данныхъ, служащихъ матеріаломъ для провѣрки, становится все болѣе и болѣе очевидной. Но авторъ слишкомъ торжественно возвѣстилъ міру о своей правдивости; въ эпоху господства искусственныхъ и прикрашенныхъ мемуаровъ онъ заявлялъ, что „предпринимаетъ дѣло, которому не было примѣра и котораго осуществленіе не будетъ имѣть подражателей". Между тѣмъ ему не привыкли вѣрить; его оригинальность, и въ самомъ дѣлѣ не лишенная примѣси оригинальничанья, и не казалась никому естественной; понятно, что и „Исповѣдь" подчасъ, дѣйствительно, кажущаяся не столько искренней, сколько откровенной, показалась и современникамъ, и біографамъ автора лишь одной изъ послѣднихъ несимпатичныхъ выходокъ озлобленнаго чудака.

„Исповѣдь" написана въ концѣ литературной карьеры Руссо; если не считать „Rêveries", — она послѣднее изъ его значительныхъ произведеній. Не смотря на то, что авторъ пер-

воначально не предполагалъ дѣлать изъ нея самозащиту, о чемъ заявлялъ неоднократно, она написана всетаки главнымъ образомъ съ оправдательными цѣлями. Это не всегда удается Руссо; онъ не разъ дѣлалъ въ жизни такія вещи, въ которыхъ нельзя оправдаться. Ни фарисейскими софизмами, ни искреннимъ убѣжденіемъ въ своей невинности нельзя внушить нравственному сознанію современнаго человѣка, что можно взвести на невинную дѣвушку обвиненіе въ кражѣ или подкинуть въ воспитательный домъ своего ребенка — вѣрнѣе, пятерыхъ подрядъ—вопреки желанію ихъ матери. Но сложное впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, въ концѣ концовъ, всетаки склоняется въ пользу его многострадальнаго автора. Въ немъ всегда была неутолимая жажда правды. Извѣстенъ разсказъ въ „Исповѣди" о встрѣчѣ Руссо съ человѣкомъ, выдавшимъ себя за автора его оперы. Руссо смогъ только тайкомъ выбраться изъ ресторана, гдѣ происходила эта сцена, чтобы присутствующіе какъ нибудь не узнали его и не уличили несчастнаго самозванца. Такъ удручала и смущала этого человѣка чужая низость. Онъ писалъ всегда въ порывѣ вдохновенія, безъ всякихъ оторонних соображеній, и потому, какъ справедливо было замѣчено, его критика дѣлала фанатиковъ тамъ, гдѣ критика Вольтера дѣлала только скептиковъ. Въ этой силѣ глаголомъ жечь сердца людей—главная основа его исторической заслуги. „Есть наставники—замѣчаетъ Морлей по поводу Руссо,—особенность которыхъ заключается не въ правильности идей и не въ ясномъ пониманіи требованій практической организаціи, а просто въ глубинѣ и горячности нравственнаго чувства, сообщающаго наставнику неуловимый даръ трогать сердца любовью къ добродѣтели и къ духовнымъ подвигамъ". Нѣтъ у Руссо, многія изъ идей котораго служили впослѣдствіи лучшимъ орудіемъ реакціи, ни особенной послѣдовательности и цѣльности міровоззрѣнія, ни рѣшающихъ доводовъ за практическую примѣнимость его идеальныхъ требованій. Съ точки зрѣнія современной ему мысли онъ требовалъ невозможнаго — и невозможное совершилось: міръ заразился его жаждой правды и почувствовалъ желаніе стряхнуть съ себя оковы искусственности. А искусственность эта, съ точки зрѣнія Руссо, была чрезвычайно многообразна: въ области повседневнаго быта она выражалась отчужденіемъ отъ природы; Руссо погналъ людей изъ городовъ въ деревни; въ воспитаніи она проявлялась въ видѣ замѣны живого сближенія родителей съ дѣтьми мертвыми наставленіями; Руссо заставилъ матерей кормить дѣтей грудью и отцовъ подавать примѣръ нравственной жизни сыновьямъ; наконецъ, въ области соціальныхъ отношеній эта искусственность всей

жизни находила выраженіе въ глубокомъ разобщеніи сытыхъ и голодныхъ; Руссо научилъ своихъ современниковъ тому самоотверженію, съ которымъ они встали на борьбу съ безчеловѣчнымъ порядкомъ вещей. Его называли предтечей революціи; но это названіе должно относиться не къ политической революціи конца XVIII вѣка: оно охватываетъ собою тотъ мощный переворотъ въ духовной, и особенно въ нравственной жизни культурнаго человѣчества, который не можетъ считаться завершеннымъ до нашихъ дней. Однимъ изъ самыхъ могучихъ пророковъ этого переворота былъ Руссо, и „если въ настоящее время кто нибудь считаетъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не подумалъ о тяжелой жизни на чердакахъ и въ лачугахъ, о заброшенныхъ дѣтяхъ, о женщинахъ, втоптанныхъ въ грязь грубою безсердечностью большихъ городовъ, этимъ обязаны мы Руссо, который подалъ сигналъ къ новой великой борьбѣ изъ за интересовъ всего человѣчества". Своеобразный процессъ, путемъ котораго малообразованный юноша, авантюристъ и ренегатъ въ самомъ постыдномъ смыслѣ слова, лакей и воришка, дошелъ до роли и силы провозвѣстника новой морали, не всегда ясно выступаетъ въ потокѣ внѣшнихъ событій и незначительныхъ авантюръ, занимающихъ столь видное мѣсто въ „Исповѣди"; но уже здѣсь тамъ и сямъ разбросаны эпизоды, подобные тому, о которомъ Руссо говоритъ: „здѣсь то былъ положенъ зародышъ неукротимой ненависти, развившейся впослѣдствіи въ моемъ сердцѣ къ притѣсненіямъ, испытываемымъ несчастнымъ народомъ, и къ его притѣснителямъ" (Рус. пер. стр. 147).

Поверхностная критика не разъ указывала на то, что содержаніе „Исповѣди" не соотвѣтствуетъ обѣщаніямъ, даннымъ въ ея началѣ авторомъ. Дѣйствительно, требованія, предъявляемыя къ произведенію, гдѣ авторъ беретъ на себя «показать человѣка во всей правдѣ природы", могутъ быть очень велики; но не надо ихъ преувеличивать. Не слѣдуетъ забывать, въ какихъ условіяхъ, при какомъ настроеніи писалась эта книга. Больной писатель уже одержимъ маніей преслѣдованія, ему чудятся шпіоны, и онъ откладываетъ окончательную обработку своего труда до вожделѣннаго момента, когда у него будетъ больше „свободнаго времени и спокойствія". Но ни обработать, ни дожить до появленія „Исповѣди" въ печати Руссо не пришлось. Онъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія своей замѣчательной автобіографіи. Среди его произведеній есть болѣе значительныя по глубинѣ развитыхъ въ нихъ воззрѣній, болѣе важныя по соціальнымъ послѣдствіямъ, но если вѣрно, что во всякой книгѣ самое интересное—ея авторъ, то среди книгъ Руссо едва-ли найдется

другая, болѣе проникнутая своеобразной личностью автора и, стало быть, болѣе интересная, чѣмъ его „Исповѣдь".

Проф. В. К. Надлеръ. Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона, изданныя въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула. Харьковъ. 1898.

„Уступая желанію издателя и вдовы покойнаго своего учителя, проф. В. К. Надлера", проф. Бузескулъ „принялъ на себя обработку его лекцій по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона", изъ коихъ и составилась только что названная книга. „Проф. Надлеръ никогда не читалъ лекцій по запискамъ или даже по конспекту, а всегда на память, и его лекціи всегда являлись импровизаціей", сообщаетъ намъ самъ г. Бузескулъ. Въ основу разсматриваемаго изданія и легли записи импровизированныхъ лекцій, дважды сдѣланныя однимъ изъ слушателей Надлера въ 1887 и 1888, такъ что г. Бузескулу пришлось имѣть дѣло съ двумя разными редакціями одного и того же курса, которыя онъ и слилъ въ одну, „вездѣ сохраняя подлинныя слова и фразы" лектора. Въ записяхъ лекцій „оказалось немало ошибокъ, неточностей, несомнѣнныхъ искаженій и обмолвокъ", объясняющихся способомъ чтенія Надлеромъ лекцій. Г. Бузескулъ счелъ нужнымъ, конечно, устранить всѣ эти неправильности, но все ли имъ было исправлено, это другой вопросъ: и самъ онъ говоритъ, что ошибки и неточности устранены имъ въ самомъ текстѣ „большею частью", а потому меньшая часть могла и остаться. Въ импровизированныхъ курсахъ весьма возможны и пробѣлы: по словамъ редактора „Лекцій", и таковые имѣются, но онъ „не счелъ возможнымъ ихъ пополнять". Наконецъ, г. Бузескулъ находитъ нужнымъ оговориться, что „всецѣло оставляетъ на отвѣтственности автора высказываемые въ лекціяхъ взгляды и сужденія". Таково происхожденіе посмертнаго труда автора „Императора Александра I и идеи Священнаго Союза", историческіе взгляды котораго, конечно, хорошо извѣстны русской читающей публикѣ. Узнавая изъ предисловія къ книгѣ, какъ она создалась, невольно начинаешь относиться къ ней съ недовѣріемъ, не смотря на почтенное имя г. Бузескула, уступившаго чужимъ желаніямъ, когда брался за свою редакторскую работу. А тутъ онъ еще самъ въ предисловіи замѣчаетъ, что Надлеръ въ своемъ курсѣ далъ „очеркъ исторіи, правда, больше внѣшней". Въ видѣ оправданія появленія книги онъ ссылается, между прочимъ, на то, что издаваемый имъ курсъ „во многихъ отношеніяхъ удачнѣе и лучше" отдѣльно напечатаннаго Надлеромъ „Обозрѣнія событій съ 1792 по 1800 г." Этой публикаціи мы въ

рукахъ не имѣли, но охотно вѣримъ, что она неудачнѣе и хуже только-что появившихся „Лекцій", но это еще не резонъ для того, чтобы онѣ заслуживали сочувствія со стороны критики и публики, котораго для нихъ желаетъ редакторъ.

Изъ 272 стр. текста только одна сотня (10—115) посвящена французской революціи, и читатели, которые хотѣли бы познакомиться въ изложеніи Надлера съ этимъ событіемъ, должны имѣть въ виду, что центръ тяжести книги—Наполеонъ, въ исторіи котораго на первый планъ выдвинута внѣшняя (дипломатическая и военная) исторія. Правда, авторъ считаетъ Наполеона „великимъ представителемъ революціонныхъ идей" (стр. 8), „геніальнымъ представителемъ революціи" (стр. 10), и т. п., но въ своемъ изложеніи онъ лишь слегка (стр. 165—167) касается сложнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ революціи и имперіи Наполеона. Впрочемъ, авторъ вообще не углубляется во внутренній смыслъ историческихъ событій, и въ этомъ—одинъ изъ общихъ недостатковъ его книги. По словамъ г. Бузескула, онъ вообще „отмѣчаетъ лишь главные, наиболѣе выдающіеся моменты и ихъ значеніе", но разъ онъ именно *такъ* относится къ историческому матеріалу, то отъ него мы и имѣемъ право требовать болѣе глубокаго пониманія событій. На самомъ дѣлѣ, Надлеръ скользитъ по поверхности фактовъ, и очень часто въ его изложеніи они отражаются, какъ въ кривомъ зеркалѣ, т. е., говоря просто, сообщаются прямо въ искаженномъ видѣ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ на удачу.

При Людовикахъ XV и XVI единственнымъ учрежденіемъ, оказывавшимъ сопротивленіе королевской власти, были парламенты, и правительству не разъ приходилось вступать съ ними въ борьбу, а у Надлера они являются „покорнымъ орудіемъ королевскаго произвола" (стр. 12). Говоря о реформахъ Тюрго (стр. 30) или о времени, непосредственно предшествовавшемъ революціи, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о тогдашней оппозиціи парламентовъ. Политическія теоріи Монтескье и Руссо, игравшія важную роль въ исторіи революціи, Надлеръ излагаетъ крайне спутанно и невѣрно. Монтескье, напр., никогда не говорилъ, что „стоитъ лишь провести послѣдовательно и во всѣхъ частяхъ принципъ раздѣленія властей, и старое общество преобразуется само собою, всѣ злоупотребленія стараго порядка изчезнутъ навсегда". Напрасно авторъ приписываетъ Монтескье мнѣніе о необходимости несмѣняемыхъ судей, когда тотъ какъ разъ о нихъ-то въ своемъ изображеніи англійской конституціи и не говоритъ, думая, наоборотъ, что судьи должны выбираться народомъ лишь на извѣстные сроки. Критикуя Монтескье, Надлеръ представляетъ дѣло такъ, будто авторъ „Духа Законовъ" совсѣмъ устра-

нялъ короля отъ участія въ законодательствѣ (стр. 20). Съ Руссо дѣло обстоитъ не лучше. Излагая, напримѣръ, „Общественный договоръ", нашъ историкъ передаетъ на самомъ дѣлѣ содержаніе другого сочиненія Руссо—„О причинахъ неравенства между людьми" (стр. 22). Исторія реформъ Тюрго изложена крайне неудовлетворительно (стр. 30). Созваніе государственныхъ чиновъ въ 1789 г., по мнѣнію Надлера, было предпринято „единственно для обсужденія чисто финансовыхъ вопросовъ" (стр. 38), и эту мысль онъ повторяетъ (стр. 52), тогда какъ это противорѣчитъ прямымъ заявленіямъ правительства, ставившимъ этому собранію весьма широкія задачи. Въ настоящее время совершенно непростительно излагать исторію революціи 1789 г., совсѣмъ обходя вопросъ о содержаніи cahiers, какъ это дѣлается у Надлера (стр. 36). „Жакерія" вызвала ночное засѣданіе 4 августа, а вовсе не была вызвана состоявшимся въ этомъ засѣданіи постановленіями (стр. 47 и 56). Послѣднія авторъ называетъ „вѣчно памятными", но, въ сущности, не объясняетъ ихъ значенія, тѣмъ болѣе, что и въ изложеніи причинъ революціи не даетъ характеристики феодальнаго режима, тяготѣвшаго надъ деревнями. Конечно, далеко отъ истины и сведеніе всего значенія „декларацiи правъ человѣка и гражданина" къ „подрыву какой бы то ни было власти и какого бы то ни было порядка" (стр. 50). Конституція 1791 г. изложена очень неполно и не совсѣмъ точно (стр. 56—57). Самъ г. Бузескулъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ стр. 59 находитъ оцѣнку дѣятельности національнаго собранія „слишкомъ строгой и не совсѣмъ вѣрной".

Мы отмѣтили здѣсь погрѣшности, для выясненія коихъ не нужно было тратить много словъ. Болѣе обстоятельный разборъ потребовалъ бы слишкомъ много мѣста. Мы выбрали только страницы, относящіяся къ исторіи начала революціи, но, собственно говоря, то же самое встрѣтили бы и дальше. Справляемся наудачу, какъ изложены у Надлера прусскія реформы начала XIX вѣка, и оказывается, что авторъ словно и не подозрѣваетъ, какая громадная разница существовала между Штейномъ и Гарденбергомъ, являющимся у него простымъ „продолжателемъ Штейна" (стр. 189—190). Самая характеристика Штейна вышла у него не совсѣмъ точною.

Проф. Бузескулъ снабдилъ изданіе „Лекцій" библіографическими примѣчаніями, составленными довольно полно. Не знаемъ только, почему на стр. 206 онъ ссылается только на одну книгу г. Ордина о покореніи Финляндіи, особенно въ виду того, что не всѣ, писавшіе объ этомъ предметѣ, держатся высказаннаго въ ней взгляда. Самая, однако, полная библіографія въ книгѣ, слишкомъ носящей на себѣ слѣды

импровизаціи, можетъ оказаться безполезной, и мы думаемъ, что составленіе алфавитнаго указателя къ такой книгѣ, занимающаго чуть не цѣлый печатный листъ, было также напрасно потраченнымъ трудомъ.

Ѳ. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897.

Авторъ названной книги поставилъ своей задачей новый пересмотръ „стараго, забытаго дѣла" знаменитаго малороссійскаго гетмана. „Поэты и художники, историки и моралисты—говоритъ онъ—двѣсти лѣтъ разработываютъ эту тему. Но коренное противорѣчіе взглядовъ на весь предметъ, поразительная неясность даже главныхъ обстоятельствъ, странное умолчаніе о многомъ и не менѣе странное толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ показываютъ, что въ этой трагедіи еще много непонятаго и загадочнаго". Если даже оставить въ сторонѣ поэтовъ и моралистовъ, надъ которыми историки имѣютъ довольно ограниченную власть, то нельзя будетъ все-же отрицать необходимость подобнаго пересмотра. Традиціонное представленіе о Мазепѣ, какъ о поклонникѣ польскихъ шляхетскихъ порядковъ, насаждавшемъ ихъ въ Малороссіи, и коварномъ честолюбцѣ, исключительно изъ личныхъ видовъ толкнувшемъ свою родину на путь измѣны и политическихъ приключеній, врядъ-ли можетъ выдержать серьезную критику, особенно въ виду фактовъ соціальной и политической жизни страны, вскрытыхъ изслѣдованіями послѣднихъ десятилѣтій. Во всякомъ случаѣ это представленіе должно подвергнуться обстоятельному разбору при свѣтѣ новыхъ данныхъ. Признавая такимъ образомъ вмѣстѣ съ авторомъ важность и своевременность его темы, мы не рѣшились бы, однако, сказать, что онъ подступилъ къ ней въ полномъ и всецѣло соотвѣтствующемъ цѣли вооруженіи. Бѣда въ томъ, что самъ г. Уманецъ въ своей книгѣ является гораздо болѣе поэтомъ и моралистомъ, чѣмъ историкомъ. Пишетъ г. Уманецъ необычайно красиво и образно. Нужно ли ему сказать, что передъ появленіемъ въ Малороссіи шведовъ въ 1708 г. въ ней царило наружное спокойствіе, онъ для выраженія этой простой мысли немедленно прибѣгаетъ къ помощи цѣлаго ряда образовъ. „Малороссія смотрѣла нерѣшительно и, вмѣстѣ,—крайне напряженно. Только шумъ колесъ водяной мельницы да шелестъ очерета даетъ охватившей ея ночной тишинѣ своеобразную жизнь и непонятное нарѣчіе. Испуганный журавленокъ озвался въ своемъ неприступномъ гнѣздѣ, водяной бугай, точно забулдыга, затянулъ безобразную пѣсню; воспользовавшись минутой молчанія, въ олешникѣ заливается соловей;

беззаботная молодежь далеко за полночь бесѣдуетъ на завалинѣ и шепчется въ вишневомъ садку. Однако, не все идиллія! Болѣе того: все это—обманчивая тишина. Спитъ только Анненковъ Григорій, начальникъ великорусскаго отряда" (214). Надо ли автору характеризовать настроеніе Мазепы во время борьбы Петра съ Карломъ XII, онъ ограничивается вопросомъ, могъ ли въ виду петровскихъ преобразованій „оставаться равнодушнымъ Мазепа, котораго предки отъ прадѣдовъ казаки, двоюродный дѣдъ погибъ за Малороссію, который самъ пережилъ чувства Дорошенка, Выговскаго, Многогрѣшнаго... самъ страдалъ отъ андрусовскаго мира и самъ вышелъ изъ эпохи Хмельницкаго, очаровательной, какъ молнія, величественной, какъ вулканъ, и страшной, какъ землетрясеніе" (221). Не успѣваетъ потрясенный такими ужасами читатель спросить г. Уманца, откуда ему извѣстно, что Мазепа „самъ пережилъ", „самъ страдалъ" и т. д., какъ тотъ уже продолжаетъ: „несомнѣнно, по мѣрѣ успѣховъ Карла XII, Мазепа чувствовалъ себя, какъ ручной медвѣдь, введенный въ дремучій лѣсъ, буревѣстникъ передъ грозой и перелетная птица, почуявшая весну". И къ этому присоединяется еще рядъ образовъ, взятыхъ на прокатъ изъ исторіи Аттилы и крестовыхъ походовъ, изъ русской лѣтописи и „Призраковъ" Тургенева (221—2). Главу, посвященную измѣнѣ Мазепы, г. Уманецъ „спѣшитъ закрыть съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ непривычный зритель спѣшитъ оставить анатомическій театръ и залу вивисекцій" (242); по поводу любви къ Мазепѣ Матрены Кочубей онъ поминаетъ „идею высшаго товарищества съ человѣкомъ высшей силы, создавшую типъ женъ-мироносицъ, герцогини Матильды, Каролины Гершель и Анны Орловой, сдѣлавшую супругами поэта Жуковскаго, декабриста фонъ-Визина, Лессепса и Меттерниха" (327); словомъ, съ его пера непрерывно бѣжитъ потокъ сравненій и картинъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ (да проститъ намъ читатель это невольное подражаніе поэтической рѣчи г. Уманца). Такое стремленіе къ поэзіи, само по себѣ взятое, не представляло бы еще очень большой бѣды, еслибы оно ограничивалось живописностью слога, достигаемой путемъ мало идущихъ къ дѣлу сравненій и плохо нарисованныхъ картинъ природы. Къ сожалѣнію, какъ мы отчасти уже и видѣли, это стремленіе увлекаетъ автора и далѣе. Когда г. Уманецъ сравниваетъ царицу Наталью Кирилловну и царевну Софью, какъ „двухъ женщинъ, равныхъ по уму", причемъ ставитъ вторую выше лишь „по качествамъ сердца" (83), когда онъ проводитъ параллель между Софьей и Екатериной II (86) или утверждаетъ, что „едва-ли найдется область государственной жизни, которая осталась бы внѣ прогрессивнаго теченія политики Софьи" (87),—мы имѣемъ

дѣло, очевидно, уже съ болѣе серьезными поэтическими увлеченіями. Но особенной силы достигаетъ подобное увлеченіе у автора, когда ему приходится говорить о Петрѣ I. Взглядъ г. Уманца на Петра и реформы его времени въ высшей степени своеобразенъ. Для него въ Петрѣ соединяются „два совершенно противоположныхъ человѣка". Въ годы юности Петру свойственно особое обаяніе, онъ является геніемъ, среди игръ схватывающимъ „высшіе идеалы тогдашней политики", причемъ „его общій тонъ дышетъ мягкостью и красотой" (101—2). Заговоривъ о бракѣ Петра съ Евдокіей Лопухиной, г. Уманецъ возвышается до восторженнаго краснорѣчія, по силѣ убѣдительности едва-ли не равнаго „непонятному нарѣчію ночной тишины". „Изъ царской семьи—говоритъ онъ—выдѣляется своя малая семья, гдѣ столько ума, любви, идеала и изящества. Какъ на картинѣ Каульбаха въ тучахъ разрушающагося Іерусалима сіяетъ христіанская семья, спасаемая ангеломъ, такъ эта идиллія на тронѣ, съ 17-лѣтнимъ Петромъ во главѣ, выдѣляется на мрачномъ фонѣ Москвы XVII вѣка. Даже теперь черезъ двѣсти лѣтъ, трудно не поддаться обаянію этого образа, созданнаго не только для счастія подданныхъ, но и для Vitae Sanctorum и дѣтскихъ книгъ. Но что должны были ощущать современники этого идеальнаго юноши, осязавшіе раны тогдашней русской жизни, участвовавшіе въ борьбѣ со старымъ зломъ и перенесшіе на молодого царя всю свою любовь и всѣ свои надежды! Если неравнодушны мы, для которыхъ вся эта исторія имѣетъ только академическій интересъ, то чѣмъ измѣрить увлеченіе людей, которые вмѣстѣ съ Петромъ надѣялись, любили, боялись и ожидали" (103). „Юношескія дѣла Петра отличаются глубокой обдуманностью": всѣ они, до азовскихъ походовъ включительно, являются „предпріятіями, выношенными въ умѣ и въ то же время не выходящими изъ предѣловъ необходимости" (132—3). Но послѣ смерти матери и заграничнаго путешествія Петромъ овладѣваетъ своего рода „болѣзнь", разыгрывающаяся „въ оргію петровскихъ преобразованій" (126, 89, 139). Сотрудниковъ Петра изъ этой эпохи г. Уманецъ, не смущаясь, сопоставляетъ съ Малютой Скуратовымъ (128), въ самомъ Петрѣ видитъ не болѣе, какъ „второе изданіе Ивана Грознаго", а реформу сводитъ къ „скороспѣлымъ преобразованіямъ", путемъ которыхъ „Петръ ставитъ нигилизмъ на степень государственнаго учрежденія" (153, 158). Реформаторскіе пріемы Петра вызываютъ со стороны автора моралистическія разсужденія, тѣмъ болѣе настойчивыя, что, по его утвержденію, московская жизнь и до Петра была сплошь проникнута реформаторскимъ движеніемъ, только болѣе сознательнымъ и достойнымъ. Нечего и говорить, что ученые рессурсы, на основаніи которыхъ авторъ

рисуетъ свои вдохновенныя картины и постановляетъ столь рѣшительные приговоры, не особенно велики и едва-ли не исчерпываются сочиненіями Устрялова и Соловьева. Авторъ цитируетъ, правда, и отзывъ о петровской реформѣ г. Милюкова, но цитируетъ по рецензіи на трудъ послѣдняго ученаго въ „Ист. Вѣстникѣ", не зная, повидимому, ни того, кому принадлежитъ этотъ отзывъ, ни того, что онъ относится къ одной лишь сторонѣ реформы, равно какъ не подозрѣвая того, что цитируемый имъ ученый менѣе всего способенъ оцѣнивать историческія явленія, и въ томъ числѣ реформу Петра, съ узко-моралистической точки зрѣнія. Знакомство съ литературой и ученое изслѣдованіе г. Уманецъ съ успѣхомъ замѣняетъ творческимъ полетомъ фантазіи и назидательными размышленіями нравственнаго характера, закутанными въ мнимо-историческую одежду.

При помощи такихъ же пріемовъ разрабатываетъ онъ и главную свою тему. Нѣкоторыя изъ критическихъ замѣчаній, обращенныхъ имъ къ своимъ предшественникамъ, могутъ имѣть серьезное значеніе, но его собственныя построенія положительно страдаютъ избыткомъ фантастичности. Скудость, неясность и противорѣчіе источниковъ, говорящихъ о жизни Мазепы до его перехода въ лѣвобережную Малороссію, не мѣшаютъ автору дать вполнѣ точный и опредѣленный разсказъ объ этой жизни, причемъ такая опредѣленность достигается путемъ созданія ряда предположеній, немедленно послѣ высказыванія ихъ обращаемыхъ въ строго доказанные факты. Г. Уманецъ не только знаетъ, что „родъ Мазепы принадлежитъ къ самымъ древнимъ въ Малороссіи и заслуженнымъ въ Войскѣ", не только устанавливаетъ точную генеалогію его съ XVI вѣка, но излагаетъ даже, исключительно на основаніи отвлеченныхъ соображеній, политическіе взгляды его отца, о которыхъ всѣ источники хранятъ полное молчаніе. Такимъ же способомъ онъ опредѣляетъ не только годъ рожденія Ивана Мазепы, но и хронологію его любовныхъ интригъ въ молодости, и точно такъ же ведется дальнѣйшій его разсказъ и создается характеристика Мазепы. Если послѣдній писалъ В. Голицыну: „вы меня давно знаете", то очевидно, что „длинныя бесѣды Мазепы съ Голицынымъ на тему задуманныхъ реформъ не подлежатъ сомнѣнію" (95). Если Мазепа самъ составляетъ планъ военной кампаніи и не любитъ, когда его нарушаютъ, то „едва-ли можно говорить о недостаткѣ военныхъ познаній у него" (119). Г. Уманецъ старается далѣе обѣлить Мазепу въ первомъ періодѣ его жизни. По его взгляду, мало, впрочемъ, обоснованному, чтобъ не сказать не обоснованному вовсе, Мазепа служилъ у Дорошенка изъ патріотическихъ побужденій, затѣмъ, перейдя по необходимости къ

Самойловичу, не участвовалъ въ интригѣ, погубившей послѣдняго, а, сдѣлавшись гетманомъ, искренно служилъ Софьѣ и позднѣе Петру, пока послѣдній былъ чистымъ и геніальнымъ юношей. Измѣненіе дѣятельности Петра въ „оргію преобразованій" вызвало и измѣну Мазепы. Ходъ самой измѣны и дѣло Кочубея изложены у г. Уманца съ неменьшею опредѣленностью, чѣмъ и ранняя біографія его героя, причемъ въ число источниковъ имъ привлекается и „Исторія Руссовъ", знаменитый памфлетъ, неизвѣстнаго автора котораго г. Уманецъ продолжаетъ считать Конисскимъ, возводя его даже въ санъ „Тита Ливія Малороссіи" (120—1). Наиболѣе интереснаго вопроса о внутренней политикѣ Мазепы за время гетманства авторъ касается лишь въ одной небольшой главѣ, носящей названіе „Крестьянское дѣло при Мазепѣ", но въ дѣйствительности захватывающей предметъ болѣе широко. Спеціалисты найдутъ здѣсь нѣсколько новыхъ фактовъ и документовъ по исторіи землевладѣнія и сословій въ Малороссіи и нѣсколько интересныхъ указаній автора по тѣмъ же вопросамъ, наряду, однако, съ поспѣшными и неправильными выводами и невѣрнымъ пониманіемъ общаго хода дифференціаціи общественныхъ классовъ страны. Что касается заключительнаго акта исторіи Мазепы, то взглядъ автора на этотъ актъ врядъ-ли вполнѣ вѣренъ и во всякомъ случаѣ недостаточно опредѣлененъ. Правильно указывая, что въ измѣнѣ Мазепы принимало первоначально участіе значительное количество старшины, позднѣе отступившейся отъ него, г. Уманецъ готовъ идти дальше и видѣть въ Мазепѣ выразителя народныхъ стремленій, а неудачу его плана приписать простой случайности—ошибкѣ Карла XII, направившаго свой походъ на югъ вмѣсто сѣвера. Но, признавая, что „движеніе къ революціи было всеобщимъ", онъ вмѣстѣ и въ имущественныхъ классахъ, и въ массѣ народа усматриваетъ, благодаря раздѣленію ихъ интересовъ, „безсознательныхъ союзниковъ" Петра (404). Эти противорѣчивые по существу своему взгляды находятъ себѣ у автора примиреніе лишь въ чисто телеологическомъ и въ научномъ отношеніи безплодномъ объясненіи: „если теперь невозможенъ другой Мазепа, то для его невозможности былъ необходимъ пережитый тѣмъ поколѣніемъ психологическій процессъ" (407). Въ концѣ концовъ трудъ г. Уманца, быть можетъ, вызоветъ новый интересъ въ эпохѣ и личности Мазепы, но самъ по себѣ предпринятый авторомъ этого труда пересмотръ „стараго дѣла" врядъ-ли можно считать приведшимъ къ большимъ положительнымъ результатамъ.

Опроверженіе.

Печатается на основаніи 139 ст. Устава о Цензурѣ и печати.

Въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства» за истекшій годъ была напечатана анонимная статья—рецензія въ шесть страницъ, посвященная четвертому изданію моихъ стихотвореній «Грёзы и пѣсни». Г. анонимный рецензентъ распространился не только о мой книжкѣ, но и обо мнѣ лично—въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Изъ естественнаго чувства деликатности, столь чуждаго самому г. Захарьину»... «Намъ вчужѣ стыдно за него!» (за меня то-есть), и т. д... Въ концѣ своей рецензіи о моей книжкѣ, анонимный г. критикъ дозволилъ себѣ еще и слѣдующую инсинуацію:

«Въ заключеніе—говоритъ г. анонимъ,—намъ хочется преподать одинъ благой совѣтъ нашимъ современнымъ поэтамъ. Господа! мы *открыли* для васъ вѣрнѣйшее средство прославиться: напечатайте ваши стихотворенія въ одной тысячѣ экземпляровъ и на каждой отдѣльной сотнѣ помѣтьте: первое изданіе, второе изданіе, третье, и т. д. до десятаго включительно. Пускай даже никто не будетъ первое время покупать вашихъ стихотвореній! Вѣдь не такой уже большой трудъ разослать сотню экземпляровъ по редакціямъ и знакомымъ. И вотъ, черезъ 3—4 дня вы уже выпускаете въ свѣтъ «второе изданіе», также скоро послѣдуетъ и третье, и четвертое... А затѣмъ... затѣмъ уже, нужно думать, найдутся *дураки* (!), которые и покупать васъ станутъ, и чего добраго, хвалить! Право же, это не совсѣмъ смѣшной планъ. Одна бѣда: мы боимся (?), что онъ не новъ и что *нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ*, какъ молодыхъ, такъ и *немолодыхъ*, давно уже *практикуютъ его*»...

Эта инсинуація анонимнаго рецензента, направленная, несомнѣнно, *противу меня* (такъ какъ, на цѣлыхъ шести страницахъ шла рѣчь только *обо мнѣ* и о *моей* книжкѣ), обязываетъ меня возразить слѣдующее:

Очень возможно, что этотъ «не совсѣмъ смѣшной планъ» и практикуется нѣкоторыми изъ поэтовъ и сотрудниковъ журналовъ, чтобы «прославиться»... Но я—смѣю въ томъ увѣрить г. критика—слышу о таковомъ «планѣ» въ первый разъ въ жизни, нахожу въ этомъ издательскомъ гешефтмахерствѣ, выражаясь языкомъ криминалистовъ, всѣ существенные признаки плутовства и обмана,—хотя, въ то же время, и не могу отказать этому «открытію» въ нѣкоторомъ остроумія...

Книжка же моя «Грёзы и пѣсни» *была издана, дѣйствительно, четыре раза*: первое ея изданіе было въ 1883 году, второе въ 1889, третье въ 1892 и четвертое—въ 1896 году. Анонимный

рецензентъ изъ «Русскаго Богатства» можетъ, если пожелаетъ, навести по этому предмету необходимыя справки—въ своевременныхъ объявленіяхъ «Правительственнаго Вѣстника» о выходѣ книгъ.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

Спб. 29 января 1898 года.

Книги, поступившія въ редакцію.

Фаустъ. Трагедія **Гете**. Переводъ Н. Голованова. Изданіе 2-е, исправленное. Съ комментаріями по Юрьеву, Дюнцеру, Кара, Куно-Фишеру, Карьеру и др., съ иллюстраціями Лиценъ-Майера и Цейса. Изданіе С. С. Мошкина. М. 98.

Чарльзъ Диккенсъ. Блестящая будущность. Романъ. Сокращенный пер. съ англ. А. Н. Энгельгардтъ. Съ 10 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р.

Тальботъ. Старшины вильбайской школы. Пер. съ англ. М. Шишмаревой. Съ 24 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р.

Утренняя заря. Сборникъ стихотвореній для дѣтей младшаго возраста. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 20 к.

Доброе сѣмя. Сборникъ стихотвореній для дѣтей школьнаго возраста. Составилъ М. Круковскій. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 25.

„Де найшовъ, де загубывъ". Оповидання Павла Шулики. У Черкасахъ. 97. Ц. 5 к.

В. Свѣтловъ. Уголокъ Колхиды. Романъ. Изд. Д. Наумова. Спб. 98. Ц. 1 р.

Ил. Смирновъ. Изъ дѣтской жизни. Разсказы для дѣтей. Изд. М. В. Клюкина. М. 98. Ц. 40 к.

Онъ же. Утро. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 98. Ц. 5 к.

Клавдія Лукашевичъ. Свѣтлячекъ. Сборникъ разсказовъ, сказокъ, сценъ изъ дѣтской жизни для младшаго возраста. Изд. М. В. Клюкина. М. 98.

Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи **Д. Бохана**. Минскъ. 97. Ц. 25.

Сказки китайскія, бретонскія, финляндскія и рождественскіе разсказы **Е. Зетъ**. Екатеринославъ. 97. Ц. 15 к.

В. Свѣтловъ. Въ невѣдомую даль. Романъ. Изд. Д. А. Наумова. Спб. 98. Ц. 1 р.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Томъ II. 1896—1898. М. 98.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Легенды. Спб. 98. Ц. 1 р.

М. Чернявськый. Донецьки сонеты. Бахмутъ. 98. Ц. 10 к.

Возмездіе или чудеса нашего времени. Е. М. М. 96 Ц. 20 к.

В. Н. Харузина. Сказки русскихъ инородцевъ. (Съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями). Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. Изданіе А. И. Мамонтова. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. **А. фонъ-Фрикенъ.** Часть третья. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 98. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи искусствъ. **М. Брекера.** Переводъ съ нѣм. Н. Лемана. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія французской литературы. **Гюстава Лансона.** Томъ II. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 98. Ц. 3 р. 50 к.

Славянскія извѣстія. 93 отзыва о новѣйшихъ книгахъ по славяновѣдѣнію. **А. Степовича.** (Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»), Воронежъ. 97.

Человѣкъ и животное. Этно-юридическій очеркъ д-ра **С. Фишера.** Изд. Я. Канторовича («Юридич. библ.»). Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Исторія этики въ новой философіи. **Фридриха Іодля.** Т. II. Переводъ съ нѣм. подъ ред. Влад. Соловьева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 98. Ц. 2 р.

Проф. **Г. Геффдингъ.** О принципахъ этики. Переводъ съ нѣм. Изд. І. Юровскаго („Международная библ." № 50). Спб. 98. Ц. 15 к.

І. Ремке. Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Пер. съ нѣм. Н. Лосскаго подъ редакціей Я. Колубовскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1. 50 к.

Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. Н. Н. Спиридонова. Изд. маг. «Книжное Дѣло». М. 98. Ц. 80 к.

Гербертъ Спенсеръ. Слезы, смѣхъ и граціозность. Спб. 98. Ц. 20 к.

N. Z. О женщинахъ. Мысли, факты и афоризмы. Спб. 98. Ц. 50 к.

И. Сѣченовъ, Физіологическіе очерки. Часть II. Съ 101 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 90 к.

D-r. Emil Kraepelin. Умственный трудъ. Переводъ съ нѣм. Изд. Южно-Рус. О-ва Печатнаго Дѣла. Одесса. 98. Ц. 20 г.

Онъ-же. Къ вопросу о переутомленіи. Переводъ съ нѣм. Изданіе Южно-Рус. О-ва Печ. Дѣла. Одесса 98. Ц. 25 к.

Какъ надо жить. Указанія и совѣты для здоровыхъ и больныхъ людей для простой и разумной жизни и естествен. методовъ лѣченія. **Себастьяна Кнейппа.** Переводъ съ 21-го нѣм. изд. Изд. М. В. Попова. Спб. 98. Ц. 80 к.

Воображеніе и память. **Ф. Кейра.** Переводъ съ франц. Е. Максимовой. 2-ое изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 98. 40 к.

Прогрессъ и педагогика. Одна изъ новыхъ педагогическихъ теорій **Е. Ловичъ.** Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія" М. 97.

Психологія юношескаго возраста. **Л. Д. Сѣдовъ.** Изъ журн. «Вѣстникъ Воспитанія». М. 97.

Эрнестъ Энгель. Цѣнность человѣка. Переводъ съ нѣм. Изд. М. В. Клюкина. («Общеполезная библ. для самообразованія» № 14). М. 98. Ц. 40.

Ф. Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Переводъ съ 3-го англ. изд. Е. И. Бошнякъ. Изд. маг. «Книжное Дѣло». М. 98. Ц. 50.

Защита отъ болѣзней. **Е. Дюкло.** Переводъ съ франц. Изд. магаз. «Книжное Дѣло». М. 98. Ц. 15 к.

Н. Я. Горовая. Гигіено-діететическія основы лѣченія чахотки. Кіевъ. 98. Ц. 35 к.

Русскій астрономическій календарь на 1898 г. Нижегор. Кружка

Любителей Физики и Астрономіи. Подъ ред. предсѣдателя О-ва С. Щербакова. Изд. К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 75 к.

Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды **Эдуарда Клодда**. Переводъ со 2-го англ. изд. Изд. магаз. „Книжное Дѣло". М. 98. Ц. 50 к.

Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Пер. съ чешскаго Ѳ. Е. Волкова, подъ редакціей Н. Д. Анучина. Съ 459-ю рис. и картами. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 5 р.

Л. М. Шахрай. Рабби Акиба, его жизнь и дѣятельность. Изд. кн. маг. Я. Х. Шермана. („Еврейская старина" № 2). Изд. 2-е. Одесса. 98. Ц. 15 к.

Ирвингъ. Жизнь Магомета. Переводъ Л. П. Никифорова. Изд. М В. Клюкина. („Общеполезная библ. для самообразованія" №№ 23 и 24). М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Спиноза, его жизнь и сочиненія. Очеркъ д-ра **С. Г. Ковнера**. Изд. второе, книжнаго магазина М. А. Ковнера. Варшава. 97.

Гордость вѣка. (Николай Ивановичъ Новиковъ). Біографич. очеркъ **В. Ермилова**. (Библ. „Дѣтскаго Чтенія"). М. 98. Ц. 15 к.

А. Міасковскій. Проблема распредѣленія поземельной собственности въ историческомъ развитіи. Переводъ съ нѣм. Ц. Поплавскаго. Кіевъ. 98. Ц. 30 к.

С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій этюдъ. Изданіе М. И. Водовозовой. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. Изд. кн. склада А. М. Муриновой. М. 98. Ц. 2 р.

А. Скворцовъ. Основанія политической экономіи. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 2 р. 50 к.

В. И. Бѣловежскій. Коммерческія комиссіонныя агентства желѣзныхъ дорогъ. Спб. 98. Ц. 20 к.

А. Гурьевъ. Промышленные синдикаты. Вып. I. Значеніе синдикатовъ для интересовъ потребителей. Спб. 98. Ц. 1 р.

На что намъ общества трезвости? Бесѣда д-ра **А. М. Коровина**. М. 97. Ц. 5 к.

К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣм. подъ ред. Д. Протопопова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 50 к.

Земля и люди. Всемірная географія, сочиненіе **Элизе Реклю**. Соединенные штаты. Часть I. Пер. съ франц. подъ ред. Н. Березина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Страна восходящаго солнца. Разсказы о японцахъ. **Д. И. Шрейдеръ**. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 20 к.

Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства. **Г. А. Евреинова**. Спб. 98.

П. Е. Кулаковъ. Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ. Оттискъ изъ изд. Енис. Губ. Статистич. Комитета «Минусинскіе и Ачинскіе инородцы». Красноярскъ. 98.

Послѣдніе годы Грузинскаго царства. Посмертный трудъ генералъ-лейтенанта **С. З. Кишмишева**. Тифлисъ. 98. Ц. 40 к.

Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ. **И. Клингенъ**. Изд. Департамента Земледѣлія. Спб. 97.

Привислянскій календарь на 1898 годъ (Календарь Царства Польскаго). Изд. книжн. маг. М. А. Ковнера. Варшава. 98. Ц. 60 к.

Новыя теченія въ польскомъ обществѣ. Очеркъ **Л. Э.** Спб. 98.

Записки московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества 1897 г. Выпуски 5—6 и 7—8. Подъ ред. К. К. Мазинга. М. 97.

Отчетъ о дѣятельности постоянной комиссіи по техническому образованію Московск. отдѣленія Имп. рус. технич. о-ва за 1896—7 г. Составленъ секретаремъ комиссіи **Н. В. Касаткинымъ**. М. 97.

Способы удешевленія картинъ для волшебнаго фонаря. Доклады **И. Я. Александровскаго, Д. С. Штейнберга** и **Н. Н. Будаевскаго**. М. 97. Ц. 20 к.

Полный систематическій сборникъ вопросовъ и отвѣтовъ о правахъ и обязанностяхъ фельдшеровъ гражданскихъ, военныхъ и пограничной стражи. Составилъ **В. В. Коссацкій**. Изд. Б. А. Окса. Спб. 97. Ц. 75 к.

Календарь для фельдшеровъ всѣхъ вѣдомствъ на 1898 г. Записная и справочная книжка. Ред. и изд. д-ра Б. А. Окса. Спб. 98.

Календарь для акушерокъ на 1898 годъ. Записная и справочная книжка. Ред. и изд. д-ра Б. А. Окса. Спб. 98.

Д-ръ Ф. Л. Германъ. Заслуги женщинъ въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными. Изд. кн. магаз. П. А. Брейтигама. Харьковъ. 97.

Сводный балансъ учрежденій мелкаго кредита на 1 Янв. 1897 года. Спб. 98.

Статистико-экономич. **обзоръ** Херсонской губ. за 1896 г. Изд. Херс. Губ. Земск. Управы. Херсонъ 97.

Н. П. Коломійцевъ. Труды сельско хозяйственной метеорологической сѣти Имп. Моск. о-ва сельскаго хозяйства. Сельско-хозяйствен. метеорологическій очеркъ Воронежской губ. Сентябрь 1896 – Ноябрь 1897 г. М. 97.

Сельско-хозяйственный **обзоръ** Нижегородской губерніи за 1896 г. Изд. Нижегородскаго Губ. Земства. Нижній. 97.

Доклады Тверской губ. земской управы по экономическому отдѣлу очередному собранію сессіи 1897 года. Тверь. 97.

Ходатайство Тифлисской городской Думы объ учрежденіи въ Тифлисѣ политехникума съ сельско-хозяйственнымъ и горнымъ отдѣленіями. Тифлисъ. 97.

Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петерб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ. **Отчетъ** за 1897 г. Спб. 98.

Уставъ Философскаго Общества при петербургскомъ университетѣ. Спб. 97.

Диктанты—задачи. Выбралъ и приспособилъ. **Н. Цуриковъ**, преподаватель Александровскаго Коммерческаго училища. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 60 к.

Политика.

Обзоръ 1897 года.—Международное положеніе.—Военныя и дипломатическія дѣйствія.—Главнѣйшія внутреннія событія европейскихъ націй.—Другія части свѣта.

Когда въ 1893 году «Русское Богатство» перешло въ руки нынѣшняго состава редакціи и сотрудниковъ, оно не имѣло въ своей программѣ политическаго отдѣла. Впослѣдствіи удалось исходатайствовать введеніе этого отдѣла. Тогда же были заведены постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ политическихъ центровъ Европы. Такой способъ веденія политическаго отдѣла имѣетъ свои несомнѣнныя преимущества въ живости и полнотѣ при воспроизведеніи современной политической исторіи тѣхъ странъ цивилизованнаго міра, которыя представлены постоянными корреспондентами. Однако, по необходимости, ими представлены могутъ быть сравнительно немногія страны. Всѣхъ странъ журналъ вмѣстить не могъ бы. Невольно ускользали, при корреспонденціяхъ, и международныя событія. Не могло быть и объединяющей точки зрѣнія. Всѣ эти соображенія побуждаютъ открыть наряду съ корреспонденціями и постоянный отдѣлъ политическаго обозрѣнія. Я и прежде въ *Дневникѣ Журналиста* нерѣдко касался политическихъ темъ, отчасти восполняя пробѣлы, оставляемые корреспонденціями. Но это было лишь частичное восполненіе этихъ пробѣловъ и общая картина современной политической исторіи всетаки отсутствовала, дробясь на детали и частности. Только постоянное, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, послѣдовательное и систематическое вниманіе къ текущимъ политическимъ вопросамъ, во всей ихъ сложности и во всемъ ихъ единствѣ, способно дать эту общую картину, важность и значеніе которой для пониманія современности, конечно, никто не будетъ отрицать. Поэтому-то, хотя и съ сожалѣніемъ, я рѣшился проститься съ болѣе свободнымъ, болѣе помѣстительнымъ, если можно такъ выразиться, *Дневникомъ Журналиста* и ограничить мои ежемѣсячныя бесѣды съ читателемъ болѣе тѣсными рамками текущей политики.

«Болѣе тѣсныя рамки текущей политики», сказалъ я только что, но и эти рамки такъ обширны, что вполнѣ исчерпывать ихъ содержаніе я не дерзаю и думать. Придется выбирать изъ богатой и сложной современной исторіи человѣчества только болѣе важное, болѣе выпуклое, болѣе обѣщающее, такое, вокругъ чего прочіе факты могли бы распредѣляться, какъ бы кристаллизоваться въ сознаніи наблюдателя, сами собою, сообразно характеру и направленію основныхъ историческихъ теченій. Факты эти будутъ преимущественно

политическіе. Остальныя категоріи общественныхъ явленій будутъ заноситься въ нашу хронику лишь постольку, поскольку они найдутъ и политическое выраженіе, или поскольку оказываютъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на политическую исторію.

I.

Публичное провозглашеніе франко-русскаго союза; греко-турецкая война и разгромъ Греціи; панбританская колоніальная федерація, въ принципѣ провозглашенная на юбилеѣ королевы Викторіи; неслыханныя бѣдствія, постигшія Индію (голодъ, чума, мятежи, война); обостренное колоніальное соперничество державъ; острыя проявленія рабочаго вопроса въ разныхъ странахъ Европы; безпримѣрный парламентскій кризисъ въ Австріи; внезапно выросшій китайскій вопросъ; русско-польскія примирительныя манифестаціи; реформа денежнаго обращенія въ Россіи,—этимъ неравноцѣннымъ и неравнодостойнымъ, но важнымъ и значительнымъ рядомъ событій и фактовъ помянетъ всемірная исторія истекшій 1897 годъ. Бѣдный событіями внутренней жизни народовъ, невнимательный къ вопросамъ культурнымъ, этотъ годъ отличался особою сложностью и широкимъ развитіемъ международной исторіи, былъ очень внимателенъ къ вопросамъ политическимъ и тѣсно съ ними связаннымъ вопросамъ международнаго экономическаго равновѣсія и международной экономической борьбы.

Въ началѣ Ближній Востокъ и его вопросы составляли кардинальную злобу дня образованнаго міра. Вѣчная неурядица оттоманскаго существованія угрожала Европѣ самыми серьезными осложненіями, которыя, можно сказать, кульминировали въ исторической жизни всей первой половины прошедшаго года, чтобы во второй половинѣ уступить мѣсто такой же, но болѣе новой и едва ли столь же безнадежной неурядицѣ Дальняго Востока. Обѣ неурядицы 1897 годъ получилъ въ наслѣдство отъ своего предшественника, но въ состояніи, хотя и очень непріятномъ и не лишенномъ важныхъ опасностей, однако не угрожавшемъ непосредственными осложненіями. Это обостреніе обѣихъ неурядицъ до положенія опасныхъ и угрожающихъ кризисовъ является уже дѣломъ 1897 года, его особенностью, отчасти завѣщанною и наступившему 1898 году. Едва ли исторія занесетъ эту особенность въ свою лѣтопись съ благодарностью, а человѣчество найдетъ поводъ почувствовать удовлетвореніе при созерцаніи направленія, принятаго этими кризисами, особенно при наблюденіи событій, омрачившихъ исторію юговосточной Европы.

1897 годъ засталъ державы трудящимися надъ разрѣшеніемъ нѣсколько обострившагося критскаго вопроса, временно заслонившаго собою общій вопросъ о реформахъ въ Турціи, вызванный памятными армянскими избіеніями 1894—96 годовъ. Державы трудились надъ критскимъ вопросомъ довольно усердно, но серьезныхъ

результатовъ еще не могли достигнуть и Критъ былъ на военномъ положеніи. Островъ былъ раздѣленъ между двумя враждебными лагерями. Внутренняя, большая часть находилась въ рукахъ возставшихъ христіанъ. Прибрежные города были заняты турецкими войсками. Недавно передъ тѣмъ назначенный христіанинъ-губернаторъ, Беровичъ-паша, увидѣлъ себя вынужденнымъ бросить островъ, такъ какъ мусульманское населеніе явно отказывало ему въ повиновеніи, обороняемое турецкими войсками и ихъ главнокомандующимъ муширомъ Абдулла-пашой. Христіанъ рѣзали мусульмане на улицахъ Канеи и Кандіи, на глазахъ у безсильнаго губернатора, оскорбляли и били назначаемыхъ имъ христіанъ чиновниковъ, собственная его жизнь не разъ была въ опасности. Державы, конечно, протестовали. Послы дѣлали энергичныя представленія. Порта не отказывала ни въ чемъ, ничего не отклоняла, но тянула переговоры, надѣясь потопить возстаніе въ крови прежде, нежели державы соберутся предпринять что либо серьезное. Это печальное положеніе вызывало естественное волненіе въ Греціи, гдѣ патріотическія общества и само правительство все болѣе склонялись къ активному вмѣшательству, поощряемыя къ тому и очень распространеннымъ въ Европѣ заблужденіемъ объ упадкѣ военнаго могущества Оттоманскаго царства, и общимъ сочувствіемъ всѣхъ возвышенныхъ и благородныхъ умовъ всего образованнаго міра, и надеждою на покровительство державъ, и ожиданіемъ вмѣшательства сербовъ, черногорцевъ и болгаръ.. Новое избіеніе христіанъ въ Канеѣ въ февралѣ было каплею, переполнившею чашу терпѣнія греческаго народа. Греческій флотъ, въ составѣ восьми минныхъ крейсеровъ и одного большого транспорта, появился у береговъ Крита и высадилъ отрядъ греческихъ регулярныхъ войскъ. Командиръ этого отряда, полковникъ Вассосъ издалъ прокламацію къ населенію, въ которой заявилъ, что вступаетъ въ управленіе островомъ отъ имени короля Георга. Эскадры державъ, сосредоточенныя у Крита, могли бы не допустить дессанта Вассоса и предупредить это открытіе непріязненныхъ дѣйствій, но консулы слишкомъ долго совѣщались и высадка стала совершившимся фактомъ. Надо было отнынѣ считаться съ этимъ фактомъ, какъ и съ тѣмъ его послѣдствіемъ, что дессантъ Вассоса и привезенное имъ для критянъ оружіе дали такой перевѣсъ христіанамъ, что островъ, за исключеніемъ Канеи, Кандіи и Суды, оказался фактически свободнымъ отъ турецкаго владычества, а завоеванію и этихъ городовъ христіанами могли бы помѣшать или присылка значительной турецкой арміи, или вмѣшательство державъ.

Допущеніе совершеннаго завоеванія Крита греками столь же неминуемо должно было повести къ греко-турецкой войнѣ, какъ и допущеніе присылки на островъ сильной турецкой арміи. Оставалось, стало быть, одно лишь вмѣшательство. Всѣ шесть великихъ державъ высадили отряды войскъ, заняли прибрежную полосу и обязали Вассоса держаться указанной черты и соблюдать мир-

ное положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ державы объявили туркамъ, что не допустятъ присылки новыхъ турецкихъ войскъ на островъ. Къ греческому же правительству были обращены представленія объ отозваніи отряда Вассоса и демобилизаціи арміи, собранной на турецкой границѣ. 2 марта (18 февраля) была объявлена державами грекамъ и туркамъ нота, что державы не допустятъ ни присоединенія Крита къ Греціи, ни возвращенія его подъ непосредственную власть турковъ. Критъ получитъ полную автономію подъ сюзеренною властью султана. Этотъ шагъ былъ громаднымъ успѣхомъ. Онъ былъ вынужденъ великодушною иниціативою Греціи, которая могла бы себя поздравить съ этою побѣдою, и не рисковать своимъ положеніемъ, такъ удачно занятымъ. Страсти, однако, были возбуждены; слабость Турціи казалась очевидною; многочисленные союзники казались несомнѣнными; возстаніе угнетенныхъ народовъ—неизбѣжнымъ... И вотъ міръ увидѣлъ, съ замираніемъ сердца, какъ маленькая Греція съ героизмомъ, достойнымъ ея великихъ предковъ, бросилась на безчисленную орду азіатскихъ варваровъ спасать отъ ея бичей и ятагановъ своихъ угнетенныхъ братьевъ! Азіатская орда раздавила великодушіе и героизмъ маленькаго, но благороднаго народа. Печальная исторія этого кроваваго эпизода въ жизни 1897 года была мною подробна разсказана на страницахъ *Русскаго Богатства* (1897 г. май). Не повторяю ея грустныя подробности... Европа остановила варвара въ его побѣдномъ шествіи на Аѳины и умѣрила его аппетиты. Однако, территоріальныя уступки въ Ѳессаліи, сто милліоновъ франковъ контрибуціи, ограниченіе финансовой независимости учрежденіемъ европейской контрольной коммиссіи и нѣкоторыя сокращенія льготъ греческихъ подданныхъ, проживающихъ въ Турціи, составили содержаніе мирнаго договора, санкціонированнаго Европою. Греція, разоренная, униженная, глубоко потрясенная, покорилась волѣ Европы. Ея развитію и ея благоденствію нанесены тяжкіе, надолго непоправимые удары... Вмѣшательство Греціи содѣйствовало движенію критскаго вопроса въ справедливомъ направленіи, но слишкомъ дорогою цѣною, и Европѣ, быть можетъ, еще не разъ придется пожалѣть, что предоставила Грецію ея участи и допустила торжество азіатской орды.

Это торжество уже почувствовала Англія на своей сѣверо западной индійской границѣ, гдѣ успѣхи мусульманскаго оружія въ Европѣ возбудили фанатизмъ и повели къ тягостной и разорительной войнѣ. Въ той или иной формѣ, рано или поздно, торжество турковъ надъ греками будетъ почувствовано и другими державами, имѣющими дѣло съ мусульманами. Европейскій концертъ ощутилъ это торжество весьма явственно въ своихъ переговорахъ съ турками въ Константинополѣ. Недавно еще покорная, всего робѣвшая подсудимая, Порта почувствовала себя реабилитированною, заговорила языкомъ равноправной стороны. Мѣсяцъ продолжалась война, четыре мѣсяца

понадобилось для заключенія мира. Только осенью Европа добилась отъ турокъ согласія на миръ, хотя бы на тѣхъ по истинѣ тяжелыхъ условіяхъ, которыя выше мною вкратцѣ прорезюмированы. Все это время не двигались другіе вопросы, ни критскій, ни армянскій, ни общій о реформахъ. Лишь къ самому концу 1897 года державы, покончивъ съ греко-турецкимъ конфликтомъ, нашли возможнымъ возвратиться къ Криту. Наиболѣе важные моменты въ движеніи этого вопроса принадлежатъ уже 1898 году.

Ближній Востокъ въ концѣ 1897 года не былъ театромъ какихъ либо событій, угрожавшихъ спокойствію и миру Европы. Единодушныя усилія державъ, если и были безсильны дать справедливое рѣшеніе греческаго кризиса, оказались въ состояніи не допустить этотъ кризисъ превратиться въ кризисъ европейскій. Едва, однако, Европа избѣгла эти опасности на Ближнемъ Востокѣ, какъ такая же опасность выросла на Дальнемъ Востокѣ и послѣдніе дни истекшаго года были днями большой тревоги въ политическихъ центрахъ Европы. Тревога эта была передана и новому 1898 г., который въ недолгое свое существованіе уже увидѣлъ ея обострѣніе до серьезной военной опасности и нѣкоторое частичное ея разрѣшеніе въ мирномъ направленіи. Окончательнаго разрѣшенія надо еще подождать Два событія конца 1897 года вызвали упомянутую тревогу: занятіе нѣмцами китайскаго приморскаго города Кіао-Шаа и зимовка русской эскадры въ китайскихъ портахъ Таліенванъ и Портъ Артуръ. Я уже упомянулъ, что вопросъ этотъ еще не получилъ рѣшенія и къ его перипетіямъ въ 1898 году мы еще въ свое время возвратимся.

Эти тревоги на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ, нѣсколько разъ въ теченіе отчетнаго года угрожавшія даже военными опасностями общеевропейскаго значенія, не препятствовали усиленнымъ мирнымъ манифестаціямъ со стороны великихъ державъ Европы. Такими громкими манифестаціями были посѣщенія русскаго двора въ маѣ императоромъ Австріи, въ іюлѣ — императоромъ Германіи, въ августѣ—президентомъ французской республики. Эти визиты далеко не были только визитами международной вѣжливости; всѣ три имѣли очень серьезное политическое значеніе. Главы государствъ во всѣхъ трехъ случаяхъ прибыли въ сопровожденіи отвѣтственныхъ руководителей иностранной политики своихъ странъ и никто не скрывалъ, что вмѣстѣ съ пышными празднествами велись важные переговоры и достигнуты важныя соглашенія. Такое соглашеніе между Россіей и Австріей локализовало греко-турецкую войну и не допустило другія балканскія государства вмѣшаться въ пользу грековъ. Это рѣшило пораженіе Греціи, но содѣйствовало сохраненію мира между великими державами Европы. Посѣщеніе русской столицы императоромъ Вильгельмомъ не имѣло такого послѣдствія, въ видѣ всѣмъ виднаго событія, но обмѣнъ тостовъ на прощальномъ обѣдѣ явился громкою манифестаціею въ пользу мира

и обнаружилъ, что, по важнѣйшимъ очереднымъ вопросамъ, достигнуто полное соглашеніе между русскою и германскою политикою. Греко-турецкій мирный договоръ своимъ заключеніемъ и своимъ содержаніемъ долженъ быть болѣе всего обязанъ этому соглашенію. Извѣстно, что Германія неохотно соглашалась оказывать давленіе на Порту въ греческомъ дѣлѣ, находя, что Турціи должно быть предоставлено извлечь выгоды изъ своихъ побѣдъ и что Греція должна дать гарантіи своимъ европейскимъ кредиторамъ. Германія добилась того и другого, но нѣкотораго смягченія первоначальныхъ требованій можно было достигнуть только послѣ того, какъ Германія и Австрія (въ этомъ вопросѣ шедшая рука объ руку съ своей сѣверной союзницей) присоединились къ усиліямъ другихъ державъ и султанъ почувствовалъ согласное единодушное давленіе всѣхъ шести великихъ державъ Европы. Весьма вѣроятно, что и политика Германіи и Россіи на Дальнемъ Востокѣ подверглась обсужденію во время посѣщенія Петергофа германскимъ императоромъ.

Какъ ни важны сами по себѣ результаты петербургскихъ визитовъ императоровъ Франца-Іосифа и Вильгельма, они отступаютъ и заслоняются изъ ряду вонъ выдающимся значеніемъ августовскаго визита президента французской республики. И здѣсь, какъ и во время визита германскаго императора, главное значеніе принадлежитъ обмѣну тостовъ на прощальномъ завтракѣ. До этихъ тостовъ всѣ оффиціальныя заявленія о русско-французскихъ отношеніяхъ упоминали о *дружбѣ* двухъ націй и только однажды, въ Петергофѣ, къ этому присоединено было заявленіе о *братствѣ по оружію* (во время тоста за французскую армію). Эта неопредѣленность и сдержанность въ выраженіяхъ заставляли многихъ сомнѣваться въ существованіи союза и значительно умаляли международное вліяніе франко-русской комбинаціи. Князь Бисмаркъ даже прямо выражался о манифестаціяхъ франко-русской дружбы: alte Flirt, keine Allianz. Этимъ сомнѣніямъ положилъ конецъ упомянутый обмѣнъ тостовъ на прощальномъ завтракѣ. Императоръ и президентъ, оба въ своихъ тостахъ, назвали Францію и Россію націями, дружественными и *союзными*. Подписанъ ли союзный договоръ въ Петербургѣ въ августѣ 1897 года, или, подписанный раньше, былъ въ эти дни заявленъ, во всякомъ случаѣ его публичное провозглашеніе явилось крупнымъ политическимъ событіемъ, едва ли даже не самымъ крупнымъ въ истекшемъ году. Каково содержаніе союзнаго договора, осталось всетаки секретомъ. Это даже побудило князя Бисмарка выразить сомнѣніе, подписанъ ли такой союзный договоръ, потому что по мнѣнію престарѣлаго канцлера nations alliées нельзя считать равнозначущимъ съ alliance des nations... Весьма вѣроятно, что знаменитый князь, возбуждая эти сомнѣнія, думалъ подвинуть французовъ къ новымъ разоблаченіямъ. Въ Англіи не сомнѣваются въ этомъ союзномъ договорѣ и Times, отмѣчая его значеніе, нашелъ даже возможнымъ указать, что договоръ

имѣетъ въ виду взаимную защиту отъ нападенія и что, повидимому, онъ противъ Англіи не направленъ. Не сомнѣвались въ существованіи договора и въ Берлинѣ, гдѣ почувствовали потребность отвѣтить на провозглашеніе франко-русскаго союза манифестаціями въ честь союза тройственнаго. Визитъ короля Италіи императору Вильгельму и поѣздка этого послѣдняго въ Буда-Пештъ были такими политическими манифестаціями, призванными уравновѣсить впечатлѣніе, произведенное торжественнымъ заявленіемъ о франко-русскомъ союзѣ. Манифестаціямъ этимъ оказали поддержку визитъ короля румынскаго австрійскому императору и паденіе министерства Симича въ Сербіи. Оба событія указываютъ на укрѣпленіе вліянія тройственнаго союза на Балканскомъ полуостровѣ. Бракъ итальянскаго наслѣдника престола съ княжною Еленою Черногорскою едва-ли не долженъ быть отмѣченъ тоже въ числѣ успѣховъ дипломатіи тройственнаго союза, какъ и упроченіе германскаго вліянія въ совѣтахъ Блистательной Порты.

Таковы главнѣйшія событія международной политической исторіи 1897 года. Каждая изъ націй Европы имѣла, однако, и свои собственныя, не международныя, заботы и треволненія. Остановимся вкратцѣ на этихъ вопросахъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ и болѣе общее значеніе, затрогивая обширные интересы и отражаясь на жизни и исторіи многихъ странъ.

II.

Германія мало занималась внутренними дѣлами и вниманіе общественнаго мнѣнія Германіи было поглощено такими вопросами, какъ смѣна министра иностранныхъ дѣлъ, какъ сформированіе новыхъ полковъ, или усиленіе флота, все вопросы, небезъинтересные и для добрыхъ сосѣдей. Министръ иностранныхъ дѣлъ Маршаль фонъ Биберштейнъ увидѣлъ себя вынужденнымъ просить императора объ увольненіи послѣ оправданія фонъ-Тауша, извѣстнаго начальника тайной прусской полиціи, преданнаго суду по настоянію Маршаля. Разоблаченія этого скандальнаго дѣла сдѣлали положеніе министра иностранныхъ дѣлъ слишкомъ деликатнымъ и онъ предпочелъ оставить министерскій постъ, на которомъ его замѣнилъ фонъ-Бюловъ, бывшій до того посломъ въ Римѣ. Послѣ отставки графа Герберта фонъ-Бисмарка, совпавшей съ отставкой стараго князя отъ должности канцлера, постъ министра иностранныхъ дѣлъ впервые опять занятъ профессіональнымъ дипломатомъ, всю свою карьеру сдѣлавшимъ на дипломатической службѣ. Дипломаты склонны именно этому обстоятельству приписывать довольно серьезные успѣхи, достигнутые германскою дипломатіей во вторую половину обозрѣваемаго года. Возвышеніе вліянія Германіи на Востокѣ, обезпеченіе интересовъ германскихъ кредиторовъ Греціи, укрѣпленіе тройственнаго союза, улучшеніе въ отношеніяхъ къ Англіи,

искусное поддержаніе добрыхъ отношеній съ Россіей, блистательный coup de main въ Китаѣ и значительныя уступки со стороны Англіи въ западной Африкѣ, таковъ длинный списокъ дипломатическихъ успѣховъ фонъ-Бюлова въ кратковременное его пребываніе въ званіи отвѣтственнаго и довѣреннаго руководителя германской политики. Нельзя сказать, конечно, чтобы эти успѣхи были успѣхами культуры, но несомнѣнно всѣ они имѣютъ для Германіи серьезное значеніе, укрѣпляя ея вліяніе и охраняя интересы германской торговли и промышленности.

Колоніальная политика Германіи, получившая такое яркое выраженіе въ исчисленныхъ дипломатическихъ торжествахъ, требуетъ, однако, сильнаго и многочисленнаго флота. Германія и теперь занимаетъ мѣсто третьей морской державы. Развитіе колоніальной системы и расширеніе сферы экономическихъ интересовъ требуютъ и развитія флота. Вторая въ Европѣ нація по численности и вмѣстимости коммерческаго флота, Германія стремится стать второю и по силѣ флота военнаго. По крайней мѣрѣ, таково стремленіе германскаго правительства, выразившееся и въ военно-морскихъ демонстраціяхъ, и въ обращеніи къ парламенту съ требованіемъ широкаго кредита на значительное развитіе флота. Вопросъ этотъ еще не получилъ окончательнаго рѣшенія и намъ, вѣроятно, придется къ нему возвратиться на страницахъ этой современной лѣтописи.

Стремясь стать первоклассною морскою державою, Германія не ослабляетъ и своихъ заботъ о сухопутномъ своемъ могуществѣ. Самою крупною мѣрою въ этомъ отношеніи въ 1897 году было сведеніе недавно передъ тѣмъ сформированныхъ четвертыхъ батальоновъ въ новые двухъ-батальонные полки. Это увеличеніе числа полковъ въ полтора раза покуда усиливаетъ лишь кадры корпуса офицеровъ, но двухъ-батальонный составъ новыхъ полковъ обнаруживаетъ намѣреніе, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, дополнить ихъ новыми третьими батальонами. Это не усилитъ численности всей германской арміи *послѣ* полной ея мобилизаціи, такъ какъ и теперь все населеніе, способное носить оружіе, входитъ въ планъ мобилизаціи. Однако, принятыя и предполагаемыя мѣры значительно ускорятъ мобилизацію, впрочемъ, цѣною новыхъ жертвъ въ мирное время.

Континентальная соперница Германіи, ея зарейнская сосѣдка тоже мало занималась своими внутренними дѣлами. Доживающая свой срокъ палата болѣе заботилась о новыхъ выборахъ, нежели о текущихъ вопросахъ. Да и само правительство, по духу очень консервативное, тоже озабочено болѣе предстоящимъ этою весною вердиктомъ страны, чѣмъ поднятіемъ какихъ либо важныхъ вопросовъ. Внутреннія дѣла Франціи были въ застоѣ, какъ и внутреннія дѣла Германіи, но за то, какъ и въ Германіи, французская политика очень много занималась колоніальными дѣлами. Нельзя

сказать, чтобы наша союзница могла похвалиться крупными успѣхами. Въ Китаѣ Франція не пріобрѣла ничего соотвѣтственнаго крупнымъ успѣхамъ Германіи и Россіи. Въ сѣверо-восточной Африкѣ протесты Франціи не мѣшаютъ англичанамъ хозяйничать въ Египтѣ, Нубіи и Суданѣ. Не помѣшала французская политика и заключенію дружественнаго англо-абиссинскаго договора. Горячій споръ съ Англіей изъ-за границы въ области средняго Нигера не получилъ еще разрѣшенія, тогда какъ нѣмцы достигли тамъ благопріятнаго для себя исхода подобнаго же разногласія съ англичанами. Только на Мадагаскарѣ французамъ удалось подавить возстаніе говасовъ, послѣ чего королева была низложена и островъ изъ вассальнаго государства обращенъ въ колонію, непосредственно управляемую губернаторами отъ метрополіи.

Въ концѣ 1897 года общественное вниманіе Франціи было глубоко взволновано дѣломъ Дрейфуса-Эстергази. Въ 1894 году капитанъ генеральнаго штаба Дрейфусъ былъ судимъ военнымъ судомъ, обвиненъ въ измѣнѣ и сосланъ въ пожизненную каторгу, во французскую Гвіану, гдѣ, на маленькомъ прибрежномъ островѣ, находится и въ настоящее время. Судился Дрейфусъ при закрытыхъ дверяхъ, такъ что публика не знала, въ чемъ собственно заключается corpus delicti, изъ приговора узнавъ только, къ какой категоріи преступленій судъ отнесъ неизвѣстное дѣяніе капитана. Еще менѣе того была ознакомлена публика съ доказательствами виновности осужденнаго офицера. Трудно понять причину, побудившую скрыть отъ публики содержаніе дѣла, столь глубоко интересовавшаго французское общество. Польскаго писателя Крашевскаго въ Германіи судили за сообщеніе имъ разныхъ военныхъ тайнъ французскому правительству, но судили открыто, гласно и публично. Такъ же судили и французскихъ офицеровъ, захваченныхъ при осмотрѣ ими шлезвигскаго канала. Совсѣмъ недавно, уже послѣ дѣла Дрейфуса, французскій офицеръ Романи былъ захваченъ итальянцами при осмотрѣ имъ пограничныхъ укрѣпленій. Онъ былъ судимъ гласно и осужденъ, нынѣ отбывая въ тюрьмѣ присужденное наказаніе. Вообще, не принято шпіоновъ и развѣдчиковъ судить тайно и французское общество, привыкшее къ полной гарантіи правосудія, имѣло основаніе встревожиться этою необычною процедурою, нарушавшею одну изъ такихъ гарантій. Однако, глубоко, до болѣзненности, патріотическое, оно не протестовало, покуда довѣряло компетентности и независимости суда. Первыя сомнѣнія, брошенныя по этому направленію, до глубины души потрясли французскую націю, гдѣ по несчастью любовь къ отечеству вступила въ роковую коллизію съ любовью къ справедливости и свободѣ. Въ этой коллизіи и заключается весь трагизмъ этого печальнаго дѣла, все глубоко драматическое положеніе столько же благороднаго и свободолюбиваго, сколько патріотическаго народа, до самыхъ глубокихъ слоевъ своихъ взволнованнаго невозможностью

или неумѣніемъ найти исходъ, который примирилъ бы эти чувства, равно дорогія націи, съумѣвшей на ихъ алтарь принести столько великихъ и благородныхъ жертвъ. Великую историческую отвѣтственность возложили на себя государственные люди, вызвавшіе своими ошибками эту коллизію...

Еще 14 (2) іюля вице-президентъ сената Шереръ-Кестнеръ сообщилъ въ частной бесѣдѣ своимъ коллегамъ, что онъ напалъ на слѣдъ нѣкоторыхъ происшествій, заставляющихъ его усомниться въ справедливости осужденія Дрейфуса и что онъ намѣренъ поднять вопросъ о пересмотрѣ дѣла. Однако, только въ октябрѣ эти слова сенатора были оглашены въ печати и произвели глубокое впечатлѣніе на публику, столь воспріимчивую къ вопросамъ чести. Въ виду этого впечатлѣнія и журнальной полемики, возникшей по этому поводу, Шереръ-Кестнеръ опубликовалъ заявленіе, въ которомъ сказалъ слѣдующее: «Я убѣжденъ въ невинности Дрейфуса и принялъ твердое рѣшеніе приложить всѣ усилія къ его реабилитаціи. Я считаю, однако, невозможнымъ теперь же назвать тѣ средства, которыя я для этого употреблю. Предоставляю себѣ и выбрать часъ для дѣйствія». Это заявленіе столь авторитетнаго и уважаемаго представителя законодательной власти и было тою искрою, которая зажгла страсти во французскихъ сердцахъ. 7 ноября (26 октября) появилось оффиціозное сообщеніе, что Шереръ-Кестнеръ совѣщается по дѣлу Дрейфуса съ президентомъ совѣта министровъ Мелиномъ и съ военнымъ министромъ Бильо. 9 ноября (29 окт.) состоялось по этому поводу засѣданіе совѣта министровъ. Совѣтъ министровъ не нашелъ основанія для пересмотра процесса Дрейфуса. Статья 443 устава уголовнаго судопроизводства предоставляетъ право требовать пересмотра дѣла министру юстиціи «въ томъ случаѣ, если послѣ произнесенія приговора произойдетъ или обнаружится новый фактъ, неизвѣстный во время процесса, или будутъ предъявлены новые, прежде неизвѣстные документы, способные установить невиновность осужденнаго». Опираясь на эту статью французскаго уголовнаго кодекса, совѣтъ постановилъ, что «такъ какъ министру юстиціи не было предъявлено ни новыхъ фактовъ, ни прежде неизвѣстныхъ документовъ, то обязанность правительства ограничивается единственно точнымъ выполненіемъ приговора».

Это постановленіе состоялось, какъ сказано, 9 ноября, а 14 (2) ноября Шереръ-Кестнеръ опубликовалъ заявленіе, въ которомъ выражалъ увѣренность въ лояльности военнаго суда, впавшаго только въ заблужденіе вслѣдствіе недостаточности слѣдствія. Затѣмъ онъ прибавляетъ: «Еще 30 (18) октября имѣлъ я оффиціальную бесѣду съ военнымъ министромъ. Съ документами въ рукахъ я доказалъ ему, шагъ за шагомъ, что приписываемое Дрейфусу бордеро *)

*) Бордеро (le bordereau) есть то, что въ нашихъ канцеляріяхъ называютъ «отпускомъ» бумаги.

писано не имъ, а другимъ лицомъ. Я просилъ поэтому разслѣдовать дѣло. Министръ (не удерживая, впрочемъ, моихъ документовъ) обѣщалъ мнѣ сдѣлать разслѣдованіе, которое должно было относиться исключительно къ фактамъ, обнаруженнымъ послѣ суда... Съ своей стороны, министръ просилъ меня хранить въ теченіе двухъ недѣль въ тайнѣ нашу бесѣду и обѣщалъ мнѣ сообщить результаты разслѣдованія. Двѣ недѣли уже прошло, и я все напрасно жду обѣщаннаго сообщенія». Это заявленіе находилось въ прямомъ противорѣчіи съ вышецитированнымъ постановленіемъ министерскаго совѣта, утверждавшаго, что не обнаружено никакихъ новыхъ данныхъ. Однако, военный министръ производилъ разслѣдованіе именно о новыхъ данныхъ.

Такимъ образомъ, былъ поставленъ на очередь вопросъ о бордеро, которое было, однако, единственнымъ обвинительнымъ документомъ, предъявленнымъ на процессѣ Дрейфуса самому обвиняемому и его защитѣ. Вотъ содержаніе этого документа:

«Не имѣю свѣдѣнія, имѣете-ли вы, М. Г., надобность меня видѣть. Поэтому письменно спѣшу сообщить вамъ интересныя новости:

1) Записку о гидравлическомъ прессѣ № 120 и о способѣ имъ пользоваться;

2) Записку о войскахъ прикрытія (въ новомъ планѣ вводятся нѣкоторыя видоизмѣненія);

3) Записку о нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ въ артиллерійской службѣ;

4) Записку о Мадагаскарѣ; и

5) Проектъ наставленія артиллерійской стрѣльбы для полевой артиллеріи (отъ 14 марта 1894 года).

Послѣдній документъ добыть возможно лишь съ большимъ трудомъ и я могу его достать лишь на самое короткое время. Военное министерство разослало ограниченное, строго опредѣленное число экземпляровъ въ артиллерійскія части, командиры которыхъ отвѣтственны за сохраненіе тайны. Офицеры получаютъ ихъ на руки лишь во время маневровъ, а потомъ немедленно должны сдавать штабу. Однако, если вамъ угодно извлечь оттуда то, что васъ быть можетъ заинтересуетъ, а затѣмъ мнѣ возвратить экземпляръ, то его на короткое время раздобуду. Могу также заказать и доставить вамъ полную копію.

Въ скоромъ времени я отправляюсь на маневры».

Вслѣдъ за оглашеніемъ вышеприведеннаго заявленія Шереръ-Кестнера и противорѣчащаго ему постановленія совѣта министровъ, Матье Дрейфусъ, братъ осужденнаго офицера, подалъ министру военному оффиціальное заявленіе, что бордеро, приписываемое его брату и послужившее основаніемъ для его обвиненія, написано маіоромъ графомъ Вальсинъ-Эстергази. Это сдѣлало уже неизбѣжнымъ новое слѣдствіе. Оно было поручено генералу Пелье. Вы-

званъ былъ изъ Туниса полковникъ Пикаръ, первый, возбудившій сомнѣніе въ виновности Дрейфуса. 3 Декабря (21 ноября) генералъ Пелье закончилъ слѣдствіе и передалъ дѣло военному губернатору Парижа, генералу Соссье. На слѣдующій же день генералъ Соссье объявилъ о преданіи военному суду маіора Эстергази. Докладчикомъ былъ назначенъ маіоръ Равари.

Дѣло Эстергази тоже, какъ и дѣло Дрейфуса, въ самой важной своей части разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. 11 января (30 декабря) оно окончилось и военный судъ оправдалъ подсудимаго. Черезъ два дня послѣ этого сенсаціоннаго приговора, никого не удовлетворившаго и ничего не успокоившаго, появилось въ газетѣ Aurore открытое письмо Эмиля Зола къ президенту республики. Изложивъ дѣло и высказавъ убѣжденіе, что осужденіе Дрейфуса является самою вопіющею судебною ошибкою, знаменитый французскій писатель такъ резюмируетъ свой взглядъ на дѣло:

«Я обвиняю подполковника Пати дю Клама въ томъ, что онъ былъ по истинѣ діавольскимъ авторомъ юридической ошибки, хочется думать, безсознательнымъ, однако затѣмъ упорно отстаивающимъ свое безславное дѣло.

Я обвиняю генерала Мерсье (б. воен. мин. во время процесса Др.) въ томъ, что, хотя бы и по недоразумѣнію, онъ явился сообщникомъ этой величайшей несправедливости вѣка.

Я обвиняю генерала Билье въ томъ, что имѣя въ рукахъ доказательства невиновности Дрейфуса, онъ ихъ скрылъ и сдѣлалъ это преступленіе противъ человѣчества и противъ справедливости (ce crime de lèse-humanité et de lèse-justice), преслѣдуя политическія цѣли и стараясь выгородить скомпрометированный главный штабъ.

Я обвиняю генерала Буадефра и генерала Гонза въ тѣхъ же преступленіяхъ.

Я обвиняю генерала Пелье въ томъ, что онъ произвелъ слѣдствіе, вполнѣ неправедное (une enquête scélérate), исполненное самаго крайняго пристрастія.

Я обвиняю трехъ экспертовъ почерка господъ Бельома, Варинара и Куара, въ томъ, что они дали показанія лживыя и обманныя, если только медицинское освидѣтельствованіе не признаетъ ихъ страдающими болѣзнью зрѣнія или болѣзнью сужденія.

Я обвиняю, наконецъ, первый военный судъ въ томъ, что онъ нарушилъ законъ, постановивъ рѣшеніе на основаніи документа, оставшагося тайной, а второй военный судъ въ томъ, что онъ прикрылъ это беззаконіе, по приказу, а самъ оказался виновнымъ въ оправданіи завѣдомо виновнаго.

Предъявляя эти обвиненія, я отлично знаю, что ставлю себя подъ дѣйствіе статей 30 и 31 закона о печати отъ 29 іюля 1881 года, по которымъ наказуется деффамація. Я охотно подвергаю себя этому испытанію.

Что касается людей, которыхъ я обвиняю, то я ихъ совсѣмъ не знаю, никогда не видалъ, ничего не имѣю противъ нихъ, ни претензіи, ни непріязни. Они являются для меня только существами, воплотившими въ себѣ общественную неправду. И этотъ актъ, мною нынѣ совершенный, есть только крайнее средство, чтобы вызвать и ускорить проявленіе истины и справедливости.

Моя единственная цѣль—свѣтъ во имя человѣчества, которое такъ много страдало и которое имѣетъ право на счастье. Этотъ рѣзкій протестъ есть крикъ оскорбленной души. Пусть же меня вызовутъ къ суду присяжныхъ и пусть разслѣдованіе произойдетъ при полномъ свѣтѣ дня. Я жду».

Это письмо было опубликовано 1 (13) января 1898 года и повергло Францію на нѣсколько недѣль въ состояніе неслыханнаго возбужденія. Исторія этого памятнаго эпизода принадлежитъ уже новому году и мы, вѣроятно, еще вернемся къ ней на этихъ страницахъ. Извѣстно, что правительство не рѣшилось привлечь Золя къ обвиненію въ диффамаціи министровъ, генераловъ, экспертовъ, слѣдователей и перваго военнаго суда. Оно ограничилось имѣющими второстепенное для всего дѣла значеніе обвиненіями Эмиля Зола противъ второго военнаго суда. Болѣе чѣмъ ограниченное и обрѣзанное разбирательство всетаки обнаружило, что бордеро писано не Дрейфуса рукою, что приговоръ беззаконно состоялся на основаніи документа, не предъявленнаго подсудимому и защитѣ, и что послѣ приговора министерство получило новыя данныя, другими словами, что въ дѣлѣ были допущены такія правонарушенія, при которыхъ возможно обвиненіе невиннаго. Дрейфусъ можетъ быть виновенъ, но пересмотръ былъ необходимъ, чтобы обезпечить всякаго невиннаго отъ тѣхъ пріемовъ, при которыхъ оправдаться никто не могъ бы. Зола осудили; правительство увольняетъ чиновниковъ и офицеровъ, винсвныхъ въ сочувствіи дѣлу Зола,—но тѣмъ только сугубо само себя осуждаетъ, доказывая, что боится свѣта и правды.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ о дѣлѣ Друйфуса, Эстергази и Зола, приведу мнѣніе Л. Н. Толстого, высказанное имъ интервьюеру изъ «Курьера». Самой газеты этой я не видѣлъ, а нашелъ перепечатку въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ. «Я далекъ отъ того, чтобы увлекаться Зола, какъ писателемъ, говорилъ Л. Н. Толстой, и потому могу болѣе спокойно судить объ его поступкѣ, навлекшемъ на него, помимо непріятностей суда и вообще тяжбы, нападки со стороны учащейся французской молодежи. Я вамъ не первому говорю, меня смущаетъ это отношеніе къ Зола со стороны французскихъ студентовъ. Я не могу себѣ уяснить: за что? Въ поступкѣ Зола видна благородная прекрасная мысль дать отпоръ шовинизму и антисемитизму, господствующимъ въ извѣстныхъ кружкахъ; показать Европѣ, что во Франціи еще не такъ плохо обстоитъ все, какъ можно судить по послѣднимъ событіямъ. Антисемитизмъ и шовинизмъ—это что то болѣе, чѣмъ ужасное.

Это какое то дикое человѣконенавистничество, недостойное французской націи». На новые вопросы интервьюера, Л. Н. Толстой замѣтилъ, что «Зола, выступая съ своимъ письмомъ, сдѣлалъ все, что онъ могъ и что онъ долженъ былъ сдѣлать». Этою цитатою, съ которой согласится всякій безпристрастный человѣкъ, мы и закончимъ на сегодня нашу бесѣду о французскихъ дѣлахъ въ истекшемъ году, фактами и событіями во Франціи не богатомъ.

Богаче событіями была исторія Англіи въ истекшемъ году. Послѣ опасныхъ пререканій изъ за Венецуэльской границы, наполнившихъ собою значительную часть 1896 года, инцидентъ этотъ былъ улаженъ къ концу упомянутаго года и спорящія стороны рѣшили дѣло передать третейскому суду. Вслѣдъ за этимъ соглашеніемъ, не представлявшимъ особой новизны въ международной исторіи XIX вѣка, государственнымъ людямъ Соединенныхъ Штатовъ и Соединеннаго Королевства удалось достигнуть соглашенія, которое, осуществившись, могло бы послужить исходною точкою важной и совершенно новой эволюціи. На самомъ порогѣ тогда новаго, нынѣ уже прошедшаго 1897 года, 11 января (30 декабря ст. ст.) былъ подписанъ въ Вашингтонѣ представителемъ Соединеннаго Королевства сэромъ Юліаномъ Паунсфотомъ и американскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ольнеемъ постоянный договоръ объ арбитражѣ. Согласно этого договора, Англія и Штаты разъ навсегда отказывались рѣшать свои споры войною, организуя для этого трибуналъ постояннаго и опредѣленнаго состава. Какъ англійскіе, такъ и американскіе члены этого трибунала (по ровну отъ обѣихъ сторонъ) назначались не правительствами этихъ странъ, а прямо ихъ высшими судами, что превращало этотъ трибуналъ изъ учрежденія международнаго въ учрежденіе государственное, а заявленіе трактата, что война не должна быть допущена между Соединенными Штатами и Соединеннымъ Королевствомъ, какъ между населеніями одного языка, придавало новому трибуналу и всему договору значеніе національное, объединяло англичанъ и американцевъ въ одну націю, хотя и раздѣленную между двумя государственными организаціями. Трактатъ 11 января являлся, такимъ образомъ, крупнымъ историческимъ событіемъ, первымъ шагомъ къ возсоединенію англо саксонской націи, къ этой проблемѣ, занимающей умы лучшихъ патріотовъ Америки и Англіи. Но истинный дальновидный патріотизмъ, отвергающій нетерпимость и опирающійся на признаніе справедливыхъ интересовъ сосѣдей и союзниковъ, далеко еще не господствуетъ въ умахъ нашихъ современниковъ. Нерѣдко берутъ верхъ тѣ патріоты своего отечества, которыхъ у насъ называютъ квасными, во Франціи—шовинистами, въ Англіи—джинго. Американскіе джинго, мечтающіе о величіи своего отечества не въ общеніи съ братскимъ народомъ, а на его счетъ и ему въ ущербъ, возстали противъ трактата 11 января, а вашингтонскій сенатъ, которому, по американской конституціи,

принадлежитъ право ратификаціи международныхъ договоровъ, въ засѣданіи 5 мая (23 апрѣля) отказалъ въ этой ратификаціи большинствомъ 43 голосовъ противъ 26. Это проявленіе чувства непріязни со стороны такого авторитетнаго учрежденія, какъ сенатъ американской республики, произвело очень сильное впечатлѣніе по сю сторону Атлантическаго океана и, вѣроятно, надолго отсрочило новыя попытки къ осуществленію панбританской идеи посредствомъ сближенія съ американцами. Что касается въ частности венецуэльскаго вопроса, то онъ всетаки поступитъ на разсмотрѣніе третейскаго суда, организованнаго, однако, обыкновеннымъ способомъ. Спорящія стороны уже назначили своихъ арбитровъ, а этими послѣдними уже намѣченъ суперъ-арбитромъ г. Мартенсъ, профессоръ международнаго права въ петербургскомъ университетѣ. Г. Мартенсъ уже былъ однажды суперъ-арбитромъ въ спорѣ между Англіей и Голландіей. Очевидно, англичане не имѣли повода жаловаться на рѣшеніе петербургскаго профессора.

Неудача, постигшая панбританскую идею въ маѣ, была отчасти исправлена въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. 22 (10) іюня Соединенное Королевство и вся британская имперія праздновали шестидесятилѣтіе правленія королевы Викторіи. Къ этому дню изъ всѣхъ колоній съѣхались въ Лондонъ многочисленныя депутаціи, премьеры и министры всѣхъ автономныхъ колоній (Канады, Капланда, Наталя, четырехъ Австралій, Новой Зеландіи и другихъ менѣе значительныхъ), нотабли и выдающіеся люди всѣхъ обширныхъ владѣній престарѣлой королевы. Рядомъ съ пышными празднествами и публичными манифестаціями преданности общей династіи и общему отечеству, шли усиленныя совѣщанія между государственными людьми метрополіи и колоній о большемъ единеніи между ними. Сангвиники уже мечтали о федеральномъ парламентѣ. Этотъ важный вопросъ еще дѣло будущаго и въ настоящее время еще едва-ли можетъ быть согласовано между разными частями британской имперіи это крупное нововведеніе. Оно бы значительно усилило могущество имперіи и въ этомъ отношеніи оно было бы выгодно всѣмъ участникамъ. Однако, въ Англіи опасаются, что колоніальные представители, пожалуй, отнесутся сдержанно къ европейскимъ интересамъ метрополіи и очень ограничатъ свободу ея политики. Съ другой стороны, и въ колоніяхъ опасаются принимать на себя расходы по усиленію могущества, которое можетъ оказаться полезнымъ преимущественно для метрополіи. Вопросъ еще не созрѣлъ: метрополія еще недостаточно нуждается въ поддержкѣ колоній, колоніи еще недостаточно стѣснены колоніальными успѣхами другихъ европейскихъ націй. Рано или поздно, наступитъ и то, и другое и тогда міръ увидитъ федеральный парламентъ въ Лондонѣ, гдѣ послѣ представителей Австраліи, Южной Африки и Канады, могутъ, пожалуй, появиться и представители Штатовъ.

Вопросъ о федеральномъ парламентѣ согласовать на юбилей-

ныхъ совѣщаніяхъ не удалось. Тѣмъ не менѣе результаты этихъ совѣщаній очень значительны. Всѣ важнѣйшія колоніи изъявили желаніе принять участіе въ расходахъ на усиленіе флота. Этого одного было бы достаточно, чтобы англичане смотрѣли съ удовлетвореніемъ на исходъ совѣщанія. Однако, еще важнѣе рѣшенія финансоваго и экономическаго характера, принятыя по иниціативѣ канадскаго министра-президента Лорье. Надо помнить, что автономныя колоніи съ европейскимъ населеніемъ (выше перечислены важнѣйшія) имѣли до сихъ поръ и автономную таможенную политику. Лорье предложилъ эту политику объединить и установить взаимность, въ силу которой промышленность странъ, входящихъ въ составъ британской имперіи, взаимно пользуется значительными преимуществами передъ соотвѣтственною промышленностью другихъ странъ. Этотъ союзъ взаимной торгово-промышленной монополіи можетъ оказаться очень выгоднымъ его участникамъ и дастъ имъ нѣкоторыя существенныя преимущества передъ странами, не имѣющими этой выгоды входить въ составъ необъятной британской имперіи. На этой практической почвѣ панбританизмъ имѣетъ шансы крѣпнуть и развиваться, подготовляя осуществленіе и всей проблемы британскихъ патріотовъ. Правда, это осуществленіе явится и выходомъ Англіи изъ европейскаго концерта, но упорно продолжающееся изолированіе Англіи среди европейскихъ державъ какъ бы подготовляетъ эту эволюцію и съ другой стороны.

Эти успѣхи юбилейныхъ совѣщаній и колоніальнаго сближенія въ значительной степени омрачались печальными событіями въ Индіи. Чума и голодъ, начавшіеся въ 1896 году, перешли и въ 1897 годъ, гдѣ достигли наибольшей степени бѣдствія. Къ этому присоединились мятежи въ Пунѣ и Калькутѣ, страшное неслыханно бѣдственное землетрясеніе въ Ассамѣ (провинція на сѣверо-востокѣ Индостана) и наконецъ раззорительная война съ пограничными племенами на сѣверо-западной границѣ Индіи. Причиною голода была засуха, постигшая весь сѣверо-западъ Индіи въ 1896 году. Подобное же бѣдствіе постигло эту часть полуострова въ 1846 году, когда погибло голодною смертью нѣсколько милліоновъ душъ. Въ настоящее время организація общественныхъ работъ (занявшая около 4 милліоновъ голодающихъ) и широкая благотворительность значительно умѣрили бѣдствіе. Всего было собрано пожертвованій свыше полутора милліона фунтовъ стерлинговъ (свыше 38 милліоновъ франковъ, безъ малаго 15 милліоновъ рублей). Общая же стоимость этого голода достигла цифры десяти милліоновъ фунтовъ (250 мил. фр., около 100 мил. руб.). Не смотря на все это, сами англичане сознаются, что немало народа погибло отъ голода, хотя сравнительно съ прежними подобными бѣдствіями много меньше. Голодное бѣдствіе осложнилось и усилилось моромъ. Осенью 1896 года бубонная чума появилась въ Бомбеѣ, занесенная туда изъ Гонконга (какъ теперь уже нельзя сомнѣваться).

Разразившись здѣсь съ ужасающею силою, чума перекинулась и въ другія мѣста западной Индіи. Въ ихъ числѣ особенно пострадала Пуна, бывшая столица маратовъ, нынѣ второй послѣ Бомбея городъ западной Индіи. Принятыя англичанами санитарныя мѣры вызвали мятежъ невѣжественной и обезумѣвшей отъ эпидеміи массы. Нѣсколько должностныхъ лицъ было умерщвлено и пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для возстановленія порядка. Случайно съ этимъ инцидентомъ въ Пунѣ совпали волненія въ Калькутѣ, вспыхнувшія на обычной почвѣ религіозной вражды между магометанами и браманитами. Совпаденіе это придало имъ неподобающее значеніе. Казалось, Индія къ бѣдствіямъ голода и чумы собирается присоединить бѣдствія гражданской войны. Дѣло ограничилось, однако, упомянутыми вспышками. Гораздо серьезнѣе оказалась война на сѣверо-западной границѣ съ горными племенами Гинду-Куша, Сефидъ-Куга и Соломонова хребта.

Война началась нападеніемъ племени вазирисовъ на летучій отрядъ англійскихъ войскъ, обходившій предгорія Соломонова хребта. Здѣсь въ долинѣ Тачи, въ концѣ іюня, былъ аттакованъ и истребленъ упомянутый отрядъ. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого инцидента, прежде, нежели англичане успѣли двинуть въ Соломоновы горы, лежащія къ юго-западу отъ Пешавера, достаточныя силы для наказанія вазирисовъ, и къ сѣверо-западу отъ этого главнаго города за-индскихъ владѣній открылись непріязненныя дѣйствія. Здѣсь по склонамъ Гинду-Куша и его многочисленнымъ отрогамъ, въ тѣсныхъ горныхъ долинахъ рѣкъ Лендай-Инда, Свата и Бунира обитаетъ многочисленное и воинственное племя юсуфъ-заевъ, составляющихъ одно изъ трехъ главныхъ племенъ афганскаго народа. Два другія, дурани и гильдъ-заи входятъ въ составъ афганскаго государства, управляемаго эмиромъ Кабула. Юсуфъ-заи же ему не подчиняются и живутъ въ бытѣ, аналогичномъ быту нашихъ кавказскихъ горцевъ. Юсуфъ-заи не имѣютъ общаго главы, а распадаются на многочисленные кланы и роды, управляемые своими родовыми старѣйшинами. Среди этихъ то воинственныхъ горцевъ давно вызывала неудовольствіе оккупація англичанами нѣкоторыхъ пунктовъ по дорогѣ изъ Пешавера въ Читраль, горную страну, отдѣленную отъ Индіи именно землею юсуфъ-заевъ. Общій подъемъ духа среди мусульманъ, вызванный успѣхами мусульманскаго оружія въ греко-турецкой войнѣ, успѣхами, сильно преувеличенными восточною фантазіей и устною передачею, вмѣстѣ съ удачею набѣга вазирисовъ, тоже раздутою молвою, явились тою почвою, на которой фанатики-муллы могли рисовать разные узоры, небезопасные для англичанъ. 26 (14) іюля скопище значительныхъ силъ, состоявшее изъ горцевъ долины р. Свата, внезапно аттаковало два англійскихъ форта, расположенныхъ въ этой долинѣ вдоль Читральской дороги, именно Малакандъ съ гарнизономъ въ 3000 комбатантовъ и укрѣпленіе Шакдора съ 300 защитниками. Нѣсколько

приступовъ было отбито гарнизономъ, покуда приближеніе восьмитысячнаго отряда генерала Биндока Блюда не заставило горцевъ снять осаду и удалиться въ горы. Англичане за ними не послѣдовали, отвлеченные новыми замѣшательствами. Ихъ привлекло открытіе непріязненныхъ дѣйствій момендами, афганскимъ племенемъ, занимающимъ горы къ юго-западу отъ юсуфъ-заевъ и въ недалекомъ разстояніи отъ Пешавера. Немногочисленное, но очень дикое и разбойничье племя это признаетъ номинально власть кабулскаго эмира. Поэтому, его появленіе въ ряду нападающихъ вызвало сначала опасеніе, не есть-ли это лишь авангардъ арміи эмира Абдурахмана. Опасенія оказались несправедливыми и эмиръ лояльно выдержалъ нейтралитетъ во все время опаснаго и затруднительнаго похода генерала Эллиса внутрь Момендскихъ горъ. Это вторженіе Эллиса было поддержано съ сѣверо-запада Биндонъ-Блюдомъ изъ долины Свата. Войскамъ послѣдняго пришлось выдержать рядъ очень жаркихъ дѣлъ и оплакивать значительныя потери, особенно изъ среды англійскихъ офицеровъ. Въ концѣ концовъ, Эллису удалось добиться отъ момендовъ покорности и прекращенія непріязненыхъ дѣйствій. Это было тѣмъ болѣе кстати, что именно около этого времени въ линію борьбы вошли южные сосѣди момендовъ, горныя племена Сефидъ Куга и его отроговъ, воинственные и отлично вооруженные аффридіи и ораксаи. Сефидъ-Кугъ; высокій, вѣчно снѣжный хребетъ, простирается съ запада на востокъ въ предѣлахъ Афганистана. Выходя на востокъ къ англійскимъ владѣніямъ, хребетъ понижается и посылаетъ два расходящіеся отрога, Хайберскій и Когатскій, охватывающіе равнину Пешавера съ сѣверо-запада и съ юго-запада, тогда какъ главный массивъ Сефидъ-Куга возвышается къ западу. Эта дуга трудно проходимыхъ горъ, лежащая въ непосредственной близости къ Пешаверу и отдѣляющая его отъ Кабула, и населена аффридіями и ораксаями. Понятна тревога, возбужденная въ Индіи и въ Англіи извѣстіемъ объ открытіи непріязненныхъ дѣйствій этими племенами. Самъ главнокомандующій индійскою арміей, генералъ Локгартъ принялъ начальство надъ значительными силами, сосредоточенными у Пешавера, гдѣ къ осени собрано было свыше 40 тысячъ комбатантовъ. Сами англичане сознаются, что еще никогда въ этихъ странахъ не были сосредоточены ими такія военныя массы. Они обходились меньшими силами даже во время ихъ четырехъ войнъ съ афганскими эмирами. Тѣмъ не менѣе осенняя кампанія была неудачна. Англичане послѣдовательно потеряли всѣ горные форты, которыми владѣли, а успѣхи, одержанные въ открытыхъ сраженіяхъ, не привели непріятеля къ покорности. Зима заставила прекратить походъ и вернуться въ Пешаверъ. Набѣги горцевъ продолжались, однако, и зимою и еще недавно одинъ пограничный англійскій отрядъ, аттакованный аффридіями, потерпѣлъ довольно чувствительныя потери. Весною войну придется возобновить съ новыми силами.

За эти непріятности на сѣверо-западной границѣ Индіи англичане могутъ считать себя отчасти удовлетворенными въ сѣверо-восточной Африкѣ. Все болѣе и болѣе укрѣпляясь въ Египтѣ, все открытѣе смѣшивая его со своими владѣніями, Англія успѣшно расширяетъ сферу своего владычества, постепенно подчиняя себѣ земли, прежде подвластныя суданскому махди. Въ зиму 1896 — 1897 года, англичане успѣшно сдѣлали первый шагъ по этому пути. Они овладѣли тогда Донголою, богатою областью сѣверной Нубіи, непосредственно пограничной Верхнему Египту. Благоразумно остановившись для лучшаго подготовленія второго шага, они его сдѣлали осенью 1897 года, вытѣснивъ махдистовъ изъ Бербера, важнаго города въ южной Нубіи, теперь почти уже занятой англо-египетскими войсками, которымъ итальянцы передали и Кассалу. Важнымъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи надо считать и заключеніе англо-абиссинскаго дружественнаго договора, по которому негусъ Менеликъ обязался не пропускать оружія махдистамъ. Прочно устраиваясь въ Египтѣ и Нубіи и почти обезпечивъ себѣ завоеваніе Верхняго Нила, англичане несомнѣнно подготовляютъ присоединеніе Египта къ своимъ владѣніямъ. Едва ли можно въ близкомъ будущемъ предвидѣть такое стеченіе обстоятельствъ, которое могло бы имъ помѣшать въ этомъ. За то въ западной Африкѣ англичанъ тѣснятъ колоніальныя предпріятія нѣмцевъ и французовъ. Первымъ уже пришлось сдѣлать серьезныя уступки въ Тоголендѣ (въ Гвинеѣ). Придется кое-что уступить и французамъ въ области средняго Нигера. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться искусству и энергіи, съ которыми Англія отстаиваетъ свое міровое положеніе, изолированная въ Европѣ, покинутая заатлантическими родичами, недостаточно поддерживаемая своими собственными колоніями.

Неурожай картофеля въ сѣверной и восточной Ирландіи, вызвавшій кризисъ, близкій къ голоду; рабочія стачки, потрясавшія Англію и Валисъ, какъ давно не потрясали; успѣхи либераловъ на частныхъ выборахъ,—таковы еще факты, дополнивъ которыми нашъ очеркъ, мы исчерпаемъ важнѣйшіе моменты англійской исторіи въ 1897 году. И здѣсь, какъ по поводу французской и германской исторіи обозрѣваемаго года, приходится констатировать, что человѣчеству нечѣмъ помянуть этотъ годъ, ничѣмъ добрымъ по крайней мѣрѣ. Ожесточенная борьба, успѣхи и пораженія, бѣдствія и удачи наполняютъ собою англійскую исторію 1897 года, но все это имѣетъ узко-національное значеніе и, если не отбрасываетъ человѣчества назадъ, то и не двигаетъ его впередъ къ общему благоденствію и общей справедливости.

III.

Обращаясь къ внѣшней исторіи Россіи, замѣтимъ, что главнѣйшія ея событія уже упомянуты выше при обзорѣ исторіи другихъ

европейскихъ націй. Здѣсь укажемъ лишь ихъ общую связь, именно, что и въ 1897 году, какъ и въ два предъидущіе (со времени кн. Лобанова-Ростовскаго), руководящею нитью русской политики было вниманіе въ дѣламъ Дальняго Востока. Настойчиво стремиться къ всякимъ отсрочкамъ назрѣвающихъ вопросовъ Ближняго Востока и самой Европы, чтобы имѣть свободныя руки на берегахъ Тихаго океана,—такъ можно резюмировать сущность русской внѣшней политики за послѣднее трехлѣтіе. И дѣйствительно, отстраняя всяческими компромиссами европейскія осложненія, Россія въ эти три года дважды была на самой границѣ войны изъ за дѣлъ Дальней Азіи. Ни освобожденіе восточныхъ христіанъ, ни открытіе понто-эгейскихъ проливовъ, ни европейское равновѣсіе, ни одна изъ этихъ традиціонныхъ задачъ русской политики, ни всѣ онѣ вмѣстѣ не были въ состояніи отвлечь преимущественнаго вниманія русской политики отъ Китая и Кореи. Будущее покажетъ, насколько справедливо оцѣнили русскіе дипломаты относительную важность тѣхъ и другихъ задачъ. Это относительно собственно русскихъ интересовъ. Что же касается интересовъ цивилизаціи, то упраздненіе турецкаго владычества и сохраненіе европейскаго равновѣсія, гарантирующаго Европѣ миръ и безопасность, едва-ли не важнѣе всего Дальняго Востока.

Въ общемъ обзорѣ европейской исторіи за истекшій годъ я уже упоминалъ о визитахъ Франца-Іосифа, Вильгельма и Феликса Фора, наполнившихъ собою значительное число страницъ въ лѣтописяхъ этого года. Кромѣ главъ государствъ, Россія принимала у себя и другихъ иностранныхъ гостей. Москва была мѣстомъ международнаго конгресса врачей. Петербургъ принималъ у себя съѣзды геологовъ и статистиковъ. Группы геологовъ сдѣлали потомъ продолжительныя научныя экскурсіи по Россіи. Это культурное общеніе, чуждое политики и страстей минуты, сближая умственныхъ работниковъ всѣхъ народовъ, не можетъ не отразиться, рано или поздно, и на политической исторіи, укрѣпляя взаимное пониманіе и взаимное сочувствіе народовъ. Будемъ надѣяться, что и знаменательные праздники науки, состоявшіеся въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ 1897 году, оставятъ и въ нашемъ обществѣ, и у нашихъ гостей именно эти слѣды пониманія и сочувствія, пріязни, уваженія и довѣрія, которыя постепенно создаютъ общее сознаніе солидарности и общее чувство всеевропейскаго патріотизма, которое такъ же мало противорѣчитъ просвѣщенному національному патріотизму, какъ этотъ послѣдній—любви къ семьѣ.

Изъ другихъ націй Европы Италія все еще залѣчиваетъ раны, нанесенныя ей шовинистскою великодержавною политикою Криспи. Въ теченіе года, подъ вліяніемъ ожесточенныхъ парламентскихъ столкновеній, въ Италіи дважды произошелъ министерскій кризисъ. Въ концѣ концовъ, дѣло ограничилось частными перемѣнами, а главнымъ руководителемъ итальянской политической жизни остался

маркизъ Ди-Рудини. Въ концѣ года въ кабинетъ вошелъ Занарделли, что обозначаетъ нѣкоторое движеніе министерства влѣво. Кромѣ министерскихъ кризисовъ, въ отчетномъ году Италія была удручаема серьезнымъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ, вызвавшимъ крупные безпорядки въ разныхъ мѣстахъ королевства и потребовавшимъ вмѣшательства вооруженной силы. Женитьба наслѣдника престола на черногорской княжнѣ, передача англичанамъ Кассалы и дуэль гр. Туринскаго (племянника короля) съ принцемъ Генрихомъ Орлеанскимъ дополняютъ собою политическую исторію Аппенинскаго полуострова за обозрѣваемый періодъ.

Исторія 1897 года на Пиринейскомъ полуостровѣ началась убіеніемъ испанскаго министра-президента Кановаса-дель Кастильо. Это устраненіе со сцены самаго талантливаго и энергическаго вождя консервативной партіи совпало съ явными приготовленіями Америки ко вмѣшательству въ кубинскія дѣла и съ рядомъ неудачъ, постигшихъ кубинскаго главнокомандующаго генерала Вейлера. Это повело къ паденію консервативнаго министерства и къ составленію либеральнаго кабинета съ Сагастой во главѣ. Суровый Вейлеръ былъ отозванъ и возставшимъ кубанцамъ объявлена новая программа автономіи и реформъ. Это устранило столкновеніе съ Соединенными Штатами, но покуда еще не умиротворило Кубы, третій годъ раздираемой междоусобной войной. Удастся-ли Сагастѣ разрѣшить задачу умиротворенія и успокоенія острова при помощи реформъ, или и эта попытка кончится неудачею, какъ и программа репрессій, сообщитъ намъ исторія наступившаго 1898 года.

Если мы отъ южныхъ полуострововъ обратимся къ сѣвернымъ, именно къ двумъ скандинавскимъ, то стремленіе датчанъ и норвежцевъ получить европейскую гарантію и нейтрализацію и ихъ глухая борьба со шведами, еще не склонными отказаться отъ политической роли въ исторіи Европы, и является главнымъ содержаніемъ политической исторіи Скандинавіи. Даже празднованіе юбилея короля Оскара только на нѣсколько дней пріостановило эту борьбу между родственными народами. Норвежцы, увѣренные, что Швеція готова въ союзѣ съ Германіей или Англіей выступить противъ Россіи, и находя, что Норвегіи нѣтъ никакого дѣла до «великошведскихъ» плановъ министерства гр. Дугласа, настаиваютъ на образованіи для Норвегіи особаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которое могло бы самостоятельно вести норвежскую политику и сохранять нейтралитетъ даже въ случаѣ войны шведовъ съ какою либо націей. Король Оскаръ, естественно, не склоненъ согласиться на такое расторженіе государственнаго союза между своими двумя королевствами. Недовольный этимъ норвежскій стортингъ (парламентъ) уменьшилъ королевскій цивиль-листъ, но шведскій риксдагъ отвѣтилъ на это, внеся въ бюджетъ Швеціи увеличеніе цивиль-листа ровно на сумму, отнятую норвежцами. Въ 1897 году происходили въ Норвегіи общіе выборы, окончившіеся торжествомъ

національной партіи, и наступившій 1898 годъ, вѣроятно, будетъ свидѣтелемъ немаловажныхъ событій въ Скандинавіи. Мы уже упоминали, что и датчане стремятся стать нейтральными. Датскій фолькетингъ и норвежскій стортингъ, оба годъ тому назадъ, постановили предложить своимъ правительствамъ возбудить этотъ вопросъ передъ великими державами Европы. Шведское министерство иностранныхъ дѣлъ, представляющее и норвежское министерство, не исполнило постановленія стортинга, но датское правительство возбудило этотъ вопросъ передъ кабинетами. Въ послѣднюю сессію фолькетинга датскій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ народнымъ представителямъ результатъ своихъ переговоровъ. Державы отнеслись сочувственно къ идеѣ нейтрализаціи второстепенныхъ государствъ Европы, но нашли возбужденіе вопроса собственно о Даніи несвоевременнымъ. Это сообщеніе должно очень обезкуражить норвежскихъ патріотовъ и поощрить шведскихъ. Нейтрализація *одной* Даніи была бы выгодна *только* Германіи (кромѣ самихъ датчанъ, конечно). Въ этомъ и надо видѣть главную причину неуспѣха датской иниціативы. Съ другой стороны, нейтрализація Швеціи и Норвегіи или расторженіе ихъ государственнаго союза было бы выгодно *одной* Россіи. Въ виду этихъ великодержавныхъ интересовъ симпатичная иниціатива норвежскаго народа едва-ли скоро получитъ осуществленіе. Кромѣ этихъ важныхъ вопросовъ, имѣющихъ общеевропейское значеніе, Скандинавію, какъ и весь образованный міръ, волновали въ истекшемъ году смѣлое предпріятіе Андре и неизвѣстность постигшей его участи. Къ сожалѣнію, есть много основаній опасаться, что мартирологъ подвижниковъ науки долженъ будетъ занести въ свои списки еще три благородныхъ жертвы.

О балканскихъ земляхъ мы довольно говорили въ своемъ общемъ обзорѣ европейскаго положенія въ 1897 году и, конечно, эти земли заставятъ насъ нерѣдко возвращаться къ ихъ судьбѣ. Но мы пропустили еще Австрію, это странное европейское *государство*, которое, вопреки всему современному историческому строю цивилизованнаго міра, не есть въ то же время *нація*. Именно аномалія этого историческаго анахронизма и была обнаружена австрійскою исторіей 1897 года съ яркостью, доселѣ никакими другими примѣрами не превзойденною. «Помѣстье Габсбурга», какъ презрительно называлъ Австрію извѣстный англійскій историкъ Фриманъ, начало одно время превращаться въ западно-славянскую федерацію, подготовляя какъ бы и образованіе западно-славянской націи. Славянскіе по культурѣ и полуславянскіе по происхожденію элементы, мадьярскіе и румынскіе, казалось, должны были легко спаяться въ одно пестрое, но въ своей пестротѣ единое австро-славянское тѣло. Противъ этой славянской эволюціи и возстали, наконецъ, единодушно и энергично всѣ нѣмецкіе элементы Австріи. Мадьяры благоразумно умыли руки и австрійскіе славяне западной

половины имперіи остались одинъ на одинъ съ нѣмцами, ожесточенными и опирающимися на вѣковыя традиціи династіи, арміи, бюрократіи. Покамѣсть династія и послушная ей бюрократія, вмѣстѣ съ приверженными той же традиціонной власти нѣмецкими консерваторами, отчасти поддерживали славянъ, до тѣхъ поръ они могли какъ будто торжествовать. Жалкое это было торжество. Одна славянская гимназія на всю Штирію (гдѣ около половины населенія словинцы); равноправность чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Богеміи и Моравіи (безъ такой же равноправности славянскихъ языковъ въ Силезіи, Штиріи, Крайнѣ, Каринтіи, Далмаціи, Тріестѣ),— вотъ эти успѣхи, вызвавшіе такое негодованіе австрійскихъ нѣмцевъ и такіе протесты нѣмцевъ германскихъ. Нѣсколько сотъ профессоровъ нашло униженіемъ для нѣмцевъ равноправность со славянами. Негодованіе было самое искреннее, основанное на глубоко гнѣздящемся чувствѣ національной исключительности. Казалось все дозволеннымъ для борьбы съ славянскимъ варварствомъ и для обороны позицій германизма. И въ самомъ дѣлѣ, нѣмцы сочли все возможнымъ. Это была уже не «обструкція», какъ ее понимаютъ въ Англіи и всюду, кромѣ Вѣны, а простыя побоища, попирающія всяческое представленіе о приличіи и достоинствѣ. Изъ стѣнъ парламента эта «обструкція» вышла на улицы габсбургской столицы и добродушная Вѣна готовилась революціонировать. Императоръ уступилъ, уволилъ славянскаго премьера и отсрочилъ всѣ рѣшенія. Нѣмцы побѣдили и едва-ли вскорѣ можно ожидать возобновленія той федеративной славянской эволюціи, которая была прервана вѣнскими событіями въ ноябрѣ и декабрѣ 1897 года. «Помѣстье Габсбурга» опять стало помѣстьемъ и помѣщикъ въ затрудненіи, какъ сохранить единство своихъ владѣній. Всѣхъ послѣдствій пораженія славянскаго федеративнаго движенія въ Австріи еще невозможно предвидѣть. Вѣроятно, намъ придется не разъ въ 1898 году заниматься этими насущными вопросами, насущными не для однихъ австрійскихъ народовъ. Недаромъ такой освѣдомленный государственный дѣятель, какъ Чарльзъ Дилькъ выразился, что европейской войны слѣдуетъ ожидать скорѣе всего въ случаѣ смерти императора Франца-Іосифа и вѣроятнаго открытія австрійскаго наслѣдства. Въ такихъ то обстоятельствахъ готовится престарѣлый императоръ праздновать въ настоящемъ году пятидесятилѣтній юбилей своего царствованія.

За предѣлами Европы, Старый Свѣтъ мало по малу превращается въ европейскую провинцію. Печальная исторія Китая за послѣдніе годы является тому лучшимъ примѣромъ. Китайцы, несомнѣнно, старо-культурный, мирный народъ, а не дикая орда, подобно туркамъ. Поэтому, вопросъ о китайскомъ наслѣдствѣ, иначе говоря, о раздѣлѣ Китая, имѣетъ совершенно иное значеніе, нежели о наслѣдствѣ турецкомъ. Военная слабость китайскаго правительства — единственная причина разыгравшихся аппетитовъ. Но

эта военная слабость китайской бюрократіи не является ли вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, которое облегчитъ китайскому народу проблему реформы и устраненія изъ ряда вонъ выдающейся коррупціи китайскихъ правящихъ классовъ? Китайцы не властвуютъ ни надъ какими народами, никого не угнетаютъ и никому не угрожаютъ. Быть можетъ, Европа поступила бы хорошо, не пробуждая въ нихъ дремлющаго звѣря и не мѣшая имъ устраивать свои домашнія дѣла. Въ такомъ же положеніи находятся Корея и Сіамъ. Здѣсь можно ожидать, какъ и въ Японіи, самобытной прогрессивной эволюціи. Событія 1897 года на Дальнемъ Востокѣ обнаруживаютъ, однако, что Европа не очень склонна предоставить этимъ отдаленнымъ народамъ необходимое время для постепеннаго развитія.

Въ Африкѣ европейцы тоже усердно обращаютъ туземцевъ въ подданныхъ европейскихъ націй. О покореніи Мадагаскара французами, Египта и Нубіи англичанами, о раздѣлѣ западной Африки между англичанами, нѣмцами и французами мы уже говорили выше. Къ этому надо прибавить новыя замѣшательства у англичанъ въ юго-западномъ Марокко и слухи о присоединеніи къ Франціи негритянской республики Либеріи. Это государство основано американскими неграми на западномъ берегу Африки. Въ послѣднее время республика чувствовала значительныя финансовыя затрудненія. Это будто бы и побудило либерійцевъ проситься во французское подданство.

Покамѣсть энергически отстаиваютъ отъ европейцевъ свою независимость двѣ маленькихъ южно-африканскихъ республики голландскихъ крестьянъ, Оранжъ и Трансвааль. Въ послѣдней, въ 1897 году, происходили президентскіе выборы. Избранъ снова Крюгеръ, энергическій защитникъ независимости.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки совершилась 4 марта (20 февраля) обычная смѣна президента. Мѣсто демократа Кливеленда, склоннаго къ политикѣ соглашенія и къ свободной торговлѣ, занято республиканцемъ Макъ-Кинлеемъ, крайнимъ протекціонистомъ и успѣвшимъ обнаружить уже довольно много задора во внѣшней политикѣ. Кромѣ уже упомянутаго провала выработаннаго при Кливелендѣ англо-американскаго арбитражнаго договора и энергическаго вмѣшательства въ кубанскія дѣла, тоже вышеупомянутаго, первый годъ президентства Макъ-Кинлея ознаменовался присоединеніемъ къ Соединеннымъ Штатамъ республики Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) острововъ. Угрожаемая Японіей, эта маленькая малайская республика добровольно отдалась Америкѣ. Формальности присоединенія еще не всѣ выполнены, но фактически оно уже состоялось. Изъ другихъ событій сѣверо-американской жизни надлежитъ отмѣтить принятіе новаго таможеннаго тарифа, почти запретительнаго характера, и выборы городского мэра въ соединенномъ Нью-Іоркѣ (впервые), причемъ побѣду одержала, такъ называемая, партія Tammany, являющаяся представительницею крупнаго капитала. Южная же

Америка, по обыкновенію, занималась междоусобіями. 1897 годъ ихъ наблюдалъ въ Бразиліи, Уругваѣ, Гватемалѣ и др.

Мы обозрѣли главнѣйшія событія 1897 года. Какая же общая характеристика можетъ быть дана этому тревожному году? Прежде всего, не разъ уже выше отмѣченное преобладаніе вопросовъ международныхъ надъ внутренними, преобладаніе, замѣчаемое не только въ Европѣ, но и въ другихъ странахъ міра. Затѣмъ, нельзя не остановиться и на томъ обстоятельствѣ, тоже выше уже отмѣченномъ нѣсколько разъ, что эта сложная международная жизнь, исполненная столькихъ тревогъ, стоившая столькихъ усилій и трудовъ, мало подвинула дѣло цивилизаціи, болѣе вращаясь въ сферѣ узкихъ національныхъ интересовъ. Слѣдуетъ отмѣтить такъ же, что провозглашеніе франко-русскаго союза, укрѣпленіе тройственнаго и первые шаги къ панбританской конфедераціи представляютъ особый интересъ еще и съ той точки зрѣнія, что являются новыми и важными основами внутренней организаціи европейскаго міра. Новые шаги къ подчиненію всего Стараго Свѣта этимъ европейскимъ организаціямъ составляютъ тоже замѣтное содержаніе политической исторіи 1897 года. Эти два теченія европейской исторіи обозрѣваемаго періода (возникновеніе и укрѣпленіе международныхъ европейскихъ организацій и подчиненіе Европѣ странъ азіятскихъ и африканскихъ) являются лишь продолженіемъ и новыми формами исторической эволюціи, мною отмѣченной въ обозрѣніяхъ прошедшихъ годовъ, именно постепеннаго объединенія Европы.

Въ обозрѣніяхъ 1895 и 1896 годовъ я указывалъ еще и на все сильнѣе обнаруживающееся переразвитіе капитализма, все менѣе способнаго справиться съ собственнымъ ростомъ и собственными аппетитами. 1897 годъ въ этомъ отношеніи не представляетъ новыхъ фактовъ, которые бы измѣняли существенно положеніе, обрисовавшееся болѣе яркими предшествующими годами. Однако, вышеупомянутый союзъ взаимной монополіи Англіи и ея колоній, острое соперничество державъ въ Китаѣ и Африкѣ, торжество золотой валюты въ Россіи, Индіи и Америкѣ, усилившаяся активность внѣшней политики Штатовъ, мятежи въ Италіи и Венгріи — обязаны своимъ возникновеніемъ именно тому же историческому фактору, экономическому кризису подъ вліяніемъ переразвитія капитализма. При обзорѣ соотвѣтствующихъ событій 1898 года мы еще будемъ имѣть случай обстоятельнѣе возвратиться къ этой сторонѣ нашей современности.

С. Южаковъ.

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОМОЩИ
СЛУЖАЩИХЪ
ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУРЫ
Анны Красильщиковой
въ с. Родникахъ.

Литература и жизнь.

Рождественская сказка г. Мамина.—Будущность цивилизаціи.—Вырожденіе и прогрессъ.—Дарвинизмъ и ницшіанство.

За мной остался отъ прошлаго раза рождественскій разсказъ г. Мамина. Онъ называется «Послѣдніе огоньки. Святочная фантазія» и напечатанъ въ рождественскомъ (25 дек.) номерѣ «Русскихъ Вѣдомостей».

Дѣйствіе происходитъ на какомъ то архипелагѣ много вѣковъ спустя послѣ нашего времени. За двѣ тысячи лѣтъ до того момента, къ которому относится разсказъ, произошло крушеніе европейской цивилизаціи. Давно уже всѣ европейскія государства превратились въ военные лагери, и прогрессирующая наука снабжала ихъ все новыми орудіями вражды и истребленія. Между прочимъ, прогрессировало и воздухоплаваніе, «уничтожившее, какъ увѣряла наука, всякія этнографическія границы, національные интересы и всякую расовую обособленность. Такъ говорила наука, а вышло нѣчто другое. Благодаря новому открытію (въ области воздухоплаванія), вся старая Европа очутилась въ огнѣ. Утонченное рабство давно уже носилось въ воздухѣ и разрѣшилось цѣлымъ рядомъ ужасныхъ катастрофъ. Романскія, англо-саксонскія и славянскія расы превзошли другъ друга въ братской ненависти, и жестокая цивилизація рухнула сама собой, раздавленная собственной жестокостью. Послѣдній ударъ, нанесенный Европѣ желтолицыми варварами, былъ только неизбѣжнымъ результатомъ всей европейской политики. Да, Европа нѣсколько сотъ лѣтъ учила желтыя расы искусству истребленія, пока ученики не примѣнили свои знанія на ней самой. Это былъ настоящій потокъ варварства, хлынувшій на Европу въ всеоружіи послѣднихъ словъ науки». Варвары превратили Европу въ пустыню, а затѣмъ ее, одичалую, заросшую лѣсомъ, купили у нихъ американскіе милліардисты и превратили въ огромный охотничій паркъ. Жалкіе остатки европейцевъ выселились на «архипелагъ», гдѣ желтолицые рѣшили оставить ихъ въ покоѣ: «пусть они постепенно вымрутъ сами собой, это—самая страшная казнь; желтолицый да не прикоснется къ этой бѣлолицей твари, обреченной на вымираніе». И дѣйствительно, бѣлолицые стали вымирать, «расплачиваясь за всѣ грѣхи своихъ предковъ, точно они несли проклятіе въ своей крови и въ своихъ нервахъ». Правители архипелага (то была теократія) тщетно старались поддержать жизненныя силы населенія. Они ввели «брачное право», въ силу котораго браки разрѣшались только лицамъ, свободнымъ отъ физическихъ

недостатковъ, могущихъ вредно отозваться на потомствѣ; за каждаго ребенка матери выдавалась премія, а отцу пожизненная пенсія; браки совершались только весной, потому что наука доказала преимущество этого времени года для счастливыхъ браковъ, и весеннее время было объявлено національнымъ праздникомъ.

Одинъ изъ такихъ праздниковъ и описываетъ сказка «Послѣдніе огоньки». Я не буду пересказывать эту часть «святочной фантазіи», сдѣланную съ обычнымъ мастерствомъ автора, — меня занимаетъ собственно замыселъ сказки, эта попытка фантазіи заглянуть въ далекую даль будущей исторіи. Скажу только, что праздникъ выходитъ невеселый. Ко всѣмъ бѣдамъ жителей архипелага присоединяется еще одна: дѣвушки отказываются выходить замужъ, потому что «боятся материнскихъ мукъ и не хотятъ разставаться со своей дѣвичьей красотой». Нѣкоторые изъ жителей архипелага въ отчаяніи вздыхаютъ: «еслибы намъ хоть капельку желтой крови». Другіе заговариваютъ о необходимости силой закона принудить дѣвушекъ выходить замужъ...

Существуетъ цѣлая литература попытокъ художественной фантазіи заглянуть въ темную даль грядущаго, и уже самое обиліе ихъ свидѣтельствуетъ о законности этого рода произведеній. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, отнять у человѣка желаніе и надежду приподнять завѣсу отдаленнаго будущаго настолько, чтобы перешагнуть предѣлы научнаго предвидѣнія и наполнить открывающуюся перспективу живыми, конкретными образами и картинами? Это желаніе такъ же естественно, какъ естественны грубыя ошибки при попыткахъ его исполненія: слишкомъ ужъ обширное поприще для произвола открывается при этомъ. Не могъ избѣгнуть такихъ ошибокъ или недосмотровъ и г. Маминъ, тѣмъ болѣе, что произведеніе его есть не какой нибудь глубоко обдуманный трудъ, а наскоро и безъ претензіи написанная рождественская сказка, или же неотдѣланный отрывокъ. Нѣтъ надобности останавливаться на этихъ ошибкахъ и недосмотрахъ, они слишкомъ очевидны. Обыкновенно авторы подобныхъ произведеній берутъ какія нибудь особенно поражающія ихъ черты современной дѣйствительности и либо представляютъ себѣ ихъ въ дальнѣйшемъ, все усиливающемся развитіи, либо, напротивъ, провидятъ ихъ исчезновеніе. И въ концѣ концовъ авторы не столько проникаютъ въ будущее, сколько откликаются на злобу дня, на тревоги современности. Получаются, независимо отъ степени талантливости авторовъ, либо хвалебные гимны нѣкоторымъ чертамъ современности, какъ зародышу свѣтлаго будущаго, которымъ необходимо лишь дальнѣйшее безпрепятственное развитіе, либо сатира во имя извѣстнаго современнаго идеала, либо, наконецъ, та или другая комбинація гимна и сатиры. Сообразно этому, фантастическія гаданія о будущемъ принимаютъ оптимистическій или пессимистическій характеръ. Въ сторону оптимизма гаданія разрѣшаются наиболѣе часто, удовлетворяя естественной склонности

людей къ мечтаніямъ о прекращеніи тѣхъ или другихъ золъ и воцареніи добра на землѣ. Тутъ, рядомъ съ болѣе или менѣе «проникновенной» сатирой на современность, мы видимъ часто благородные порывы къ высокимъ общественнымъ идеаламъ, которые являются такимъ образомъ какъ бы отдаленными свѣтящимися точками, имѣющими свою цѣну въ качествѣ идеала, хотя бы путь къ нему и остался неизвѣстнымъ. Но за послѣднее время въ этого рода произведеніяхъ широкій размахъ фантазіи какъ-то съуживается, мельчаетъ, размѣнивается. Ослѣпленные небывалымъ развитіемъ техники во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, творцы новѣйшихъ утопій часто слишкомъ сосредоточиваютъ свое вниманіе именно на этой чертѣ нашего времени. Черта это безспорно очень яркая, но не только свѣта, что въ этомъ окошкѣ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что черезъ двѣсти, пятьсотъ, тысячу, двѣ тысячи лѣтъ (скупиться на сроки въ такихъ случаяхъ нечего), пространство окажется побѣжденнымъ въ несравненно большей степени, нежели теперь; что изъ Парижа въ Пекинъ можно будетъ попасть въ нѣсколько часовъ; или что пожалуй и совсѣмъ не нужно будетъ тратить время на это путешествіе, такъ какъ при помощи уже существующаго, но подлежащаго усовершенствованію телефона можно будетъ переговариваться на любомъ разстояніи, а при помощи еще несуществующаго телефота можно будетъ и видѣть другъ друга на тысячныхъ разстояніяхъ. И т. п. При этомъ и люди становятся другъ къ другу благосклоннѣе, чѣмъ нынѣ, но формы общественныхъ отношеній измѣняются, въ сущности, очень мало. Я не говорю, конечно, что таковы всѣ новѣйшія беллетристическія гаданія о будущемъ, но во всякомъ случаѣ вѣра въ благодѣянія техническаго прогресса занимаетъ въ нихъ всегда очень видное, а иногда и исключительно преобладающее мѣсто.

Совсѣмъ иначе поставлено дѣло въ святочной фантазіи г. Мамина. Техническій прогрессъ является у него, если не причиною, то однимъ изъ условій крушенія европейской цивилизаціи, наряду съ вырожденіемъ европейскаго населенія и свирѣпой національной враждой. Какъ ни очевидны недосмотры этой святочной фантазіи, какъ ни односторонне освѣщается ею далекое будущее, она можетъ заставить призадуматься надъ многими явленіями современности. Она, подобно всѣмъ беллетристическимъ гаданіямъ о будущемъ, лишь проводитъ въ это будущее извѣстныя логическія линіи отъ нѣкоторыхъ поразившихъ автора, произвольно выбранныхъ пунктовъ современности, но пункты эти достойны вниманія, да и не одного г. Мамина занимаютъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, желѣзная дорога лучше проселочной, электрическое освѣщеніе лучше лучины, скорострѣльное ружье лучше пращи, механическій станокъ лучше ручного и т. д. Но этимъ еще не рѣшается вопросъ о соціальной роли техническаго прогресса. Для многихъ, конечно, тутъ и вопроса никакого нѣтъ: рядъ ча-

стныхъ практическихъ цѣлей достигается быстрѣе и лучше, и этого достаточно. Но, не говоря уже о разныхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ вообще, такой, напримѣръ, спокойный и умѣренный мыслитель, какъ Дж. Ст. Милль, пишетъ: «До сихъ поръ еще сомнительно, облегчили ли хотя одному человѣку трудъ для насущнаго хлѣба всѣ наши механическія изобрѣтенія. Они дали возможность большему числу людей жить тою же тяжелою острожною жизнью и большему числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться. Они увеличили удобства жизни среднихъ сословій, но они еще не начали производить въ человѣческой судьбѣ тѣ великія перемѣны, къ совершенію которыхъ назначены они своей сущностью и своей будущностью» (Основанія политической экономіи 1865, II, 279). «Сущность» техническаго прогресса состоитъ въ побѣдахъ ума и энергіи мыслителей и изобрѣтателей надъ силами природы. Что же касается его «будущности», то Милль ставитъ ее въ зависимость отъ условій чисто соціальнаго характера (справедливыя учрежденія и предусмотрительность въ дѣлѣ размноженія), не имѣющими ничего общаго съ техническимъ прогрессомъ какъ таковымъ, и могущими ему сопутствовать и не сопутствовать. Чрезвычайно осторожный и отнюдь не склонный къ пессимизму изслѣдователь положенія рабочихъ на нашихъ фабрикахъ говоритъ: «Всматриваясь во всѣ подробности фабричной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, мы искали, искали всѣми силами хотя бы одну какую нибудь черту, которая дала бы возможность сказать: да, это шагъ впередъ противъ «некультурной» нашей деревни,—но не нашли ничего». (Е. М. Дементьевъ. «Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ». Изд. 2-е, 1897, стр. 253). Надо замѣтить, что, по заявленію г. Дементьева, онъ «не приметъ упрека въ желаніи возвратиться къ старому, въ оплакиваніи «добраго стараго времени» съ его патріархальными отношеніями, за которыми скрывалось столько печальнаго и дикаго. Было бы слишкомъ наивно желать, а тѣмъ болѣе предполагать возможность возвращенія къ первобытнымъ формамъ производства съ ручнымъ трудомъ и остановки быстраго распространенія машиннаго производства» (тамъ же). Положительной части изслѣдованія г. Дементьева мы касаться не будемъ, отмѣтимъ только, что она состоитъ въ разсчетѣ не на дальнѣйшій прогрессъ техники, а на извѣстныя «общественныя реформы». Въ этой области авторъ считаетъ себя недостаточно компетентнымъ, но, будучи хозяиномъ въ своей спеціальности, онъ, въ результатѣ долгаго и кропотливаго изслѣдованія, рѣшительно утверждаетъ, что фабричный трудъ ведетъ за собой вырожденіе, «физическую и нравственную гибель».

Въ святочной фантазіи г. Мамина мы тоже встрѣчаемъ вырожденіе, но оно тамъ постигаетъ не одну какую нибудь группу, а все европейское населеніе, причемъ авторъ оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно причинъ вырожденія. Мы знаемъ только,

что населеніе это «точно несло проклятіе въ своей крови и въ своихъ нервахъ», точно духъ жизни отлетѣлъ отъ него. Нѣсколько больше узнаемъ о мѣрахъ, тщетно принимаемыхъ теократическимъ правительствомъ архипелага для поддержанія жизненныхъ силъ населенія. Но объ этомъ потомъ.

Г. Маминъ провидитъ новое нашествіе варваровъ въ Европу и разгромъ ея цивилизаціи, руководясь очевидно тою общею мыслію (еслибы онъ захотѣлъ ее формулировать), что характеръ результатовъ техническаго прогресса существенно зависитъ отъ свойствъ общественной среды, въ которой они дѣйствуютъ. По его предположенію, европейцы въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ являли варварамъ лишь образцы насилія, жестокости, коварства, да передавали имъ послѣдніе результаты техническаго прогресса. И вотъ эти варвары, оставаясь варварами во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но вооруженные всѣми «послѣдними словами науки» въ ея техническихъ приложеніяхъ, воспользовались ими для разгрома Европы. Логически, въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, и нѣкоторымъ европейскимъ ученымъ приходили въ голову подобныя же мысли. Скандальное поведеніе европейскихъ насадителей цивилизаціи въ колоніяхъ достаточно извѣстно, и, конечно, ничего, кромѣ ненависти, сдерживаемой страхомъ, возбудить въ туземцахъ не можетъ. Съ другой стороны, усвоить послѣдніе результаты техники, совсѣмъ не продѣлавъ той работы ума и энергіи, которая имъ предшествовала, можетъ, конечно, и варваръ. И такъ какъ онъ, этотъ варваръ, не подвергался, въ предположеніи г. Мамина, тому процессу вырожденія, который подготовилъ крушеніе Европы, то при столкновеніи съ европейцемъ онъ, владѣя одинаковымъ съ нимъ оружіемъ борьбы, окажется сильнѣе. При этомъ чуждыхъ ему элементовъ европейской цивилизаціи,—нашихъ преданій, историческихъ памятниковъ, сокровищъ науки и искусства,—онъ не пощадитъ.

Но еще задолго до крушенія цивилизаціи Европа переживетъ рядъ страшныхъ катастрофъ на почвѣ національной вражды. И тутъ опять сказывается скептицизмъ автора по отношенію къ благодѣяніямъ техническаго прогресса. Между прочимъ, послѣдніе успѣхи воздухоплаванія, на которые теоретическая наука возлагала особенныя надежды въ смыслѣ укрѣпленія или установленія добрыхъ международныхъ отношеній, оказались на дѣлѣ орудіемъ вящшей взаимной ненависти и вражды. Предсказаніе это ясно навѣяно послѣдними событіями въ европейской жизни. Было время, и сравнительно еще очень недавно, когда мыслители утверждали, что мирная промышленная дѣятельность вытѣснитъ войну изъ европейскаго обихода и если не внутри государствъ, то въ международныхъ отношеніяхъ наступитъ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Мыслители считали это несомнѣннымъ, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе цивилизованныхъ странъ Европы. Жизнь опрокинула эти теоретическія выкладки рядомъ кровавыхъ войнъ, изъ которыхъ одна

надолго превратила Европу въ нѣчто вродѣ военнаго лагеря. И нынѣ уже не такъ увѣренно звучатъ голоса, пророчествующіе, что мирная промышленная дѣятельность вытѣснитъ войну, а на технику возлагаются совершенно новыя надежды: она доведетъ истребительность орудій войны до такого совершенства, что никто не отважится воевать. Это ужъ, если можно такъ выразиться, надежда отчаянія...

Кромѣ увѣренности въ прекращеніи вооруженныхъ столкновеній между государственно-организованными общественными единицами, существуетъ не менѣе твердая увѣренность въ приближающемся мирѣ и единеніи различныхъ національностей, какъ въ предѣлахъ даннаго государства, такъ и за предѣлами его. Казалось, духъ національной нетерпимости и фанатизма отлетаетъ отъ настрадавшейся изъ-за него Европы, замѣняясь уже не смутными космополитическими мечтами какого-нибудь «оратора человѣческаго рода», Анахарсиса Клоца, а чѣмъ то вполнѣ реальнымъ: духовныя перегородки, раздѣляющія эллина и іудея и всякъ сущій въ Европѣ языкъ, становятся все тоньше, прозрачнѣе и проницаемѣе для взаимнаго пониманія и сочувствія; международныя выставки, общества, съѣзды, конгрессы, договоры сближаютъ людей на почвѣ общей работы; улучшенные пути сообщенія облегчаютъ въ небывалой до сихъ поръ степени личныя сношенія съ людьми разныхъ національностей; всесильная мода стираетъ яркія краски національныхъ особенностей въ нравахъ, одеждѣ и проч.; наука вырабатываетъ истины, равно обязательныя для людей всѣхъ національностей и быстро дѣлающіяся достояніемъ цѣлаго міра. Словомъ, все ведетъ, если не къ уничтоженію національныхъ особенностей (а отчасти и къ нему), когда то служившихъ источникомъ взаимной чуждости, то къ примиренію съ ними. И позволительно было думать, что, по крайней мѣрѣ, внѣ военнаго времени Европа покончила съ національной враждой. Это не какая-нибудь слащаво-идиллическая картина, гдѣ царятъ исключительно добрыя чувства и вполнѣ отсутствуетъ борьба интересовъ и взглядовъ. Но центръ борьбы предполагался окончательно перемѣщеннымъ изъ сферы національныхъ отношеній въ сферу отношеній классовыхъ. Оказывается,—это была иллюзія. Не говоря о мелочахъ въ родѣ, напримѣръ, кровавыхъ столкновеній итальянскихъ рабочихъ съ французскими и т. п., и останавливаясь лишь на томъ, что дѣлается въ эту минуту во Франціи и въ Австріи, мы видимъ, что мрачный демонъ національной вражды не отлетѣлъ, не умеръ. Достаточно ничтожнаго повода, чтобы онъ, гдѣ то притаившійся, объявился во всемъ своемъ жестокомъ и безсмысленномъ безобразіи и наложилъ печать позора на столь гордый своими успѣхами конецъ XIX вѣка. Г. Маминъ пророчествуетъ этому демону слишкомъ многая лѣта, но онъ во всякомъ случаѣ живъ и, очевидно, не завтра умретъ.

Что касается вырожденія, то, какъ уже сказано, г. Маминъ не

указываетъ ближайшимъ образомъ его причинъ, если не считать одною изъ таковыхъ истребительныя войны. Мѣры, практикуемыя или проектируемыя для предотвращенія дальнѣйшаго вырожденія, также не даютъ указаній на его причины. Въ проектѣ находятся «хоть бы капелька желтой крови» и принудительные браки; въ дѣйствіи—брачное право, предоставленное исключительно здоровымъ и сильнымъ людямъ, пенсіи и преміи за дѣтей, установленіе опредѣленнаго времени года для совершенія браковъ.

Можетъ быть иному изъ читателей эти подробности святочной фантазіи г. Мамина покажутся особенно странными. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшая исторія представляетъ собою процессъ раскрѣпощенія, освобожденія личности отъ многоразличныхъ узъ, доставшихся ей въ наслѣдство отъ прошлыхъ вѣковъ. Было время, когда, по выраженію одной русской свадебной пѣсни, браки заключались «по господскому приказанью, по мірскому приговору». Мыслимо ли нѣчто подобное не только въ далекомъ будущемъ, а и теперь, когда раздаются голоса уже о чрезмѣрной свободѣ личности распоряжаться своею судьбою, и даже, дескать, до полной разнузданности? И однако фантазія г. Мамина вовсе не такъ далеко отлетѣла отъ переживаемаго нами историческаго момента, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Разговоры о преміяхъ и пенсіяхъ за дѣторожденіе не разъ возникали во Франціи, озабоченной слабымъ приростомъ или даже неподвижностью своего населенія, равно какъ теперь же есть не мало женщинъ, которыя «боятся материнскихъ мукъ и не хотятъ разставаться съ своей дѣвичьей красотой». Проекты «брачнаго права» и воспрещенія браковъ людямъ, страдающимъ болѣзнями, способными передаваться по наслѣдству, также нерѣдко возникаютъ въ цивилизованныхъ странахъ. А нѣкоторые современные проекты огражденія человѣческаго рода отъ вырожденія своею рѣшительностью далеко превосходятъ то, что, по предсказанію г. Мамина, станетъ закономъ черезъ двѣ съ лишкомъ тысячи лѣтъ. Авторъ книги «Die Aristocratie des Geistes als Lösung der socialen Frage» (1894) предлагаетъ слѣдующій проектъ систематическаго соціальнаго подбора въ дарвинистскомъ смыслѣ. Во-первыхъ, всѣ вредные члены общества, разнаго рода дегенеранты, порочные и проч. должны быть сосредоточены въ спеціально имъ уступленныхъ городахъ, гдѣ имъ будутъ даромъ предоставлены спиртные напитки въ какомъ угодно количествѣ и гдѣ, вмѣстѣ съ кабаками, ихъ быстро покончатъ публичные и игорные дома. Такимъ образомъ они проведутъ послѣдніе годы жизни съ пріятностью въ нихъ вкусѣ, а общество избавится отъ зловредныхъ элементовъ, угрожающихъ всей его будущности. Во-вторыхъ, остальные, полезные члены общества должны быть раздѣлены на двѣ замкнутыя касты: представителей умственнаго труда и труда физическаго, которые будутъ постоянно совершенствоваться въ направленіи ихъ специаль-

ныхъ функцій... Вотъ веселенькая утопія, далеко болѣе рѣшительная, чѣмъ мрачная фантазія г. Мамина.

На этомъ мы и разстанемся съ г. Маминымъ, поблагодаривъ его за попытку освѣтить будущее съ такой стороны, съ какой рѣдко къ нему подходятъ. Нужна извѣстная смѣлость, чтобы нарисовать подобную утопію на изнанку, ибо люди вообще не любятъ мрачныхъ предсказаній,—одни, потому что имъ и безъ того плохо живется, другіе напротивъ потому, что имъ живется весело. Притомъ же вызвать дешевые упреки въ хулѣ на науку и культуру столь же легко, какъ и пѣть этимъ прекраснымъ вещамъ дешевую хвалу.

Нынѣшнее поколѣніе читателей едва-ли можетъ себѣ представить съ полною ясностью то увлеченіе естествознаніемъ, которымъ передовое русское общество было проникнуто въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Я можетъ быть не ошибусь, сказавъ, что кульминаціоннымъ пунктомъ, вершиной этого увлеченія нынѣшнимъ читателямъ представляется знаменитый, часто поминаемый совѣтъ Писарева Щедрину писать популярныя статьи по естественнымъ наукамъ. Это дѣйствительно очень характерный эпизодъ, гораздо даже болѣе характерный, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Съ одной стороны, совѣтъ давался такому таланту, какъ Щедринъ, правда, еще не развернувшемуся во всю свою мощь, но уже и тогда достаточно, казалось бы, крупному; значитъ, великія же упованія возлагались на естествознаніе, если считалось разумнымъ принести ему въ жертву такую крупную литературную силу. Съ другой стороны, совѣтъ давался человѣку, никогда никакою отраслью естественныхъ наукъ не занимавшемуся; значитъ, для изложенія истинъ естествознанія достаточно доброй воли и хорошаго слога, умѣнья владѣть перомъ: садись и излагай. Я слыхалъ отъ одного спеціалиста математика мнѣніе, что человѣкъ, не знающій дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, не можетъ быть хорошимъ преподавателемъ ариѳметики. Это, конечно, преувеличеніе, болѣе или менѣе свойственное спеціалистамъ вообще. Но всетаки приглашать въ преподаватели химіи или физіологіи человѣка, никогда ими не занимавшагося, довольно легкомысленно; тѣмъ легкомысленнѣе, что естествознаніе признавалось въ то же время нѣкоторымъ ключемъ отъ всѣхъ ключей, разрѣшавшимъ всѣ вопросы жизни. И этотъ то драгоцѣннѣйшій ключъ стоитъ такъ дешево... Были, конечно, исключенія. Русская наука знаетъ не мало почтенныхъ именъ естествоиспытателей, кристализовавшихся изъ тогдашняго броженія, смотрѣвшихъ на свою задачу, какъ на великое, но за то и трудное дѣло. Но общій характеръ массового увлеченія поражаетъ именно этою двойственностью: съ одной стороны фанатическаго благоговѣнія передъ естествознаніемъ, а съ другой—какого то фамильярнаго, панибратскаго къ нему отношенія. Таковъ

былъ общій фонъ, въ которомъ знаменитый совѣтъ Писарева является лишь отдѣльнымъ маленькимъ узоромъ.

Въ наше время отъ этого увлеченія не осталось и слѣда. Естествознаніе уступило свое первенствующее мѣсто другимъ группамъ идей и фактовъ. Мы относимся къ нему съ почтеніемъ, но это именно только холодное почтеніе: «храмъ оставленный—все храмъ», но въ немъ уже не молятся. Оно обратилось въ предметъ спеціальныхъ изслѣдованій, и попытки основать на немъ цѣльное міросозерцаніе, охватывающее прошедшее, настоящее и будущее, сущее и долженствующее существовать, становятся рѣдкостью. Да и то отъ нихъ вѣетъ подчасъ какою то фальшью и неискренностью. Объ одной изъ такихъ попытокъ я бесѣдовалъ съ читателями «Русскаго Богатства» въ апрѣльской книжкѣ 1896 г. Разумѣю книгу г. Антоновича «Чарльзъ Дарвинъ и его теорія». Воздавъ должное какъ высокимъ личнымъ качествамъ Дарвина, такъ и его великимъ заслугамъ въ области естествознанія, авторъ пожелалъ, кромѣ того, связать теорію Дарвина съ нѣкоторыми нравственно-политическими идеями, съ философій общественныхъ отношеній. Но приступаетъ онъ къ этой задачѣ какъ то бокомъ и въ сущности ничего не говоритъ, кромѣ того, что теорія Дарвина, съ одной стороны, и извѣстные соціологическіе взгляды, съ другой, находятся между собою, какъ въ принципіальной, такъ и фактической связи. Онъ утверждалъ именно, что, во-первыхъ, демократическіе идеалы получили въ теоріи Дарвина новую поддержку, и что, во-вторыхъ, еслибы этого не было, «еслибы теорія Дарвина благопріятствовала буржуазной конкурренціи и эксплуатаціи и своекорыстной плутократіи, то общественные представители этихъ элементовъ и ихъ естественные защитники и покровители встрѣтили бы теорію съ распростертыми объятіями и съ шумными криками одобренія, чего, какъ извѣстно, на дѣлѣ не было, а было совсѣмъ противоположное». Оба эти положенія предъявлены г. Антоновичемъ вполнѣ голословно, а второе, кромѣ того, и фактически невѣрно. Въ упомянутой статьѣ 1896 г. я привелъ цѣлый рядъ лицъ (въ томъ числѣ и такихъ, къ которымъ г. Антоновичъ относится съ большимъ почтеніемъ,—Іегеръ, Геккель, Штраусъ, Ройе), видящихъ въ теоріи Дарвина ученіе, «благопріятствующее буржуазной конкурренціи и эксплуатаціи», и однако «встрѣтившихъ ее съ распростертыми объятіями и шумными криками одобренія», рѣшительно протестующихъ противъ законности связи дарвинизма съ соціально-демократическими идеалами и соотвѣтственнымъ пониманіемъ исторіи. На эту любопытную страницу литературы предмета г. Антоновичъ не только закрылъ глаза, а даже отрицалъ ея существованіе.

Мнѣ представляется теперь случай вернуться къ этой темѣ, но считаю нужнымъ прежде всего оговориться относительно предѣловъ задачи. Я не берусь теперь рѣшать по существу вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ дарвинизма съ одной стороны и демократиче-

скихъ идеаловъ и соотвѣтственнаго пониманія исторіи—съ другой. Я хочу лишь привлечь вниманіе читателей къ нѣкоторымъ явленіямъ литературы и жизни, къ которымъ у насъ вообще относятся на манеръ г. Антоновича,—не хотятъ ихъ видѣть. (Это не мѣшаетъ хотя бы тому же г. Антоновичу валить съ больной головы на здоровую и поражать своими громами тѣхъ, кто, по его мнѣнію, закрываетъ глаза на дѣйствительность).

Вышеупомянутая книга «Die Aristocratie des Geistes als Lösung der socialen Frage» въ подлинникѣ мнѣ неизвѣстна. Я цитировалъ ее по книгѣ французскаго ученаго Лапужа (G. Vacher de Lapouge) «Les selections sociales» (1896). Лапужъ—рѣшительный сторонникъ примѣненія дарвинизма или, какъ онъ большею частью предпочитаетъ выражаться, «селекціонизма» (отъ selection—подборъ) къ соціологіи. Онъ говоритъ: «Формулируя принципъ борьбы за существованіе и подбора, Дарвинъ произвелъ переворотъ не только въ біологіи и философіи природы: онъ преобразовалъ и политическую науку. Обладаніе этимъ принципомъ позволило понять законы жизни и смерти націй, ускользавшіе отъ умозрѣній философовъ. Мощный геній Дарвина придалъ огромную силу идеямъ Ламарка и Спенсера, раскрывъ механизмъ, которымъ совершается развитіе органическаго міра... вплоть до человѣка... въ которомъ міръ сознаетъ самъ себя. Трансформизмъ и соціологія до Дарвина были, можно сказать, подобны Пигмаліановой статуѣ или тѣламъ, готовымъ къ жизни, но въ которыхъ жизнь еще не течетъ. Эволюція получила характеръ очевидной истины только тогда, когда стало возможнымъ понять, какъ она совершается, и побѣды принципа подбора было достаточно, чтобы покорить почти всѣ умы ученію эволюціи. Въ наукахъ біологическихъ идея Дарвина нашла наиболѣе непосредственныя и наиболѣе громкія примѣненія, и скоро стали смѣшивать трансформизмъ съ дарвинизмомъ, который есть лишь теорія подбора. Селекціонизмъ разрѣшаетъ извѣстное число капитальныхъ вопросовъ трансформизма, но не сливается съ послѣднимъ. Всѣ вопросы, касающіеся первоначальнаго возникновенія полезныхъ и вредныхъ измѣненій, находятся внѣ вѣдѣнія селекціонизма. Поэтому сфера его дѣйствія въ зоологіи и ботаникѣ не безгранична; она напротивъ того не имѣетъ границъ въ соціологіи. Это положеніе, для многихъ читателей неожиданное, не есть парадоксъ: въ соціологіи, или, употребляя старое и лучшее выраженіе Аристотеля, въ политической наукѣ, эволюція есть почти исключительно дѣло подбора. Если эта истина не достигла еще степени очевидности, то потому, что доказательства находятся въ рукахъ антропологовъ и игнорируются соціологами» (стр. 1—2).

Мысль о томъ, что подборъ, ограниченный въ животномъ и растительномъ мірѣ другими факторами эволюціи, исключительно господствуетъ въ человѣческомъ обществѣ, получаетъ нѣкоторое поясненіе въ 3-й главѣ книги. Здѣсь Лапужъ устанавливаетъ различіе

между измѣненіями, вызываемыми вліяніемъ среды, и тѣми, которыя производятся подборомъ. Первыя онъ называетъ «коллективными», вторыя — «селективными». Представимъ себѣ, что какая-нибудь общая причина производитъ въ цѣломъ населеніи быстрое или медленное измѣненіе къ лучшему или къ худшему,—это будетъ коллективное измѣненіе. Если же какая-нибудь часть населенія получаетъ возможность вытѣснить, замѣстить собою другую, слабо размножающуюся или вовсе не дающую потомства, то это будетъ селективное измѣненіе; оно коснулось лишь извѣстнаго числа индивидовъ и сдѣлало ихъ болѣе способными или менѣе способными къ конкурренціи съ остальными. Наглядно разницу между коллективными и селективными измѣненіями можно себѣ представить, сопоставивъ картину ржаного поля, гдѣ всѣ стебли ростутъ параллельно и приблизительно равномѣрно, съ картиной уголка лѣса, гдѣ одни деревья пускаютъ во всѣ стороны могучія вѣтви, а другія задерживаются въ ростѣ и гибнутъ. Нарисовавъ эти двѣ картины, Лапужъ продолжаетъ разсуждать о противоположности обоихъ родовъ измѣненій, о сравнительной быстротѣ дѣйствія тѣхъ и другихъ. Но затѣмъ оказывается, что коллективное развитіе совсѣмъ не существуетъ въ человѣческомъ обществѣ. «Я не знаю — говоритъ Лапужъ—ни одного примѣра коллективной эволюціи въ исторіи, и если только что предположилъ ея возможность, то лишь для рѣзкаго опредѣленія противоположности между коллективною и селективною эволюціей. Въ дѣйствительности только послѣдняя имѣетъ мѣсто въ исторіи, а можетъ быть и въ біологіи» (84). Еще далѣе (97—99) узнаемъ, что и въ области біологіи «почти всегда, чтобы не сказать всегда», эволюція совершается исключительно только путемъ селективныхъ измѣненій, то есть путемъ подбора.

Итакъ въ области біологическихъ явленій сфера дѣйствія подбора ограничена другими факторами, тогда какъ въ явленіяхъ общественной жизни подборъ царитъ безраздѣльно; правда, здѣсь можно различить коллективныя и селективныя измѣненія, но существуютъ только послѣднія, да и въ біологіи, собственно говоря, нѣтъ другихъ путей развитія, кромѣ подбора.

Тѣмъ не менѣе точка зрѣнія, съ которой Лапужъ разсматриваетъ явленія общественной жизни, интересна, а нѣкоторые частные его выводы заслуживаютъ особеннаго вниманія.

«Основное положеніе дарвинистской соціологіи, символъ вѣры селекціонистской школы» состоитъ въ слѣдующемъ: «Постоянно измѣняя составъ народовъ, подборъ выводитъ на сцену новые слои и подготовляетъ въ нѣдрахъ самихъ массъ явленія, опредѣляющія жизнь и смерть, ростъ и упадокъ націй». Подъ «составомъ» народовъ здѣсь разумѣется собственно антропологическій составъ или, какъ чаще выражается Лапужъ, расовый. Конечно, говоритъ онъ, одними антропологическими данными нельзя объяснить всю исторію, но раса является основнымъ, первенствующимъ факторомъ эволю-

ціи, далеко превосходящимъ по своему значенію всѣ остальные. Надо только помнить, что антропологическій составъ населенія извѣстной страны отнюдь не составляетъ чего нибудь разъ навсегда даннаго. Историки обыкновенно не принимаютъ этого элемента въ соображеніе и разсуждаютъ такъ, какъ будто извѣстный народъ самъ себѣ равенъ на всемъ протяженіи своего существованія; лишь изрѣдка дѣлаютъ они поверхностную оговорку о вырожденіи. На самомъ дѣлѣ историческій процессъ гораздо сложнѣе. Въ данную минуту въ составѣ народа могутъ быть такіе этническіе элементы, которые позволяютъ ему совершить такое то дѣло или претерпѣть такую то невзгоду; сто лѣтъ тому назадъ этихъ элементовъ не было, черезъ сто лѣтъ ихъ можетъ быть опять не будетъ. Это есть дѣло подбора, сопутствующаго каждому сколько-нибудь крупному общественному явленію и опредѣляющему его истинное значеніе. На всѣхъ путяхъ жизни двигателемъ является подборъ сильныхъ и плодовитыхъ и гибель слабыхъ и безплодныхъ или мало плодовитыхъ. Но при этомъ силу сильныхъ надо понимать въ условномъ, спеціально дарвинистскомъ смыслѣ слова. Это не абсолютная какая-нибудь сила или совершенство, а зависящая отъ совокупности обстоятельствъ времени, мѣста и образа дѣйствія. Сильный есть синонимъ не лучшаго, а наиболѣе приспособленнаго къ даннымъ условіямъ, каковое приспособленіе можетъ потребовать не величія, благородства, ума, а напротивъ ничтожества, низости, тупости. Да и то нужно еще, чтобы физическія или психическія свойства, опредѣлившія торжество побѣдителей, были способны къ наслѣдственной передачѣ и чтобы сами побѣдители были достаточно плодовиты для укрѣпленія на болѣе или менѣе долгое время результатовъ своей побѣды. Есть у Лапужа и другое мѣрило силы или совершенства, которое онъ однако ближайшимъ образомъ не опредѣляетъ. Онъ лишь, вслѣдъ за Гальтономъ, говоритъ объ «евгенизмѣ», наслѣдственно благородныхъ чертахъ ума и главнымъ образомъ характера, а также физической силы и красоты. Но въ дѣйствительномъ ходѣ историческаго процесса побѣда «евгеническихъ» семействъ или родовъ (возможныхъ въ каждой расѣ, хотя, повидимому, есть и расы евгеническія) есть частный случай.

Съ этой точки зрѣнія Лапужъ разсматриваетъ нѣкоторые историческіе моменты, значеніе скрещиванія и метизиція, условія современной европейской жизни, милитаризма, значеніе религіозныхъ вѣрованій и т д. Я не могу представить здѣсь не только всѣ его выводы, но даже многіе изъ интереснѣйшихъ, и остановлюсь лишь на нѣсколькихъ, собственно для уясненія точки зрѣнія автора.

Въ центральной Африкѣ идетъ непрестанная междуплеменная бойня. Вся жизнь населяющихъ центральную Африку негритянскихъ племенъ проходитъ въ кровавыхъ экспедиціяхъ за рабами и добычей и внезапныхъ нападеніяхъ, обращающихъ побѣдителей въ

побѣжденныхъ. Кровь негровъ льется рѣкой, рабы уводятся стадами на продажу, а иной разъ и на мясо. Цѣлыя области опустошаются, цѣлыя племена исчезаютъ, оставляя по себѣ слѣды лишь въ видѣ рабовъ, разбросанныхъ по племенамъ побѣдителей. «Нужна необыкновенная плодовитость негритянокъ для пополненія этого невѣроятнаго поглощенія человѣческихъ жизней. Но эта плодовитость столь велика, что Африка станетъ страшною опасностью для цивилизаціи, когда тамъ водворятся мирная жизнь и наша простѣйшая техника (nos arts les plus simples). Оттуда выйдутъ варвары будущаго, не благородный расы варвары, какъ германцы, а возможные истребители цивилизаціи» (212).

Къ этому финалу цивилизаціи Лапужъ подходитъ еще и съ другой стороны. По его соображеніямъ количество непосредственныхъ жертвъ войны въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ цивилизаціи равняется $2^1/_2$ мильярдамъ. Это, конечно, очень произвольное соображеніе, но для новѣйшаго времени мы имѣемъ болѣе точныя данныя. Войны Революціи стоили французамъ 1,800,000 жизней, а прочимъ европейскимъ народамъ — 2,500,000; войны Имперіи — 2,600,000 французамъ и 3,500,000 прочихъ. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ десятилѣтій война убила около 10 милліоновъ людей. Затѣмъ послѣдовало сорокъ лѣтъ сравнительно мирнаго житья, въ теченіе которыхъ въ мелкихъ войнахъ убито около 250,000. Но третья четверть нашего вѣка опять отмѣчена рядомъ кровавыхъ войнъ,—крымская, американская междуусобная, прусско-австрійская, французскія экспедиціи въ Мексику и Китай, франко-германская, русско-турецкая, англійскія войны въ Африкѣ и Азіи. И опять милліоны убитыхъ, не считая умершихъ отъ усталости, отъ болѣзней въ госпиталяхъ, отъ истощенія при осадѣ крѣпостей и т. д. Не смотря на эти ужасающія цифры, современныя войны, сравнительно рѣдкія и быстро оканчивающіяся, вырываютъ меньшую часть всего населенія, чѣмъ неустанныя бойни дикарей. Но значитъ-ли это, что мы приближаемся къ вѣчному миру? Лапужъ не видитъ никакихъ основаній для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ говоритъ: «Каждая нація, для упроченія своего будущаго, стремится раздавить другія, цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ. Отсюда эти таможенныя войны, эти неслыханныя вооруженія, превращающія Европу въ обширный лагерь, отсюда эти постоянныя изысканія, порождающія чудеса въ искусствѣ истребленія, прогрессъ котораго превосходитъ всякій другой. Уже народы чувствуютъ, что у нихъ мало земли для ростущаго населенія, и необходимость заставляетъ ихъ искать новыхъ территорій. Они жадно ищутъ ихъ по всему земному шару и вездѣ натыкаются на другіе народы. Сила распространенія нѣкоторыхъ расъ и окончательный захватъ странъ, удобныхъ для колонизаціи, фатально возвратятъ людей къ древнему способу войнъ, войнъ безпощаднаго истребленія... Всѣ формулы спиритуалистической философіи о братствѣ

людей разлетятся, когда политика будущаго заставитъ ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на приматовъ, жизнь которыхъ сама по себѣ не болѣе священна, чѣмъ жизнь быка или барана. Тогда начнется рѣзня между желтыми, бѣлыми, черными, великія націи исчезнутъ и побѣдители удобрятъ землю костями побѣжденныхъ. Счастливы сильные и плодовитые, будущее принадлежитъ имъ!» (325—326),

Читатель благоволитъ подождать съ оцѣнкой этой мрачной картины: Лапужъ еще не кончилъ своей рѣчи.

Кто-же эти «сильные и плодовитые», которые «счастливы»? Не касаясь вліянія военнаго подбора у дикарей и въ древности, посмотримъ на современность. Отъ солдатъ требуется извѣстный минимумъ физическихъ качествъ: ростъ, объемъ груди, состояніе зрѣнія, слуха, отсутствіе болѣзней. Эти то лучшіе экземпляры націи и имѣютъ наиболѣе шансовъ оказаться въ числѣ милліонныхъ жертвъ войны, тогда какъ малорослые, узкогрудые, хроническіе больные и проч. остаются дома и получаютъ лишніе шансы оставить подобное имъ потомство. Такимъ образомъ война жжетъ, такъ сказать, свѣчку съ двухъ концовъ: съ одной стороны устраняетъ лучшихъ, дѣйствительно сильныхъ, а съ другой даетъ просторъ наслѣдственному укрѣпленію физическихъ изъяновъ. Но и вооруженный миръ, до послѣдней степени напрягая всѣ силы Европы, дѣйствуетъ въ свою очередь истощающимъ образомъ. «Позволительно спросить себя, соотвѣтствуютъ-ли всѣ эти жертвы результатамъ, не вносятъ ли экономическія тяжести свою долю въ подборъ слабыхъ и не кончится ли дѣло разгромомъ истощенной и раззоренной Европы въ тотъ день, когда произойдутъ столкновенія, въ сравненіи съ которыми франко-германская война покажется дѣтской забавой. Какъ бы ни надувались (auront beau s'enfler) Франція и Германія, онѣ окажутся слабыми передъ колоссальными націями, которыя составятъ ужасъ грядущаго вѣка. Было бы благоразумнѣе сберегать силы теперь и соединить ихъ потомъ, чтобы обезпечить свое существованіе черезъ сто лѣтъ» (242).

Какъ сейчасъ увидимъ, Лапужъ не разъ еще возвращается къ пророчеству разгрома европейской цивилизаціи новыми варварами. Какъ бы мы ни относились къ этому предвидѣнію, но относительно пагубнаго значенія войны едва ли существуютъ большія разногласія. Тѣ или другія частныя цѣли, требующія войны для своего осуществленія (напримѣръ, идея «реванша» во Франціи), могутъ увлекать массы, и даже до умопомраченія, но что война, какъ война, есть страшное бѣдствіе, въ этомъ мало кто сомнѣвается. Это во всякомъ случаѣ не казовый конецъ европейской цивилизаціи. Возьмемъ какое нибудь другое явленіе современной общественной жизни.

Возьмемъ современный «урбанизмъ», какъ выражается Лапужъ,— стремленіе къ переселеніямъ изъ деревень въ города, придающее цивилизаціи столько блеска. Съ точки зрѣнія Лапужа это явленіе

отнюдь не утѣшительное, чреватое большими бѣдствіями. Городское населеніе Франціи поднялось съ 24,4% въ 1846 г. до 37,4 въ 1891. Въ настоящее время оно равняется 15 милліонамъ и по разсчетамъ Тюркана охватитъ въ 1920 г. половину всего населенія Франціи, если что нибудь не измѣнитъ демографическаго движенія. Въ Англіи притягательная сила городовъ, повидимому, клонится къ уменьшенію, но она уже охватила почти половину всего населенія. Далѣе, въ составѣ городского населенія число дѣтей и стариковъ ниже нормальной пропорціи. По вычисленіямъ Ланна, въ городахъ съ населеніемъ свыше 30,000 число лицъ между 20 и 40 годами достигаетъ 37,6%, а во всей Франціи—29,8. Въ нѣкоторыхъ городахъ процентъ поднимается до 40, 49 и даже 51%. Это объясняется приливомъ въ города наиболѣе дѣятельныхъ, энергичныхъ элементовъ, но собственно рождаемость населенія большихъ городовъ настолько слаба, что оно не въ состояніи было бы держаться на одномъ уровнѣ, если бы не этотъ приливъ силъ со стороны. Каковы же результаты этого положенія вещей? Надо замѣтить, что Лапужъ исходитъ изъ спеціально антропологической точки зрѣнія, не всегда однако имъ выдерживаемой, и, между прочимъ, много говоритъ о расовыхъ отличіяхъ, какъ они опредѣляются отношеніемъ между продольнымъ и поперечнымъ діаметромъ черепа. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ видитъ въ результатѣ «урбанизма» подтвержденіе «закона» нѣмецкаго антрополога Аммона, который гласитъ: «въ тѣхъ областяхъ, гдѣ существуетъ брахицефалическій типъ, онъ имѣетъ тенденцію сосредоточиваться въ деревняхъ, а долихоидный типъ—въ городахъ». Я избѣгаю въ своемъ изложеніи мыслей Лапужа этихъ спеціально краніометрическихъ подробностей, такъ какъ и безъ нихъ дѣло ясно. Въ подтвержденіе своихъ соображеній о значеніи «урбанизма» Лапужъ ссылается на замѣчательное изслѣдованіе П. Якоби «Etudes sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme» (1881; часть этой работы была когда то напечатана по русски въ журналѣ «Знаніе»); но, говоритъ, Якоби, повидимому, не подозрѣвалъ «антропологическаго значенія» указанныхъ имъ явленій. Между тѣмъ, почти все, что хочетъ въ данномъ случаѣ сказать Лапужъ, совершенно ясно сказано у Якоби. Это именно слѣдующее. Дѣятельные элементы деревни, ищущіе простора, желающіе пробиться впередъ, уходятъ изъ деревень въ города и тамъ либо погибаютъ, влача жалкую жизнь, либо устраиваются благополучно, но въ деревню возвращаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ городахъ они женятся, производя потомство, въ умственномъ отношеніи высшее, чѣмъ ихъ деревенскіе современники, такъ какъ они представляютъ сливки своего общества, и этотъ высшій уровень поддерживается новыми пришельцами и новыми браками слѣдующаго поколѣнія; деревня же тѣмъ временемъ, отдавая городу свои лучшія силы, бѣднѣетъ энергичными, дѣятельными, умственно превышающими сред-

ній уровень людьми.—Если вставить въ это соображеніе, куда слѣдуетъ, брахицефаловъ и долихоцефаловъ, то и получится «законъ» Аммона. Лапужъ на этомъ, однако, не останавливается и отмѣчаетъ еще сравнительно слабую рождаемость горожанъ, притомъ слабость, все растущую: долихоцефалическія, будемъ такъ говорить, сливки деревенскаго населенія, переселяясь изъ поколѣнія въ поколѣніе въ большіе центры, тамъ даютъ лишь немногочисленное подобное имъ потомство, тогда какъ остающіеся на мѣстѣ представители брахицефалическаго типа размножаются сравнительно быстро. Съ теченіемъ времени этотъ процессъ долженъ истощить всякую націю, особенно, если принять въ соображеніе, что притягательная сила большихъ центровъ не пропорціональна ихъ потребностямъ. Приливъ силъ извнѣ часто превышаетъ спросъ на нихъ и отсюда масса всякаго рода неудачниковъ и паразитовъ. «Изъ всѣхъ бичей, которые называются соціальными подборами—регрессивными!—самый сильный есть городской подборъ. Результатъ плутократіи и роскоши, auri sacra fames стягиваютъ людей въ города. Урбанизмъ уничтожаетъ все, что намъ осталось жизненнаго послѣ цѣлыхъ вѣковъ невыгодныхъ подборовъ. Мы уже потеряли почти всѣ наши долихобѣлокурые элементы, и вотъ теперь исчезаютъ ихъ метисы и лучшіе изъ брахицефаловъ. Во Франціи, да и на всемъ континентѣ Европы близокъ часъ, когда останутся лишь ограниченные и инертные остатки мертвыхъ націй, жалкіе остатки, которые станутъ добычей непредвидѣнныхъ побѣдителей. Такъ погибъ эллинскій міръ, такъ погибнетъ и вся цивилизація, если человѣкъ не захочетъ воспользоваться великою силою наслѣдственности, которая представляетъ нынѣ принципъ смерти, но изъ котораго наука, это провидѣніе нашего времени, можетъ извлечь спасеніе и жизнь» (408).

Прежде, чѣмъ обратиться къ тѣмъ средствамъ, которыя наука, по мнѣнію Лапужа, можетъ указать для предотвращенія тѣхъ золъ, которыя она же намъ раскрываетъ, осмотримся еще немного въ этихъ раскрытіяхъ. Я остановился пока только на двухъ пунктахъ книги Лапужа,—на военномъ и городскомъ подборѣ, отчасти, признаться, заинтересованный тѣмъ, что въ этихъ его разсужденіяхъ повторяется мотивъ святочной фантазіи г. Мамина (разгромъ цивилизаціи варварами), а отчасти потому, что нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ нахожу удобнѣе коснуться ниже. Думаю, однако, что и теперь теоретическая точка зрѣнія Лапужа достаточно ясна. Она вполнѣ заслуживаетъ названія дарвинистской точки зрѣнія, если разумѣть, какъ справедливо разумѣетъ и Лапужъ, подъ дарвинизмомъ, главнымъ образомъ, теорію подбора. Признавая подборъ тою основною пружиной, которая управляетъ всѣмъ ходомъ историческаго процесса, Лапужъ вовсе не отрицаетъ вліянія другихъ факторовъ. Онъ говоритъ лишь, что эти вліянія или ничтожны, въ концѣ концовъ, или получаютъ значеніе въ зависимости отъ того, какъ и въ какой мѣрѣ результаты ихъ подхватываются и направляются

подборомъ. И это, конечно, совершенно согласно съ теоріей Дарвина. Правда, выводы Лапужа своимъ мрачнымъ колоритомъ какъ будто противорѣчатъ оптимистическому заключенію знаменитой книги Дарвина: «изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, какое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе высшихъ формъ жизни». Но впослѣдствіи дарвинизмъ сдѣлалъ много уступокъ изъ своего оптимизма, и самъ Дарвинъ, на вопросъ Ляйелля о паденіи эллинской цивилизаціи, отвѣчалъ такъ: «Этотъ фактъ былъ бы рѣшительнымъ затрудненіемъ для доктрины Ламарка о необходимомъ прогрессированіи, раздѣлявшейся и авторомъ «Vestiges»; но для моей точки зрѣнія, по которой прогрессированіе зависитъ отъ условій, это вовсе не возраженіе и вполнѣ гармонируетъ съ другими фактами прогрессированія въ структурѣ другихъ животныхъ. Потому что въ государствѣ при анархіи, деспотизмѣ или дурномъ управленіи, или также послѣ вторженія варваровъ, конечно, возьмутъ перевѣсъ насиліе, сила или жестокость, а не разумъ» (цитирую по книгѣ г. Антоновича, стр. 33 и слѣд.). Лапужъ, совершенно соглашаясь съ основною мыслью этой цитаты, не ограничился бы такимъ общимъ выраженіемъ ея. «Насиліе, сила, жестокость» сами по себѣ для него вовсе не страшныя или гибельныя вещи; надо еще знать, какъ отражаются они на различныхъ элементахъ населенія, какимъ изъ нихъ они даютъ просторъ путемъ приспособленія и размноженія и какіе, напротивъ, стѣсняются ими и выкидываются за бортъ. Въ этомъ смыслѣ и написана глава «Древняя Греція и соціальный подборъ» (409—442). Древняя Греція поднялась на историческомъ горизонтѣ блестящимъ метеоромъ, благодаря «крови» населенія, его высокому антропологическому типу, но какъ метеоръ же и исчезла, благодаря дѣйствію метизаціи, подбора военнаго, городского, политическаго, которые довели націю до умственнаго и нравственнаго истощенія.

Таковъ, повидимому, ходъ развитія каждаго историческаго народа, съ тою лишь разницей, что одни быстрѣе, другіе медленнѣе пробѣгаютъ фатальный кругъ. Для зарожденія историческаго народа требуется появленіе въ данной соціальной средѣ высшихъ этническихъ элементовъ, способныхъ направлять и вести за собой массы. До сихъ поръ это были обыкновенно пришлые завоеватели, но, говоритъ Лапужъ, теоретически допустимъ и соотвѣтственный внутренній подборъ «евгеническихъ» родовъ или семей. Пока эти представители евгенизма безпрепятственно размножаются, передавая потомкамъ свои высокія качества, и стоятъ во главѣ народа, онъ процвѣтаетъ. Но по достиженіи высшаго блеска и развитія начинается обратное движеніе, регрессъ, вызываемый разными видами неблагопріятнаго соціальнаго подбора. Изучая послѣдній, мы приходимъ къ самымъ пессимистическимъ заключеніямъ. Такъ было, такъ и будетъ. Какъ погибли древнія цивилизаціи, такъ погибнетъ и современная европейская. Сумма знаній и матеріальная мощь

будутъ накопляться, но человѣкъ будетъ терять свою цѣнность, и грандіозныя мечты утопистовъ разобьются объ ничтожество нашихъ потомковъ. Мечтательный сантиментализмъ нашихъ отцовъ видѣлъ въ наукахъ пророчицъ грядущаго совершенства или счастія. Въ дѣйствительности науки пророчатъ совсѣмъ иное. Астрономія учитъ насъ бренности отдѣльныхъ міровъ, въ томъ числѣ и земли, которая задолго до своего собственнаго конца станетъ необитаемою. Палеонтологія развертываетъ передъ нами картину гибели цѣлаго ряда могучихъ и высоко развитыхъ существъ. Для нѣкоторыхъ палеонтологія представляется особенно выразительною свидѣтельницею неустаннаго прогресса жизненныхъ формъ на землѣ. Это иллюзія. Эволюція совершается не въ одномъ какомъ нибудь направленіи и въ частности не непремѣнно въ направленіи къ совершенству, какъ мы себѣ его представляемъ. Она движетъ формы жизни разными путями въ разныя стороны и нерѣдко назадъ, въ сторону регресса или даже прекращенія. Мало того, Лапужъ считаетъ возможнымъ установить «законъ быстраго истребленія наиболѣе совершенныхъ». Исчезнувшія высокія формы жизни отступили не передъ высшими, а побѣждены какими нибудь ничтожными, но сильными своимъ ничтожествомъ врагами,—микробами, паразитами. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ борьбѣ одолѣваетъ высшій, лучшій въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пошлость и ничтожество могутъ служить залогомъ успѣха, а величіе—причиной пораженія. Это мы и видимъ въ дѣйствительности.

Но намъ обѣщано, что наука, раскрывающая картину все возрастающаго зла, укажетъ и средство излѣченія, обративъ ядъ подбора и наслѣдственности въ противоядіе. Средство это состоитъ въ «систематическомъ подборѣ», который, конечно, не задержитъ мірового процесса и грядущей гибели нашей планеты, но можетъ на неопредѣленно долгое время парализовать губительное дѣйствіе безсистемнаго, не руководимаго наукой соціальнаго подбора.

Здѣсь мы вернемся немножко назадъ, къ предъидущимъ главамъ книги Лапужа, трактующимъ о различныхъ видахъ соціальнаго подбора,—подборѣ политическомъ, религіозномъ, нравственномъ и проч. Мы, впрочемъ, не будемъ близко держаться изложенія Лапужа и въ короткихъ словахъ передадимъ его общую мысль, не стѣсняясь даже его фактическими иллюстраціями.

Гоненіе на гугенотовъ стоило Франціи около милліона трудолюбиваго и даровитаго населенія, и эта цифра далеко не выражаетъ всей потери, потому что къ ней надо прибавить отчасти вѣроятное, отчасти дѣйствительное потомство этого милліона убитыхъ, изгнанныхъ и бѣжавшихъ. Это былъ подборъ, и пожалуй систематическій подборъ, такъ какъ систематически устранялись или ставились въ

неблагопріятныя условія представители извѣстнаго рода несогласно мыслящихъ, чѣмъ косвенно какъ бы выдавалась премія согласно мыслящимъ, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было ихъ другихъ признаковъ. Въ политической жизни народовъ это — не рѣдкое явленіе. Въ мрачныя времена Тиверія и Нерона, путемъ казней, ссылокъ, конфискцій имущества, выбрасывались за бортъ или ставились въ тяжелыя жизненныя условія такъ называемые «подозрительные». Въ числѣ ихъ были люди большихъ дарованій, энергіи, люди съ возвышенной душой, трудно мирившіеся съ существующимъ порядкомъ, люди твердаго характера и недюжиннаго ума. Если подобные люди устраняются въ теченіе многихъ лѣтъ изъ года въ годъ, то это, понятно, должно отразиться на общемъ уровнѣ націи пониженіемъ. И это можно бы было назвать настоящимъ систематическимъ подборомъ, но подъ послѣднимъ Лапужъ разумѣетъ нѣчто иное, а именно систематическій же подборъ, но основанный на указаніяхъ науки. Зачатки его онъ видитъ въ нѣкоторыхъ древнихъ законодательствахъ, воспрещавшихъ браки съ представителями низшихъ расъ или низшихъ классовъ, и въ нѣкоторыхъ утопіяхъ. Однако научный селекціонизмъ сталъ возможенъ лишь со времени изслѣдованій Дарвина. Дѣло это новое и много еще загадочнаго, проблематическаго въ томъ освѣщеніи, которое селекціонистская точка зрѣнія бросаетъ на наши житейскія дѣла. Одно несомнѣнно для Лапужа: какъ всѣ установившіеся взгляды на фактическій ходъ явленій общественной жизни, такъ и субъективная ихъ оцѣнка подлежатъ радикальному пересмотру. Мы ничего не поймемъ ни въ исторіи, ни въ текущей дѣйствительности, пока не примемъ въ соображеніе дѣйствія соціальнаго подбора, а это дѣйствіе сказывается на каждомъ шагу, въ концѣ концовъ налагая свою печать на всѣ результаты политическаго, экономическаго, правового, нравственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ селекціонизмъ установляетъ новое мѣрило добра и зла какъ въ области общественнаго блага, такъ и въ области личной нравственности, а затѣмъ отваживается указать рядъ практическихъ мѣропріятій, долженствующихъ уврачевать раны, наносимыя человѣчеству соціальнымъ подборомъ. Говорю—«отваживается», потому что, дѣйствительно, нужна большая отвага, чтобы предъявить нѣкоторыя изъ этихъ указаній, съ нашей теперешней точки зрѣнія возмутительныхъ. Лапужъ очень хорошо знаетъ это, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что мѣрило добра и зла уже не разъ мѣнялось въ исторіи, а потому и то, что нынѣ считается добромъ, можетъ по прошествіи извѣстнаго времени оказаться зломъ, и наоборотъ. Въ предисловіи Лапужъ говоритъ, что читатель найдетъ въ концѣ его книги полный (до весны 1895 г.,—прибавляетъ онъ для большей точности) обзоръ литературы научнаго селекціонизма. Въ дѣйствительности, этотъ обзоръ далеко не полонъ, но любопытно отмѣтить характеристику этой литературы, дѣлаемую Лапужемъ: «ученія жесткія и грубыя (rudes

et brutales), но положительныя и плодотворныя, способныя открыть намъ будущее».

Дѣло въ томъ, что Европа переживаетъ нѣкоторый нравственный кризисъ: ходячая, полученная по преданію мораль отживаетъ свой вѣкъ, а новая, «научная» и именно «селекціонистская», еще не сложилась окончательно и только вырабатывается и потому здѣсь возможны разныя колебанія и разногласія. Въ общемъ вся селекціонистская литература преслѣдуетъ двойную задачу: изысканіе способовъ 1) устраненія зловредныхъ элементовъ изъ общества, 2) усовершенствованія высшихъ элементовъ. Одинъ изъ проектовъ этого рода, предложенный авторомъ книги «Die Aristocratie des Geistes etc.», мы видѣли. Лапужъ одобряетъ этотъ планъ, находя его очень остроумнымъ. «Я охотно вѣрю, говоритъ онъ, что еслибы во Франціи былъ городъ, въ которомъ спиртные напитки давались бы даромъ, то всѣ алкоголики сосредоточились бы тамъ, какъ собираются садовыя улитки на капустный листъ, смазанный мыломъ. Родительскія чувства очень слабы у всѣхъ дегенерантовъ: половой актъ есть для нихъ дѣло только наслажденія». Поэтому, при извѣстныхъ условіяхъ (Лапужъ входитъ въ подробности), они охотно останутся бездѣтными и реформа могла бы произойти à l'amiable, полюбовно (486). Но это, повидимому, не такъ удобоисполнимо, какъ остроумно, хотя бы уже потому, что и кромѣ алкоголиковъ есть понижающіе уровень расы элементы, которые въ кабакъ-городъ не пойдутъ: страдающіе разными наслѣдственно передаваемыми болѣзнями, многіе преступники и порочные. Какъ быть съ ними? Прежде всего надлежитъ воспитывать общественное мнѣніе въ смыслѣ долга передъ человѣческимъ родомъ. Это долгъ превыше всѣхъ законовъ и всякой морали, ибо вѣчны и неотмѣнимы только законы подбора. Надо стараться вообще изгнать ту сантиментальную филантропію, въ силу которой мы оказываемъ покровительство слабымъ и больнымъ. Затѣмъ, въ частности, желательно, чтобы больные и слабые сами сознали свою обязанность оставаться бездѣтными, а «евгеники» получили возможность, ничѣмъ не стѣсняясь, производить какъ можно больше дѣтей. Распространеніе этихъ идей поведетъ за собой учрежденіе частныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли усовершенствованія человѣческой породы; это выработаетъ соотвѣтственные нравы, которые отразятся наконецъ и на законодательствѣ. Законодательству Лапужъ вообще усваиваетъ въ будущемъ чрезвычайно дѣятельную роль и, возставая противъ демократическаго принципа равенства, неоднократно говоритъ любезности по адресу соціализма, собственно потому, что представляетъ себѣ соціалистическій идеалъ въ видѣ строго регламентированнаго общества. Въ направленіи регламентаціи онъ доходитъ до предположенія, что «въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ придется ввести обязательную половую службу, на подобіе воинской повинности»,— конечно для «евгениковъ»...

Характерны разсужденія Лапужа о смертной казни. Оговорившись, что понятія о преступномъ дѣяніи измѣнчивы, онъ замѣчаетъ, однако, что въ настоящемъ преступникъ долженъ быть поставленъ въ невозможность вредить обществу, а въ будущемъ— лишенъ возможности оставить потомство, ибо всегда есть вѣроятность, что и въ немъ есть дремлющіе задатки преступности. Подозрительны даже его ближайшіе родственники, вся его семья. Поэтому вполнѣ научно поступали древнія законодательства, привлекавшія къ отвѣтственности въ важныхъ случаяхъ всю семью преступника. «Христіанство и философы ввели идею личной отвѣтственности, необходимое слѣдствіе спиритуалистической теоріи». Во всякомъ случаѣ «устраненіе преступныхъ элементовъ путемъ смертной казни, легальнаго рабства и другуми средствами очищало общество отъ потомства безчисленныхъ порочныхъ индивидовъ». Въ Америкѣ образовались общества, требующія кастраціи для сифилитиковъ и преступниковъ. Лапужъ находитъ, что въ этихъ проектахъ есть нѣчто достойное вниманія (il y a du bon), но полагаетъ, что можно обойтись и безъ такой крайней мѣры. Онъ предлагаетъ за распространеніе сифилиса наказывать тюрьмой на срокъ, достаточный для выздоровленія или обезвреживанія заключеннаго, и штрафомъ въ пользу зараженнаго. А затѣмъ должны быть воспрещены браки сифилитикамъ, а также и преступникамъ, которымъ впрочемъ остаются еще каторжныя работы и смерть, — «рѣшеніе вѣрное, экономное и энергически селективное» (321—324).

Я затрудняюсь входить въ детали нѣкоторыхъ курьезнѣйшихъ проектовъ Лапужа и другихъ селекціонистовъ. Приведу еще только свидѣтельство его вѣры въ безграничную силу «научнаго систематическаго подбора:» «можно бы было создать общество, въ которомъ были бы расы музыкантовъ, гимнастовъ, натуралистовъ, рыбаковъ, земледѣльцевъ, кузнецовъ. Это было бы легче той задачи, которую рѣшила природа у муравьевъ, термитовъ, пчелъ и медузъ. Наконецъ тріумфъ политики состоялъ бы въ созданіи, путемъ подбора, общества оптимистовъ, всегда всѣмъ довольныхъ; проблема общаго счастія была бы рѣшена, и я даже не вижу возможности другихъ рѣшеній, потому что кругъ нашихъ желаній растетъ вмѣстѣ съ кругомъ нашихъ знаній, и человѣкъ чувствуетъ себя тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ, повидимому, менѣе имѣетъ причинъ быть несчастнымъ» (474).

Многое изъ приведеннаго можетъ показаться читателямъ по малой мѣрѣ страннымъ. Какъ бы мы ни относились однако къ воззрѣніямъ Лапужа, не забудемъ его предупрежденія, что мы имѣемъ дѣло съ совершенно новымъ міровоззрѣніемъ, которому, по его мнѣнію, принадлежитъ будущее, хотя оно уже и теперь имѣетъ многихъ представителей. Онъ вовсе и не думаетъ согласовать свои взгляды съ какою бы то ни было существующею системою воззрѣній. Онъ желаетъ построить новую, «селекціонистскую» соціоло-

гію и новую, селекціонистскую этику, исходя изъ принциповъ теоріи Дарвина, которую разумѣетъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, какъ теорію подбора. Онъ поэтому не приметъ возраженій, исходящихъ изъ какой-нибудь другой точки зрѣнія. Критикѣ надлежитъ, во-первыхъ, подвергнуть разсмотрѣнію исходную точку Лапужа, — теорію подбора, какъ главнѣйшаго фактора соціальной эволюціи, причемъ окажется нужнымъ опредѣлить и характеръ и границы естественнаго подбора въ біологіи; а во-вторыхъ оцѣнить степень логичности выводовъ Лапужа изъ основныхъ посылокъ, при чемъ несостоятельность того или другого отдѣльно взятаго вывода или даже цѣлаго ряда ихъ еще не компрометируетъ исходной точки.

Какъ уже сказано, въ концѣ своей книги Лапужъ даетъ весьма неполный обзоръ «селекціонистской» литературы. Обзоръ гораздо болѣе полный читатель найдетъ въ книгѣ Тилле (Alexander Tille) «Von Darwin bis Nietzche» (1895), но по отношенію къ частной области. Произведеніе Тилле имѣетъ подзаглавіе—«Ein Buch Entwicklungsethik», «книга эволюціонной этики». Въ предисловіи авторъ поминаетъ, между прочимъ, и Лапужа, но не считаетъ возможнымъ останавливаться на его и нѣкоторыхъ другихъ писателей работахъ по «дарвинистской *соціологіи*». Это, говоритъ онъ, обширная тема, могущая составить предметъ особой работы, а самъ онъ ограничивается областью «эволюціонной *этики*». Вышеизложенная книга Лапужа вышла позже книги Тилле, который зналъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя ея главы, печатавшіяся въ разныхъ научныхъ журналахъ съ 1886 года. Еслибы онъ зналъ всю книгу Лапужа, онъ несомнѣнно ввелъ бы ее въ свой обзоръ. Мы видѣли, что Лапужъ говоритъ о кризисѣ морали въ средѣ современной европейской цивилизаціи, объ томъ, что одни, ходячія этическія воззрѣнія теряютъ въ ней свой кредитъ, а другія, «научныя», еще только складываются подъ вліяніемъ теоріи развитія и въ частности дарвинизма. Это одна изъ основныхъ мыслей книги Тилле, причемъ и характеръ, и самыя наименованія двухъ этическихъ теченій въ изложеніи обоихъ писателей совпадаютъ.

Было бы не трудно, говоритъ Тилле, дедуктивно вывести изъ принциповъ эволюціи новую этическую систему, но онъ не хочетъ этимъ заниматься. Онъ предпочитаетъ разсмотрѣть, какія измѣненія должна произвести теорія эволюціи въ существующей этикѣ, что́ въ послѣдней, подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ горизонтовъ, можетъ остаться неприкосновеннымъ и что́ должно уступать мѣсто новымъ нравственнымъ нормамъ. Этическія воззрѣнія не представляютъ собою чего-нибудь неподвижнаго. Неизмѣнно въ нихъ лишь требованіе согласія между убѣжденіями и дѣйствіями. Когда Аристотель защищалъ рабство или Кальвинъ сжигалъ на кострѣ Сервета,

они дѣйствовали согласно своимъ убѣжденіямъ и, слѣдовательно, по своему нравственно, но убѣжденія постоянно измѣняются въ исторіи, и то, что считалось нравственнымъ когда-то, можетъ оказаться глубоко безнравственнымъ нынѣ. Дѣйствіе, направленное къ тому, чтобы сдѣлать людей счастливѣе, можетъ оказаться совершенно противоположнымъ направленному къ тому, чтобы сдѣлать ихъ сильнѣе и умнѣе. Но оба они могутъ быть нравственны, каждое съ своей точки зрѣнія, и именно первое будетъ «демократически-гуманно нравственно», а второе — «эволюціонно нравственно». Между этими двумя точками зрѣнія естественно возникаетъ борьба. Напримѣръ, старое, отживающее міровоззрѣніе ничего не имѣло противъ браковъ чахоточныхъ. Оно считало ихъ нравственными. Но въ общее сознаніе уже начинаетъ пробиваться скептическое отношеніе къ подобнымъ бракамъ, въ виду ихъ гибельнаго вліянія какъ на потомство, такъ и на самихъ брачущихся. И недалеко время, когда они будутъ признаны прямо безнравственными. Прислушиваясь къ біенію пульса жизни, которое сказывается въ тысячѣ мелочей, въ родѣ салоннаго разговора, газетной статьи, беллетристическаго разсказа и т. п., мы убѣждаемся въ существованіи легкихъ, но постоянно повторяющихся передвиженій нравственныхъ понятій въ извѣстную сторону, и именно «въ сторону упраздненія мечты о равенствѣ всѣхъ людей и вниманія къ фактамъ наслѣдственности; въ цѣломъ они опредѣляются естествознаніемъ и въ особенности ученіемъ о развитіи» (16). «Великое счастіе для культурнаго человѣчества, что эволюція при посредствѣ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе открыта всетаки во время, прежде, чѣмъ утвердились всѣ практическіе выводы изъ идеала всеобщаго равенства» (19). Эволюціонное ученіе не знаетъ равныхъ людей, оно знаетъ лишь сильныхъ и слабыхъ, здоровыхъ и больныхъ, высоко и низко развитыхъ, а нравственнымъ идеаломъ съ его точки зрѣнія является подъемъ, усовершенствованіе человѣческой породы путемъ борьбы и подбора.

Не входя въ подробныя сравненія взглядовъ Лапужа и Тилле, замѣчу, что послѣдній гораздо оптимистичнѣе смотритъ на роль соціальнаго подбора (какъ и на роль естественнаго подбора въ біологіи) и предлагаетъ гораздо болѣе мягкіе проекты общественныхъ реформъ при помощи «систематическаго» подбора. Они, впрочемъ, и не входятъ въ задачу Тилле. Лишь мимоходомъ говоритъ онъ о желательности воспрещенія браковъ людямъ, страдающимъ наслѣдственными болѣзнями, и возстаетъ (какъ и Лапужъ) противъ дѣйствующаго наслѣдственнаго права. Вообще же онъ ограничивается областью морали, и здѣсь слѣдитъ за борьбой между «демократически-гуманною» моралью и моралью «эволюціонною», въ сущности тою самою, которую Лапужъ называетъ селекціонистскою или научною.

Теорія Дарвина властно отозвалась не только въ области его спеціальныхъ изслѣдованій, но и далеко за ея предѣлами, въ томъ

числѣ и въ области этики. Но здѣсь мы встрѣчаемъ крайнее разнообразіе мнѣній и выводовъ. Въ противоположность тому, что произведено теоріей Дарвина въ біологіи, — въ этикѣ (да и вообще въ обществознаніи) подъ ея вліяніемъ, собственно говоря, никакого коренного переворота до сихъ поръ не произошло. Мы имѣемъ огромную литературу дарвинистской соціологіи, но если присмотрѣться къ ней ближе, то увидимъ, что люди самыхъ разнообразныхъ нравственно-политическихъ убѣжденій тянутъ дарвинизмъ въ свою сторону или, говоря иначе, одинаково стремятся связать съ нимъ свою доктрину. Соціалъ-демократъ Бебель утверждаетъ, что «дарвинизмъ есть въ высшей степени демократическая наука» (Die Frau und der Socialismus, 195) и что изъ него логически вытекаетъ требованіе «равныхъ и благопріятныхъ условій существованія» для всѣхъ людей. Но Бебель знаетъ, что есть и иные взгляды, къ которымъ примыкаютъ многіе естествоиспытатели и которые онъ формулируетъ такъ: «Дарвинизмъ, наоборотъ, аристократическое ученіе, такъ какъ онъ учитъ, что высшая форма и болѣе сильный видъ уничтожаютъ въ природѣ низшую форму и болѣе слабый видъ». Соціалъ - демократъ Каутскій говоритъ, что «теперешняя этика является плодомъ дарвинизма» («Очерки и этюды». Спб. 1895, стр. 21), но этотъ плодъ оказывается настолько невыясненнымъ, что Каутскій пишетъ: «Въ какія бы естественно-научныя мантіи ни драпировались господа манчестеріанцы, сколько бы въ руку имъ ни трубили даже знаменитые естествоиспытатели, будто война всѣхъ противъ всѣхъ имѣетъ свое основаніе въ самой природѣ, будто устраненіе ея остановило бы дальнѣйшее развитіе человѣчества; съ какимъ бы пренебреженіемъ они ни относились ко всякимъ попыткамъ устранить войну всѣхъ противъ всѣхъ, называя ихъ «сантиментальными», — они этимъ только доказываютъ, какъ ограниченно, какъ поверхностно поняли они ученіе о борьбѣ за существованіе» (12). Во всякомъ случаѣ существуетъ длинный рядъ буржуазныхъ писателей,—въ числѣ которыхъ есть дѣйствительно знаменитые естествоиспытатели,—дѣлающихъ изъ теоріи Дарвина выводы, прямо противоположные тѣмъ, къ которымъ приходятъ Бебель, Каутскій и др. И этому противоположному теченію оказываетъ значительную поддержку новѣйшее обостреніе дарвинизма— ученіе Вейсмана. Есть даже попытки сближенія дарвинизма съ нѣкоторыми сторонами ученія знаменитаго апологета феодально-аристократическаго режима, де-Местра (см. Paulhan «Joseph de Maistre et sa philosophie», 1893, p. 138). Быть можетъ, эта разноголосица и побудила Лабріола (соціалъ-демократа) протестовать противъ «политическаго и соціальнаго дарвинизма, который уже давно эпидемически захватилъ умы многихъ мыслителей и еще болѣе—адвокатовъ и декламаторовъ соціологіи» (Essais sur la conception matérialiste de l'histoire. 1897, p. 139). Воздавая должное заслугамъ Дарвина въ біологіи и въ дѣлѣ укрѣпленія общей идеи эволюціи, Ла-

бріола склоненъ совершенно отрицать значеніе теоріи Дарвина для соціологіи. «Наше ученіе не должно быть смѣшиваемо съ дарвинизмомъ», говоритъ онъ (146). «Не должно быть смѣшиваемо», это такъ и достаточно поучительно для людей, полагающихъ, что дарвинизмъ и извѣстныя соціальныя ученія едино суть. Но, въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями новѣйшей соціологической литературы, можно опасаться, что здѣсь сквозитъ желаніе слишкомъ ужъ отгородить общественныя науки отъ естествознанія и свести собственно соціальное значеніе послѣдняго на роль поставщика техническихъ открытій и усовершенствованій. Эта реакція противъ увлеченія біологическими аналогіями и прямыхъ перенесеній истинъ естествознанія въ соціологію можетъ зайти слишкомъ далеко. Не годится, какъ говорятъ нѣмцы, выплескивать изъ ванны, вмѣстѣ съ водой, и ребенка. Впрочемъ, Лабріола съ своимъ открытымъ и рѣзкимъ рѣшеніемъ «не смѣшиваться съ дарвинизмомъ», сколько мнѣ извѣстно, составляетъ исключеніе. Ученіе Дарвина нанесло одинъ изъ рѣшительныхъ ударовъ традиціоннымъ взглядамъ на мѣсто человѣка въ природѣ, и это привлекло къ нему всѣхъ свободомыслящихъ, какъ бы ни разнились ихъ кровныя убѣжденія по другимъ пунктамъ. И теорія Дарвина не примиряетъ ихъ по этимъ другимъ пунктамъ, хотя всѣ они желаютъ связать свои взгляды съ ученіемъ многодумнаго старца, имя котораго гремитъ по всему міру. Спеціалисты біологи вносятъ свои поправки и дополненія въ теорію Дарвина, но, когда рѣчь заходитъ о вопросахъ нравственно-политическихъ, рѣдко кто отваживается, признавая огромныя заслуги «геніальнаго буржуа-натуралиста» (выраженіе покойнаго Ножина, давно уже мною приведенное), свободно отнестись къ его теоріи. Компетенція дарвинизма въ соціологіи признается въ слишкомъ общихъ, расплывающихся чертахъ и оказывается принятою на вѣру. Не столько даже опредѣленный ходъ мыслей, сколько трудно уловимое настроеніе часто побуждаютъ говорящихъ и пишущихъ на эту тему сваливать въ одну кучу дарвинизмъ и тѣ или другія соціальныя ученія. Въ грубой, конечно, формѣ это настроеніе можетъ быть выражено такъ: дарвинизмъ непогрѣшимъ, такое-то соціальное ученіе тоже непогрѣшимо, значитъ они должны совпадать. И въ этомъ направленіи можно наконецъ дойти до очевидной фактической неправды, какъ дошелъ до нея г. Антоновичъ, утверждая, что «общественные представители буржуазной конкурренціи и эксплуатаціи» не относились къ теоріи Дарвина «съ распростертыми объятіями и шумными одобреніями». Нѣтъ, именно такъ относились и относятся, и на писанія этого рода не слѣдуетъ трусливо закрывать глаза или отрицать ихъ существованіе...

Обратимся къ Тилле. Уже самое заглавіе его книги показываетъ, что, по его мнѣнію, съ Дарвина началось въ области этики что то важное новое, что получило свое завершеніе въ Ницше. И дѣйствительно, тридцатилѣтній періодъ 1859—1890 г. Тилле ре-

комендуетъ будущему историку, какъ время постепенной выработки новой, «эволюціонной» этики. Дарвинъ положилъ ей фактическія основанія, но онъ былъ слишкомъ «демократъ», чтобы вывести изъ этихъ основаній всѣ надлежащія слѣдствія. Въ біологіи онъ понималъ вещи правильно. Онъ признавалъ, что, если не всѣ зародыши извѣстнаго вида выживаютъ, то это главнымъ образомъ потому, что они не равны между собой, не равноцѣнны для вида: выживаютъ сильные, гибнутъ слабые. Въ этомъ и состоитъ естественный подборъ, постепенно совершенствующій видъ, чему способствуетъ и половой подборъ, при которомъ опять-таки одолѣваетъ въ борьбѣ за самку сильнѣйшій и гибнетъ слабѣйшій. Извѣстно, что Дарвинъ, всю жизнь признавая огромное значеніе подбора въ процессѣ органической эволюціи, очень колебался въ его сравнительномъ значеніи рядомъ съ другими факторами: случайными индивидуальными отклоненіями, вліяніемъ среды, вліяніемъ упражненія и неупражненія органовъ. Но не эти колебанія останавливаютъ на себѣ вниманіе Тилле. Онъ не доволенъ тѣми смутными, недоговореннымп рѣчами, которыя Дарвинъ велъ о подборѣ въ обществѣ. Онъ то отрицалъ, то признавалъ, и при томъ въ различной мѣрѣ, роль соціальнаго подбора. Въ развитіи общественныхъ инстинктовъ онъ очень умалялъ роль подбора, приписывая ихъ укрѣпленіе главнымъ образомъ наслѣдственной передачѣ въ ряду поколѣній. Да и въ общественныхъ инстинктахъ онъ придавалъ значеніе преимущественно тому, что современная мораль называетъ добродѣтелью: любовь къ ближнимъ, снисхожденіе къ слабымъ, покровительство имъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что «за исключеніемъ случаевъ, касающихся самого человѣка, едва-ли найдется кто либо настолько невѣжественный, чтобы позволить худшимъ животнымъ размножаться». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что «мы должны безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія переживанія и размноженія слабыхъ». Онъ не можетъ «не сожалѣть о быстротѣ, съ которою размножается человѣчество», но тутъ же прибавляетъ, что сожалѣніе это, можетъ быть, и не разумно. Все это представляется Тилле результатомъ или отраженіемъ происходившей въ Дарвинѣ внутренней борьбы между основаніями новой морали, положенными имъ самимъ, и тѣмъ гуманно-демократическимъ духомъ, которымъ онъ былъ еще проникнутъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Тилле проводитъ передъ читателемъ рядъ писателей и ученыхъ, болѣе или менѣе способствовавшихъ, по его мнѣнію, установленію эволюціонной этики: Спенсеръ, Леслп Стефенъ, Гексли, Уоллесъ, Вундтъ, Вильямсъ, Геккель, Бюхнеръ, малоизвѣстный нѣмецкій поэтъ Іорданъ, Раденгаузенъ. Но всѣ они лишь болѣе или менѣе приближались къ истинѣ, лишь съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ расчищали путь къ ней, ибо они всетаки были отравлены ядомъ демократически-гуманныхъ идеаловъ. Въ концѣ концовъ ихъ усиліями низвергнута такъ долго царившая

идея равенства и равноправія всѣхъ людей, брошенъ надлежащій свѣтъ на вредъ покровительства слабымъ, больнымъ, немощнымъ, но они не отдѣлались всетаки отъ «любви къ ближнему», несовмѣстимой съ послѣдовательно проведеннымъ дарвинизмомъ, и не оцѣнили всего великаго и благодѣтельнаго значенія борьбы за существованіе. Честь окончательнаго установленія «Новаго идеала» (такъ называется послѣдняя глава книги Тилле) и основъ эволюціонной этики принадлежитъ Фридриху Ницше...

Недавно вышла въ русскомъ переводѣ хорошая книжка Риля «Фридрихъ Ницше, какъ художникъ и мыслитель». Въ ней, между прочимъ, читаемъ: «Возрастающее вліяніе Ницше въ особенности на молодежь объясняется главнымъ образомъ обаяніемъ его рѣчи, которая дѣлаетъ этого необычайнаго писателя птицеловомъ, завлекающимъ неопытныя души въ свои сѣти» (стр. 27). У насъ пока еще нѣтъ этого увлеченія, да и Ницше мало извѣстенъ, хотя мнѣ уже не разъ случалось наблюдать тамъ и сямъ слѣды его вліянія. Но мы живемъ умственными эпидеміями и быть можетъ слѣдующею же эпидеміей будетъ ницшіанство. Собственно отъ «обаянія рѣчи» Ницше мы гарантированы слабымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, а въ переводѣ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, красота рѣчи, по малой мѣрѣ, ослабляется. Да и не такъ уже сплошь обаятельна рѣчь Ницше. Напротивъ, великолѣпный, истинно художественный языкъ часто уступаетъ въ его сочиненіяхъ мѣсто непріятному многоглаголанію и вычурности. Но дѣло въ томъ, что своимъ возрастающимъ вліяніемъ Ницше обязанъ отнюдь не «главнымъ образомъ» красотѣ рѣчи. Онъ нащупалъ или угадалъ нѣкоторые подлинные пульсы современной жизни.

Что европейская цивилизація переживаетъ нѣкоторый кризисъ этическихъ понятій, это несомнѣнно. И какъ мыслитель, и какъ художникъ (Риль очень вѣрно указалъ въ самомъ заглавіи своей книжки, что на Ницше необходимо смотрѣть съ этихъ двухъ сторонъ), то есть и путемъ размышленія, и путемъ художественнаго воспріятія, Ницше уловилъ и самый фактъ этого кризиса, и тѣ ростки чего то новаго, что въ разныхъ мѣстахъ и съ разною силою пробивается изъ подъ почти уже безжизненной пелены старыхъ воззрѣній. Но ростки пробиваются въ разныхъ мѣстахъ и имъ самимъ придется вступить въ борьбу между собою. Этого не усмотрѣлъ Ницше, вслѣдствіе чего вся его этика проникнута кореннымъ противорѣчіемъ, передъ которымъ меркнутъ его многочисленныя частныя противорѣчія.

Ницше самъ себя называлъ «имморалистомъ», и такъ какъ одно изъ самыхъ характерныхъ его сочиненій называется «Jenseits von Gut und Böse»; такъ какъ, далѣе, онъ признавалъ за нѣкоторыми, выдающимися людьми право переступать установившіяся границы добра и зла. — то было выведено заключеніе, что онъ отрицаетъ всякую мораль. Это глубоко несправедливо. «Jenseits

von Gut und Böse» значитъ не «по ту сторону добра и зла» вообще, а «по ту сторону добраго и злого» или, еще лучше «доброты и злости». Ницше не видѣлъ нравственнаго блага въ добротѣ, но это не мѣшало ему предъявлять своимъ послѣдователямъ весьма строгія моральныя правила.

Что касается его отношенія къ дарвинизму, то оно было крайне двусмысленно. Въ Unzeitgemässe Betrachtungen, расправляясь съ Давидомъ Штраусомъ, онъ, между прочимъ, упрекаетъ его за то, что тотъ струсилъ передъ логическими выводами дарвинистской этики. А одинъ изъ афоризмовъ въ Götzen Dämmerung носитъ характерное заглавіе Anti-Darwin. Вообще же онъ очень рѣдко говоритъ о теоріи Дарвина и нигдѣ не обнаруживаетъ признаковъ пристальнаго ея изученія, превышающаго тѣ общія объ ней понятія, какія имѣются у каждаго образованнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе его этика вполнѣ заслуживаетъ названія эволюціонной, такъ какъ онъ отрицаетъ неподвижность нравственныхъ нормъ. Тилле, которому непремѣнно нужно сдѣлать изъ Ницше заключительное звено преемственной цѣпи, начинающейся Дарвиномъ, очень наивно разсказываетъ что̀ именно «зналъ» Ницше о происхожденіи видовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ даже умалить значеніе своего героя, высказывая совершенно вѣрную мысль, что тридцать лѣтъ тому назадъ, то есть до Дарвиновыхъ работъ, Ницше не могъ бы сдѣлать свое «открытіе». Это, конечно, вѣрно, но не потому лишь, что Чарльзъ Дарвинъ расчистилъ почву для «эволюціонной морали», а и потому, что тридцать лѣтъ тому назадъ сама жизнь не выбрасывала тѣхъ ростковъ, которые угадалъ Ницше.

Если, однако, этика Ницше заслуживаетъ названія эволюціонной, потому что онъ признавалъ измѣнчивость нравственныхъ нормъ, то въ подробностяхъ его взгляды на происхожденіе этихъ нормъ заключаютъ въ себѣ очень мало научнаго. Тилле, какъ и всѣ ницшіанцы, высоко цѣнитъ сопоставленіе «морали господъ» и «морали рабовъ», сдѣланное учителемъ*). Но дѣло въ томъ, что это не только сопоставленіе или «классификація», какъ говоритъ Тилле, а и исторія. Какъ же она происходила? Гдѣ-то, когда-то жили могучіе богатыри, отважные, сильные, жизнерадостные, войнолюбивые, жестокіе, жаждавшіе наслажденій, но не бѣжавшіе и страданій, «злые»— раса прирожденныхъ «господъ». И столкнулись они съ прирожденными же «рабами», слабыми, трусливыми, умѣренными и аккуратными,—«добрыми». Господа, конечно, побѣдили рабовъ, но затѣмъ, неизвѣстно когда, рабы въ свою очередь побѣдили господъ, нравственно побѣдили, заразивъ ихъ своими слабостями. И съ тѣхъ поръ воцарилась мораль рабовъ, предписывающая умѣренность, снисхож-

*) За болѣе подробнымъ изложеніемъ взглядовъ Ницше читатель благоволитъ обратиться къ моимъ замѣткамъ въ №№ 8, 11 и 12 «Русскаго Богатства» за 1894 годъ.

деніе къ слабымъ, любовь къ ближнему, признаніе сильныхъ и слабыхъ равноцѣнными. Таковъ конкретный ходъ эволюціи нравственности, послѣдовательной смѣны нравственныхъ нормъ. Въ дѣйствительности это, конечно, просто фантастическая сказка.

Нашему времени предстоитъ возстановить мораль господъ (она же, значитъ, мораль «селекціонистская» или «научная»), произвести «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей», признать «доброту» зломъ, а «злость» добромъ, упразднить любовь къ ближнему и замѣнить ее «любовью къ дальнему». Дальніе это наше потомство, будущее человѣчество, которое станетъ болѣе совершеннымъ, если мы откажемся отъ покровительства слабымъ и дадимъ ходъ сильнымъ. И такимъ образомъ явится новая раса «смѣющихся львовъ», для созданія которыхъ можно и даже должно обыкновенныхъ людей частію просто растоптать, а частію держать въ приличествующемъ имъ состояніи рабства. Это «сверхъ-человѣки»—и человѣчность, «гуманность» имъ не указъ. Ницше называлъ себя «аристократическимъ радикаломъ» и предлагалъ созданіе, путемъ подбора, «касты», которая управляла бы объединенной Европой», такъ какъ ему казалось, что объединеніе Европы близко. Любопытно, въ связи съ этимъ, одно замѣчаніе Тилле. Онъ находитъ, что торжество господской морали и выработка «сверхъ человѣковъ» возможны только на національной почвѣ. Онъ говоритъ: «Ницше былъ наполовину чужой своему народу и никогда не могъ примириться съ расцвѣтомъ политическаго интереса въ новой германской имперіи. Національная политика представлялась ему чѣмъ-то узкимъ». Въ этомъ Тилле видитъ единственный изъянъ въ ученіи Ницше. «Въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, Ницше еще не переросъ гуманныхъ идей: онъ думалъ служить непосредственно человѣчеству» (241).

Въ одномъ мѣстѣ своей Morgenröthe Ницше характеризуетъ современное состояніе европейской цивилизаціи словами: «моральное междуцарствіе» и говоритъ объ отсутствіи какихъ нибудь общепризнанныхъ идеаловъ. Тутъ онъ не ждетъ сколько нибудь близкаго водворенія морали господъ. Но самая мысль объ этой морали, навѣрное навѣяна, между прочимъ, явленіями текущей жизни. При всякомъ крахѣ установившихся этическихъ понятій (а исторія знаетъ такіе крахи), когда старое отжито, а новое не нажито, являются люди, сбрасывающіе съ себя всякія нравственныя узы, дерзающіе на все, даже безъ лицемѣрія тайны и даже хвастая своимъ презрѣніемъ къ тому, что «чернь», толпа считаетъ нравственнымъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ эти разные декаденты, эгоисты, окультисты, соединяющіе мистицизмъ съ кроваво-грязнымъ развратомъ, struggle forlifer'ы, эстеты, попадающіе въ тюрьму за противоестественные пороки,—представляютъ собою знаменіе времени. Но когда Максъ Нардау ставитъ Ницше за одну скобку со всѣмъ этимъ безпардоннымъ людомъ, онъ совершаетъ грубую несправедливость. Ницше, напротивъ, желалъ облагородить это знаменіе времени и

указать, кто именно и во имя чего, по его мнѣнію, имѣетъ право презирать толпу, ея вѣрованія, идеалы, ходячую мораль. Какъ бы мы ни возмущались его дѣленіемъ человѣчества на прирожденныхъ господъ и прирожденныхъ рабовъ, онъ не призналъ бы всѣхъ этихъ дрянныхъ людей господами. Онъ видѣлъ, что есть люди, которымъ тѣсно въ данныхъ предѣлахъ, но полагалъ, что раздвинуть эти предѣлы можно только ради высокой цѣли усовершенствованія человѣческаго типа и только для тѣхъ, кто способенъ приблизиться къ этому типу. И хотя его Заратустра называетъ себя «врагомъ добрыхъ и справедливыхъ» и «другомъ злыхъ», но на дѣлѣ онъ очень добрый, мягкій и самоотверженный человѣкъ.

Какъ бы то ни было, аристократическій идеалъ Ницше разбивается объ другой устой его ученія, который опять-таки является отраженіемъ текущей дѣйствительности. Если Ницше радуетъ сердце Тилле своимъ аристократическимъ идеаломъ и въ частности тѣмъ, что есть возможность прикрыть его научною мантіей естественнаго или соціальнаго «подбора», то съ другой стороны Тилле тщательно обходитъ нѣкоторыя любопытныя разсужденія Ницше о «приспособленіи». Въ Morgenröthe читаемъ: «Нынѣ каждый, повидимому, доволенъ, когда слышитъ, что общество стоитъ на пути приспособленія индивида ко всеобщимъ потребностямъ и что счастье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертва индивида состоитъ въ томъ, чтобы чувствовать себя полезнымъ членомъ или орудіемъ цѣлаго. Современники колеблются въ выборѣ этого цѣлаго,—должно ли имъ быть существующее или еще имѣющее возникнуть государство, или нація, или объединеніе народовъ, или небольшія хозяйственныя общежитія. На этотъ счетъ существуетъ нынѣ много сомнѣній, борьбы, полной возбужденія и страсти; но удивительно единодушіе, съ которымъ отъ «я» (ego) требуется самоотреченіе въ формѣ приспособленія къ цѣлому, устанавливающему кругъ правъ и обязанностей. Сознательно или безсознательно, люди стремятся ни больше, ни меньше, какъ къ полному преобразованію, и именно ослабленію, даже уничтоженію индивидуума» (127). Ницше рѣшительно протестуетъ противъ такого приспособленія личности къ какому бы то ни было стоящему надъ нимъ цѣлому. По его мнѣнію, «зрѣлый плодъ общественнаго древа есть верховный индивидуумъ, себѣ лишь равный, отъ нравственности нравовъ (Sittlichkeit der Sitte) освобожденный, автономный, сверхнравственный (übersittlich) индивидуумъ» (Zur Genealogie der Moral).

Я уже не имѣю достаточно времени и мѣста, чтобы перечислить всѣ тѣ по истинѣ громадныя жертвы, которыя Ницше приноситъ на алтарь «верховнаго, себѣ лишь равнаго индивидуума», автономной, мыслящей, чувствующей и дѣйствующей личности. Упомяну лишь, что ради ея достоинства онъ согласенъ скорѣе на ея гибель, чѣмъ на ея приспособленіе, и неоднократно любуется картиной трагическаго конца личности, противопоставляющей себя стихійному

ходу вещей. Спрашивается, почему же эта самая личность должна подчиниться, стать орудіемъ того цѣлаго, которое займется выработкой «сверхъ-человѣковъ»? Ясно, что это два непримиримыя теченія.

Я боюсь, что все вышеизложенное вызоветъ въ читателѣ недоумѣніе въ виду пестроты содержанія и бѣглости изложенія. Но буду счастливъ, если недоумѣніе разрѣшится раздумьемъ, если мнѣ удалось обратить вниманіе читателя на такія явленія литературы и жизни, на которыхъ онъ не останавливался.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

I.

Финансовые итоги прошлаго и виды на будущее.

Передъ нами два оффиціальные документа, на содержаніи которыхъ мы хотѣли бы нѣсколько остановить вниманіе нашихъ читателей. Это — опубликованный въ 1-мъ № «Правительственнаго Вѣстника» «Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1898 годъ» и незадолго предъ тѣмъ ставшій достояніемъ публики «Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1896 годъ.» Оба документа содержатъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы для характеристики современнаго положенія нашего государственнаго хозяйства. Въ докладѣ министра финансовъ, помимо смѣтныхъ предположеній на предстоящій финансовый годъ, мы находимъ подробныя объясненія о положеніи вопроса о денежной реформѣ, являющейся злобою дня финансовой политики послѣдняго времени. Контрольный отчетъ даетъ точныя цифры дѣйствительно поступившихъ государственныхъ доходовъ и дѣйствительно выполненныхъ расходовъ за послѣдній годъ, по которому сведены счеты. Эти цифры дѣйствительнаго исполненія росписи являются твердымъ отправнымъ пунктомъ для сужденія о правильности смѣтныхъ предположеній, введенныхъ въ государственную роспись. Сверхъ данныхъ, относящихся собственно къ отчетному году, въ контрольныхъ отчетахъ помѣщаются обыкновенно и краткіе обзоры финансовыхъ

оборотовъ за десятилѣтіе, кончающееся отчетнымъ годомъ. Такой обзоръ находится и въ послѣднемъ отчетѣ. На этотъ разъ онъ обнимаетъ собою десятилѣтіе 1887—1896 г.г. Это десятилѣтіе очень знаменательное, вслѣдствіе чего данныя отчета пріобрѣтаютъ особый интересъ. Годъ, которымъ оно начинается, 1887-ой, былъ, какъ извѣстно годомъ перелома въ положеніи нашего государственнаго хозяйства. Онъ открываетъ собою эпоху финансоваго благополучія, продолжающуюся и до нынѣшняго дня, эпоху, смѣнившую собою тяжелые финансовые годы, когда борьба съ бюджетными недочетами составляла главную заботу финансоваго управленія. За семилѣтіе съ 1880 по 1886 г. только одинъ 1882 г., благодаря энергическимъ мѣрамъ, принятымъ для сокращенія государственныхъ расходовъ, законченъ былъ безъ крупнаго дефицита. Въ общемъ итогѣ за всѣ эти семь лѣтъ—являющіяся однимъ изъ самыхъ трудныхъ періодовъ въ нашей финансовой исторіи послѣдняго времени—недочеты доходовъ для покрытія текущихъ государственныхъ расходовъ составили 267½ м. р., въ среднемъ на каждый годъ по 38 слишкомъ милліоновъ, въ 1881 дефицитъ дошелъ до 78, 2 м.—наибольшей цифры за все время (съ 1866 года), для котораго мы имѣемъ сведенные отчеты по росписи; на второмъ мѣстѣ стоитъ 1886 годъ, закончившійся съ дефицитомъ въ 61, 8 м. р. по обыкновенному бюджету. Первый годъ слѣдующаго десятилѣтія носитъ на себѣ еще переходный характеръ, но уже съ 1888 года бюджетные дефициты смѣняются крупными избытками доходовъ надъ расходами; только голодный 1891 годъ составляетъ исключеніе, однако нарушенное равновѣсіе возстановляется въ слѣдующемъ же году, а три послѣдніе года десятилѣтія даютъ уже колоссальныя цифры бюджетныхъ избытковъ въ 99,8 м. р., 114,9 м. р. и 139,7 м. р. (1896). Борьба съ дефицитами, повидимому, совершенно отходитъ въ область преданій, финансовое благополучіе смѣняетъ финансовую скудость.

Есть затѣмъ и другая черта, рѣзко различающая оба сравниваемые періода. Семь тощихъ финансовыхъ годовъ, годы управленія министерствомъ финансовъ Абазы и Бунге, были годами начинаній, направленныхъ къ преобразованію нашей налоговой системы и къ облегченію податного бремени, лежащаго на массахъ населенія. Правда, начинанія эти были робкія и половинчатыя и результаты ихъ въ значительной степени парализовались другими фискальными мѣропріятіями, вызванными необходимостію заткнуть дыры въ бюджетѣ. Ради этой цѣли повышались нормы косвенныхъ налоговъ рядомъ съ пониженіемъ податей; протекціонистская политика, твердое начало которой положено было въ министерство Бунге, заставляла широкіе круги населенія платить крупную дань на цѣнахъ предметовъ массового потребленія ради охраны отечественной крупной промышленности. Но какъ бы то ни было, робкіе преобразовательные шаги того времени были первыми въ пореформенный періодъ нашего государ-

ственнаго хозяйства и не повторялись и послѣ. О преобразованіи налоговъ думали въ эпоху общаго угнетеннаго положенія народно-хозяйственной жизни страны, когда это угнетеніе отражалось и на бюджетныхъ оборотахъ; оно было снято съ очереди, какъ только наступили лучшіе дни для фиска. Съ 1 января 1887 г. въ управленіе министерствомъ финансовъ вступилъ И. А. Вышнеградскій, котораго смѣнилъ теперешній министръ финансовъ С. Ю. Витте. Преобразовательныя начинанія тощаго семилѣтія были рѣшительно отодвинуты на задній планъ; центръ тяжести финансовой политики перемѣстился въ другую сторону. Наступаетъ пора накопленія финансовыхъ средствъ, передъ которымъ совершенно отушевываются заботы о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи налоговаго бремени. Пріемы для этого пускаются въ ходъ старые; но, благодаря измѣнившимся внѣшнимъ обстоятельствамъ (двумъ послѣдовательнымъ обильнымъ урожаямъ 1887 и 1888 г., которыми открывается данное десятилѣтіе, и промышленному оживленію, смѣнившему періодъ застоя и угнетенія первой половины восьмидесятыхъ годахъ) результаты ихъ примѣненія оказываются гораздо болѣе благопріятными. На первомъ планѣ выступаетъ, какъ и ранѣе въ критическія минуты, усиленіе косвеннаго обложенія. Вводятся новые косвенные налоги и повышаются нормы прежде существовавшихъ. При этомъ повышеніи преслѣдуются частію цѣли исключительно фискальныя (напр., при усиленномъ обложеніи акцизами разныхъ предметовъ потребленія), частію же онѣ осложняются цѣлями покровительства отечественной промышленности,—какъ это имѣетъ мѣсто при установленіи и повышеніи таможенныхъ пошлинъ на предметы заграничнаго ввоза. Въ обоихъ случаяхъ принятыя мѣры съ фискальной стороны оказались удачными: поступленія налоговъ быстро подвинулись вверхъ и скоро заполнили бюджетные недостатки. Возвышеніе обложенія продолжалось, однако, и послѣ того какъ въ бюджетѣ оказались уже крупные избытки. Эти избытки позволили выдвинуть впередъ рядъ финансовыхъ мѣропріятій, сопряженныхъ съ крупными пожертвованіями со стороны государственнаго казначейства, въ области государственнаго кредита, денежнаго обращенія и желѣзно-дорожнаго строительства. Только задачи податной реформы оставались совершенно не затронутыми. Въ результатѣ этого явилось то положеніе, которымъ характеризуется наше государственное хозяйство въ настоящій моментъ: бюджетное изобиліе, съ одной стороны, и отсутствіе всякаго соотношенія между средствами разныхъ группъ плательщиковъ и лежащею на нихъ налоговою тягостью—съ другой.

Сгруппированныя въ отчетѣ государственнаго контроля данныя позволяютъ намъ подвести цифровые итоги главнѣйшихъ оборотовъ государственнаго хозяйства за это десятилѣтіе. Выберемъ изъ нихъ нѣсколько, наиболѣе крупныхъ, не рискуя утомлять вниманіе читателя подробностями.

Какъ извѣстно, по системѣ построенія нашего бюджета всѣ государственные доходы и расходы раздѣляются на обыкновенные, текущіе и на чрезвычайные. Оставимъ пока въ сторонѣ послѣдніе и займемся оборотами обыкновеннаго бюджета.

Первую характеристическую черту бюджетной исторіи за десятилѣтіе 1887—96 г., которую можно отмѣтить по даннымъ контрольнаго отчета, составляетъ быстрое и почти непрерывное расширеніе оборотовъ государственнаго хозяйства, выразившееся въ усиленномъ возрастаніи и доходной и расходной части обыкновеннаго бюджета.

Въ первый годъ десятилѣтія, 1887, обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ поступило 820, 4 м. р. Чрезъ 10 лѣтъ, въ 1896 г. итогъ обыкновенныхъ доходовъ опредѣлялся уже въ 1368,7 м. р., на 548, 3 м. р. или на 67% болѣе, чѣмъ въ 1887 г. Среднимъ числомъ, каждый годъ доходы приращались на 55 мил. рублей. Только одинъ разъ въ теченіе всего десятилѣтія, въ голодный 1891 годъ, годовой итогъ государственныхъ доходовъ понизился сравнительно съ предъидущимъ годомъ (на 43 м. р.,— съ 933 м. р. на 890 м. р.), но въ слѣдующемъ же, 1892 году ростъ доходнаго бюджета наверсталъ эту временную задержку: доходная роспись этого года заключена была въ суммѣ 964 м. р.; на 74 м. р. болѣе года 1891 и на 31 м. р. болѣе, чѣмъ въ 1890 г. За 3 послѣдніе года десятилѣтія приращеніе доходовъ шло еще быстрѣе, составляя въ 1894 г. 114 м. р., въ 1895—99 м. р. и въ 1896—124 м. р. лишнихъ противъ итога предшествовавшаго года.

Параллельно съ доходнымъ бюджетомъ, хотя и нѣсколько отъ него отставая, возрасталъ и бюджетъ расходный. Итогъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ въ 1887 г. составлялъ 842 м. р.; повышаясь затѣмъ ежегодно—кромѣ одного только 1888 г., когда сумма выполненныхъ расходовъ оказалась на 5 м. ниже года предшествовавшаго—онъ дошелъ въ 1896 г. до 1.229 м. р. Приращеніе за 10 лѣтъ опредѣляется въ 387 м. р. или почти въ 46% расходнаго бюджета перваго года десятилѣтія. Доходный бюджетъ, какъ мы видѣли, выросъ за тоже время на 548 м. р. Въ среднемъ расходный бюджетъ возросталъ ежегодно на 39 м. р., бюджетъ доходный давалъ среднее годовое приращеніе въ 55 м. р. Такимъ образомъ, ежегодныя поступленія все болѣе и болѣе превышали расходы, и въ бюджетѣ должны были получиться крупные излишки.

Оказался такой результатъ уже на второй годъ десятилѣтія. 1887 годъ, какъ мы упоминали выше, заключился еще съ дефицитомъ: итогъ обыкновенныхъ расходовъ, 842 м.р., превысилъ сумму поступившихъ за годъ обыкновенныхъ доходовъ—820,4 м. р.—на 21,6 м. р. Но уже въ слѣдующемъ году балансъ росписи заключенъ былъ съ

избыткомъ доходовъ въ 36,6 м. р. Избытки дали и всѣ остальные года, кромѣ голоднаго 1891, когда по обыкновенному бюджету оказался дефицитъ въ 34,8 м. р. За три послѣдніе года десятилѣтія избытки доходовъ достигли небывалыхъ до того размѣровъ: 99,8 м. р., 114,9 м. р. и, наконецъ, 139,7 м. р. (въ 1896 году). Въ общей суммѣ за всѣ 10 лѣтъ исполненіе государственныхъ росписей дало (въ 2 случаяхъ) дефицитъ въ 56,5 м. р. и (въ 8 случаяхъ) превышеніе въ 502,5 м. р. Иными словами, за покрытіемъ всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ (возраставшихъ въ среднемъ на 39 м. р. въ годъ) въ распоряженіи государственнаго казначейства накопился въ теченіе 10 лѣтъ свободный фондъ въ 446 (502,5—46,5) милл. рубл.

Таковы общіе, итоговые результаты исполненія государственныхъ росписей. Посмотримъ теперь ближе, изъ какихъ элементовъ составилась показанная выше сумма добавочныхъ поступленій, полученныхъ фискомъ за разсматриваемое десятилѣтіе, и на какія надобности были истрачены тѣ сотни милліоновъ, на которыя выросъ за это десятилѣтіе расходный бюджетъ.

Разныя категоріи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, вносимыхъ въ государственную роспись, могутъ быть соединены въ три главныя группы: 1) налоги, 2) доходы отъ собственнаго хозяйства казны (правительственныя регаліи, т. е. монопольныя предпріятія казны и доходы отъ казеннаго имущества и капиталовъ) и 3) платежи, поступающіе въ возмѣщеніе сдѣланныхъ государственнымъ казначействомъ расходовъ и разные мелочные доходы.

Если возьмемъ общіе итоги поступленій каждой группы доходовъ по росписи 1887 и по росписи 1896 г., то получимъ слѣдующую табличку:

	1887 м. р.	1896 м. р.	Въ 1896 г. м. р.	+ или — %
1. Налоги	628,1	853,8	+225,7	+ 36
2. Частное хозяйство казны .	103,9	444,5	+340,6	+328
3. Прочія поступленія . . .	88,4	70,4	— 18,0	— 26
Итого .	820,4	1.368,7	+548,3	+ 67

Наибольшее приращеніе и абсолютное, и относительное приходится на вторую группу бюджетныхъ поступленій— доходы отъ частнаго хозяйства казны. Сообразно съ этимъ растетъ и значеніе этой части государственнаго бюджета. Въ 1887 г. доходы отъ казенныхъ предпріятій (регалій) и имуществъ казны составляли 12,7% общей суммы обыкновенныхъ доходовъ, въ 1896 г. это отношеніе подвялось до 32,4%. Такимъ образомъ, какъ характеристическую черту движенія государственнаго бюджета за послѣднее десятилѣтіе, мы можемъ отмѣтить *крупное расширеніе оборотовъ собственнаго хозяйства казны.*

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоятъ *казенныя же-*

мѣнныя дороги. Въ 1887 г. дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ поступило 18,3 м. р., въ 1896 г.—293, 3 м., на 275 м. р. болѣе; такъ какъ одновременно доходы казны отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ упали на 18 *) м. р., то общее превышеніе желѣзнодорожныхъ доходовъ по росписи 1896 года сравнительно съ 1887 годомъ, опредѣляется въ 257 м. р. Нельзя, однако, разсматривать эту сумму какъ чистое приращеніе свободныхъ средствъ фиска. Дѣло въ томъ, что въ доходную государственную роспись заносится *валовой* доходъ казенной желѣзнодорожной сѣти; для того, чтобы опредѣлить величину дохода *чистаго*, нужно вычесть изъ валового дохода итогъ желѣзнодорожныхъ расходовъ, показанныхъ въ расходномъ отдѣлѣ росписи. Эти расходы тоже росли, и росли очень сильно, въ теченіе разсматриваемаго десятилѣтія. Возростаніе желѣзнодорожныхъ доходовъ казны происходило отъ двухъ главныхъ причинъ: во 1-хъ, отъ расширенія самой сѣти казенныхъ дорогъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія въ казну линій уже существующихъ и постройки новыхъ линій, и во 2-хъ, отъ увеличенія доходности принадлежащихъ казнѣ дорогъ. Первый факторъ, которому принадлежала первенствующая роль, неизбѣжно долженъ былъ вліять на возрастаніе и доходнаго, и расходнаго отдѣла желѣзнодорожныхъ оборотовъ казны. Но вліяніе этого фактора не было исключительнымъ, независимо отъ того усиливалась и выгодность желѣзнодорожныхъ предпріятій; это можно видѣть изъ того, что отношеніе между желѣзнодорожными доходами и расходами казны къ концу десятилѣтія стало благопріятнѣе, чѣмъ въ началѣ его; возрастаніе доходовъ обгоняло ростъ издержекъ. Валовой доходъ казны отъ желѣзныхъ дорогъ возросъ за 10 лѣтъ на 257 м. р.; расходы за тоже время поднялись на 180 милліоновъ (съ 98 до 178 м. р.), слѣдовательно приращеніе доходовъ составило 77 м. р. Въ 1887 году желѣзнодорожный бюджетъ казны заключенъ былъ съ дефицитомъ въ 43 м. р. (при 55 м. р. дохода и 98 м. р. расхода), въ 1896 г. желѣзныя дороги даютъ уже превышеніе доходовъ надъ расходами въ 34 м. р. (при общихъ оборотахъ въ 312 м. р. по доходамъ и 278 м. р. по расходамъ). Такимъ образомъ съ этого года желѣзнодорожная операція становится для казны доходною статьею; но только съ этого—всѣ остальные годы десятилѣтія казенное желѣзнодорожное хозяйство давало дефициты. Въ общемъ итогѣ за 9 лѣтъ эти дефициты составили 292,6 м. р.; вычитая 34,1 м. р. избытка доходовъ надъ расходами въ 1896 г., получимъ 258,5 м. р.—сумму, которою опредѣляется размѣръ *пожертвованій* казны на развитіе желѣзнодорожнаго дѣла, собственно по *обыкновенному* бюджету (какъ

*) Именно, уменьшились на 17,8 м. р. обязательные платежи обществъ ж. д. (включенные въ нашей табличкѣ въ отдѣлъ „прочихъ поступленій") и на 0,2 м. р. прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ ж. д.

увидимъ ниже, на тотъ же предметъ производились казенные расходы и по бюджету чрезвычайному). Такимъ образомъ, не смотря на быстрое расширеніе оборотовъ желѣзнодорожной операціи въ теченіе отчетнаго десятилѣтія, сказавшееся и на доходномъ, и на расходномъ бюджетѣ,—общіе результаты этой операціи не могли отразиться благопріятно на балансѣ росписей за этотъ періодъ: онѣ должны были уменьшить, а не увеличить итогъ чистаго остатка, образовавшагося по остальнымъ отдѣламъ росписи.

Тоже самое можно сказать и о другой отрасли казеннаго хозяйства, получившей начало въ теченіе разсматриваемаго десятилѣтія, именно о казенной продажѣ питей. Впервые доходъ отъ этой операціи является въ росписи 1896 г. Въ этомъ году доходовъ по винной монополіи получено было 27,8 м. р.; но въ тоже время въ расходномъ отдѣлѣ росписи мы находимъ двѣ цифры издержекъ: на текущіе расходы по казенной продажѣ питей въ 25,4 м. р. и на подготовительныя работы по введенію и распространенію винной монополіи 19,5 м. р., а всего 44,9 м. р., болѣе противъ суммы поступившихъ доходовъ на 16,1 м. р. Такимъ образомъ и питейная монополія въ разсматриваемый періодъ требовала еще отъ государственнаго казначейства пожертвованій, которыя должны окупиться въ будущемъ.

По табличкѣ, помѣщенной выше, на стр. 166, превышеніе всѣхъ доходовъ отъ частнаго хозяйства казны по бюджету 1896 г. сравнительно съ бюджетомъ 1887 года опредѣлилось въ 340,6 м. р. Если вычесть изъ этой суммы 282,8 м. р., причитающіеся на доходы отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ винной монополіи (въ обоихъ этихъ случаяхъ приростъ доходовъ является только видимымъ, такъ какъ онъ поглощается параллельнымъ возрастаніемъ расходной смѣты), то получимъ 38 м. р.—цифру, опредѣляющую собою приращеніе годового итога всѣхъ остальныхъ категорій доходовъ отъ предпріятій и имуществъ казны въ 1896 г., противъ итога 1887 г. Въ частности 20,1 м. р. приходится на доходъ отъ казенныхъ лѣсовъ, 11,3 милл. на монетную регалію (эта прибавка образовалась отъ чеканки въ 1895 и 96 гг. серебряной «полноцѣнной» монеты: начеканено было 42,5 м. р., на что истрачено серебра около 26,5 м. унцій, стоившихъ казнѣ 32 м. р.); 8,7 м. р. на доходъ почтовый; 5,4 м. р. на доходъ телеграфный и телефонный. По прочимъ статьямъ образовались или незначительныя превышенія, или обнаружился упадокъ доходности; въ общемъ итогѣ всѣ плюсы и минусы и даютъ приведенную выше цифру 38 м. р.

Если даже допустить, что всѣ эти 38 м. составляютъ *чистую* прибавку къ ежегоднымъ прибыткамъ фиска, не вызывая никакого увеличенія расходовъ взиманія,—во всякомъ случаѣ очевидно, что не здѣсь лежитъ центръ тяжести въ вопросѣ объ упроченіи финансоваго благополучія. Главнымъ источникомъ, откуда были почерпнуты средства для покрытія выросшихъ за десятилѣтіе расхо-

довъ и для образованія крупнаго свободнаго фонда, оставались по прежнему налоги.

Какъ было упомянуто выше, за десять лѣтъ ежегодное поступленіе налоговъ выросло на 225,7 м. р. Между различными категоріями налоговыхъ поступленій сумма эта распредѣляется такъ:

	1887 г. м. р.	1896 г. м. р.	Въ 1896 г. болѣе. м. р.	%
1) Прямые налоги	81,3	99,5	18,2	23
2) Косвенные налоги	401,9	582,6	180,7	45
3) Пошлины	53,0	74,7	21,7	40
4) Выкупные платежи.	91,9	96,9	5,0	5
Итого.	628,1	853,8	225,7	36

Мы видимъ, что за отчетное десятилѣтіе прогрессировали главнымъ образомъ косвенные налоги и пошлины; выкупные платежи оставались почти неподвижными, точно также и процентъ роста прямыхъ налоговъ былъ много ниже средняго для всей суммы налоговъ. Если мы соединимъ всѣ налоговыя поступленія въ двѣ большія группы, отнеся къ первой изъ нихъ прямые налоги и выкупные платежи (носящіе на себѣ вполнѣ характеръ прямого обложенія), а къ другой—косвенные налоги и пошлины, то найдемъ, что въ 1887 г. на первую группу приходилось 28% общей суммы налоговъ, а на вторую—72%; для 1896 года эти отношенія будутъ уже 23 и 77. Центръ тяжести налоговой системы передвинулся еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, въ сторону косвеннаго обложенія.

Приростъ доходовъ оказался по всѣмъ видамъ косвенныхъ налоговъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь таможенный доходъ (давшій въ 1896 году на 85,3 м. р. болѣе, чѣмъ въ 1887), затѣмъ идетъ доходъ питейный (+36,7 м. р.), сахарный (+19,5 м. р.) и табачный (+11 м. р.). Налоговъ на керосинъ и на спички въ 1887 г. не существовало вовсе; въ 1896 г. первый изъ нихъ принесъ 20,9 м. р., второй—7,3 м. р. Если за исходный пунктъ сравненія взять не 1887 г., а 1888 годъ, когда впервые были введены оба названные налога, приращеніе за 9 лѣтъ выразится для дохода нефтянаго въ 14,3 м. р., а для спичечнаго въ 4,6 м. р.

Отчего же зависѣло это сплошное повышеніе поступленій по всѣмъ видамъ косвенныхъ налоговъ? Объясненія этому нужно искать прежде всего въ повышеніи самыхъ нормъ обложенія, съ другой стороны,—въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ,—имѣло мѣсто и возростаніе самыхъ предметовъ обложенія.

Дѣйствіе обѣихъ этихъ причинъ сказалось несомнѣнно на той категоріи косвенныхъ сборовъ, которая дала наибольшій приростъ—именно на доходѣ *таможенномъ*. Въ 1887 г. процентное отношеніе таможенныхъ пошлинъ къ цѣнности ввезенныхъ товаровъ составляло 24,2%, въ 1896 г.—30,9, т. е. обложеніе поднялось въ

среднемъ почти на 28%. Но одна эта прибавка не могла бы имѣть своимъ послѣдствіемъ возвышеніе таможеннаго дохода на 88%, если бы одновременно съ этимъ не увеличились очень значительно и самые размѣры ввоза (съ 400 м. р. въ 1887 году до 589 м. р. въ 1896 году, т. е. на 47%). Если вмѣсто двухъ крайнихъ годовъ мы возьмемъ 2 пятилѣтія, 1887—1891 и 1892—1896, то получимъ слѣдующія цифры: за первое пятилѣтіе ввезено товаровъ на 2.004 м. р., поступило пошлинъ 584 м. р., среднее обложеніе составило 29,2%; за второе пятилѣтіе привезено было товаровъ на 2.554 м. р., поступило пошлинъ 782,4 м. р., въ среднемъ съ каждаго рубля цѣнности ввоза взято пошлинъ 30,7 коп. Возрастаніе таможеннаго дохода во второмъ пятилѣтіи сравнительно съ первымъ составило 25,7%, въ тоже время размѣры ввоза возросли на 27,5% и среднее обложеніе 5,1%. Какъ извѣстно, во второмъ пятилѣтіи дѣйствовалъ таможенный тарифъ 1891 г., по которому для многихъ предметовъ ввоза пошлины возвышены въ очень большихъ размѣрахъ; причинъ относительно невысокаго подъема размѣровъ *средняго обложенія* товаровъ, дѣйствительно ввезенныхъ за это пятилѣтіе, слѣдуетъ искать въ измѣненіи самаго состава ввоза, а именно въ относительномъ сокращеніи ввоза высокообложенныхъ жизненныхъ припасовъ и издѣлій и въ расширеніи ввоза сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ.

Питейный доходъ стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ таможеннаго по суммѣ той прибавки, какую онъ далъ въ бюджетѣ 1896 г. сравнительно съ 1887 г. (36,7 м. р.); по абсолютной цифрѣ поступленій этотъ сборъ до сихъ поръ является краеугольнымъ камнемъ доходнаго бюджета, значительно превышая всѣ остальныя статьи доходовъ. Въ 1896 г. питейныхъ доходовъ поступило 294,3 м. р., что составляетъ ⅓ всей суммы налоговъ (853,8 м. р.) и болѣе ⅕ всего доходнаго бюджета (1368,7 м. р.). Въ бюджетѣ 1887 года питейный доходъ (257,7 м. р.) игралъ еще большую роль, составляя 40% всѣхъ налоговыхъ поступленій и болѣе 30% общаго итога доходной росписи. Приращеніе питейнаго дохода слѣдуетъ приписать въ самой значительной долѣ повышенію размѣровъ обложенія (питейный акцизъ увеличенъ былъ за это время на 2 коп. съ градуса или на 2 р. на ведро безводнаго спирта, установленъ акцизъ на дрожжи и повышенъ на 50 к. акцизъ на пиво), увеличеніе единицъ обложенія играло при этомъ ничтожную роль. По отношенію къ главной части питейныхъ сборовъ—акцизу со спирта и вина—имѣло мѣсто даже обратное явленіе: потребленіе вина нѣсколько сократилось въ 1896 г. сравнительно съ 1887 г.; въ этомъ послѣднемъ году оно составляло 25,1 м. ведеръ безводнаго спирта, въ 1896 г. потреблено было только 24 м. ведеръ. Подобный же результатъ получится, если мы будемъ сравнивать не два крайніе года десятилѣтія, а первую его половину и вторую. За пятилѣтіе 1887—91 г. (въ составъ котораго входилъ голодный годъ,

когда потребленіе спирта стояло на минимальной цифрѣ 22 м. ведеръ), въ общей суммѣ потреблено было 121,3 м. ведеръ безводнаго спирта или по 24,3 м. ведеръ въ годъ, за послѣдующее пятилѣтіе размѣры потребленія понизились до 117,6 м. ведеръ въ общемъ итогѣ или до 23,5 милл. ведеръ въ среднемъ въ годъ.

Третій по значенію своему въ нашемъ бюджетѣ косвенный налогъ, *сахарный* акцизъ, возросъ за десятилѣтіе на 19,5 м. р., почти вдвое противъ цифры поступленія 1887 г. (23,2 м. р. въ 1887 г. и 42,7 м. р. въ 1896 г.). И здѣсь на первомъ планѣ въ ряду причинъ, воздѣйствующихъ на повышеніе поступленій, стоитъ увеличеніе размѣровъ обложенія (сахарный акцизъ повышенъ былъ съ 85 к. до 1 р. 75 к. съ пуда), и только въ очень слабой степени увеличеніе потребленія сахара. Общая выработка сахара не оставалась, правда, неподвижною (за первую половину десятилѣтія выдѣлано было сахара 131,5 милл. пуд., а за вторую 163,3 м. пуд., т. е. на 23 % болѣе), но благодаря цѣлому ряду мѣропріятій, систематически направленныхъ на «урегулированіе» внутренняго потребленія сахара, размѣры этого потребленія далеко не соотвѣтствуютъ размѣрамъ производства; излишки произведеннаго сахара искусственно удаляются съ внутренняго рынка за границу. Такъ, въ послѣдній отчетный годъ (1896) общее количество учтеннаго на заводахъ сахара составляло 41,5 м. пуд., болѣе противъ предыдущаго года на 7 м. пуд., но параллельно съ этимъ выросъ и вывозъ (съ 5,8 м. п. до 13,8 м. пуд.), такъ что при повышеніи выработки сахара на 7 м. п., количество продукта, оставшееся для внутренняго потребленія, сократилось на 1 милл. пуд.

Четвертое мѣсто въ ряду косвенныхъ налоговъ занимаетъ *табачный* акцизъ, давшій въ 1896 г. на 11 милл. болѣе, чѣмъ въ 1887 г. (35,1 м. р. противъ 24,1 м. р.). Эта прибавка дохода вызвана, съ одной стороны, двукратнымъ возвышеніемъ размѣровъ акциза (въ 1887 и въ 1893 г.), а съ другой—и ростомъ потребленія табака (съ 3,5 м. п. въ началѣ десятилѣтія до 3,9 м. п. къ концу его).

Наконецъ, два вновь установленные въ отчетномъ десятилѣтіи косвенные налога—съ *нефтяныхъ освѣтительныхъ маслъ* и съ *зажигательныхъ спичекъ*—дали въ 1896 г. 28,2 м. р. (20,9 м. р. керосинъ и 7,3 м. р. спички). По сравненію съ бюджетомъ 1887 г. вся эта сумма является чистою прибавкою, такъ какъ въ началѣ десятилѣтія этихъ налоговъ не существовало вовсе. Если мы сопоставимъ доходъ отъ того и другого налога за 2 четырехлѣтія,—1889 и 1892 г. и 1893—96 г.,—то получимъ такія цифры: съ нефтяныхъ освѣтительныхъ маслъ получено въ первомъ четырехлѣтіи 43 м. р., во второмъ — 76 м. р., со спичекъ въ первомъ четырехлѣтіи 19,1 м. р., во второмъ—28,6 м. р. Оба вида доходовъ принадлежатъ къ числу ростущихъ. Объясненіе этого роста можно видѣть какъ въ постепенномъ возрастаніи внутренняго потребленія керосина и зажигательныхъ спичекъ, такъ и въ усиленіи обло-

женія, которому подверглись оба эти продукта на протяженіи разсматриваемаго десятилѣтія. Акцизъ съ освѣтительныхъ маслъ, назначенный первоначально въ 40 к. съ пуда, увеличенъ съ 18 декабря 1892 г. до 60 к., (т. е. на 50%) для легкихъ маслъ, составляющихъ главную часть оплачиваемаго продукта, и до 50 коп. для тяжелыхъ; акцизъ съ фосфорныхъ спичекъ былъ удвоенъ съ 1893 года.

Такимъ образомъ для всѣхъ категорій косвенныхъ налоговъ, давшихъ приростъ за десятилѣтіе, имѣло мѣсто болѣе или менѣе крупное повышеніе размѣровъ обложенія. Но, какъ показываютъ приведенныя данныя, существовали и другія причины возрастанія дохода, лежавшія внѣ области непосредственныхъ фискальныхъ мѣропріятій. Всего болѣе это сказалось по отношенію къ доходу таможенному, прогрессивное возрастаніе котораго въ самой значительной мѣрѣ обусловливалось расширеніемъ размѣровъ ввоза, и всего менѣе въ доходѣ питейномъ, опирающемся непосредственно на размѣрахъ массового потребленія вина, которое оставалось почти неподвижнымъ и даже обнаруживало тенденцію къ пониженію во вторую половину разсматриваемаго десятилѣтія.

Тоже, что сказано о косвенныхъ налогахъ, можно примѣнить и къ *пошлинамъ*—второй категоріи налоговыхъ поступленій, которая дала крупный плюсъ въ 1896 г. сравнительно съ 1897. Какъ показываетъ наша табличка, пошлины выросли за десятилѣтіе на 21,7 м. р. (съ 53 на 74,7 м. р.) или на 40%. Около половины этого прироста, 9,9 м. р., падаетъ на отдѣлъ пошлинъ гербовыхъ, судебныхъ, канцелярскихъ и съ записи документовъ; 6,3 м. р. прибавки дали пошлины съ переходящихъ имуществъ, остальные 5,5 м. р. распредѣляются между всѣми прочими видами сборовъ данной категоріи. Поступленіе пошлинъ развивалось частію подъ вліяніемъ разныхъ фискальныхъ мѣропріятій,—гербовые и актовые сборы подвергались повышеніямъ, устанавливались пріемы исчисленія и взиманія пошлинъ съ переходящихъ имуществъ, болѣе гарантирующіе интересы казны и т. д.—но независимо того, росли и самые обороты, совершеніе или засвидѣтельствованіе коихъ обложено пошлиннымъ сборомъ, а въ зависимости отъ этого возрасталъ и доходъ отъ пошлинъ. Указанія на это мы встрѣчаемъ во всѣхъ контрольныхъ отчетахъ. И здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же двойнымъ рядомъ дѣйствующихъ причинъ, какъ и въ вопросѣ о возрастаніи косвенныхъ налоговъ.

Доходы отъ *прямого* обложенія, какъ мы уже упоминали, обнаружили очень слабую тенденцію къ возрастанію за разсматриваемое десятилѣтіе; притомъ это возрастаніе сосредоточивалось почти исключительно на нѣкоторыхъ видахъ прямыхъ поступленій. Если присоединить къ прямымъ налогамъ и выкупные платежи, то мы получимъ четыре главныя категоріи этихъ налоговъ, движеніе которыхъ за десятилѣтіе 1887—96 г. показываетъ слѣдующая табличка.

	1887 г. м. р.	1896 г. м. р.	Въ 1896 г. м. р.	+ %
1. Налоги поземельные, съ недвижим. имуществъ и подати	40,7	40,7	0,0	0
2. Сборъ съ торговли и промысловъ	28,9	45,3	16,4	56
3. Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ	11,7	13,6	1,9	16
4. Выкупные платежи	91,9	96,9	5,0	5
Итого	173,2	196,5	23,2	13

Крупный плюсъ наша табличка показываетъ только по сборамъ съ торговли и промысловъ. По свидѣтельству контрольнаго отчета, этотъ плюсъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ «постепеннаго возвышенія дополнительныхъ налоговъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, раскладочнаго и процентнаго сборовъ»,— обусловленнаго въ свою очередь какъ улучшеніемъ способовъ взиманія, такъ и расширеніемъ самыхъ оборотовъ, подлежащихъ обложенію. Затѣмъ сколько нибудь крупное относительно возрастаніе, на 16%, обнаружилъ сборъ съ дохода отъ денежныхъ капиталовъ. Подати, налоги съ недвижимостей и выкупные платежи остались почти на томъ же уровнѣ, на какомъ они находились въ началѣ десятилѣтія. Нельзя, однако, считать эти виды доходовъ неподвижными. Поступленія налоговъ поземельныхъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податей постепенно поднимались до 1890 г., въ 1891 году, подъ вліяніемъ крупнаго неурожая они упали (съ 44, 2 до 42, 9 м. р.), затѣмъ поступленія опять идутъ кверху; наибольшей высоты они достигли въ 1894 и 1895 г., частію вслѣдствіе введенія въ 1894 г. въ роспись новаго государственнаго квартирнаго налога, давшаго казнѣ въ первый же годъ 2, 6 м. р. дохода, частію же подъ вліяніемъ двухъ послѣдовательныхъ крупныхъ урожаевъ 1893 и 1894 гг., улучшившихъ поступленіе всѣхъ сборовъ податного характера. Въ 1896 г. доходъ отъ этой категоріи налоговъ падаетъ на 8, 6 м. р., главнымъ образомъ въ зависимости отъ льготъ, установленныхъ манифестомъ 14 мая 1896 г., въ силу которыхъ окладъ поземельныхъ налоговъ пониженъ былъ болѣе чѣмъ на половину. Благодаря этому пониженію, годовой итогъ поступленій отъ податей, поземельныхъ налоговъ и налога съ недвижимостей въ 1896 г. возвратился къ той цифрѣ, на которой онъ стоялъ въ началѣ десятилѣтія—40,7 м. р.

Еще въ большей степени, чѣмъ на податяхъ и поземельныхъ налогахъ, колебанія урожаевъ отражались на размѣрахъ поступленія выкупныхъ платежей. Оклады этихъ платежей не подвергались измѣненію въ теченіе даннаго десятилѣтія, поэтому колебанія въ цифрахъ поступленій зависѣли исключительно отъ измѣненій въ платежной силѣ плательщиковъ. Насколько велики были эти колебанія, можно видѣть изъ слѣдующей таблички, въ которой показано поступленіе выкупныхъ платежей въ каждомъ году десятилѣтія (въ милліонахъ рублей).

Годы	м. р.	м. р.	Годы	м. р.	м. р.
1887	91,9	—	1892	77,1	+6,3
1888	95,1	+3,2	1893	99,0	+21,9
1889	94,6	—0,5	1894	92,8	—6,2
1890	90,7	—3,9	1895	101,3	+7,5
1891	70,8	—19,9	1896	96,9	—4,4

Наименьшая цифра поступленій падаетъ на голодный 1891 годъ, самая высокая—на 1895 годъ, слѣдующій за двумя годами обильныхъ урожаевъ, 1893 и 1894; разность между итогами того и другого года составляетъ 30,5 м. р., т. е. 33,5% средняго поступленія за десятилѣтіе (91 м. р.).

Колеблясь значительно вверхъ и внизъ—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ размѣровъ урожая—поступленіе выкупныхъ платежей въ большинствѣ случаевъ оставалось ниже установленнаго оклада этихъ платежей. Только два раза въ теченіе десятилѣтія, въ 1893 и 1895 годахъ, выкупныхъ платежей поступило болѣе того, сколько причиталось за годъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ годовыя цифры дѣйствительныхъ поступленій отставали отъ размѣровъ тѣхъ требованій, которыя предъявлялись фискомъ; платежныя силы крестьянскаго населенія оказывались не соотвѣтственными возлагаемой на нихъ податной тягости. Годовой окладъ выкупныхъ платежей составляетъ около 98 м. р. Такимъ образомъ за 10 лѣтъ населеніе должно было выплатить казнѣ около 980 м. р., въ дѣйствительности выкупныхъ платежей внесено было около 910 р. Остальные 70 м. р. увеличили собою податную недоимку. Къ концу десятилѣтія размѣры недоимки по выкупнымъ платежамъ составили 94 м. р., т. е. около 96% годового оклада.

Огромная часть этой недоимки образовалась въ голодные годы, 1891 и 92, и съ тѣхъ поръ остается почти въ неподвижномъ состояніи, выказывая при этомъ тенденцію къ повышенію, а не къ пониженію. Движеніе недоимокъ съ конца 1891 г. представляетъ такой рядъ:

1891	67,8 м. р.
1892	89,7 » »
1893	89,6 » »
1894	95,8 » »
1895	92,6 » »
1896	94,1 » »

Особенно задолженными по выкупнымъ платежамъ оказываются, какъ и слѣдовало ожидать, тѣ губерніи, которыя наиболѣе пострадали отъ неурожая 1891—92 гг. За послѣднее время къ нимъ прибавилась еще Псковская губернія. По нѣкоторымъ изъ этихъ губерній недоимки, лежащія на населеніи (по однимъ только выкупнымъ платежамъ, не принимая въ расчетъ другіе окладные сборы) достигаютъ по истинѣ ужасающихъ размѣровъ. Въ Орен-

бургской губ. населеніе должно 5 годовыхъ окладовъ, въ Самарской и Казанской болѣе 3, и т. д.

Къ концу 1892 г. на 20 губерніяхъ, захваченныхъ неурожаемъ, числилось 79,2 м. р. недоимки по выкупнымъ платежамъ, причемъ въ 13 губерніяхъ недоимка превышала годовой окладъ; чрезъ 2 года прибавилась еще одна губернія съ такою же задолженностію, а итогъ недоимокъ по 20 губерніямъ достигъ 85,5 м. р. (84,3 м. срочныхъ и 1,2 м. разсроченныхъ), въ слѣдующемъ году (1895) цифра недоимокъ нѣсколько падаетъ, но къ числу сильно задолженныхъ губерній прибавляется еще одна, 15-я, Псковская, пощаженная неурожаемъ въ 1891 и 92 гг., но жестоко пострадавшая послѣ. Наконецъ, къ концу десятилѣтія, благодаря примѣненію къ нѣсколькимъ губерніямъ закона 7 февр. 1894 г. о разсрочкѣ и отсрочкѣ недоимокъ, размѣры собственно *срочныхъ* недоимокъ значительно понижаются (съ 80,8 м. р. въ 1895 до 67,9), но общій итогъ недоимокъ по 20 губерніямъ (и срочныхъ и разсроченныхъ) не только не понизился, но даже нѣсколько поднялся къ верху (съ 82 м. р. на 83,4 м. р.).

Итогъ разсроченныхъ и отсроченныхъ недоимокъ къ концу 1896 г. составлялъ 17,5 м. р., изъ этого числа 15,5 падаютъ на 20 губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Распредѣленіе этой суммы между отдѣльными губерніями крайне неравномѣрно. Только очень немногія губерніи воспользовались льготою въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ; остальныя еще ждали своей очереди; быть можетъ, онѣ ждутъ ея и теперь, такъ какъ примѣненіе закона 7 февр. 1894 г. происходитъ вообще безъ «торопливости». Полагаемъ не безъинтереснымъ выбрать въ особую табличку данныя о разсрочкѣ недоимокъ по 15 губерніямъ, за которыми въ 1895 г. числилось въ долгу болѣе годового оклада выкупныхъ платежей. Данныя эти представляютъ очень пеструю и мало объяснимую картину.

Губерніи.	Общая сумма недоимки (тыс. руб.)	Въ проц. къ окладу	Разсрочено недоимки (тыс. руб.).	Въ проц. къ общей суммѣ
Казанская	12.255	350	887,0	7
Самарская	10.704	336	888,2	8
Воронежская . . .	7.746	169	12,8	0,1
Нижегородская . .	7.635	329	4.023,6	53
Пензенская . . .	5.327	213	2.337,9	44
Орловская	4.373	139	25,6	0,5
Тамбовская . . .	4.312	98	86,9	2
Оренбургская . .	4.293	534	10,2	0,2
Саратовская . . .	3.977	121	0,7	0,0
Симбирская . . .	3.598	215	3.021,6	76

Губерніи.	Общая сумма недоимки (тыс. руб.)	Въ проц. къ окладу	Разсрочено недоимки (тыс. руб.).	Въ проц. къ общей суммѣ
Тульская	3.906	159	210,8	5
Пермская	3.681	118	36,4	1
Рязанская	3.135	108	2.496,0	80
Уфимская	2.628	327	1.112,7	43
Псковская	1.469	139	11,5	0,8
	78.399	196	15.161,9	19

Подведемъ итоги тѣмъ выводамъ, на которые наводитъ анализъ движенія доходнаго бюджета за разсматриваемое десятилѣтіе.

Мы видѣли прежде всего, что въ фискальномъ отношеніи это десятилѣтіе было безусловно благопріятнымъ. Государственные доходы возрастали почти непрерывно и притомъ въ очень быстрой прогрессіи, такъ что къ концу десятилѣтія средства фиска были много шире, чѣмъ въ началѣ его. Этотъ результатъ зависѣлъ прежде всего отъ мѣропріятій фискальнаго характера. Главную часть избытка доходовъ дали налоги, въ особенности косвенные, размѣры которыхъ были значительно повышены въ теченіе десятилѣтія.

Но мы видѣли также, что приростъ въ доходахъ не покрывается вполнѣ усиленіемъ обложенія. Несомнѣнно, извѣстную долю вліянія имѣли въ данномъ случаѣ и нѣкоторыя другія благопріятныя обстоятельства. Въ экономической жизни страны происходили извѣстные процессы, благопріятствующіе усиленію производительности многихъ крупныхъ категорій государственныхъ доходовъ. Мы отмѣтили это по отношенію къ таможеннымъ сборамъ, табачному, нефтяному и спичечному акцизамъ, пошлинамъ гербовымъ, актовымъ и съ переходящихъ имуществъ, сборамъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, точно также какъ и по отношенію къ поступленіямъ отъ почтъ и телеграфовъ, отъ казенныхъ лѣсовъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ статей частнаго хозяйства казны. Наконецъ, нѣкоторое указаніе въ томъ же смыслѣ даетъ и постепенное увеличеніе доходности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, зависѣвшее отъ развитія пассажирскаго и товарнаго движенія.

Анализъ движенія отдѣльныхъ статей доходнаго бюджета даетъ, однако, и противоположныя указанія. Если возрастаніе извѣстныхъ категорій поступленій можетъ быть поставлено въ связь съ прогрессирующимъ ростомъ промышленности, особенно крупной, оживленіемъ торговыхъ оборотовъ и дѣловыхъ сношеній, то, съ другой стороны, въ бюджетныхъ же цифрахъ мы видимъ и ясные признаки неподвижности или паденія размѣровъ массового потребленія нѣкоторыхъ обложенныхъ налогами продуктовъ (главнымъ образомъ спирта и хлѣбнаго вина, акцизъ съ которыхъ составляетъ самую

крупную статью доходнаго бюджета). Еще болѣе тревожныя указанія содержатъ въ себѣ данныя о поступленіи прямыхъ налоговъ, лежащихъ на крестьянскомъ населеніи; въ особенности это слѣдуетъ сказать о выкупныхъ платежахъ. Данныя эти обнаруживаютъ, съ одной стороны, крайнюю неустойчивость платежныхъ силъ массы плательщиковъ, испытывающихъ рѣзкія колебанія въ зависимости отъ измѣняющихся урожаевъ, а съ другой—очень низкій уровень ихъ состоятельности, которая не выдерживаетъ тяжести налоговыхъ требованій. Хроническая недоимочность населенія цѣлаго ряда губерній является естественнымъ результатомъ такого положенія дѣлъ.

Тотъ источникъ, которымъ мы пользуемся (отчетъ государственнаго контроля по исполненію росписи 1896 г.) позволяетъ отвѣтить только въ очень общихъ чертахъ на поставленный выше вопросъ—на какія именно государственныя потребности пошли тѣ добавочныя средства, которыя получены фискомъ въ періодъ финансоваго благополучія. Десятилѣтній обзоръ расходовъ, помѣщенный въ отчетѣ, даетъ ихъ общіе итоги по отдѣльнымъ *министерствамъ*, но, какъ мы знаемъ, такое подраздѣленіе не совпадаетъ съ подраздѣленіемъ расходовъ по категоріямъ потребностей, коимъ они назначены удовлетворять. Нерѣдко въ смѣтѣ одного министерства соединены расходы совершенно разнородные (напр., въ итогъ расходовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ входятъ и расходы на полицію безопасности и расходы на удовлетвореніе культурныхъ потребностей, каковы почты и телеграфы, расходы на спеціальныя школы разбросаны по смѣтамъ разныхъ вѣдомствъ и т. д.). Поэтому группировка расходовъ по ихъ назначенію можетъ быть сдѣлана лишь въ очень грубой формѣ. Отчетъ государственнаго контроля позволяетъ выдѣлить въ особую рубрику только желѣзнодорожные расходы по всѣмъ отдѣламъ бюджета (по системѣ государственнаго кредита, по министерствамъ: путей сообщенія, финансовъ, военному и по вѣдомству государственнаго контроля).

Выберемъ въ особую табличку цифры, которыя даетъ намъ отчетъ государственнаго контроля для двухъ крайнихъ годовъ десятилѣтія и сопоставимъ ихъ между собой. Чтобы не утомлять читателя обиліемъ цифръ, мы соединимъ итоги расходовъ по смѣтамъ отдѣльныхъ министерствъ въ нѣсколько большихъ рубрикъ.

	1887 г. м. р.	1896 г. м. р.	Въ 1896 + или — м. р.	%
1) Платежи по долгамъ (кромѣ желѣзнодорожнаго)	208,7	167,0	— 41,7	— 20
2) Войско и флотъ	249,9	347,8	+ 97,9	+ 39
3) Высшія учрежденія, внѣшнія сношенія, импер. дворъ	17,5	22,2	+ 4,7	+ 27
4) Финансы и контроль	101,9	189,1	+ 87,2	+ 86

	1897 г. м. р.	1896 г. м. р.	Въ 1896 м. р.	+или—
5) Министерства: внутрен. дѣлъ и юстиціи	92,1	118,1	— 26,0	+ 28
6) Государ. имущ., земледѣліе, коннозаводство, пути сообщенія (кромѣ желѣзн. дор.)	41,8	63,9	+ 22,1	+ 53
7) Министерство нар. просвѣщенія .	20,7	25,0	+ 4,3	+ 20
Святѣйшій синодъ	11,0	17,6	+ 6,6	+ 60
Итого . . .	743,6	950,7	+ 207,1	+ 32
8) Желѣзныя дороги	98,4	278,3	+179,9	+182
Всего . . .	842,0	1229,0	+387,0	+ 46

Наша табличка показываетъ, что прибавка къ итогу расходнаго бюджета 1896 г. противъ бюджета 1887 г.,—составляющая въ общей суммѣ 387 м. р.,—распредѣлилась, хотя и далеко не равномѣрно, между всѣми главными подраздѣленіями бюджета, за исключеніемъ только расходовъ по государственному долгу. Здѣсь мы находимъ не увеличеніе, а крупное сокращеніе итога ежегодныхъ расходовъ. Благодаря ряду конверсій и досрочныхъ погашеній государственныхъ займовъ, ежегодные платежи процентовъ и погашенія по этимъ займамъ понизились къ концу десятилѣтія почти на 42 м. р. (или на 20% первоначальной цифры). Это сбереженіе въ суммѣ ежегодныхъ расходовъ по государственному кредиту не досталось государственному казначейству даромъ, оно куплено было цѣною нѣкотораго повышенія капитальной суммы долга, продленіемъ его сроковъ и, наконецъ, цѣною крупныхъ единовременныхъ затратъ по чрезвычайному бюджету (о нихъ рѣчь будетъ ниже). Обязательства, лежавшія на странѣ, вслѣдствіе задолженности фиска не уменьшились, а только перенесены съ настоящихъ поколѣній плательщиковъ на будущія.

По всѣмъ остальнымъ отдѣламъ государственныхъ расходовъ, наша табличка показываетъ увеличеніе издержекъ въ послѣднемъ году десятилѣтія сравнительно съ первымъ. Если оставить въ сторонѣ расходы желѣзнодорожные (о характерѣ и значеніи этого отдѣла бюджета, мы уже говорили выше при анализѣ доходнаго отдѣла росписи),—общій итогъ повышенія прочихъ расходовъ по обыкновенному бюджету составитъ около ¼ милліарда (249 м. р.). Изъ этой суммы 39% (97,9 м. р.) пошло на увеличеніе военнаго и морского бюджета, немного менѣе 35% (87,2 м. р.) поглотилъ ростъ издержекъ финансовой администраціи; на эти двѣ группы государственныхъ потребностей падаетъ почти ¾ (74%) всей суммы прироста государственныхъ расходовъ за 10-лѣтіе. Остальные 26% распредѣлились такъ: на увеличеніе расходовъ на высшія учрежденія, общую администрацію и судъ пошло 31,7 м. р. (13%), на расширеніе издержекъ по удовлетворенію потребностей матеріальной культуры— 22,1 м. (9%) и наконецъ потребности культуры духовной (церковь и общая школа) вызвали увеличеніе государ-

ственныхъ расходовъ на 10,9 м. р., что составляетъ около 5% всей суммы прибавки за 10 лѣтъ къ бюджетному итогу перваго года десятилѣтія. Изъ упомянутыхъ 10,9 м. р. большая часть, 6,6 м. р., пошла на расширеніе церковнаго бюджета и только 4,3 м. р.—на усиленіе бюджета министерства народнаго просвѣщенія. И абсолютно, и относительно расходы на общую школу и общую школьную администрацію росли медленнѣе всѣхъ остальныхъ категорій государственныхъ издержекъ. На этомъ отдѣлѣ бюджета менѣе всего отозвался рѣзкій поворотъ къ лучшему въ состояніи нашихъ финансовъ.

Какъ отразились всѣ указанныя измѣненія въ отдѣльныхъ частяхъ расходнаго бюджета на общей его физіономіи, можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ, въ которой показано процентное распредѣленіе общей суммы расходовъ въ 1887 и 1896 гг. (безъ расходовъ желѣзнодорожныхъ) по главнымъ категоріямъ потребностей, ими удовлетворяемыхъ.

	1887	1896
Государственный долгъ	28	17,5
Войско и флотъ	33	37
Финансовое управленіе	12,5	20
Общая администрація и судъ	16	14,5
Потребности культуры матеріальной . .	6	6,5
Потребности духовной культуры:		
Школа	3	2,5
Церковь	1,5	2
	100	100

Какъ показываютъ приведенныя цифры, главныя перемѣны въ составѣ расходнаго бюджета за десятилѣтіе заключались въ относительномъ ростѣ доли расходовъ, падающей на военныя надобности и особенно на потребности финансоваго управленія, на счетъ расходовъ по государственному кредиту. Ассигнованія на культурные расходы и въ бюджетѣ 1896 г. занимаютъ такое же скромное мѣсто, какое имъ принадлежало въ началѣ десятилѣтія. Исключеніе составляютъ только расходы желѣзнодорожные, которые мы не ввели въ нашу табличку, такъ какъ подвести общій балансъ желѣзнодорожнымъ операціямъ казны можно только принявъ въ расчетъ обороты чрезвычайнаго бюджета, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ.

За 10 лѣтъ, съ 1887 по 1896, всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ (кромѣ желѣзнодорожныхъ) поступило 8.870,1 милл. рубл. Итогъ всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ (за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ), которые были выполнены за тѣ же годы, или числились подлежащими выполненію въ моментъ заключенія соот

вѣтственныхъ росписей, составилъ 8.165,5 м. р. Избытокъ доходовъ надъ расходами за все десятилѣтіе опредѣлился такимъ образомъ въ 704,6 м. р. Желѣзнодорожные обороты по обыкновенному бюджету за названное десятилѣтіе дали такіе результаты: поступило расходовъ 1317 м. р., было выполнено или предстояло къ выполненію расходовъ на 1.575,5 м. р.; для покрытія этихъ расходовъ текущихъ поступленій не хватало на 258,5 м. р. Этотъ дефицитъ былъ пополненъ на счетъ общихъ бюджетныхъ средствъ, слѣдовательно выше выведенную сумму остатка 704,6 м. р. нужно уменьшить на 258,5 м. р. Останется 446,1 м. р. Но, съ другой стороны, чтобы получить общее количество всѣхъ свободныхъ средствъ, которыя доставило государственному казначейству выполненіе обыкновенныхъ росписей за данное десятилѣтіе, сюда нужно присоединить еще остатки отъ *заключенныхъ* смѣтъ. Дѣло въ томъ, что при опредѣленіе баланса росписи въ моментъ ея заключенія въ расчетъ принимаются не тѣ только расходы, которые въ дѣйствительности уже были выполнены къ этому времени, а также и тѣ, которые подлежали выполненію за счетъ этой росписи въ теченіе извѣстнаго, закономъ опредѣленнаго срока. Однако, не всѣ такіе расходы выполняются на самомъ дѣлѣ и часть назначенныхъ для покрытія ихъ суммъ остается въ экономіи. За десятилѣтіе 1887—96 гг. такихъ остатковъ накопилось 177 м. р. Съ присоединеніемъ ихъ къ выше указанной суммѣ остатковъ отъ текущихъ смѣтъ (446 м. р.), общая сумма всѣхъ свободныхъ средствъ, поступившихъ въ распоряженіе фиска за данное десятилѣтіе опредѣлится въ 623 м. р.

Наибольшая часть этой суммы пошла на покрытіе чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ.

Такъ какъ чрезвычайные расходы и чрезвычайные рессурсы не обнаруживаютъ такого правильнаго поступательнаго движенія, какъ обороты бюджета расходнаго, представляя довольно случайныя колебанія изъ года въ годъ, то для ознакомленія съ характеромъ чрезвычайнаго бюджета, удобнѣе брать общія суммы поступленій и расходовъ за все десятилѣтіе.

Всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ за это время было сдѣлано на 1.467 м. р. Пошли они на такія надобности. На погашеніе государственнаго долга употреблено 698 м. р. Въ это число входятъ и доплаты по конверсіямъ и усиленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ для упроченія денежной валюты. Для послѣдней цѣли въ размѣнный фондъ обращено было принадлежащее казнѣ золото на 177 м. р. Вторую крупную категорію чрезвычайныхъ расходовъ составляли расходы желѣзнодорожные. Въ общей суммѣ на желѣзныя дороги было затрачено 565 м. р. Изъ нихъ 409 м. р. пошли на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и на пріобрѣтеніе подвижного состава въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, 135 м. р. на выдачу желѣзнодорожнымъ обществамъ обли-

таціонныхъ капиталовъ, реализованныхъ консолидированными займами и 21 м. р. на выкупъ желѣзныхъ дорогъ (приплаты въ дополненіе къ выданнымъ акціонерамъ правительственнымъ облигаціямъ). На третьемъ мѣстѣ стоятъ расходы, вызванные неурожаями 1891 и 1892 гг. На выдачу ссудъ нуждающемуся населенію и на организацію общественныхъ работъ отпущено было 161 м. р. На остальныя чрезвычайныя надобности пошло около 43 м. р., изъ нихъ 24,7 м. употреблено было на усиленіе капитала госуд. банка (для развитія промышленнаго кредита), 18 милл. составили субсидію дворянамъ—заемщикамъ б. золотого земельнаго банка и около 1 м. р. обращено на разныя чрезвычайныя издержки.

Откуда же взялись средства для выполненія всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ затратъ? Главнымъ источникомъ для составленія фонда «чрезвычайныхъ рессурсовъ», назначенныхъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, явились государственные займы. Этотъ источникъ далъ за 10 лѣтъ 831 м. р. Затѣмъ 119 м. въ чрезвычайный бюджетъ поступили отъ желѣзныхъ дорогъ (108 милл. въ возвратъ ссудъ и 11 милл. отъ остатковъ строительныхъ капиталовъ перешедшихъ въ казну дорогъ), наконецъ 46 м. р. получены отъ вкладовъ на вѣчное время въ государственный банкъ, отъ освободившихся капиталовъ, имѣвшихъ прежде спеціальное назначеніе и затѣмъ присоединенныхъ къ общимъ средствамъ казны и отъ продажи государственныхъ имуществъ. Въ общемъ итогѣ всѣ «чрезвычайные рессурсы» дали 996 м. р. Остальные 471 м. р. для удовлетворенія чрезвычайныхъ надобностей взяты были изъ остатковъ отъ обыкновеннаго бюджета, т. е. составились главнымъ образомъ изъ тѣхъ добавочныхъ налоговъ, которые переплатило за это время населеніе страны. Суммами, образовавшимися на счетъ налоговъ, покрыты не только расходы, вызванные голодною годиною, но и значительная часть капитальныхъ затратъ на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, на конвертированіе государственнаго долга и на упроченіе денежнаго обращенія.

Чтобы закончить очеркъ общихъ финансовыхъ результатовъ послѣдняго отчетнаго десятилѣтія намъ остается сказать нѣсколько словъ о движеніи государственнаго долга за этотъ періодъ.

Къ началу 1887 г. общій итогъ государственнаго долга составлялъ 5.281,4 м. р. Изъ этого числа долги на общегосударственныя потребности простирались до 4.042,7 м., долги желѣзнодорожные до 1.238,7 м. р. Къ концу 1896 г. долговъ на общегосударственныя потребности числилось 4.384,9 м. р. и долговъ желѣзнодорожныхъ 2.350,5 м. р. Общій итогъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ казны опредѣлялся въ 6.735,4 м. р. Такимъ образомъ, за 10 лѣтъ государственный долгъ выросъ почти $1^1/_2$ милліарда рублей (на 1454 милліона), изъ этого числа 342 м. р. приходится на общегосударственные долги, а 1112 м. р. на долги желѣзнодорожные.

Не смотря на такой значительный приростъ капитальной суммы

государственнаго долга (на 27,5%) ежегодные платежи (процентовъ и погашенія) по займамъ увеличились очень мало. Въ 1887 г. размѣръ этихъ платежей составлялъ 263,5 м. р., къ концу 1896 г. онъ поднялся только на 7 м. р., до 270,5 м. Прибавка составила менѣе 3% отъ первоначальнаго оклада.

Такой результатъ оказался возможнымъ, благодаря ряду конверсій государственныхъ займовъ, выполненныхъ въ теченіе отчетного десятилѣтія. Конверсіи эти заключались въ замѣнѣ займовъ, заключенныхъ за высокіе сравнительно проценты, другими, за меньшіе проценты и съ меньшею годовою суммою погашенія; достигалось это пересрочкою займовъ на болѣе долгіе сроки и замѣною долговъ, выпущенныхъ на условіяхъ погашенія въ опредѣленный срокъ, займами безсрочными (государственная рента). Такимъ образомъ пониженіе платежей въ ближайшіе къ моменту конверсіи годы покупается цѣною растяженія этихъ платежей на длинные сроки въ будущемъ. Источникъ, которымъ мы пользуемся, не сообщаетъ данныхъ, по которымъ можно свести общій балансъ выгодъ и потерь по операціи, принимая въ разсчетъ и всѣ будущія приплаты; но мы находимъ въ немъ общіе итоги единовременныхъ затратъ по конверсіямъ, которые считаемъ небезъинтереснымъ привести здѣсь.

Въ періодъ съ 1889 по 1896 г. было конвертировано займовъ, по которымъ уплачивалось отъ 4½ до 6 процентовъ интереса, на общую сумму 2.779 м. р. кредитныхъ (считая по курсу 1 металл.= 1 р. 50 к. кред.). Эти займы замѣнены были 4% бумагами на номинальную сумму 3.039,5 м. р. Такимъ образомъ капитальная сумма государственнаго долга увеличилась въ результатѣ конверсій на 260,5 м. р. На выкупъ и обмѣнъ конвертированныхъ займовъ нужно было истратить 2.836 м. р. Реализація выпущенныхъ бумагъ дала только 2.806 м. р. Недостающіе 30 м. р. выплачены были изъ наличности государственнаго казначейства. Слѣдовательно, въ общемъ счетѣ единовременныя затраты на конверсіи составили 290,5 м. р. (260,5 м. р. прибавки къ государственному долгу и 30 м. р. наличными).

Помимо конверсій за тотъ же періодъ имѣлъ мѣсто и досрочный выкупъ займовъ. За время съ 1889 г. по 1896 г. всего было погашено: 4½% и 5% займовъ на 259,3 м. р. и безпроцентный долгъ государственнаго казначейства за кредитные билеты на сумму 148 м. р., а всего долговъ на 407,3 м. р. Затрачено на это погашеніе 478 м. р. Такимъ образомъ въ общемъ результатѣ конверсій и досрочныхъ выкуповъ произошло уменьшеніе государственнаго долга на 147 м. р. (погашено старыхъ долговъ, въ главной своей долѣ 5%-ныхъ, на 3.186 м. р. и выпущено новыхъ, 4%-ныхъ, на 3.039 м. р.), купленное цѣною единовременныхъ затратъ на 508 м. р. Эти затраты вошли въ итоги чрезвычайныхъ расходовъ по государственнымъ займамъ, приведенные выше. На бюджетѣ тѣхъ го-

довъ, въ которые выполнены были конверсіи, операція эта должна была отразиться во всякомъ случаѣ чувствительными потерями, каковы бы ни были ея результаты для ближайшаго и отдаленнаго будущаго.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя дальнѣйшими цифровыми выборками и вычисленіями. Полагаемъ, что и приведенныхъ данныхъ, не смотря на нѣкоторую ихъ отрывочность, достаточно для того, чтобы составить понятіе объ общемъ направленіи движенія нашего государственнаго хозяйства за тотъ періодъ, къ которому относятся эти данныя, т. е. за десятилѣтіе 1887—96 г., представляющее, какъ мы уже упоминали въ началѣ нашей замѣтки, выдающійся интересъ во многихъ отношеніяхъ.

Положеніе фиска за это время несомнѣнно улучшилось въ очень сильной степени. Равновѣсіе между доходами и расходами не только было возстановлено, но изъ бюджетныхъ остатковъ накопились огромные свободные капиталы, позволившіе государству отнесть на текущіе бюджетные средства значительную долю крупныхъ капитальныхъ затратъ на расширеніе желѣзнодорожной сѣти и на упорядоченіе денежнаго рынка.

Какъ же отразилось это на странѣ?

Прежде всего значительнымъ увеличеніемъ налоговой тягости. Мы видѣли, что главнымъ источникомъ роста государственныхъ доходовъ служили налоги. Расширеніе операцій собственнаго хозяйства казны, являвшееся одною изъ характерическихъ чертъ разсматриваемаго періода, вызывало пока только пожертвованія со стороны фиска, не принося еще ему прибылей.

Увеличеніе обложенія за отчетный періодъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ преслѣдовало цѣли чисто фискальныя, т. е. устанавливались и повышались налоги не сообразно съ требованіями равномѣрнаго распредѣленія ихъ по достаткамъ населенія, а въ видахъ полученія въ данный моментъ возможно большихъ результатовъ для государственнаго казначейства. Такимъ образомъ улучшеніе системы налоговъ не сопровождало, какъ извѣстный коррективъ, увеличенія абсолютной ихъ тяжести. Только одна группа налоговъ, сильно повышенная за разсматриваемое десятилѣтіе, имѣла значеніе не исключительно фискальное. Это именно покровительственныя таможенныя пошлины. Но экономическое вліяніе этихъ пошлинъ отражалось непосредственно, въ смыслѣ благопріятномъ, только на небольшой относительно группѣ лицъ, заинтересованной въ повышеніи цѣнъ обложенныхъ предметовъ. Для большинства населенія высокія пошлины налагали новую тяжесть въ видѣ переплатъ отъ вздорожанія продуктовъ отечественнаго производства, переплатъ много превышавшихъ то, что получалъ отъ таможенныхъ пошлинъ фискъ.

Но государство не только брало отъ населенія, оно и давало ему. Государственное хозяйство воздѣйствовало на экономическую жизнь страны и въ положительномъ смыслѣ. Въ какую же сторону шло это воздѣйствіе? Мы видѣли, что предметомъ особыхъ заботъ государства въ данномъ отношеніе было, съ одной стороны, расширеніе рельсовыхъ путей сообщенія, а съ другой, улучшеніе денежной системы. Рядомъ съ таможеннымъ покровительствомъ крупной промышленности эти задачи являлись первенствующими въ экономической политикѣ государства, на сколько она отражается въ оборотахъ государственнаго бюджета. На счетъ бюджетныхъ средствъ принимались рѣшительныя мѣры для содѣйствія росту *національнаго богатства* путемъ развитія крупной промышленности и улучшенія условій, благопріятствующихъ этому развитію. Указаній на мѣропріятія, направленныя *непосредственно* на улучшеніе матеріальнаго положенія массы населенія, на поднятіе *народнаго благосостоянія*,—данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, не содержатъ.

Бюджетныя цифры, приведенныя выше, указываютъ уже и на извѣстное движеніе въ народномъ хозяйствѣ, соотвѣтственное такому направленію экономической политики. Мы видѣли при анализѣ роста косвеннаго обложенія извѣстные признаки, свидѣтельствующія о приращеніи народнаго богатства. Наоборотъ, данныя о поступленіи прямыхъ налоговъ и выкупныхъ платежей говорятъ скорѣе о паденіи, чѣмъ о повышеніи уровня народнаго благосостоянія.

Наша статья приняла такіе размѣры, что мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ о росписи на текущій годъ.

Въ общемъ эта роспись построена на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и непосредственно ей предшествовавшія. Никакихъ существенныхъ измѣненій въ общей физіономіи нашего бюджета, она не обнаруживаетъ.

Обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ предвидится по росписи 1364,5 м. р., т. е. нѣсколько менѣе того, что далъ въ дѣйствительности бюджетъ 1896 г. (1368,7 м. р.) Обыкновенныхъ расходовъ предположено 1.350,1 м. р., болѣе противъ 1896 г. (1.229 м. р.) на 121 м. р. Превышеніе доходовъ надъ расходами ожидается такимъ образомъ въ 14,4 м. р. Этотъ избытокъ поглощается чрезвычайнымъ бюджетомъ, по которому вычислено на 3,3 м. р. чрезвычайныхъ поступленій и на 124 м. р. чрезвычайныхъ расходовъ; дефицитъ въ 120,7 м. р. предполагается покрыть на счетъ избытковъ по обыкновенному бюджету, а въ остальной суммѣ (106,3 м. р.) на счетъ свободной наличности, накопившейся отъ прежнихъ росписей.

Такимъ образомъ общіе результаты оборотовъ государственной росписи предвидятся и въ текущемъ году благопріятные. Очень

можетъ быть, что на дѣлѣ они окажутся еще благопріятнѣе, такъ какъ исчисленіе доходовъ сдѣлано съ обычною въ послѣдніе годы «осторожностію», т. е. значительно ниже тѣхъ предѣловъ, на какіе можно съ вѣроятностію разсчитывать. На этотъ разъ, впрочемъ, къ такой осторожности было реальное основаніе. Результаты сбора хлѣбовъ въ истекшемъ хозяйственномъ году были много ниже среднихъ. Въ значительной полосѣ Европейской Россіи это вызвало серьезныя продовольственныя затрудненія, если не настоящую голодовку. А на государственномъ бюджетѣ воздѣйствіе «господина урожая» до сихъ поръ еще проявляется очень сильно.

Въ составѣ отдѣльныхъ частей расходнаго и доходнаго бюджета за нынѣшній годъ сколько нибудь крупныхъ измѣненій тоже не оказывается. Поэтому мы можемъ примѣнить къ нему тѣ же общіе выводы, къ которымъ привелъ насъ анализъ бюджетныхъ данныхъ за послѣднее отчетное десятилѣтіе.

Бесѣду по вопросамъ, затронутымъ въ сопровождающемъ роспись докладѣ министра финансовъ (докладъ этотъ касается главнымъ образомъ реформы денежнаго обращенія), приходится отложить до другого раза.

Н. Анненскій.

II.

1897 годъ въ характеристикѣ провинціальной печати.—Неурожай и общественное къ нему отношеніе.—Вопросъ о введеніи земства во внѣземскія губерніи.—Судебная реформа въ Сибири. Кавказскіе разбои.—Земства и администрація въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Результаты обновленія городскихъ думъ.—Чествованіе памяти Н. А. Некрасова въ провинціи.

Скучное это дѣло подводить итоги безсодержательнаго вялаго существованія, и немногіе испытываютъ это въ такой мѣрѣ, какъ новогодніе обозрѣватели провинціальной жизни. Авторы годовыхъ обзоровъ всей русской жизни въ столичной прессѣ, благодаря болѣе широкому масштабу наблюденія и своему положенію, всегда могутъ отмѣтить нѣсколько крупныхъ мѣръ въ области внутренняго управленія, значительныхъ шаговъ въ законодательствѣ, выдающихся фактовъ народно-хозяйственной и общественной жизни. Такъ, по отношенію къ минувшему году они укажутъ въ ряду важныхъ административныхъ мѣръ всероссійскую народную перепись, которою открылся годъ, изданіе закона 7-го апрѣля объ освобожденіи видовъ на жительство отъ казенныхъ сборовъ и закона 2 іюня о продолжительности рабочаго времени, дальнѣйшее распространеніе винной монополіи, усиленное развитіе

желѣзнодорожной сѣти, введеніе судебныхъ учрежденій въ Сибири и проч. Съ ихъ точки зрѣнія, важенъ самый фактъ появленія той или иной мѣры, изданія того или иного закона. Но наблюдатель, стоящій лицомъ къ лицу съ жизнью, отдѣльныя стороны которой имѣютъ въ виду эти мѣры и законы, сознавая, можетъ быть, ихъ частичные значеніе и пользу не менѣе всякаго другого, даетъ имъ совсѣмъ иную относительную оцѣнку. Онъ большею частію слишкомъ подавленъ массою наболѣвшихъ нуждъ, назрѣвшихъ вопросовъ, которые ждутъ своего разрѣшенія, неотступно ждутъ иногда уже долгіе годы. И если въ одномъ уголку этой застоявшейся общественной жизни совершилось нѣкоторое движеніе, это рѣдко кого можетъ удовлетворить и утѣшить. Легкій дождь, едва покропившій изсушенную зноемъ почву, въ общей экономіи природы окажетъ свою долю вліянія, но что значитъ онъ для отдѣльнаго поля, давно ожидающаго благотворной и обильной влаги?

Медленность, съ которою совершается поступательное движеніе нашей общественности, пустота или мелочность повседневнаго прозябанія, зрѣлище робкихъ и безсильныхъ попытокъ пробить толстую стѣну общей рутины, пошлости и равнодушія,—все это дѣйствуетъ на иныхъ обозрѣвателей общественной жизни провинціи такъ, что перо выпадаетъ изъ ихъ рукъ. Авторъ новогодней статьи въ «Самарской Газетѣ» находитъ, что «самарская жизнь и городская, и земская течетъ такой медленной, едва замѣтной струей, что сколько нибудь крупныхъ измѣненій даже и за годъ найти въ ней трудно. Только обозрѣніе за болѣе крупный періодъ, напримѣръ, за десятилѣтіе, можетъ дать основаніе сказать съ увѣренностью, что мы подвинулись впередъ, а не толчемся на одномъ мѣстѣ. Для Самары, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы измѣнить счисленіе времени и годъ считать не въ 12, а въ 240 мѣсяцевъ, тогда было бы возможно изъ груды обыденныхъ явленій выбрать наиболѣе яркія, отличающія одинъ періодъ времени отъ другого».

Въ это самое время корреспондентъ «Приазовскаго Края» изъ Нахичевани, пытаясь подвести итоги городской жизни за 1897 годъ, точно также приходитъ къ убѣжденію, что «365 дней въ году—недостаточный срокъ для проявленія активовъ нахичеванской общественной жизни. Для нахичеванцевъ годъ, по крайней мѣрѣ, долженъ имѣть 999 дней, чтобы они могли совершить что либо дѣльное, порядочное, заслуживающее признанія и благодарности». А рядомъ съ нимъ товарищъ его по участи и профессіи, задавшись цѣлью составить годовой обзоръ общественной жизни своего города, Новочеркаска, не находитъ для итоговъ самаго главнаго—слагаемыхъ, такихъ событій, которыя могли бы имѣть значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи жизни. «Какой же можетъ быть обзоръ ея»? спрашиваетъ онъ въ отчаяніи. «Обзоръ происшествій, но, вѣдь, это не обзоръ жизни!» Ни одинъ изъ большихъ и насущ-

ныхъ вопросовъ ея не рѣшенъ. «Изъ года въ годъ передъ нами, точно призраки, встаютъ вопросы: о введеніи земскаго положенія въ области, о введеніи городового положенія въ Новочеркаскѣ, о прогрессивномъ упадкѣ благосостоянія казаковъ, о недостаткѣ низшихъ и средне-учебныхъ заведеній, о грозномъ шествіи сыпучихъ песковъ, объ обмелѣніи рѣкъ, объ юридической безпомощности въ станицахъ, о недостаткѣ врачебной помощи въ тѣхъ же станицахъ и хуторахъ, и много другихъ, но всѣ эти вопросы остаются вопросами и по истеченіи каждаго года. Да и слѣдуетъ правду сказать,— рѣшеніе ихъ совсѣмъ не зависитъ отъ новочеркасцевъ или вообще областныхъ дѣятелей: всѣ они, эти вопросы, являются вопросами жизни всей Россіи. Они или рѣшатся для всей Россіи, а слѣдовательно, и для нашей области, или же будутъ оставаться вопросами и ежегодно назойливо вставать передъ глазами въ первые-же дни каждаго новаго года» («Приаз. Кр». № 1).

Газета «Волынь», аттестуя минувшій годъ, какъ «годъ богатый проектами, но не оправдавшій возложенныхъ на него надеждъ», также перечисляетъ не столько его положительные дары мѣстному краю, сколько вопросы, оставленные имъ въ наслѣдство наступающему году: вопросъ о «вольныхъ людяхъ», чиншевой, сервитутный, вопросъ объ улучшеніи школьнаго дѣла и сельской медицины, печальное состояніе которыхъ констатируется даже оффиціальными отчетами, вопросъ о введеніи земства. По отношенію къ этому послѣднему вопросу, газета удовлетворяется уже однимъ тѣмъ, что «вопросъ существуетъ и не снятъ съ очереди», и «можно думать, что грядущему году суждено будетъ играть выдающуюся роль, если не въ окончательномъ разрѣшеніи его, то въ большихъ подготовительныхъ работахъ». Вообще жизнь пріучила провинціальныхъ публицистовъ быть скромными въ своихъ пожеланіяхъ и отнюдь не придирчивыми въ оцѣнкахъ. «Волжско-Камскій Край» посылаетъ уходящему году спасибо уже за одно то, что «особенно дурного,—если простить истекшему году принесенный имъ и переданный новому году мѣстнаго характера продовольственный кризисъ,—мы отъ него тоже не видѣли... Онъ былъ годомъ, которые принято называть—«средними». «Вятскій Край» дѣлаетъ съ своей стороны такое заключеніе своему новогоднему обзору: «подводя итогъ минувшему году, мы не можемъ быть недовольными имъ, такъ какъ ни въ экономической жизни населенія, ни въ общественной дѣятельности городскихъ и земскихъ учрежденій, ни въ дѣятельности частныхъ лицъ не было такихъ фактовъ, которые отнимали бы у насъ надежду на лучшее будущее и энергію стремиться впередъ». Что же больше? есть еще надежда на лучшее, еще не отнята «энергія и способность стремиться впередъ!»

«Медленно движется время:
Вѣруй, надѣйся и жди».

При такой склонности довольствоваться малымъ, естественно,

что въ минорномъ хорѣ приведенныхъ отзывовъ, какъ рѣдкія исключенія, прорываются отдѣльные голоса, одушевленные не совсѣмъ понятной жизнерадостностью и пылкими надеждами. Вотъ, напримѣръ, «Подольскія Губернскія Вѣдомости», которыя торжественно заявляютъ, что «въ жизни Подоліи начинается новая эра». Дѣло, видите-ли, заключается въ томъ, что 1 января выходитъ первый номеръ неоффиціальной части преобразованныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Редакція заявляетъ, что «она одушевлена самыми лучшими намѣреніями и будущее не *посмѣетъ* превратить въ пустой звукъ ея надежду, что общество поможетъ ей въ добромъ начинаніи, если только сердце читателя готово горячо повторить вслѣдъ за ними: «Да пріидетъ царствіе твое, благодѣтельная гласность!» Вотъ какіе еще перлы наивности способны порождать нѣкоторые заброшенные углы нашей провинціи! Въ восторженно настроенномъ воображеніи новорожденнаго органа прессы «минувшій годъ чреватъ многими выдающимися событіями въ государственной и общественной жизни», что же касается мѣстнаго края, то и для него этотъ годъ прошелъ не безслѣдно: на страницы небогатой фактами лѣтописи Подоліи вписано нѣсколько крупныхъ событій, которыя наглядно свидѣтельствуютъ о дѣйствительно растущемъ вліяніи русской культуры».

Когда же дѣло дошло до перечня этихъ выдающихся и крупныхъ событій, то событіями общаго значенія оказались всеобщая народная перепись и винная монополія, изъ которыхъ послѣдняя, хотя и представляетъ собою «недостаточно ясно опредѣлившійся по своимъ послѣдствіямъ экономическій фактъ», однако, успѣла уже «рельефно отразиться на различныхъ проявленіяхъ общественной жизни Подоліи». Крупныхъ событій мѣстнаго значенія газета также насчитываетъ два: открытіе винницкой психіатрической лѣчебницы и освященіе Александро-Невскаго храма, сооруженнаго въ память возсоединенія Подоліи съ Россіей. Да и какъ не цѣнить то, что такъ долго ожидалось? Начало сооруженію храма положено въ 1875 году, когда было основано Александро-Невское попечительство, поставившее себѣ цѣлью «созданіе этого видимаго памятника побѣдной борьбы православія съ иновѣріемъ», какъ выражается передовая новой газеты. Слѣдовательно, идеѣ сооруженія храма пришлось ждать осуществленія 22 года. Что же касается винницкой лѣчебницы, то о ней газета сообщаетъ слѣдующее: «Вопросъ объ устройствѣ ея былъ поднятъ впервые еще въ 50 годахъ и, послѣ многочисленныхъ предварительныхъ работъ различныхъ коммиссій въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ, могъ осуществиться только въ наши дни». Больница разсчитана на 700 кроватей для трехъ губерній края. Это ли не цѣнный даръ истекшаго года для обширной области, не имѣвшей до сихъ поръ никакой раціональной врачебной помощи психически больнымъ?

Другимъ органомъ прессы, проводившимъ 1897-й годъ съ чув-

ствомъ удовлетворенія, является кіевская газета: «Жизнь и Искусство». Она находитъ, что минувшій годъ «несомнѣнно представляетъ намъ явные признаки развитія общественнаго самосознанія». Признаки эти газета видитъ въ фактахъ, знаменующихъ собою поворотъ отъ системы классицизма къ сознанію пользы и необходимости реальнаго образованія. Причемъ тутъ особенно выдѣлилось самосознаніе общества, для насъ это не совсѣмъ понятно въ виду того, что вопросъ о недостаточности у насъ техническихъ учебныхъ заведеній привлекъ въ настоящее время усиленное вниманіе къ себѣ въ правительственныхъ сферахъ, выразившееся въ организаціи особаго совѣщанія при министерствѣ народнаго просвѣщенія и особыхъ собраній техническаго общества при участіи высшихъ представителей финансоваго и учебнаго вѣдомствъ. Газету, очевидно, загипнотизировалъ фактъ значительной суммы пожертвованій на учрежденіе въ Кіевѣ политехникума—до 900 тыс. рублей,—собранныхъ по подпискѣ послѣ того, какъ министерство внутреннихъ дѣлъ отказало городу въ разрѣшеніи займа въ 200,000 рублей въ виду сильной его задолженности. Конечно, фактъ утѣшительный, но возводить его въ доказательство какого то особеннаго разцвѣта общественнаго самосознанія,—какъ будто и не стоитъ. Изыскивая факты, знаменующіе ростъ общественнаго самосознанія, «Жизнь и Искусство» благоразумно умолчала объ одномъ замѣтномъ событіи мѣстной городской жизни въ минувшемъ году—устройствѣ кіевской сельско-хозяйственной и промышленной выставки. А между тѣмъ судьба ея даетъ хорошую иллюстрацію для оцѣнки именно уровня общественной иниціативы, силъ и самосознанія. Въ новогоднемъ фельетонѣ газеты бывшая выставка говоритъ о себѣ стихами:

«Злополучная дочь
Слишкомъ бѣдныхъ родителей,
Не могла превозмочь
Я коварныхъ хулителей».

Но, разсматривая обстоятельства дѣла, приходишь къ заключенію, что неудача, постигшая выставку, по своей идеѣ и положенію имѣвшую всѣ шансы на успѣхъ, зависѣла не столько отъ «коварныхъ хулителей,» сколько отъ собственныхъ ея пѣстуновъ. Устраивало ее Кіевское общество сельскаго хозяйства, желавшее дать наглядное понятіе объ успѣхахъ края въ сельско-хозяйственномъ отношеніи съ 1883 года, когда въ Кіевѣ была послѣдняя сельско-хозяйственная выставка. Почти всѣ губерніи Россіи имѣли своихъ экспонентовъ на Кіевской областной выставкѣ. Къ сожалѣнію, именно сельско-хозяйственный то отдѣлъ на выставкѣ и былъ представленъ весьма слабо. За то отдѣлъ промышленности былъ богатъ: добрая половина выставочной территоріи была занята фабричными издѣліями большею частью иностраннаго происхожденія. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ выставки самое видное

участіе приняли крупныя, образцовыя хозяйства: гр. Потоцкаго, гр. Тышкевича, Терещенко, гр. Браницкаго и др., а мелкія и тѣмъ болѣе крестьянскія—вовсе не были представлены. Статистическая часть на выставкѣ почти совсѣмъ отсутствовала. За то кафе-шантану было отведено подобающее видное мѣсто.

А вотъ и итоги этой выставки. Недавно законченъ и опубликованъ ея финансовый отчетъ. Общій итогъ приходовъ выставки равнялся 370,785 рублямъ, которые образовались такъ: субсидіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—15 тысячъ, пожертвованій по подпискѣ отъ частныхъ лицъ около 54 тысячъ, субсидіи кіевской управы—5 тысячъ, временныхъ займовъ 126 тыс. и доходовъ отъ выставки 170,615 рублей. Расходовъ на выставкѣ было 391,823 руб. 77 коп. Въ томъ числѣ на содержаніе *оркестровъ* израсходовано было 22,549 рублей, и на содержаніе администраціи выставки и служащихъ 66,263 руб., итого безъ малаго 90 тысячъ рублей, что составитъ почти ¼ часть всѣхъ расходовъ по выставкѣ. Судьба устроителей выставки оказалась весьма печальна: любовались они видомъ чистокровныхъ, заводскихъ жеребцовъ гр. Браницкаго, или свеклой, возросшей на плантаціяхъ г. Бродскаго, величиною съ казарменный котелъ, въ чудные лѣтніе и осенніе вечера услаждали свой слухъ игрою оркестра у музыкальной эстрады и вдругъ такіе результаты!.. Кіевскому обществу сельскаго хозяйства выставка дала долга разнымъ учрежденіямъ и лицамъ свыше 76 тысячъ. Неудовлетворенными остались кредиторы, ссудившіе общество деньгами подъ залогъ выставочныхъ зданій, крупные подрядчики и предприниматели, привлеченные къ ея устройству. При этомъ надо имѣть въ виду, что приведенная цифра долга является минимальною, она установлена въ разсчетѣ на то, что зданія выставки и инвентарь ея будутъ реализированы болѣе или менѣе удачно, въ противномъ случаѣ активъ долженъ еще понизиться, а долгъ общества сельскаго хозяйства—возрасти.

Не лишено интереса сопоставленіе итоговъ Кіевской сельско-хозяйственной выставки и другой, предшествовавшей ей, которую, однако, никакъ ужъ нельзя назвать дочерью «слишкомъ бѣдныхъ родителей». Въ концѣ минувшаго года въ отчетѣ государственнаго контроля были помѣщены свѣдѣнія о расходахъ по содержанію и устройству всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 году. Общій итогъ расходовъ по выставкѣ простирается до 10,168,289 р.; по первоначальнымъ предположеніямъ, — говорится въ отчетѣ контроля,—весь расходъ по устройству ея опредѣлялся въ 3,000,000 р. Далѣе въ отчетѣ объяснено, что значительное противъ этой суммы увеличеніе расходовъ объясняется, съ одной стороны, соотвѣтственнымъ расширеніемъ выставки, съ другой стороны,—не вполнѣ подходящими къ требованіямъ выставки мѣстными условіями Нижняго-Новгорода, которыми была вызвана необходимость довольно

крупныхъ побочныхъ расходовъ, какъ-то: на приспособленіе города къ выставкѣ, на устройство гостиницъ и ресторановъ и проч. Въ частности, на подготовленіе Нижняго къ выставкѣ истрачено 1780 тыс. руб., на устройство самой выставки—4300 тыс., на общее управленіе выставки—430 тыс., на устройство отдѣловъ выставки и содержаніе ихъ—1,200 тыс., на содержаніе выставки—800 тыс., на экспертизу—122 тыс., на расходы, связанные съ вызваннымъ выставкою усиленнымъ движеніемъ по желѣзнымъ дорогамъ,—977 тысячъ, на усиленіе полиціи въ Нижнемъ-Новгородѣ по случаю выставки—142 тыс. и т. д. На покрытіе расходовъ по выставкѣ поступило входной платы до 184 тыс. руб., отъ приращенія дохода отъ усиленнаго, вызваннаго выставкою, движенія по желѣзнымъ дорогамъ приблизительно 930 тыс. руб. и сумма, которая будетъ выручена отъ продажи недвижимаго имущества выставки по примѣрному подсчету министерства финансовъ 1500 тыс. рублей. Такимъ образомъ, по словамъ отчета, общая сумма поступленій въ возвратъ расходовъ по всероссійской выставкѣ можетъ быть опредѣлена въ 2,164,000 руб., а дѣйствительные расходы Государственнаго казначейства на выставку—въ 7,500,000 р.

Во всякомъ случаѣ устроителямъ кіевской выставки надлежало помнить латинскую пословицу: Quod licet Jovi, non licet bovi.

Въ виду столь близкаго и нагляднаго примѣра несостоятельности общественной иниціативы, какъ устройство кіевской сельско-хозяйственной выставки, газетѣ «Жизнь и Искусство», казалось бы, совсѣмъ не ко времени было говорить о несомнѣнныхъ и яркихъ признакахъ роста общественнаго самосознанія. Къ характеристикѣ его несравненно болѣе служитъ фактъ общественнаго отношенія къ такому крупному событію истекшаго года, какъ неурожай, охватившій 19 губерній внутренней Россіи. О значеніи его нѣтъ споровъ: и оффиціальные источники, и свѣдѣнія земствъ, и газетныя сообщенія всѣ сходятся на томъ, что, хотя неурожай занимаетъ меньшую площадь Россіи, чѣмъ въ 1891 году и встрѣтился съ болѣе низкими цѣнами на хлѣбъ, однако размѣры бѣдствія, которое можно ожидать для застигнутаго недородомъ населенія, не уступятъ испытанному въ 1891—92 годахъ. Средства и силы населенія еще не оправились отъ испытанія этихъ памятныхъ лѣтъ; продовольственные капиталы розданы въ 1891 году; земства, даже при желаніи придти на помощь населенію, стѣснены почти повсемѣстнымъ разстройствомъ финансовъ; правительство сокращаетъ размѣръ испрашиваемыхъ ссудъ въ виду медленнаго возврата выданныхъ въ «голодный годъ» и сильной задолженности земствъ. Пять лѣтъ назадъ на народную нужду дружно откликнулось общество, всюду шли сборы на голодающихъ, частныя лица и представители разныхъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій устраивали столовыя, оказывали врачебную помощь обез-

силенному населенію. Теперь общество остается равнодушнымъ, почти безучастнымъ къ тому, что совершается въ мѣстахъ самой крайней нужды. Ничего не слышно не только о столовыхъ, о продовольственныхъ отрядахъ изъ интеллигенціи—нѣтъ даже сборовъ на хлѣбъ голодающей деревнѣ, или хоть на школьныя столовыя, какъ это дѣлалось въ зиму 1891—92 г. По справедливому утвержденію «Вятскаго Края», «эта общественная вялость, безучастіе къ судьбѣ народа должны быть отмѣчены, какъ самая крупная и характерная черта переживаемаго времени». Въ томъ же смыслѣ выражается «Недѣля» въ статьѣ «Трудное наслѣдіе» (№ 1): «Недостатокъ вниманія къ продовольственному вопросу—отличительное явленіе настоящей поры, а происходитъ онъ, въ значительной мѣрѣ отъ недостатка обстоятельныхъ извѣстій изъ деревень и отсутствія попытокъ сколько нибудь серьезнаго изученія. Мы помнимъ рядъ тяжелыхъ годовъ, когда къ дѣлу относились совсѣмъ иначе: не касаясь уже страшнаго 1891 года, вспомнимъ хотя 1880 и 1873-й. Тогда всѣ чутко относились къ бѣдѣ, и передъ нами, помимо оффиціальныхъ актовъ, проходила цѣлая лѣтопись бытовыхъ наблюденій. Говорили не только о цифровыхъ итогахъ или земскихъ постановленіяхъ, но сообщали постоянно о томъ, что происходитъ въ самыхъ глухихъ деревняхъ той или другой губерніи, чѣмъ тамъ питаются, какими способами пріобрѣтаютъ средства прокормленія, указывали разнообразные виды выраженія нужды, толковали объ удачныхъ и неудачныхъ способахъ доставленія помощи и т. д. За дѣло помощи, кромѣ оффиціальныхъ органовъ, брались и частные люди. Теперь совсѣмъ не то: ни подписокъ, ни другихъ проявленій общественнаго отклика не видно; бытовыхъ наблюденій очень мало, извѣстія о ходѣ нужды получаются рѣдко, хотя и при малой численности они внушительны по содержанію» (Нед. № 1).

И дѣйствительно въ извѣстіяхъ о томъ, что переживаетъ теперь населеніе неурожайныхъ мѣстностей, мрачныя краски все болѣе и болѣе сгущаются. Изъ Тульской губерніи сообщаютъ, что тамъ мѣстами уже питаются лебедой; населеніе деревень хлынуло въ городъ и сбило поденную плату до 15 коп. Въ «Ниж. Лист.» писали изъ той же губерніи: «скотъ распродается положительно за безцѣнокъ. Соломы уродилось мало, а между тѣмъ приходится этой соломой и кормить скотъ, и отоплять избы, такъ какъ дрова въ нашей губерніи очень дороги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за недостаткомъ соломы и дровъ, бѣдное населеніе стало *снимать солому съ крышъ и разламывать на топку свои холодныя постройки.* Даже на крупныхъ хлѣбныхъ рынкахъ (какъ напр., въ г. Ефремовѣ) мука продается по 72—100 к. за пудъ, а въ глухихъ мѣстахъ цѣны значительно выше. Въ Орловской губерніи въ Мценскомъ уѣздѣ работа по перевозкѣ оплачивается уже по 20 к. въ день за человѣка съ лошадью. Въ Ливнахъ и Ливенскомъ

уѣздѣ происходитъ массовое избіеніе лошадей и рогатаго скота вслѣдствіе недостатка корма. Еще до новаго года убито лошадей «на шкуры» около 5,000. Въ «Русск. Вѣд.» изъ Серпуховскаго уѣзда писали: «тяжелое время переживаютъ крестьяне нашего уѣзда. Только и слышно отъ нихъ, что корма остается мало или уже нѣтъ его. Скотъ исхудалъ и въ нѣкоторыхъ домахъ уже теперь, въ началѣ февраля, не стоитъ на ногахъ; чтобы поднять его, приходится созывать сосѣдей. Поднимаютъ корову веревками, спеціально для этого прикрѣпленными къ перекладинамъ двора. О подстилкѣ уже и не думаютъ. Корма на мѣстѣ купить почти негдѣ, а если и есть у кого, то назначаютъ цѣны совсѣмъ недоступныя для крестьянъ. За сѣно просятъ 50 к., за ржаную солому 25 к. за пудъ. Ржаную муку для прокормленія своихъ семей большинство крестьянъ уже покупаютъ» (№ 40). Въ Нижегородской губерніи по свѣдѣніямъ земства повальная продажа скота шла еще въ октябрѣ и ноябрѣ; тогда продавался по самой ничтожной цѣнѣ такъ называемый пользовательный скотъ, позднѣе пошелъ на продажу рабочій скотъ за отсутствіемъ кормовъ. Въ «Новое Время» пишутъ изъ Козловскаго уѣзда Тамбовской губерніи, гдѣ урожай ржи по оффиціальнымъ даннымъ хуже, чѣмъ въ 1891 году, и недостатокъ въ соломѣ еще большій, о слѣдующемъ положеніи обширнаго района. Солому для прокормленія скотины и топки тамъ покупали еще съ осени, на деньги отъ продажи яровыхъ хлѣбовъ и отъ лѣтнихъ поденныхъ работъ, которыя въ нынѣшнемъ году оплачивались 15—20 коп. вмѣсто обычныхъ 60. Овесъ ушелъ уже къ ноябрю главнымъ образомъ на уплату податей. Вообще въ ноябрѣ или декабрѣ всѣ обычныя средства пропитанія перестали существовать,—по крайней мѣрѣ для большинства. Козловскіе мужики осенью ходили толпою по тѣмъ уѣздамъ, гдѣ урожай былъ лучше, и просили милостыню. Немногіе продолжали нѣкоторое время питаться «заработками».

Оставалось продавать скотину. Но, вслѣдствіе распространенности бѣдствія и совершеннаго недостатка въ кормѣ, цѣны на скотину стояли самыя низкія, а предложенія продажи были огромныя. Въ началѣ декабря трехлѣтняя лошадь продавалась за 5 р. Такъ какъ послѣ 1891 г. крестьяне еще не успѣли обзавестись снова скотиною въ прежнемъ количествѣ, то продавать было не много.

Потомъ стали сдавать землю за безцѣнокъ (десятину рублей за 5).

Распродажа скотины, сдача земли, раскрываніе крышъ—вотъ что стало замѣнять обыкновенные источники доходовъ.

Временную скудную помощь доставляютъ общественные магазины. Во второй половинѣ декабря начали изъ нихъ выдавать рожь; но полная засыпка—не во многихъ деревняхъ, а есть деревни и съ пустыми магазинами. Выдается ржи изъ магазиновъ, по принятому порядку, въ небольшомъ количествѣ: по 30 ф. въ мѣсяцъ на дѣтей 2—18-ти лѣтъ, на стариковъ послѣ 55-ти лѣтъ и на всѣхъ

женщинъ; мужчины 18—55-ти лѣтъ не получаютъ ничего. Эта помощь очень недостаточна; по мѣрѣ возможности, крестьянамъ приходится прикупать хлѣба. Между тѣмъ только этимъ народъ и существуетъ, и продлится эта помощь не до весны. Въ лучшемъ случаѣ, хватаетъ мѣсяца на три; въ большомъ числѣ случаевъ, мѣсяца на $1^1/_2$—2; въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—только на $^1/_2$ мѣсяца, такъ что иные магазины уже опустѣли, и именно въ мѣстности съ низкимъ урожаемъ и наибольшимъ распространеніемъ аренды.

Что же будетъ послѣ? Одна надежда—помощь земства, но у него мало средствъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ сократило испрашиваемую имъ ссуду до 25 процентовъ, выдавая ее лишь на хлѣбъ, такъ что потребность въ кормѣ для скота и въ топливѣ оставалась.

Итакъ, вотъ картина народной жизни въ мѣстности: продажа скотины, сдача земли и начинающееся раскрываніе крышъ, скудная выдача изъ магазиновъ въ настоящее время, прекращеніе даже этой помощи въ скоромъ будущемъ (а кое-гдѣ уже теперь) при незначительности средствъ въ рукахъ земства.

Настроеніе въ деревнѣ тяжелое. (Н. В. 7885).

А съ юга въ «Русскія Вѣдомости» писали о сильнѣйшемъ изобиліи тамъ рабочихъ рукъ и стоящей на нихъ дешевизнѣ. Въ настоящую зиму наблюдается въ Бахмутскомъ уѣздѣ и вообще на югѣ небывалый наплывъ рабочихъ, идущихъ сюда изъ центральной полосы и главнымъ образомъ изъ Орловской и Курской губерній. Всѣ они говорятъ, что вслѣдствіе недорода хлѣбовъ дома прокормиться и прокормить семью невозможно, что и вынуждаетъ ихъ идти «на зимніе заработки». Главной приманкой для пришлыхъ рабочихъ являются, конечно, металлургическіе заводы и угольныя шахты. Участь рабочихъ, тщетно предлагающихъ свой трудъ, во многихъ случаяхъ прямо ужасна: имъ приходится питаться «Христа ради» или голодать, спать въ сырыхъ и заброшенныхъ карьерахъ для ломки известняка, или въ лучшихъ случаяхъ, если на заводѣ находятся землянки, ютиться и въ безъ того тѣсно набитыхъ рабочими заводскихъ казармахъ, причемъ, разумѣется, спать приходится вповалку, часто подъ нарами, на грязномъ полу, безъ всякой подстилки. На самомъ югѣ, куда стекается этотъ пришлый людъ, дѣла не лучше. По сообщенію «Новаго Обозрѣнія» изъ Ставропольской губерніи въ селеніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, большинство жителей живетъ впроголодь; для корма рабочаго скота и лошадей разбираютъ соломенныя крыши, многіе изъ жителей еще съ осени поспѣшили распродать свой скотъ. Цѣна на него упала до того, что быкъ, стоившій ранѣе 35—40 руб., въ настоящее время продается за 7 — 10 р., лошадей же покупаютъ только изъ за шкуры. Мужское населеніе уходитъ на заработки въ Ставрополь, Екатеринодаръ, Владикавказъ и другіе города Сѣвернаго Кавказа. Что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣдствіе принимаетъ

характеръ, угрожающій жизни и здоровью населенія, показываетъ слѣдующее извѣстіе «Одесск. Новостей»: «Намъ сообщаютъ весьма тревожныя извѣстія о появленіи голоднаго тифа въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ. Нѣкоторое подтвержденіе этихъ слуховъ мы находимъ въ только что полученномъ выпускѣ «Врачебной Хроники», издаваемой херсонскимъ губернскимъ земствомъ. Въ этомъ изданіи херсонскаго земства, по словамъ одесской газеты, указывается на болѣе раннія, чѣмъ обыкновенно, заболѣванія — въ большомъ количествѣ и въ тяжелыхъ формахъ — брюшнымъ тифомъ; эти заболѣванія начались еще въ августѣ, и «Врачебная Хроника» ставитъ этотъ фактъ въ связь съ посѣтившимъ въ настоящемъ году Херсонскую губернію недородомъ хлѣбовъ и фруктовъ.

Безучастное отношеніе городского общества къ деревенской нуждѣ отмѣчается не только газетными и журнальными наблюдателями, оно въ особенности чувствуется тѣми, кто по своему положенію стоитъ лицомъ къ лицу съ этой нуждой, наглядно видитъ всю тяжесть и серьезность положенія и терзается обиднымъ сознаніемъ своего безсилія и заброшенности. Въ «Русск. Вѣдом.» черезъ посредство Л. Н. Толстого, было доставлено письмо г-жи З. Соколовой къ своей столичной знакомой, гдѣ описывается подробно положеніе крестьянъ того самаго района деревень, которымъ въ 1892 году завѣдывалъ А. И. Эртель, т. е. прихода с. Макарья Воронежской губерніи и окружныхъ селеній. Авторъ письма послѣдовательно описываетъ, какъ неблагопріятно складывались для населенія условія года и какъ рано уже начались нужда и недоѣданіе, какъ въ поискахъ денегъ для покупки хлѣба, который все дорожалъ и дорожалъ, доходя до 80 коп. пудъ муки, продавалось все, что только можно было продать: самый необходимый скотъ, одежда, запродавался за безцѣнокъ будущій трудъ, земля въ аренду подъ яровое, какъ усиливались нищенство и смертность среди дѣтей. Письмо заканчивается полными горестнаго недоумѣнія словами: «Напишите, почему въ городѣ равнодушны, безучастны теперь къ деревенской нуждѣ. Я хочу вѣрить, что не знаютъ о нуждѣ, не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Я вѣрю, что когда изъ деревень все больше и больше будутъ доходить просьбы о помощи, многіе отзовутся и подумаютъ о деревнѣ... Быть можетъ теперь многіе остаются равнодушными къ нашей деревенской нуждѣ, зная, сколько было сдѣлано въ прошлый голодъ хорошаго, разумнаго, даже были деревни, которыя стали нѣсколько лучше жить заботами добрыхъ людей... И вотъ,—говорятъ они,—опять нужда, опять все то же, если не худшее».

Временная, хотя бы даже отличающаяся чертами случайности помощь въ острой нуждѣ и можетъ, и должна идти рядомъ съ мѣрами общаго, не палліативнаго характера; она не только не стоитъ съ ними въ противорѣчіи, но помогаетъ уяснить себѣ многія сто-

роны того общаго зла, съ которымъ надо бороться общими мѣрами. Дѣятельное участіе въ разрѣшеніи продовольственнаго вопроса не помѣщало одному изъ гласныхъ курскаго губернскаго земства заявить слѣдующее, когда было окончено обсужденіе даннаго вопроса:

«Вотъ мы полныхъ два засѣданія говоримъ о нуждахъ населенія, придумали шаблонныя мѣропріятія, но, конечно, изъ этого ничего не выйдетъ, такъ какъ бѣдствіе объясняется болѣе глубокими причинами. Вспомнимъ послѣдній періодъ: въ 1891—1892 годахъ мы голодали, въ 1893—1894 мы не знали, куда дѣваться съ нашимъ хлѣбомъ; сейчасъ мы опять голодаемъ—развѣ это нормальныя явленія? Надо подумать о болѣе широкихъ мѣропріятіяхъ для всей центральной полосы Россіи, несомнѣнно, глубоко потрясенной въ самыхъ основахъ хозяйственной и экономической жизни. Я предлагаю: «ходатайствовать о созывѣ выборныхъ представителей» центральной полосы Россіи «въ особое совѣщаніе при министерствѣ земледѣлія для выработки мѣропріятій, въ виду тяжелаго экономическаго положенія названной полосы».

Предложеніе это было принято собраніемъ. Но, безъ сомнѣнія, созывъ земскихъ представителей для обсужденія коренныхъ мѣръ къ поднятію народнаго благосостоянія и хозяйства вызывается нуждами населенія не одной центральной полосы, а всей земледѣльческой Россіи. И министерство земледѣлія, самое возникновеніе котораго значительно обязано кризису 1891—92 года, сознанію необходимости выработки и объединенія мѣръ къ поддержанію и развитію очевидно расшатаннаго земледѣльческаго хозяйства, занимавшееся однако до сихъ поръ, въ своемъ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ лишь разрѣшеніемъ частныхъ вопросовъ, не можетъ не примкнуть къ этой мысли, настоятельно требующей осуществленія.

Характерной чертой минувшаго года слѣдуетъ признать дѣятельное продолженіе той законодательной работы, которая имѣетъ цѣлью связать различныя части Россіи сѣтью однородныхъ учрежденій. Въ видѣ ли мѣръ уже осуществленныхъ или въ видѣ разработки проектовъ эта дѣятельность проявилась въ разныхъ сферахъ управленія. Такъ по министерству финансовъ положеніе о податной инспекціи было распространено на области Забайкальскую, Амурскую, Приморскую и Якутскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ фабричное законодательство: правила о надзорѣ за фабрично-заводскими заведеніями и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, дѣйствовавшее ранѣе въ 26 губерніяхъ, распространено на всю Европейскую Россію, включая и область Войска Донского и Привислянскій край. При этомъ въ кругъ его дѣйствія включены, кромѣ фабрикъ, заводовъ и рудниковъ, также и ремесленныя заведенія, имѣющія не менѣе 16 рабочихъ.

Въ дѣлѣ организаціи мѣстныхъ учрежденій въ теченіе 1897 года было сдѣлано не мало, чтобы приблизить къ осуществленію введеніе земскихъ учрежденій во внѣземскія губерніи. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта вопросъ о введеніи земства въ цѣломъ рядѣ неземскихъ губерній былъ переданъ на разсмотрѣніе мѣстныхъ совѣщаній изъ представителей различныхъ вѣдомствъ. Въ теченіе года мы не разъ касались хода и результатовъ этихъ совѣщаній, поскольку они становились извѣстными въ печати («Русск. Бог». 1897 г. №№ 7, 12). Большинство совѣщаній высказалось за введеніе земства притомъ въ полномъ его объемѣ. Въ каждомъ изъ нихъ нашлись дѣятельные и горячіе защитники земскихъ учрежденій, аргументацію которыхъ не лишне было бы выслушать тѣмъ изъ противниковъ земства, которые не переводятся у насъ въ печати и среди общественныхъ дѣятелей. Не мало сдѣлала, конечно, и мѣстная печать, за рѣдкими исключеніями, весьма сочувственная къ земской реформѣ, для уясненія ея пользы и значенія. Такъ, на Кавказѣ вопросъ о введеніи земства мѣсяца два непрерывно обсуждался въ мѣстныхъ газетахъ, при чемъ только «Кавказъ» и «Черноморскій Вѣстникъ» высказались противъ немедленнаго введенія реформы, всѣ же остальныя кавказскія повременныя изданія, не исключая и оффиціальныхъ, отстаиваютъ хозяйственныя и культурныя преимущества земскаго самоуправленія. «Терскія Областныя Вѣдомости», напримѣръ, указываютъ, какъ много можетъ сдѣлать земство въ области кавказской медицины. Оффиціальная газета признаетъ, что не вездѣ и не во всемъ земская медицина достигла желательнаго совершенства, но, во всякомъ случаѣ, въ земской Россіи есть больницы для народа, есть земскія аптеки, обезпечена болѣе или менѣе акушерская помощь. Въ то время какъ въ земскихъ губерніяхъ считается недостаточнымъ призрѣніе душевно-больныхъ, при наличности 200—300 кроватей, для сельскаго населенія Терской области нѣтъ ни одной, и только въ самомъ Владикавказѣ для этой цѣли имѣется пріютъ на 8 кроватей. Въ то время, какъ въ земскихъ губерніяхъ можно встрѣтить хорошо обставленныя больницы съ 30—50 кроватями, предназначенныя на 15—20 тыс. жителей, въ Терской области, на полмилліона населенія сельскаго, нѣтъ ни одной койки, одинъ врачъ приходится на 106,934 души и одна акушерка на такое же приблизительно количество душъ.

Впрочемъ, для сравнительной оцѣнки того, что дѣлается въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ въ интересахъ народнаго образованія, народной медицины и общественнаго призрѣнія, всего нагляднѣе могутъ служить цифры расходовъ тамъ и здѣсь, приведенныя въ интересныхъ статьяхъ П. Голубева, печатавшихся въ прошломъ году въ «Вятскомъ Краѣ». Необязательные расходы на медицину и народное образованіе вносятся въ смѣту и неземскихъ губерній, гдѣ администрація выполняетъ тѣ хозяйственныя функ-

ціи, которыя въ земскихъ губерніяхъ выполняютъ выборные представители населенія. Но какая разница въ характерѣ этихъ смѣтъ.

За 1895 годъ въ 14 неземскихъ губерніяхъ изъ средне-годового расходнаго бюджета на 1896 — 1898 гг. въ 9,147,642 руб. обязательные расходы поглощаютъ 7,038 тыс. руб., а необязательные (медицина, народное образованіе и ветеринарія) всего 2,110 т. рублей», тогда какъ 34 земскихъ губерній въ 1894 г. обязательные расходы изъ всѣхъ 60,302 тыс. руб. составляли уже только 24,572 тыс. руб., а необязательные выразились въ 35,730 тыс. руб., т. е., въ неземскихъ губерніяхъ необязательные расходы выразились 23%, а въ земскихъ болѣе 59%.

Разсматривая народное образованіе, которое, подобно сельской медицинѣ, явилось всецѣло созданіемъ земства, находимъ, что всѣ 14 неземскихъ губ. на этотъ предметъ ассигновали на 1897 г. 463,611 руб., т. е. 5,7% всей годовой смѣты или 1,9 коп. на человѣка; въ 34 земскихъ же губ., съ населеніемъ ихъ въ 64,801 т. душъ, обоего пола, на 1895 г. было ассигновано 9,326.675 р. или 14,2% всей смѣты — по 14,4 коп. на человѣка. Земство же нѣсколькихъ отдѣльныхъ губерній на народное образованіе ассигновало такую сумму, которая даже превосходитъ общую цифру расходовъ на то же, всѣхъ 14 неземскихъ губерній. На медицину неземскія губерніи обращаютъ больше вниманія. Они тратятъ на нее 14% смѣты собственно на сельскую медицину и 10% ассигнуется еще на содержаніе городскихъ больницъ приказа общественнаго призрѣнія. Въ земскихъ губерніяхъ расходъ на этотъ предметъ занимаетъ первое мѣсто: исключительно на сельскую медицину въ 1895 г. эти губерніи (34) ассигновали всего 17,787 т. руб. или 27%. По отношенію къ населенію расходы на медицину и общественное призрѣніе таковы: въ земскомъ по 30 коп. на человѣка, въ неземскихъ—только по 9 коп.

Въ земскихъ губерніяхъ, не смотря на свою недостаточность, медицинская помощь поставлена все же лучше, чѣмъ въ неземскихъ. Процентъ смертности по даннымъ за 1886, 1889 и 1892 годы одинаково уменьшился во всѣхъ губерніяхъ, но наиболѣе въ губерніяхъ земскихъ. Естественно послѣ всего этого, что сколько нибудь внимательное отношеніе къ даннымъ о земскомъ хозяйствѣ приводитъ представителей совѣщаній къ сознанію преимуществъ его передъ дореформенной системой общественнаго управленія. Что же касается положенія вопроса о введеніи земскихъ учрежденій въ неземскихъ губерніяхъ въ центральныхъ учрежденіяхъ,—извѣстно только, что принципіально вопросъ этотъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрѣшенъ окончательно въ положительномъ смыслѣ. Но детальная разработка его закончена только по отношенію къ Архангельской губерніи, гдѣ проектировано къ введенію только губернское земство съ губернскимъ же собраніемъ и съ подчиненными же ему уѣздными управами. Уѣздныхъ со-

браній пока не будетъ совсѣмъ. По отношенію къ остальнымъ неземскимъ губерніямъ никакихъ подробностей предположенныхъ въ нихъ земскихъ учрежденій еще не предусмотрѣно, и даже вопросъ о представительствѣ въ земствѣ отдѣльныхъ классовъ населенія не разрѣшенъ. Даже многія данныя о численности населенія въ этихъ губерніяхъ, о размѣрахъ землевладѣнія, платежахъ и т. п. еще вполнѣ не собраны и не разработаны. Въ виду этого, детальной разработки вопроса можно ожидать не раньше, какъ къ концу зимы, вслѣдствіе чего въ Государственный Совѣтъ дѣло можетъ поступить не раньше, какъ въ будущую сессію 1898—99 г.

Вопросъ о реформѣ общественнаго управленія въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя до сихъ поръ земское положеніе еще не было распространено, помимо своего непосредственнаго значенія имѣетъ еще ту особенность, что наталкиваетъ на пересмотръ многихъ сторонъ общественной жизни, нуждающихся въ обновленіи или измѣненіи. Говоря о положеніи этого вопроса въ Астраханской губерніи (см. «Русск. Бог.» 1897 г., № 12), мы указывали, какъ онъ естественно связывался съ необходимостью ускорить рѣшеніе вопроса о вольныхъ поселкахъ и ихъ общественной организаціи, а также съ вопросомъ объ исключительномъ положеніи мѣстныхъ казачьихъ войскъ. Съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ пришлось встрѣтиться земской реформѣ и въ Оренбургской губерніи. Вотъ что пишетъ по этому поводу оренбургскій корреспондентъ «Самарской Газеты»:

«Изъ 16 лицъ, принимавшихъ участіе въ «совѣщаніи», нашлось большинство, которому эта мѣра кажется преждевременной и неумѣстной для значительной части губерніи, а именно для казачьяго района, а это почти въ корнѣ подтачиваетъ полезное учрежденіе, такъ какъ казачьи поселенія, кромѣ компактной части Верхнеуральскаго и Троицкаго уѣздовъ, встрѣчаются болѣе или менѣе значительными оазисами и въ другихъ частяхъ губерніи. Выдѣлять ихъ въ особыя общественныя единицы—значитъ одновременно на одной административной единицѣ создавать два земства, дѣятельность коихъ по необходимости будетъ перепутываться и поведетъ къ нежелательнымъ столкновеніямъ. Такая постановка вопроса выдвигаетъ на сцену новый капитальный вопросъ: о правѣ на существованіе самаго оренбургскаго казачьяго войска, или, другими словами, о своевременности выдѣленія Оренбургской губерніи изъ группы окрайныхъ, пограничныхъ губерній. Факты дѣйствительности давно уже убѣждаютъ, что существованіе оренбургскаго казачьяго войска является явною аномаліей для нашей губерніи. Пограничная юго-восточная черта давно уже отодвинулась на цѣлыя сотни и тысячи верстъ къ востоку и югу отъ Оренбурга. Минувшій годъ до нѣкоторой степени убѣждаетъ, что и въ высшихъ сферахъ по этому вопросу наступаетъ переломъ: нѣсколько партій оренбургскихъ ка-

заковъ уже переведены туда, гдѣ они наиболѣе у мѣста—на нашу китайскую границу»... (№ 1).

Въ то самое время, какъ представители Астраханскаго казачества въ совѣщаніи высказывались противъ земства, ссылаясь на примѣры донцовъ, просившихъ нѣкогда «избавить ихъ отъ земства»,—въ это самое время на Дону начинаютъ сознавать необходимость реформы общественнаго хозяйства въ смыслѣ введенія земскихъ учрежденій. Въ мѣстномъ органѣ «Донская Рѣчь», издаваемомъ казакомъ и для казачества, появился рядъ статей, сочувственныхъ земству и обратившихъ на себя вниманіе столичной прессы. «Свѣтъ» пишетъ по этому поводу: «Сколько извѣстно, до настоящаго времени казаки всегда были довольны своимъ исключительнымъ, своеобразнымъ внутреннимъ устройствомъ и менѣе всего были доступны желаніямъ какъ нибудь измѣнить его въ смыслѣ сліянія съ порядками общегосударственными, способными поглотить народную самобытность казачества; но теперь оказывается, что донцы желаютъ тѣхъ-же самыхъ учрежденій и внутренняго устройства, какія существуютъ и въ остальной Россіи повсюду. Больше всего, какъ видно, казаки хлопочутъ о земствѣ, котораго у нихъ не существуетъ въ ихъ станичной организаціи. Земство донскіе казаки *считаютъ нынѣ для себя желаннымъ учрежденіемъ* потому, что оно способно оживить и улучшить экономическій бытъ края, приведенный различными неблагопріятными обстоятельствами къ упадку. Въ землѣ Донского войска былъ цѣлый рядъ неурожаевъ, донскія степи застигнуты были падежами скота и другими бѣдствіями, въ родѣ появленія на растительности вредныхъ насѣкомыхъ и т. д. Казачье хозяйство замѣтно поразстроилось, тѣмъ болѣе, что оно на Дону, какъ и у насъ, велось первобытными способами, которые повсюду уже измѣняются къ лучшему».

При этомъ въ аргументацію, защищающую пользу введенія земства, вводятся соображенія со стороны интересовъ казачьей военной организаціи, тѣ самыя соображенія, которыя въ Астраханской губерніи приводились, какъ основаніе отстаивать неприкосновенность прежней обособленности казачества отъ прочаго населенія.

Самымъ крупнымъ и притомъ осуществившимся фактомъ распространенія центральныхъ установленій на окраины Россіи было, конечно, въ минувшемъ году введеніе въ Сибири *судебныхъ уставовъ* 1864 г. Судебная реформа была введена въ Сибирь не въ полномъ объемѣ, она лишена была суда присяжныхъ, выборнаго начала въ мировомъ институтѣ, несмѣняемости судей; кромѣ того, въ нее введены были нѣкоторыя особенности, отличающія судебныя учрежденія Сибири отъ тѣхъ, которыя созданы были уставами 1864 года. Въ свое время мы отмѣчали значеніе этихъ особенностей и отклоненій судебныхъ учрежденій Сибири отъ ихъ прото-

типа, теперь есть уже возможность оцѣнить справедливость нѣкоторыхъ нашихъ предположеній, подвести итоги дѣятельности новыхъ судовъ за послѣднее полугодіе. Безъ сомнѣнія, всѣ сойдутся въ признаніи весьма важнаго значенія судебной реформы въ Сибири, даже въ настоящемъ ея видѣ. Но естественно было и то чувство неудовлетворенности, которое внушали произведенныя въ реформѣ ограниченія тѣмъ, кто, быть можетъ, особенно горячо и настойчиво призывалъ торжество новыхъ принциповъ правосудія. Эти люди разсуждали такъ: «если Сибирь до сихъ поръ была страною безправія и безсудія, если, какъ совершенно вѣрно характеризовалъ министръ юстиціи старый судъ, медленность, волокита, формализмъ, упущенія, безпорядки, иногда даже злоупотребленія составляли даже преобладающія черты сибирской юстиціи,—то именно и слѣдовало ввести въ Сибири Судебные Уставы въ полномъ объемѣ, чтобъ принципы правды и справедливости выступали въ новыхъ судахъ во всемъ ихъ величіи, во всей ихъ силѣ, чтобъ никакая неясность, никакія недоумѣнія, никакія противорѣчія не искажали великаго облика новаго суда. Надо было оставить судьямъ самую широкую независимость и дать возможность со всей подобающей въ такомъ дѣлѣ серьезностью, добросовѣстностью и послѣдовательностью проводить въ жизнь лучшія начала новаго суда, творить судъ правый, скорый и милостивый. Но разъ судъ присяжныхъ, этотъ великій коррективъ во всѣ времена несовершеннаго закона, не былъ введенъ въ Сибири, разъ несмѣняемость судей была ограничена, разъ функціи слѣдователя и судьи смѣшаны—основы Судебныхъ Уставовъ были умалены значительно».

Открытіе новыхъ судовъ происходило 2 іюля минувшаго года одновременно по всей Сибири. Судебный персоналъ состоялъ изъ 330 новыхъ судей, слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора, изъ нихъ 175 (53%) пріѣхали изъ Россіи, а остальные (47%) уже были на службѣ въ Сибири. Изъ всего служебнаго персонала 90% получили высшее образованіе. Первые шаги новаго суда производили самое ободряющее впечатлѣніе на сибирскаго обывателя, который отъ старыхъ судовъ сохранилъ только боязнь и недовѣріе къ представителямъ закона и правосудія. Но это имѣло и свою обратную сторону. Какъ и можно было ожидать, заброшенная и глухая страна, такъ долго жаждавшая первыхъ лучей истиннаго правосудія, такъ страстно бросилась имъ на встрѣчу, что крайне затруднила первые шаги новой юстиціи. Число гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ чрезвычайно возросло; дѣла, лежавшія цѣлые годы подъ спудомъ, вышли на свѣтъ, и въ результатѣ и общія судебныя учрежденія, и въ особенности мировыя оказались завалеными дѣлами. И вотъ тутъ то и сказалось значеніе тѣхъ особенностей, которыя введены были въ судебныя учрежденія Сибири. Мировой судья въ Сибири—не только судья, но и судебный слѣдователь, и нотаріусъ, онъ же завѣдуетъ и опекунскими дѣлами.

Не успѣетъ онъ въ своей камерѣ приступить къ разбору безчисленныхъ жалобъ и дѣлъ, какъ является къ нему полицейскій съ докладомъ о столь обычномъ въ Сибири событіи: «сего числа на задворкахъ мѣщанина такого то найдено тѣло неизвѣстнаго мужчины, который лежитъ и не дышетъ, а отчего не дышетъ, опредѣлить невозможно». И вотъ судья долженъ, бросивъ дѣла, спѣшить на мѣсто происшествія, поднимать мертвое тѣло, производить судебный осмотръ мѣстонахожденія трупа, приглашать врача для судебно-медицинскаго вскрытія. А дома его ждетъ какой нибудь купецъ съ векселемъ, которому истекаетъ послѣдній срокъ предъявленія къ протесту. Въ такихъ чертахъ описываетъ положеніе мирового судьи въ бойкомъ сибирскомъ мѣстечкѣ корреспондентъ «Томскаго Листка». Не лучше и положеніе судей въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, задачи которыхъ также въ высшей степени усложнены тѣмъ, что на окружные суды возложены также функціи мировыхъ съѣздовъ, а на судебныя палаты—кассаціонныя обязанности. Естественно, что учрежденія эти завалены дѣлами и члены судовъ изнемогаютъ подъ «бременами неудобоносимыми». А тутъ еще для пріѣзжихъ изъ Европейской Россіи судей, которыхъ, какъ мы видѣли выше, болѣе половины, дѣло затрудняется полнымъ незнакомствомъ съ мѣстными условіями, особенностями жизни, обычнымъ правомъ, причемъ они не находятъ помощи именно въ томъ институтѣ, который единственно могъ бы имъ помочь въ этомъ случаѣ—въ судѣ присяжныхъ. Въ результатѣ не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣятельности новыхъ сибирскихъ судовъ, какъ въ средѣ пріѣхавшихъ судебныхъ дѣятелей стало замѣчаться характерное явленіе «обратныхъ переселеній», бѣгства судей отъ непосильнаго труда и обязанностей, настолько многосложныхъ, что добросовѣстное выполненіе ихъ превышаетъ силы и энергію отдѣльной личности.

Конечно, судебная реформа въ Сибири не можетъ считаться законченной. Опытъ ея первыхъ шаговъ позволяетъ надѣяться, что основныя недостатки ея, достаточно выяснившіеся на дѣлѣ, будутъ устранены. Это тѣмъ болѣе важно, что по образцу судебной реформы въ Сибири вырабатывается проектъ введенія судебныхъ учрежденій въ Туркестанѣ и Степномъ краѣ. По сообщенію газетъ, проектъ введенія судебной реформы въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ и Степномъ краѣ министерствомъ юстиціи выработанъ и посланъ на заключеніе министерствъ финансовъ и военнаго. Къ осуществленію этого проекта въ степномъ генералъ-губернаторствѣ министерство финансовъ не встрѣтило съ своей стороны препятствій; что-же касается Туркестана, то финансовымъ вѣдомствомъ сдѣлано нѣсколько возраженій по принципіальнымъ вопросамъ. Военное же вѣдомство находитъ, между прочимъ, желательнымъ отложить введеніе въ Туркестанскомъ краѣ судебныхъ установленій до 1899 года. Вслѣдъ за утвержденіемъ въ законо-

дательномъ порядкѣ проекта судебныхъ установленій въ Туркестанѣ и степномъ генералъ-губернаторствѣ министерство юстиціи приступитъ къ разработкѣ проекта судебныхъ установленій въ Закаспійской области. Образцомъ для послѣдней послужатъ судебныя учрежденія Туркестана и Степного края съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, вызываемыми кочующимъ образомъ жизни мѣстнаго населенія. Съ преобразованіемъ судебной части въ Закаспійской области, что можно ожидать не позже 1900 года, будутъ закончены судебныя преобразованія во всей Имперіи.

Особо выдающеюся мѣрою къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія является въ теченіе минувшаго года Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 3 марта объ изданіи временныхъ правилъ относительно правъ и обязанностей главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Изданіе этихъ правилъ почти совпало съ пріѣздомъ въ Тифлисъ вновь назначеннаго главноначальствующаго на Кавказѣ кн. Г. С. Голицына. Правила эти снабжали его чрезвычайными полномочіями для болѣе успѣшной борьбы съ усилившимся въ Закавказьѣ разбойничествомъ. Цѣль правилъ, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ,—снабженіе «представителя высшей мѣстной власти дѣйствительными способами, съ пользой для края, проявлять присвоенное ему по закону право ревизіи, возстановлять, гдѣ требуется, силу закона, направлять мѣстные административные органы къ исполненію служебнаго долга, ограждать мирное преуспѣяніе управляемыхъ». Въ этихъ видахъ главноначальствующему предоставленъ рядъ чрезвычайныхъ полномочій: въ обстоятельствахъ особенно важныхъ онъ можетъ отмѣнять постановленія губернскихъ и областныхъ административныхъ мѣстъ и общественныхъ учрежденій и затѣмъ распоряженія свои по предметамъ, которыхъ касались отмѣненныя постановленія, приводить въ исполненіе подъ личной отвѣтственностью; при дознанной неблагонадежности, при явныхъ по какому-либо вѣдомству (кромѣ вѣдомствъ государственнаго контроля и государственнаго банка) злоупотребленіяхъ и вообще въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, главноначальствующему предоставляется немедленно устранять отъ должности, впредь до увольненія въ установленномъ порядкѣ, должностныхъ лицъ, за исключеніемъ управляющихъ отдѣльными частями, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и нѣкоторыхъ другихъ; по привлеченію къ судебной отвѣтственности этихъ-же должностныхъ лицъ ему предоставлены полномочія, которыми надѣлены сенаторы, назначаемые къ производству временныхъ обозрѣній губерній. Сверхъ этихъ правъ главноначальствующему предоставляется право воспрещать жительство въ какой-либо мѣстности Кавказскаго края и вообще въ предѣлахъ его лицамъ, пребываніе которыхъ тамъ будетъ имъ признано вреднымъ.

Разбои на Кавказѣ въ теченіе 1896 и 1897 года, дѣйстви-

тельно, усилились настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ постоянно поддерживали въ населеніи тревогу и безпокойство. Дерзость разбойниковъ возросла до крайнихъ предѣловъ: они вступали въ открытыя сраженія съ преслѣдующею ихъ полиціею и жертвами ихъ пали пристава кн. Абашидзе и Монастырскій. До конца года не прекращались извѣстія о паникѣ, вызванной разбоями. Въ «Недѣлѣ» писали со словъ мѣстныхъ газетъ: «въ Грозной тревога доходитъ до того, что клубъ опустѣлъ, жители боятся засиживаться у знакомыхъ по вечерамъ, съ сумерекъ на улицахъ водворяется мертвая тишина, и всѣ спѣшатъ домой. Въ домахъ укрѣпляются запоры, устраиваются двойныя двери, а иные обыватели совсѣмъ отказываются отъ сна по ночамъ. Конца такому тревожному положенію еще не видится» (№ 52).

Вопросъ о причинахъ разбоевъ и грабежей занималъ послѣднее время и мѣстную печать, и мѣстныя ученыя общества. Такъ въ Тифлисѣ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ читался въ засѣданіи кавказскаго юридическаго общества рефератъ г. Френкеля «Борьба русской власти съ разбоемъ на Кавказѣ». Обширный и обстоятельный рефератъ г. Френкеля обратилъ на себя вниманіе какъ мѣстной администраціи, такъ и печати. Въ послѣдней было указано, между прочимъ, на несоотвѣтствіе отдѣльныхъ положеній въ рефератѣ г. Френкеля, указывавшаго, съ одной стороны, на необходимость опирать мѣры борьбы съ разбойничествомъ на изученіи причинъ этого зла, на то, что до сихъ поръ всѣ усилія въ борьбѣ съ разбоемъ были направлены противъ внѣшней стороны этого явленія, съ другой, высказывавшаго слѣдующія соображенія: тогда какъ при персидскихъ шахахъ, татарскихъ ханахъ и грузинскихъ царяхъ кавказцы привыкли къ жестокому режиму, «русское правительство дѣйствуетъ гуманно. Такимъ образомъ, русская власть оказалась слишкой слабою, по понятіямъ кавказцевъ, а медленная канцелярская переписка, мнительность, гуманность, формализмъ противорѣчили тогдашнимъ кореннымъ привычкамъ кавказскихъ народовъ, ихъ взглядамъ на правосудіе, силу и обязанность власти. Слѣдствіемъ этого было то, что русская кавказская власть не могла ввести въ краѣ должный порядокъ, что деморализація нравовъ все болѣе и болѣе разросталась въ краѣ и подъ наружнымъ покровомъ спокойствія готовилось то, что впослѣдствіи скоро высказалось: воровство, разбой, грабежи, насилія и всякія другія имущественныя посягательства сдѣлались обычнымъ явленіемъ на Кавказѣ» («Кавк.»).

Разсматривая это мнѣніе г. Френкеля, фельетонистъ газеты «Каспій» совершенно справедливо выражаетъ недоумѣніе. Еслибы «гуманность русскаго правительства» была причиною развитія разбойничества, то во время деспотизма шаховъ, хановъ и грузинскихъ царей, разбойничество не должно бы было существовать, а самъ же г. Френкель разсказываетъ, что оно было и тогда, хотя

разбойниковъ били по пятамъ, сажали на колъ, рѣзали имъ уши и рубили головы.

Мало того, самое представленіе о чрезмѣрно мягкомъ отношеніи русской власти къ кавказцамъ находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ тѣми самыми фактами, которые приводятся въ работѣ г. Френкеля. Такъ, перечисляя мѣры противъ разбойниковъ, принимавшіяся послѣдовательно русскимъ правительствомъ, онъ говоритъ, между прочимъ, что военные суды до уничтоженія тѣлеснаго наказанія приговаривали разбойниковъ къ наказанію «сквозь строй»; приговоренные «выносили отъ шести тысячъ до двѣнадцати тысячъ шпицрутеновъ и, если не умирали, то ссылались въ Сибирь въ каторжныя работы съ наложеніемъ клейма». Затѣмъ авторъ реферата говоритъ, что преданіе разбойниковъ военному суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени, т. е. съ приговорами къ смертной казни, «вошло въ обычай съ 1882 г.».

Вопросъ о причинахъ существованія разбоевъ на Кавказѣ— вопросъ весьма сложный и мы отнюдь не имѣемъ въ виду подробно на немъ останавливаться. Онъ стоитъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ племенныхъ особенностей татарскаго и грузинскаго населенія, глубоко укоренившихся обычаевъ кровомщенія и убійствъ за семейный позоръ, причинъ чисто соціально-экономическаго характера, недостатковъ нашей пограничной съ Персіей и Турціей охраны въ Эриванской и Бакинской губерніяхъ, въ дурномъ составѣ земской полиціи и проч. Самъ г. Френкель приходитъ къ заключенію, что «причины безуспѣшной борьбы съ разбоями коренятся въ игнорированіи соціальныхъ и этнографическихъ условій въ жизни туземнаго населенія, въ слабомъ развитіи народнаго образованія и ничтожномъ количествѣ низшихъ школъ, въ отсутствіи религіозно нравственнаго вліянія на населеніе, въ подрывѣ авторитета гражданскаго суда и закона».

Нѣкоторой иллюстраціей къ высказанному мнѣнію о значеніи въ разсматриваемомъ вопросѣ образованія, могутъ служить слѣдующія цифры, приведенныя въ газ. «Каспій» г. С. Лавровымъ. Оказывается, что на 100,000 жителей въ ставропольской губерніи приходится 22 школы и 2 убійства, въ кубанской области 18 школъ и 22 убійства, въ тифлисской губерніи 10,2 школъ и 23 убійства, въ елисаветпольской губерніи 4,9 школъ и 105, т. е. убійствъ менѣе тамъ, гдѣ болѣе школъ, и наоборотъ. Само собою разумѣется, что, какъ ни поразительно это совпаденіе двухъ рядовъ цифръ, оно не указываетъ еще какого либо прямого и непреложнаго соотношенія между числомъ школъ и убійствъ. И то и другое стоитъ въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ факторовъ. Но хотя мы и не приписываемъ школамъ самимъ по себѣ такого магическаго вліянія на строй жизни, какъ это теперь нерѣдко себѣ позволяютъ, но не видимъ здѣсь и какой либо случайности. Помимо несомнѣннаго вліянія болѣе высокаго уровня образованія въ насе-

ленія на его нравы, здѣсь сказывается значеніе и болѣе внимательнаго отношенія къ общественнымъ интересамъ населенія и правамъ личности, которое всегда выше тамъ, гдѣ выше забота о народномъ образованіи.

Расширеніе полномочій главноначальствующаго на Кавказѣ въ минувшемъ году было не единственнымъ законодательнымъ актомъ, опредѣлявшимъ права и преимущества представителей административной власти. Согласно Высочайшему повелѣнію отъ 26 мая, подвергнутъ былъ измѣненію порядокъ привлеченія къ отвѣтственности губернаторовъ за преступленія по должности. Сущность измѣненія заключается въ томъ, что отнынѣ, опредѣленія правительствующаго сената о назначеніи надъ губернаторами слѣдствія, о преданіи ихъ суду или совершенномъ удаленіи отъ должности, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по испрошеніи Высочайшаго на то разрѣшенія, чрезъ комитетъ министровъ. Вмѣстѣ съ этимъ внесены нѣкоторыя, впрочемъ, несущественныя измѣненія въ правила о производствѣ предварительнаго слѣдствія по обвиненію губернаторовъ въ должностныхъ преступленіяхъ.

Упорядоченіе отношеній мѣстной администраціи къ органамъ самоуправленія—вопросъ, который въ послѣднее время привлекъ къ себѣ вниманіе правительства цѣлымъ рядомъ выдающихся фактовъ. Пріостановка дѣйствія постановленій земскихъ собраній, неутвержденіе избранныхъ собраніями исполнительныхъ органовъ самоуправленія и т. д. сдѣлалось слишкомъ частымъ явленіемъ, между тѣмъ сенатская практика показываетъ, что это право veto примѣняется администраціей безъ достаточной разборчивости. Изъ протестовъ губернаторовъ, переданныхъ по жалобамъ земскихъ собраній въ сенатъ, послѣднимъ отмѣняется 87%. Само собою понятно, насколько страдаетъ отъ этого правильное и безостановочное теченіе общественной дѣятельности. Яркимъ примѣромъ можетъ служить положеніе, въ которомъ до конца года находились новоторжское и тверское уѣздныя земства, составъ управъ которыхъ, избранный въ осеннюю сессію собраній, не былъ утвержденъ администраціею. На 25 ноября было назначено экстренное земское собраніе для выбора новыхъ лицъ, но затѣмъ, вслѣдствіе жалобы неутвержденныхъ лицъ, оно было министромъ отмѣнено (№ 325 «Новостей») Уже въ концѣ декабря и тверская, и новоторжская управы были утверждены вновь назначеннымъ въ Тверь губернаторомъ кн. Голицынымъ. Притомъ разсмотрѣніе жалобы неутвержденныхъ лицъ обнаружило, что лица эти были не утверждены произвольно, безъ всякихъ основаній, почему первое, коснувшееся ихъ постановленіе и было кассировано со всѣми послѣдствіями. Въ еще болѣе безвыходномъ положеніи долгое время находилось мензелинское уѣздное земство. Въ послѣдніе два года оно послало въ правительствующій

сенатъ 5 жалобъ на постановленіе губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія. Жалобы эти, какъ видно изъ данныхъ, представленныхъ управой собранію, въ правительствующій сенатъ бывшимъ губернаторомъ г. Логвиновымъ посланы не были, причемъ одна изъ нихъ даже не найдена въ дѣлахъ канцеляріи губернатора. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ собраніемъ было усмотрѣно: 1) нарушеніе Высочайше утвержденныхъ узаконеній 89 ст. полож. о земск. учрежденіяхъ; 2) лишеніе земства возможности доводить свои жалобы узаконеннымъ порядкомъ.

Безъ сомнѣнія, приведенные примѣры представляютъ собою слишкомъ рѣзкое уклоненіе отъ нормальнаго порядка отношеній администраціи и органовъ самоуправленія, но они характеризуютъ собою возможныя послѣдствія той чрезмѣрно широкой и недостаточно опредѣленной власти, которая предоставлена въ этомъ случаѣ усмотрѣнію губернаторовъ. Участіе въ разрѣшеніи указанныхъ вопросовъ губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій, чрезъ которыя направляются постановленія губернаторовъ, оказывается слабымъ коррективомъ, благодаря составу засѣдающихъ тамъ лицъ, стоящихъ въ непосредственно подчиненномъ отношеніи къ начальнику губерніи. Врядъ ли существенное улучшеніе принесетъ дѣлу и проектируемое, по сообщенію газетъ, измѣненіе губернскихъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствій путемъ введенія въ нихъ новой должности непремѣннаго члена, на обязанности котораго лежало бы изученіе поступающихъ въ присутствіе вопросовъ и докладовъ.

Годъ тому назадъ въ жизни нашихъ городскихъ общественныхъ управленій начался критическій моментъ выборовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—наиболѣе крупныхъ—выборы протянулись въ теченіе почти всего минувшаго года, въ Петербургѣ закончились лишь недавно. Причиною подобной медленности ихъ производства, кромѣ обычной—сложности установленнаго Положеніемъ порядка избранія гласныхъ и состава управъ, послужила, безъ сомнѣнія особая горячность послѣдней избирательной борьбы, подавшая поводъ къ нѣсколькимъ кассаціямъ. Явленіемъ повсемѣстно наблюдавшимся было стремленіе обновить составъ думъ и управъ. Преобладающее значеніе въ нашемъ городскомъ самоуправленіи представителей денежнаго капитала сказалось такою рутинной и неумѣлой постановкой городскаго дѣла и безпорядочнымъ веденіемъ хозяйства, что общественное мнѣніе требовало замѣны старыхъ дѣльцовъ новыми, преимущественно изъ рядовъ интеллигенціи. И замѣна эта состоялась во многихъ городахъ: въ Одессѣ, Тамбовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ростовѣ-на-Дону, Перми, Казани, Симбирскѣ и проч. Однако, врядъ ли можно сказать, что положеніе дѣла отъ этого существенно измѣнилось. Приблизительно годъ тому назадъ мы имѣли это въ виду, высказывая слѣдующее: «отсутствіе единенія

въ рядахъ интеллигентной группы избирателей,—будучи явленіемъ обычнымъ, составляетъ существенную причину слабости этой группы. Съ другой стороны, оно вполнѣ понятно и естественно: можетъ ли нѣкоторая общность культурныхъ стремленій,—если даже предположить, что таковыя, дѣйствительно, обрѣтались во всѣхъ представителяхъ интеллигентной партіи,—имѣть настолько сплочивающую и организующую силу, какъ имущественные интересы группы подрядчиковъ, трактирщиковъ и торговцевъ. Имущественные интересы этой дѣятельной и глубоко заинтересованной въ городскомъ «statu quo» группы получили бы должное ограниченіе только въ томъ случаѣ, если бы имъ можно было противопоставить силу не менѣе заинтересованной, болѣе нуждающейся и многочисленной части остального населенія. Тогда, имѣя въ виду это большинство, дѣятельная интеллигенція получила бы безъ сомнѣнія болѣе прочную опору для развитія своихъ общественныхъ идеаловъ» (Р. Б. № 4). Упраздненіе отжившей формы мѣщанскаго самоуправленія и измѣненіе городоваго положенія такъ, чтобы дать вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ и этой многочисленнѣйшей группѣ населенія, распространеніе избирательнаго права на квартиронанимателей—вотъ мѣры, которыя внесли бы дѣйствительное обновленіе въ область нашего городского самоуправленія. Въ этомъ отношеніи значительный интересъ представляетъ возникшій въ концѣ года вопросъ о передачѣ государственнаго квартирнаго налога въ распоряженіе городовъ, что естественно должно повлечь за собою привлеченіе квартиронанимателей къ участію въ веденіи городского хозяйства. Одно изъ крупныхъ золъ нашихъ городовъ—крайне антисанитарныя условія жизни въ нихъ, порождающія повышенную смертность и непрекращающіяся эпидеміи, въ особенности среди бѣднѣйшихъ классовъ, не будетъ устранено, пока въ городскомъ хозяйствѣ не получитъ достаточный вѣсъ представительство квартиронанимателей.

Какъ ни мало имѣли еще возможность обновленныя городскія думы и управы обнаружить свою энергію и умѣніе поставить дѣло лучше, чѣмъ оно шло до сихъ поръ, за протекшія 8—9 мѣсяцевъ, многія изъ нихъ уже показали свою несостоятельность. Вотъ вамъ Одесса, обозрѣватель общественной жизни которой въ слѣдующихъ словахъ подводитъ «муниципальные итоги» минувшаго года:

«Оглядываясь назадъ и ставя себѣ вопросъ—что успѣло наше городское самоуправленіе за протекшій годъ?—по совѣсти приходится дать весьма невыгодный отвѣтъ. Очевидно, намъ, по словамъ поэта, суждены «благіе порывы, но свершить ничего не дано». Сколько было надеждъ и упованій, когда стала функціонировать новая дума, въ составъ которой попали многія интеллигентныя силы? Но оказалось, что часть этой муниципальной интеллигенціи заключила молчаливый союзъ съ дискредитированной управой, а другая часть только ограничила свое представительство хожде-

ніемъ около баллотировочнаго ящика, какъ-будто не было никакой надобности открыто отстаивать тотъ или иной вопросъ, тѣ или иные интересы, касавшіеся населенія».

Весьма существенный для интересовъ большинства жителей Одессы проектъ учрежденія городского ломбарда не получилъ разрѣшенія; нѣсколько тысячъ дѣтей въ 1897 году не были приняты въ народныя школы, увеличивая внѣшкольную армію въ населеніи столицы нашего Юга. Больничные безпорядки продолжались и газетныя разоблаченія по ихъ поводу открывали до конца года все новые и новые изъяны. Финансовое хозяйство города безнадежно запущено. А съ середины года началась уже серія отказовъ отъ городской службы. Отказался и вновь избранный головою г. Крыжановскій, на котораго возлагали такъ много надеждъ и который самъ давалъ къ тому поводъ широковѣщательными заявленіями своихъ первыхъ выходовъ. И вотъ Одесса вступаетъ въ новый годъ безъ городского головы и съ цѣлой вереницей задачъ, ждущихъ нестлагательнаго разрѣшенія.

Положеніе Казани, гдѣ составъ думы обновился на цѣлую треть, немногимъ лучше. Положимъ городской голова ея, выбранный на второе четырехлѣтіе, не ушелъ, но и новая дума ничѣмъ крупнымъ въ области общественнаго хозяйства себя не заявила. По выраженію автора новогодняго обзора въ «Волжско-Камскомъ Краѣ» «для улучшенія постановки школьнаго начальнаго образованія не сдѣлано въ этомъ году ровно ничего такого, что заслуживало бы быть отмѣченнымъ», за исключеніемъ двухъ-трехъ мелочныхъ мѣръ; медицинская часть оставалась въ томъ же положеніи, въ какомъ она была и въ предшествовавшіе годы. Но, по крайней мѣрѣ, дума обратила серьезное вниманіе на санитарное состояніе города. Нижегородская городская дума разбиралась въ грѣхахъ прошлаго управленія, своей расточительностью въ веселый годъ выставки окончательно подорвавшаго городскіе финансы, расшатанные въ свою очередь предшественниками.

А какъ идетъ дѣло городского управленія въ маленькихъ и глухихъ городишкахъ можетъ показать слѣдующій отзывъ корреспондента «Приазовскаго Края» изъ Маріуполя: «Городское управленіе ровнымъ счетомъ ничѣмъ себя за годъ не проявило: происходили обычныя думскія засѣданія, на нихъ шумѣли, спорили, дѣлали постановленія, многія изъ которыхъ управа потомъ клала подъ сукно. Дѣятельность городского управленія была все такая сѣрая, безцвѣтная. Какую ни возьмите сторону этой дѣятельности,—хотя-бы, напримѣръ, народное образованіе,—дальше ассигновокъ на существующія школы ничего не сдѣлано. О расширеніи народнаго образованія, объ организаціи народныхъ чтеній, библіотекъ-читаленъ не было и рѣчи. Да такія рѣчи кажутся нашей думѣ и, въ особенности, управѣ дикими, противоестественными».

Далѣе тотъ же корреспондентъ пишетъ:

«Какъ можно характеризовать отношеніе города къ населенію? Такъ-же, какъ и всѣ предыдущіе годы: угнетеніе бѣдной части населенія и всяческое обереганіе интересовъ состоятельной части. Проявляется это рѣшительно во всемъ: ломаютъ камень на городской землѣ бѣдняки,—ихъ сравнительно высоко облагаютъ и неукоснительно взыскиваютъ налогъ; ломаютъ камень богачи,—ихъ облагаютъ ниже (камень у нихъ лучше), да и этотъ налогъ они ухитряются не платить и провозятъ камень даромъ. Но особенно рѣзко бросается въ глаза различное отношеніе городского управленія къ различнымъ классамъ населенія въ земельномъ городскомъ хозяйствѣ. Тутъ и управа, и дума являются во всей своей наготѣ, даже безъ фиговаго листка: для ареидаторовъ состоятельныхъ (изъ которыхъ есть гласные)—одни условія, для бѣдняковъ—другія и, притомъ, страшно тяжелыя».

Да и что во всемъ этомъ удивительнаго? Если въ крупныхъ центрахъ, гдѣ, при существованіи гласности, общественное мнѣніе можетъ выразиться болѣе опредѣленно, гдѣ шире наличность избираемыхъ, городскіе выборы показываютъ, что при настоящихъ условіяхъ, они не могутъ давать тѣхъ общественныхъ дѣятелей, въ которыхъ нуждаются дѣйствительные интересы городскаго большинства, что же говорить о такомъ захолустьи, какъ какой-нибудь Маріуполь?

Не въ одной столицѣ вспомнили о «пѣвцѣ гнѣва и печали» въ двадцатую годовщину его смерти. Рядъ посвященныхъ его памяти вечеровъ въ разныхъ концахъ Россіи, всего нагляднѣе показываетъ, какъ несостоятельны толки о преходящемъ значеніи его поэзіи, объ упадкѣ его вліянія и авторитета въ связи съ новыми теченіями въ общественной жизни и литературѣ.

Газеты принесли намъ извѣстія о чествованіи его памяти въ такихъ противоположныхъ пунктахъ, какъ Одесса и Екатеринбургъ. Въ Одессѣ вечеромъ, посвященнымъ Н. А. Некрасову, открыло свои дѣйствія вновь народившееся литературно-артистическое общество. Въ Черниговѣ мѣстный музыкально-драматическій кружокъ устроилъ въ память поэта 29 декабря литературный вечеръ, имѣвшій полный успѣхъ. Въ Ригѣ въ литературномъ кружкѣ было оживленное и многолюдное собраніе, гдѣ, помимо чтенія отрывковъ изъ произведеній Некрасова, были прочитаны два реферата: Ѳ. А. Эрна «О жизни Некрасова», и В. Е. Чешихина «О поэзіи Некрасова». Послѣдній авторъ по сообщенію газеты, откуда мы заимствуемъ это извѣстіе («Приб. Лист.» № 5) отмѣтилъ въ творчествѣ Некрасова три излюбленныхъ темы: «русскій народъ, страдающій физически; русская образованная женщина, страдающая чувствомъ; русскій интеллигентъ 50-хъ годовъ, съ парализованной волей»; референтъ привелъ цѣлый рядъ систематически подобран-

ныхъ примѣровъ изъ стихотвореній Некрасова на эти три основныя темы. Въ Перми, по выраженію корреспондента, «почтить память печальника народныхъ интересовъ собралась 27 декабря почти вся пермская интеллигенція». Но особенно пріятное впечатлѣніе производитъ сообщеніе изъ Сысертскаго завода («Уралъ» № 290). Тамъ 27 декабря также состоялся литературно-вокальный вечеръ, съ участіемъ рабочихъ завода. Билеты на вечеръ были разобраны еще днемъ и для многихъ желавшихъ быть на вечерѣ не достало мѣстъ. Сначала пѣлъ любительскій хоръ. Вторымъ № былъ «Огородникъ» Некрасова, излюбленная пѣсня рабочихъ. Послѣ пѣнія, на экранѣ появился портретъ Н. А. и была прочитана краткая біографія его. Послѣ біографіи читались стихотворенія: «Смерть крестьянина», «Извозчикъ» и др. Читающимъ долго аплодировали.

Горькая мысль, которую Некрасовъ выразилъ однажды въ стихахъ:

«Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой своей не стяжалъ,
И настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ»...

передъ концомъ его жизни подъ вліяніемъ того чуткаго вниманія, съ которымъ Россія слѣдила за развитіемъ его тяжелаго недуга, смѣнилась отрадной надеждой.

«Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой»...

Надежда эта не обманула. Не одна изъ его пѣсенъ проникла въ народъ тѣми неуловимыми путями, которыми истинная поэзія, живущая чувствами и интересами народа, проникаетъ въ его сердце. «Огородникъ», нѣкоторыя мѣста изъ его «Коробейниковъ». и др., въ своеобразной иногда передачѣ, вы легко услышите въ пѣніи простаго народа тѣхъ самыхъ приволжскихъ губерній, Костромской, Ярославской и другихъ, гдѣ во время своихъ блужданій съ ружьемъ по лѣсамъ и болотамъ покойный поэтъ сложилъ многія изъ своихъ пѣсенъ. Оказала услугу ихъ широкому распространенію и учащаяся молодежь, каждую весну оглашающая одушевленнымъ пѣніемъ Некрасовскихъ мотивовъ берега Волги и Камы, возвращаясь по роднымъ захолустьямъ изъ шумной столицы.

Чествованіе памяти Н. А. Некрасова не обошлось въ провинціи и безъ нѣкоторыхъ характерныхъ эпизодовъ. Такъ, въ Черниговѣ, по сообщенію «Волыни», «на вечерѣ не могла присутствовать учащаяся молодежь, такъ какъ директоръ мѣстной гимназіи не разрѣшилъ учащимся посѣщеніе вечера, мотивируя свое запрещеніе тѣмъ, что произведенія Некрасова не допущены въ библіотеки средне-учебныхъ заведеній». Распоряженіе тѣмъ болѣе странное, что еще въ дѣтствѣ каждаго школьника учатъ любить Н. Некрасова, какъ автора стихотвореній, безъ которыхъ

не обходится ни одна хрестоматія: «Ну пошелъ же, ради Бога», «Власъ», «Дядюшка Яковъ» и многія другія. Иного рода случай произошелъ въ Екатеринбургѣ. Предполагавшееся тамъ 27 декабря въ Обществѣ любителей изящныхъ искусствъ чествованіе памяти Н. А. Некрасова не состоялось и было отложено на 2-е января въ виду того, что дворянское собраніе, гдѣ пріютилось Общество, отказало ему дать помѣщеніе въ субботу 27 дек., такъ какъ это клубный день. Газета «Уралъ», которая сообщала объ этомъ фактѣ, прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе. «Намъ кажется страннымъ такое отношеніе дворянскаго собранія къ столь симпатичному начинанію общества; во-первыхъ, какъ извѣстно, дворянское собраніе влачитъ самое убогое существованіе и въ клубные дни въ немъ нѣсколько могиканъ играютъ въ карты, не болѣе какъ на двухъ или трехъ столахъ, зала же дворянскаго собранія всегда остается пустынной». Ужъ не думаетъ ли винтящая въ екатеринбургскомъ клубѣ горная аристократія, что поэтъ дѣйствительно былъ правъ, когда, въ порывѣ искренняго самоуничиженія, писалъ о себѣ, что онъ своему дворянскому роду «блеска лирой своей не стяжалъ»? Не справедливѣе ли будетъ сказать, что упомянутымъ отказомъ само екатеринбургское дворянское собраніе не стяжаетъ блеска своему имени.

М. Плотниковъ.

«Родственные порядки» въ земствѣ.

(Письмо изъ N-скаго уѣзда Курской губ.).

Земство нашего уѣзда «тихое», дѣла въ немъ велись какъ-то по-домашнему, не привлекая вниманія ни мѣстнаго общества, ни печати. Только послѣднее собраніе расшевелило, наконецъ, дремлющее любопытство и залъ собраній наполнился многочисленной публикой. Это значитъ, что въ нѣдрахъ «домашнихъ распорядковъ» назрѣло въ послѣдніе годы нѣчто, переливающееся черезъ край и возбуждающее такъ сказать нѣкоторую тревогу у добрыхъ сосѣдей.

Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1890 для нашего уѣзда установлено число гласныхъ 21 человѣкъ. Отъ перваго избирательнаго собранія—12, отъ второго—3 и отъ крестьянъ 6. По 1-й и 2-й категоріямъ въ число гласныхъ вошли во первыхъ 4 брата Г. Одинъ изъ нихъ заступающій мѣсто предводителя дворянства и въ нынѣшнемъ году предсѣдательствовавшій въ собраніи. Это—Г. М. Г. Второй братъ Н. Н. Г.—предсѣдатель управы; третій К. Н. Г.—

земскій начальникъ и наконецъ четвертый — М. Н. Г. — просто дворянинъ, гласный. За этой крупной родственной группой слѣдуетъ другая поменьше—два брата С., изъ коихъ одинъ (И. А. С.) письмоводитель земской управы, а другой (В. А. С.)—письмоводитель земскаго начальника—гласнаго К. Н. Г. Такимъ образомъ двѣ родственныя группы Г. и С. объединены взаимно на почвѣ служебной зависимости. Прибавьте сюда еще гласнаго отъ крестьянъ П. В. Ж., который въ тоже время служитъ помощникомъ бухгалтера въ земской управѣ и, наконецъ, двухъ гласныхъ членовъ управы,—и вы получите нѣчто въ родѣ сложнаго клана изъ 9 человѣкъ, составляющихъ сплоченное и солидарное ядро. Теперь представьте себѣ, что изъ 21 человѣка хоть трое не явились на собраніе, какъ это имѣло мѣсто въ нынѣшнемъ году,—и вы увидите, что сложный родственно-служебный кланъ составляетъ ровно половину собранія. Прибавьте сюда преимущества голоса предсѣдателя, и вамъ станетъ очевидно, что «земское самоуправленіе» уѣзда представлено солидно и прочно мнѣніями и желаніями первоначальной родственной группы братьевъ Г.

При такихъ то условіяхъ открылась и осенняя сессія истекшаго года. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы остановимся на важнѣйшихъ эпизодахъ этого характернаго и кажется довольно типичнаго земскаго собранія, чтобы показать, какъ отражается на самыхъ простыхъ дѣлахъ эта своеобразная структура нашего земскаго самоуправленія...

На первомъ планѣ, разумѣется, придется поставить вопросъ о продовольственной помощи населенію. Неурожай нынѣшняго года не миновалъ и нашей губерніи, а на уѣздѣ нашемъ отразился очень сильно. По свѣдѣніямъ, собраннымъ управою и по сдѣланному ею разсчету, на потребности мѣстнаго населенія недостанетъ 119 т. озимого и 65 т. четвертей ярового; въ кормѣ для скота недостатокъ тоже очень существенный. Такъ представлено дѣло въ письменномъ докладѣ управы. Интересно, однако, что затѣмъ — предсѣдатель той-же управы, одинъ изъ 4-хъ братьевъ Г. выступилъ съ возраженіями противъ доклада: по его мнѣнію, недородъ вовсе не такъ великъ, собраннаго урожая населенію хватитъ до апрѣля, недостающая часть можетъ быть выдана изъ запасныхъ магазиновъ, остальное можно пополнить покупкою на продовольственные капиталы. Это заявленіе горячо поддержалъ з. нач. К. И. Г. Главныя надежды оба брата возлагали на обиліе работъ по заводамъ и на выносливость крестьянскаго желудка: «не безпокойтесь, перенесутъ»—увѣряли они.

Этотъ неожиданный поворотъ въ мнѣніяхъ, напоминающій такъ ярко извѣстную лукояновскую исторію,—повергъ собраніе въ крайнее недоумѣніе и смущеніе. «Чему-же вѣрить,—спрашивалъ одинъ гласный отъ крестьянъ:—письменному ли докладу управы, основанному на свѣдѣніяхъ (правда, несовершенныхъ) отъ волостныхъ правленій, или совершенно голословнымъ заявленіямъ противо-

рѣчащаго себѣ-же предсѣдателя? Этотъ гласный лично былъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыя указывалъ К. Н. Г., какъ на достаточно обезпеченныя продовольствіемъ, и вынесъ впечатлѣніе совершенно противуположное: уже въ прошломъ году было плохо, а нынѣ еще гораздо хуже. Крестьяне говорили, что собраннаго урожая хватитъ до Рождества только хозяйствамъ средняго достатка, а масса бѣдняковъ или покупаетъ уже теперь (начало октября), или будутъ покупать въ близкомъ будущемъ. Запасные хлѣбные общественные магазины съ 1891—92 гг. въ большинствѣ пусты; особенно странны разсчеты на общественные капиталы: они принадлежатъ обществамъ одной волости и очевидно не могутъ быть употреблены на нужды всего уѣзда! Заработки-же на заводахъ не такъ ужъ обширны да и тѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ въ руки крестьянъ и въ особенности—бѣдняковъ. По пути на собраніе, этого гласнаго нагналъ сельскій староста, спѣшившій на сахарный заводъ, чтобы получить деньги, заработанные крестьянами его общества, для зачисленія въ подати, «иначе, говорилъ староста,—я попаду подъ арестъ на двѣ недѣли, какъ попали 9 другихъ старостъ той же волости. Только подъ этимъ условіемъ, закончилъ онъ, я и отпущенъ исправникомъ». Изъ всѣхъ доводовъ, приведенныхъ предсѣдателемъ управы, гласный призналъ лишь одинъ—это мнѣніе г-на предсѣдателя о приспособляемости и выносливости крестьянскаго желудка. «Да, говорилъ гласный, онъ все перенесетъ, также, какъ переносило голодъ населеніе пресловутаго Лукояновскаго уѣзда въ памятные 1891—92 годы». «Населеніе», конечно, въ концѣ концовъ остается даже послѣ страшныхъ голодовокъ. Но сколько «людей» умираютъ при этомъ отъ голода и связанныхъ съ нимъ болѣзней!

Въ заключеніе гласный внесъ слѣдующія предложенія: 1) ходатайствовать объ ассигнованіи собственно на продовольственныя нужды уѣзда 20—30 тысячъ руб. и 2) ходатайствовать по случаю неурожая о смягченіи мѣръ взысканія денежныхъ повинностей съ населенія. Эти болѣе чѣмъ скромныя предложенія вызвали цѣлый взрывъ чисто лукояновскихъ аргументовъ. Первымъ выступилъ Ф. И. К. (бывшій врачъ, а теперь акцизный чиновникъ). Читатель легко представитъ его рѣчь, скроенную по всѣмъ извѣстному мужиконенавистическому шаблону: уже неурожай 189¹/₂ года «скорѣе вымышленный, чѣмъ дѣйствительный» (!!). Ссуда развращаетъ народъ. Получая даровой хлѣбъ, мужикъ не хочетъ работать; ссуда располагаетъ его къ пьянству. Притомъ г. бывшій врачъ ссылался на свой опытъ! Напрасно тотъ-же гласный отъ крестьянъ напоминалъ бывшему врачу,—что апатія и безсиліе являются всегда физіологическимъ послѣдствіемъ голоданія и истощенія, напрасно указывалъ, что въ 1891—2 годахъ выдавалась 30 фунтовая ссуда лишь на прокормленіе дѣтей... И его предложенія, и докладъ управы провалились въ голосованіи самой управы и родственно-служебнаго большинства. Ссуда на

продовольствіе и ходатайство о смягченія мѣръ взысканія податей отклонены. Признано, впрочемъ, необходимымъ ходатайствовать о ссудѣ 20 тысячъ руб. на покупку корма для скота и 15 тысячъ руб. на обезпеченіе ярового обсѣмененія. Нуждающимся же въ продовольствіи постановлено выдавать «изъ запасныхъ магазиновъ» по одной мѣрѣ на душу въ мѣсяцъ всѣмъ членамъ нуждающейся семьи. Какъ видите, собраніе довольно щедро... насчетъ пустыхъ общественныхъ магазиновъ!

Гораздо менѣе важнымъ, но, быть можетъ, еще болѣе характернымъ въ извѣстномъ смыслѣ явился вопросъ о расширеніи ярмарочной площади въ одномъ изъ селеній. Въ селѣ этомъ имѣется большая площадь, принадлежащая крупной землевладѣлицѣ Ю. Въ селѣ бываютъ 4 лѣтнихъ ярмарки и по 2 еженедѣльныхъ базара. Съѣзды въ эти дни бываютъ такъ велики, что не только эта площадь, но и другія, даже улицы запружены народомъ и возами. Нигдѣ никакихъ приспособленій не сдѣлано, народъ топчется въ грязи, товары складываются во временныхъ балаганахъ, или мокнутъ на возахъ и лоткахъ. Безпорядокъ растетъ годъ отъ году, вмѣстѣ съ ростомъ торговаго значенія села: торговцы наѣзжаютъ сюда даже изъ Курска и Харькова (за 120 в.). Въ прежнее время торговля производилась на одной площади. Это было давно; теперь площадь прямо уже не вмѣщаетъ и половины съѣзда, но контора изъявляетъ притязаніе уже не на одну свою площадь, а на всю ярмарку: площадь сдается въ аренду, а арендаторы взимаютъ «мѣстовое» и съ тѣхъ, кто останавливается на крестьянской землѣ и на сосѣднихъ улицахъ. Это, разумѣется, вызываетъ споры и сопротивленіе: крикъ, брань, драки, кулачная расправа являются результатами такого «порядка». Совершенно понятно, что крестьяне хлопочутъ объ упорядоченіи этого важнаго для нихъ дѣла, и уже въ 1892 году уѣздное собраніе ходатайствовало передъ губернскимъ о разрѣшеніи размѣщать торговый съѣздъ на обѣихъ площадяхъ. Вопросъ, однако, не разрѣшенъ еще до сихъ поръ, а въ нынѣшнюю сессію, повѣренный владѣлицы внесъ просьбу объ отмѣнѣ прежняго постановленія земства. Казалось-бы дѣло совершенно ясно. Однако г. предсѣдатель очень горячо выступилъ въ защиту... притязаній конторы! По его мнѣнію крестьяне «посягаютъ на чужую собственность», а постановленіемъ собранія 1892 года нарушаются именно «интересы населенія»... Это былъ опять неожиданный поворотъ, который не могъ не вызвать крайняго изумленія. «Изъ чего-же слѣдуетъ,— спрашивалъ одинъ изъ «меньшинства»,—что крестьяне посягаютъ на чужую собственность? Собственность владѣлицы—только площадь, а не ярмарка! Никакихъ притязаній на площадь они и не заявляютъ. Они только просятъ узаконить уже давно существующій фактъ размѣщенія ярмарки и на ихъ землѣ, съ которой арендаторы конторы тоже взимаютъ плату, явно посягая такимъ

образомъ на собственность крестьянъ. Не ясно-ли, гдѣ истинные «интересы населенія?» Наконецъ, другіе гласные отъ крестьянъ указывали, что такіе случаи были и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ростъ торговаго значенія даннаго пункта вызывалъ необходимость расширенія ярмарки и базаровъ на крестьянскія земли, что и исполнено.

Совершенная очевидность этой аргументаціи вызвала, повидимому, колебаніе даже въ средѣ большинства. Г. предсѣдатель собранія предлагалъ любезно запросить повѣреннаго княгини: нѣтъ-ли у него еще другихъ, болѣе вѣскихъ доказательствъ правильности притязаній конторы? Предсѣдатель управы — просто на просто уничтожить предъидущее постановленіе и ходатайствовать передъ губ. земствомъ объ отказѣ крестьянамъ. Гласный К.—находилъ нужнымъ поддержать законное ходатайство крестьянъ, но врачъ К. считалъ наилучшимъ уклониться отъ всякаго вмѣшательства: притязанія конторы, и по его мнѣнію, «пока» не доказаны, но и крестьяне возбуждаютъ свое ходатайство... лишь для усиленія въ своей средѣ пьянства... Замѣчательный аргументъ, который могъ-бы послужить къ коренной реформѣ гражданскаго процесса! И однако, собраніе приняло именно этотъ спасительный выходъ между очевидно справедливымъ рѣшеніемъ и вопіющей нелѣпостью. Предложеніе «уклониться» было принято. Число голосовъ за это рѣшеніе — ровнехонько 9. При этомъ нужно замѣтить, что протоколъ стыдливо умалчиваетъ о происходившихъ преніяхъ.

Какъ извѣстно, правительствомъ предложенъ къ обсужденію вопросъ объ удобствѣ или неудобствѣ совмѣщенія званія гласнаго съ должностію сельскаго старшины, которому приходится высказываться по вопросамъ, о которыхъ тутъ же высказывается земскій начальникъ; неудобства этого положенія очевидны, и, ставя вопросъ, правительство тронуло одно изъ больныхъ мѣстъ нынѣшняго земства, того самаго положенія, которое такъ ярко иллюстрируется изображаемою нами картинкой собранія. Устраняются ли однако эти неудобства устраненіемъ изъ собранія сельскаго старшины? А сельскіе старосты, а волостные судьи, а заурядные крестьяне, подверженные дискреціонной власти земскаго начальника? Не обратятся-ли и эти *гласные* въ *безгласныхъ* въ присутствіи земскаго начальника? Гласный г-нъ К. находилъ, что единственнымъ дѣйствительно раціональнымъ выходомъ изъ указаннаго положенія является признаніе несовмѣстимости съ званіемъ гласнаго должности самаго земскаго начальника, какъ это установлено по отношенію къ чинамъ полиціи. Предложеніе это вызвало въ собраніи долго неумолкавшій смѣхъ. Г. земскій начальникъ К. Н. Г. находилъ, что мы *не смѣемъ* даже возбуждать подобные вопросы, а предсѣдатель управы Н. Н. Г. — что это «воспрещено закономъ»... — какимъ? — на это г. предсѣдатель управы отвѣта не далъ. Въ результатѣ несовмѣ-

стимой съ званіемъ гласнаго признана лишь должность волостного старшины. Веселому настроенію собранія содѣйствовалъ небольшой эпизодъ: когда, по настоянію г. К. предложеніе его всетаки было поставлено на баллотировку, то, кромѣ 4-хъ человѣкъ, его поддержавшихъ, всталъ и самъ предсѣдатель собранія, Г. М. Г. Тогда Н. Н. Г., предсѣдатель управы, схватилъ его и силой посадилъ на мѣсто. Маленькая иллюстрація родственно-патріархальныхъ порядковъ нашего земства.

Я могъ бы еще разсказать читателю немало интереснаго о томъ, какъ наше «большинство» поощряетъ народное образованіе, какъ оно относится къ народному здравію и т. д., и т. д. Но предѣлы и безъ того разростающагося письма заставляютъ отказаться отъ этой задачи. Достаточно сказать, что ко всему, съ чѣмъ принято связывать дѣйствительные «интересы населенія»—собраніе отнеслось крайне сурово, а просьбу одного общества объ обмѣнѣ участковъ для постройки надворныхъ службъ при зданіи ремесленнаго училища обставило такими поистинѣ шейлоковскими условіями, что крестьяне вынуждены были отказаться на отрѣзъ отъ великодушнаго предложенія. Однако, если читатель придетъ къ заключенію, что наши образцовые земцы во всѣхъ областяхъ проводятъ ту же систему экономіи и урѣзокъ, какъ въ вопросахъ, касающихся продовольствія и обученія «распущеннаго» мужика,—то онъ сильно ошибется. Напротивъ, драконовская суровость смѣняется самымъ изумительнымъ благодушіемъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается людей «благородныхъ» и особенно «своихъ».

Чтобы быть справедливыми, мы должны показать и эту сторону медали, а это значитъ, что мы обязаны разсказать исторію постройки земскаго дома. Тѣмъ болѣе, что эта именно исторія служила гвоздемъ сессіи, наиболѣе привлекала вниманіе «сторонней публики», и если теперь о нашемъ скромномъ земствѣ толкуютъ на всѣ лады чуть не во всей губерніи, то это именно благодаря нашему «домостроительству».

Дѣло вотъ въ чемъ: много лѣтъ назадъ земство задумало построить собственное зданіе. Въ 1895 г. гражданскимъ инженеромъ А. составленъ планъ и смѣта на 44,344 р. и въ очередную сессію того же года рѣшено въ принципѣ—домъ строить. Но къ сессіи 1896 г. стали поступать заявленія домовладѣльцевъ, предлагавшихъ въ продажу готовые дома. Особенно подходящимъ къ потребностямъ земства оказался домъ В. (назначенный въ продажу за долги), и собраніе поручило управѣ купить это зданіе по добровольному соглашенію съ домовладѣльцемъ. Очевидно, однако, что предсѣдателю Н. Н. Г. и члену В. Ф. П гораздо больше нравилась перспектива постройки новаго дома, а при нынѣшнемъ составѣ они могли быть увѣрены, что и собраніе не откажетъ имъ въ этомъ удовольствіи. Въ виду этого 12 февраля 1896 г. созвано экстренное собраніе,

которое выслушало сообщеніе, что, во 1-хъ, Б. дешевле 11 тыс. дома не уступаетъ, — а во 2-хъ, участіе земства въ торгахъ «можетъ и не повести (!) къ выгодной покупкѣ». Итакъ, въ виду дороговизны (11 тысячъ) слѣдуетъ приступить къ постройкѣ, которая будетъ стоить 42½ тысячи. Четверо гласныхъ подали особое мнѣніе,—но... читатель вѣроятно помнитъ неумолимыя цифры состава нашего собранія. «Выгодное» предложеніе управы было принято.

Таково начало исторіи земскаго домостроительства. Продолженіе еще интереснѣе. Изъ доклада ревизіонной коммиссіи собраніе узнало, что «выгодность» постройки очень проблематична. Она сдана подрядчику Х. *безъ торговъ* и уже не по смѣтѣ г. А. (въ 42½ т.), принятой собраніемъ, а по другой, составленной губ. архитекторомъ Ч. и выросшей выше 50 тысячъ. Коммиссія нашла дѣйствія управы «неосторожными» и считала нужнымъ просить управу «ограничить перерасходы хотя-бы уже этою суммою». Это заявленіе вызвало въ образцовомъ собраніи нѣкоторое недовольство («какая тамъ еще неосторожность»). Но пріѣзжіе гласные, еще не вполнѣ привыкшіе къ обычаямъ послѣднихъ годовъ, были прямо ошеломлены этимъ пріемомъ земскаго хозяйства и съ изумленіемъ выслушали текстъ условія, по которому «Нѣжинскій купецъ И. З. Х. обязуется строить домъ согласно плану, фасаду и смѣтѣ, составленнымъ А.»..., но «съ измѣненіями, какія сдѣлаетъ архитекторъ П. П. Ч.», и, разумѣется, съ соотвѣтствующими добавками къ смѣтѣ. Г. Ч., съ своей стороны, письменно сообщилъ, что смѣта г. А. непомѣрно низка, а г. предсѣдатель управы добавилъ, что г. Ч., «былъ такъ любезенъ, что «не отказался» принять на себя пересоставленіе смѣты (за 508 р. 10 к.), наблюденіе за постройкой дома (за 2032 р. 40 к.), для чего будетъ даже пріѣзжать повременамъ въ городъ (прогоновъ—1000 р.). Такимъ образомъ, всего за скромную цифру 3540 р. 50 коп. г. Ч. повысилъ смѣту до 50,810 рублей, т. е. выше прежней на 6465 р. (что вмѣстѣ съ его собственнымъ вознагражденіемъ даетъ уже 10,005 рублей!).

«Свѣжіе» гласные заволновались. Гл. К. попросилъ справокъ: прочитано постановленіе 12 февраля (о постройкѣ «хозяйственнымъ способомъ»), затѣмъ сообщены числа объявленій о торгахъ. Первое сдѣлано за 1½ мѣсяца, второе за 2 недѣли. «Считаетъ ли собраніе эти сроки достаточными?»—Молчаніе. Затѣмъ гласный спрашиваетъ: 1) Какими соображеніями руководился г-нъ предсѣдатель, отклоняя земство отъ участія въ торгахъ на домъ Б. (проданный, какъ оказывается, за 6000 руб.!!). 2) Почему управа не приступила къ постройкѣ хозяйственнымъ способомъ, на что была уполномочена, а вмѣсто того, безъ всякаго уполномочія, повысила смѣту на 10.005 р. (23%) и сдала подрядъ Х. *келейно*? 3) Чѣмъ вызвана такая экстренная поспѣшность сдачи Х. подряда (до возвращенія даже новой смѣты г-мъ

Ч.)? 4) Почему управа не созвала экстреннаго собранія для пересмотра этой смѣты, а вмѣсто того заключаетъ сдѣлку съ г. Ч., причемъ на одни его прогоны можно совершить кругосвѣтное путешествіе? Затѣмъ гласный тотчасъ же представилъ и объясненіе невиданной поспѣшности управы: оказалось, что мѣстный купецъ г. Н. предложилъ управѣ купить свой домъ. По размѣрамъ этотъ домъ почти не уступаетъ предположенному земскому дому; при немъ обширная усадьба съ садомъ и великолѣпными надворными постройками—флигелями, амбарами и сараями. Г. Н. просилъ 20 тыс. (ему стоили постройки 45). Управа осмотрѣла этотъ домъ, который былъ признанъ (по заявленію въ собраніи гор. головы, присутствовавшаго при осмотрѣ) вполнѣ подходящимъ. Но... по пути съ этого осмотра встрѣтился почтенной управѣ подрядчикъ Х., который, очевидно, привелъ столь сильные аргументы, что—предположеніе о созывѣ собранія для обсужденія новой сдѣлки съ Н. немедленно же замѣнено сдѣлкой съ Х.! «Почему управа такъ поторопилась и не сочла себя обязанной докладывать собранію о предложеніи г-на Н.?»—спрашивалъ теперь неугомонный гласный.

Вопросы видимо поставили господина предсѣдателя въ нѣкоторое затрудненіе. Онъ находилъ, впрочемъ, что сдача подряда Х. не есть отступленіе отъ постановленія 12 февраля,—такъ какъ «такая сдача есть особый видъ хозяйственной постройки» (!), а вознагражденіе г-ну Ч. (въ 3450 р.) онъ назвалъ даже «обязательнымъ по закону»... Очевидно въ нашемъ уѣздѣ находится въ обращеніи нигдѣ больше неизвѣстное изданіе законовъ,—которые, съ одной стороны, воспрещаютъ ходатайствовать о нуждахъ населенія, а съ другой, обязываютъ выдавать за счетъ того-же населенія крупныя суммы пріятнымъ людямъ. За г. предсѣдателемъ выступилъ бывшій врачъ К. Этотъ строгій обличитель расточительности и злыхъ нравовъ мужика имѣлъ случай проявить и здѣсь свое суровое краснорѣчіе. Казалось бы, поводъ достаточный. Но... здѣсь публика услышала въ голосѣ суроваго Катона совершенно уже другія, мягкія, почти ласкающія ноты: «23% перерасхода, только 23%»,—удивлялся г-нъ К... Но вѣдь при всякой постройкѣ приходится выходить изъ смѣты и «23% перерасхода—это еще хорошо». Управа могла бы перерасходовать и 50%! Меньшинство, однако, думало иначе. По требованію гл. крестьянина В. прочитанъ договоръ съ подрядчикомъ, цитированный выше. «По принятіи матеріаловъ на сумму до 2000 р.,—сказано въ одномъ не вполнѣ ясномъ пунктѣ—(подрядчику) выдается сумма стоимости по смѣтѣ, съ удержаніемъ 5% въ залогъ». (Этотъ договоръ отказался подписать одинъ членъ управы г. Н.). Разъясняя смыслъ этого документа, гл. К. указалъ, что этотъ договоръ даетъ подрядчику полную возможность поставлять матеріалы и получать деньги по смѣтной стоимости, а затѣмъ въ любое время бросить постройку... Считая вообще всѣ дѣйствія управы по этому дѣлу совершенно незаконными, ничѣмъ не объяснимыми и не оправдываемыми,

гласный вносить предложеніе о немедленномъ прекращеніи договора съ X. и назначеніи законнаго слѣдствія надъ дѣйствіями управы, на предметъ преданія ея суду съ предъявленіемъ гражданскаго иска за убытки, нанесенные этими дѣйствіями земству. Нѣсколько растерявшійся предсѣдатель собранія, г. Г., готовъ былъ поставить вопросъ на баллотировку, но тутъ-же былъ остановленъ г-мъ Г., предсѣдателемъ управы, которому, очевидно, предложеніе гл. К. сильно не нравилось. А такъ какъ оно ему не нравилось, то и ставить его было незачѣмъ. Значитъ, оно и не поставлено,— это логика тѣхъ цифръ, о которыхъ мы говорили выше. Вмѣсто этого, поставленъ на баллотировку докладъ ревизіонной комиссіи съ его заключеніями о «неосторожности», который теперь казался предпочтительнымъ. Управа, разумѣется, съ полнымъ безпристрастіемъ участвовала въ баллотировкѣ, и докладъ принятъ. Гласные протестанты (въ числѣ которыхъ былъ городской голова) подали особыя мнѣнія, требуя ихъ прочтенія въ собраніи. Но, конечно, это опять было непріятно г-ну Г. предсѣдателю управы—и значитъ... особыя мнѣнія прочитаны не были

Казалось, вопросъ конченъ, и «особому виду хозяйственнаго домостроительства» почтенной управы совершенно развязаны руки. Но... извѣстно, что земство и въ настоящемъ видѣ есть учрежденіе, весьма далекое отъ совершенства. Уже одна гласность всѣхъ описанныхъ преній лишала господствующую группу спокойствія и безмятежнаго наслажденія одержанной побѣдой. Разговоры о домостроительствѣ, о его контрактѣ, а перерасходѣ (только 23%!), о требованіи суда, какъ пчелы изъ улья, разлетѣлись въ обществѣ. И вотъ, у домостроителей является несчастная идея, будто голосованіе четырехъ братьевъ Г. двухъ братьевъ С. и самой управы еще недостаточно, и будто имъ нужно еще чѣмъ-то оправдывать свое торжество. Утромъ 12 октября г. Г. предсѣдатель управы заявляетъ, что онъ желаетъ дать свои объясненія противъ поданныхъ 4-мя гласными особыхъ мнѣній, кстати же здѣсь находится и самъ г-нъ архитекторъ Ч. Это очень хорошо,—но прежде, говорятъ гласные, нужно прочитать тѣ самыя мнѣнія, на которыя будутъ возражать. Г. Г. предсѣдатель собранія, повидимому, готовъ согласиться съ правильностію этого силлогизма. Но г. Г. предсѣдатель управы съ этимъ совершенно не согласенъ. Ему гораздо удобнѣе возражать на особыя мнѣнія, которыя *не* читались. Впрочемъ, онъ согласенъ не называть это возраженіемъ. Это будетъ просто «вопросъ о дополнительной ассигновкѣ». Мнѣнія, разумѣется, не читаются, но они до такой степени витаютъ надъ собраніемъ, что, когда слово дается архитектору г-ну Ч., то онъ начинаетъ прямо съ опроверженія... тѣхъ-же особыхъ мнѣній. Тогда опять слѣдуютъ новыя требованія объ ихъ прочтеніи. Но г. Г. предсѣдатель собранія теперь уже твердо усвоилъ точку зрѣнія брата и рѣшительно заявляетъ, что онъ не позволитъ «касаться особыхъ

мнѣній, такъ какъ рѣчь идетъ о дополнительной ассигновкѣ» (надо думать, что чтеніе особыхъ мнѣній тоже воспрещено мѣстными законами). Объясненія г-на Ч. не дали ничего новаго, кромѣ развѣ того, что, увеличивая смѣту, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнилъ капитальные потолки, проектированные первымъ планомъ, — «болѣе легкими». Гласные поблагодарили г-на Ч., выразивъ однако сожалѣніе, что, благодаря его стараніямъ, или вопреки имъ, смѣта возрасла на 10 т. рублей. Г. Ч. обидѣлся, заявилъ, что онъ готовъ отказаться отъ наблюденій за постройкой... и удалился,—бросивъ вскользь мнѣніе, что «не мѣшало бы нарушить и договоръ съ Х., какъ не окончательный».

Очевидно, вмѣшательство г. Ч. не помогло дѣлу. Начали раздаваться голоса, что не мѣшало-бы и въ самомъ дѣлѣ нарушить договоръ. Но тутъ явился на выручку И. А. С. Этотъ гласный,—совершенно, разумѣется, безпристрастно, заявилъ собранію, что управа (коей онъ, впрочемъ, состоитъ секретаремъ) дѣйствовала вполнѣ правильно, и предложилъ всѣ непріятныя (и слишкомъ ужъ обнаженные, скажемъ отъ себя) вопросы о смѣтахъ, цѣнахъ и контрактахъ замѣнить однимъ простымъ вопросомъ о довѣріи къ управѣ. Шумъ, возраженія, шопотъ между двумя братьями предсѣдателями, обмѣнъ взглядовъ со «своими» съ цѣлью провѣрить, до какой степени доводы противниковъ успѣли поселить деморализацію въ сплоченныхъ рядахъ «клана». Вопросъ ставится. Кто признаетъ дѣйствія управы законными — тѣхъ просятъ встать. Первыми встаютъ братья предсѣдатели. Сидятъ 6 человѣкъ (въ томъ числѣ городской голова)... Но... тутъ происходитъ нѣчто совершенно неожиданное: часть собранія не сидятъ и не стоятъ, а просто, какъ-бы сказать... «находятся» въ двусмысленномъ и весьма неудобномъ положеніи. Вы сидите? — спрашиваютъ ихъ сосѣди.—«Сидимъ» — тихо отвѣчаютъ несчастные.— Вы стоите?—громко окликаетъ предсѣдатель управы.—Стоимъ-съ!— Одного изъ несчастливцевъ подымаютъ за руки гл. Б.(крестьянинъ изъ участка К. Н. Г.) и Ж. (помощникъ бухгалтера земск. управы). Не смотря на эти дѣятельныя усилія,—подсчетъ затрудняется. Во второй разъ—тоже самое. Трудно повѣрить, но на сей разъ даже неумолимыя цифры (9 съ голосомъ предсѣдателя!) какъ будто начали терять свою силу. Нѣсколько блѣдный и растерянный, предсѣдатель управы на сей разъ прямо уже беретъ въ свои руки управленіе опаснымъ ходомъ земскаго корабля и лично ставитъ вопросъ въ 3-ій разъ. Что было-бы — сказать трудно, но тутъ нашелся провиденціальный человѣкъ (гласный отъ частныхъ собственниковъ), Ш. который въ періодъ самаго тяжелаго замѣшательства вдругъ крикнулъ: «господа! Да ежели мы подымемъ судъ, то осрамимся на всю Россію!» Этотъ возгласъ, въ связи съ могучими мышцами гг. Ж. и Б.—наконецъ, достигаетъ цѣли. Послѣдній изъ «находившихся» въ сидяче-стоячемъ положеніи гл. Ш.—наконецъ подымается во

весь ростъ и... его голосъ рѣшаетъ дѣло. Цифра 9-съ перевѣсомъ предсѣдателя вступила въ силу. Н. Н. Г. предсѣдатель управы облегченно вздыхаетъ и одобрительно киваетъ головой. Вопросъ рѣшенъ.

Послѣ этого все уже пошло, какъ по маслу. Принята и одобрена смѣта г-на Ч. Ее, конечно, не читали, — двое гласныхъ украдкой успѣли замѣтить, что цѣна «шелевки» ровно въ $1^1/_2$ раза выше рыночныхъ цѣнъ, но вѣдь это (по мѣстнымъ законамъ) государственная тайна! «Оппозиція» вошла опять въ свои минимальные предѣлы (4 голоса), гласные сидѣли твердо, а вставали вслѣдъ за предсѣдателемъ во весь ростъ.

Затѣмъ уже началось vae victis! Недавнее веселое настроеніе, заставлявшее «родственниковъ» хохотать по поводу того или другого предложенія, опять вернулось, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ собраніи. На слѣдующій день прочитанъ протоколъ, въ которомъ было все, чего въ дѣйствительности не было, и не было всего того, что было. «Когда позволите дѣлать поправки къ протоколу? — спрашиваетъ одинъ изъ гласныхъ. — Во время чтенія или по прочтеніи всего?» — «Во время чтенія». Но при первыхъ-же указаніяхъ на невѣрность—гласный остановленъ, «чтобы не затягивать дѣла». Онъ проситъ занести въ протоколъ эти разрѣшенія и запрещенія. Г. предсѣдатель—«беретъ все обратно» и потому заносить незачѣмъ.—«Значитъ, можно дѣлать поправки?»—«Нѣтъ, нельзя». Журналъ прочитанъ.—Теперь можно дѣлать замѣчанія?—Нельзя и теперь,—гласный, попытавшійся это сдѣлать, останавливается опять, только на этотъ разъ не предсѣдателемъ собранія, а предсѣдателемъ управы. Между тѣмъ журналъ составленъ совершенно фантастически: между прочимъ, въ немъ совсѣмъ не говорится о чтеніи договора съ Х., объ отказѣ гласнымъ въ дальнѣйшемъ его обсужденіи. Предложеніе секретаря управы И. А. С. о признаніи законности дѣйствій управы— приписано (и то въ извращенномъ видѣ) его брату (не секретарю, конечно).—«Удивляюсь придирчивости гласныхъ,—отвѣтилъ на замѣчаніе по этому поводу г. предсѣдатель,—не все-ли равно, кто-бы это ни предложилъ»! Въ концѣ концовъ,—поставленъ вопросъ о вѣрности журнала (въ цѣломъ!), что и признано большинствомъ.

Однимъ словомъ, все пошло превосходно. Одинъ изъ гласныхъ, пріѣхавшій къ собранію за 1500 верстъ, явился въ управу за сутки до собранія съ просьбой дать ему возможность ознакомиться съ докладами. Ему отказали въ довольно грубой формѣ. Онъ повторилъ просьбу во время собранія. Опять тоже. Тогда онъ потребовалъ постановленія собранія въ томъ смыслѣ, чтобы «обязать управу выдавать гласнымъ доклады для предварительнаго ознакомленія». Постановленіе, конечно, не могло не состояться. Но... оно могло быть не занесено въ протоколъ. И оно не занесено. Гласный требуетъ того-же во второй и въ третій разъ. Собраніе

постановляетъ и во второй, и въ третій разъ. Тогда, наконецъ, постановленіе попадаетъ въ протоколъ, но вотъ въ какой редакціи: «Собраніе постановило: отложить разсмотрѣніе этого предложенія до другого раза»!! Гласный махнулъ рукой. Что въ самомъ дѣлѣ дѣлать еще дальше съ 4-мя братьями Г. двумя братьями С. и ихъ кланомъ? Къ тому же оказалось, что и тутъ дѣйствуетъ особое «мѣстное законодательство»: предсѣдатель во время перерыва утѣшилъ гласнаго ссылкой на примѣчаніе къ ст. 71, въ которомъ говорится, что доклады могутъ быть *печатаемы* съ разрѣшенія губернатора. Изъ этого наши законодатели сдѣлали выводъ, что подробности ихъ домостроительства—матеріалъ для гласныхъ запретный, а договоры съ подрядчикомъ государственная тайна!

Собраніе закончилось выраженіями благодарности: благодарили предсѣдателя, благодарили секретарей собранія (и ужъ можно сказать—не напрасно!), благодарили весь составъ управы... Чего, конечно, и слѣдовало ожидать...

Протестовавшими гласными поданы отдѣльныя мнѣнія и даже отдѣльныя докладныя записки г-ну Курскому губернатору...

Впрочемъ, теперь всѣ «постановленія» этой замѣчательной сессіи уже вошли въ законную силу...

Толковъ, конечно, масса... Толкуетъ городъ, толкуютъ въ губерніи, толкуютъ по селамъ, куда мужики гласные развозятъ извѣстія о суровости «собранія» къ мужицкой распущенности, толкуютъ по деревнямъ, постигнутымъ «вымышленнымъ» недородомъ, толкуютъ на знаменитой ярмаркѣ, гдѣ арендаторы продолжаютъ вводить свой «порядокъ» при взиманіи «мѣстового». Всѣ эти толки, надо думать, производятъ самое благотворное дѣйствіе, внушая населенію полное довѣріе и уваженіе къ законности. Но, конечно, всего отраднѣе—толки по этому поводу четырехъ братьевъ Г., двухъ братьевъ С. подрядчика Х. и г-на Ч. въ тѣ дни, когда послѣдній посѣщаетъ городъ для наблюденія за «хозяйственной постройкой».

Обыватель.

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННЫХ СОБРАНІЙ
ПОСЕЛЕНЦЕВ
ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФ.
Анны Краскильщиковой
въ с. Родникахъ.

Письмо въ редакцію.

(По поводу доклада г. Туганъ-Барановскаго въ И. В. Э. обществѣ).

Мнѣ только-что присланъ докладъ, читанный г. Туганъ-Барановскимъ въ засѣданіи III отд. И. В. Э. Общества 17 января. Въ этомъ докладѣ гг. Николаю —ону, Каблукову и мнѣ дѣлается въ весьма рѣзкой формѣ рядъ упрековъ въ искаженіи и ложномъ истолкованіи данныхъ о русской фабрично-заводской промышленности. Я лично обвиняюсь: 1) въ томъ, что утверждаю будто. «число рабочихъ на нашихъ фабрикахъ, сравнительно съ общей численностью населенія изъ года въ годъ падаетъ», и 2) въ томъ, что дополняю «этотъ выводъ не менѣе важнымъ наблюденіемъ, что въ въ этой падающей, по своему соціальному значенію крупной промышленности сверхъ того происходитъ раздробленіе производства; фабрика становится мельче и мельче: промышленная эволюція Россіи идетъ не «по Марксу»—происходитъ не концентрація производства, а нѣчто совершенно обратное; капитализмъ отмираетъ, и можно думать, что недалеко то время, когда этотъ ядовитый продуктъ чужеземной культуры ассимилируется русской почвой и, превратясь въ «народное производство», вернетъ насъ къ счастливымъ временамъ Алексѣя Михайловича» (стр. 31).

По первому пункту я признаю себя виновнымъ, такъ какъ нѣсколько разъ утверждалъ, что увеличеніе числа фабричныхъ рабочихъ у насъ слабѣе естественнаго прироста населенія. Продолжаю утверждать это и теперь, не смотря на возраженіе г. Туганъ-Барановскаго—и вотъ почему.

Въ Военно-статистическомъ сборникѣ имѣются данныя о количествѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ въ 1866 году. Эти данныя и служатъ исходнымъ пунктомъ нашихъ свѣдѣній о русской индустріи, такъ какъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, нѣтъ. Г. Туганъ-Барановскій утверждаетъ, однако, что ими пользоваться для изученія роста крупной промышленности нельзя, такъ какъ они относятся «не только къ фабричнымъ рабочимъ, но къ этимъ послѣднимъ плюсъ рабочіе въ мелкомъ производствѣ и, отчасти, горнозаводскіе». «Первое, продолжаетъ онъ, опредѣленно указы-

---

Охотно давая мѣсто настоящему письму, въ которомъ авторъ возражаетъ на несправедливые упреки въ сознательныхъ искаженіяхъ матеріала, сдѣланные ему лично въ докладѣ г. Туганъ-Барановскаго,—редакція предполагаетъ высказаться по существу разсматриваемаго вопроса въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ.

Ред.

вается и въ самомъ сборникѣ. Приведенныя цифры, по словамъ сборника, имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ число фабрикъ *нѣкоторые* *) губернскіе статистическіе комитеты включали весьма часто крайне мелкія заведенія, которыя скорѣе относятся къ ремесленной, а не фабричной промышленности». Но и помимо такой оговорки, уже одна огромная цифра этихъ «фабрикъ» должна была показать г-ну Николаю —ону, что, по крайней мѣрѣ $^2/_3$ ихъ являются *кустарными и ремесленными мастерскими»* **) (стр. 32). Никто не отрицаетъ неточностей матеріала сборника. Ихъ понимали прежде всего сами его составители и тѣмъ не менѣе они признавали изъ сличенія его съ предыдущими, что онъ «несравненно лучше охватываетъ нашу обрабатывающую промышленность, чѣмъ всѣ предшествующія изслѣдованія». (Сборникъ, стр. 319). Далѣе, они заявляютъ, что въ приведенныя таблицы «*не вошли ни кустарныя, ни ремесленныя производства*» ***), изъ чего можно заключить, что матеріалъ подвергался критикѣ и возможной очисткѣ. Наконецъ, рядомъ съ таблицами для фабричной промышленности въ сборникѣ особо помѣщены и данныя о ремесленникахъ, каковыхъ насчитано болѣе $^1/_2$ мил. (стр. 325). Все это даетъ право пользоваться цифрами Сборника тѣмъ болѣе, что и современный матеріалъ по статистикѣ индустріи у насъ далекъ отъ совершенства. Самъ г. Туганъ-Барановскій утверждаетъ, что въ этой области «*пріемы регистраціи остались теперь совершенно тѣже, что и раньше*» (курсивъ автора) (стр. 22—23). Что касается до его указанія на то, что въ таблицы сборника включены «отчасти и горнозаводскіе» рабочіе, то оно серьезнаго значенія имѣть не можетъ. Между группами производствъ тамъ, дѣйствительно, значится «выварка соли» 5059 рабочими, которые, однако, составляютъ 0,54% общаго ихъ числа, указаннаго въ таблицѣ (стр. 354). Никакихъ другихъ горнорабочихъ тамъ не числится. Утвержденіе г. Туганъ-Барановскаго, что горные рабочіе «безъ всякаго сомнѣнія» отчасти вошли въ итогъ сборника—ничѣмъ не доказано. Онъ думаетъ это только потому, что ему кажется высокой цифра рабочихъ, занятыхъ обработкой металловъ (стр. 23). Итакъ, пользуясь сборникомъ, постараемся опредѣлить отношеніе числа фабричныхъ рабочихъ къ населенію въ 1866 году, къ которому относятся эти данныя. Общая сумма первыхъ во всей Россіи (кромѣ средне-азіатскихъ владѣній) 919 тысячъ (стр. 325), причемъ сюда включены и рабочіе на заводахъ, обложенныхъ акцизами. Вычитая изъ этой цифры 5 тыс. рабочихъ на соляныхъ варницахъ, получаемъ 914 тыс. Количество населенія всѣхъ частей Россіи опредѣляется въ томъ же сборникѣ цифрой 78,529,5 тыс. (стр. 46); вычитая изъ нея число

*) Курсивъ мой.
**) Курсивъ мой.
***) Курсивъ мой.

населенія «туркестанскаго ген. губернаторства»—1,059,2 тыс., получаемъ—77,470 тыс.—Вычисляя, какой процентъ составляетъ 919 тыс. суммы 77,470,3 тыс., получаемъ 1,11%.

Затѣмъ, беремъ данныя, относящіяся къ 1890 году. Приводятся они такимъ авторомъ, котораго г. Туганъ-Барановскій едва-ли можетъ заподозрить въ стремленіи уменьшить число русскихъ фабричныхъ рабочихъ—г. Менделѣевымъ, въ Колумбійскомъ сборникѣ «фабрично-заводская промышленность» (Спб. 1893). Таблица, составленная г. Менделѣевымъ (Введеніе, стр. 59), по его словамъ, «основана на оффиціальныхъ данныхъ и приближенно соотвѣтствуетъ современному состоянію дѣлъ». Слѣдуютъ указанія на неизбѣжныя пропуски и повторенія въ матеріалѣ и затѣмъ: «но исправить такой недостатокъ нѣтъ возможности безъ подробнаго разбора всѣхъ частныхъ случаевъ и, за недостаткомъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, можно считать, что указанныя повторенія въ нѣкоторой степени покрываютъ пропускъ казенныхъ и мелкихъ промышленныхъ заведеній» (Введеніе стр. 58 и 60).—По даннымъ этой таблицы, число рабочихъ опредѣлено цифрой 1,453 тыс. (съ Финляндіей и съ заводами, обложенными акцизами стр. 58). Вычитая изъ этой суммы горнорабочихъ (по графѣ 11-й 106 тыс., по гр. 12-й—233 тыс., по гр. 14-й—86 тыс. и по гр. 17-й—11 тыс., а всего 436 тыс.), получаемъ число фабричныхъ рабочихъ въ 1890 году—1,017 тыс. Обращаясь къ «сборнику свѣдѣній по Россіи за 1890 годъ» («Статистика Россійской Имперіи» X—Изд. Цент. Стат. Комитета, Спб., 1890), находимъ цифру населенія *для 1886 г.* съ Финляндіей 112,899,6, тыс.—Итакъ, 1017 тыс. составляетъ отъ суммы—112,899,6 тыс.—0,90%. Но и это количество преувеличено, такъ какъ съ 1886 г. по 1890 годъ населеніе возрастало. Въ другомъ Колумбійскомъ сборникѣ («Сельское и лѣсное хозяйство» стр. 52) общее число населенія принимается «не менѣе 115 милл». Если приведенную цифру фабричныхъ рабочихъ отнести къ этому числу, то послѣдніе составятъ всего 0,88% *).

Выходитъ, что относительное число фабричныхъ рабочихъ за ¼ вѣка (съ 1866 г. по 1890 гг.) уменьшилось съ 1,11% на 0,88% **). Уменьшеніе равно 26%, т. е. четверти первоначальной величины. Такимъ образомъ, я считаю себя въ правѣ утверждать, что абсолютное возрастаніе числа рабочихъ отстаетъ отъ прироста

*) Г. Менделѣевъ принимаетъ отношеніе числа фабричныхъ *плюсъ горнозаводскихъ* рабочихъ, т. е. не 1017 тыс., а 1453 тыс. къ населенію равнымъ «не болѣе 1¼% жителей» (Введеніе, стр. 60).

**) Въ моей статьѣ въ «Рус. Бог.» (1894, № 11, стр. 4), на которую возражаетъ г. Туганъ-Барановскій, получилось отношеніе числа рабочихъ на крупныхъ и мелкихъ фабрикахъ (хотя и не обложенныхъ акцизами) къ населенію—0,92%; еслибы указанное число отнести не къ той цифрѣ населенія, которая помѣщена въ сборникѣ за 1890-й годъ, а къ цифрѣ Колумбійскаго сборника, то получилось бы отношеніе еще меньшее.

населенія. Не противорѣчитъ сказанному и слѣдующій разсчетъ, сдѣланный по матеріалу болѣе новому и значительно болѣе достовѣрному. По «Перечню фабрикъ и заводовъ» (изд. Мин. Фин.) въ 1894—95 г. во всѣхъ частяхъ Россіи, кромѣ Финляндіи, на всѣхъ фабрикахъ (со включеніемъ и тѣхъ, которыя обложены акцизами) крупныхъ и *мелкихъ*, числилось рабочихъ 1135,4 тыс.; населеніе тѣхъ же частей Россіи (безъ Финляндіи) по переписи 28 января 1897 г. составляло 126,683,3 тыс. (*Вѣстн. Фин.* 1897, № 18, стр. 316); первое число составляетъ 0,89% второго. Приведенный выше разсчетъ по цифрамъ г. Менделѣева касался только крупной промышленности (Введеніе, стр. 58), а этотъ, повторяю, касается крупной и *мелкой*, къ тому же и по болѣе точнымъ даннымъ и о рабочихъ, и о населеніи. Поэтому нечего и удивляться, что для 1895 г. получилась цифра 0,89%, тогда какъ для 1890 г. только 0,83%. На самомъ дѣлѣ первая цифра даже должна быть повышена на нѣсколько сотыхъ процента, такъ какъ число населенія въ 1895 году было нѣсколько меньше, чѣмъ въ январѣ 1897 г. Въ виду приведенныхъ соображеній было бы даже рискованно утверждать, что абсолютное увеличеніе числа рабочихъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ шло наравнѣ съ приростомъ населенія. Еслибы, однако, даже принять такое положеніе, хотя и мало доказанное, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ основаній согласиться съ нимъ относительно періода до 1891 года. 0,89% все-же далеко отъ 1,11% въ 1866 году.

Наконецъ, самъ г. Туганъ-Барановскій, на стр. 25 своего доклада, приводитъ цифру рабочихъ для 1893 г. на фабрикахъ, обложенныхъ и необложенныхъ акцизомъ — 997,7 тыс. въ предѣлахъ 50 губерній, что составляетъ 1,07% цифры населенія 1894 г. (93.293,0 тыс.), приведенной въ «Сборникѣ свѣдѣній по Россіи за 1896 г.» (Изд. Центр. Стат. Ком., Спб., 1897). Такая цифра весьма недалека отъ тѣхъ, которыя приведены выше, это—съ одной стороны, а съ другой — въ точности упомянутаго *абсолютнаго* числа позволительно сомнѣваться, ибо оно не просто заимствовано авторомъ откуда-нибудь, а *вычислено*. Вычислены имъ также и цифры рабочихъ отъ 1866 по 1877 годъ включительно (въ его таблицѣ на стр. 3). Въ распоряженіи г. Туганъ-Барановскаго не было данныхъ за эти годы по всѣмъ производствамъ, а только по нѣкоторымъ, и потому онъ, «путемъ сложныхъ процентовъ опредѣлилъ, сколько было рабочихъ въ данномъ производствѣ въ данномъ году, *предполагая, что число рабочихъ возрастало равномѣрно*» (курсивъ мой). И вотъ полученныя на основаніи такого *предположенія* цифры для цѣлаго періода въ 12 лѣтъ получаютъ одинаковый удѣльный вѣсъ съ конкретными величинами и кладутся въ основу дальнѣйшихъ разсужденій. Этотъ своеобразный статистическій пріемъ имѣлъ въ результатѣ, между прочимъ, цифру для 50 губ. въ 1866 году 397 тыс. Если же взять цифру военно-статистическаго сборника *для того же*

1866 года (стр. 354) — 919,0 тыс., вычесть изъ нея данныя для Финляндіи, Царства Польскаго, Кавказа, Сибири и заводовъ, обложенныхъ акцизами, то получимъ 606,6 тыс., т. е. цифру, превышающую цифру г. Туганъ-Барановскаго, на 210 тыс. или больше, чѣмъ на треть. Какъ объяснить такое крупное противорѣчіе?

Довольно объ этомъ. Очевидно, какъ-бы ни были неточны матеріалы, на которыхъ основаны всѣ разсчеты, г. Туганъ-Барановскій не можетъ доказать, чтобы цифра фабричныхъ рабочихъ увеличивалась быстрѣе прироста населенія, ибо онъ и не далъ такихъ вычисленій, которыя могли бы подорвать значеніе приведенныхъ, а принялся за вычисленія *всѣхъ вообще* русскихъ рабочихъ (кромѣ земледѣльческихъ)—и горныхъ, и желѣзнодорожныхъ, отнесъ общую сумму всѣхъ ихъ не къ числу всего населенія, а къ числу одного *мужского* населенія и только—*рабочаго возраста* и побѣдоносно выводитъ, что «около 6% рабочаго мужского населенія Россіи работаетъ на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и желѣзныхъ дорогахъ» (стр. 26—27).

Это весьма вѣроятно. Боюсь, однако, что г. Туганъ-Барановскій ошибся и въ этомъ случаѣ—пожалуй *всѣхъ* рабочихъ наберется въ Россіи (хотя и безъ земледѣльческихъ) даже больше 6% *взрослаго мужского* населенія. Но только вѣдь онъ борется съ вѣтряными мельницами: я говорилъ въ инкриминируемой статьѣ исключительно о *фабричныхъ* рабочихъ и не трогалъ ни желѣзнодорожныхъ, ни горнозаводскихъ. Я разрабатывалъ данныя *только* о фабрикахъ, а мнѣ возражаютъ о рудникахъ и желѣзныхъ дорогахъ... Желая удержаться въ предѣлахъ возможной точности, я относилъ цифры рабочихъ къ цифрамъ *всего* населенія, ибо, какъ извѣстно, данныя о возрастномъ составѣ нашего населенія для настоящаго времени заслуживаютъ весьма мало довѣрія, какъ слишкомъ устарѣвшія, а мой оппонентъ *замѣняетъ одинъ признакъ другимъ, присоединяетъ къ одной категоріи данныхъ совсѣмъ другія* и въ результатѣ вмѣсто 0,92%, получаетъ 6%. Выходитъ очень эффектно, хотя и совсѣмъ не правильно.

Перехожу ко второму пункту обвиненія, въ которомъ виновнымъ себя *не* признаю. О томъ, что фабрика у насъ становится мельче, что эволюція идетъ не «по Марксу» и т. д. вплоть до Алексѣя Михайловича — ничего этого я не говорилъ въ инкриминируемой статьѣ, не говорю и теперь. «Лукаваго запада» «вѣрному (?) востоку» также никогда не противопоставлялъ. Еще въ 1889 г., когда г. Туганъ-Барановскій не появлялся на литературномъ горизонтѣ, я сдѣлалъ сопоставленіе данныхъ по русской индустріи (*Юридич. Вѣстн.* 1889, № 9, стр. 39), изъ котораго оказывалось, что съ 1866 по 1885 г. число фабрикъ у насъ увеличилось на 2%, число рабочихъ на 25%, а годовая производительность на 107%, изъ чего выводилъ, что концентрація капиталовъ и увеличеніе размѣра фабрикъ составляли характерную черту и нашей фабричной промыш-

ленности, какъ и западной, хотя такой процессъ встрѣчалъ у насъ не мало препятствій. Это же сопоставленіе я привелъ и въ той статьѣ въ «*Русск. Бог.*», на которую обрушился г. Туганъ-Барановскій (стр. 11), который его, однако, по всей вѣроятности не замѣтилъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ былъ бы нравственно не въ правѣ о немъ умолчать. Сообщая, далѣе, аналогичныя свѣдѣнія о послѣдующихъ годахъ (1885—1891) и сравнивая между собой размѣры расширенія фабрикъ въ оба періода, я говорю: «концентрація производства въ крупной промышленности, столь замѣтная въ предшествовавшій періодъ, *сократилась* въ послѣдующіе годы весьма значительно и *ростъ* размѣровъ крупныхъ предпріятій сильно парализуется» (стр. 19). Концентрація сократилась, ростъ парализуется. Значитъ-ли это, что концентрація *прекратилась* и *крупныя* предпріятія *мельчаютъ*? Надѣюсь, нѣтъ... Надѣюсь, это только значитъ, что въ этой концентраціи случилась заминка. За первые 20 лѣтъ годовая производительность возростала (съ 640,2 милл. на 1.322 милл. = 207% : 20) (стр. 11) на *10,3% въ годъ* въ среднемъ, а во второе семилѣтіе (съ 50,8 тыс. въ средней на 66,1 т. = 30,1 : 7) *всего на 4,3%* (стр. 18). Можно ли сдѣлать другой выводъ, кромѣ того, который сдѣлалъ я? Или, по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, у насъ ростъ предпріятій тоже происходитъ такъ же «равномѣрно», какъ ростъ числа рабочихъ?.. Вотъ мелкія—другое дѣло: о нихъ, дѣйствительно, я замѣтилъ, что они мельчаютъ (съ 1,8 раб. на заведеніе на 1,4 раб.), но вѣдь г. Туганъ Барановскій говоритъ только о крупныхъ. Далѣе: «изслѣдуемое семилѣтіе принесло для русской крупной индустріи чувствительное *сокращеніе роста* размѣровъ предпріятій, а для мелкой ея дальнѣйшее размельчаніе» (стр. 20) и т. д. въ томъ-же родѣ. Конечный выводъ: «расширеніе размѣровъ крупныхъ предпріятій начало пріостанавливаться и въ результатѣ получилось мельчаніе *среднихъ* размѣровъ производства» (стр. 25). Эти слова цитируетъ и г. Туганъ-Барановскій, прибавляя что они «грубо невѣрны». Но кто же дѣлаетъ грубую ошибку, онъ, или я? Если мелкія предпріятія мельчаютъ, а крупныя меньше расширяются, чѣмъ прежде, то размѣръ предпріятія *въ среднемъ* (крупныхъ и мелкихъ вмѣстѣ) можетъ и падать, что и имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ—съ 12,8 среднее число рабочихъ понизилось на 8,1. Это вычисленіе г. Туганъ-Барановскій называетъ на своемъ образномъ языкѣ «статистическимъ кунштюкомъ». Нѣтъ, это называется вычисленіемъ *среднихъ* изъ того матеріала, надъ которымъ оперируешь. Съ этого необходимо начинать, чтобы оріентироваться въ отклоненіяхъ. Вообще, о значеніи среднихъ подробно излагается въ теоріи статистики, а въ мою задачу не входитъ въ настоящую минуту читать лекцію по этому предмету. Въ моей работѣ я началъ съ такого вычисленія, а затѣмъ перешелъ къ анализу элементовъ, изъ которыхъ составляются полученныя среднія. Такихъ элементовъ у меня особо разсмотрѣно два—*крупная* и *мел-*

кая промышленность, и для каждаго сдѣланы особыя вычисленія. Г. Туганъ-Барановскій, почтивши мой выводъ названіемъ «грубо невѣрнаго», черезъ три строчки приводитъ цифры средняго размѣра нашихъ фабрикъ (стр. 32), не замѣтивъ, къ сожалѣнію, *тѣхъ-же* цифръ у меня (стр. 18). Вотъ фактъ:

Цифры Г. Туганъ-Барановскаго:	Цифры мои:
1885 — 36	1885 — 36,2
1891 — 44	1891 — 44,0

Еслибы не было у меня 0,2 въ цифрѣ 85-го г., я могъ-бы подумать, что мой оппонентъ заимствовалъ эти данныя у меня. Г. Туганъ-Барановскій прибавляетъ: «И абсолютныя, и относительныя цифры у меня *совершенно иныя*, чѣмъ у г. Карышева. Кто-же изъ насъ двоихъ отводитъ глаза читателю и совершаетъ нѣкоторую... статистическую неправильность?» Да, г. Туганъ-Барановскій, въ самомъ дѣлѣ: кто изъ насъ двоихъ отводитъ глаза читателю и совершаетъ нѣкоторую... литературную неправильность? Вопросъ любопытный. У меня на той-же стр. 18 есть еще и то, чего нѣтъ у г. Туганъ-Барановскаго: годовая производительность на 1 фабрику крупную въ 50 губ. въ 1885 г.—50,8 тыс. рублей, а въ 1891 г.—66,1 тыс. Это называется, что я проповѣдую размельченіе крупной индустріи? Опять литературная «неправильность»? Надо думать, что г. Туганъ-Барановскій прочелъ послѣ стр. 15 моей статьи только выводъ на страницѣ 25-ой и началъ меня «критиковать.» Но вѣдь въ этомъ случаѣ надо-бы читать и промежуточныя страницы.—Или вотъ еще: «въ сокращеніи числа предпріятій и возрастаніи ихъ оборотовъ состоитъ то, что всѣ, кромѣ г. Карышева называютъ ростомъ крупной промышленности» (стр. 34), говоритъ г. Туганъ-Барановскій, а вотъ что говорю я (стр. 12): «количество промышленныхъ единицъ развивалось весьма мало (въ 1866—85 г.), а средній оборотъ каждой возрасталъ гораздо быстрѣе, слѣдовательно, капиталы концентрировались и накоплялись. При этомъ возрастаніе числа рабочихъ отставало весьма сильно отъ роста производительности, т. е. развивалось машинное производство.» Кто изъ насъ «отводитъ глаза», г. Туганъ-Барановскій?

На этомъ можно покончить. Я счелъ нужнымъ возражать г. Туганъ-Барановскому только потому, что, по случайному совпаденію, какъ разъ теперь, когда ему вздумалось выкопать мою статью 1894 г., я только что сдалъ въ печать новую о русской индустріи, въ которой пытаюсь разработать нѣкоторыя данныя упомянутаго выше «Перечня фабрикъ и заводовъ.» Для читателей этой второй статьи, которые ознакомились-бы съ моей прежней только по докладу г. Тугана-Барановскаго, должно было-бы показаться, что обѣ онѣ противорѣчатъ одна другой, составляютъ прямую противоположность другъ другу. Чтобы не выходило такого недоразумѣнія, я и взялся за перо.—Во второй половинѣ 80 годовъ наше крупное производство какъ-бы нѣсколько сократило темпъ своего

развитія. Здѣсь не мѣсто обсуждать причины этого явленія, но оно было замѣчено не мной однимъ, а даже такимъ апологетомъ крупной индустріи, какъ Шульце Геверницъ. Но въ первой половинѣ 90 годовъ дѣло рѣзко измѣнилось, о чемъ я и веду рѣчь въ моей новой статьѣ.

Еслибы не это обстоятельство, то я не отвѣчалъ бы г. Туганъ-Барановскому не только по слабости его доводовъ, но и по другой причинѣ. Можно ошибаться, можно не сходиться во мнѣніяхъ, можно и должно «изъ кожи лѣзть», чтобы доказать свои мысли, свои высказанныя положенія. Но при этомъ—бороться только серьезной аргументаціей, а не хлесткими словами и не туманными намеками. Мы видѣли, что г. Туганъ-Барановскій, сдѣлавши самъ непростительный просмотръ, упрекнулъ меня въ томъ, что я «отвожу глаза» читателю и при этомъ поставилъ двусмысленное многоточіе. Или другое мѣсто. Полемизируя во всемъ докладѣ исключительно съ г. Николаемъ—ономъ, Каблуковымъ и мною, онъ въ концѣ концовъ говоритъ: «Кого хотятъ эти публицисты обмануть?» (стр. 40). Не привожу другихъ его рѣзкихъ выходокъ. Выходитъ, что мы, кого онъ удостоилъ своими нападками, *сознательно* искажаемъ истину... Это хотѣлъ сказать авторъ? Если да, то его нравственную обязанность составляетъ *доказать умыселъ*. А если онъ этого сдѣлать не можетъ, то такой тонъ полемики выходитъ за предѣлы научнаго спора и вести послѣдній при такихъ условіяхъ невозможно. Никакой полемическій задоръ не можетъ оправдать такихъ *личныхъ* намековъ, дѣйствительно, затемняющихъ существо дѣла, въ чемъ г. Туганъ-Барановскій неправильно обвиняетъ своихъ противниковъ. Во всякомъ случаѣ, я не считаю возможнымъ продолжать споръ при наличности въ немъ такого элемента.

Н. Карышевъ.

Москва
7 Февраля.

БИБЛІОТЕКА
Анны Красовской
въ с. Родникахъ.

Открытое письмо къ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ.

Въ январской книжкѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» за текущій годъ мною помѣщенъ небольшой очеркъ, посвященный исторіи періодической печати въ провинціи. По условіямъ работы въ журналѣ, не могущемъ удѣлять много мѣста разработкѣ одного и того же вопроса, я долженъ былъ ограничиться изложеніемъ лишь главнѣйшихъ моментовъ жизни областной прессы и притомъ по источникамъ новѣйшаго времени, наиболѣе доступнымъ и имѣвшимся сейчасъ подъ рукою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія провинціальной печати, ея ростъ, условія существованія, представляютъ для всякаго, изучающаго судьбы русскаго просвѣщенія, много интереснаго и поучительнаго. Матеріала по настоящему предмету накопилось уже достаточно въ нѣдрахъ провинціальныхъ редакцій, и его пора систематизировать, собрать воедино, достодолжнымъ образомъ освѣтить и сдѣлать по настоящему предмету надлежащіе, хотя бы главнѣйшіе выводы.

Вступивъ на путь изученія судебъ русской журналистики, я бы желалъ, воспользовавшись своимъ первоначальнымъ, указаннымъ выше, очеркомъ «Русская періодическая печать въ провинціи», расширить его и представить на судъ читателей въ видѣ болѣе обстоятельнаго и цѣльнаго труда. Поэтому позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ содѣйствіи по означенной работѣ и дать наиболѣе существенныя свѣдѣнія, касающіяся той провинціальной газеты, во главѣ которой вы стоите или въ которой вы принимаете участіе, по прилагаемой программѣ. Смѣю надѣяться, что предметъ моей просьбы встрѣтитъ съ вашей стороны, какъ представителя мѣстныхъ интересовъ, необходимые въ моемъ начинаніи сочувствіе, поддержку и откликъ.

Еслибы для васъ оказалось затруднительнымъ дать отвѣты на всѣ поставленные въ программѣ вопросы, то буду глубоко признателенъ и за дачу отвѣта хотя бы по главнѣйшимъ изъ нихъ. Отвѣты желательно получить въ непродолжительномъ времени, дабы была возможность приступить какъ можно скорѣе къ работѣ.

Б. Глинскій.

Адресы для пересылки отвѣтовъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 63, кв. 26, или Спб., редакція «Историческаго Вѣстника», Борису Борисовичу Глинскому.

ПРОГРАММА.

1) Названіе газеты и гдѣ издается или издавалась?

2) Годъ, мѣсяцъ и число основанія газеты и когда вышелъ первый номеръ?

3) Кто былъ первымъ издателемъ?

4) Кто былъ первымъ редакторомъ?

5) При какихъ условіяхъ газета возникла, и были-ли по настоящему предмету уже сдѣланы указанія въ газетѣ? Если да, то когда именно и въ какихъ №№?

6) Дальнѣйшая судьба газеты. Кто были послѣдующіе издатели и редакторы? Біографическія о нихъ данныя? Если таковыя уже напечатаны, то гдѣ именно?

7) Если направленіе газеты выяснено съ особенною ясностью въ какихъ нибудь №№, то нельзя ли эти номера указать?

8) Не было ли за время существованія газеты опубликовано фактовъ, касающихся помѣстной печати (главнымъ образомъ цензурныхъ условій ея существованія и отношенія къ ней администраціи и общества)? Если да, то когда именно и въ какихъ №№?

9) Какія постигли газету карательныя мѣры, когда именно и по какимъ случаямъ? Сдѣлать указанія тѣхъ №№ и статей, которыя вызвали эти карательныя мѣры.

10) Какія были произведены перемѣны въ программѣ газеты и когда именно? Что побудило къ такого рода перемѣнамъ?

11) Кто изъ сотрудниковъ принималъ ближайшее участіе въ газетѣ (сотрудники провинціальные и столичные должны быть показаны отдѣльно).

12) Ростъ подписки газеты. Если редакція не желаетъ опубликованія этой подписки, то таковая въ изслѣдованіи не будетъ показана, но въ своемъ отвѣтѣ желательно, чтобы редакція это оговорила

Издатели: Вл. Короленко. Редакторы: П. Быковъ.
Н. К. Михайловскій. С. Поповъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при участіи редакторовъ отдѣловъ

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), Проф. А. И. Воейковъ (географія), Проф. Н. И. Карѣевъ (исторія), А. И. Сомовъ (изящн. искусства), Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.), Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство), Владиміръ Соловьевъ (философія), Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 45 полут. Всего полутомовъ предполагается до шестидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала **«Русское Богатство»**—Петербургъ, *уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ четырехъ рублей, независимо отъ платежей, производимыхъ за остальные полутомы.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

ОСНОВАНА ВЪ 1873 Г.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній, **Московской** Коммиссіи публичныхъ народныхъ чтеній и мног. друг.

МЕДАЛЬ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ установку изготовленія волшебныхъ фонарей и ихъ ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ.

МЕДАЛИ на выставкахъ въ **Филадельфіи** («ЗА ИЗОБРѢТАТЕЛЬНОСТЬ, ОРИГИНАЛЬНОСТЬ И ДЕШЕВИЗНУ»). **Въ Парижѣ, Москвѣ, С.-Петербургѣ** и многихъ другихъ.

Золотыя медали

на выставкѣ при II-мъ Съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ **Москвѣ** 1896 г. и на Всероссійской выставкѣ въ **Нижнемъ-Новгородѣ** 1896 г.

Иллюстрированный спеціальный каталогъ № 7

Волшебныхъ фонарей

и картинъ къ нимъ

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ КЪ НЕМУ, ИЗД. 1897 г.

Каталогъ заключаетъ въ себѣ волшебные фонари и поліорамы съ керосиновымъ, газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ. (Аппараты изготовлены Мастерской для большинства аудиторій народныхъ чтеній, для ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, для профессорскихъ лекцій, для многихъ полковъ и военныхъ судовъ),

КАРТИНЫ (всего болѣе 8000 №№) на стеклѣ черныя и раскрашенныя; простыя, поліорамныя; механическія и юмористическія.

Принадлежности для народныхъ аудиторій при чтеніи съ волшебнымъ фонаремъ.

Списокъ брошюръ, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній.

Списокъ коллекцій картинъ къ народнымъ чтеніямъ.

Каталогъ высылается вмѣстѣ съ прибавленіемъ за 50 коп. почтовыми марками.

Учебныя пособія.—Школьная обстановка.—Гигіеническіе классные столы.—Дѣтскія книги.—Образовательныя игры и занятія для дѣтей, болѣе 200 собственныхъ изданій.

Справочный каталогъ учебныхъ пособій и игръ высылается за 14 к. почт. марк.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Троицкая улица, 9.

Жизнь Замѣчательныхъ Людей.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ—прилагаются географ. карты, снимки съ карт. и ноты

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 коп.

До конца октября 1897 г. вышли слѣдующія 180 біографій:

I. Представители религіи и церкви: Будда (Сакья-Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Магометъ, Савонарола, Торквемада, Францискъ Ассизскій, Цвингли.—Аввакумъ (глава рус. раскола), патріархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Бисмаркъ, Гарибальди, Гладстонъ, Гракхи, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье.—Воронцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмельницкій.

III. Ученые: Беккарія и Бентамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Лассаль, Линней, Ляйелль, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Бэръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Бэконъ, Декартъ, Джіордано Бруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Платонъ, Сенека, Сократъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталоцци, Франклинъ.—Каразинъ (основатель харьков. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ (изобрѣтатели фотографіи), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрѣтат. жел. дорогъ и пароходовъ) Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—Демидовы.

VIII. Писатели русскіе и иностранные:

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Беранже, Бёрне, Боккачіо, Бемарше, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Дантъ, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ Эліотъ.

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибоѣдовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микелъ Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамской, Перовъ, Ѳедотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Вашингтона, Герцена, Демосѳена и Цицерона, Екатерины II, Лютера, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Суворова и др.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графинги.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 375 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттонъ.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушн. звонкахъ. Съ 121 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. 3-е изд. Ц. 1 р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай.** *А. Альмедингена.* Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмедингена.* Ц. 60 к.—7) **Дѣтскій докторъ.** Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра *Варіо.* Съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева.* Ц. 1 р.—9) **Гигіена дѣтства.** *Э. Перье.* Ц. 50 к.—9) **Уходъ за больными въ семьѣ.** *Энцлера.* Ц. 50 к.—10) **Уходъ за больными дѣтьми.** *Э. Перье.* Ц. 50 к

дей

ныхъ по
біографі
карт. и по

ало точн
тели ф
ефессоръ
пароходо

ланныхъ
рсенъ, Б
ккачіо,
дитъ, Д
ли, Ибс
нъ, Ме
нфетъ (
ь, Шилле

Бѣлинск
нъ, Дос
ръ, Кар
Лонс
Пушкин
нъ Бра
нъ, Ше

, Мик
ръ, Бра

ненъ, Ш
ненъ, Ш
), Гюго

ніи, Ib

рис. 9-
вныхъ
совнію
А. Ал
родству,
щенныхъ
дѣлонъ.
Д-ра
Перье.
тьяны

[redacted] UR 266128/66-1059..17

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STALL-STUDY

CANCELLED

CHANGE

[redacted]